

ЛЕНИН

В ЖИЗНИ

Annotation

Составленное из цитат, взятых из различных книг, издание посвящено частной жизни вождя и рассказывает о том, как вел себя Ленин в обычных житейских обстоятельствах, каким был его быт, как он решал различные вопросы, порой мелкие, которые ставила перед ним повседневность. Многие страницы книги посвящены версии его болезни и смерти; показана роль личности Ленина в трагедии России, которая продолжается и сегодня. Книга построена на документах и свидетельствах современников вождя.

- - [ОТ АВТОРА](#)
 - [НАЧАЛО: ОТ УЛЬЯНОВА ДО ЛЕНИНА](#)
 - [ДЕНЬГИ](#)
 - [ЖЕНЩИНЫ](#)
 - [В ПЛОМБИРОВАННОМ ВАГОНЕ](#)
 - [ВЛАСТЬ](#)
 - [БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ](#)
 - [РАЗГОВОРЫ С ЛЕНИНЫМ](#)
 - [ЛИЧНОСТЬ: СВИДЕТЕЛЬСТВА БЕЗ КУПЮР](#)
 - [СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ](#)
 -
 - [ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ](#)
-

СЕРИЯ «БИОГРАФИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ»

ЕВГЕНИЙ ГУСЛЯРОВ

Художник

Гусляров Е. Н.

Г 965 Ленин в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. — с.: ил. — (Биографические хроники).

ISBN 5-94850-191-4

УДК 82

ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 5-94850-191-4© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир», 2003

ОТ АВТОРА

Так получилось, что последние несколько лет я собирал материалы для книги «Ленин в жизни». Занятие оказалось из самых трудных. Во-первых, потому, что о Ленине написаны горы книг. Статистика знает, что больше, чем о Ленине, написано только о Христе. Все это надо было прочесть. Кроме того, сам Ленин, по подсчетам одного из усердных его биографов, к тому времени, когда третий жесточайший удар остановил его руку и отнял язык, написал десять миллионов слов. И вот что меня постоянно угнетало в этом чтении. Живого Ленина там почти не было. Понятно было только, что фигура эта была невероятного размаха, нечеловеческая, необъяснимых масштабов, таинственная и вызывающая суеверный ужас, но она как бы скрыта завесой, мутным стеклом. Даже те, кто его знал очень близко (ведь были же у него жена, сестры, брат), вспоминая о нем, не отважились опуститься до житейской мелочи. Сам он в этом смысле поразил меня только однажды. Как-то, рассуждая о диалектическом идеале полезности и красоты, идеалом таким назвал он женскую грудь. Значит, он и в этих делах разбирался. Это, конечно, не сделало его ближе, но стало понятно, что ничто человеческое ему не было чуждо. На такого Ленина мне и захотелось посмотреть...

В моей новой книге будет заметно то же подчеркнутое следование всем принципам, разработанным родоначальником жанра биографических хроник В. В. Вересаевым в книгах «Пушкин в жизни» и «Гоголь в жизни», в частности и тем, которые сам он определил так: «Часть сведений, приводимых в книге, конечно, недостоверны и носят все признаки слухов и сплетен, легенды. Но ведь живой человек характерен не только подлинными событиями своей жизни, — он не менее характерен и теми легендами, которые вокруг него создаются, теми слухами и сплетнями, к которым он подает повод. Нет дыма без огня, и у каждого огня свой дым... О Диккенсе будут рассказывать не то, что о Бодлере, и пушкинская легенда будет сильно разниться от толстовской».

Из этих соображений в данной книге использованы, например (скорее в качестве легенды), записки таинственной «Елизаветы де К...», которые не всеми принимаются за подлинный документ. Однако, даже если это так, делались они человеком, который великолепно представлял себе характер, существо ленинской натуры, и так, чтобы создать видимость правды. Значит, он постарался и в этих записках сохранить подлинность его натуры. Ясно, что именно по этой причине такие «факты» у многих исследователей долгое время не вызывали никаких сомнений.

Тот, кто внимательно прочтет эту книгу, должно быть, поразится, как и я, слову «примитивный» по отношению к ее главному персонажу. Так характеризовали его многие. Бердяеву такой представлялась его духовная суть. Богданов этим словом определил суть его философских изысканий. Плеханов так выразился о его социализме. Куприн назвал примитивным его человеческое содержание. Петр Струве считал, что это «мыслящая гильотина».

Если подумать о примитиве вообще, то это нечто изначально грубое, не поддающееся обработке, воспитанию. Примитив — это вечный соблазн человека, незабытое детство человеческого духа. И, оказывается, нас легко бывает туда возвратить. Достаточно, например, объявить моральные ценности, выработанные веками, глупостью и смешным ненужным хламом, как вся позолота цивилизации с человека легко облупится и проступит древний дремучий зверь без души, без угрызений совести. Думаете, до этого первым Гитлер додумался? Нет, Ленин. В этом его непреходящий, грустный урок человечеству. И Ленин первым освободил себя от тех моральных ограничений, которые отличают развитого человека... Ленин был примитивен и в сильнейших желаниях своих. Вернее, желание было у него одно — власть. Власть личная, упоительная и безграничная. И к ней он шел также прямолинейно. Самое примитивное средство в большой и бескомпромиссной политике и в то же время самое действенное — снаряд, начиненный слепой взрывчатой силой. Ленин и был таким снарядом.

История, как оказывается, гораздо на случайности. В этот раз она продемонстрировала свое насмешливое и жестокое могущество, нарядив банальное в одежды величия. Она будто хотела посмотреть, что выйдет, если дать случай примитиву, если придать примитиву

неслыханное, несвойственное ему обаяние. Шутка эта вышла чудовищной.

НАЧАЛО: ОТ УЛЬЯНОВА ДО ЛЕНИНА

Реальный Ленин? Это нереально, это несвоевременно! Еще слишком бушуют страсти, еще слишком тянется психика к безмерно, циклопически грандиозному в положительном или отрицательном смысле, чтобы могла соблюдаться в оценках мера вещей. Тем более чтобы было возможно распределять без преувеличений тени и свет в характеристике личности, представляющей главным виновником катаклизма, по размаху своего разрушения не имеющего себе равного в истории.

А. Н. Потресов. Ленин. Избранное. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», 2002. С. 276

Мы имеем полное собрание Сочинений Ленина и довольно большую литературу о ленинизме (и научно-исследовательскую, и популярную); Ленин же как человек... обрисован до сих пор крайне недостаточно или не обрисован почти совсем.

М. И. Ульянова. Из воспоминаний // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1989. Т. 1. С. 217

Если бы не было войны, Февральской революции, слабости всех людей февраля — Ленин, вероятно, умер бы в эмиграции и о нем вспоминали бы не больше, чем о Бабефе, Бланки или Ткачеве. Но победоносная Октябрьская революция из этого мыслимого состояния его вытащила и сделала высоко взлетевшей исторической личностью. Созданное им государство имеет в настоящее время мироопределяющую силу. Весь мир на него смотрит. Прислушивается. В громадных своих частях уже следует за ним. Нужно быть до жалости слепым, чтобы не узреть, что одновременно, в своеобразной форме, осуществляются вековые, очень опасные мессианистические, националистические предчувствия, ожидания, мысли многих русских людей о мировом призвании, мироруководительстве России. На фоне случившегося Ленин, как личность, сыгравшая поразительную по силе

и влиянию роль в истории (в сравнении с ним Наполеон — мелочь), не может не привлекать к себе огромного внимания, и, разумеется, прежде всего историков. Но, например, советским людям не дано знать настоящего Ленина таким, каким он был, знать его всего, а не только в виде святой мумии, не только с показной стороны, подмалеванной разными Беляковыми, Андреевыми и прочими. Партийные биографы дают «приблизительный» образ Ленина, лишь в пределах, в каких он соответствует в данный момент коммунистической агиографии. Живой Ленин остается вне ее...

Н. Валентинов. О предках Ленина... // Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. № 61. С. 235-236

(Далее цит.: Н. Валентинов б)

Ленин мог бы стать профессором экономики, преуспевающим юристом или шахматным чемпионом. В его происхождении, детстве и отрочестве нет ничего, что предвещало бы будущую карьеру революционера и диктатора. Он был, однако, дитя России — мятущейся и неистовой, плод с дерева, глубоко укоренившегося в ее многообразной почве.

Л. Фишер. Жизнь Ленина. Overseas Publications Interchange, Ltd. London, 1970. С. 9

Владимир Ильич Ульянов (Ленин) родился 10(22) апреля 1870 года в городе Симбирске (ныне Ульяновск), расположенном на берегу великой реки Волги.

Биография В. И. Ленина. М.: Политиздат, 1960. С. 1

Какую сторону жизни и деятельности Ленина ни возьми, сразу же возникают путаница, неточности, фальсификация, а то и прямой подлог. Мы всегда знали, что Владимир Ульянов родился 22 апреля 1870 года. И вот выясняется, что эта дата не верна. Вплоть до 1924 года и даже позже день рождения Ленина официально отмечался 23 апреля. В его трудовой книжке также записано, что он родился 23 апреля 1870 года. Почему? Оказывается, 22 апреля родился также А. Ф. Керенский. Поэтому любитель фальшивок, Ленин, сменил дату своего рождения с 22 на 23 апреля.

А. А. Арутюнов. Досье Ленина без ретуши. Документы, факты, свидетельства. М.: Вече, 1999. С. 547

Апрель, 10(22)

Родился Владимир Ильич Ульянов (Ленин).

Отец Владимира Ильича — Илья Николаевич Ульянов был в то время инспектором, а затем директором народных училищ Симбирской губернии. Он происходил из бедных мещан города Астрахани. Его отец ранее был крепостным крестьянином.

Мать Ленина — Мария Александровна была дочерью врача А. Д. Бланка.

Семья Ульяновых проживала в Симбирске (ныне Ульяновск), во флигеле дома Прибыловской на Стрелецкой улице (ныне ул. Ульянова, д. 17а).

В. И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1970. Т. 1. С. 1

Температура воздуха в тот день поднялась до пяти градусов. Лед на широкой Волге вспучился и покрылся трещинами.

Р. Сервис. Ленин / Пер. с англ. Минск: ООО «Попурри», 2002. С. 25

Симбирск, сонный речной городок, был в начале крепостью. В 1648 г. царь Алексей Михайлович приказал заложить на высоком волжском берегу кремль — бревенчатое укрепление с высокими деревянными башнями, окруженное рвом и полями. Так Симбирск стал ключевой твердыней в оборонительной линии, защищавшей юго-восточный рубеж Московского государства от азиатских набегов. Казаки и стража, численностью в 15 000, остановили здесь в 1650 г. мощный набег кочевников. Нападения татар и монголов продолжались до конца семнадцатого века.

Л. Фишер. С. 15

Симбирск напомнил о себе Санкт-Петербургу весьма неприятным образом, когда был раскрыт заговор с целью убийства Александра III. Осуществить заговор предполагалось 1 марта 1887 года, и одним из заговорщиков был сын директора симбирского департамента народных училищ и брат Владимира Ульянова (Ленина). Вот каким образом

судьба нашего захолустного городка, до которого не дошла еще железная дорога и куда нерегулярно поступала почта, переплелась с судьбой могущественной империи.

А. Ф. Керенский. Россия на историческом повороте. Мемуары / Пер. с англ. М.: Республика, 1993. С. 3

(Далее все цитаты А. Ф. Керенского даются по указ. изданию, за исключением специально оговоренных)

Есть история о двух симбирских помещиках, которые регулярно встречались для того, чтобы вместе ездить на охоту, играть в карты и пить водку. У каждого в поместье была большая пушка. Когда помещик желал пригласить соседа в гости, он стрелял из пушки ядром по направлению к поместью соседа. Если сосед приглашение принимал, то отвечал одним выстрелом, если же стрелял дважды, то это значило, что он, наоборот, приглашает приятеля к себе. Если оба продолжали упорствовать в изъяснениях гостеприимства, то канонада продолжалась, пока не кончались заряды, и помещики встречались на границе имений для обсуждения дальнейших действий.

Л. Фишер. С. 20

Но особенно запомнилась мне торжественная служба, когда совершилось святое причастие детей, и нас с братом, одетых в белые курточки с красными галстучками под белыми стоячими воротничками, подвели к батюшке. Позади нас стояли рядами старшие ученики в аккуратных форменных синих костюмах с серебряными пуговицами, и среди них, должно быть, стоял и примерный ученик Владимир Ульянов. Не забыть мне и того мгновения, когда я, потрясенный, впервые увидел изображение распятого Христа, словно прозрачного в падающих на него лучах света, и при этом совсем живого. Мальчиком Владимир Ульянов тоже, наверно, смотрел на это распятие и, быть может, в душе посмеивался, сохраняя благочестивое выражение лица, — если, конечно, верить его собственному рассказу о том, как он в четырнадцать лет выбросил в мусорное ведро свой нательный крест.

А. Ф. Керенский. С. 6

...Ильич рассказывал, что, когда ему было лет пятнадцать, у отца раз сидел какой-то педагог, с которым Илья Николаевич говорил о том, что дети его плохо посещают церковь. Владимира Ильича, присутствовавшего при начале разговора, отец услав с каким-то поручением. И когда, выполнив его, Ильич проходил потом мимо, гость с улыбкой посмотрел на Ильича и сказал: «Сечь, сечь надо». Возмущенный Ильич решил порвать с религией, порвать окончательно; выбежав во двор, он сорвал с шеи крест, который носил еще, и бросил его на землю.

Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине // Воспоминания о В. И. Ленине: Т 2. С. 245

По возвращении Ленина в Россию в апреле 1917 г. к нему обратились с просьбой написать о себе. В результате сохранилась его «Неоконченная автобиография», впервые увидевшая свет в «Правде» за 18 апреля 1927 г. и перепечатанная в апрельском номере «Нового мира» за 1963 г.: «Зовут меня Владимир Ильич Ульянов. Родился я в Симбирске 10 апреля 1870 г. Весной 1887 г. мой старший брат Александр казнен Александром Третьим за покушение (1 марта 1887 г.) на его жизнь...»

Л. Фишер. С. 33

По иронии судьбы три человека, жизнь которых тесно сплелась в критические годы истории России, — всеми ненавидимый последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов, Владимир Ленин и я были уроженцами Симбирска.

А. Ф. Керенский. С. 3

Он был третьим ребенком, очень шумным — большим крикуном, с бойкими, веселыми карими глазками. Ходить он начал почти одновременно с сестрой Олей, которая была на полтора года моложе его. Она начала ходить очень рано и как-то незаметно для окружающих. Володя, наоборот, выучился ходить поздно, и если сестренка его падала неслышно — «шлепалась», по выражению няни (няня — Сарбатова Варвара Григорьевна, почти 20 лет прожила в семье Ульяновых и скончалась в возрасте 70 лет. — *Е. Г.*), — и поднималась, упираясь обеими ручонками в пол, самостоятельно, то

он хлопался обязательно головой и поднимал отчаянный рев на весь дом. Вероятно, голова его перевешивала. Все сбегались к нему, и мать боялась, что он серьезно разобьет себе голову или будет дурачком.

А. И. Ульянова-Елизарова. Из воспоминаний // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1 С. 19

(Далее цит.: А. И. Ульянова-Елизар [1] [2])

Крестным отцом мальчика стал партнер Ильи по шахматам, действительный статский советник, управляющий Симбирской удельной конторой Арсений Белокрысенко; крестной матерью — вдова коллежского асессора Наталья Ауновская, мать одного из сослуживцев Ильи.

Р. Сервис. С. 25

И знакомые, жившие в нижнем этаже, говорили, что они всегда слышат, как Володя головой об пол хлопается. «И мы говорим: либо очень умный, либо очень глупый он у них выйдет»...

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 19

Вопрос. Болел ли Владимир Ильич в детстве и юные годы какими-либо тяжелыми болезнями? Каково было его здоровье? Когда он начал впервые ходить и говорить?

Ответ. Болел корью. Комплекция его была вообще «рыхлая». Ходить он начал лет двух. Когда стал говорить, Анна Ильинична не помнит.

А. И. Ульянова-Елизарова. Из ответов на анкету сотрудника Дома-музея в Ульяновске. Март 1931 г. // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1 С. 309

(Далее цит.: А. И. Ульянова-Елизарова [2])

...Он редко хворал и из серьезных болезней перенес только в 1892 году в Самаре брюшной тиф, да и то не в сильной форме.

М. И. Ульянова. С. 211

Об этом как-то мало известно, но сам Ленин в 1919 году в беседе с английским писателем Артуром Рансомом неожиданно вспомнил: «Лет двадцать, а может быть, и тридцать тому назад у меня был тиф

(это случилось в 1892 году в Самаре. — В. М.), а я об этом и не подозревал, пока он не свалил меня».

В. Е. Мельниченко. Личная жизнь Ленина. М.: Воскресенье, 1998. С. 230

(Далее цит.: В. Е. Мельниченко [1])

В молодости и в тюрьме страдал катаром желудка и кишок. Часто потом спрашивал, перейдя на домашний стол, исправивший эти катары: «А мне можно это есть?» Перец и горчицу любил. Не мог есть земляники (идиосинкразия).

Н. К. Крупская. С. 371

Владимир был такой полный, что его прозвали «бочонком».

Р. Пейн. Ленин: Жизнь и смерть / Пер. с англ. М.: Мол. гвардия, 2002. С. 48

Он ломал игрушки и вещи намного чаще, чем остальные дети.

Р. Сервис. С. 46

Так как мы, старшие, старались удержать его от этого, то он иногда прятался от нас. Помню, как раз, в день его рождения, он, получив в подарок от няни запряженную в сани тройку лошадей из папье-маше, куда-то подозрительно скрылся с новой игрушкой. Мы стали искать его и обнаружили за одной дверью. Он стоял тихо и сосредоточенно крутил ноги лошади, пока они не отваливались одна за другой...

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 19

В столовую вошла Мария Александровна... и, приложив палец к губам, чтоб молчали, головой показала им (крестным отцу и матери. — Е. Г.) на соседнюю комнату. Они пошли за ней на цыпочках, недоумевая...

...В уголку, под прикрытием двери, стоял в своих новеньких шароварах, подобранных в сапожки, Володя и, слегка выпятив губы, с величайшим усердием крутил и крутил ногу у картонной серой лошадки, подаренной ему только что няней. Он даже сопел от усилия,

пока крутил, и вот нога отвалилась. Выпустив ее из рук, он с такой же энергией взялся за вторую ногу.

— Ай-яй-яй, стыд какой! — воскликнул Белокрысенко. — Что это, что ты, крестник, вытворяешь?

Застигнутый врасплох Володя отшвырнул лошадь и помчался из комнаты.

— Что за Герострат! Вот разрушитель... Вам с ним, кум, хлопот будет не обобратиться... И совсем он, нянечка, не голубь!..

М. С. Шагинян. Лениниана. М.: Мол. гвардия, 1980. С. 78

Однажды ему подарили коноплянку в клетке. Птичка у него не выжила.

Р. Пейн. С. 48

Вспоминаю из раннего детства игру в лошадки, когда мы носились по двору и по аллеям сада, один за кучера, другой за лошадь, соединившись веревочкой друг с другом. Володя был старше меня на четыре года, поэтому, когда он бегал за кучера, постегивая меня хлыстиком, все было хорошо, когда же я впрягал его в виде лошади, он очень быстро вырывался и убегал от меня. Догнать его я не мог, и тогда, помню, однажды я безнадежно сел на траву и стал говорить, что так играть нельзя: он сильнее меня и, когда ему вздумается, убегает от меня, что никогда, мол, не бывает, чтобы лошадь убегала от кучера, и поэтому он должен бегать за кучера, а я за лошадь. На это Володя ответил: лошадь всегда сильнее человека, и ты должен уметь подойти к ней с лаской, покормить ее чем-нибудь вкусным, например, черным хлебом с солью, что, мол, лошади очень любят, и тогда лошадь не будет убегать от тебя и будет послушной.

Д. И. Ульянов. Детские годы Владимира Ильича // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 123

В его характере всегда было что-то злое. Он прекрасно ладил с младшим братом Митей, но часто доводил его до слез. Володя любил говорить, что Митя умеет «плакать по заказу». В некотором роде так оно и было: Володя просил братишку поплакать, тот отказывался, тогда Володя начинал дразнить брата, тот заливался слезами, а Володя заявлял: плачет по заказу.

Рассказывают, что в детстве он играл со своим младшим двоюродным братишкой в солдатиков на шашечной доске. Щелчком по шашке надо было сбить с доски солдатика. Хитроумный Володя прикрепил к доске своих солдатиков, так что младший игрок плакал от обиды, а старший хохотал своим знаменитым, некоторые считают — заразительным, а некоторые — сатанинским смехом.

В. А. Солоухин. При свете дня. М., 1992. С. 163

Однажды, к ужасу Саши и Ани, он вбежал с улицы в гостиную в грязных галошах, оставляя следы на полу и коврах. Никто из детей Ульяновых, кроме Володи, не позволял себе подобных выходов.

Р. Сервис. С. 47

Вспоминаю из раннего детства игру в «брыкаски», которую выдумал, очевидно, Володя, когда ему было около восьми лет. Играли он, сестра Оля и я. Это, собственно, не была игра в обычном смысле слова — никаких правил, ничего твердо установленного. Это была импровизация, фантазия в лицах и действиях. Конечно, главным действующим лицом был Володя, его фантазия, его инициатива. В эту фантастику он вовлекал нас, младших, — меня и Олю. Какую роль мы играли, что должны были делать? Заранее ничего не было предусмотрено. Володя сам свободно фантазировал и осуществлял эту фантазию в действиях. Что такое «брыкаска»? Это не то человек, не то зверь. Но обязательно что-то страшное и, главное, таинственное.

Мы с Олей сидим на полу в полутемной зале нашего симбирского дома и с замиранием сердца ожидаем появления «брыкаски». Вдруг за дверью или под диваном слышатся какие-то звероподобные звуки. Внезапно выскакивает что-то страшное, мохнатое, рычащее, это и есть «брыкаска» — Володя в вывернутом наизнанку меховом тулупчике. Может быть, «брыкаска» сердитая, злая: от нее нужно бежать, прятаться под диван или под занавеску, а то укусит или схватит за ногу; а может быть, она только по виду страшная, а на самом деле добрая, и от нее совсем не надо бегать, можно даже с ней подружиться и приласкать ее. Этого никто не знает. Все зависит от ее настроения...

Д. И. Ульянов. С. 123124

Сохранилось воспоминание Георгия Гавриловича Потапова, близкого друга Дмитрия Ульянова по Московскому университету.

Однажды Ульяновы на лето сдавали флигель молодой супружеской паре. И те как-то под вечер не могли придумать ничего другого, как заниматься любовью прямо в саду, за кустами смородины.

Дети Оля, Володя и Дима в это время находились в сарае, на чердаке.

— Смотрите, он ее сейчас задушит! — испуганно закричала Оля, глядя в маленькое окошечко. Володя засмеялся.

— Глупая! Они хотят, чтобы у них родились дети.

Оля удивленно вытаращила глаза, не в силах оторвать свой взгляд от влюбленных. Дима и Володя тоже не скрывали своего любопытства.

Когда все кончилось, Оля неожиданно спросила:

— А у нас может ребенок родиться?

— Конечно, — не моргнув глазом, ответил Володя.

— Ой, как здорово! Давай попробуем!

— Попробуй с Димой, — схитрил Володя. Он-то и сам толком не представлял, как это рождаются дети.

Начали пробовать. Володя командовал, что и как делать. Дима, не раздеваясь, взобрался на Олю и стал повторять только что увиденное через окошко.

— Ай, больно! — закричала Оля. — Может, уже хватит?

— Нет, — уверенно сказал Володя, — надо досчитать ровно до пятидесяти.

Считать он только что научился и не упускал ни одной возможности, чтобы не похвастаться этим.

Потом ему пришлось еще долго придумывать всякие причины, почему у сестры не рождается ребенок...

Б. Орса-Койдановская. Интимная жизнь Ленина / Пер. с нем. Минск: БАДППР, 1994. С. 1819

Однажды с мальчиками едва не случилось беды. Володя и двоюродный брат Коля летом любили купаться на отмелях реки Свияги в центре Симбирска. Увидев, как на Водовозном мосту другие мальчики ловят рыбу, Володя и Коля тоже захотели порыбачить. Кто-то посоветовал им идти ловить рыбу в канаве у спиртового завода. Воды

в канаве было не много, но ее берега и дно были покрыты толстым слоем ила и тины. В канаве родилось множество лягушек, и мальчики стали гоняться за ними. Володя поскользнулся и упал в канаву, в трясины. Когда на крик прибежал заводской рабочий, Володя уже ушел в трясины по пояс. Рабочий (его имя осталось неизвестным) залез в канаву и вытащил мальчика. Напрасно Володя, боясь гнева матери, пытался привести в порядок свою одежду. Ходить на рыбалку ему строго-настрого запретили...

Р. Сервис. С. 59

Отец Илья Николаевич происходит из мещан г. Астрахани. По некоторым, не вполне проверенным данным, дед Владимира Ильича был портным.

По национальности Илья Николаевич был русским, но некоторая примесь монгольской крови несомненно имелась, на что указывали несколько выдающиеся скулы, разрез глаз и черты лица. В Астрахани, как известно, значительную часть населения составляли издавна татары.

Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, была дочерью врача, передового, по своему времени, идейного человека, не умевшего прислуживаться и сколачивать деньги и потому не сделавшего себе карьеры...

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 18

Итак, Илья Николаевич по национальности — русский, а Мария Александровна — дочь врача.

М. Г. Штейн. Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб.: ВИРД, 1997. С. 7

(Далее цит: М. Г. Штейн [2])

У Ленина была уйма двоюродных братьев и сестер, наверное, не менее 20, и вот что интересно: никто из них, в отличие от всех детей Ульяновых, не стал коммунистом, не потому ли биографы Ленина и всякие документы о Ленине об этой родне, за исключением Веретенниковых, не упоминают. Двоюродный брат Ленина Н. Веретенников, написавший брошюрку «Володя Ульянов», напечатанную в 1946 г. (1 млн экземпляров!), строго следует тому же

правилу: ничего об этой родне Ленина не говорить. Рассказывая о жизни Ленина летом в Кокушкине, он пишет: «с нами был двоюродный брат». Или: «Володя стал бороться с одним из двоюродных братьев». Или: брат Ленина Митя «все время вертелся возле старших двоюродных братьев». И ни разу Веретенников не пояснил, о каких таких «двоюродных братьях» идет речь. У этого молчания, конечно, есть какая-то причина.

Н. Валентинов [6]. С. 220.

Вопрос. Мария Александровна была немецкого происхождения по материнской линии, но какой национальности был ее отец, которого фамилия Бланк, и кто он был по своему соц. положению?

Ответ. Отец (ее) был русский, мещанин.

А. И. Ульянова-Елизарова [2]. С. 302

Незадолго до смерти Ленину предложили заполнить анкету, одну из тех, что во множестве циркулировали тогда по кабинетам Кремля. В графе «имя деда» он написал: «Не знаю».

Р. Пейн. С. 34

Соответствующие документы несомненно имелись в раздутых русских архивах, но большевики сочли нужным, чтобы они не увидели света. Это только подкрепляет подозрение, что в них есть что скрывать.

Л. Фишер. С. 14

Кстати, известный историк-эмигрант Б. И. Николаевский в 1956 г. вспоминал, что слышал от известного партийного деятеля Аросева (еще до эмиграции, в Москве) о «деде-еврее из кантонистов».

М. Г. Штейн [2]. С. 62

Кто был отцом матери Ленина, его дедом? На это отвечают — Александр Дмитриевич Бланк, родившийся в 1802 году, умерший в 1873 (даты неточные. — *М. III.*). Какова национальность Бланка? На этот счет существует странное, упорное и непонятное молчание. Ни в одном из мемуаров Ульяновых, ни в одной биографии Ленина нет на это ответа... Есть сведения (они будто бы хранятся в архивах

Института МарксаЭнгельсаЛенина в Москве), что он родился на Волыни, т. е. в пределах Украины, но был евреем. Фамилия Бланк у евреев довольно часто встречается. Но если А. Д. Бланк был евреем, то несомненно крещеным (православным, протестантом), иначе он не мог бы в эпоху крепостного права купить в Казанской губернии имение Кокушкино и стать «помещиком». Говорить с уверенностью об еврейском происхождении Бланка все-таки нельзя. Нам известно, что, например, в семье внучки Бланка А. А. Первушиной (ее мать — одна из старших дочерей Бланка, вышедшая замуж за педагога Залежского) всегда считали, что Бланк — немец или швед из Прибалтики. Это более согласуется с его женитьбой на несомненной немке, если бы он был евреем — его женитьба (в первой четверти 19-го столетия) на немке — в какой-то мере противоречила бы нравам и порядкам того времени...

Н. Валентинов. Цит. по: Штейн М. Г.2 С. 5960

Заместитель заведующего Институтом Ленина А. Я. Аросев сделал в конце 1924 или в начале 1925 года доклад в московском Доме печати о новых материалах к биографии В. И., позднее опубликованный в журнале «Московский пролетарий». В нем был наиболее полный к тому времени рассказ об А. Д. Бланке, хотя и не свободный от ошибок. Аросев писал, в частности: «В 1820 году сын бедных мещан Староконстантиновского уезда Волынской губ[ернии], Александр Дмитриевич Бланк, 18 лет, приехал в Петербург и поступил в Военно-хирургическую академию. В столице А. Д. Бланк нашел себе покровителей в лице гр. Апраксина и сенаторши Барановой (крестные отец и мать А. Д. Бланка. — *М. III.*). Неизвестно, почему они заинтересовались юношей, известно лишь, что он был очень беден.

В 1824 году он окончил Академию и как врач был направлен в Лаишевский уезд Казанской губернии, где и женился на некоей Марии Александровне (женился в Петербурге на А. И. Гроссшопф. — *М. III.*).

Бланки имели небольшой клочок земли и мельницу, которая давала им доходу рублей 100 в год. Жилось им, по-видимому, чрезвычайно трудно (вождь мирового пролетариата обязательно должен был быть из бедной семьи! — *М. III.*).

В 1843 году (в 1847 г. — *М. III.*) уездное Лаишевское собрание наградило врача Бланка дворянским званием.

У Александра Дмитриевича и Марии Александровны было 7 (6. — М. III.) человек детей. Из этой семьи происходила мать Владимира Ильича (родилась в 1835 году, умерла в 1916 году) Мария Александровна, вышедшая впоследствии замуж за Илью Николаевича Ульянова.

Вот все, что пока известно о происхождении матери В. И. Так как ни отец, ни мать В. И. не были дворянами по происхождению, то сведения о их роде искать чрезвычайно трудно».

М. Г. Штейн, 2. С. 5859

Документы о происхождении Александра Дмитриевича Бланка были выявлены независимо друг от друга в конце 1964 года А. Г. Петровым и мною 3 февраля 1965 года, и тогда же об их наличии было сообщено М. С. Шагинян. Но до сих пор они не опубликованы. Глухой намек о происхождении А. Д. Бланка М. С. Шагинян сделала на основании этих документов. Вот что она пишет в третьей главе «Воспоминания одного детства» части I «Рождение сына» романа «Семья Ульяновых»: «... Александр Дмитриевич Бланк был родом из местечка Староконстантинова Волынской губернии. Окончив Житомирское поветовое училище, он приехал с братом в Петербург, поступил в Петербургскую Медико-хирургическую академию и закончил ее в звании лекаря...» Все так, все правильно. Еще раз внимательно вчитаемся в эти строки. Местечко Староконстантинов... Двадцать пять лет назад М. С. Шагинян не могла написать правды, никто бы не пропустил. Время было не то. Вот и пришлось прибегнуть к маскировке. Хорошо, что цензоры не поняли, а может, сделали вид, что не поняли того, что сказала словами «местечко» М. С. Шагинян. Да, вместе с братом А. Д. Бланк приехал в Петербург поступать в Медико-хирургическую академию. Но на их пути стеной встали законы Российской империи, запрещавшие принимать нехристиан в государственные учебные заведения. Это и заставило недогматически воспитанных братьев Бланк перейти в православие. В деле «О присоединении к нашей церкви Житомирского поветового училища студентов Дмитрия и Александра Бланковых из еврейского закона», хранившемся до марта 1965 года в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда, имеется их собственноручное заявление по этому вопросу. Вот его текст: «Поселясь ныне на

жительство в С.-Петербурге и имея всегдашнее обращение с христианами, Греко-российскую религию исповедающими, мы желаем ныне принять оную. А посему, Ваше преосвященство, покорнейше просим о посвящении нас священным крещением учинить Самсониевской церкви священнику Федору Барсову предписание... К сему прошению Абель Бланк руку приложил. К сему прошению Израиль Бланк руку приложил». Крещение было учинено в Самсониевском соборе в июле 1820 года. Восприемниками Израиля Бланка стали граф Александр Апраксин и жена сенатора Дмитрия Осиповича Баранова — Варвара Александровна. Восприемником его брата Абея стал сенатор Д. О. Баранов и жена действительного статского советника Елизавета Шварц. В честь своих восприемников братья Бланк взяли имена Александр и Дмитрий, а Александр взял отчество Дмитриевич, в честь восприемника своего брата — известного общественного деятеля, поэта и шахматиста.

М. Г. Штейн. Род вождя. Генеалогия рода Ульяновых // Литератор Л., 1990. № 38

(Далее цит.: М. Г. Штейн, 1)

И в виде вставки после имен просителей [о принятии крещения] вписаны два слова: «из евреев».

М. Г. Штейн, 2. С. 10

Теперь я еще больше, чем раньше, убежден, что Александр Бланк, дед Ленина, был именно бывшим одесским фельдшером Александром Бланком и что Ленин и его родные знали это. В разговоре с Максимом Горьким Ленин ему как-то однажды сказал:

«Умников мало у нас. Мы народ, по преимуществу, талантливый, но ленивого ума. Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови». (См. М. Горький. Владимир Ленин. Ленинград, 1924. С. 20). Это несомненно, со стороны Ленина была не случайно оброненная фраза... Интересно отметить, что в дальнейших изданиях этой книжки, вышедших в сталинские времена, а также в полном собрании сочинений Горького 1925 г. слова «русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови» выпущены.

Д. Шуб. Еврейские предки Ленина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1961. Кн. 63. С. 290

А может быть, эту фразу он произнес, бросая взгляд на себя извне?

Д. А. Волкогонов. Ленин. Политический портрет. В 2 кн. Кн. 1. М.: Изд-во «Новости», 1994. С. 202

Далее цитируется как: Д. А. Волкогонов, с указанием тома и страницы

А. И. Ульянова-Елизарова в свое время не могла найти ответа на вопрос, почему в судьбе братьев Бланков приняли участие «такие родовитые и чиновные люди», как указанные в числе восприемников сенатор Д. О. Баранов и граф А. И. Апраксин. Этот вопрос возник и передо мной. В феврале 1965 г. я обратился в Музей истории религии и атеизма в Ленинграде к старшему научному сотруднику, бывшему протоиерею и профессору Ленинградской духовной академии А. А. Осипову. Он объяснил, что в 1820 г. переход из иудаизма в православие или другую христианскую конфессию был большой редкостью, а поэтому представители высшей знати России считали для себя почетной обязанностью быть крестными родителями. Крестники становились как бы членами семьи своих восприемников, так как, переходя из иудаизма в православие, отказывались от родителей и официально считались сиротами.

М. Г. Штейн [2]. С. 14—15

Особенно я заинтересовался дедом Ленина, Александром Бланком, после того, как прочел в воспоминаниях старшей сестры Ленина, Анны Ульяновой-Елизаровой, что ее бабушка (мать матери), то есть жена Александра Бланка, была лютеранского вероисповедания и, почти не зная русского языка, говорила всегда по-немецки. Среди моих знакомых в России и в Америке было несколько Бланков, и все они были евреи. Я искал в разных энциклопедиях, еврейских и нееврейских, фамилию Бланк и не нашел ни одного Бланка нееврея. Поэтому я пришел к заключению, что дед Ленина, доктор Александр Дмитриевич Бланк был еврейского происхождения. Чтоб окончательно выяснить это, я решил обратиться к известному историку русского

еврейства, Саулу Моисеевичу Гинзбургу... И тут же Гинзбург рассказал мне следующее. После большевистского переворота он долгое время работал в архиве Святейшего Синода в Петрограде. Он изучал там главным образом, материалы о так называемых еврейских «кантонистах» и о взрослых евреях, добровольно принявших православие. О каждом из них в Синоде было особое «дело». В одной из таких папок были документы и о еврейском фельдшере из Одессы по имени Александр Бланк, принявшем православие. Внимание Гинзбурга особенно привлекло обилие доносов Бланка Синоду на евреев вообще и на служителей еврейской религии в частности. Гинзбург собирался снять копии со всех этих документов из папки Александра Бланка, чтобы потом использовать для своей работы о евреях-выкрестах в России. Кто такой Александр Бланк, он не имел понятия. Но вот из Москвы вдруг приехала специальная комиссия, которая изъяла дело Бланка и увезла все эти документы в Москву.

Архивариус Синода, довольно известный русский историк (С. М. мне тогда назвал его имя, но я его забыл), рассказал ему под большим секретом, что увезенная в Москву папка — это документы о «деде Ильича» (Ленина)... Прочитав воспоминания сестры Ленина, Гинзбург высказал предположение, что по всей вероятности и жена Бланка, т. е. бабушка Ленина, тоже была еврейкой и говорила она вовсе не по-немецки, а на идиш.

Д. Шуб. С. 288289

Ну, что же, тут полная ясность. Александр Дмитриевич, а вернее сказать, Израиль Бланк, женился, как известно, на шведке Анне Ивановне Гроссшопф. Была ли она просто шведкой или тоже еврейкой, я не знаю. В ее родословной мелькают ювелир, шляпник, юрист. Но это, конечно, ни о чем не говорит. Ювелиром и шляпником могли быть как шведские евреи, так и просто шведы. Важно другое. В Марии Александровне (а вернее сказать, в Марии Израилевне), в матери Ленина, не было ни одного грамма русской крови. В одном случае, если Анна Ивановна Гроссшопф была шведкой, в матери Ленина по 50 проц. еврейской и шведской крови. Если же Анна Ивановна была шведской еврейкой, то Мария Александровна, получается, чистокровная, стопроцентная еврейка.

В. А. Солоухин. С. 3031

Выходит, по нынешним уложениям о принадлежности к иудейству, Ленин мог считаться также чистокровным евреем и вполне мог претендовать на израильское гражданство.

В. Брусенцов. Ленин // Простор. Алма-Ата, 1993. № 11. С. 157

Александр Давидович Бланк принял православие и стал полицейским врачом. Валентинов пишет: «Трудно допустить, чтобы при Николае I еврей мог...» Но он забывает, что переход в христианство (хотя бы и в лютеранство) зачеркивал еврейство и давал все права службы. Вспомним вице-канцлера барона Шафирова при Петре Великом, а при Николае I можно указать на Ф. Гильфердинга (отца славянофила А. Ф. Гильфердинга), бывшего тайным советником и занимавшего крупный пост в министерстве торговли, кажется. Вспомним, каким уважением пользовался сенатор Кони А. Ф. и обер-секретарь Сената Трахтенберг, имевший мужество защищать в Виннице евреев от обвинения в ритуальном убийстве и передавший детям потомственное дворянство. В дворянство войти было легко: при Николае I чин VIII-го класса уже давал потомственное дворянство (позднее эту норму повысили). Доктор А. Д. Бланк, прослуживший 23 года (до 1847), наверное, дослужился до статского советника (чин V класса). Ничто не мешало ему приобрести имение с крепостными в Казанской губернии (где никто не знал его одесских родных) и записаться в III-ю часть родословной книги Казанского дворянства. Для этого надо было представить лишь послужной список; а в нем указывались — дата рождения, сословие и вероисповедание, ни национальности, ни имена родителей не упоминались. А. Д. Бланк был православным и дворянином по чину, и о его происхождении никто не спрашивал в 1847 г. ...Ленину было четыре года, когда дед умер, и тот никакого влияния на него не мог иметь. Мой вывод: Ленин русский интеллигент, типичный продукт «имперского обрусения»: в нем и калмыцкая, и еврейская, и немецкая и даже шведская кровь. Но он вырос в семье, чувствующей себя вполне русской. Его предки — мещане, благодаря государственной службе, начавшие выходить в дворянство. Потому записываясь в Женеве в «Socit de Lecture» (Публичную читальню) Ленин написал на входном билете: «W. Oulianoff — gentilhomme russe».

Но его дворянство не родовое, как у Л. Толстого или М. Бакунина, а чисто служилое, чиновническое. Большевики скрывают эту еврейскую примесь в Ленине, но нам незачем скрывать истину...

Историк. К вопросу о предках Ленина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1961. № 63. С. 286287

Дед же Марии по отцу, еврей Мошко (Моше, Моисей) Бланк торговал спиртными напитками в еврейском местечке Староконстантинов на Волыни, у западных границ империи. Мошко постоянно конфликтовал со всеми — и с соседями, и с собственным сыном Абелем. Он даже подал на Абеля в суд за словесное оскорбление и нанесение побоев. Судья, однако, не внял доводам Мошко и, рассмотрев дело, оштрафовал его самого.

Р. Сервис. С. 29

По-видимому, отцу не удалось доказать свое заявление свидетельскими показаниями членов семьи или других лиц.

А. А. Арутюнов. С. 13

В 1803 году соседи Мошко, тоже евреи, подали на него в суд, обвинив в краже сена. Два года спустя Мошко вновь предстал перед судом — на этот раз по обвинению в торговле самогоном. В обоих случаях суд признал Мошко невиновным.

Р. Сервис. С. 29

Вполне возможно, что он откупился, поскольку в решении суда (состоялся в 1803 году) записано, что Бланк «виновным не оказался».

А. А. Арутюнов. С. 13

Но в 1808 году удача отвернулась от Мошко, и ему пришлось провести несколько месяцев в тюрьме по обвинению в поджоге.

Р. Сервис. С. 29

Бланк был уличен в поджоге 23 домов евреев в Староконстантинове 29 сентября 1808 года. Чтобы отвести от себя подозрение, он немного подпалил и свой дом. Не надо быть медиком,

чтобы понять, что подобные чудовищные поступки мог совершить лишь человек с ненормальной психикой...

Сенсационные материалы Житомирского областного архива дают основание предположить, что прадед Ленина, Мойша Ицкович Бланк, был психически больным человеком. А ведь известно, что гены передаются.

А. А. Арутюнов. С. 14, 503

Мне рассказывали, что «красные следопыты», пионеры Астрахани, пошли по следам ленинских предков и обнаружили, что многие его предки по отцовско-дедовской линии кончали в сумасшедших домах. Результаты «следопытов» были уничтожены, а сам поиск был прекращен.

В. А. Солоухин. С. 185186

В конце концов его опять признали невиновным, и Мошко решил от греха подальше переехать с семьей в губернский город Житомир. Но унижения, пережитого в Старокопачеве, он не забыл. В 1824 году он добился пересмотра дела о поджоге, и в результате его обвинители понесли наказание. Шутить с мстительным Мошко было опасно — и эту черту характера он передал одному из своих потомков.

Р. Сервис. С. 29

Семью Мойши Бланка можно отнести к разряду богатых. Об этом свидетельствуют многие факты. Бланки имели солидный дом с «обзаведениями» стоимостью в 4 тысячи рублей ассигнациями. Занимался Бланк в основном торговлей. Его еженедельный чистый доход составлял 10 рублей серебром. Кроме того, в местечке Рогачеве, в 20 км южнее Новоград-Волынского, Бланк имел пять моргов (польская мера площади, равная полутора тысячам кв. сажень, сажень же равна 2,13 м. — *Е. Г.*) земли, а ежегодный доход от выращенного цикория составлял 750 рублей серебром. Бланк вел широкую торговлю спиртными напитками и другими товарами. Имеются сведения, что он занимался торговым мошенничеством, за что против него было возбуждено еще одно уголовное дело.

А. А. Арутюнов. С. 13

Представление министра внутренних дел Льва Перовского императору Николаю I записки крещеного еврея Бланка о мерах побуждения евреев к переходу евреев из иудейской веры в христианскую.

«Из Комиссии прошений препровождена ко мне, присланная на Высочайшее имя, записка проживающего в Житомире крещеного 90-летнего еврея Д. Бланка (Мойша Бланк, вероятно, к этому времени и сам перешел в христианство. — *Е. Г.*), коего два сына получили лекарское звание, один умер, а другой состоит и поныне штаб-лекарем на службе. Старец этот, ревнуя к христианству, излагает некоторые меры, могущие, по его мнению, служить побуждением к обращению Евреев.

Предложения Бланка состоят в том, чтобы запретить Евреям ежедневную молитву о пришествии Мессии и повелеть молиться за Государя Императора и весь августейший дом его. Запретить Евреям продавать христианам те съестные припасы, которые не могут быть употребляемы самими Евреями в пищу, как, например, квашеный хлеб во время пасхи и задние части битой скотины, запретить также христианам работать для Евреев в субботные дни, когда сии последние, по закону своему, работать не могут.

12 октября 1846 г. Лев Перовский. № 237».

На представлении (докладе) Перовского имеется резолюция:

«Высочайше повелено препроводить в Комитет о еврейских делах. 26 октября 1846 г. В Царском селе».

Г. М. Дейч. Еврейские предки Ленина // Телекс. Нью-Йорк. 1986. 26 окт. № 11. С. 20

Для вас, вероятно, не секрет, что исследование о происхождении деда (В. И. Ленина. — *Е. Г.*) показало, что он происходил из бедной еврейской семьи, был, как говорится в документе о его крещении, сыном житомирского мещанина, Мойшки Бланк. Этот факт, имеющий важное значение для научной биографии Вл. Ил-ча, для исследования его мозга, был признан тогда, при открытии этих документов, неудобным для разглашения. В Институте было постановлено не публиковать и вообще держать этот факт в секрете. В результате этого постановления я никому, даже близким товарищам, не говорила о нем...

А. И. Ульянова-Елизарова — Сталину. 19 декабря 1932 г.
(Здесь и далее цит. по: Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 79)

Как вспоминала Анна Ильинична (Ульянова), она узнала о еврейском происхождении доктора Бланка еще в 1897 году, в возрасте тридцати трех лет. Случилось это во время поездки в Швейцарию (Анна Ильинична ездила за границу по документам с девичьей фамилией матери). Анна очень удивилась, когда швейцарские студенты спросили ее, не еврейка ли она. Оказалось, что в Швейцарии фамилию Бланк носили исключительно евреи. Вернувшись домой, Анна навела справки у родственников матери и таким образом узнала о еврейском происхождении деда, Александра Бланка. Много лет спустя, уже после смерти Ленина, кто-то из друзей сказал Анне, что принадлежавший некогда родителям доктора Бланка серебряный кубок предназначен для еврейских религиозных праздников.

Р. Сервис. С. 41

Вообще же я не знаю, какие могут быть у нас, коммунистов, мотивы для замолчания этого факта. Логически это из признания полного равноправия национальностей не вытекает. Практически может оказаться полезным ввиду того усиления в массах антисемитизма, которое отметило в 1929 году специально произведенное по этому поводу обследование [МЦ] СПС, вследствие того авторитета и той любви, которой Ильич пользуется в массах. А бороться с этим безобразным явлением надо несомненно всеми имеющимися средствами. А равно использовать основательно этот факт для изучения личности как в Институте Ленина, так и в Институте мозга. Уж[е] давно отмечена большая одаренность этой нации и чрезвычайно благотворное влияние ее крови при смешанных браках на потомство. Сам Ильич высоко ценил ее революционность, ее «цепкость» в борьбе, как он выражался, противопоставляя ее более вялому и расхлябанному русскому характеру. Он указывал не раз, что большая организованность и крепость революционных организаций юга и запада зависит как раз от того, что 50% их составляют представители этой национальности. И надо использовать все, что может дать этот факт, для его биографии. Ведь если бы результаты архивных розысков оказались противоположными, если бы оказалось,

например, что Бланк принадлежал к итальянской или французской народности, то я представляю себе, сколько шуму получилось бы из этого, как бы торжественно указывали некоторые биографы, что вот конечно этот факт родственной близости к более культурной нации является объяснением способности и талантливости Ильича, если бы даже среди предков оказались одна-две выдающиеся в той или иной области личности, то и этому придавалось бы большое значение. И я представляю себе, как ликовал бы даже кое-кто из товарищей, помогавших мне в моих розысках при наличии всякого такого факта. Факты сказали иное и история наша должна суметь взять из этих фактов все данные для изучения личности и наследственности. Сестра моя, которая записывает эти строки и с которой одной я делюсь соображениями по этому поводу, считает нецелесообразным опубликовать этот факт теперь, говорит, пусть будет известен когда-нибудь через сто лет, но я считаю, что ЦК не стоит на такой точке зрения, иначе он не поручил бы мне добывать всякий архивный биографический материал теперь же. Таким образом, в личности Ильича получилось смешение нескольких национальностей: еще немецкой (со стороны бабушки по матери и, вероятно, еще татарской со стороны отца), хотя этого несомненно никаким документом подтвердить не удастся...

А. И. Ульянова-Елизарова — И. В. Сталину. 28 декабря 1932 г.

В этом письме, говоря о еврейском происхождении А. Д. Бланка, А. И. Ульянова-Елизарова указывает: «...У нас ведь не может быть никакой причины скрывать этот факт, а он является лишним подтверждением данных об исключительных способностях семитического племени, что разделялось всегда Ильичом, и о выгоде для потомства смешения племен. [Ильич] высоко ставил всегда евреев».

М. Г. Штейн [2]. С. 57

От себя прибавлю, что родоначальниками ленинского большевизма были, главным образом, русские: Ишутин, Зайчневский, Ткачев, Нечаев и отчасти Бакунин и Чернышевский.

Д. Шуб. С. 291

Во время моего нахождения в Германии немецкие коллеги говорили мне, что в годы Великой Отечественной войны против СССР воевали многие родственники Ленина. Называли и некоторые имена: генерал-фельдмаршал Вальтер Модель, генерал Хаас Мантейфель, бывший президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер, капитан Ганц Спайдель и другие.

А. А. Арутюнов. С. 17

Но вернемся к письму Анны Ильиничны. Продолжая настаивать на публикации сведений о происхождении А. Д. Бланка, она далее пишет: «Очень жалею, что факт нашего происхождения, предполагавшийся мною и раньше, не был известен при его (В. И. — М. Ш.) жизни».

М. Г. Штейн [2]. С. 58

Я убежден, что именно потому, что Александр Бланк был крещеный еврей, советские биографы Ленина скрывают, откуда он был родом. Коммунистические диктаторы не хотят, чтобы народы СССР знали, что их бог Ленин был на одну четверть еврей.

Д. Шуб. С. 291

Отвечая на письмо устно, через М. И. Ульянову, Сталин сказал по поводу публикации, что «в данное время это не момент», и распорядился «молчать о нем (сделанном открытии. — М. Ш.) абсолютно».

М. Г. Штейн [2]. С. 58

Не только после Вашего распоряжения, но и до него, так как сама понимаю, что болтовня в этом деле неуместна, что можно говорить о нем только серьезно с решения партии... Я посылаю Вам теперь проект моей статьи в надежде, что теперь, через полтора года, момент изменился, моменты ведь так долго не держатся, и Вы не найдете уже неудобным опубликование ее или на основании ее данных другой статьи, которую Вы поручите написать кому-нибудь, — у меня как у атериосклеротички голова дурная и вряд ли Вы признаете ее годной...

А. И. Ульянова-Елизарова — Сталину. 19 декабря 1932 г.

Мать рассказывала нам, что она в Пензе еще девушкой заболела брюшным тифом, дедушка примчался на почтовых, все время погоняя ямщиков. Он первым делом велел убрать все лекарства и стал лечить Марию Александровну своим способом, применяя и теплые ванны, и обертывание в мокрые простыни. «Так он вылечил меня от тифа, почти не употребляя лекарств», — говорила мать.

М. И. Ульянова. С. 323

По всей видимости, это был человек взбалмошный, властный и довольно грубый. Поспорив однажды с жившим у него Пономаревым, говорившим, что можно питаться и собакой, ибо в ней есть «животный белок», Бланк приказал поймать на деревне собаку, изжарить ее с картофелем и подать к столу — пусть Пономарев покажет, что ее можно есть.

Н. Валентинов [6]. С. 222

По рассказам матери, он воспитывал своих детей по-спартански, не позволял нежить их. Они должны были рано ложиться спать и рано вставать. В летнее время по утрам идти купаться или умываться к роднику. Им не давали в детстве ни чаю, ни кофе, а только молоко. Пища была простая, но мясо не было изъято. К столу обычно давали кашу, творог, молоко, но также котлеты и птицу. Вообще он вовсе не был вегетарианцем. Дедушка любил охоту, и, говорила мать, «нашей обязанностью было шить чучела тетеревов».

М. И. Ульянова. С. 323

...Такой случай описывает со слов своей матери М. И. Ульянова: «...Однажды, первого апреля, в день именин Марии Александровны, дети с нетерпением ждали за обедом последнего блюда, сладкого. Им обещали, что в этот день будут на последнее сбитые сливки. Каково же было их разочарование, когда, получив свои порции пирожного, они, не избалованные сладостями, увидели, что дед подшутил по случаю 1 апреля: у них на тарелках был белый пушистый снег»

М. Г. Штейн [2]. С. 89

Дед Ильича по материнской линии был беден, он купил домик в деревне Кокушкино и лечил крестьян.

*Н. К. Крупская. Об Ильиче // Большевик. 1938. Кн. 12. С. 56
(Далее цит.: Н. К. Крупская [2])*

Что представляло собою Кокушкино? Мне приходилось уже об этом писать (см. «Ленин в Кокушкино», «Новый журнал» 1954 г., кн. 36) и поступившие позднее сведения полностью подтвердили мое утверждение. Биографы Ленина сделали все, чтобы не дать на поставленный вопрос настоящего ответа. Например, вышеупомянутый Веретенников пишет: «Наш дед — А. Д. Бланк был врачом, жил в деревне Кокушкино и лечил крестьян». Крупская в «Большевике» (1938 г., кн. 12) немного к этому добавляет: «он купил домик в деревне Кокушкине и лечил крестьян». Проф. Б. Волин в «Историческом журнале» (1945 г., № 4) вносит некоторую поправку в слова Крупской. Бланк купил не «домик», а «заброшенный без земли хуторок» и «стал там жить и заниматься врачебной практикой». А на самом деле Бланк жил в Кокушкане не потому, что был деревенским врачом, а землевладельцем. И Кокушкино было не «домиком», не «хуторком» без земли, а имением с приписанными к нему крепостными душами.

Н. Валентинов [6]. С. 221

Д-р Бланк владел не хуторком, а целым имением, и до 1861 г. у него было много крепостных.

Л. Фишер. С. 14

Незадолго до выхода на пенсию, по совету свояченицы и гражданской жены Е. И. Эссен и с ее помощью А. Д. Бланк приобретает имение — деревню Янасалы (Кокушкино) в Казанской губернии, размером 462 десятины (503,6 га) с 39 душами крестьян мужского пола (женщины в счет не брались). Кроме того, около Янасалы (Кокушкина) он приобретает водяную мельницу, которая давала 100 рублей дохода в год. Впоследствии Бланк продал мельницу и 30 десятин земли.

М. Г. Штейн. С. 84

Иначе говоря, дед Ленина, подобно другим землевладельцам, был обладателем рабов. Играя разными неясными словечками, биографы Ленина это хотят скрыть. Но от того, что дед был хозяином

крепостных душ, у Ленина ничего не прибудет и не убудет, и если около этого все-таки идет игра в прятки, то потому, что существует дурацкое намерение по партийной директиве изображать Ленина в какой-то святой обстановке, без единого, ее портящего пятнышка социального зла. Ведь писал же М. Горький, что у Ленина «почти женская нежность к человеку» и «его личная жизнь такова, что в эпоху преобладания религиозных настроений Ленина сочли бы святым». (См. «Коммунистический Интернационал», 1920 г., № 12.)

...А прадед Ленина был женат на шведке — Анне Карловне Остедт. По материнской линии у Ленина капли и немецкой, и шведской крови. Какое антропологическое наследство получил Ленин с отцовской стороны? Особо нового в этой области М. Шагинян не сообщает, но кое-что уточняет. Мы знали, что бабушка Ленина со стороны отца была А. И. Смирнова. Шагинян теперь к этому добавляет: «она происходила из уважаемого в астраханском мещанстве крещеного калмыцкого рода». Значит, это от нее, вышедшей замуж за астраханского мещанина — портного Николая В. Ульянова, идет калмыцкий облик ее сына — Ильи Николаевича Ульянова, переданный в несколько смягченном виде внуку ее Ленину. В нем, следовательно, помесь крови славянской (от Н. В. Ульянова), крови немецкой, шведской и калмыцкой. Но что из этого можно вывести? В данном случае почти ничего. Или лишнее свидетельство, что чистой расы нигде нет, кажется, даже на Таити и других островах Тихого океана. Впрочем, можно к этому добавить, что в России помесь славянской крови со всякой иной дала много талантливых людей. Нельзя забыть, что в Пушкине течет африканская кровь.

Н. Валентинов [6]. С. 221,223

В ленинской генеалогии упоминается некая Александра Ульянова, калмыцкая девочка, жившая в семье астраханского купца Михаила Моисеева. Имеется даже в архиве приказ, а в нем строки: «...Отсужденную от рабства, проживавшую у астраханского купца Михайлы Моисеева дворовую девку Александру Ульянову причислить по ее желанию в астраханское мещанство». Этот приказ датирован 21 апреля 1825 года.

Фамилия Ульяновых фигурирует в трех вариантах: Ульяновы, Ульянины и даже Ульяниновы.

«Отсужденную» от рабства Александру Ульянову отдали старосте Алексею Смирнову. И об этом тоже есть приказ: «Отсужденную от рабства дворовую девку Александру Ульянову приказали означенную девку Ульянову отдать ее тебе, старосте Смирнову... *Майя 14 дня 1825 года*».

И вот тут начинается путаница, в которой я, признаюсь, бессилен был разобраться.

Что значит отдали старосте Алексею Смирнову? Выдали замуж? И у них родилась дочь Анна Алексеевна? Ведь бабушка Ленина называется Анной Алексеевной Смирновой, на которой женился потом Николай Васильевич Ульянов. Но тогда не сходятся даты. Александру Ульянову отдали старосте в 1825 году, а бабушка Ленина Анна Алексеевна Смирнова родилась в 1788-м! Если же перепутаны имена и Александра почему-то стала называться Анной, то в момент «отсуждения» ей уже 37 лет. Какая же это дворовая девка? Если же Анна Алексеевна Смирнова сама по себе, то при чем тут Александра Ульянова? Может быть, староста удочерил «отсужденную» от рабства Александру Ульянову, дал ей свое отчество, фамилию и сменил ей имя Александры на Анну?

Чем больше вчитываешься в биографические сведения, изложенные М. С. Шагинян (а она ведь копалась в астраханских архивах), тем большая получается путаница. Читаем в ее «Лениниане»: «Ульянов (дед Ленина. — В. С.) жил в этом доме не один, а с семьей. Членов семьи было пятеро: жена Анна Алексеевна, урожденная Смирнова... (есть документ о том, что отец Анны Алексеевны был крещеный калмык), старший сын Василий, тринадцати лет, дочь Марья двенадцати, Федосья десяти и последний сын Илья двух лет... Ульянов женился поздно и был старше своей жены на целых 25 лет. Какая тому причина? По бумагам он вдовцом не значится. Ни калекой, ни даже болезненным человеком его считать нельзя, потому что старик Ульянов, женившись в пожилом возрасте, совсем по-патриаршьи, прижил четырех детей, а последнего, Илью, уже в таких летах, когда люди большей частью и не помышляют о детях, — шестидесяти семи лет».

Мариэтта Сергеевна уточняет: «Поздние браки в народе встречаются редко, разве что у вдовца с детьми или у тех племен, где за невесту надо вносить калым».

Это уточнение, к сожалению, ничего тут не проясняет. Пытаясь прояснить, Мариэтта Сергеевна ставит вопрос: «В чем же секрет такой необычно поздней женитьбы? Ответ нам подсказывают два других документа, найденные в астраханском архиве».

Документы эти — два приказа, уже цитированные нами, об «отсуждении от рабства» дворовой девки Александры Ульяновой, проживавшей у купца Моисеева, о причислении ее к астраханскому мещанству и об отдаче этой «отсужденной от рабства» Александры Ульяновой старосте Алексею Смирнову.

Одним словом, на колу мочало, начинай все сначала.

Окончательную путаницу (или, может быть, замаскированную ясность?) вносит следующая фраза Мариэтты Шагинян:

«Трудно предположить, что Александра Ульянова (опять Александра, а не Анна!) и Николай Васильевич Ульянов не только однофамильцы, но и одинаково тесно связанные с семьей старосты Алексея Смирнова, — были чужими людьми друг другу».

Странно, что Александра Ульянова везде фигурирует без отчества. С отчеством же фигурирует откуда-то взявшаяся Анна. Причем отчество это от старосты Алексея Смирнова, которому отдали «отсужденную от рабства» дворовую девку Александру Ульянову и дочь которого она никак быть не могла. Из грамматически запутанной (сознательно?) фразы М. Шагинян явствует, что Александра Ульянова и Николай Ульянов были не только однофамильцами, но и не чужими друг другу людьми. Значит, родственниками? С разницей в возрасте в 25 лет? И какова же степень родства? И зачем официально, документированно превращать Александру Ульянову в Анну Алексеевну Смирнову? Чтобы на ней беспрепятственно мог жениться Николай Васильевич Ульянов? Мое перо отказывается сделать последний вывод. Но не этим ли объясняются некоторые характерные признаки вырождения: облысение в 23 года, периодические приступы нервной (мозговой, как окажется впоследствии) болезни, патологическая агрессивность у «гениального» внука?

Наиболее выраженная наследственность шла как раз по линии отца: раннее облысение у того и у другого, одинаковая картавость (отец и сын картавили один к одному, а много ли вы встречали грассирующих калмыков?). Даже смех был позаимствован по

наследству: «Хохот вырывается у него по-отцовски — резко, внезапно, чуть не до колик» (М. Шагинян. «Лениниана», стр. 447). Может быть, все эти «странности» тоже связаны с особенностью брака астраханского портного Ульянова?

В. А. Солоухин. С. 3334

От антропологии перейдем к другой стороне наследства Ленина, теперь уже по отцовской линии. После смерти отца (по отцовской линии В. И.) Василий Ульянов (старший его сын) остался единственным работником в семье, попечителем матери, брата Ильи и сестры. Другая сестра Мария очень рано вышла замуж за довольно состоятельного купца Горшкова. Только благодаря попечению брата, который был старше его на 9 лет, отец Ленина мог окончить астраханскую гимназию. И только потому, что он неустанно поддерживался братом, отец Ленина смог окончить Казанский университет, стать потом педагогом, высоко подняться на этом поприще, быть директором всех начальных училищ Симбирской губернии, после награждения орденом Св. Владимира получить звание потомственного дворянина, а потом чин действительного статского советника, т. е. штатского генерала. Письма к своей матери Ленин мог законно адресовать Ее Превосходительству М. А. Ульяновой (письмо от 15 апреля 1914 г. — том 37 сочинений Ленина, стр. 523).

Д. Шуб. С. 291

Очень старый, тяжело больной волжский рабочий — кочегар Харитон Митрофанович Рыбаков, которого я случайно встретил в лесу в предместье города Вольска летом 1956 года, рассказал мне весьма любопытную историю. Оказывается, его отец, Митрофан Рыбаков, работал у Василия Николаевича Ульянова соляным объездчиком, и тот вместе с армянскими купцами Алабовыми владел соляными копиями и судами на Каспии. Митрофан Рыбаков хорошо знал всю семью Ульяновых. Ссылаясь на рассказы отца и матери, Харитон Митрофанович говорил, что в народе ходили слухи, будто настоящий отец Ильи — Николай Ливанов, многие находили между ними большое внешнее сходство.

А. А. Арутюнов. С. 2425

Вопрос. Где встретились Мария Александровна и Илья Николаевич?

Ответ. Мария Александровна встретила с Ильей Николаевичем в Пензе, где она жила у своей сестры Веретенниковой и занималась с ее детьми. Муж Веретенниковой был инспектором в Пензенском дворянском институте, где был старшим учителем математики и физики Илья Николаевич. Он бывал в доме у Веретенниковых и там встретил Марию Александровну.

А. И. Ульянова-Елизарова [2]. С. 308

Мать в церковь не ходила, отец ходил.

Л. Фишер. С. 19

Мать посещала церковь в большие праздники, но религиозной не была... В последние годы своей жизни была уже совсем неверующей.

Д. И. Ульянов. С. 128

Отец наш был искренне и глубоко верующим человеком и воспитывал в этом духе детей. Но его религиозное чувство было, так сказать, совсем «чистым», чуждым всякой партийности и какой-либо приспособляемости к тому, что «принято». Это было религиозным чувством Жуковского, поэта, любимого отцом, религиозным чувством гораздо более любимого Некрасова, выразившимся, например, в поэме «Тишина», отрывки из которой отец любил цитировать, — именно то место, где говорится о храме Божиим, пахнувшим на поэта «детски-чистым чувством веры».

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 24

Жили мы в довольно большом, поместительном доме, который отец наш, служивший директором народных училищ, купил в 1878 г. В гостиной стояла мягкая мебель: два кресла, два мягких стула и диван угловой в три места, обитые красным ситцем с разводами. Тут же стоял круглый столик, покрытый скатертью [филе]. По стене, выходящей к галерее, стоял большой черный рояль с обрезанным хвостом. Над ним в простенке висело бронзовое бра. Резервуар лампы был белый с цветочками...

В простенке между окнами, выходящими на улицу, висело зеркало в раме, под ним стоял столик. В гостиной было много цветов, из больших: пальм [феникс реклина], фикус, филодендрон. Цветы эти стояли на тумбочках. В столовой были венские желтые стулья с плетеным сиденьем и круглыми без выступов спинками, стол, буфет, [ломберный] столик с машинкой для шитья...

Портретов и картин на стенах не было, вообще обстановка носила пуританский характер. Объясняется это отчасти вкусами и образом жизни Ильи Николаевича, отсутствием средств и отчасти и художественного образования, вообще в Симбирске того времени не имевшегося.

М. И. Ульянова. С. 194, 299, 300

Так как Мария Александровна была хорошей музыкантшей, очень любившей и хорошо понимавшей музыку, то музыка в семье значила многое, но в других отраслях искусства подготовки не было.

А. И. Ульянова [2]. С. 308

Мальчиком Владимир Ильич учился играть на рояле. У него, по словам матери, был великолепный слух, и музыка давалась ему легко. В возрасте восьми-девяти лет он бойко играл многие детские пьесы, а также с матерью и со старшими в четыре руки.

Д. И. Ульянов. С. 147

Настоящего голоса у нас в семье ни у кого не было, но музыку мы все любили и немного ей учились. В детские годы учился играть на рояле и Владимир Ильич, но рано бросил это занятие и потом жалел об этом.

М. И. Ульянова. С. 204

Володя любил петь; слух и способность к музыке у него были хорошие... Мама показала ему начальные упражнения, дала ему разыграть несколько простеньких детских песенок и пьесок, и он стал играть очень бойко и с выражением. Мать жалела потом, что он забросил музыку, к которой проявлял большие способности...

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 19

Наша мать — Мария Александровна — очень любила рояль. Она играла многие старинные песни и романсы и под музыку пела. Но в особенности охотно она играла и пела из оперы «Аскольдова могила»; у нее были старые, пожелтевшие от времени ноты этой оперы. Мы все очень любили ее музыку и пенье, и Владимир Ильич часто напевал некоторые мотивы из «Аскольдовой могилы» (опера А. Н. Верстовского. — *Е. Г.*).

Д. И. Ульянов. С. 149

Музыкален. Музыкальная память хорошая. Запоминал хорошо, но не то чтобы очень быстро. Больше всего любил скрипку. Любил пианино. Абсолютный слух? Не знаю. Насчет аккорда тоже не знаю. Ритм? Ноты? Мог ли читать их? Не знаю.

Н. К. Крупская. С. 371

В 1883-1884 году мне подарили гармонику. Ни я, ни старшая сестра, Ольга Ильинична, не умели приступить к этому инструменту, и только Владимир Ильич быстро освоился с ним и подобрал несколько мотивов, в том числе довольно удачно «Вот мчится тройка удалая вдоль по дорожке столбовой».

Зимой 1888-1889 года в Казани я был с Владимиром Ильичом в опере. Ставили «Дочь кардинала» (опера «Дочь кардинала» написана французским композитором Фроманталем Галеви. — *Е. Г.*). Места наши были где-то высоко на галерее. Мне очень ярко врезался в память этот вечер. Помню, как мы пешком возвращались из театра, как ужинали дома молоком с хлебом, не хотелось спать. Владимир Ильич все время находился под впечатлением услышанной музыки, напевал «Рахиль, ты мне дана...», еще что-то и главным образом другую арию Елиазара — «Христиан я ненавижу, их решил презирать, но теперь я прибыль вижу — можно денежки достать!». Это место ему особенно понравилось, и дома за ужином он тихо, так как другие спали, все время повторял его.

Д. И. Ульянов. С. 148

Дмитрий, младший брат Ленина, впоследствии вспоминал, как Володя пел лирические песенки Гейне и арию Валентина из «Фауста» Гуно.

Л. Фишер. С. 18

В 1888—1890 годах Владимир Ильич часто пел под рояль с Ольгой Ильиничной, которая хорошо играла, имела голос и умела петь.

Они пели дуэтом «Нелюдимо наше море». И помню последний куплет:

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья! Бурей полный,
Прям и крепок парус мой!
Любил Володя «Свадьбу», кажется, Даргомыжского:

Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами;
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных!

Венчала нас полночь
Средь мрачного бора!
Затем он пел «Чудесные глазки». Слова Гейне: «Du hast Diamanten und Perlen...»:

У тебя есть алмазы и жемчуг,
Все, что люди привыкли искать,
И еще есть прелестные глазки,
Милый друг, чего больше желать...

Дальше:
Эти чудные глазки на сердце
Наложили мне скорби печать,
От них я совсем погибаю,
Милый друг, чего ж больше искать.
«Погибаю» — надо было брать очень высокую ноту, и Владимир Ильич говорил, вытянув ее: «Уже погиб, погиб совсем».

Д. И. Ульянов. С. 150

Оперу любил больше балета.
Н. К. Крупская. С. 371

Как-то Илья Николаевич научил старших детей революционным песням на слова Рылеева, и Анна Ильинична во дворе запела такую песню. Мария Александровна остановила ее, позвала и указала на то, что делать этого не следует, так как это может повредить отцу. Он считался либералом в городе.

М. И. Ульянова. С. 301

Ульянов был вне каких-либо подозрений, повода к этому никогда не давал, никакой слежки за ним не было, потому о нем не было и полицейских материалов, рапортов. Если бы отец Ленина стал в глазах высшего начальства неблагонадежной личностью, ему после его смерти не была бы царским указом пожалована звезда. И пожалование в 1886 г. этого столь высокого отличия тем более знаменательно, что с 1881 г., — убийства Александра II, правительство удушало даже самые невинные проявления оппозиционного духа во всех областях государственного управления, в том числе и в школьном деле.

Н. Валентинов. Выдумки о ранней революционности Ленина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1954. № 39. С. 215.

(Далее цит.: Н. Валентинов [2])

Пел. Репертуар: «Нас венчали не в церкви», «Я вас люблю, люблю безмерно», «Замучен в тяжелой неволе», «Варшавянка», «Вставай, подымайся, рабочий народ», «Смело, товарищи, в ногу», «День настал веселый мая», «Беснуйтесь, тираны», «Vous avez pris Elsass et Lorraine», «Soldats dix-septime».

Н. К. Крупская. С. 368

Владимир Ильич очень любил «Замучен тяжелой неволей». Одним из любимых оперных мотивов Владимира Ильича, который он часто насвистывал, была ария из «Пиковой дамы»: «Я Вас люблю, люблю безмерно, без Вас не мыслю дня прожить... (ария Германа из оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама». — *Е. Г.*)».

М. И. Ульянова. С. 282

Летом каждый вечер мы отправлялись с папой на Свягу купаться. Отец абонировал на весь сезон определенные часы в купальне некоего Рузского. Помню, что фамилия владельца общественной купальни была Кох, и вот, бывало, отец, увидев издали идущего туда купаться учителя немецкого языка Штейнгауера, кричит ему в виде приветствия: «Немец идет к немцу, а русский — к Рузскому»...

Я всегда брал с собой полотенце. Помню, один раз взял два полотенца, видя, что у Владимира Ильича нет полотенца. Говорю ему: «Я для тебя принес». «Зачем же полотенце?» — спрашивает он. «Обтираться, вытереть голову, лицо». — «Нет, так лучше, свежесть дольше остается». Он не признавал полотенце и прямо на мокрое тело надевал рубаху.

Д. И. Ульянов. С. 126, 175

Когда некоторых из преподавателей уволили из института за прогрессивные, т. е. «направленные к разрушению основ», взгляды, Илья Николаевич остался на службе.

Л. Фишер. С. 15

Восторженный поклонник царя Александра II, в котором он чтил освободителя крестьян и проводника реформ, И. Н. Ульянов отрицательно относился ко всяким революционным актам и теориям и с умеренной симпатией даже к оппозиционному движению, боясь, что таковое явится помехой для проведения и укрепления уже ведущихся царем реформ.

Н. Валентинов [2]. С. 213

Илья Николаевич не был чужд и общественным наукам, он был, как я говорила, либералом, но революционером не был. Освобождение крестьян и все реформы царствования Александра II имели на него большое влияние. Одушевленный идеей идти служить народу, Илья Николаевич бросил относительно спокойную работу учителя и пошел в народные инспекторы. Работа эта была очень тяжелая. Илье Николаевичу приходилось много работать, а у него не было даже секретаря. Кроме того, работа эта требовала постоянных поездок по губернии, отлучек из дому.

Директор гимназии Керенский (отец А. Ф. Керенского, главы Временного правительства перед Октябрьской революцией), тогда преподававший в старшем классе словесность, очень любил Володю, хвалил постоянно его работы и ставил ему лучшую отметку...

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 21

Случайно узнал, что в гимназии Ленин написал сочинение на тему «Пророк» Пушкина, однако разговор о том был прерван и больше не возобновлялся. Лишь позднее мне стало известно, что в Симбирской гимназии, где учился Ленин, литературу преподавал Ф. М. Керенский — отец Александра Федоровича Керенского. Это он многим своим ученикам, в том числе и Ленину, внушил великое почтение и любовь к Пушкину. Немилосердно ругая сына Керенского и очень хорошо отзываясь о Керенском-отце, Ленин рассказывал об этом П. А. Красикову, а разговор о том возник по следующему поводу. В 1921 г. (или 1920-м — не могу точно сказать) Ленин посетил Вхутемас — Высшее художественное училище в Москве. Если не ошибаюсь, в какой-то заметке есть о том и у Крупской. На вопрос Ленина, что читает сейчас молодежь, любит ли она, например, Пушкина, — студенты и студентки Вхутемаса почти единогласно ответили, что Пушкин «устарел», они его не признают, он «буржуй», представитель «паразитического феодализма», им никто теперь не может увлекаться и все они стоят за Маяковского — он революционер, а как поэт намного выше Пушкина. Ленин слушал это, пожимая плечами. Стихи Маяковского он совершенно не переносил. После посещения Вхутемаса, беседуя с Красиковым, Ленин говорил:

— Совершенно не понимаю увлечения Маяковским. Все его писания — штукачество, тарабарщина, на которую наклеено слово «революция». По моему убеждению, революции не нужны играющие с революцией шуты гороховые вроде Маяковского. Но если решат, что и они ей нужны, — пусть будет так. Только пусть люди меру знают и не охальничают, не ставят шутов, хотя бы они клялись революцией, выше «буржуя» Пушкина и пусть нас не уверяют, что Маяковский на три головы выше Беранже.

— Я передаю, — рассказывал мне Красиков, — подлинные слова Ленина. Можете их записать. Давайте сделаем большое удовольствие Ильичу — трахнем по Маяковскому. Так статью и озаглавим: «Пушкин или Маяковский?». Нужны ли революции шуты гороховые? Конечно, на нас накинута, а мы скажем: обратитесь к товарищу Ленину, он от своих слов не откажется...

Н. Валентинов. Встречи с Лениным. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 2425

(Далее цит.: Н. Валентинов [1])

...Владимир Ильич обратил внимание на висевший на стене лозунг, взятый из стихов Маяковского: «В небеса шарахаем железобетон».

Ленин, смеясь, запротестовал: «Зачем же в небеса шарихать? Железобетон нам на земле нужен».

И. А. Арманд. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 102

Когда Ленин писал сочинение о «Пророке» Пушкина, — сыну директора гимназии Керенского было только шесть лет. Через тридцать лет эти два уроженца Симбирска, города, по выражению Гончарова (тоже уроженца Симбирска!), погруженного в непробудный сон, «в оцепенение покоя», в своего рода «штиль на суше», предстали на фоне величайшей, потрясшей Россию социальной бури, бешеного урагана, встав в центре не только всероссийского, а мирового внимания. Борьба этих двух русских людей из Симбирска — по своему смыслу, значению и последствиям — вышла далеко из русских границ.

Н. Валентинов [1]. С. 25

О его детстве и юности имеются у меня всего лишь два показания; оба, к сожалению, несколько вялые. Первое — поэта Аполлона Коринфского, одноклассника по гимназии. По его словам, Ульянов был мальчиком серьезным, даже угрюмым; всегда держался особняком, в общих играх, проказах и прогулках не участвовал; учился хорошо, почти всегда первым учеником. Одну его черту поэт очень твердо запомнил и, может быть, по личному опыту: никогда Ульянов не подсказывал соседу, никому не давал списывать и ни одному

товарищу не помог объяснением трудного урока. Его не любили, но не решались дразнить. Так он и прошел все восемь классов — одинокий, неуклюжий, серьезный, с волчьим взглядом исподлобья.

А. И. Куприн. Ленин. Опыт характеристики // Общее дело. Париж, 1920. № 87.

(Далее цит.: А. И. Куприн [2]).

Одно время Владимир Ильич взял мишенью для насмешек учителя французского языка, по фамилии Пор.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 25

Месье Пор элегантно одевался, был по-французски экспансивен, обаятелен, он умел пленять учеников. По-русски он говорил с чудовищным акцентом. Владимир откровенно, в лицо издевался над ним, передразнивал его манеры, речь, его привычку бегать жаловаться к директору гимназии по малейшему поводу. А рассердить месье Пору было легко. Владимир объявил войну французам. Зрелище было отвратительное, потому что все преимущества, казалось, были на стороне ученика, у которого отец — директор всех губернских народных училищ, а сам он — любимец директора гимназии. Месье Пор, тем не менее, заявил, что ученику, позволяющему себе постоянное неповиновение воле учителя и грубые проделки, выходящие за рамки приличий, ставить отличные отметки по поведению нельзя, это не соответствует действительности. Месье Пор настаивал на том, чтобы Владимиру снизили оценку по поведению. Но, как и следовало ожидать, положение отца сыграло свою роль, и оценка не была снижена.

Р. Пейн. С. 54

Когда дети Ульяновы были маленькими, родители им запрещали кататься в Симбирске по Свияге на лодке без старших, обычно без Александра, на четыре года старшего Владимира. Младший Ульянов, Дмитрий, с большим удовольствием усаживался в лодку с Александром. Владимир же, несмотря на желание покататься, от этого часто отказывался. Он знал, что в каждой такой прогулке Александр начнет непереносимые для Владимира розыски разных гадких обитателей воды. Ленин говорил, что он никогда не пробовал ловить

рыбу удочкой, так как для этого нужно было насаживать червя на крючок, а к червям у него было отвращение, почти идиосинкразия.

Н. Валентинов [2]. С. 247

Он не любил рыбной ловли удочкой вообще.

Д. И. Ульянов. С. 173

Володя был с детства вспыльчивым, и пример Саши, его всегдашней ровности и большой выдержки, имел для всех остальных детей, в том числе — и особенно — для Володи, большое значение.

М. И. Ульянова. С. 20

...Различие натур обоих братьев выделялось уже с детства, и близкими друг другу они никогда не были.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 67

В отношениях к товарищам, характеризовал его Говорухин (?), он (Саша) был редкий человек. Он равно уважал и собственное достоинство, и достоинство других. Это была натура нравственно-деликатная. Он избегал всяких резкостей, да был к ним и неспособен. Никогда я не видел его беззаботно веселым, вечно он был задумчив и грустен. Он любил театр, понимал поэзию, особенно любил музыку и когда слушал ее, становился еще грустнее и задумчивее.

Н. Валентинов. Ранние годы Ленина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. С. 203.

(Далее цит.: Н Валентинов [7])

Ежемесячно отец посылал Александру на прожитие сорок рублей. Но Александр был бережлив, и ему удавалось сократить расходы до тридцати рублей в месяц. Приехав домой в начале летних каникул 1885 года, он, ни слова не говоря, вернул Илье Николаевичу сэкономленные деньги. Илья Николаевич отчитал его, сказав, что не к лицу сыну действительного статского советника вести образ жизни нищего студента и морить себя голодом, — ведь деньги в семье есть, и его никто не ограничивает в средствах. Александр промолчал. У него были свои принципы, и брать у отца больше денег, чем ему было необходимо, он категорически отказался.

Р. Пейн. С. 60

Владимир был очень похож на отца. У обоих были высокие лбы, рыжеватые бороды, лысые головы и короткие ноги. Оба не выговаривали «р» после некоторых согласных. Оба обладали безграничной энергией и неуклонно вкладывали ее в суровые, страстные, подвижнические труды. Оба умерли рано: Ленину еще не было 54-х, отцу его шел 55-й год. Илье Николаевичу не делали вскрытия, но врач отнес его смерть за счет кровоизлияния в мозг, Ленин также умер от болезни мозга.

Л. Фишер. С. 16

Володя был всегда очень непрактичен в житейских, обыденных вещах — он не умел и не любил покупать себе что-нибудь, и обычно и позже эту задачу брали на себя мать или я. В этом он напоминал всецело отца, которому мать заказывала всегда костюмы, выбирала материал для них и который, как и Володя, был чрезвычайно безразличен к тому, что надеть, привыкал к вещам и по своей инициативе никогда, кажется, не сменил бы их. Володя и в этом, как и во многом другом, был весь в отца.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 37

Как все в нашей семье, Владимир Ильич был застенчив, и когда — что случалось крайне редко — к нам приезжал кто-нибудь из малознакомых, он или оставался в своей комнате, или через окно удирал в сад. Так поступал он и при посещении малоинтересных для него людей.

М. И. Ульянова. С. 205

Илья Николаевич Ульянов умер 12 января 1886 г.

Л. Фишер. С. 21

Он рано сгорел на большой работе и умер внезапно от кровоизлияния в мозг 12 января 1886 года на 55-м году от роду.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 18

Саша на похоронах не присутствовал — он учился в Петербургском университете. Могла ли кончина строгого отца освободить обоих сыновей от того, что прежде их незаметно сдерживало? Отвечая на вопросы переписки 1922 г., Ленин писал: «Неверующий с 16-ти лет» (т. е. стал неверующим вскоре после смерти отца). Это, кстати, опровергает часто упоминаемую историю о том, что он якобы сорвал с себя нательный крест, услышав, как священник советует отцу бить мальчика за безбожие.

Л. Фишер. С. 21

Володя переживал тогда переходный возраст, когда мальчики становятся особенно резки и задирчивы. В нем, всегда очень бойком и самоуверенном, это проявлялось особенно заметно, тем более тогда, после смерти отца, присутствие которого действует всегда сдерживающе на мальчиков. Помню, что эта резкость суждений и проявлений Володи смущала порой и меня. Обратила я также внимание, что Саша не поддерживал нашей болтовни, а пару раз, как мне показалось, неодобрительно поглядел на нас. Всегда очень считавшаяся с его мнением, я в то лето особенно болезненно чувствовала всякое его неодобрение. И вот осенью я задала вопрос и о Володе. Помню даже форму вопроса: «Как тебе нравится наш Володя?» И он ответил: «Несомненно, человек очень способный, но мы с ним не сходимся» (или даже: «совсем не сходимся» — этого оттенка я уже точно не помню, но помню, что сказано было решительно и определенно).

— Почему? — спросила я, конечно.

Но Саша не пожелал объяснить. «Так», — сказал он только, предоставив мне догадываться самой.

Я объяснила это себе тем, что Саше не нравились те черты характера Володи, которые резали, но, очевидно, слабее, и меня: его большая насмешливость, дерзость, заносчивость, — главным образом, когда они проявлялись по отношению к матери, которой он также стал отвечать порой так резко, как не позволял себе при отце. Помню неодобрительные взгляды Саши при таких ответах. Так глубоко и сильно переживавший смерть отца, так болевший за мать... сам всегда такой сдержанный и внимательный, Саша должен был очень реагировать на всякую резкость по отношению к матери. Объяснение

это еще подтвердилось рассказом матери следующим летом, уже после смерти Саши. А именно, она рассказала мне, что раз, когда Володя с Сашей сидели за шахматами, она напомнила Володе какое-то требование, которое он не исполнил. Володя отвечал небрежно и не спешил исполнить. Мать, очевидно, раздраженная, настаивала... Володя ответил опять какой-то небрежной шуточкой, не двигаясь с места.

— Володя, или ты сейчас же пойдешь и сделаешь, что мама тебе говорит, или я с тобой больше не играю, — сказал тогда Саша спокойно, но так твердо, что Володя тотчас встал и исполнил требуемое. Помню, с каким растроганным видом рассказывала мне об этом проявлении Саши мать.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 66

Никакого «излучения» моральности не было у властного и бурного Владимира. Моральный «ошейник» должен был им ощущаться с крайней неприязнью, вызывая бессознательное желание сбросить эту обузу. Он плохо терпел какие-либо ограничения. Вероятно, только огромное самолюбие, желание быть «первым учеником» заставило его неукоснительно подчиняться всем строгим правилам Симбирской гимназии. Не забудем еще, что Владимир был баловень в семье. В отличие от скромного Саши, шумливый и кипучий, он был всегда на авансцене жизни семьи. Он видел, что им восхищаются и привык с детских лет, когда слышал от няньки, что Володя не «золотой», а «бриллиантовый», чтобы им восхищались. Привыкнув к этому, уже не терпел замечаний и резко реагировал на все указания матери. Волевой и самоуверенный, Владимир Ульянов хотел быть свободным в своих влечениях, внутренних сдерживающих сил и правил, «велений совести», «чувства долга», столь сильных у Саши, у него не было. И Саша, это чувствуя, имел полное основание решительно сказать: «Мы с ним совсем не сходимся».

Н. Валентинов [7].

Но перед юношей вся жизнь, полнота бытия захватывает его, рыжеватый пух вылезает на подбородке (Ленин от рождения был огненно-рыжим. — *Е. Г.*), он не умеет соразмерить голос — говорит громче, чем раньше, стучит каблуками сильнее, чем раньше, хохот

вырывается у него по-отцовски резко, внезапно, чуть не до колик... Володя грубит, огрызается. Дома все чаще и чаще слышно: «Володя, не груби. Тише, Володя...» Именно в эту пору Ильич перестал верить в Бога...

М. С. Шагинян. С. 148

Желание командовать у Вл. Ульянова почти с детских лет. В Кокушкине, играя со своими двоюродными братьями в казацкую вольницу, он всегда хотел быть «Тарасом Бульбой», атаманом. «Он встряхивал и увлекал нас, — вспоминает Веретенников, — атаманство, его первенство, проступало, так сказать, непроизвольно». Право на командование сначала покоится на смутном и неясном чувстве. Через несколько лет (в 1891-1892 гг.) оно дойдет до сознания, превратится в уверенность, подкрепленную семейной обстановкой, наполненной преклонением перед ним как «гением». И эта уверенность вместе с другими свойствами этого человека сыграет огромнейшую роль в судьбах России и всего мира.

Н. Валентинов [7]. С. 189

Ребенком и даже подростком лет до 11-12 Владимир преклонялся перед братом. «Он любил играть во все, во что играл Саша, делать все, что делал Саша, он подражал ему во всем до мелочей». Подражание стало исчезать по мере того, как Владимир рос и постепенно формировал свое индивидуальное лицо. Оно не было похоже на брата. Натуры братьев были действительно глубоко различны. Саша был вдумчив, терпелив, тих, ровен в своих отношениях к членам своей семьи и другим людям, мягок и при огромных способностях и трудоспособности очень скромнен. Владимир тоже с очень большими способностями и настойчивостью в работе — бурно-энергичен, вспыльчив, резок, заносчив, нетерпелив, властен, крайне самолюбив и самоуверен. Дерзость и самоуверенность стали особенно проявляться после смерти отца, присутствие которого действовало на него умеряющим образом. Матери он стал отвечать «порой так резко, как не позволял себе при отце». А. И. Ульянова выражается очень мягко: есть много данных думать, что в то время Владимир был с матерью до крайности груб. Впрочем, нужно немедленно добавить, что эта грубость у него исчезла после смерти Саши. В горе, постигшем семью

и ее крепко объединившем, Ленин в этом отношении как бы переделал себя и стал нежным сыном. При жизни Саши этого еще не было. Никогда не выходя из себя, не расставаясь со своей обычной сдержанностью, Саша с неодобрением относился к дерзким выходкам брата... Самолюбивому и заносчивому Владимиру замечания брата должны были казаться непереносимыми. Во всяком случае не принимались легко.

Н. Валентинов [6]. С. 217

Сопоставление этого рассказа с моими личными впечатлениями, а также и с тем, как проявлялся тогда и чем интересовался Володя, сложило во мне прочное убеждение, что именно эти черты его характера имел в виду Саша, когда высказал свое суждение о нем. Саше всякая насмешка, поддразнивание были абсолютно чужды... Володе насмешка была свойственна вообще, а в этот переходный возраст особенно. А Саша в это лето, после потери отца, когда в нем созревала, очевидно, решимость стать революционером, был в настроении особом, даже для него, далеко от всякого легкого, с кондачка, отношения.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 66

Владимир не понимал — как брат может целые дни сидеть с микроскопом над всякими пустяками! В работе брата он не видел смысла, ни научного, ни практического. Она вызывала у него лишь колкие насмешки. Для них здесь была удобная, а при желании и скабрзная почва. Ведь как легко посмеяться, что Саша весь день с раннего утра наблюдает под микроскопом сексуальную жизнь — чью. Червей.

Н. Валентинов [7]. С. 183

Тем не менее, Володя подражал старшему брату настолько, что мы даже посмеивались над ним, — с каким бы вопросом к нему ни обратиться, он отвечал неизменно одно: «Как Саша».

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 20

Бывало, кашу подадут на стол, его первого нарочно спрашивают: «Володя, как кашу хочешь: с молоком или с маслом?» Он всегда

отвечал: «Как Саша».

М. И. Ульянова. С. 199

Стремление подражать брату, искание путей, конечно, было, но не больше. Читать Маркса Володя начал уже в 18881889 году, в Казани, по-русски.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 68

Научных марксистских книг Владимир Ильич тогда еще не читал, специальности своей еще не наметил. Помню, что читал и перечитывал по нескольку раз своего любимого Тургенева.

М. И. Ульянова. С. 287

Остался у меня в памяти разговор с Володией о появившейся в ту зиму в одном из журналов новой повести А. Чехова «Палата № 6». Говоря о талантливости этого рассказа, о сильном впечатлении, произведенном им, — Володя вообще любил Чехова, — он определил всего лучше это впечатление следующими словами: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел...»

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 36

Летом, я помню, мы отмечали оба с Сашей, удивляясь этому, что Володя может по нескольку раз перечитывать Тургенева, — лежит, бывало, на своей койке и читает и перечитывает снова, — и это в те месяцы, когда он жил в одной комнате с Сашей, усердно сидевшим за Марксом и другой политико-экономической литературой, которой была тесно заставлена книжная полка над его столом.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 67

Последний год, когда семья уплотнилась и жила теснее, Анна Ильинична с Александром Ильичом с удивлением наблюдали за тем, с каким увлечением Владимир Ильич перечитывал Тургенева. Вообще он много читал беллетристики.

М. И. Ульянова. С. 302

«Капитал» впервые попал в руки Ленина в январе 1889 года. Конечно, для последующих событий эта дата особо важного значения не имеет и все-таки, если хотят устанавливать биографию Ленина, базируясь на фактах, а не на вымыслах, указанная дата столь же важна как, например, и указание, что Ленин родился в 1870 году, а не в 1886 году.

<...>

Максим Горький на предложенный ему однажды нами вопрос: как мог бы он объяснить, что Ленин питал такой большой интерес к Тургеневу, дал следующий ответ. Ленин был типичным русским интеллигентом и такими же типично русскими интеллигентами были и главные, наиболее видные персонажи Тургенева. Отсюда у него к ним сочувственное любопытство, как к «экземплярам одной и той же культурной породы». С другой стороны, Ленин обладал совершенно «нерусской чертой» — изумительной силою воли, и этим натура его глубоко отличалась от безвольной психической организации большинства типов Тургенева и резко от них отталкивалась. Подобного притяжения и одновременно отталкивания, симпатии и антипатии Ленин не ощущал совсем или не с такою силою, читая других писателей, и это объясняет, по мнению Горького, особый интерес Ленина и Тургеневу. Объяснение интересное, но обосновано ли оно: во-первых, не все видные фигуры Тургенева без воли. Базаров и Инсаров — люди с волею. Во-вторых, если допустить, что Горький прав, его рассуждения можно отнести не к Ленину, а к юноше Владимиру Ульянову. Иначе нужно предположить, что особый интерес, который Владимир Ульянов проявлял к персонажам Тургенева, вызывался каким-то смутным, но острейшим предчувствием, что с некоторыми «экземплярами этой породы» потом, когда он станет Лениным, ему придется вести беспощадную политическую борьбу.

Н. Валентинов [2]. С. 222223

Итак, определенных политических взглядов у Володи в то время не было.

М. И. Ульянова. С. 302

И если бы не случилось одно событие — Владимир Ульянов, вероятно, никогда бы не стал Лениным. Какое это событие? Покушение на царя Александра III, участие в нем брата Александра, казнь брата. На все, что с этим связано, надо обратить максимальное внимание. Тут мы у истоков формирования той исторической личности, которая, проклиная одними и воодушевляя других, наложила на весь мир свою печать.

Н. Валентинов [2]. С. 231

Небезынтересно также сопоставить с этим рассказ И. Х. Лалаянца о том, как на вопрос его о деле Александра Ильича Владимир Ильич сказал: «Для всех нас его участие в террористическом акте было совершенно неожиданно. Может быть, сестра (имел в виду меня) знала что-нибудь, — я ничего не знал!»

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 68

Все семейство Ульяновых еще до тех пор, пока В. И. Ульянов (Ленин) не стал еще играть видной роли в российском революционном движении, пользовалось в радикально-революционных и просто либеральных кругах общества большой известностью и даже престижем. Причиной этого была трагическая смерть погибшего на виселице в юном возрасте талантливого (по словам некоторых близко знавших его, даже гениального) Александра Ильича Ульянова, которого считали душой всего этого дела. Все пять человек заговорщиков были приговорены к повешению.

Г. А. Соломон. Вблизи вождя: свет и тени. Ленин и его семья. М.: Москвитянин,. 1991. С. 12

(Далее цит.: Г. А. Соломон [1])

1 марта 1887 г., как известно, состоялось неудачное покушение на императора Александра III. Заговорщики были схвачены (благодаря распорядительности известного генерала Грессера, получившего сведения о готовящемся покушении загодя и направившего царя по другому пути), не успев приступить к своему намерению. Их было пять человек, студенты Ульянов, Генералов, Швырев, Остапов и Андреюшкин. Я был в то время гимназистом Ларинской гимназии (С.-Петербург) и случайно познакомился с Генераловым (не помню по

какому поводу, но не имел ни малейшего понятия о том, что он состоит в заговоре). У него я видел мельком и А. Ульянова. Впоследствии уже от М. Т. Елизарова я узнал, что он был близким товарищем и другом привлеченных по этому делу пяти студентов и что только по счастливой случайности он не был арестован. В этой группе заговорщиков А. Ульянов считался душой всего дела, исполняя ту же роль, какую играл в убийстве Александра II гениальный Кибальчич.

Г. А. Соломон. Среди красных вождей. (Осмысление века: кремлевские тайны). М.: Современник, 1995. С. 126.

(Далее цит.: Г. А. Соломон [2])

Покушение на царя предполагалось произвести, когда царь поедет из дворца в Исакиевский или Казанский собор. С 26 февраля метальщики бомб и разведчики дежурили на улицах. Первого марта — в годовщину убийства Александра II — организация рассчитывала, что ей удастся бросить бомбу. Но вследствие неосторожного письма одного из метальщиков (Андреюшкина), попавшегося жандармам, за ним и некоторыми его товарищами началась слежка. В день 1 марта их арестовали на Невском проспекте, хотя охрана совсем не подозревала, что в этот день готовилось покушение на царя. Найденные у арестованных бомбы открыли глаза охране и очень скоро она схватила всю организацию. Арестованы были 31 человек, в том числе Анна Ильинична, сестра Александра, не имевшая никакого отношения к заговору и ничего о нем не ведавшая. Александр, оберегая сестру, держал ее вдали от опасности. Привезен был в Петербург и отысканный в Крыму Шевырев.

Н. Валентинов [2]. С. 206

Его казнили 8 мая 1887 г. Мать проводила его к эшафоту со словами ободрения: «Мужайся, мужайся!» В это время ему едва исполнился двадцать один год. Когда она уходила, он попросил у нее томик стихов Гейне. На последнем свидании она передала ему стихи и поцеловала его на прощание.

Л. Фишер. С. 23

Узнав о приговоре, Мария Александровна, сдержав себя могучим усилием материнской любви, обуреваемая одной мыслью спасти сына,

бросилась хлопотать. Она имела силу и мужество при свиданиях с сыном обнадеживать его. Но это был мужественный человек и самоотверженный революционер. И начиная это дело, он заранее знал, на что он идет. И свою судьбу он принял просто и без жалоб. Несмотря на просьбы и мольбы матери, он категорически отказался, так же как и все его товарищи, от подачи прошения царю о помиловании. А между тем матери власти заявили, что жизнь его будет спасена, если он подаст это прошение. Все старания, все униженные мольбы матери о пощаде были отвергнуты. День казни был назначен. Несчастная мать держалась бодро. Она имела мужество испросить последнее свидание с сыном. И это ужасное свидание состоялось накануне казни. Оно продолжалось всего полчаса. Она сделала еще попытку сломить упорство сына. Он остался тверд до последней минуты.

Г. А. Соломон [1]. С. 1213

Через сорок лет, уже не бывший прокурором, Князев (молодой прокурор, присутствовавший при последнем свидании матери и сына. — *Е. Г.*) дополнил несколькими штрихами это свидание Александра Ульянова с матерью. «Прошло 40 лет, но не померкла в глазах моих тяжелая картина этого свидания подавленной несчастьем любящей матери и приговоренного к смерти сына, своим мужеством и трогательной нежностью старавшегося успокоить мать. Она умоляла его подать прошение о помиловании, выражая надежду и почти уверенность, что такая просьба будет уважена. Видимо, с большой душевной болью отказывая матери, А. Ульянов привел между прочим, хорошо помнится, такой довод, несомненно свидетельствующий о благородстве его натуры: «Представь себе, мама, двое стоят друг против друга на поединке. Один уже выстрелил в своего противника, другой еще нет, и тот, кто уже выстрелил, обращается к противнику с просьбой не пользоваться оружием. Нет, я не могу так поступить».

Нет сомнения, если бы Ульянов подал просьбу царю, она была бы уважена.

Н. Валентинов [2]. С. 182183

...Однажды Император Александр III лично обходил заключенных в Петропавловской крепости; каждый осужденный пытался на вопросы Императора сказать о своей невинности в

надежде получить защиту Царя, но Тихомиров (один из осужденных по делу «Народной воли», будущий автор известной книги «Монархическая государственность». — Е. Г.) честно признал себя полностью заслуживающим наложенное наказание, и тогда Император сказал, что не находит возможным содержать в одинаковом заключении столько «невинных» людей совместно с «преступником» и повелел освободить Тихомирова из тюрьмы... Этим актом Царского милосердия и был заложен фундамент последовавшего духовного возрождения активнейшего революционера. Если этот, слышанный нами рассказ, и неверен, то он все же вполне вероятен и полностью в духе характера Царя-Миротворца.

Из предисловия к книге Л. А. Тихомирова «Монархическая государственность».

СПб.: ГПП им. Ивана Федорова, 1992. С. 5

На молодого прокурора Князева Ульянов произвел огромное впечатление. По своей натуре, нравственной силе, особой честности, и в большом и в малом, Ульянов действительно не был как все. Он далеко выходил из общих рядов. Об этом говорит его поведение до 1-го марта, его поведение на дознании, на суде и после осуждения на смерть. И вот что для него характерно, о чем все другие в его положении, конечно, забыли бы: в тюрьме из его памяти не уходила мысль, что незадолго до ареста он взял в долг у некоего Тулинова. Он считает бесчестным это забыть. При последнем свидании с матерью он просит ее выкупить из ломбарда заложенную университетскую медаль и из вырученной суммы непременно заплатить долг. Еще и о другом он просит мать. Он переводил, как мы уже отметили, статью Маркса из «Немецко-французского ежегодника».

Эту редкую книгу ему одолжил В. В. Водовозов с условием хранить «как зеницу ока» и в назначенный срок возвратить. При обыске и аресте книга была забрана жандармами и, следовательно, должна была почитаться окончательно потерянной. Александр этим мучился и просил мать известить Водовозова, что все будет сделано, чтобы найти где-нибудь другой экземпляр книги.

Н. Валентинов [2]. С. 182183

Старая няня, жившая в их доме, которая помнила детей Ульяновых еще с пеленок, так рассказывала о возвращении Марии Александровны: «Она не позвонила и не постучала в дверь, а тихо прошла через черный ход. Дети помоложе кинулись к ней, окружили ее, припали к своей маменьке. Я заметила, что она совсем стала седая».

Р. Пейн. С. 72

Она ушла со свидания, ушла без слез, без жалоб. И в ту ночь она сразу вся поседела. Долгое заболевание, почти безумие овладело ею. Анна Ильинична ухаживала за матерью как за своим ребенком... Она оправилась. Но пережитое наложило на всю ее жизнь свою тяжелую руку и совершенно изменило всю ее природу. Она вся ушла в свое горе.

Г. А. Соломон [1]. С. 13

Сегодня в Шлиссельбургской тюрьме, согласно приговору Особого Присутствия Правительствующего Сената, 15/19 минувшего Апреля состоявшемуся, подвергнуты смертной казни государственные преступники...

При объявлении им за полчаса до совершения казни, а именно в 3 1/2 часа утра о предстоящем приведении приговора в исполнение, все они сохранили полное спокойствие и отказались от исповеди и принятия св. тайн...

Первоначально выведены для свершения казни Генералов, Андреюшкин и Осипанов... По снятии трупов вышеозначенных казненных преступников были выведены Шевырев и Ульянов, которые так же бодро и спокойно вошли на эшафот...

Из «Правительственного сообщения о деле 1 марта 1887 г.».

Цит. по: *Драбкина Е. Я.* Зимний перевал. М.: Политиздат, 1990. С. 252

Священник подошел к смертникам с крестом. Ульянов приложился к кресту. Шевырев оттолкнул руку священника.

Н. Валентинов [7]. С. 207

Приговор Особого Присутствия Правительствующего Сената о смертной казни через повешение над осужденными... приведен в исполнение 8 сего мая 1887 года...

Из «Правительственного сообщения о деле 1 марта 1887 г.»

Эта смерть старшего и самого любимого сына во цвете лет и таланта произвела на его мать, по рассказам того же Елизарова (с остальными членами семьи Ульяновых я, конечно, никогда не говорил об этой семейной трагедии), потрясающее впечатление, которое нисколько не притупилось с годами.

Г. А. Соломон [1]. С. 12

Холодная и суровая по внешности, но на самом деле глубоко нежная по душе, Анна Ильинична с этой минуты стала нянькой или, вернее, матерью своей матери и осталась ею до конца жизни Марии Александровны. Она открыла для нее, и только для нее все глубокие тайники своей души. Решительная и властная, она окружила старушку своей исключительной нежностью, и того же она требовала от остальных членов семьи, которая вся жила одним стремлением как-нибудь не обеспокоить старушку, отвлечь, развлечь ее... Даже и сам Ленин поддавался этому настроению культа матери и, находясь в ссылке, а затем за границей в качестве эмигранта, он писал матери нежные (столь не похожие на него) письма. И в разговоре со мной, в Брюсселе, коснувшись своей семьи, он, ко всему и вся относившийся под углом «наплевать», сразу изменился, заговорив о матери. Его такое некрасивое и вульгарное лицо стало каким-то одухотворенным, взгляд его неприятных глаз вдруг стал мягким и теплым, каким-то ушедшим глубоко в себя и он полупшепотом сказал мне: «Мама... знаете, это просто святая...»

Г. А. Соломон [2]. С. 127

В апреле 1917 г., в день своего возвращения в Россию, будущий вождь революции, несмотря на события и неотложные дела, пошел на Волково кладбище в Петрограде и распростерся на ее могиле.

Л. Фишер. С. 33

Этот культ матери наложил на всю семью какой-то тяжелый отпечаток. И все друзья этой семьи, бывая у Ульяновых, невольно поддавались пафосу этого культа и проникались его влиянием. И несмотря на все попытки Анны Ильиничны, этой жрицы этого культа, внести свет и уют в жизнь семьи, всеми, бывавшими у Ульяновых, владел не рассеивавшийся ни на одну минуту гнет какого-то могильного чувства, которое всех давило. Все друзья, попадая к ним, старались в свою очередь отвлекать и развлекать старушку, играя комедию и притворяясь. Я тоже не мог избежать этого влияния. Я часто бывал у Ульяновых. Это было давно. Я был еще молод, полон энергии и отличался живым общительным характером, и я умел развлекать старушку разными «интересными» рассказами и кроме того мы с ней музицировали: она аккомпанировала, а я пел...

Г. А. Соломон [1]. С. 1314

У Александра Ильича было две золотые медали. Одну он заложил, чтобы помочь нуждающемуся товарищу. Другую медаль заложил, чтобы купить азотную кислоту для приготовления бомб.

Д. И. Ульянов. С. 128

Весна, принеся смерть Саше Ульянову, принесла Володе золотую медаль при выпуске из Симбирской гимназии.

Л. Фишер. С. 34

И хотя Александр Ульянов был связан с моей жизнью лишь косвенно, в детском воображении он оставил неизгладимый след не как личность, а как некая зловещая угроза. При одном упоминании его имени в моем сознании сразу же возникала картина мчащейся по ночному городу таинственной кареты с опущенными зелеными шторками, которая по мановению могущественной руки отца Сони увозит людей в неизвестность. Соня — маленькая девочка, которую иногда приводили к нам на танцевальные занятия, а отец ее занимал пост главы жандармского управления Симбирской губернии. Раскрытие в Санкт-Петербурге тайного заговора и арест сына видного симбирского чиновника послужили основанием для арестов в городе, которые, как правило, проводились по ночам. Тревожные разговоры взрослых об этих ужасных событиях проникли в нашу детскую, а

тесные отношения нашей семьи с семьей Ульяновых привели к тому, что мы скоро узнали о казни их высокоодаренного сына. Таким было мое первое соприкосновение с революционным движением.

А. Ф. Керенский. С. 4

Когда, уже студентом, Ленина арестовали в первый раз, сосед по камере спросил его, что он думает делать после освобождения? «Мне что ж думать... — отвечал Ленин. — Мне дорожка проторена старшим братом...»

Л. Фишер. С. 32

Брат Александра Ульянова семнадцатилетний Владимир (позднее ставший известным под именем Ленин) поклялся отомстить царскому режиму за смерть брата. К 1901 году в царской ссылке находилось 9113 русских политических, заключенных, 180 из них были сосланы на тяжелые работы.

Э. Кристофер, О. Гордиевский. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. «Nota Bene», 1992. С. 39

Я помню, как через несколько дней после Октябрьской революции, один из друзей моего отца, сидевший у нас в гостях, сказал, говоря о Ленине:

— К сожалению, не того брата повесили.

Ю. Анненков. Ленин. Дневник моих встреч. Цикл трагедий: В 2 т. М.: Худож. лит, 1991. Т. 2, С. 264

Невольно выплывает вопрос: что было бы, если бы, уступая мольбе матери, Саша подал царю прошение о помиловании? Его товарищам по процессу — Лукашевичу и Новорусскому — Александр III заменил смертную казнь тюремным заключением, а Николай II в 1905 г. их полностью амнистировал. Они не только дожили до Октябрьской революции 1917 г., но пережили Ленина. Попав в число амнистированных, Александр Ульянов тоже мог бы дожить до этой революции. Ему исполнился бы 51 год. В 1887 г. Александр Ульянов верил, что момент падения самодержавия совпадает и должен совпасть с началом социалистической революции, а именно эту идею с

неистовством проводил в 1917 г. Ленин. Допустив, что Саша вплоть до этой революции сохранил бы свою веру, можно ли все-таки думать, что он был бы на том же берегу, что Ленин? То, что мы знаем о «натуре» обоих братьев, позволяет с уверенностью ответить: тогда, более чем когда-либо, Александр сказал бы о своем брате: «Мы с ним совсем не сходимся». Правила Ленина «кто против нас — того к стенке» — Александр Ульянов по самому складу своего духовного облика никогда принять бы не мог.

Н. Валентинов [7]. С. 184

Но, конечно, старший брат погиб слишком рано, чтобы можно было сказать, как сложились бы отношения между обоими ними позднее.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 69

Казнь Александра Ульянова, сына действительного статского советника, директора народных училищ, было сенсацией в Симбирске. Разговоры о ней взбудоражили город «оцепенелого покоя». Уже тогда, когда Саша был только арестован и М. А. Ульянова, спеша для защиты сына в Петербург, искала попутчиков, чтобы вместе сделать 150 верст до первой станции железной дороги, никто из страха не пожелал ехать с матерью опасного человека. После казни Саши страх возрос. От Ульяновых отшатываются. Быть в сношениях с семьей, где оказался террорист, никто не хочет. У Ульяновых и раньше мало кто бывал. Теперь вокруг них пустота. Вл. Ульянов не мог забыть (это было перед окончанием гимназии), что «ни одна либеральная каналья симбирская не отважилась высказать моей матери словечко сочувствия после казни брата. Чтобы не встречаться с нею, эти канальи перебегали на другую сторону улицы».

Н. Валентинов [2]. С. 177

Между прочим, Владимир Ильич никогда в гимназии не писал черновиков чернилами, исключительно карандашом. При этом он очинивал карандаш чрезвычайно тонко, с какой-то особой любовью, так что буквы получались, как тонкие нити. Как только карандаш тупился или ломался, он с новым усердием очинивал его вновь и вновь, доводя до идеального состояния.

Д. И. Ульянов. С. 132

Вот другой случай. Я занималась с ним языками. Нужно было выписывать незнакомые слова. Я взяла тетрадку, взяла первую попавшуюся нитку и сшиваю. Нитка попалась черная. Он увидел и говорит: «Как? Белую тетрадку черными нитками? Нельзя!»

М. И. Ульянова. С. 197

...Причем еще с гимназических лет у него сохранилась привычка: когда он пишет пером или карандашом и ему что-нибудь нужно сделать, он берет карандаш губами. Кажется, такая же привычка была у отца, но в этом я не уверен, а у Владимира Ильича определенно была. Когда ему были нужны руки, он клал карандаш не на стол, как мы обыкновенно делаем, а обязательно брал — и не только карандаш, но и ручку — как-то особенно между губами.

Д. И. Ульянов. С. 177

Мало кто обращает внимание на то, что директором гимназии в то время был «постаревший и отяжелевший», по словам Шагинян, Керенский, сынок которого Саша, будущий Александр Федорович, учился в той же гимназии, и, таким образом, мальчики были знакомы, хоть и не могли дружить, ибо Саша Керенский был младше. Но когда он, Александр Федорович, будучи главой Временного правительства, подготовил Россию для передачи ее из рук в руки большевикам, то есть Ленину, то есть Ульянову (Ленину), то он знал, что передает ее однокашнику по симбирской гимназии. Правда, Саша Керенский только еще поступал в гимназию, когда Володя Ульянов ее кончал. Но нет никаких сомнений, что родители Саши и Володи хорошо знали друг друга, если не дружили домами. Именно старший Керенский присудил Володе Ульянову золотую медаль, которая открывала ему дорогу в университет. По некоторым сведениям, директор гимназии дополнительно снабдил выпускника Ульянова еще и письменной рекомендацией. Одним словом, тесен мир.

В. А. Солоухин. С. 101-102

Керенский дал тогда Владимиру Ильичу не только золотую медаль, но и очень хорошую, местами грешившую даже против

истины, характеристику.

М. И. Ульянова. С. 286

С осени 1887 года Владимиру Ильичу разрешено было переселиться в Казань, куда переехала мать с меньшими. Несколько позже дозволено было перебраться туда и мне.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 28

В 1887 году (год казни старшего сына) семейство Ульяновых навсегда оставляет Симбирск и переезжает в Казань.

Н. Валентинов. Малознакомый Ленин. М.: На боевом посту, 1992. С. 8.

(Далее цит.: Н. Валентинов [3])

В Казани была снята с конца августа 1887 года квартира в доме 6. Ростовый, на Первой горе, откуда Владимир Ильич переехал через месяц со всей семьей на Ново-Комиссариатскую, в дом Соловьевой.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 25

До августа 1887 года семья Ульяновых жила в деревне Кокушкино (ныне село Ленино), в 40 верстах от Казани (в доме, приобретенном дедом по линии матери и доставшемся после его смерти дочерям)...

Биография. С. 10

Мать Ульянова не намерена оставлять сына без себя во все время обучения его в Университете...

Ф. Керенский. Из характеристики на выпускника Симбирской классической гимназии В. И. Ульянова.

Цит. по: Сервис Р. С. 77

Владимира Ильича не сразу приняли в университет. Университетское начальство боялось взять на себя ответственность и зачислить его в число студентов. На его прошении была наложена резолюция: «Отсрочить до получения характеристики». И лишь после того, как была получена блестящая характеристика из Симбирской гимназии, его приняли в университет.

Биография. С. 10

Весьма талантливый, постоянно усердный и аккуратный, Ульянов во всех классах был первым учеником и при окончании курса награжден золотой медалью, как самый достойнейший по успехам, развитию и поведению. Ни в гимназии, ни вне ее не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал в начальствующих и преподавателях гимназии непохвальное о себе мнение.

За обучением и нравственным развитием Ульянова всегда наблюдали родители, а с 1886 года, после смерти отца, одна мать, сосредоточившая все заботы и попечения свои на воспитании детей. В основе воспитания лежала религия и разумная дисциплина.

Добрые плоды домашнего воспитания были очевидны в отличном поведении Ульянова...

Ф. Керенский. Из характеристики на выпускника Симбирской классической гимназии В. И. Ульянова.

У некоторых из биографов Ленина есть указание, что начальство гимназии колебалось — можно ли наградить золотой медалью брата политического преступника. Не думаем, чтобы такой вопрос был действительно поставлен. А будь это так, тогда для того сурового времени (кажущегося сентиментальным в сравнении с нынешним!) нужно признать большое мужество у консервативного директора гимназии Ф. М. Керенского (отца А. Ф. Керенского), который, невзирая ни на что, дал Владимиру Ульянову блестящую аттестацию для поступления в университет. При Сталине он был бы за это расстрелян или кончил бы жизнь в концентрационном лагере.

Н. Валентинов [7]. С. 178

Любопытны оттенки в характеристике Ленина, данной директором Симбирской классической гимназии Ф. М. Керенским, отцом российского премьера Временного правительства А. Ф. Керенского: «Присматриваясь ближе к домашней жизни и характеру Ульянова, я не мог не заметить в нем излишней замкнутости, чуждаемости, даже с знакомыми людьми, а вне гимназии и с товарищами и вообще нелюдимости».

А. А. Арутюнов. С. 535

Итак, имея на руках все необходимые бумаги — характеристику, данную директором гимназии, аттестат зрелости, метрическое свидетельство о времени рождения и крещения, формулярный список отца с перечислением его заслуг перед отечеством и две фотографические карточки, — Владимир подает прошение на имя ректора Казанского университета о зачислении его на первый курс юридического факультета. С точки зрения Федора Керенского выбор был неудачный. Он считал, что юноше следовало поступить на филологический факультет, где он изучал бы литературу и историю. И действительно, кончилось тем, что Владимир так за всю жизнь и не постиг историю и до конца дней своих был не в ладах с логикой.

Р. Пейн. С. 72

4 декабря 1887 года в актовом зале Казанского университета состоялась сходка студентов, требовавших отмены университетского устава, разрешения организации студенческих обществ, возвращения ранее исключенных учащихся и привлечения к ответственности лиц, виновных в их исключении. Попечитель Казанского учебного округа сообщал потом в департамент просвещения, что Ульянов «бросился в актовый зал в первой партии», а инспектор университета отмечал его «как одного из активнейших участников сходки, которого он видел в первых рядах, очень возбужденного, чуть ли не со сжатыми кулаками».

Биография. С. 1011

Но вообще-то с биографическими подробностями трудно. Ну, всем известно про студенческую сходку в Казанском университете. Написана про это художниками не одна картина. Молодой Ленин во главе студенческой сходки, протестующей против некоторых нововведений, в частности студенческого мундира с высоким воротником и обязанности носить этот мундир аккуратно, застегнутым на все пуговицы. Как говорится, нам бы эти заботы! На одной картине изображена группа студентов, бегущая по лестнице. Впереди — студент Ульянов. Он растрепан, лицо его горит, глаза сверкают, движения бурны и произвольны. В полицейском отчете записано про студента Ульянова, что он буйствовал, стремительно мчался, размахивал руками и был красен лицом...

Мариэтта Сергеевна Шагинян так поясняет эти слова: «Внезапное исступление (подчеркнуто мною. — В. С.)... юноши было, значит, настолько велико и до того бросалось в глаза, что даже полицейское перо не смогло этого не запечатлеть необычным для себя языком».

В. А. Солоухин. С. 102

В течение недолгого пребывания в университете он был замечен в проявлениях скрытности, невнимательности и даже грубости. Еще дня за два до сходки подал повод подозревать его в подготовке чего-то нехорошего: проводил время в курильной, беседуя с Зегрждой, Ладыгиным и другими, уходил домой и снова возвращался, принося по просьбе других что-то с собой и вообще о чем-то шушукаясь; 4-го же декабря бросился в актовый зал в первой партии, и вместе с Полянским первыми неслись по коридору 2-го этажа. Ввиду исключительных обстоятельств, в которых находится семья Ульянова, такое отношение его на сходке дало повод инспекции считать его вполне способным к различного рода противозаконным и даже преступным демонстрациям.

Из полицейского донесения.

Цит. по: *Пейн Р. С. 7879*

«Его Превосходительству господину Ректору Императорского Казанского Университета

Студента 1-го семестра юридического факультета Владимира Ульянова

ПРОШЕНИЕ

Не признавая возможным продолжать мое образование в Университете при настоящих условиях университетской жизни, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать надлежащее распоряжение об изъятии меня из числа студентов Императорского Казанского Университета.

Студент 1-го семестра юридического факультета Владимир Ульянов. Казань. 5 декабря 1887 года.

Ленин. Полное собрание сочинений. В 55 т. 5-е изд. Т. 1, С. 551

5 декабря он был исключен из университета, а 7-го полиция выслала его на жительство в Кокушкино Казанской губернии, — не

очень неприятное наказание; туда же была выслана и Анна Ильинична, старшая сестра Ленина, незадолго до того арестованная в Петербурге.

Л. Фишер. С. 35

К приказу ректора университета приложен список *исключенных и уволенных*. Среди последних — «*Ульяновъ Владимиръ Ильинъ*».

Самое пикантное в истории со ссылкой то, что в деревне Кокушкино находилось имение деда Ленина — А. Д. Бланка. Вот куда был «сослан» бунтовщик, который целых десять месяцев жил (!) в доме родного деда, но ничего о нем «не знал». Кстати, в официальных изданиях сказано, что Ленин в Кокушкино прожил около года. Однако это не так. Есть свидетельство самого Ленина о том, что в рассматриваемый период он проживал по адресу: «Казань, Профессорский переулок, дом Завьяловой, квартира Веретенниковой», то есть у родной тетки по матери. А в Кокушкино Ленин бывал лишь в летние месяцы, как и все члены его семьи.

А. А. Арутюнов. С. 521

Приехав в Кокушкино в октябре 1887 г. Ленин жил там почти год, до поздней осени 1888 г., когда, отказывая в приеме в университет, ему разрешили переехать в Казань... Указанный год, проведенный в Кокушкине, представляет собою важнейший период в биографии Ленина в смысле его духовной и политической формации. Именно в этот год произошло начальное превращение Влад. Ульянова в Ленина, т. е. появление у него комплекса специфических и характерных для Ленина чувств и революционных идей... Рассказывая о своем, с утра до позднего часа, чтении зимою в Кокушкине, Ленин сообщил, что больше всего «от доски до доски» и «не один раз» он читал сочинения Чернышевского в «Современнике» и Чернышевский «покорил» его. До знакомства с Марксом, Энгельсом и Плехановым не было никого, по словам Ленина, кто имел бы на него такое подавляющее влияние. Чернышевский был для него авторитетнейшим учителем. От Чернышевского пришло к Ленину первое знакомство с философским материализмом и диалектическим методом Гегеля, а его перевод с примечаниями сочинения Милля — был тем курсом политической экономики, который подготовил его, чтобы позднее перейти к Марксу. От Чернышевского Ленин воспринял (на всю жизнь) ненависть к

либерализму, и Крупская правильно говорила, что Чернышевский своей непримиримостью к либералам «заразил Ленина».

Н. Валентинов [7]. С. 192-193

В попытках узнать Ленина у меня были «открытия», приятно удивлявшие (например, его любовь природы, отношение к Тургеневу и т. д.), но были и открытия другого рода, ставившие просто в тупик. Об одном из них я сейчас и расскажу.

В конце января 1904 г. в Женеве я застал в маленьком кафе на одной из улиц, примыкающих к площади Plain de Plainpalais, Ленина, Воровского, Гусева. Придя после других, я не знал, с чего начался разговор между Воровским и Гусевым. Я только слышал, что Воровский перечислял литературные произведения, имевшие некогда большой успех, а через некоторое, даже короткое время настолько «отцветавшие», что, кроме скуки и равнодушия, они ничего уже не встречали. Помню, в качестве таких вещей он указывал «Вертера» Гете, некоторые вещи Жорж Занд и у нас «Бедную Лизу» Карамзина, другие произведения, и в их числе «Знамение времени» Мордовцева. Я вмешался в разговор и сказал, что раз указывается Мордовцев, почему бы не вспомнить «Что делать?» Чернышевского.

— Диву даешься, — сказал я, — как люди могли увлекаться и восхищаться подобной вещью? Трудно представить себе что-либо более бездарное, примитивное и в то же время претенциозное. Большинство страниц этого прославленного романа написаны таким языком, что их читать невозможно. Тем не менее на указание об отсутствии у него художественного дара Чернышевский высокомерно отмечал: «Я не хуже повествователей, которые считаются великими».

Ленин до сего момента рассеянно смотрел куда-то в сторону, не принимая никакого участия в разговоре. Услышав, что я говорю, он взметнулся с такой стремительностью, что под ним стул закрипел. Лицо его окаменело, скулы покраснели — у него это всегда бывало, когда он злился.

— Отдаете ли вы себе отчет, что говорите? — бросил он мне. — Как в голову может прийти чудовищная, нелепая мысль называть примитивным, бездарным произведение Чернышевского, самого большого и талантливого представителя социализма до Маркса! Сам Маркс называл его великим русским писателем.

— Он не за «Что делать?» его так называл. Эту вещь Маркс, наверное, не читал, — сказал я.

— Откуда вы знаете, что Маркс ее не читал? Я заявляю: недопустимо называть примитивным и бездарным «Что делать?». Под его влиянием сотни людей делались революционерами. Могло ли это быть, если бы Чернышевский писал бездарно и примитивно? Он, например, увлек моего брата, он увлек и меня. Он меня всего глубоко перепахал. Когда вы читали «Что делать?» Его бесполезно читать, если молоко на губах не обсохло. Роман Чернышевского слишком сложен, полон мыслей, чтобы его понять и оценить в раннем возрасте. Я сам попробовал его читать, кажется, в 14 лет. Это было никуда не годное, поверхностное чтение. А вот после казни брата, зная, что роман Чернышевского был одним из самых любимых его произведений, я взялся уже за настоящее чтение и просидел над ним не несколько дней, а недель. Только тогда я понял глубину. Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь. Такого влияния бездарные произведения не имеют.

— Значит, — спросил Гусев, — вы не случайно назвали в 1903 году вашу книжку «Что делать?»

— Неужели, — ответил Ленин, — о том нельзя догадаться?

Из нас троих меньше всего я придавал значение словам Ленина. Наоборот, у Воровского они вызвали большой интерес. Он начал расспрашивать, когда, кроме «Что делать?», Ленин познакомился с другими произведениями Чернышевского и, вообще, какие авторы имели на него особо большое влияние в период, предшествующий знакомству с марксизмом. Ленин не имел привычки говорить о себе. Уже этим он отличался от подавляющего большинства людей. На сей раз, изменяя своему правилу, на вопрос Воровского он ответил очень подробно. В результате получилась не написанная, а сказанная страница автобиографии. В 1919 г. В. В. Воровский — он был короткое время председателем Госиздата — счел нужным восстановить в памяти и записал слышанный им рассказ. Хотел ли он его вставить в начинавшееся тогда издание сочинений Ленина или написать о нем статью — не знаю. Стремясь придать записи наибольшую точность, он обратился за помощью к памяти лиц, присутствующих при рассказе Ленина, т. е. к Гусеву и ко мне. Лучшим способом установить правильность передачи было бы обращение к самому Ленину. Воровский это и сделал, но получил сердитый ответ: «Теперь совсем

не время заниматься пустяками». Ленин тогда очень сердился на Воровского — за скверное выполнение Госиздатом партийных поручений. Гусев, находившийся на фронте гражданской войны, оказал Воровскому минимальную помощь. Тетрадку — а в ней для замечаний и добавлений к записи Воровский оставил широкие поля — он возвратил почти без пометок, ссылаясь, что многое не помнит. В отличие от него, я внес в запись кое-какие добавления и некоторые выражения Ленина, крепко сохранившиеся в памяти. Впрочем, мои добавления были очень невелики. Запись Воровского была сделана так хорошо, с такой полнотой, что в них не нуждалась. После этого я больше Воровского не видел. Вскоре он был назначен на пост посла в Италию, а в 1923 году убит в Лозанне.

Запись Воровского, восстанавливая рассказ Ленина, бросает новый свет на историю его духовного и политического формирования. Должен сознаться, что я понял это с громадным опозданием. Нужно было предполагать, что в СССР, где собираются даже самые ничтожные клочки бумажек, имеющие отношение к Ленину, запись Воровского будет напечатана. Однако сколь ни искал я ее в доступной мне советской литературе — нигде не нашел. О ней нет ни малейшего упоминания. Чем и как это объяснить? Запись Воровского со слов самого Ленина устанавливает, что он стал революционером еще до знакомства с марксизмом, в сторону революции его «перепахал» Чернышевский и потому, не поддаваясь упорно поддерживаемому заблуждению, нельзя утверждать, будто только один Маркс, марксизм «вылепил» Ленина. Под влиянием произведений Чернышевского Ленин, к моменту встречи с марксизмом, оказался уже крепко вооруженным некоторыми революционными идеями, составившими специфические черты его политической физиономии именно как Ленина. Все это крайне важно и находится в резком противоречии с партийными канонами и казенными биографиями Ленина. Весьма возможно, что именно по этой причине — запись Воровского и не опубликована. Если же это предположение неверно, нужно сделать другое заключение: в бумагах Воровского или в той части их, которая попала в партийный архив, она не найдена и ее следует считать погибшей. В таком случае приобретают важность и те извлечения, что я сделал из нее, когда она несколько дней была в моих руках. Крайне

жалею, что в то время, не придавая ей должного значения, поленился полностью списать ее. Вот что рассказал Ленин.

«Кажется, никогда потом в моей жизни, даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, я не читал столько, как в год после моей высылки в деревню из Казани (Ленин был выслан в Кокушкино, 40 верст от Казани, имение его матери и тетки. «Ссылка» продолжалась от начала декабря 1887 г. по ноябрь 1888 г. «Что делать?» он прочитал в Кокушкине летом 1887 г. — *Примеч. Н. Валентинова*). Это было чтение запоем с раннего утра до позднего часа. Я читал университетские курсы, предполагая, что мне скоро разрешат вернуться в университет. Читал разную беллетристику, очень увлекался Некрасовым, причем мы с сестрой (Сестра — Анна Ильинична, высланная в мае 1887 г. из Петербурга после казни Александра Ульянова, Некоторое время только она и Ленин жили в Кокушкине. Потом туда переехала вся семья Ульяновых. Ленин со всеми удобствами жил в семейной обстановке. Трудно это назвать «ссылкой». — *Примеч. Н. Валентинова*) состязались, кто скорее и больше выучит его стихов. Но больше всего я читал статьи, в свое время печатавшиеся в журналах «Современник», «Отечественные Записки», «Вестник Европы». В них было помещено самое интересное и лучшее, что печаталось по общественным и политическим вопросам в предыдущие десятилетия. Моим любимейшим автором был Чернышевский. Все напечатанное в «Современнике» я прочитал до последней строки и не один раз. Благодаря Чернышевскому произошло мое первое знакомство с философским материализмом. Он же первый указал мне на роль Гегеля в развитии философской мысли, и от него пришло понятие о диалектическом методе, после чего было уже много легче усвоить диалектику Маркса. От доски до доски были прочитаны великолепные очерки Чернышевского об эстетике, искусстве, литературе и выяснилась революционная фигура Белинского. Прочитаны были все статьи Чернышевского о крестьянском вопросе, его примечания к переводу политической экономии Милля, и так как Чернышевский хлестал буржуазную экономическую науку, это оказалось хорошей подготовкой, чтобы позднее перейти к Марксу. С особым интересом и пользой я читал, замечательные по глубине мысли, обзоры иностранной жизни, писавшиеся Чернышевским. Я читал Чернышевского с «карандашом» в руках, делая из прочитанного

большие выписки и конспекты. Тетрадки, в которые все это заносилось, у меня потом долго хранились. Энциклопедичность знаний Чернышевского, яркость его революционных взглядов, беспощадный полемический талант меня покорили. Узнав его адрес, я даже написал ему письмо и весьма огорчился, не получив ответа. Для меня была большой печалью пришедшая через год весть о его смерти. Чернышевский, придавленный цензурой, не мог писать свободно. О многих взглядах его нужно было догадываться, но если подолгу, как я это делал, вчитываться в его статьи, приобретается безошибочный ключ к полной расшифровке его политических взглядов, даже выраженных иносказательно, в полунамеках. Существуют музыканты, о которых говорят, что у них абсолютный слух, существуют другие люди, о которых можно сказать, что они обладают абсолютным революционным чутьем. Таким был Маркс, таким же был и Чернышевский. По сей день нельзя указать ни одного русского революционера, который с такой основательностью, проницательностью и силою, как Чернышевский, понимал и судил трусливую, подлую и предательскую природу всякого либерализма. В бывших у меня в руках журналах, возможно, находились статьи и о марксизме, например статьи Михайловского и Жуковского. Не могу сейчас твердо сказать — читал ли я их или нет. Одно только несомненно — до знакомства с первым томом «Капитала» Маркса и книгой Плеханова («Наши разногласия») они не привлекали к себе моего внимания, хотя благодаря статьям Чернышевского я стал интересоваться экономическими вопросами, в особенности тем, как живет русская деревня. На это наталкивали очерки В. В. (Воронцова), Глеба Успенского, Энгельгардта, Скалдина. До знакомства с сочинениями Маркса, Энгельса, Плеханова главное, подавляющее влияние имел на меня только Чернышевский, и началось оно с «Что делать?». Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления. Перед этой заслугой меркнут все его ошибки, к тому же виноват в них не столько он, сколько неразвитость общественных отношений его времени.

Говоря о влиянии на меня Чернышевского как главном, не могу не упомянуть о влиянии дополнительном, испытанном в то время от Добролюбова — друга и спутника Чернышевского. За чтение его статей в том же «Современнике» я тоже взялся серьезно. Две его статьи — одна о романе Гончарова «Обломов», другая о романе Тургенева «Накануне» — ударили как молния. Я, конечно, и до этого читал «Накануне», но вещь была прочитана рано, и я отнесся к ней поребячески. Добролюбов выбил из меня такой подход. Это произведение, как и «Обломов», я вновь перечитал, можно сказать, с подстрочными замечаниями Добролюбова. Из разбора «Обломова» он сделал клич, призыв к воле, активности, революционной борьбе, а из анализа «Накануне» настоящую революционную прокламацию, так написанную, что она и по сей день не забывается. Вот как нужно писать! Когда организовывалась «Заря», я всегда говорил Староверу (Потресову) и Засулич: «Нам нужны литературные обзоры именно такого рода. Куда там! Добролюбова, которого Энгельс называл социалистическим Лессингом, у нас не было».

Когда после этого рассказа Ленина я возвращался с Гусевым в наш отель, он посмеивался надо мною:

— Ильич за непочтительное отношение к Чернышевскому вам глаза хотел выдрать. Старик, видимо, и по сей день не забыл его. Никогда все-таки не предполагал, что Чернышевский ему в молодости так голову вскружит.

Н. Валентинов [1]. С. 3542

Все, что три десятка лет назад Чернышевский писал о либерализме, Вл. Ульянов в Кокушкине — место его духовного рождения! — впитывал, как губка воду. «Проповедь» Чернышевского (Ленин так и писал: проповедь!) его покоряла. Восприятию антилиберализма способствовало и некоторое его предрасположение. Вл. Ульянов не мог забыть (это было перед окончанием гимназии), что «ни одна либеральная каналья симбирская не отважилась высказать моей матери словечко сочувствия после казни брата. Чтобы не встречаться с нею, эти канальи перебежали на другую сторону улицы».

Н. Валентинов [7]. С. 214

Годы спустя он признавался своей приятельнице, Цецилии Бобровской-Зеликсон: «Это великая литература, потому что она учит, направляет и вдохновляет. Я перечитал роман целых пять раз за одно лето, и каждый раз находил в нем новые и полезные мысли».

Р. Пейн. С. 77

В картинах «Что делать?», в снах Веры Павловны, Вл. Ульянов впервые познакомился с идеей социализма, с новой «эпохой всемирной истории», ведущей, как писал Чернышевский в своих статьях, к «союзному производству и потреблению», «переходу земли в общинное владение, а фабричных и заводских предприятий в общинное владение всех работников на этой фабрике, на этом заводе». Такие революционные преобразования приведут к строю, в котором не будет «нужды и горя», а только «вольный труд, довольство, добро и наслаждения».

Каменев, в бытность редактором первых изданий сочинений Ленина, правильно заметил, что *ни в одном* из его произведений нет описания строя, за который он боролся. Кроме взывающего к чувству туманного представления о социалистическом строе, полученного из «Что делать?» — Ленин (подобно всем другим!) ничего иного не имел, не желал иметь да и не мог иметь. Несколько строк из «Критики Готской программы» Маркса большого дополнения сюда не вносили. Ленин относился к этому строю, как верующие к «царству небесному», с тем отличием от прохладно верующих, что за неверие в его веру мог сажать в тюрьмы и расстреливать. Обращаясь за помощью к брошюре Маркса о Парижской коммуне, Ленин перед октябрём 1917 года впервые сделал попытку для себя самого конкретизировать, в чем же заключаются основные черты социализма. Оказалось, что диктатура пролетариата (под сим он разумел диктатуру его партии) должна привести к строю, где не будет ни армии, ни полиции, никто не будет получать выше средней платы рабочих и все население поголовно будет управлять государством и обобществленными средствами производства. Через короткое время все это было оставлено и с 1920 года Ленин говорил уже с явным раздражением о прежних картинах коммунистического и социалистического строя: «Мы имели книги, где все было расписано в самом лучшем виде, и эти книги в большинстве случаев явились самой

отвратительной (SIC!) лицемерной (!) ложью, которая лживо рисовала нам коммунистическое общество. Теперь в наших статьях нет ничего похожего на то, что раньше говорилось о коммунизме». «Старые формы социализма, — добавлял он, — убиты навсегда». За год до смерти Ленин снова вернулся к вопросу, что же такое социализм, и формула, на этот счет им данная, совершенно в духе Чернышевского: это строй цивилизованных кооператоров при общем владении средствами производства.

Н. Валентинов. Чернышевский и Ленин // Новый журнал. Нью-Йорк, 1951. XXVI. С. 201202.

(Далее цит.: Н. Валентинов [8])

Когда Владимир Ильич однажды увидел, что я пересматриваю только что появившийся сборник его статей 1903 года, его лицо осветилось хитрой улыбкой и он, хихикая, сказал: «Очень интересно читать, какие мы были дураки».

К. Б. Радек. Портреты и памфлеты. Кн. 1. М., 1933. С. 27.

(Далее цит.: К. Б. Радек [1])

Ленин говорил:

— Пустяки! Любой рабочий любым министерством овладеет в несколько дней; никакого особого умения тут не требуется, а техники работы и знать не нужно, так как это дело чиновников, которых мы заставим работать так же, как они теперь заставляют работать рабочих-специалистов.

А. В. Шотман. Ленин в подполье // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 4. С. 253

В кармане он носил маленький альбом с приклеенными портретами любимых героев, где на первой страничке красовался портрет Чернышевского.

Р. Пейн. С. 77

Он никогда Чернышевского не забывал. Например, всегда держал в своем альбоме фотографические карточки Чернышевского. В ссылке в селе Шушенском в Сибири (1897—1900 г.) у Ленина их было две. И

рядом с ними — фотография Мышкина, пытавшегося под видом жандармского офицера увезти Чернышевского из Виллойска...

Н. Валентинов [7]. С. 134135

Он даже решил по примеру Рахметова научиться курить. Это ему понравилось. Он не слишком серьезно отнесся к предупреждению матери о том, что курение вредно для здоровья. Подобно Рахметову он мог бы ей ответить: «Без сигары не могу думать». Но зато следующий ее довод возымел свое действие. Мария Александровна заметила ему, что пока он сам не зарабатывает деньги, то вряд ли имеет право за ее счет позволять себе такую роскошь, как курение. Аргумент был неоспорим. Владимир бросил курить и больше никогда не имел этой привычки.

Р. Пейн. С. 77

Володя начал покуривать. Мать, опасаясь за его здоровье, бывшее в детстве и юношестве не из крепких, стала убеждать его бросить курение. Исчерпав доводы относительно вреда для здоровья, обычно на молодежь мало действующие, она указала ему, что и лишних трат — хотя бы копеечных (мы жили в то время все на пенсию матери) — он себе, не имея своего заработка, позволять бы, собственно, не должен. Этот довод оказался решающим, и Володя тут же — и навсегда — бросил курить. Мать с удовлетворением рассказала мне об этом случае, добавляя, что, конечно, довод о расходах она привела в качестве последней зацепки.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 29

Вселяясь в Вл. Ульянова, Чернышевский ему внушал самомнение на службе у революции, взгляд на себя как на персону выше других стоящую, имеющую право и обязанность учить, как надлежит людям «думать и жить». Из сочинений Чернышевского Вл. Ульянов себе усвоил, что настоящий революционер, идя к цели, добиваясь победы, должен — быть беспощадным, не бояться пролития крови, не жалеть людей, не жалеть жертв. Он же ему поведал, что так называемые «чистоплотные люди», с пугливым нравственным чувством, с моральными нормами, озирающиеся на принципы морали, «боящиеся покрыться грязью и пылью», участниками настоящей революции быть

не могут. «Это занятие благотворное, но не совсем опрятное». Все это усваивал Вл. Ульянов и тем самым превращался уже в Ленина, ибо именно эти последовательно проводимые принципы и составляют основу Ленина, вернее сказать, составляли его основу до 1920 г., когда и характер, и взгляды Ленина стали сильно ломаться. Из слов Ленина Воровскому видно, что Маркса и марксизм он в Кокушкине еще не знал. Марксизм был посевом на почве уже вспаханной и перепаханной Чернышевским.

Н. Валентинов [7]. С. 135

«Что делать?» Ленина как бы продолжение «Что делать?» (книга Ленина напечатана в Штутгарте в типографии члена Рейхстага, социал-демократа Диц. В молодости он жил в Петербурге и, работая в типографии «Современника», участвовал в наборе «Что делать?» Чернышевского. «Типографская смычка» двух «Что делать!») Чернышевского. С внешней стороны между ними ничего общего. У одного — серо-романизированный трактат, у другого — страстный призыв, революционное поучение. А суть у них одна и та же. Одна и та же работа. Книга Ленина вся скрытой субстанцией насыщена мотивами Чернышевского. Ленин переносит из 60-х годов XIX столетия в обстановку начала XX столетия тезис Чернышевского о «двигателе двигателей», о миссии новых людей, не дающих жизни заглухнуть, умеющих взяться за революционное дело, упорно добивающихся, чтобы их слово «исполнялось всеми». Героев Чернышевского — Рахметова, Кирсанова, Лопухова, Веру Павловну — Ленин облакает в костюм «профессиональных революционеров», единственным занятием которых является «делать революцию». Для этого они должны быть воспитаны в духе наиболее разрушительных идей ортодоксального марксизма. Они должны не с вялостью маленького «кустаря», а со страстью вести «всенародное обличение», чего всегда и жаждала душа Чернышевского и всей редакции «Современника». «Новые люди», революционеры — по мысли Ленина, идущего за Чернышевским, должны быть вездесущими. Им надлежит идти «во все классы общества в качестве теоретиков, пропагандистов, агитаторов, организаторов». В нужную минуту они должны «продиктовать» (заметьте — «продиктовать»!) «программу действия волнующимся студентам, недовольным земцам,

возмущенным сектантам, обиженным учителям и прочим и прочим». Они должны быть готовы на все, в том числе «на назначение и проведение всенародного вооруженного восстания». Ленин вполне согласен с Чернышевским, что «без Рахметовых» шага ступить нельзя. «Без десятка талантливых, а таланты не рождаются сотнями, профессионально подготовленных вождей невозможна в современном обществе стойкая борьба. Разве вы не знаете, какие чудеса способна совершить в революционном деле энергия не только кружка, но даже отдельной личности?» Вера Ленина во всемогущество энергично действующего кружка, организации профессиональных революционеров, такова, что он убежденно восклицает: «дайте нам организацию революционеров и мы перевернем Россию». Это — героическая концепция истории. В гармонии с нею решается и вопрос об отношениях революционной партии к рабочему классу.

Н. Валентинов [8]. С. 208-209

Самоуверенность и самолюбие у Владимира громадны и недаром его отец, боясь, что эти черты примут нестерпимый характер, избегал его «захваливать». Тут еще раз обнаруживается коренное различие между братьями. Оба приняли формулу Чернышевского о «цвете лучших людей» и их миссии, но для Александра это — этическая проблема. Быть в отряде «лучших из людей» его побуждало совсем не самолюбие, не желание быть на виду, быть во главе, а — совесть, долг перед народом, перед страной. Совершенно с иными предпосылками формула о «цвете лучших людей» принимается Вл. Ульяновым. У него — гора самолюбия и ни малейшего желания вступать в область этических вопросов. «Что делать?» его учит, что «человеком управляет только расчет — выгода» и «то, что называют возвышенными чувствами, идеальными стремлениями, в общем ходе жизни совершенно ничтожно перед стремлением каждого к своей пользе». В. Ульянова гипнотизирует картина «вольного труда и довольства», выгоды и пользы, которую видит Чернышевский в будущем обществе. Его душевное состояние, вероятно, можно уподобить тому, какое было у французов, поплывших в Америку отыскивать «Икарию». В борьбе за эту Икарию, не в Америке, а в своей стране, В. Ульянов хочет быть не маленьким двигателем, а очень большим. У него претензия на роль командира, начальника.

Н. Валентинов [7]. С. 186189

«Ими расцветает жизнь всех, без них заглохла бы, прокисла. Мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохлись бы. Они как теин в чаю, букет в благородном вине, от них ее (жизнь) аромат, это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земной». «Родился этот тип и быстро распложается. Через несколько лет, очень много лет, к ним будут взывать: спасите нас и что они будут говорить — будет исполняться всеми».

Это не собрано на какой-то одной странице, а, прячась от цензуры, раскинуто среди 450 страниц романа. Только тщательно собирая как бы вскользь брошенные замечания, можно понять, куда клонит и что проповедует Чернышевский.

Н. Валентинов [8]. С. 207

Глубокую борозду провело «Что делать?» в душе Александра Ульянова и еще более глубокую у его брата. Впечатление, произведенное на 17-летнего Ленина этой книгой при чтении ее в июле 1887 г. в Кокушкине, можно назвать потрясающим. По его образному выражению, она его «перепахала», уничтожив в нем прежнее, то равнодушное, то презрительное отношение к общественным вопросам. Ленин испытывал судороги отвращения, слыша о мистике и религии — «одной из самых гнусных вещей, которые только есть на земле». Тревожа его прах, скажем, что с помощью «Что делать?» он вошел в своего рода мистическое общение с душой, мыслями и чувствами своего брата, удушенного на виселице в Шлиссельбургской крепости. В 1891 г. в Самаре Ленин, вспоминая казнь брата, говорил Лалаянцу: «для меня, как и для всей семьи участие брата в деле 1-го марта было полнейшей неожиданностью». Эта тайна брата, им непонимаемого, часто встречаемого насмешкой, была теперь открыта и понята. От происшедшей через книгу связи живого с мертвым, впечатление, созданное «Что делать?», должно было быть у Ленина каким-то особенным, сильнее и острее, чем у других читателей. (В сущности, он был единственным настоящим читателем этой книги. — *Е. Г.*) С тех пор роман Чернышевского, — а он читал в тех самых номерах «Современника», которые держал в своих руках Саша, — сделался для Ленина священной книгой. И

никакой хулы на Чернышевского, как потом и на Маркса и Энгельса, он не мог выносить спокойно.

Н. Валентинов [7]. С. 187188

У меня осталась в памяти пара случаев, по поводу которых он говорил: «Я думал: хватило бы у меня мужества на это? Пожалуй, нет».

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 25

Какие бы разумные реформы, полезные для народа, ни предлагали народники и либералы — Вл. Ульянов все отвергает. Это либеральное отношение, тогда как нужна революция, работа топором. В 1891 году Ульянов восставал даже против кормления голодающих крестьян. Он видел в этом либеральную слащавую сентиментальность, скрывающую низменное желание, подкармливая голодного мужика, отвести его от революции.

Н. Валентинов [7]. С. 215

В мае 1889 года, вместо того чтобы лето провести, как до сих пор делалось, в казанском имении Кокушкине, Ульяновы отправляются в Самарскую губернию, на хутор вблизи деревни Алакаевки, в 50 верстах от Самары. Хутор купила мать Ленина в декабре 1888 года, даже не видя его. Эта покупка, сделанная при посредстве будущего мужа Анны Ильиничны, Марка Елизарова, служившего в то время в Самарском мировом суде, — довольно странная операция. Хутор занимал 83,5 десятины, из них четвертая часть была под оврагами, водой, дорогами. А так как за все имение было уплачено 7500 рублей, то десятина удобной, годной под пашню, земли обошлась в 123 рубля! Таких высоких цен в Самарской губернии не было и двадцать лет позднее... Уже цитированный проф. Волин указал, что на покупку хутора пошли деньги, вырученные от продажи дома в Симбирске. Это только его предположение, видимо, основывающееся на том, что будто бы Илья Николаевич Ульянов, умирая, никаких денежных сумм семейству не оставил. Анна Ильинична могла бы внести в этот вопрос полную ясность, но, следуя принятому всеми Ульяновыми правилу «прибедниваться» и о действительном своем положении никому не говорить, — она вместо этого отделяется туманными словами о том,

что семья проживала «понемногу из оставшегося после отца». А у отца были и деньги, которые незадолго до своей смерти ему прислал очень его любивший и воспитавший его старший брат, живший в Астрахани и имевший там какое-то пошивочное предприятие. Можно сказать, что на эти деньги, а не на вырученные от продажи дома в Симбирске, был куплен Алакаевский хутор.

Н. Валентинов [2]. С. 89

Покупая это именье, мать надеялась, что Владимир Ильич заинтересуется сельским хозяйством. Но склонности у Владимира Ильича к последнему не было. Позднее, по словам Надежды Константиновны, он говорил ей как-то: «Мать хотела, чтобы я хозяйством в деревне занимался. Я начал было, да вижу, нельзя, отношения с крестьянами ненормальные становятся».

М. И. Ульянова. С. 201

Матери хотелось, чтобы второй сын, занявшись делом, отвлекся от опасных увлечений, которые довели до виселицы Александра...

Г. А. Соломон [1]. С. 12

Мать Ленина, покупая хутор, хотела, чтобы сын вел хозяйство, и действительно в первый год по приезде в Алакаевку Владимир Ульянов этим занялся: был заведен скот, посеяна пшеница, подсолнух. Но, как потом Ленин рассказывал Крупской, — ведение хозяйства с обращением к крестьянам Алакаевки ставило его в «ненормальные с ними отношения».

Н. Валентинов [2]. С. 8

Тем более что Владимир Ульянов однажды даже подал в суд на соседских крестьян, чей скот забрел на посевы хутора. (Это, кстати сказать, почти единственное дело, которое он выиграл, за всю свою юридическую практику. — *Е. Г.*).

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 98

Поэтому он от хозяйства отказался и стал вести на хуторе беспечную жизнь «барина», приехавшего на дачу. В липовой аллее Алакаевки он с удобством готовился к сдаче государственного

экзамена в Университете Петербурга, сугубо изучая марксизм, и написал свою первую работу — статью «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни».

Н. Валентинов [3]. С. 8

По вечерам в алакаевском домике раздавалось иногда пение, это Владимир Ильич пел под аккомпанемент Ольги Ильиничны. Он очень любил музыку и пение, охотно пел сам и слушал пение других: М. Т. Елизарова или хоровое пение. Помню обычный финал его пения, когда он принимался за романс «у тебя есть прелестные глазки». На высоких нотах — «от них я совсем погибаю» — он смеялся, махал рукой и говорил: «Погиб, погиб».

М. И. Ульянова. С. 204

Дворянин Владимир Ильин Ульянов, 21 года, приехал из Самары держать экзамен в Испытательной юридической комиссии при Императорском С.-Петербургском университете.

Запись о цели приезда в С.-Петербург. Между 29 марта и 1 апреля (10 и 13 апреля) 1891 г.

В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 15

(Далее цит.: Неизвестные документы)

Мне кажется, дорогая мамочка, что ты напрасно беспокоишься, что он надорвет здоровье. Во-первых, Володя — олицетворенное благоразумие, а во-вторых, экзамены оказываются очень легкими. Он уже сдал два предмета и из обоих получил по 5. В субботу (экзамен у него был в пятницу) он отдыхал: утром ходил на Невский, а после обеда пришел ко мне, и мы ходили с ним по набережной Невы — смотрели ледоход; затем он отправился к Песковским.

Ночей не спать он не будет, так как это совершенно лишнее: все равно голова не может работать в течение 24 часов, так что отдых необходим. Обедать он ходит каждый день, — следовательно, прогуливается.

О. И. Ульянова — М. А. Ульяновой. 8 апреля 1891 г.

Цит. по: Сервис Р. С. 100

Писатель-критик Неведомский застал его в свои студенческие годы в университете. Тогда это был уже совсем сложившийся характер — прямолинейный, жесткий, сухой. Личная дружба или приязнь не влекли его; чуждался он и беззаботных веселых молодых увлечений. На студенческих сходках не лез вперед, не волновался и не спорил; выжидал, пока пылкая молодежь не вспотеет, не охрипнет и не упрется в вечную стену русских дискуссий: «Вы говорите ерунду, товарищ!.. Вы сами, товарищ, городите чепуху!..» Тогда он просил слова и с холодной логикой сжато излагал свое мнение, всегда самое крайнее, иногда единоличное. И он умел перегибать по-своему решение сходки.

А. И. Куприн [2]

На одной студенческой вечеринке в Петербурге Ульянов «выступал с речью против народничества, в которой, между прочим, со свойственной ему полемической резкостью, переходящей в грубость, обрушился на В. Воронцова. Речь имела успех. Но когда по окончании ее Ульянов от знакомых узнал, что атакованный им Воронцов находится среди публики, он переконфузился и сбежал с собрания».

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 208

Я помню, что тогда мне, в тот же вечер, пришлось делиться своими непосредственными впечатлениями от того собрания и от этой для меня совершенно новой и ранее неизвестной фигуры, и я их формулировал так: большая сила, но в то же время и что-то однобокое, однотонно-упрощенное и упрощающее сложности жизни...

А. Н. Потресов. С. 277

Надо сказать, что логика не всегда служит законом для сотни горячих молодых свободолюбивых голов, и не в ней заключался секрет вескости мнений Ленина, так же как и не в его личном обаянии: ни симпатии, ни вражды он ни в ком не возбуждал. Он брал тем, что для него уже в ту пору не существовало ничего возвышенного и отвлеченного, никакой мечты и святыни: ни высокопарного зажигательного слова, ни красивого, но бесполезного, жеста, ни резвого, но однобокого сравнения, ни внезапного исторического уподобления, выдуманного тут же, на месте, по вдохновению, но

лишенного научной опоры. В его небольшом, холодном и ясном уме совсем не было места тому, что составляет радость и украшение молодости, — фантазии. Он всегда напоминал серьезного зрелого математика, который пришел к мальчикам, пытающимся своими детскими домашними средствами разрешить вопрос о квадратуре круга, о геометрическом делении прямого угла на три части или о *regretium mobile*, пришел и в несколько минут доказал им с бумажкой и карандашом в руках всю несостоятельность и бесцельность их занятий, оставив их разочарованными, но послушными...

А. И. Куприн [2]

Ленин изучал право, начал отращивать рыжеватую бородку и усы, лысеть.

Л. Фишер. С. 35

У молодого Ленина, на моей памяти, не было молодости. И это невольно отмечалось не только мною, но и другими, тогда его знавшими. Недаром в петербургском «Союзе борьбы» того времени, этой первичной ячейке будущей партии, его звали «стариком», и мы не раз шутили, что Ленин даже ребенком был, вероятно, такой же лысый и «старый», каким он нам представлялся в [18]95 г. Но мне и тогда среди этих шуток приходилось, не шутя, задумываться над этой его странной особенностью... Я написал «молодой» и запнулся. Да, конечно, Ленину только что минуло 25 лет, когда я его увидел в первый раз, во время рождественских каникул [18] 94-95 г., на собрании в одном из предместий Петербурга — на Охте. Но он был молод только по паспорту. На глаз же ему можно было дать никак не меньше сорока-тридцати пяти лет. Поблекшее лицо, лысина во всю голову, оставлявшая лишь скудную растительность на висках, редкая рыжеватая бородка, хитро и немного исподлобья прищуренно поглядывающие на собеседника глаза, немолодой сиплый голос... Настоящий типичный торговец средних лет из какой-нибудь северной Ярославской губернии, и, во всяком случае, ничего от радикала-интеллигента, каких так много устремлялось в те годы в рабочую среду, начинавшую тогда шевелиться... Кстати, прибавлю: ничего и от той чиновно-дворянской семьи, из которой он вышел и с которой продолжал сохранять, насколько я знаю, самые «родственные»

отношения... Конечно, возможно, что судьба его брата Александра, казненного по делу 1 марта 1887 г. (о подготовлявшемся покушении на императора Александра III), сыграла не последнюю роль в этом исчезновении его молодости. Но только ли это? И не было ли каких-то внутренних причин в его душевной и умственной организации, которые еще с большей силой вытравили из него эту молодость? Чем больше я думаю об этом теперь, тем сильнее склоняюсь к тому, что это именно так, что в его монолитной, однозвучной натуре все было связано одно с другим...

А. Н. Потресов. С. 276277

...Нет ни одного мономана, который — как бы круто он ни владел своей волей — не проболтается рано или поздно, если косвенно затронуть его возлюбленную, единую мысль. Это бывало и с молодым Лениным. Он не мог без увлечения, без экстаза, даже без некоторой красочности говорить о будущем захвате власти — тогда еще не пролетариатом, а — народом, или рабочими, видно было, — свидетельствует Неведомский, — что он последовательно, целыми днями, может быть, и в бессонные ночи, — наедине с самим собою, — разрабатывал план этого захвата во всех мелких подробностях, предвидя все случайности.

А. И. Куприн [2]

И тогда же в разговоре о нем произнесено было слово «сектант»... Да, сектант! Но сектант, прошедший серьезную марксистскую выучку! Сектант-марксист!

А. Н. Потресов. С. 278

В 1891 году Ленин в два приема, весной и осенью, сдает экстерном государственные экзамены за юридический факультет при Петербургском университете. Он один из всех экзаменовавшихся получает высшие оценки по всем предметам. Ему присуждают диплом первой степени.

Биография. С. 17

В зале № 1 бывшего Центрального музея В. И. Ленина висел в рамке диплом об окончании юридическою факультета Петербургского

Императорского Университета. Экскурсоводы особо подчеркивали, что Ленин за короткое время (несколько месяцев) экстерном сдал экзамены по курсу и окончил вуз. Между тем в дипломе крупными буквами и ясно указан владелец данного диплома:

Владимиръ Ивановъ Ульяновъ. Вот это казус! Ясно, что на этот диплом Владимир Ильич Ульянов не имел право претендовать.

А. А. Арутюнов. С. 547

С конца января 1892 года Ленин был зачислен помощником присяжного поверенного и с марта начал выступать в Самарском окружном суде. В течение 1892—1893 гг. он выступал в Самарском суде около 15 раз. Его подзащитными были главным образом крестьяне-бедняки.

Биография. С. 17

Несколько раз брат и выступал, но, кажется, только по уголовным делам, по назначению суда, то есть бесплатно, причем облакался во фрак покойного отца.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 69

ПРОШЕНИЕ В. И. УЛЬЯНОВА И А. Н. ХАРДИНА В САМАРСКИЙ ОКРУЖНОЙ СУД ПО ДЕЛУ А. К. ПАЛАЛЕЕВА*

##*Суд принял решение в пользу Палалеева. В. И. Ульянов служил помощником у присяжного поверенного А. Н. Хардина с января 1892 г. по август 1893 г.

13 (25) марта 1893 г.

В Самарский окружной суд

Поверенного крестьянина деревни Чувашского Мелекесса Ставропольского у[езда] Самарской губернии Антона Кирлова Палалеева пом[ощника] присяжного] повер[енного] Владимира Ильича Ульянова, живущего в г. Самаре, по Почтовой улице в д[оме] Рытикова и поверенного Мелекесской посадской управы прис[яжного] пов[еренного] Андрея Николаевича Хардина, живущего в г. Самаре по Саратовской ул[ице] в д[оме] Вошакина [по делу] с крестьянином

Владимирской губ[ернии] Судогодского у [езда] дер[евни] Сельковой Степаном Ивановым Мороченковым.

Ответ

Поверенный крестьянина Степана Мороченкова, присяжный поверенный г. Лялин, предъявил иск к Мелекесской посадской управе и к имуществу умершей жены запасного солдата Анастасии Головиной об уничтожении купчей крепости, совершенной 17 июля 1890 г. у мелекесского нотариуса Итевского и утвержденной 24 июля 1890 г. старшим нотариусом Самарского окружного суда, по реестру № 1707, на продажу Мелекесской посадскою управою Анастасии Кириловой Мороченковой (по второму мужу Головиной) усадебного места в г. Мелекесе по плану № 60, и о признании права собственности на это усадебное место за Степаном Мороченковым.

Основан иск на том, что покойный брат истца, Павел Иванов Мороченков, который владел до 1888 г. означенным усадебным местом, внес 4 октября 1882 г. установленный посадскою думою выкуп за спорное ныне усадебное место, в чем и получил 30 декабря 1882 г. за № 122 удостоверение от управы. Удостоверение это представлено истцом при исковом прошении, и в нем сказано, что за уплатой им, Павлом Мороченковым, выкупа за усадебное место, это последнее «с настоящего числа переходит в собственность его, Мороченкова». Следовательно — заключает истец — последовавшая затем продажа этого усадебного места посадскою управою Анастасии Головиной (как сказано выше, купчая крепость совершена в 1890 г.) недействительна, ибо это усадебное место принадлежало, де, в момент продажи не продавцу-управе, а Павлу Мороченкову.

Такое мнение истца совершенно неправильно. Покойный Павел Мороченков подал в Мелекесскую посадскую управу 23 декабря 1888 года заявление (засвидетельствованное нотариально) о перечислении числившегося за ним усадебного места по плану № 60 на имя его жены, Анастасии Кириловой Мороченковой. Управа перечислила усадьбу на имя Мороченковой и выдала ей 13 октября 1889 года за № 34 удостоверение об уплате выкупа за усадебное место.

Перечисление это совершенно законное, так как уплата выкупа Павлом Мороченковым сама по себе отнюдь не переносила права собственности на усадьбу от управы на Павла Мороченкова (ибо по закону переход недвижимой собственности происходит лишь по

крепостным документам — и притом с момента утверждения их старшим нотариусом), а только давала Павлу Мороченкову право требовать от управы или выдачи ему крепостного документа на землю или возвращения уплаченных денег. Само собою разумеется, заявление управы, что «право собственности с 30 декабря 1882 г. переходит к нему, Мороченкову» — никакой силы не имеет, ибо домашними документами право собственности на недвижимость не переносится.

До выдачи крепости — усадебное место было в собственности управы. Последняя, перечислив его по просьбе Мороченкова на имя Мороченковой, совершила потом купчую крепость на продажу этого места Анастасии Кириловой Мороченковой (по второму мужу — Головиной).

Таким образом, первое исковое требование истца — о признании этой купчей недействительною — отпадает, а вместе с ним и второе — о признании права собственности на усадебное место по плану № 60 за единственным наследником Павла Мороченкова — Степаном Ивановым Мороченковым.

Спорным усадебным местом совершенно законно владеет крестьянин Антон Кирилов Палалеев, родной брат и единственный наследник Анастасии Кириловой Мороченковой (по второму мужу Головиной), скончавшейся 3-го февраля 1891 года.

На основании изложенного имеем честь просить Самарский окружной суд в иске, предъявленном крестьянином Степаном Мороченковым к Мелекесской управе и к имуществу умершей жены зап[асного] солдата Анастасии Головиной — отказать, возложив на истца судебные и за ведение дела издержки.

При сем прилагаем: две доверенности, заявление Мороченкова, копии сего ответа и приложений и на повестку 25 к.

Помощник присяжного поверенного В. Ульянов. Присяжный поверенный А. Хардин.

Неизвестные документы. С. 1820

Он проигрывал процессы один за другим. Кстати, в нескольких случаях ему пришлось защищать простых людей, из крестьянской и рабочей среды, и все они были признаны виновными. Значительно успешней он выступал на стороне обвинения.

Р. Пейн. С. 91

В отличие от его земляка, адвоката по политическим делам Александра Керенского, Ленин оказался слабым профессионалом. Обращаться к нему перестали...

В. Брусенцов. С. 172

Но в своей юридической практике он будет дважды защищать собственные интересы и оба раза выиграет. В одном случае выиграет дело против соседних крестьян, допустивших потраву в поместье Ульяновых. В другом — когда его, едущего на велосипеде, собьет автомобиль виконта в Париже.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 68

В 1891-1892 гг. неурожай, повлекший голод, охватил восточную часть России. Голодные крестьяне бежали из деревень, в Самаре ходили из дома в дом, прося хлеба и работы. Нужда была огромная. Помощь требовалась немедленная. Правительство организовало (очень плохо) разные общественные работы для голодающих, и на помощь им считали долгом прийти все, в ком была хотя бы маленькая частица сердца, способного откликнуться на великое бедствие. Был организован так называемый общественный комитет помощи, на собранные средства устраивающий столовые для голодающих. Подавляющая часть самарской интеллигенции приняла участие в этом комитете. Но Владимир Ульянов в отношении к нему занял самую враждебную позицию. Он был против какого-либо участия интеллигенции и своих знакомых в кормлении голодающих. Он подвергал общественный комитет помощи яростной критике. Он желал, чтобы комитет поскорее развалился, чтобы из него вышли все люди радикального направления. Что за сорт идей руководил Лениным в этой с моральной точки зрения совершенно непонятной кампании?.. «Голод, — говорил Ульянов, — есть прямой результат определенного социального строя, и пока существует этот строй, голодовки неизбежны. Уничтожить их можно, только уничтожив этот строй. Будучи в этом смысле неизбежным, голод в настоящее время играет роль *прогрессивного фактора*... Он заставляет мужика задумываться над основами капиталистического строя, разбивает веру в царя и царизм, следовательно, облегчает победу революции... Кормление

голодных в то же время акт политически реакционный, так как оно не разжигает, а может умерять бунтовские антиправительственные чувства. Кормление всякими радетелями голодающих вместе с тем акт, в сущности, безнравственный, — те, кто стоят за такое кормление, руководятся скрытой мыслью спасти гнусное буржуазное общество, а вместе с ним и собственную шкуру»...

Н. Валентинов [7]. С. 229231

1893-й год был исторической датой в биографии Ленина: он написал тогда, в Самаре же, статью «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», которая была первой его статьей или — во всяком случае — первой из сохранившихся ленинских статей.

Ю. Анненков. С. 253

С попыткой ее напечатать у Ленина связаны весьма неприятные воспоминания. Дело в том, что, заразившись с 1887 года, под влиянием сочинений Чернышевского, дикой ненавистью к либералам и либерализму вообще, он считал, что не может и не должен иметь никаких отношений с этой мерзкой породой «общественной фауны». Однако желание напечатать написанную статью у него было столь велико, что, несмотря на пылающее презрение к либералам, Ленин послал свою статью в редакцию московского либерального журнала «Русская мысль». Редакция печатать ее отказалась. Совсем не потому, как со злобой уверял Ленин Туган-Барановского, что боялась заложенных в статье марксистских идей, а по другой и простой причине: эта прославленная советскими биографами работа была лишь сдобренным ненужными словечками простым пересказом замечательной книги В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство», вышедшей в Москве в 1891 году. Отказ проклятых либералов напечатать его произведение был для Ленина большим ударом по его самолюбию (а оно уже тогда было непомерным), и он долгое время скрывал от всех свое обращение в «Русскую мысль». Книгу же Постникова Ленин еще раз широко использовал в своем исследовании «Развитие капитализма в России».

Н. Валентинов [3]. С. 8

В Самаре семейство Ульяновых жило зимой, а на лето переселялось на хутор. Так происходило в 1889-1893 годах, но в августе этого года Ленин из Алакаевки уехал в Петербург, а немного позднее мать с другими детьми переселились в Москву.

Ю. Анненков. С. 264

Что в хозяйственном отношении происходило на хуторе, когда Ульяновы навсегда покидают Алакаевку? На это можно ответить: то же самое, что началось в Алакаевке уже на второй год покупки хутора, но вряд ли и об этом было бы приятно напоминать Ленину, и вот по какой причине. Из статьи проф. Волина в «Историческом журнале», 1945, кн. 4, видна ужасающая бедность крестьян Алакаевки, соседей хутора Ульяновых. В ней было 34 двора (семейства), земельная площадь, им принадлежащая, составляла только 65 десятин — неполных две десятины в среднем на двор, причем 5 дворов никакой земли не имели. Хутор Ульяновых не походил на «латифундию», тем не менее, в нем одном было столько же удобной земли, как у 34 крестьянских дворов, в которых взрослых и детей было 197 душ, в 39 раз больше населения хутора. Алакаевские крестьяне до крайности нуждались в земле, но Ульяновы ни в каком виде им свою землю не предложили, а предпочли — что было выгоднее — отдать ее в аренду некоему предпринимателю Крушвицу. Это о нем идет речь в письме Ленина, когда он спрашивает мать, получила ли она «сентябрьскую аренду от Крушвица» и «много ли осталось от задатка (500 р.)», который, вероятно, в счет будущей аренды должен был внести тот же Крушвиц.

Н. Валентинов [3]. С. 89

Однако это не мешало семье ежегодно бывать на хуторе, отдыхать здесь, напоминать Крушвицу о задолженностях и потихоньку стричь ренту. Затем семья все же решила за благо вернуть вложенные деньги и продать хутор.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 98

В упомянутой статье, посланной в «Русскую Мысль», Ленин с негодованием говорил о «кулацких элементах, арендующих землю в размере, далеко превышающем потребность», и «отбивающих у

бедных землю, нужную тем на продовольствие». Мы видим, что сам Ленин именно в такой операции был участником. Крестьян Алакаевки он и его семейство не эксплуатировали. Чтобы не было «ненормальных отношений» с ними, хозяйство Ленин не вел, предпочитал получать доход от хутора не прямо из рук крестьян, а через арендатора Крушвица, и это позволяло ему без угрызения марксистской совести быть чистеньким и жить беспечно в Алакаевке. Сдача хутора в аренду происходила с 1890 года по конец 1897 года, когда Ульяновы в декабре этого года продали его за ту же сумму, за которую он был куплен. Приняв во внимание, что за это время они получали арендные суммы, нужно заключить, что весьма странная и по дорогой цене покупка Алакаевского хутора в конце концов оказалась выгодной.

Н. Валентинов [3]. С. 9

И ведь при этом он был не просто свидетелем трагедии, но и ее непосредственным участником и даже причиной. Семья получала доходы с аренды алакаевских земель и Владимир требовал от управляющего Крушвица полных и регулярных выплат согласно договоренности. Это означало, что Крушвиц обязан был взимать с крестьян арендную плату в полном объеме, невзирая на обстоятельства.

Р. Сервис. С. 104

В архиве сохранился договор, составленный рукой Владимира от имени матери, о продаже С. Р. Данненбергу имения в Алакаевке в июле 1893 года.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 99

Я, Ульянова, продаю г[осподи]ну Данненбергу принадлежащее мне недвижимое имение при селце Алакаевке Богдановской волости Самарской губернии и уезда в количестве 83 1/2 десятин указной меры, с водяной мельницей, с постройками и со всеми угодьями за цену восемь тысяч пятьсот рублей (8 500 р.).

23 июля (4 августа) 1893 г.

Неизвестные документы. С. 18

В 1893 году от всякого недвижимого имущества М. А. Ульянова постаралась избавиться. Продан дом в Самаре, ликвидирована всякая связь с казанским имением Кокушкино, продан хутор Алакаевка. Деньги, положенные в банк, может быть, частью превращенные в государственную ренту, вместе с пенсией М. А. Ульяновой составили особый «фамильный фонд», которым очень умело в течение многих лет распоряжалась всегда расчетливая мать Ленина. Все черпали из этого фонда: старшая сестра Ленина Анна, Ленин, младший брат Дмитрий и младшая сестра Мария. Богатства, как видим, никогда не было, но в течение долгого времени был достаток, позволявший членам семьи Ульяновых многие годы не иметь заработка, производить траты вроде частых поездок за границу, которые были бы просто невозможны, если бы «вся семья жала лишь на пенсию матери».

Н. Валентинов [3]. С. 9

...В 1895 г. Ленин совершил первый свой выезд за границу. И я имел случай видеть и Ленина под непосредственным впечатлением от первой встречи его с Плехановым, и Плеханова, присматривающегося к Ленину и делящегося со мной своими наблюдениями по его поводу. Съехавшись к началу лета в Женеву, мы все вместе отправились в горы и поселились в довольно глухой деревушке Ормоны, проводя время в прогулках и бесконечных разговорах на ходу. И в этой идиллической обстановке трудно было предвидеть те бури, которые впоследствии разметали нас в разные стороны... Невозможно было представить себе Плеханова, подвергающегося обыску со стороны клеветников будущего диктатора Ленина и с минуты на минуту ожидающего, что его поведут на расстрел! А ведь это не в шутку, а всерьез и на самом деле было проделано в скверную осень 1917 г. под Петербургом, в Царском Селе...

А. Н. Потресов. С. 278

О Плеханове Ленин говорил с известным, хотя и недобрым почтением:

— Он, знаете, склизкий и ершистый, — так голыми руками его не возьмешь. Но крупная личность с громадным значением в истории

рабочего движения, настоящий апостол русского марксистского социализма, впрочем, с сильным креном в сторону буржуазии...

Г. А. Соломон [1]. С. 36

И уже тогда, в обстановке альпийской идиллии, у меня слагалось смутное и пока еще мало осознанное ощущение, что эти два столь непохожих друг на друг марксиста социал-демократа, невзирая на, казалось бы, им общую догму, не имеют общего друг с другом языка и смотрят как-то по-разному и в разные стороны. Разумеется, в те «доисторические» времена я еще не улавливал глубоких причин этого их взаимного непонимания. Но, во всяком случае, контраст двух натур уже тогда бросался в глаза.

А. Н. Потресов. С. 279

Возвратясь в Петербург, Ленин вскоре был арестован и, просидев в тюрьме 14 месяцев, выслан на три года в Западную Сибирь.

Н. Валентинов [3]. С. 10

В. И. Ульянов, широко известный под псевдонимом «Ленин», был арестован в декабре 1896 г. в СПбурге вместе со своими товарищами (Г. М. Кржижановским, Я. М. Ляховским, покойным П. Е. Федосеевым и др.) по делу «Петербургского Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класа» и сослан на пять лет в Минусинск. Это было первое социал-демократическое дело в России и вся эта группа ссыльных в Сибири была известна под кличкой «декабристов».

Г. А. Соломон [1]. С. 3

К счастью для Ильича, условия тюремного заключения сложились для него, можно сказать, благоприятно. Конечно, он похудел и, главным образом, пожелтел к концу сидения, но даже желудок его — относительно которого он советовался за границей с одним известным швейцарским специалистом — был за год сидения в тюрьме в лучшем состоянии, чем в предыдущий год на воле. Мать приготавливала и приносила ему три раза в неделю передачи, руководствуясь предписанной ему указанным специалистом диетой; кроме того, он имел платный обед и молоко.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 49

Быть насильно запертым — вещь вообще неприятная, однако пребывание Ленина в тюрьме было обставлено таким комфортом, что в огромной степени теряло свои тягостные стороны... Ульяновский достаток и здесь играл большую роль. «Обслуживать» арестованного «Володю» съехались из Москвы мать, сестры Анна и Мария... «Свою минеральную воду я получаю и здесь: мне приносят ее из аптеки в тот же день, как закажу», — сообщил Ленин сестре Анне в письме от 24 января 1896 года. Напомним также о тюках книг, которые ему покупала и из разных библиотек доставляла сестра Анна, чтобы он мог писать в тюрьме свою книгу. Царское правительство не препятствовало заключенным заниматься литературой. Чернышевский в Петропавловской крепости написал «Что делать?» (апологию революционеров), Писарев — свои лучшие статьи, Морозов в Шлиссельбургской крепости — «Откровение в буре и грозе», а Ленин в предварительном заключении подготовил «Развитие капитализма в России», из всех его произведений — самое солидное.

Н. Валентинов [3]. С. 10

Обширный материал для «Развития капитализма» был собран в тюрьме. Владимир Ильич спешил с этим. Раз, когда к концу сидения я сообщила ему, что дело, по слухам, скоро оканчивается, он воскликнул: «Рано, я не успел еще материал весь собрать».

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 50

Мы считали, что тюрьма — это санаторий.

М. И. Ульянова. С. 277

Когда в начале 1897 года он услышал на свидании, что его дело закончено и скоро предстоит освобождение и высылка в Сибирь, он воскликнул: «Рано! Я не успел еще собрать все нужные мне материалы!»

Д. И. Ульянов. С. 133

Тогда был такой порядок: один раз в неделю свидание личное, а второй раз — за решеткой. Все время нужно было быть начеку. Владимир Ильич давал много поручений, что кому передать, и ему

нужно было многое передать с воли, а свидание при жандарме, и нужно было делать таким образом, чтобы не попасться. Владимир Ильич шел на всяческие ухищрения: одно слово говорил по-немецки, одно по-французски, одно по-английски. Как-то старшая сестра разговаривала с ним на таком интернациональном языке, подошел жандарм и говорит: «Только по-русски можно говорить». Владимир Ильич говорит: «Скажи этому золотому человеку то-то и то-то». А фамилия этого человека была Гольдман, что по-немецки значит: золотой человек. Он на всякие такие вещи был очень хитер.

М. И. Ульянова. С. 277278

Возможно, Крупская никогда бы не вышла замуж за Ленина, если бы он не оказался в тюрьме. Должен же был кто-то носить ему передачи, ходить на свидания. Всем известно, что этим занимались так называемые «невесты». Очень часто за неимением настоящих «невесты» были «подсадные».

Вот и Крупская стала такой «невестой», но выполняла свои обязанности настолько старательно, что Ильичу это запало в душу. Он понял, что это оптимальный вариант и лучшей невесты ему не найти.

В. С. Краскова. Кремлевские тещи. Минск: Современный литератор, 1999. С. 2728

Отношения с Владимиром Ильичом завязались очень быстро. В те времена заключенным в «предварилке» можно было передавать книг сколько угодно, они подвергались довольно поверхностному осмотру, во время которого нельзя было, конечно, заметить мельчайших точек в середине букв или чуть заметного изменения цвета бумаги в книге, где писалось молоком. Техника конспиративной переписки у нас быстро совершенствовалась... Он переписывался с очень многими из сидящих товарищей, для которых эта переписка имела громадное значение. Письма Владимира Ильича дышали бодростью, говорили о работе. Получая их, человек забывал, что сидит в тюрьме, и сам принимался за работу. Я помню впечатление от этих писем (в августе 1896 г. я тоже села). Письма молоком приходили через волю в день передачи книг — в субботу. Посмотришь на условные знаки в книге и удостоверись, что в книге письмо есть. В шесть часов давали кипяток, а затем надзирательница водила уголовных в церковь. К этому времени

разрежешь письмо на длинные полоски, заваришь чай и, как уйдет надзирательница, начинаешь опускать полоски в горячий чай — письмо проявляется (в тюрьме неудобно было проявлять на свечке письма, вот Владимир Ильич додумался проявлять их в горячей воде)... Но как ни владел Владимир Ильич собой, как ни ставил себя в рамки определенного режима, а нападала, очевидно, и на него тюремная тоска. В одном из писем он развивал такой план. Когда их водили на прогулку, из одного окна коридора на минутку виден кусок тротуара Шпалерной. Вот он и придумал, чтобы мы — я и Аполлинария Александровна Якубова — в определенный час пришли и стали на этот кусочек тротуара, тогда он нас увидит. Аполлинария почему-то не могла пойти, а я несколько дней ходила и простаивала подолгу на этом кусочке. Только что-то из плана ничего не вышло, не помню уже отчего.

Н. К. Крупская [1]. С. 240

Относительно «невесты» для свиданий и передач помню, что на роль таковой предлагала себя Надежда Константиновна Крупская, но брат категорически восстал против этого, сообщив мне, что «против нейтральной невесты ничего не имеет, но что Надежде Константиновне и другим знакомым показывать на себя не следует».

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 71

Одна из гимназических подруг Нади вспоминает о юной Крупской: «В ее девичьей жизни не было любовной игры, не было перекрестных намеков, взглядов, улыбок, а уж тем более не было поцелуйного искушения. Надя не каталась на коньках, не танцевала, не ездила на лодке, разговаривала только со школьными подругами да с пожилыми знакомыми матери».

К. и Т. Енко. Частная жизнь вождей. М.: ЗАО Изд-во «Центрполиграф», 2000. С. 14

Мать Надежды писала книги для детей, чтобы пополнить тощий семейный кошелек.

Р. Сервис. С. 133

Владимир Ильич рассказывал об условиях тюремной жизни: прогулки тогда в тюрьмах были, как известно, пустяковые — по 1520 минут в день. Владимир Ильич рассказал, что в предварилке он всегда сам натирал пол камеры, так как это было хорошей гимнастикой. При этом он действовал, как заправский полотер, — руки назад — и начинает танцевать взад и вперед по камере с щеткой или тряпкой под ногой. «Хорошая гимнастика, даже вспотеешь...»

Д. И. Ульянов. С. 163

Каждый вечер, перед тем как лечь спать, он отжимался на полу по пятьдесят раз, доводя себя до изнеможения, чем очень развлекал стражу, наблюдавшую иногда за ним в дверной глазок. Те все дивились и не могли понять, кому он молится и какой он веры, если отказался ходить на службы в тюремную часовню.

Р. Пейн. С. 113

Более 14 месяцев Ленин пробыл в тюремном заключении. 13 февраля 1897 года ему был объявлен приговор о высылке в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции сроком на три года. На другой день он был выпущен из тюрьмы.

Биография. С. 49

В результате хлопот матери Владимиру Ильичу разрешено было поехать в Сибирь на свой счет, а не по этапу.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 53

В отличие от товарищей, арестованных вместе с ним по одному и тому же делу, Ленин поехал в ссылку тоже с комфортом. Мать выхлопотала для него право ехать туда на собственный счет. Такой возможностью не располагали его товарищи, принужденные следовать в Сибирь «по этапу», в вагоне с конвоем, сидеть в пересылочных тюрьмах. Неравенство в положении столь бросалось в глаза, что вызвало у Ленина чувство неловкости. Был момент, когда он даже хотел отказаться от своих льгот, но, в конце концов, пересилил себя и... не отказался. Выехав из Петербурга 1 марта 1897 года, Ленин заехал к матери в Москву, пробыл у нее несколько дней и 6 марта двинулся

далее. От Москвы до Тулы — 200 километров — его сопровождали мать, сестра Мария, сестра Анна, ее муж Елизаров.

Н. Валентинов [3]. С. 10

Марк Тимофеевич Елизаров служил тогда на Московско-Курской жел. дороге и имел бесплатные билеты на себя, мать и жену. Через кого-то из сослуживцев он достал билет и для сестры, Марии Ильиничны, и, таким образом, мы почти всей семьей, за исключением брата, Дмитрия Ильича, поехали провожать Владимира Ильича до Тулы.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 87

Поезд оказался переполненным, мест не хватало. Хотя Владимир должен был радоваться, что ему вообще позволили ехать в относительно комфортных условиях, а не в арестантском вагоне, он не мог стерпеть такого неудобства. Быстрыми шагами он прошел вдоль платформы и сердито набросился на первого попавшегося чиновника. Уверенно, как подобает профессиональному юристу и потомственному дворянину, он заявил, что железнодорожное начальство должно выполнять свои обязательства перед пассажирами, и поэтому следует прицепить к поезду дополнительный вагон. Жалобу передали начальнику станции, и после энергичных переговоров ссыльный революционер добился своего. Репрессивные царские власти оказались способными на уступки, немыслимые в возглавляемой Лениным Стране Советов. Дополнительный вагон прицепили, и пассажиры с комфортом уехали в Красноярск.

Р. Сервис. С. 129

Тогда Владимир Ильич был в нервном возбуждении, это отметил и д-р Крутовский, ехавший с Вл. Ильичем в одном поезде от Москвы до Красноярска. Как у человека очень энергичного, это проявлялось у него в настойчивости, с которой он требовал прицепки лишнего вагона к перегруженному поезду. По словам Крутовского, он воевал за это на каждой большой остановке от Тулы до Самары. И к удивлению рассказчика, добился своего.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 89

Останавливаясь для отдыха в городах на пути, Ленин прибыл в Красноярск 16 марта и пока ждал назначения места поселения, а мать хлопотала, чтобы его не послали на поселение куда-нибудь далеко, — он не плохо проводил время. У него были для этого средства. 29 апреля он писал матери: «Здесь я живу очень хорошо: устроился на квартире удобно — тем более что живу на полном пансионе. Для занятий достал себе книг по статистике (как я уже писал, кажется), но занимаюсь мало, а больше шляюсь».

Последнее не совсем верно. Ленин не только «шлялся» — он в это время усердно посещал за городом обширную библиотеку красноярского купца, библиофила, Г. В. Юдина, проданную в 1907 году в Америку и вошедшую как самостоятельная часть «Славянский отдел» в Вашингтонскую библиотеку Конгресса.

Н. Валентинов [3]. С. 1011

Крутовский же дал ему письмо к купцу Юдину с просьбой разрешить Владимиру Ильичу пользоваться принадлежащей ему библиотекой, и Владимир Ильич стал регулярно путешествовать ежедневно в эту библиотеку — за две или за три версты от города, — собирая там весь имеющийся для его работы материал — не так много, как можно было бы ожидать от такого большого книгохранилища, — писал он нам тогда, — но все же использовал все, что было можно. И он вел правильную жизнь, занимаясь каждое утро, делая ежедневно большие прогулки, о которых писал домой: много шляюсь, много сплю, все как быть следует.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 8990

Геннадий Васильевич Юдин, красноярский предприниматель, был известным библиофилом, в 1907 г. он продал 80 000 томов из своей коллекции Библиотеке Конгресса в Вашингтоне за сто тысяч рублей.

Л. Фишер. С. 54

Между тем партия, с которой должен был быть отправлен Владимир Ильич, просидела в пересыльной тюрьме в Петербурге с 17 по 20 февраля, в Москве с 21 февраля до 25 марта и в Красноярске с 4 апреля до 5 мая.

М. И. Ульянова. С. 96

Таким образом, Владимир Ильич не только проехал свободно по железной дороге до Красноярска, с остановкой на два (фактически на четыре) дня в Москве, но прожил на свободе в Красноярске почти два месяца.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 86

Совсем в другом и малозавидном положении находились его товарищи — Кржижановский, Мартов, Старков, Ванеев и др. Ленин в письме от 17 апреля 1897 года сообщал о них родным: «Глеб (Кржижановский. — *Н. В.*) с Базилем (Старков. — *Н. В.*) высмотрят, говорят, очень плохо: бледны, желты, утомлены страшно».

Их путешествие в Сибирь было тягостным. Двигаясь без удобств в вагонах под конвоем, отсидев на пути в Московской пересыльной тюрьме, раздавленные усталостью, они прибыли в Красноярск 16 апреля, на месяц позднее Ленина. И в то время как он «шлялся» по городу и сидел в библиотеке, его партнеры продолжали быть запертыми до 5 мая в тюрьме в ожидании назначения им места поселения. «Ульяновский достаток» помог Ленину избежать многого из того, что испытывали другие, и тот же достаток, как мы сейчас увидим, превратил ссылку Ленина из наказания в своего рода *partie de plaisir*.

Н. Валентинов [3]. С. 11

Наконец Владимир Ильич получил извещение (сначала частным образом, от Ляховского) о назначении его в Минусинский округ, а затем и о пункте — селе Шушенском, или, как Ильич называл его шутливо, «Шу-шу-шу». Отправился он туда пароходом вместе с Кржижановским, его матерью и Старковым в конце апреля, но до с. Шушенского пароход не дошел, часть дороги пришлось делать на лошадях.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 91

По ходатайству матери ему было разрешено, вследствие слабости здоровья, отбывать ее в самой здоровой местности Сибири, в Минусинском уезде.

М. И. Ульянова. С. 55

Он даже сочинил тут две стихотворные строки: «В Шуше, у подножья Саяна...». Но дальше этого дело не пошло.

Р. Пейн. С. 77

В Петербурге меня предупредили, что у Ульяновых нельзя ни с кем, кроме Анны Ильиничны, говорить о революционных делах, ибо Мария Александровна, старший сын которой Александр был повешен за покушение на жизнь Александра III, так боится за остальных детей, что всякое упоминание при ней о революционных делах ее приводит в тяжелое нервное состояние. А к тому же в это время ее третий сын Дмитрий, студент-медик, сидел в Таганке (московская тюрьма. — *Ред.*), Ленин находился в ссылке в Минусинске... Все это тяжело ложилось на старушку. И вся семья старалась всячески отвлекать ее от печальных мыслей и делала все, чтобы по возможности развлекать ее.

Г. А. Соломон [1]. С. 78

Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных — все как быть следует. Стоит в степи — садов и вообще растительности нет. Окружено село... навозом, который здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того, чтобы выйти из села, надо всегда почти пройти через некоторое количество навоза. У самого села речонка Шушь, теперь совсем обмелевшая. Верстах в 111/2 от села (точнее, от *меня*: село длинное) Шушь впадает в Енисей, который образует здесь массу островов и протоков, так что к главному руслу Енисея подхода нет.купаюсь я в самом большом протоке, который теперь тоже сильно мелеет. С другой стороны (противоположной реке Шушь) верстах в полутора — «бор», как торжественно называют крестьяне, а на самом деле преплохонький, сильно повырубленный лешишко, в котором нет даже настоящей тени (зато много клубники!) и который не имеет ничего общего с сибирской тайгой, о которой я пока только слышал, но не бывал в ней (она отсюда не менее 3040 верст).

Ленин. ПСС. Т. 55. С. 47—48

Шу-шу-шу — село недурное. Правда, лежит оно на довольно голом месте, но невдалеке (версты 1/2—2) есть лес, хотя и сильно повырубленный. К Енисею прохода нет, но река Шушь течет около

самого села, а затем довольно большой приток Енисея недалеко (1—1/2 версты), и там можно будет купаться. На горизонте — Саянские горы или отроги их; некоторые совсем белые, и снег на них едва ли когда-либо стаивает. Значит, и по части художественности кое-что есть, и я недаром сочинял еще в Красноярске стихи: «В Шуше, у подножия Саяна...», но дальше первого стиха ничего, к сожалению, не сочинил! .

Ленин — М. А. Ульяновой. 18 мая 1897 г.

Цит. по: Письма В. И. Ленина матери. М.: Мол. гвардия. 1970. С. 35

Горы... насчет этих гор я выразился очень неточно, ибо горы отсюда лежат верстах в 50, так что на них можно только глядеть, когда облака не закрывают их... точь-в-точь как из Женевы можно глядеть на Монблан. Поэтому и первый (и последний) стих моего стихотворения содержит в себе некую поэтическую гиперболу (есть ведь такая фигура у поэтов!) насчет «подножия»... Поэтому на такой вопрос: «на какие я горы взбирался» — могу ответить лишь: на песчаные холмики, которые есть в так называемом «бору» — вообще здесь песку достаточно...

Ленин. ПСС. Т. 55. С. 48

Будучи назначен на жительство в село Шушенское и не имея возможности иметь там какой-либо заработок, я имею честь просить о назначении мне установленного законом пособия на содержание, одежду и квартиру.

г. Минусинск; 7 мая 1897 года *Владимир Ульянов.*

Из прошения минусинскому окружному исправнику.

Цит. по: *Енко К. и Т.* С. 14

Дешевизна в то время в Сибири была большая. Так, первый год ссылки Владимир Ильич за свое пособие, полагавшееся ссыльным, — 8 рублей в месяц — имел комнату и полное содержание в крестьянской семье.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 56

Дешевизна в этом Шушенском была поразительная. Например, Владимир Ильич за свое «жалованье» — восьмирублевое пособие —

имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья — и то считалось, что дорого платит. Правда, обед и ужин был простоват — одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока всего не съест; как съест — покупали на неделю мяса, работница во дворе в корыте, где корм скоту заготавливали, рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на целую неделю. Но молока и шанег было вдоволь и для Владимира Ильича, и для его собаки, прекрасного гордона — Женьки, которую он выучил и поноску носить, и стойку делать, и всякой другой собачьей науке. В общем ссылка прошла неплохо.

Н. К. Крупская. С. 24

Мало сказать — неплохо. Она была чудесна. Что ссылка была совсем не страшна — Ленин это почувствовал очень скоро по своем водворении в Шушенском. «Сегодня ровно месяц, как я здесь, и я могу повторить то же самое: и квартирой и столом вполне доволен...» (письмо от 20 июня 1897 года).

Бараны и котлеты с добавлением горы картофеля, огурцов, кислой капусты, капусты, свеклы, а в качестве десерта сибирских ватрушек, очевидно, шли Ленину впрок. О минеральной воде, прописанной для его желудка швейцарским доктором, «я и думать забыл и надеюсь, что скоро забуду и ее название» (письмо от 20 июня 1897 года). А четыре месяца спустя в письме к матери он добавляет: «Здесь тоже все нашли, что я растолстел за лето, загорел и высмотрю совсем сибиряком. Вот что значит охота и деревенская жизнь! Сразу все питерские болячки по боку!»

Н. Валентинов [3]. С. 1314

Я своими глазами видел жизнь не царских, а советских ссыльных (моя мать после расстрела отца была сослана и умерла в ссылке), когда люди буквально бились, чтобы выжить, уцелеть, спасти детей. Не всем это удавалось. Система, которая была создана после октября 1917 года, уникальна: люди сами строили себе тюрьмы, лагеря, чтобы их заполнить. Но даже те, кто буквально не попал туда, а формально был свободен, часто не могли сравнить свою жизнь с положением царских ссыльных, в частности, в Шушенском в конце прошлого века.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 90

Когда в период сибирской ссылки в одном из разговоров с Владимиром Ильичом я рассказал ему об определении здорового человека, данным известным в то время хирургом Бильротом, по которому здоровье выражается в яркой отчетливости эмоциональной деятельности, Владимир Ильич был чрезвычайно доволен этим определением.

— Вот именно так, — говорил он, — если здоровый человек хочет есть — так уж хочет по-настоящему; хочет спать — так уж так, что не станет разбирать, придется ли ему спать на мягкой кровати или нет; и если возненавидит — так уж тоже по-настоящему...

Я взглянул тогда на яркий румянец его щек и на блеск его темных глаз и подумал, что вот ты-то именно и есть прекрасный образец такого здорового человека.

Г. М. Кржижановский.

Цит. по: *Енко К. и Т. С.* 18

Имею честь просить разрешить моей невесте Надежде Крупской переезд в село Шушенское.

Административно-ссылный Ульянов.

Телеграмма директору департамента полиции. 8 января 1898 г.

Цит. по: *Енко К. и Т. С.* 19

По ходатайству Н. К. Крупской министерство внутренних дел признало возможным разрешить отбыть определенный ей срок гласного надзора полиции взамен Уфимской губернии в Минусинском округе Енисейской губернии, где водворен ее жених, административно-ссылный Владимир Ульянов, с предварением ее, что если она по прибытии в ссылку не вступит в брак с упомянутым Ульяновым, то будет переведена в Уфу.

Из отношения петербургского градоначальника енисейскому губернатору.

Цит. по: *Енко К. и Т. С.* 19

Много лет спустя Мария Ильинична по этому поводу холодно заметила: «Она подала прошение о переводе к месту ссылки В. И. (Ульянова) в качестве его невесты, и они должны были пожениться,

иначе Н. К. (Крупскую) быстро вернули бы в Уфимскую губернию, к первоначальному месту ссылки».

Р. Сервис. С. 132

В письме к «дорогой мамочке» ее сын сообщал: «Н. К., как ты знаешь, поставила трагикомическое условие: если не вступит немедленно (sic!) в брак, то назад, в Уфу. Я вовсе не расположен допускать сие, и потому мы уже начинаем «хлопоты» (главным образом прошения о выдаче документов, без которых нельзя венчать)...»

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 91

Выходя замуж за Владимира Ильича Ульянова, находящегося в Енисейской губернии, Минусинском округе, селе Шушенском, я обращаюсь к вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою, назначить мне местом высылки, если таковая последует мне в виде наказания, местожительство моего жениха.

Избирая Сибирь местом ссылки, я прошу также о сокращении срока ее до 2-х лет ввиду того, что через 2 года кончается срок ссылки моего жениха, а также ввиду того, что со мною едет мать.

1898 года, января 9-го дня *Надежда Крупская.*

Из прошения Н. К. Крупской министру внутренних дел.

Цит. по: *Енко К. и Т. С. 19*

Наконец Надежда Крупская получила разрешение на переезд в Шушенское. Еще до отъезда в ссылку ее здоровье пошатнулось, выглядела она неважно. Среди революционеров Надя была известна под псевдонимом «Рыба», или «Миногоа». Малоприятная кличка стала следствием начинавшейся базедовой болезни — заболевания щитовидной железы, при котором опухает шея и увеличиваются глазные яблоки. Анна Ильинична, видевшая Надежду перед ее отъездом в ссылку, безжалостно подметила, что та была похожа на селедку.

Р. Сервис. С. 135

В село Шушенское, где жил Владимир Ильич, мы приехали в сумерки; Владимир Ильич был на охоте. Мы выгрузились, нас провели

в избу. В Сибири — в Минусинском округе — крестьяне очень чисто живут, полы устланы пестрыми самоткаными дорожками, стены чисто выбелены и украшены пихтой. Комната Владимира Ильича была хоть невелика, но также чиста. Нам с мамой хозяева уступили остальную часть избы. В избу набились все хозяева и соседи и усердно нас разглядывали и расспрашивали. Наконец, вернулся с охоты Владимир Ильич. Удивился, что в его комнате свет. Хозяин сказал, что это Оскар Александрович (ссылный питерский рабочий) пришел пьяный и все книги у него разбросал. Ильич быстро взбежал на крыльцо. Тут я ему навстречу из избы вышла. Долго мы проговорили в ту ночь.

Н. К. Крупская. С. 22

Ленин в ссылке приобрел столь упитанный вид, что приехавшая в Шушенское в мае 1898 года вместе с Крупской ее мать, увидев его, не могла воздержаться от возгласа: «Эк вас разнесло!». «Он ужасно поздоровел, и вид у него блестящий сравнительно с тем, какой был в Питере», — сообщала Крупская Марии Александровне Ульяновой в письме от 22 мая 1898 года. Пожив немного в Шушенском, она сама должна была откровенно признать, что их ссылка действительно одно только удовольствие. «Вообще теперешняя наша жизнь напоминает «форменную» дачную жизнь, только хозяйства своего нет. Ну, да кормят нас хорошо, молоком поят вволю, и все мы тут процветаем. Я еще не привыкла к теперешнему здоровому виду Володи, в Питере-то я его привыкла видеть всегда в довольно прихварывающем состоянии» (письмо от 26 июня 1898 года).

Н. Валентинов [3]. С. 14

7 мая сего 1898 года в село Шушенское приехала моя невеста административно-ссылная Надежда Крупская. Первоначальным местом ссылки ей была назначена Уфимская губерния, но господин министр внутренних дел разрешил ей проживать в селе Шушенском под условием выхода замуж за меня.

Немедленно по приезде моей невесты, 10 мая 1898 года, я подал прошение г-ну Минусинскому окружному исправнику о высылке мне свидетельства на вступление в брак. Так как ответа на это прошение не было, то я в бытность мою в городе Минусинске, в 20-х числах мая, лично явился к г-ну исправнику и повторил свою просьбу. Г-н

исправник ответил мне, что не может выдать мне свидетельство, так как у него нет моего статейного списка, и что по получении моего статейного списка просимое свидетельство будет выслано. Несмотря на это, свидетельство не получено мною и теперь, хотя со времени подачи прошения прошло более полутора месяца. Это непонятное промедление получает для меня особенное значение ввиду того, что моей невесте отказывают в выдаче пособия до тех пор, пока она не выйдет за меня замуж (таков именно ответ, полученный ею сегодня, 30 июня, на прошение о выдаче пособия). Таким образом получается крайне странное противоречие: с одной стороны, высшая администрация разрешает по моему ходатайству перевод моей невесты в село Шушенское и ставит условием этого разрешения немедленный выход ее замуж; с другой стороны, я никак не могу добиться от местных властей выдачи мне документа, без которого вступление в брак не может состояться; и в результате всего виновной оказывается моя невеста, которая остается без всяких средств к существованию.

На основании изложенного имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать зависящее распоряжение:

1) о разыскании моего статейного списка или документа о личности или наведении справки в надлежащем присутственном месте;

2) о высылке мне требуемого законом свидетельства или документа на вступление в брак.

Административно-ссылный по политическому делу, помощник присяжного поверенного *Владимир Ульянов*.

Село Шушенское, 30 июня 1898 года.

Из прошения начальнику Енисейской губернии.

Цит. по: *Енко К. и Т. С. 2122*

В молодости она [Н. К. Крупская] необыкновенно была хороша, что-то во внешности ее было приковывающее, одухотворенное что-то. И русское очень. Коса ниже пояса: бывало, ахали в Шушенском...

Г. М. Кржижановский.

Цит. по: *Енко К. и Т. С. 23*

Надежду Константиновну, — рассказывала местная крестьянка А. С. Середкина, — вспоминаю молодой женщиной, тоненькой, с

красивой длинной русой косой, с ясными ласковыми глазами, такой приветливой и скромной; всегда при встрече с нами улыбалась, улыбка у нее была хорошая.

Цит. по: *Енко К. и Т. С.* 23

Отмечу, что не все Ульяновы были в восторге от внешности невесты. Например, сестра Владимира Ильича Анна Ильинична. В феврале 1898 года Надежда Константиновна с некоторой обидой писала другой сестре своего жениха, Марии Ильиничне: «Поцелуйте А. И. и скажите ей, что нехорошо она делает, что меня так всюду рекомендует: Володе о моем селедочном виде написала, Булочке (Зинаиде Павловне Невзоровой, жене соратника Владимира Ильича по «Союзу борьбы» Глеба Максимилиановича Кржижановского и подруге Надежды Константиновны. — Б. С.) на мое лукавство пожаловалась...»

Б. В. Соколов. Арманд и Крупская: женщины вождя. Смоленск: Русич, 1999. С. 3940

Существо ревнивое, она (Анна Ильинична) написала брату: «У нас гостит сейчас Надя. Она похожа на селедку».

Р. Пейн. С. 129

Валентинов как-то рассказал Крупской, что любит духи. Зная об этой слабости, рабочие кружка в Киеве, в котором он был пропагандистом, подарили ему флакон духов. Узнав об этом, Крупская расхохоталась. «Презент духов социал-демократу, пропагандисту, — написал Валентинов, — она сочла не только глупостью, а каким-то нарушением партийных правил. Сама она, в том можно быть уверенным, никогда на себя капельки духов не пролила».

В. Е. Мельниченко [1]. С. 179

В ссылке в 1898 году Ленин заключает церковный брак с Н. Крупской...

К. и Т. Енко. С. 35

В супружеской жизни, начало которой положила сибирская ссылка, отношения супругов складывались весьма своеобразно. После

первой брачной ночи, когда Ленин и Крупская появились на деревенской улице, Крупская находилась в подавленном состоянии, была бледна, чем-то сильно расстроена, под глазами — мешки, смотрела она в землю, ни на кого не обращая внимания. Владимир Ильич, наоборот, был весел и много шутил. Так продолжалось несколько дней. Потом молодая чета в спешном порядке, без разрешения исправника выехала в Минусинск, к врачу. Местное начальство забеспокоилось. Когда супруги вернулись, к ним пожаловал исправник. Ленин к нему не вышел, а передал из избы записку. При этом он посмеивался: «Ничего, обойдется!» Исправник прочитал записку на крыльце избы и дальше не пошел, сказав: «Молодо-зелено!» На этом конфликт с местным начальством был исчерпан, но остались проблемы супружеских отношений. Дело в том, что при исполнении супружеских обязанностей у супруги Ленина во время полового акта не было оргазма, не было «смазки» влагалища, и она испытывала сильную боль. По этой причине супруги и отправились к врачу. Из объяснений врача супругам стало ясно, что у них никогда не получится нормальных сексуальных отношений. По совету врача Ленин не хотел доводить супругу до сексуального экстаза, чтобы у нее был оргазм, сама Крупская не была горячей женщиной, поэтому обоим супругам нормальные супружеские отношения были «архисложны» (выражение Ленина) и они остались в браке просто революционерами.

К. и Т. Енко. С. 3536

Надежда Константиновна так рисует их занятия в одном из писем свекрови: «В Шуше очень даже хорошо летом. Мы каждый день ходим по вечерам гулять, мама-то далеко не ходит, ну а мы иногда и подальше куда-нибудь отправляемся. Вечером тут совсем в воздухе сырости нет и гулять отлично. Комаров тут много, и мы пошили себе сетки, но комары почему-то специально едят Володю, а в общем жить дают. Гулять с нами ходит знаменитая «охотничья» собака, которая все время, как сумасшедшая, гоняет птиц, чем всегда возмущает Володю. Володя на охоту это время не ходит (охотник он все же не особенно страстный), птицы что ли на гнездах сидят, и даже охотничьи сапоги снесены на погреб. Вместо охоты Володя попробовал было заняться рыбной ловлей, ездил как-то за Енисей налимов удить, но после

последней поездки, когда не удалось поймать ни одной рыбешки, что-то больше нет разговору о налимах. А за Енисеем чудо как хорошо! Мы как-то ездили туда с массой всякого рода приключений, так очень хорошо было. Жарко теперь. Купаться надо ходить довольно далеко. Теперь выработался проект купаться по утрам и для этого вставать в 6 ч. утра. Не знаю уж, долго ли продержится такой режим, сегодня купание состоялось».

Б. В. Соколов. С. 6162

Вначале случалось, что я опрокидывала ухватом суп с клецками, которые рассыпались по исподу.

Н. К. Крупская. С. 24

Наблюдателя со стороны поражает беззаветная готовность родных всячески «обслуживать» Ленина — трудно найти другое слово. Достаточно ему намекнуть, что он хотел бы получить особый сургуч и особую печать для заклеивания писем, или лайковые перчатки для защиты рук от комаров, или «чертову кожу» для охотничьих планов, или новое ружье вместо сломанного, и все родные — мать, сестры, брат, шурин Елизаров начинают обсуждать заказ, спешат его выполнить, придавая простейшим желаниям Ленина какой-то высший смысл и характер категорического императива. Скорейшее и точнейшее выполнение требований Ленина являлось для них первейшей обязанностью не только потому, что он любимый сын и брат. Сверх любви было признание его «особенным человеком», «гениальным существом», которому должно быть оказано самое большое внимание. Его письма, обращенные к одному из членов семьи, читались всеми, а находящимся в другом городе пересылались. Говоря о пропавших письмах Ленина, Мария Ильинична сообщает: «Некоторые отдельные выражения из пропавших писем живо сохранились в памяти его близких...».

Н. Валентинов [1]. С. 1718

В октябре появилась помощница, тринадцатилетняя Паша, худущая, с острыми локтями, живо прибравшая к рукам все хозяйство.

Н. К. Крупская. С. 24

Преклонение пред ним, начавшееся еще в Самаре в 18911892 годах, приняло уже явно выраженные формы во время ссылки Ленина и появления его первых литературных произведений. Каждое из них — будь то пустяковая статья «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике» или «Еще к вопросу о теории реализации», в которой, можно быть уверенным, не разбирался ни один из его родных — должно было им казаться великим событием. Семью охватывало волнение, когда подготавливался выход сборника «Экономические этюды и статьи». Еще более переписки и волнений было при подготовке к печати книги «Развитие капитализма в России». Главы ее посылались Лениным матери и читались его родными, вероятно, с чувством, похожим на то, с каким верующий человек читает Библию и Евангелие. Исполняя желание Ленина иметь хорошую корректуру книги, семья напрягла все свои силы. Этим делом, кроме корректоров издательства Водовозовой, занимался статистик Ионов, специально приглашенный для проверки цифровых таблиц, сестра Анна, брат Дмитрий. Последний, к удовольствию Ленина, с таким вниманием читал и корректуру и рукопись, что обнаружил в последней опisku: Ленин вместо 41,3 поставил 14,3.

Н. Валентинов [1]. С. 18

Помню, все шла переписка с мужем старшей сестры, нельзя ли как-нибудь получить хорошую охотничью собаку. Потом кто-то ему достал собаку, он много с ней возился.

М. И. Ульянова. С. 217

Иллюстрацией, насколько далеко шли родные Ленина в постоянном стремлении доставить ему удовольствие, могут служить хотя бы два примера. Ленин, имея пристрастие к охоте, решил завести себе собаку. Об этом он известил родных: «Взял щенка у одного здешнего знакомого, и надеюсь к будущему лету вырастить и воспитать его: не знаю только, хороша ли выйдет собака, будет ли чутье». Родные из письма увидели, что охота его увлекает, а раз так, то сей вопрос немедленно становится в их *ordre du jour* и Марка Елизарова осеняет мысль — не достать ли в Москве хорошую охотничью собаку и отправить ее в Шушенское к Владимиру Ильичу. Ленин в письме от 8 января 1898 года ответил, что «я бы очень

сочувственно отнесся, конечно, к подобному плану, но, по всей видимости, это чистая утопия... Марк, должно быть, просто «размахнулся». Пересылка собаки за тысячи километров, подчеркивает Ленин, — «дорога невероятно». И все же его родные были готовы «размахнуться» на удовлетворение прихоти, которая подходила больше к лицу какого-нибудь старорежимного помещика-охотника, из тех, что описывал Тургенев, чем к ссыльному социал-демократу. Другой случай не менее показателен. В 1897 году в месяц поспевания вишни и появления ее в громадном количестве на рынке Москвы родные, зная, что этого фрукта в Сибири нет, начали обсуждать, нельзя ли как-нибудь послать «Володе» в Шушенское «пудик вишни». Ведь это доставило бы ему большое удовольствие! Может быть, напомнило бы вишни, окружавшие беседку в саду симбирского дома? Ленин расхохотался, узнав о таком проекте. «Ваш план, — писал он в ответ 31 июля 1897 года, — посылки сюда, тысчонок за 6 с хвостиком верст, «пудика вишни» заставил меня только разинуть рот от изумления (а не от желания схамкать эту вишню...) перед богатством вашей фантазии».

Н. Валентинов [1]. С. 18

Глаза у него были хорошие, и когда он (быстро) научился искать и находить грибы, то искал с азартом. Был азартный грибник. Любил охоту с ружьем. Страшно любил ходить по лесу вообще.

Н. К. Крупская. С. 368

Кто-то из охотников писал, что, когда они были на охоте, там, где стоял Владимир Ильич, вышла лиса и сразу убежала. «Что же вы не стреляли, Владимир Ильич?» Тот ответил якобы: «Она очень хорошая, красивая, жалко стрелять». Насколько это верно, не знаю. Я знаю, что на охоте, там, где нужно было стрелять, он добросовестнейшим образом стрелял. Попадет, не попадет, но стрелял добросовестнейшим образом...

Д. И. Ульянов. С. 180

За зайцами Владимир Ильич отправлялся иногда зимой на острова Енисея на целый день. И все же, как пишет и Надежда Константиновна, «охотник Владимир Ильич не особенно страстный».

А. И. Ульянова-Елизарова [2]. С. 100

Но именно там и тогда произошел знаменательный эпизод с зайцами, записанный потом Надеждой Константиновной в воспоминаниях. Эпизод этот для меня несомненен как приступ и вспышка той таящейся в человеке болезненной, патологической агрессивности, которая, как помнит читатель, проявлялась и раньше. А проявление ее в недалеком будущем обогрится горячей, тяжелой соленой волной крови всю российскую землю.

«Его жена в своих воспоминаниях о нем рассказывает, как однажды в Шушенском он охотился на зайцев. Была осень, пора, предшествующая ледоставу. По реке шла шуга — ледяное крошево, готовое вот-вот превратиться в броню. На маленьком островке спасались застигнутые ледоставом зайцы. (Как тут не вспомнить русскому человеку про деда Мазая! — В. С.) Владимир Ильич сумел добраться в лодке до островка и прикладом ружья набил столько зайцев, что лодка осела под тяжестью тушек. Надежда Константиновна рассказывает об охотничьем подвиге антипода некрасовского деда Мазая с завидным благодушием. Способность испытывать охотничье удовлетворение от убийства попавших в естественную западню зверьков для Ленина характерный штришок».

Выписано из книги Доры Штурман «В. И. Ленин». ИМКА-пресс. Париж. 1989, стр. 61.

В. А. Солоухин. С. 116117

Охотником, знающим дело, он не был никогда.

Д. И. Ульянов. С. 180

Азарт на охоте — ползание за утками на четвереньках.

Н. К. Крупская. С. 372

В тот период, когда ко мне «благоволила» и Крупская, она часто рассказывала о разных фактах из его (Ленина) жизни. Лишь после одного происшествия, о нем я скажу позднее, она стала весьма осторожной или, употребляя выражение из ее «Воспоминаний», «скупой» в своих рассказах. Я узнал от нее, что, будучи в ссылке в Сибири, Ленин, желая возможно скорее и лучше овладеть немецким языком, решил переводить с русского на немецкий и обратно

произведения авторов, которых он знал и любил. В 1898 г. в качестве приложения к журналу «Нива» было издано полное собрание сочинений Тургенева. Ленин именно потому, что еще со времен юности любил Тургенева, попросил родных прислать ему это собрание вместе с немецким словарем, грамматикой и существующими переводами на немецкий язык произведений Тургенева. «Мы, — рассказывала Крупская, — иногда по целым часам занимались переводами... Ильич выбирал у Тургенева страницы, по тем или иным причинам наиболее для него интересные. Так, с большим удовольствием Ильич переводил ехидные речи Потугина в романе «Дым». (Выражение «ехидные речи» Потугина слишком мягко! Ведь Потугин доказывал, что Россия ничего не дала мировой цивилизации и культуре, что «даже самовар, лапти, дуга — эти наши знаменитые продукты, — не нами выдуманы». Он высмеивал русскую науку: «...у нас, мол, дважды два тоже четыре, да выходит как-то бойчее». Ныне в Кремле объявлено, что все мировые открытия и изобретения сделаны в СССР — России, она венец мировой культуры, поэтому Потугина за «подлое», «изменническое, космополитическое преклонение перед Западом», наверное, посадили бы в концлагерь или прикончили бы в подвале МГБ. Роман «Дым», насколько мне известно, не перепечатывается в СССР, так же как, но уже по другим причинам (оскорбление революции), тургеневский роман «Новь». Речи Потугина в «Дыме» представляют в русской литературе крайнее, искривленное, перегнутое проявление западничества. Это по поводу «Дыма» Достоевский злобно писал, что Тургеневу (Кармазинову в «Бесах») водосточные трубы в Карлсруэ дороже всех вопросов России. Очевидно, Ленин в Сибири был охвачен «низкопоклонством» перед Западом — раз «с большим удовольствием переводил ехидные речи Потугина»! — *Примеч. Н. Валентинова*).

Н. Валентинов [1]. С. 29

Я английский язык в тюрьме учила по самоучителю, никогда ни одного живого английского слова не слыхала. Стали мы в Шушенском Вебба переводить — Владимир Ильич пришел в ужас от моего произношения: «У сестры была учительница, так она не так произносила». Я спорить не стала, переучилась. Когда приехали в

Лондон, оказалось — ни мы ни черта не понимаем, ни нас никто не понимает...

Н. К. Крупская. С. 47

Еще помню — починил изгородь, когда были в ссылке.

Н. К. Крупская. С. 367

Для Ленина годы ссылки прошли как в блаженном забытьи, прерываемом иногда кошмарами. Настанет время, и он навсегда забудет Шушенское. Когда в 1921 году ему было предложено в анкете ответить на вопрос: «Где в России вам приходилось жить?» — он ответил: «Только в Поволжье и в столицах». Как будто в его жизни никогда не было ни Шушенского, ни той дороги в санях по зимнему Енисею.

Р. Пейн. С. 142

29 января 1900 года у Ульянова истек срок ссылки. Крупской пришлось отбыть в Уфу, где предстояло дожидаться окончания ее ссылки. Следовать в Псков, который избрал местом жительства муж, жене не разрешили. Владимир Ильич выбрал этот город прежде всего из-за близости к Петербургу, где надеялся периодически бывать: заниматься в библиотеке, налаживать прерванные арестом и ссылкой связи. В принципе он мог бы выбрать местом жительства Уфу, но для Ленина интересы дела всегда стояли выше личных. К тому же он подал прошение на выезд за границу, откуда из Пскова ехать было гораздо ближе, чем из Уфы.

Б. В. Соколов. С. 63

Его превосходительству господину директору Департамента полиции

Потомственного дворянина Владимира Ильича Ульянова,
жительствающего

в Городе Пскове по Архангельской улице в Доме Чернова.

Прошение

Окончив в настоящем году срок гласного надзора, я вынужден был избрать себе для жительства из немногих разрешенных мне городов город Псков, ибо только там я нашел возможным продолжить

свой стаж, числясь в сословии присяжных поверенных, подведомственных С.-Петербургскому совету присяжных поверенных. В других городах я бы не имел никакой возможности приписаться к какому-либо присяжному поверенному и быть принятым в сословие местным окружным судом, а это равнялось бы для меня потере всякой надежды на адвокатскую карьеру. Будучи вынужденным поселиться в городе Пскове, я позволяю себе повторить ходатайство моей жены и моей тещи о разрешении моей жене, Надежде Константиновне Ульяновой (урожденной Крупской), отбывать оставшуюся еще ей треть назначенного ей срока гласного надзора не в Уфимской губернии, а в городе Пскове. В настоящее время жена моя поселилась уже в Уфимской губернии, куда я не имею даже права въезда, ибо эта губерния принадлежит к числу изъятых; далее, в этой губернии пособия лицам, отбывающим гласный надзор, не выдаются, а профессиональная (педагогическая) деятельность для моей жены теперь закрыта, — следовательно, мне придется содержать ее из своего заработка, а я могу рассчитывать теперь на самый скудный заработок (да и то не сразу, а через некоторое время) вследствие почти полной потери мною всех прежних связей и трудности начать самостоятельную юридическую практику. Поэтому необходимость содержать в другом городе жену и тещу (здоровье которой, вследствие ее престарелого возраста, сильно пострадало от жизни в Сибири, куда ей пришлось ехать с дочерью) ставит меня в безвыходное положение и заставляет заключать неоплатные долги. Наконец, я в течение уже многих лет страдаю катаром кишек, который еще усилился вследствие жизни в Сибири, и теперь я крайне нуждаюсь в правильной семейной жизни.

На основании изложенного я имею честь покорнейше просить разрешить моей жене, Надежде Ульяновой, отбывать оставшийся ей срок гласного надзора не в Уфимской губернии, а вместе с мужем в городе Пскове.

Потомственный дворянин Владимир Ульянов.

Город Псков, 10 марта 1900 года.

Прошение директору департамента полиции. 10 (23) марта 1900

г.

Неизвестные документы. С. 2021

В Пскове Ленин встретился с тогдашним легальным марксистом и будущим кадетом и непримиримым противником большевиков князем Владимиром Андреевичем Оболенским. Тот оставил в своих мемуарах примечательный портрет Ильича: «В. И. Ульянов, впоследствии Ленин, имел очень невзрачную наружность. Небольшого роста, как коленка лысый, несмотря на свой молодой возраст, с серым лицом, слегка выдающимися скулами, желтенькой бородкой и маленькими хитроватыми глазками, он своим внешним видом скорее напоминал приказчика мучного лабаза, чем интеллигента».

Б. В. Соколов. С. 63

Вернувшись в Псков, Ленин сделал вид, что взялся за ум и намерен заняться юридической практикой, оставив увлечение политикой. Он понравился князю Оболенскому, влиятельнейшему лицу в городе, и тот даже устроил ему встречу с местными адвокатами, — господин Ульянов должен был получить о них представление, прежде чем решит, с кем из городских законников он желал бы работать... Но Ленин вовсе и не собирался остепеняться. В начале июня они с Мартовым, прихватив с собой несколько чемоданов, битком набитых нелегальной литературой, отправились в Петербург. Они задумали попасть в столицу окольными путями, через Гатчину и Царское Село, делая пересадку на каждой остановке. Все как будто получалось. Они даже успели передать весь свой груз по назначению еще до того, как приехали в Петербург. Ночевали они в квартире в Казачьем переулке, вполне довольные собой и успехом своего предприятия. Но утром, когда Ленин и Мартов вышли из дома, они были схвачены полицией. Им скрутили руки, чтобы они не могли выбросить из карманов или сунуть в рот и сжевать предположительно имевшиеся при них нелегальные бумаги, и доставили в отдельных каретах в участок... Ленина и Мартова заперли в камере и вскоре вызвали на допрос.

— Хотелось бы знать, чем вы здесь занимаетесь, — сказал начальник полиции. — Вы прекрасно знаете, что вам запрещен въезд в столицу.

Очевидно, благодаря покровительству князя Оболенского, имевшего связи в соответствующих учреждениях, Ленин получил паспорт, который давал ему право выезжать за границу. Паспорт был

при нем. Это было самое ценное, чего ему не хотелось теперь терять, но он предвидел уже не только его утрату, хуже — еще один срок сибирской ссылки.

Офицер полиции посмеивался.

— Вы невозможный человек! — воскликнул он. — Мы следили за вами все время. Вы даже имели наглость сделать пересадку в Царском Селе, где наших агентов по десятку за каждым кустиком. Неужели вы и вправду думали, что мы вас упустим?

В Царском Селе жил государь с семьей, Ленину грех было не знать, как охраняется царская вотчина.

Судебного дела заводить не стали, Ленина просто держали в тюрьме. Было начало лета, в камере стояла духота, нещадно кусали мошкара, комары, мухи, блохи. Условия были нестерпимые. Он жаловался, что стража под дверью камеры по ночам играет в карты и не дает ему спать. Но после двухнедельного пребывания в тюрьме его неожиданно выпустили и направили под конвоем в Подольск, где жила его мать. Опять сработали ее знакомые и родственники — он был на воле.

В Подольске его прежде всего доставили в полицейский участок. Важный полицейский чин попросил у него паспорт, повертел его в руках и небрежно бросил в ящик стола. Ленин пришел в ярость и потребовал, чтобы ему немедленно вернули его паспорт, но ему ответили, что документ вернут, однако со временем, потом когда-нибудь.

— В таком случае я заявлю в Департамент полиции, — сказал Ленин. — Я подам жалобу.

Он повернулся и решительными шагами направился к выходу. Полицейский крикнул ему в спину:

— Пойдите, господин Ульянов! Можете получить свой паспорт, если он вам так нужен!

Эту историю он рассказал родным, когда добрался до дома. При этом он сиял: все-таки победа, хоть и небольшая. Подобных побед у него будет много, очень много.

Р. Пейн. С. 346

ДЕНЬГИ

Ленин дорожил своей персоной. Всякий раз, когда ему грозил арест, он оставлял Россию и уезжал за границу. За все 17 лет, от 1900 г. до Февральской революции 1917, он в России был только полтора-два года, с ноября 1905 до осени 1907 г. Остальные годы он прожил за границей и ни разу нелегально не поехал в Россию, как это делали многие другие революционеры.

Д. Шуб. С. 265

В 1902 году в Лондоне состоялся известный съезд российской социал-демократической партии, явившийся исторической датой, отмечающей раскол партии на меньшевиков и большевиков. Я не буду останавливаться на этом событии: оно достаточно известно. Но со времени этого раскола имя Ленина выдвинулось на один из первых планов и становилось все популярнее и популярнее, как вождя большевистской фракции.

Г. А. Соломон [1]. С. 16

Хотя бы бегло взглянем на перечень городов и курортных мест, где побывал «вождь рабочего класса» Владимир Ульянов: Берлин, Лейпциг, Мюнхен, Нюрнберг, Штутгарт (Германия); Брюссель (Бельгия); Вена, Зальцбург (Австрия); Варшава, Краков, Поронин, Закопане (Польша); Гельсингфорс (Хельсинки), Куоккала, Огльбо, Стирсудден, Таммерфорс (Финляндия); Женева, Берн, Базель, Зоренберг, Изельтвальд, Кларан, Люцерн, Лозанна, Лакде, Бре, Фрутиген, Цюрих (Швейцария); Копенгаген (Дания); Лондон (Англия); остров Капри, Неаполь (Италия); Прага (Чехия); Париж, Бомбон, Лонжюмо, Марсель, Фонтенбло, Порник, Ницца (Франция); Стокгольм, Мальме, Троллеборг, Хапаранда (Швеция)...

А. А. Арутюнов. С. 550

Как только Ленин появился за границей, слаженность заграничной социал-демократии резко пошла на убыль. Где бы он ни

появлялся, рядом с ним шла склока, раздор, бесконечная дразга...

Г. А. Соломон [2]. С. 158

В одно из первых наших свиданий в 1914 г. Горький, со свойственной ему привычкой по несколько раз с небольшими вариациями повторять одни и те же слова, мне говорил: «Ленин человек замечательный, очень замечательный. И большевики люди превосходные и люди крепкие. Беда только, что у них слишком много склоки по пустякам, а склоку не люблю. Очень не люблю».

Н. В. Валентинов. Наследники Ленина / Ред сост. Ю. Фельштинский. М.: Терра,. 1991. С. 163

(Далее цит.: Н. Валентинов [4])

С Капри Горький (попавший под амнистию по случаю 300-летия дома Романовых) уехал в декабре 1913 года в Петербург, послав Ленину в некотором роде отповедь за все испытанные им нападки. Хранится ли это письмо в каких-нибудь архивах или давно уничтожено — не знаем, в кратких чертах его содержание мне поведал сам Горький при одном разговоре, имевшем место летом 1916 года. «Что я написал Ленину? Написал, что он очень интересный человек, ума — палата, воля железная, но те, которые не желают жить в обстановке вечной склоки, должны отойти от него подальше. Создателем постоянной склоки везде являлся сам Ленин. Это же происходит оттого, что он изуверски нетерпим и убежден, что все на ложном пути, кроме него самого. Все, что не по Ленину, — подлежит проклятию. Я написал: Владимир Ильич, Ваш духовный отец — протопоп XVII века Аввакум, веривший, что дух святой глаголет его устами и ставивший свой авторитет выше постановлений Вселенских Соборов»... За что Ленин его немедленно отчитал: «Нехорошую Вы манеру взяли, обывательскую, буржуазную — отмахиваться: «все вы склокисты»...

Н. Валентинов [1]. С. 7374

«О, теленок!» — со злостью восклицает Ленин по адресу Горького в письме к Арманд от 18 декабря 1916 года.

Н. Валентинов [4]. С. 76

Как ни парадоксально, даже проникновение царских агентов в ряды большевистской партии было, в некотором смысле, выгодно Ленину. Белецкий, директор полицейского департамента в предвоенный период, рассказывал, что «главной целью» его политики до войны было предотвращение любой ценой объединения русских социалистов. Он говорил: «Я действовал по принципу: разделяй и властвуй». Ленин в отличие от многих большевиков, выступивших за союз с меньшевиками, был против объединения всех русских социалистов. Белецкий в некотором смысле помогал Ленину, арестовывая как ярых противников Ленина среди меньшевиков, так и большевиков, которые активно выступали за объединение Российской социал-демократической рабочей партии. В отличие от «охранки», которая была убеждена в том, что разобщив партию, она сможет ослабить социалистическое движение, Ленин считал, что существование независимой партии большевиков является ключом к победе. Только дисциплинированная, идеологически чистая, «монолитная» элита, стоящая во главе сотен большевиков, могла повести русский народ в светлое будущее.

Э. Кристофер, О. Гордиевский. С. 54.

Самой крупной фигурой социал-демократического движения среди большевиков был Ленин, по моему мнению фанатик, не преследовавший своих личных узких целей и подчинявший все интересам того кружка, к которому он принадлежал, и интересам этого кружка подчинил интересы всего революционного движения, интересы нации.

В. Л. Бурцев. Показания по делу о вооруженном выступлении в июле 1917 года // Тайна октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания: Сборник / Сост. В. И. Кузнецов. СПб.: Алетейя, 2001. С. 187

По сравнению с широким умственным кругозором Плеханова с его всеобъемлющими интересами, дававшими пищу для неизменно яркого и талантливой реакции его ума, Ленин казался таким серым и тусклым во всем, что не входило непосредственно в сферу той социальной проблемы, в которой помещалась целиком и без остатка проблема его жизни. Если из Плеханова как из неиссякаемого кладезя

мудрости можно было черпать мысли и сведения по самым различным отраслям человеческого знания, беседовать с ним с поучением для себя не только о политике, но и об искусстве, литературе, театре, философии... то с Лениным при всей его осведомленности в русской экономической литературе и знакомстве с сочинениями Маркса и Энгельса тянуло говорить лишь о вопросах движения. Ибо малоинтересный и неинтересный во всем остальном, он, как мифический Антей, прикоснувшись к родной почве движения, сразу преображался, становился сильным, искрящимся, и в каждом его соображении сказывалась продуманность, следы того жизненного опыта, который, несмотря на его кратковременность и относительную несложность, успел сформировать из него настоящего специалиста революционного дела и выявить его прирожденную даровитость.

А. Н. Потресов. С. 279280

Схватка двух лидеров, разгоревшаяся жарким августовским вечером 1900 года и продолженная наутро, была подытожена Лениным в чрезвычайно интересной статье объемом в семнадцать страниц, которая позже вошла в Собрание его сочинений под заголовком «Как чуть не потухла "Искра"?». Он писал ее, несомненно, под впечатлением стычки, и состояние его было соответствующим. Ленин был задет покровительственным тоном этакого обитателя Олимпа, манерой свысока общаться с людьми, свойственной Плеханову. Ленин жаждал боя, открытой полемики с ним, но тот воздерживался, объясняя это тем, что никогда не принимал участие в полемических спорах на личностном уровне. Ленин тотчас же придрался к этим словам Плеханова, указав на то, что не кто иной, как Плеханов, излагая в одной из своих работ собственные политические принципы, использовал в ней несколько писем частного характера, в том числе письмо Екатерины Кусковой. Разве это не была полемика? — допытывался Ленин. И как можно вести борьбу без оружия? Чем больше упорствовал Плеханов, тем больше Ленин входил в роль общественного обвинителя. «Г. В. проявлял всегда абсолютную нетерпимость, неспособность и нежелание вникать в чужие аргументы и притом неискренность, именно неискренность», — писал он о Плеханове.

Р. Пейн. С. 149

А ведь надо сказать, что мы все, стоявшие наиболее близко к делу, и Мартов, и Вера Засулич, и я, мы все ценили Ленина не только за его знания, ум, работоспособность, но и за его исключительную преданность делу, всегдашнюю готовность отдаваться ему целиком, нагружая себя сверх меры самыми неблагодарными функциями и неизменно добросовестно их выполняя. И тем не менее атмосфера общения с ним была в корне отравлена тем, что Ленин, в сущности, органически не переваривал мнений, отличных от его собственных. Поэтому всякое редакционное разногласие имело тенденцию превращаться в конфликт с резким ухудшением личных отношений, с открытием военных действий, со стратегическими хитростями и неистовыми усилиями дать, чего бы это ни стоило, перевес своим взглядам...

А. Н. Потресов. С. 282

Все это имело предысторию. Ленин написал «Проект заявления редакции «Искры» и «Зари»» (заглавия газеты и журнала). Документ получился невнятным, сухим, к тому же сильно затянутым. Плеханов вернул Ленину «Проект...», попросив исправить стиль, сделать его более возвышенным. Ленину это не понравилось. Тем не менее, он переписал текст и подал его Плеханову. Тот, не затруднив себя замечаниями, передал его на доработку Вере Засулич. Ленин был взбешен. Масло в огонь подлил спор по поводу права решающего голоса в редакционной коллегии. В конце концов договорились, что возглавлять партийный орган будут шесть человек — Плеханов, Аксельрод, Вера Засулич, Ленин, Мартов и Потресов, но Плеханов будет иметь право на два голоса. Ленин был против.

Р. Пейн. С. 149150

«Точно проклятье какое-то!» — восклицал Ленин, рассказывая, как после глубокого конфликта с Плехановым он и Потресов по настоянию П. Б. Аксельрода решили пойти все же еще раз к Плеханову. «... Никогда не забуду я того настроения духа, с которым выходили мы втроем: «мы точно за покойником идем», сказал я про себя. И действительно, мы шли, как за покойником, молча, опуская глаза, подавленные до последней степени нелепостью, дикостью,

бессмысленностью утраты... Просто как-то не верилось самому себе [точь-в-точь как не веришь самому себе, когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого человека] — неужели это я, ярый поклонник Плеханова, говорю о нем теперь с такой злобой и иду, с сжатыми губами и с чертовским холодом на душе, говорить ему холодные и резкие вещи, объявлять ему почти что о «разрыве отношений»? Неужели это не дурной сон, а действительность?»

Е. Я. Драбкина. Зимний перевал. С. 268269

А когда-то Плеханов ему импонировал, как никто другой, больше чем Каутский, больше чем Бебель. Все, что тот говорил, делал, писал, его крайне интересовало. Он превращался в одно внимание, когда речь заходила о Плеханове. «Это человек колоссального роста, перед ним приходится съеживаться», — сказал он Лепешинскому.

Н. Валентинов [1]. С. 48

...Уделяя в своих ожиданиях практику Ленину видную роль в предстоящем развитии социал-демократии, Плеханов выражался как нельзя более сдержанно о литературных способностях Ленина. Это не написано, как говорят французы. Это не литературное произведение, это ни на что не похоже, говорил Плеханов. Он органически не в состоянии был переварить статью Ленина в сборнике, которая, несмотря на все переделки, сохраняла первоначальную бесформенность своего построения и при всей своей агитационной действенности, казалось, говорила о том, что автор ее не прирожденный писатель, а практик, взявшийся за перо лишь в виде исключения, побуждаемый к тому необычностью повода.

А. Н. Потресов. С. 279

Вера Ивановна, по ее собственному рассказу, говорила Ленину: «Жорж (Плеханов) — борзая: потреплет, потреплет и бросит, а вы — бульдог: у вас мертвая хватка». Передавая мне впоследствии этот диалог. Вера Ивановна добавила: «Ему (Ленину) это очень понравилось. «Мертвая хватка?» — переспросил он с удовольствием». И Вера Ивановна добродушно передразнивала интонацию вопроса и картавость Ленина.

Л. Д. Троцкий (Бронштейн). Моя жизнь. М.: Вагриус, 2001. С. 156

(Далее цит.: Л. Д. Троцкий [1])

О покойной В. И. Засулич он отозвался так:

— Есть такая детская песенка, точно написанная на Веру Ивановну:

Жила-была старица
В тишине под дубом,
Пошла в баню париться, —
Братья, возликуем!..
И, как баба умная
Взяла пук мочала...
Песня эта длинная, —
Начинай с начала!

И опять повторяется то же самое, как в песне «у попа была собака». Вот вам и вся Вера Ивановна...

Признаюсь, я и тогда, так же как и сейчас, не понимаю, в чем соль этой нелепой характеристики. Одно несомненно, что в нее было вложено, на мой взгляд, много какой-то бессильной и буззубой злобы, причина которой мне неясна... Я знаю, что когда-то давно В. И. Засулич встретила молодого тогда еще Ленина, ставшего в ряды эмиграции, с отменным участием и теплотой, о чем мне говорил кто-то из членов семьи Ульяновых с восторгом...

Г. А. Соломон [1]. С. 36

Решили попытать счастья и в Лондоне. Местная полиция славилась безразличным отношением к революционерам, и не только к зарубежным, но и к немногим британцам, попадавшим в ее поле зрения. К тому же в Лондоне имелась прекрасная почтовая связь, а местные музеи, библиотеки и картинные галереи были ничуть не хуже, чем в любом крупном европейском городе... В один из апрельских дней 1902 года сошли на перрон лондонского вокзала Виктория. У вокзала Ульяновы сели в двухколесную повозку и поехали в район Сент-Панкрас. Российский эмигрант и сторонник «Искры» Николай Алексеев заранее снял для Ульяновых квартиру в доме номер 30 на Холфорд-сквер. Неподалеку, на Сидмаут-стрит, нашли себе жилье Мартов, Потресов и Засулич.

Р. Сервис. С. 168

В то же ли утро (после моего приезда) или на другой день я совершил с Владимиром Ильичем большую прогулку по Лондону. Он показывал мне с моста Вестминстер и еще какие-то примечательные здания. Не помню, как он сказал, но оттенок был такой: «Это у них знаменитый Вестминстер». «У них» означало, конечно, не у англичан, а у правящих классов. Этот оттенок, нисколько не подчеркнутый, глубоко органический, выражающийся больше в тембре голоса, был у Ленина всегда, когда он говорил о каких-либо ценностях культуры или новых достижениях, книжных богатствах Британского музея, об информации большой европейской прессы или много лет позже — о немецкой артиллерии или французской авиации: умеют или имеют, сделали или достигли — но какие враги! Незримая тень господствующего класса как бы ложилась в его глазах на всю человеческую культуру, и эту тень он ощущал всегда с такой же несомненностью, как дневной свет.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 147

Потом Владимир Ильич раздобыл через объявления двух англичан, желавших брать обменные уроки, и усердно занимался, с ними. Изучил он язык довольно хорошо.

Н. К. Крупская. С. 47

Джордж Реймент, дававший в Лондоне Ленину и Крупской уроки усовершенствования английского языка, вспоминает, каков был быт семьи Ленина: «Больше всего эта семья меня поразила какой-то жуткой неприспособленностью к бытовым проблемам. В их квартире было постоянно неубрано, словно хозяева собираются вот-вот куда-то переехать. Я ни разу не видел, чтобы Крупская занималась по хозяйству». И по признанию того же англичанина: «Крупская — ужасно некрасивая, сутулая, выглядевшая много старше своих лет женщина, впрочем не без насмешливой хитринки в глазах, — сначала тоже пыталась усовершенствовать свою разговорную английскую речь, но, убедившись, что эта работа для нее слишком изнурительна, вскоре бросила».

К. и Т. Енко. С. 11

Надежда Константиновна была слишком занята общественными делами, чтобы тратить много времени на возню с хозяйством, а мать ее, Елизавета Васильевна, была плохого здоровья, часто прихварывала и очень не любила кухонную возню и тяготилась ею.

М. И. Ульянова. С. 215

Каждое утро, перед тем как начать читать газеты, писать, словом, начинать день — он наводил порядок в своей комнате. На то, что делалось в других частях квартиры, он, по выражению Крупской, смотрел «отсутствующими глазами», в той же комнате, где читал и писал, беспорядка не переносил. Масса книг, повсюду с ним передвигавшаяся, располагалась не только на полках, этажерках, но часто и на полу. В этой внешней беспорядочности был, однако, установленный им порядок: он знал, что где находится. Нужные ему книги, папки, газеты всегда держал под рукой, в удобном месте. Нигде ни пылинки, ни чернильных пятен. Их он не терпел, как не терпел грязных гранок в типографии его статей. Он называл их «свинством» и требовал, чтобы ему давали другие, чистые.

Не было беспорядка и в его дешевом, но всегда чистом костюме. Плохо держащуюся пуговицу пиджака или брюк иногда укреплял собственноручно, не обращаясь к Крупской. Елизавета Васильевна находила, что он это делал лучше, чем ее дочь. Если на костюме появлялись пятна, он старался немедленно вывести их бензином.

Н. Валентинов [3]. С. 29

Он больше всего любил порядок, царивший всегда в его кабинете и в его комнате, в отличие, например, от комнаты Мартова: у Мартова всегда был самый хаотический беспорядок — всюду валялись окурки и пепел, сахар был смешан с табаком, так что посетители, которых Мартов угощал чаем, часто затруднялись брать сахар. То же самое творилось и у Веры Засулич...

Н. Л. Мещеряков. О Ленине // Из воспоминаний о Ленине. Сборник, б/г. С. 167

Около двух часов был перерыв на обед. Хозяйством занималась Надежда Константиновна. Ее кулинарные способности, при наличии других, более важных функций, не давали особенно хороших

результатов. Но Владимир Ильич был неприхотлив и ограничивался шутками, вроде того, что ему приходится слишком часто есть «жаркое», имея в виду подгоревшее вареное мясо.

К. и Т. Енко. С. 8283

В одно из воскресений я отправился с Лениным и Крупской в лондонскую церковь, где социал-демократический митинг чередовался с пением псалмов. Оратором выступал наборщик, вернувшийся из Австралии. Он говорил о социальной революции. Затем все поднимались и пели: «Всесильный боже, сделай так, чтобы не было ни королей, ни богачей». Я не верил ни глазам, ни ушам своим. «В английском пролетариате рассеяно множество элементов революционности и социализма, — говорил по этому поводу Ленин, когда мы вышли из церкви, — но все это сочетается с консерватизмом, религией, предрассудками и никак не может пробиться наружу и обобщиться».

Л. Д. Троцкий [1]. С. 149

В Женеву он попал к самой середине зимы. На улицах было пусто, безлюдно, озеро замерзло, и над городом нависли тяжелые тучи. «Я чувствую, — говорил он, — что приехал сюда для того, чтобы быть похороненным».

Р. Пейн. С. 233

Владимиров (один из творцов канонизированной биографии Ленина. — *Е. Г.*), изображая положение большевиков в Женеве в 1904 году, уверял, что среди них, даже тех, кто потом, после 1917 года, заняли крупный пост, было «немало» таких, которые, чтобы не погибнуть с голоду, занимались перевозкой вещей швейцарских туристов. Я лично знал всех большевиков, живших в то время в Женеве. Из них только один занимался перевозкой туристов — это автор этих строк. Другие большевики считали эту работу делом их унижающим.

Н. Валентинов [3]. С. 23

В книге «Встречи с Лениным» Валентинов рассказал об Ильиче уникальную историю из бытовой жизни. В Женеве Валентинову

жилося нелегко и ему даже приходилось наниматься перевозить вещи, чтобы заработать деньги на пропитание. Однажды он подрядился доставить в ручной повозке багаж какому-то небедному меньшевику из города на дачу под Женовой. Доверху загрузив повозку, молодой человек двинулся в путь, но скоро понял, что не рассчитал силы. Трудно было даже удерживать телегу параллельно земле, иначе она опрокидывалась назад, увлекая за собой извозчика. Но самое страшное было в другом: отдыхая, нельзя было положить оглобли, ибо с их стороны в повозке не было заградительной доски — груз немедленно скатился бы на землю. Поэтому на остановках надо было опускать заднюю часть повозки, но в такой позиции оглобли взметались почти вертикально и вернуть их в нормальное положение было весьма затруднительно.

Была весна. Солнце пекло уже немилосердно. На Валентинове было тяжелое черное пальто, в котором он обливался потом. А почему бы не снять пальто? Под ним — костюм, купленный, кстати, по настоянию Ленина на партийные деньги, но пришедший в негодный вид, весь в прорехах. Когда Валентинов ощутил, что руки и спина полностью онемели, он еле подкатил повозку к тротуару возле какого-то кафе и опустил ее наземь. Оглобли встали на дыбы. Ну и черт с ними! Все равно нужно отдохнуть... В эту минуту Валентинов увидел... Ленина, на лице которого промелькнуло удивление;

— А где жена? — спросил Ильич.

— При чем тут жена, — отвечал извозчик.

— Как при чем? Вы ведь куда-то переезжаете? — Ленин явно не знал о промыслах Валентинова.

— Неужели вы думаете, что все это добро мне принадлежит?

Узнав в чем дело, Ленин потребовал, чтобы Валентинов зашел с ним в кафе подкрепиться перед дальнейшей дорогой. Там он спросил, как далеко до места назначения багажа. С помощью хозяина кафе выяснили, что тащить повозку предстоит еще несколько километров.

— Ну, — сказал Ленин, — не знаю, как вы с вашей задачей справитесь. Вы сделали, вероятно, два километра и совсем выдохлись. Что же останется от вас после последующих? Видно, придется мне писать некролог и указать, что товарищ Самсонов (псевдоним Валентинова. — *В. М.*) стал жертвой эксплуатации меньшевика... Какую сумму он обещал вам уплатить?

— Десять франков.

— Возмутительно! Фиакр за такое расстояние взял бы с него не меньше двадцати франков.

Валентинов резонно возразил, что, бери он по тарифу извозчиков, обращались бы за помощью к ним, а не к нему. Ленин с этим согласился, но самым строгим и серьезным голосом сказал:

— Все равно меньше пятнадцати франков брать не должны...

Уплатив за две чашки кофе и сандвич, которыми подкрепился Валентинов, Ильич вышел с ним из кафе: «Хочу немножечко вам подмогнуть». Повозка стояла, задрав кверху оглобли так, что дотянуться к ним было нельзя — предстояло прыгать. Двадцатипятилетний Валентинов и тридцатичетырехлетний Ленин занялись этим. «Ленин прицелился на одну оглоблю, я — на другую, — вспоминал извозчик. — Прыгнули — и неудачно: повозка качнулась, но не опустилась. Толстый хозяин кафе стоял у дверей и смеялся. Еще один прыжок — и повозка выпрямилась. Ленин с каким-то торжеством произнес: «Ну, вот видите, готово!» Я начал, как говорится, рассыпаться в благодарностях, но Ленин, оборвав меня — «пустяки», скомандовал: «Двигайтесь, тащите, я вам еще подмогну».

Однако Валентинов чувствовал себя крайне неловко, да и держать каждому по оглобле, толкая друг друга, было неудобно. Поэтому он взмолился:

— Владимир Ильич, даю честное слово, везти вдвоем больше не буду. Прошу вас, бросьте и идите домой. Или, если хотите отбить у меня десять франков, — везите один.

Ленин согласился не сразу («Но что вы будете делать, если в пути придется даже не раз останавливаться? Вы один выпрямить ее не будете в состоянии»). Но, наконец, увидев непреклонность Валентинова, сдался. Уходя, напомнил:

— Не забудьте, не менее пятнадцати франков!

«Тронутый таким дружеским отношением ко мне Ленина, — писал Валентинов, — мог ли я тогда... предполагать, что человек, тащивший со мной повозку, нагруженную рухлядью, будет основателем на месте империи царей особого типа государства, перевернувшего все соотношение мировых сил?»

Конец истории таков. Прибыв по месту назначения, Валентинов рассказал нанявшему его меньшевику о том, что лично Ленин помогал

ему тащить повозку. Потрясенный, тот «превратился в медовый пряник». Не позволив извозчику разгружать багаж, он сам стал вносить вещи в дом, а супруга его пригласила Валентинова пить чай с конфетами, не преминув информировать, что ее муж симпатизирует и меньшевикам и большевикам. А когда Валентинов уходил, хозяин, принося благодарности и извинения, сунул ему в руку пятнадцать франков. То есть сумму, назначенную Лениным!

В. Е. Мельниченко [1]. С. 99101

Расписывают нашу жизнь как полную лишений. Неверно это. Нужды, когда не знаешь, на что купить хлеба, мы не знали. Разве так жили товарищи эмигранты? Бывали такие, которые по два года ни заработка не имели, ни из России денег не получали, форменно голодали. У нас этого не было. Жили просто, это верно.

Н. К. Крупская. С. 139

Сам Ленин накануне Октябрьской революции в одном из своих произведений громко, ясно, твердо всему миру заявил, что он никогда не испытывал нужды. Но он подвизался в среде, утверждавшей, что верблюду гораздо легче пролезть в игольное ушко, чем богатому, не нуждающемуся человеку, войти в Царствие Небесное. По этой причине, едва успел скончаться Ленин, едва успели мощи его быть возложенными в мавзолей на Красной площади перед Кремлем, как спонтанно стала создаваться легенда о бедной жизни и большой нужде, которую пришлось испытывать «Ильичу». Авгуры, подхватив эту легенду, превратили ее в канон.

Н. Валентинов [3]. С. 22

Да и в Европе он жил с комфортом, как и подобало среднему буржуа; там он успел спустить три весьма крупных состояния, которые в разное время сами плыли ему в руки.

Р. Пейн. С. 10

Трудно было, например, Николаю Васильевичу Сапожкову (Кузнецову); он с женой нашли работу — красить глиняную посуду какую-то, но зарабатывали гроши, и видно было, как у этого здорового человека, высокого силача от голодовки постепенно ложились на лицо

морщины, хотя никогда и не жаловался он на свое положение. Много было таких случаев. Тяжелее всего был случай с т. Пригара, участником Московского восстания. Жил он где-то в рабочем предместье, и товарищи мало знали о нем. Раз приходит к нам и начинает возбужденно, не останавливаясь, говорить что-то несуразное — о колесницах, полных снопами, о прекрасной девушке, стоявшей на колеснице, и т. п. и т. д. Явно человек с ума сошел. Первая мысль была: это от голода. Мама стала спешно готовить ему, побледневший Ильич остался с Пригарой, а я побежала за знакомым доктором-психиатром. Он пришел, поговорил с больным, потом сказал, что это — тяжелая форма помешательства на почве голода; сейчас ничего, а когда перейдет в манию преследования, может покончить с собой, тогда надо следить. Мы даже адреса его не знали. Бритман пошел провожать его до дому, но Пригара дорогой от него ушел. Подняли на ноги нашу группу — пропал человек. Потом нашли его труп в Сене с привязанными к шее и ногам камнями — покончил человек с собой...

Н. К. Крупская. С. 140

Мне пришлось однажды провести ночь с больным (белой горячкой) товарищем — и однажды «уговаривать» товарища, покушавшегося на самоубийство (после покушения) и впоследствии, через несколько лет кончившего-таки самоубийством.

Ленин. Цит. по: Фишер Л. С. 120

Бонч-Бруевич оставил интересный рассказ о том, как в Лозанне, как раз тогда, когда Ленин собрался в пешее путешествие по Швейцарии, он получил неожиданный и щедрый подарок от матери. Специально приехавшего перед отправкой в путешествие Бонч-Бруевича Ленин встретил в явно возбужденном состоянии.

— Пойдемте, — сказал он ему, — я покажу вам, какой замечательный подарок прислала мне с Надей мама!

И Ленин, быстро увлекая гостя, пошел к выходной двери. Они спустились вниз, в дворик дома. Здесь стояли только что распакованные два новеньких, блестящих велосипеда: один мужской, другой женский.

— Смотрите, какое великолепие! Это все Надя наделала. Написала как-то маме, что я люблю ездить на велосипеде, но что у нас

своих машин нет. Мама приняла это к сердцу и коллективно со всеми нашими сколотила изрядную сумму, а Марк Тимофеевич заказал нам в Берлине два велосипеда через общество, где он служил. И вот вдруг — уведомление из Транспортного общества: куда прикажете доставить посылку? Я подумал, что вернулась какая-либо нелегальщина, литература, а может быть, кто выслал книги? Приносят — и вот вам нелегальщина! Смотрите, пожалуйста, какие чудесные велосипеды! — говорил Владимир Ильич, осматривая их, подкачивая шины и подтягивая гайки на винтах. — Ай да мамочка! Вот удружила! Мы теперь с Надей сами себе господа. Поедем не по железной дороге, а прямо на велосипедах...

В. Е. Мельниченко [1]. С. 132133

Мадам Рю (это было уже в Париже. — *Е. Г.*), консьержка, поражалась тому, как скучно и однообразно они живут, и говорила впоследствии: «Вообразите, они были совершенно лишены обыкновенных человеческих слабостей. Месье Ульянов не пил, не курил. Он каждый день уходил в библиотеку или на собрание, а оттуда сразу же шел домой».

Р. Пейн. С. 246

С ездой на велосипедах в Париже и под Парижем нужна была большая осторожность. Раз Ильич по дороге в Жювизи попал под автомобиль, еле успел соскочить, а велосипед был совершенно изломан.

Н. К. Крупская. С. 127128

Естественно, что, имея деньги всегда в обрез, пансион выбирался дешевый. При этом Владимир Ильич всегда настаивал, что во время обедов и ужинов в пансионе надо все съедать, а то мол, решат, что дают слишком много, и убавят порции.

М. И. Ульянова. С. 215

Но в основном его заявление правдиво и честно, он действительно никогда не знал нужды. О том свидетельствует его протекшая жизнь, начиная с счастливого детства в Симбирске. Не зная никогда богатства, чураясь и презирая его, он в то же время привык иметь скромную,

сытую, без всяких провалов жизнь. Что бы ни происходило, а хлеб с маслом, «бифштекс», чистую рубашку, чистое белье — он должен иметь и привык иметь. Это его прожиточный минимум. Он не «морализировал» по этому поводу, так как моральными «бирюльками» он никогда не занимался. Он и не «философствовал», для него все тут было ясно и просто. Прожиточный минимум определен его давними привычками, воспитанием, — он должен материально обеспечить ему работоспособность, то есть ту идейную и политическую активность, без которой был бы утерян самый смысл его, Ленина, существования. И так как он «оптимист», то убежден, что так или иначе, а деньги на жизнь — откуда бы они ни шли — у него будут.

Н. Валентинов [1]. С. 8687

Обычно питание в городе было в семье Владимира Ильича очень упрощенное. Правда, все было вполне свежее, так как приготавлилось дома, но приготавлилось очень скромно и в обрез. Суп обычно был из магги (кубик с сухим вегетарианским супом, который опускался в кипяток) — преимуществом его было скорое приготовление, а на второе кусочки мяса или котлеты, тоже в обрез. Принцип был такой, чтобы готовить только на один раз и чтобы ничего не оставалось.

М. И. Ульянова. С. 215

Привычки и пристрастия богемы, столь тяготевшие над Мартовым, были Ленину совершенно чужды.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 150

То же отмечает в своих воспоминаниях и Калмыкова. «Наступало время ужина, — пишет она, — состоял он неизменно из двух горячих сосисок и чая. Перед уходом за их покупкой Надежда Константиновна с матерью решала, сколько нужно будет купить лишних сосисок, так как Владимиру Ильичу и Потресову и еще кому-то надо было давать три сосиски».

М. И. Ульянова. С. 215

У Владимира Ильича — что знал Горький — было очень много «хитрецы». В форме деликатной и только в области денежных дел, он допускал ее даже и в сношениях с родными...

Партийным фондом Ленин распоряжался как скупой и расчетливый хозяин и, по своему обыкновению, всегда ссылаясь на то, что партийный фонд исчерпан. Просимую у него сумму он неизменно стремился уменьшить. Той же Коллонтай он в сентябре 1915 года писал: «Денег нет, денег нет! Главная беда в этом!» На просьбу Радека Ленин в это же время ответил: «Вопрос о деньгах обсудим с Григорием (Зиновьевым. — *Н. В.*). Мы сейчас сидим без денег!»...

Свою тактику скрывать действительное положение кассы газеты «Искры», изображать его хуже, чем оно было, пугать своих товарищей «финансовым крахом», тем самым заставляя их добывать средства — Ленин проводил мастерски. В 1901 году в кассу поступили крупные суммы от Калмыковой, из Киева через проф. Тихвинского и из других мест, но Ленин именно в это время посылал всем отчаянные письма — спасайте нас! «Собирайте деньги, — писал он Дану 22 марта 1901 года. — Мы доведены теперь почти до нищенства, и для нас получение крупной суммы — вопрос жизни». «Финансы — вовсе швах, — сообщал он Бауману 24 мая 1901 года, — Россия не дает почти ничего».

Н. Валентинов [1]. С. 24, 65, 85

Насчет платы и ее задержки пора, давно пора поднять коренной вопрос. Тысячи раз говорилось, что прямой и безусловный долг конторы и кассира а к к у р а т н о высылать деньги — всем сотрудникам по 2 к[опейки] за строчку (кроме сотрудников платных по мес[яцам]) р а з в н е д е л ю. Ни лондонцам, н и К а м е н е в у, ни парижанам вы н е посылаете, и мы завалены жалобами (за д в а месяца не заплачено также двум помес[е]чным сотрудника, т. е. мне и Гр[игорию] З[иновьеву]).

Я настоятельнейшим образом прошу прекратить такие нравы и платить а к к у р а т н о. Прошу известить меня тотчас, будет ли это сделано и к о г д а посланы деньги (1) лондонцам; (2) парижанам; (3) Каменеву; (4) нам. Иначе вы меня заставите официально жаловаться издателю и поднять официальный вопрос. Если вы не хотите считаться с тем, к[а]к нас ругают за промедления платы и неаккуратность конторы отовсюду, то мы сложим с себя ответственность в случае перехода к «мерам», обыкновенно не требующимся в среде коллег.

Ленин — в редакцию газеты «За правду». Между 12 и 18 (25 и 31) октября 1913 г.

Неизвестные документы. С. 115

Она (ложь о постоянной бедности Ленина. — *Е. Г.*) становится еще более выпирающей, если напомнить, что сам Ленин писал 19 декабря 1908 года своей сестре Анне: «Мы едем сейчас из гостиницы на свою новую квартиру... Нашли очень хорошую квартиру, шикарную и дорогую 840 франков + налог около 60 frs да + консьержке тоже около того в год. По-московски это дешево (4 комнаты, кухня + чуланы, вода, газ), по-здешнему дорого. Зато будет поместительно и, надемся, хорошо. Вчера купили мебель для Маняши. Наша мебель привезена из Женевы».

Н. Валентинов [1]. С. 25

Революция, как и война, имеет свой нерв — деньги. Без этого нерва лучшие революционеры превращаются в смешных романтиков. Революция должна иметь в своих руках оружие, революция должна иметь за собой могущественную, дорогостоящую организацию.

Г. З. Беседовский. Сталин-бомбист. На путях к термидору. М.: Современник, 1997. С. 349

В 1902 году в брошюре «Что делать?» Ленин настаивал, что «профессиональный революционер», — и он мог бы сказать: «из них же первый есмь аз», — отдающий свои силы революции, должен быть освобожден от обязанности думать о хлебе насущном. Он должен получать содержание от партии. Ленин и стал его получать с 1901 года в качестве одного из редакторов «Искры». К жалованью был добавок из «ульяновского фонда», но, пользуясь выражением, которое Ленин часто употреблял, то была Privatsache, и ничьи заглядывания сюда он не допускал.

Н. Валентинов [1]. С. 57

Однажды, дело было где-то в Цюрихе, среди денежных переводов в партийную кассу случайно оказался перевод в двести рублей, отправленных лично Ленину его заботливой матерью. Товарищи по партии чуть было не приобщили эти рубли к общепартийной сумме, из

которой, надо сказать, Ленин достаточно черпал и для своих нужд. Случай сильно взволновал Ленина. С поразившим партийных товарищей жаром он объяснил им разницу между его личным достоянием и общей казной. С тех пор устыженные соратники не посягнули и на грош его. Ни одного лично ленинского рубля в общую партийную кассу не поступило за всю ее историю...

В. Брусенцов. С. 159

Вместо слова «жалованье», звучащего слишком по-казенному, отчеты употребляют более благозвучный термин — «диета»: «диета» членам редакции Центрального органа, «диета» представителям Центрального Комитета, «диета» экспедитору партийных изданий.

Н. Валентинов [1]. С. 58

Получил 200 frs. 22. XI. 08.

6. 1. 09. сто франков на расходы секретаря получил.

18 янв[аря] 1909. 300 (триста) франков для Международного [социалистического] б[юро] получил.

600 frs. получил. 18. II. 09.

250 франков (250 frs.) получил 7 мая 1909.

9 сент[ября] 1909 сто (100) франков получил.

Расписки Ленина в хозяйственную часть большевистского центра о получении денег.

Неизвестные документы. С. 3031

Один из бывших членов большевистской группы «Вперед» в Париже (1910-1914 годы) нам указал, что максимальной «диетой», установленной для руководящих членов большевистской фракции, было 350 франков и, как он слышал, именно эту цифру и представляла «диета» Ленина. Так как у нас нет никакого другого свидетельства, подтверждающего эту цифру, и в наши руки не попал ни один отчет, хотя бы намекающий о ней, — в качестве наиболее вероятной «диеты», получаемой Лениным из партийного фонда, нужно считать 300 франков в месяц, то есть то, что получал Каменев и, наверное, Зиновьев. А триста франков в месяц до первой войны представляли сумму, в два с лишком раза превышавшую среднюю месячную плату рабочих Франции. На эти деньги Ленина и Крупской можно было жить

в Париже, конечно, без роскоши, но очень далеко от жизни «впроголодь».

Н. Валентинов [1]. С. 59

В 1903 году Ленин находился в эмиграции и к нему со всех сторон стекались ученики и последователи. Они бежали из сибирской ссылки, с Урала, из северных губерний России, из Полтавы, из Польши. Во главе своего штаба он начал разработку программы и тактики новой политической партии.

Коба (тогдашняя партийная кличка Сталина. — *Е. Г.*) также бежал в 1904 году из Восточной Сибири, куда он был сослан. Но он не бежал за границу. Он приехал к себе на Кавказ, в Тифлис, где под носом полиции началась энергичная работа по созданию новой большевистской партии. За Кобой следили десятки лучших агентов полиции. Но он был неуловим. Он усвоил все приемы известнейших революционеров, когда-либо укрывавшихся от полиции. Он менял одежду, гримировался, носил фальшивые усы и фальшивую бороду, становился женихом перезрелых старых дев из чиновничьих семейств, наконец, даже ухитрился поступать учителем в начальную школу. Агенты полиции не могли открыть этого кавказского Арсена Люпена. Но, сватаясь к перезрелым чиновницам, Коба одновременно продолжал свою большую подрывную работу. Он сделался руководителем закавказского комитета большевиков и редактором нелегальной газеты «Борьба пролетариата». Эта газета издавалась в тысячах экземпляров и наводняла весь Кавказ, появлялась на фабриках, заводах и даже в канцеляриях правительственных учреждений. Энергия Кобы не знала пределов. Он разрабатывал один план за другим, он вербовал кадры бойцов, он начал доставать оружие, он мечтал о всеобщем восстании на Кавказе, которое должно было смести петербургского наместника, Воронцова-Дашкова.

Г. З. Беседовский. С. 348349

Шесть раз его арестовывали и шесть раз отправляли в ссылку на поселение: в Восточную Сибирь (1903 г.), в Сольвычегодск (1908 г.), снова в Сольвычегодск (1908 г.), в Вологду (1911 г.), в Нарымский край (1912 г.) и в Туруханский край (1913 г.). Из всех этих мест (за исключением последнего), он бежал, не засиживаясь долго, чаще всего

через месяц-другой по водворении на жительство. Жизнь Сталина поистине может служить уроком смирения для деятелей департамента полиции. Хороша была ссылка, из которой человек мог бежать пять раз. Недурно было и то, что Сталина мирно отправляли в ссылку. В вину ему департамент полиции вменял какую-то «маевку», устройство уличных демонстраций, нелегальные издания, руководство экономической забастовкой на батумских предприятиях Ротшильдов, что-то еще в таком же роде. Эти тяжкие преступления должны были вызывать усмешку у людей, знавших настоящую работу Сталина.

М. А. Алданов. Сталин. Эссе // Литература русского зарубежья: Антология: В 6 т. М.: Книга, 1991 Т. 2. С. 56.

(Далее цит.: М. А. Алданов [2])

Сделав в нашем повествовании скачок вперед, мы увидим, что... в 1901—1908 гг. Ленин участвует в нескольких вооруженных экспроприациях. Это он пробует перейти от мечты к делу, от теории к практике; это молодой волкодав, уже не щенок, но еще и не сложившийся пес, переходит к пробе своей силы и злобности от цыплят и лягушек к овцам и собакам. По отзывам людей, близко наблюдавших его в эту полосу его жизни, Ленин проявил необычайную изобретательность, соединенную с осторожностью и дальновидностью.

А. И. Куприн [2].

Главное свое внимание вождь большевиков после провала первой революции устремил на то, что тогда игриво называлось «эксами» или «эксакциями» (в брошюрах того времени часто употребляется и глагол «эксировать»). В этой области ближайшим сотрудником и правой рукой Ленина стал уже в ту пору весьма известный кавказский боевик, по революционной кличке «Коба», он же «Давид», он же «Нижеградзе», он же «Чижилов», он же «Иванович», он же всемогущий русский диктатор Иосиф Виссарионович Сталин-Джугашвили.

М. А. Алданов [2]. С. 56

Вся его (Сталина) психика кавказского жителя, все его юношеское прошлое, его детские игры в разбойники подсказывали ему один выход — грабежи. Деньги находились кругом в достаточном

количестве. Их надо было уметь только взять. На Кавказе жили сотни богачей-армян, державших в руках многомиллионные состояния. Казначейство русского правительства ежедневно перевозило сотни тысяч и миллионы рублей. У Кобы были люди решительные и энергичные, смелые кавказцы, привыкшие считать грабеж обычным методом наживы. Он не мог колебаться. Но он был дисциплинированным человеком и не считал возможным пустить в ход свой способ, не согласовав предварительно этого вопроса с лидером партии, с Лениным.

Г. З. Беседовский. С. 349

Формулу Маркса, что во время пролетарской революции происходит «экспроприация экспроприаторов» Ленин перевел на понятный русский язык — «грабь награбленное». Через год после установления большевистской власти Ленин сказал: «Прав был старый большевик, объяснивший казаку, в чем заключается большевизм. На вопрос казака: «а правда ли, что вы, большевики, грабите?», — старик ответил: «да, мы грабим награбленное».

А. Авторханов. Коба и Камо // Новый журнал. Нью-Йорк, 1973. № 110. С. 266.

(Далее цит.: А. Авторханов)

Если мы употребляем слова «экспроприация экспроприаторов», то — почему же нельзя обойтись без латинских слов?» (А п л о д и с м е н т ы).

Ленин. ПСС. 5-е изд. Т. 36. С. 269

В Ленине поражает его неразборчивость в средствах, особенно обнаружившаяся в 1905-1907 годах. Приемы, которые практиковал тогда Ленин, старательно разоблачены в брошюре Л. Мартова, изданной за границей в 1908 году под заглавием «Спасители или разрушители?». Я теперь уже не припомню отдельных фактов, изложенных в брошюре, но в ней речь идет о сношении с разбойничьей шайкой. Насколько помню, в этой брошюре разбойник Сашка Лбов жаловался на недобросовестность и обман ленинцев.

Г. В. Плеханов. Показания по делу о вооруженном выступлении в июле 1917 года // Тайна октябрьского переворота. С. 171

Началась переписка Кобы с Лениным, приехавшим в это время в Финляндию, где он нелегально проживал. Ленин колебался еще меньше Кобы. Он прислал ему письмо, в котором полностью благословлял на грабежи. Но Ленин писал Кобе также, что «надо все это устроить так, чтобы ответственность ни в коем случае не падала на нашу партию. Организуйте отдельный отряд боевиков-экспроприаторов и поставьте во главе его вполне надежное лицо, человека, который скорее умрет, чем откроет правду в случае ареста. Если отряд провалится, мы от него отречемся и объявим, что отряд действовал самозвано и самочинно, без нашего разрешения. Иначе мы действовать не можем, так как вся эта меньшевистская слякоть съест нас живьем в случае провала».

Г. З. Беседовский. С. 349

Первая личная встреча Сталина с Лениным произошла в декабре 1905 года на конференции в Таммерфорсе. Второй и третий раз Сталин видел и слушал Ленина на IV и V съездах партии, где Сталин присутствовал как делегат с совещательным голосом от Тифлиса. На V съезде Сталин присутствует под кличкой «Иванович», но на Кавказе он известен под кличкой «Коба» (Сталин взял эту кличку из повести «Отцеубийство» грузинского классика князя Казбеги, главный герой которого — Коба — воплощает в себе не только бесстрашие и личный героизм, но и беспримерную верность идеалам гуманизма и дружбы).

Однако самая важная встреча, которая, в конечном счете, привела Сталина в верхний эшелон партии, произошла у Сталина с Лениным в 1907 году в Берлине... Хорошо информированный Троцкий писал: «Если Ленин совершил специальное путешествие в немецкую столицу для такой встречи, то, во всяком случае, не ради теоретических бесед. Встреча могла состояться либо до или, еще более вероятнее, сейчас же после съезда партии и почти несомненно, что она была посвящена предстоящей экспроприации, добыче денег и т. д...» Почему же встречи произошли не в Лондоне, а в Берлине — спрашивает Троцкий. Отвечая на этот вопрос, Троцкий говорит, что, весьма вероятно, что Ленин не хотел встречаться с «Ивановичем» на глазах царских и других шпионов, присутствовавших на съезде в Лондоне, к тому же, возможно, на встрече присутствовало и третье лицо, не имевшее

никакого отношения к съезду партии... Троцкий не называет его имени. Но мы знаем, что это третье лицо будет знаменито на весь мир через месяц как — Камо, возглавитель самого дерзкого в истории царской России бандитского налета. Встреча Ленина, Кобы и Камо произошла, по всей вероятности, после 19 мая. Через месяц — 26 июня 1907 г. — произошла и знаменитая тифлисская «экспроприация».

А. Авторханов [1]. С. 271272

Коба начал выполнять распоряжение лидера своей партии. Прежде всего, он получил новую кличку. Теперь он уже стал называться Нижерадзе. Под этой кличкой началось руководство работой боевиков. Нижерадзе вскоре нашел прекрасного руководителя боевой организации, армянина по фамилии Петросян. Это был рослый красавец, нечеловеческой силы, влюбленный в Сталина, как в женщину, и слепо веривший каждому его слову. Петросян был редким экземпляром убежденного фанатика, способного отдать голову за малейшую запятую из партийного катехизиса. По натуре это был человек редкой храбрости, большой ловкости, находчивый и изобретательный, словно самой судьбой созданный для руководства большой шайкой грабителей.

Г. З. Беседовский. С. 350

Впервые я встретился с Лениным в декабре 1905 г. на конференции большевиков в Таммерфорсе (в Финляндии). Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленин рисовался в моем воображении в виде великана, статного и представительного. Каково же было мое разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека, ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных... Принято, что «великий человек» обычно должен запаздывать на собрания, с тем чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причем перед появлением великого человека члены собрания предупреждают: «тсс... тише... он идет». Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение.

И. В. Сталин. О Ленине // Правда. 1924. № 34

Чтобы пережить этот момент, Сталин пришел в собрание одним из первых. И вот почти одновременно с ним пришел незаметный человек в потертом пальто, в стареньком котелке, в калошах и с зонтиком под мышкой — шел снег. Быстро разделся. Не вызывая с ничьей стороны внимания, прошел в угол, забился там — и стал вести тихую и самую обыкновенную беседу с другими делегатами. И вдруг Сталину говорят: — Да ведь это Ленин...

С. В. Дмитриевский. Сталин. М.: СП «Интерпринт» и ИК «Буквица», 1990. С. 3

Каково же было мое разочарование, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись где-то в углу, простецки ведет беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами конференции. Не скрою, что это показалось мне тогда некоторым нарушением некоторых необходимых правил.

И. В. Сталин // Правда. 1924. № 34

Он преклонялся перед Лениным, боготворил Ленина. Он жил его аргументами, его мыслями, копировал его бесподобно, настолько, что мы в насмешку называли его левой ногой Ленина

Р. Арсенидзе. Из воспоминаний о Сталине // Новый журнал». Нью-Йорк, 1963. №72. С. 221

Чтобы лучше понять развитие большевизма от триумфа ленинского ЦК в октябрьской революции и до его гибели после смерти Ленина, чтобы проследить генеалогию будущего сталинского большевизма — надо остановиться на истории зарождения уголовного течения в большевистской партии — на истории кавказских «экспроприаторов», которых на партийном жаргоне сокращенно называли «эксами». Здесь впервые в истории политических движений мы присутствуем при рождении политико-уголовного «гибрида», когда для осуществления политической цели (захват власти) проповедуются и применяются чисто уголовные методы (убийства, грабежи, поджоги, фальшивомонетчество). Этот гибрид родился в революции 1905 г. как «боевые дружины» рабочей самообороны, которые Ленин решил сохранить и после поражения революции для двух целей: 1) добывать

для партии деньги путем «экспроприации экспроприаторов» и 2) убивать шпионов, «черносотенцев» и «начальствующих лиц полиции, армии и флота».

А. Авторханов [1]. С. 266

Второй раз встретил я Ленина в 1906 г. на Стокгольмском съезде нашей партии. Известно, что на этом съезде большевики остались в меньшинстве, потерпели поражение. Я впервые видел тогда Ленина в роли побежденного. Он ни на йоту не походил на тех вождей, которые хныкают и унывают после поражения. Наоборот, поражение превратило Ленина в сгусток энергии, вдохновляющий своих сторонников к новым боям, к будущей победе. В речах некоторых делегатов сквозили усталость, уныние. Помнится, как Ленин в ответ на такие речи едко процедил сквозь зубы: «Не хныкайте, товарищи, мы наверняка победим, ибо мы правы».

И. В. Сталин // Правда. 1924. № 34

В 1906 году большевики в Петербурге и Москве разрабатывали план выпуска фальшивых денег. К этому проекту Красин вернулся в 1907 году и заказал в Германии бумагу с водяными знаками для печатания фальшивых трехрублевых. Однако об этих планах стало известно. В Берлине были произведены аресты, закупленная бумага была конфискована и проект этот, как вспоминал затем Богданов, «не осуществился лишь по случайным и чисто техническим причинам».

Ю. Г. Фельштинский. Вожди в законе. М.: Терра-Книжный клуб, 1999. С. 9

Григорий Алексинский так говорит об истории возникновения «экспроприаторов»: «В период времени 1906-1910 годов большевистская фракция управлялась малым комитетом, существование которого было скрыто не только от глаз полиции, но также и от членов партии. Этот малый комитет, в который входили Ленин, Красин и еще одно лицо, которое держится теперь в стороне от политики (написано в 1921 г., третьим лицом был А. Богданов — А. А.), особенно занимался финансами партии. В постоянных поисках за денежными ресурсами комитет избрал простое средство пополнения кассы. Это средство то самое, которое много позже употреблял Бонно

(известный грабитель почтовых поездов на Диком Западе. — *Е. Г.*)... но Бонно оперировал лично, тогда как большевистская «троица» ограничивалась общим руководством... Грабили почтовые отделения, вокзальные кассы, поезда, устраивая предварительно крушения».

А. Авторханов [1]. С. 270

Когда я вижу социал-демократов, горделиво и самодовольно заявляющих: мы не анархисты, не воры, не грабители, мы выше этого, мы отвергаем партизанскую войну, тогда я спрашиваю себя: понимают ли эти люди, что они говорят...

Ленин. ПСС. Т. 10. С. 86

Красин, помимо участия в общей работе партии, руководил наиболее опасными областями: боевыми дружинами, приобретением оружия, изготовлением взрывчатых веществ и прочим. Несмотря на широкий кругозор, Красин был в политике и вообще в жизни прежде всего человеком непосредственных достижений...

Л. Д. Троцкий [1]. С. 172

Говорят: партизанская война приближает сознательный пролетариат к опустившимся пропойцам, босякам. Это верно. Но отсюда следует только то, что партия не может считать партизанскую войну единственным или даже главным средством борьбы...

Ленин. ПСС. Т. 10. С. 86

Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России.

С. Г. Нечаев. Катехизис революционера.

Цит. по: *Пейн Р. С. 25*

Наиболее опасной экспроприацией из всех «эксов» 1906 г. было ограбление в Читауре группой КобаКамо почтового поезда в ноябре 1906 г., из захваченных 21 тыс. рублей «эксы» направили большевистскому центру только 15 тыс. рублей. Значительные деньги пошли к Ленину и от двух других «экспроприаций» — на корабле «Николай I» и в бакинском порту. Разрабатывая доктрину о «партизанской войне», о «боевых дружинах» и об «экспроприациях»,

Ленин недаром обратил свои взоры именно на Кавказ, а из своих кавказских учеников особо выделил для этого двух боевиков — Коба и Камо. Почему? Из всех кавказских большевиков Коба и Камо не только беспрекословно поддерживали доктрину Ленина об «эксах», но и сама эта доктрина родилась в голове Ленина как результат практического опыта по проведению «ряда экспроприаций» на Кавказе «боевой дружиной» Камо под непосредственным руководством Кобы как его учителя, о чем так подчеркнуто сказано в БСЭ. Тифлисская «экспроприация» 1907 г. и явилась прямым результатом берлинской встречи.

А. Авторханов [1]. С. 273

В центре разбойной организации стояли большевики Джугашвили (Сталин) и Тер-Петросян (Камо). Общее руководство по добыванию денег для партийной кассы осуществлял Красин.

Д. Волкогонов. Т. 1. С. 102

Ленин нес полную политическую и моральную ответственность за кавказские экссы, о чем публично заявлял. Но самая большая ответственность Ленина перед историей и перед его собственной партией заключается не столько в том, что он добывал деньги через бандитов, сколько в том, что самого верховного «экса» он ввел именно за эти его грабежи в состав законодательного органа партии — в ЦК. Провокатор Малиновский, который сидел рядом со Сталиным в ЦК 1912 г., отправил в вольную ссылку только какой-нибудь десяток большевиков, а «экс» Сталин убил впоследствии всю партию Ленина и методами «эксов» превратил советскую Россию в страну перманентной инквизиции. Семена перерождения ленинского большевизма в сталинский посеял сам Ленин именно в годы «экспроприации».

А. Авторханов [1]. С. 284

Из боевых дружин особенно активно действовали две: уральская и закавказская. Во главе уральских боевиков стояли три брата Кадомцевых (Эразм, Иван и Михаил), требовавшие создания в подполье массовой рабочей милиции и разрабатывавшие планы восстания на Урале. Они проводили экспроприации главным образом

для получения средств на эту работу, а в БЦ передавали лишь часть добычи, составлявшую, однако, значительные суммы. За 1906—1907 годы на Урале большевиками были проведены десятки экспроприаций, в основном мелких, таких как ограбления казенных винных лавок. Правда, в августе 1906 года при ограблении почтового поезда на Деме, под Уфой, было захвачено свыше 200 тыс. руб. Из этих денег через И. А. Саммера (Любича) — агента ЦК и уполномоченного большевиков по сношениям с Уралом — к Ленину поступило лишь 60 тыс. руб.

Ю. Г. Фельштинский. С. 78

Была опасность, что экспроприации могут выродиться и иногда *вырождались* в анархистские выступления и даже *бандитизм*, когда группа эксов тратила добытые экспроприацией средства на свои личные нужды.

Ем. Ярославский. Очерки по истории ВКП(б). М., 1938. С. 194

В июле 1907 г. была совершена экспроприация в Тифлисе на Эриванской площади. В разгар революции, когда шла борьба развернутым фронтом с самодержавием, большевики считали допустимым захват царской казны, допускали экспроприацию.

Н. К. Крупская. С. 112

Мне крайне трудно «объективно» писать о большевиках. Скажу, однако, тут же: (Сталин) это человек выдающийся, бесспорно самый выдающийся из всей ленинской гвардии. Сталин залит кровью так густо, как никто другой из ныне живущих людей, за исключением Троцкого и Зиновьева. Но свойств редкой силы воли и бесстрашия, я по совести отрицать в нем не могу. Для Сталина не только чужая жизнь копейка, но и его собственная — этим он резко отличается от многих других большевиков.

М. А. Алданов [2]. С 54

Петросян, получивший кличку Камо, начал вербовать членов боевого отряда. Прежде всего он позаботился о женском составе. Несколько грузинок исключительной красоты были сагитированы им и включены в отряд. Они должны были заводить знакомства в определенных кругах, добывать сведения о перевозке денег, выходить

замуж за чиновников государственного банка и казначейства, чтобы возможно лучше организовать слежку.

Г. З. Беседовский. С. 350

В банде Камо участвовали воры-рецидивисты Бочуа Куприашвили, Степко Инцкирвели, Илико Чичиашвили, Вано Каландадзе, Бесо Голенидзе, Датико Чиабрешвили, Нодар Ломинадзе, Котэ Цинцадзе и другие.

А. А. Арутюнов. С. 38

Он (Сталин) был верховным вождем так называемых боевиков Закавказья. Я не знаю и, кажется, никто, кроме самого Сталина, не знает точно, сколько именно «эксков» было организовано по его предначертаниям. Высшим партийным достижением в этой области была памятная экспроприация в Тифлисе, обеспечившая большевистской партии несколько лет полезной работы.

М. А. Алданов [2]. С. 55

Закончив организацию боевого отряда, который состоял из 75 человек, Камо выехал в Финляндию и там непосредственно от Ленина получил несколько динамитных бомб македонского образца. С этими бомбами он вернулся в Тифлис.

Г. З. Беседовский. С. 350

13 июня 1907 года, в 10 1/2 часов утра, кассир Тифлисского отделения Государственного банка Курдюмов и счетовод Головня получили на почте присланную отделению из столицы большую сумму денег и повезли ее в банк в фаэтоне, за которым следовал другой фаэтон с двумя вооруженными стрелками. Оба экипажа были окружены казачьим конвоем.

М. А. Алданов [2]. С. 55

В двуколке находилось около трехсот пятидесяти тысяч рублей пятисотрублевыми банкнотами.

В. Г. Орлов. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М.: Современник, 1998. С. 161

Современные большевистские источники и устная традиция говорят о 260 тыс. рублей. Но русские газеты того времени (Новое время. 1907. 14 июня) называют и другую цифру — 341 тыс.

М. А. Алданов [2]. С. 55

В центре города вблизи дворца наместника, когда передние казаки конвоя свернули с Эриванской площади на Сололакскую улицу, с крыши дома князя Сумбатова в поезд был брошен снаряд страшной силы, от разрыва которого разлетелись вдребезги стекла окон на версту в округе. Почти одновременно в конвой с тротуаров полетело еще несколько бомб и какие-то прохожие открыли по нему пальбу из револьверов.

Кассир и счетовод были выброшены из фаэтона первым же снарядом. Лошади бешено понесли уцелевший чудом фаэтон. На другом конце площади высокий «прохожий» ринулся наперерез к мчавшимся лошадям и швырнул им под ноги бомбу. Раздался новый оглушительный взрыв — и все исчезло в облаке дыма. Один из свидетелей видел, однако, что человек в офицерском мундире, проезжавший на рысаке по площади, соскочил с пролетки, бросился к разбитому дымящемуся фаэтону, схватил в нем что-то и умчался, паля наудачу из револьвера по сторонам.

М. А. Алданов [2]. С. 5556

Во время этого нападения было убито и ранено сто человек. Полиция ухитрилась не поймать ни одного из участников — так велика была паника. Сам престарелый наместник пришел в ужас от такой дерзкой экспроприации.

Г. З. Беседовский. С. 351

Все произошло в считанные секунды, вызвали врачей, на место происшествия примчались военные, полиция и гражданские власти. Опросили очевидцев, раненых отвезли в госпиталь, убрали убитых. В результате нападения, организованного Сталиным в интересах партии, погибло более пятидесяти человек.

В. Г. Орлов. С. 162

Личное участие Кобы в этой кровавой операции считалось в партийных кругах несомненным...

Л. Д. Троцкий [1]. С. 126

Роль Сталина в Тифлисской экспроприации до сих пор в подробностях не выяснена. По одной версии, именно он бросил в поезд первый снаряд. Но это едва ли верно: Сталин занимал уже тогда слишком высокое положение в партии для того, чтобы исполнять роль рядового террориста. По-видимому, ему принадлежало высшее руководство делом... Ленину, для нужд партии, и были позднее отвезены похищенные деньги. Ни Сталин, ни Камо, в отличие от многих других экспроприаторов, не пользовались, «эксами» для личного обогащения.

М. А. Алданов [2]. С. 57

Все участники этой экспроприации остались неуловимыми. Русская полиция рвала и метала и, конечно, приняла все меры к тому, чтобы арестовать тех, кто попытался бы разменять эти пятисотрублевки, номера которых были известны полиции.

Г. А. Соломон [2]. С. 474

Так как номера похищенных билетов были немедленно сообщены во все русские города, часть денег была отправлена для размена за границу. Размен был поручен Литвинову. Проводя этот размен в Париже, Литвинов был арестован...

Г. З. Беседовский. С. 351

Тифлисская экспроприация была самой грандиозной из всех, проведенных радикальным крылом РСДРП, но не единственной. <...> Формально большевистский центр стоял в стороне, но через таких людей, как Джугашвили, Тер-Петросян, часть средств уходила за границу, в кассу большевиков. Ленину было из каких средств выделять небольшие суммы Каменеву, Зиновьеву, Богданову, Шанцеру, другим большевикам в качестве «партийного жалованья».

Д. А. Волкогонов. Т. 1. С. 102

Он (Сталин) упрятал оставшиеся деньги в такое место, которое едва ли могло вызвать подозрения самой лучшей в мире полиции: кредитные билеты были заделаны в диване заведующего Кавказской обсерваторией! Чем не Рокамболь?

М. А. Алданов [2]. С. 56

Деньги от тифлисской экспроприации были переданы большевистской фракции. Но их нельзя было использовать. Они были в пятисотках, которые надо было разменять. В России этого нельзя было сделать, ибо в банках всегда были списки номеров, взятых при экспроприации пятисоток. Теперь, когда реакция свирепствовала вовсю, надо было устраивать побег из тюрем, где царское правительство мучило революционеров, надо было, для того чтобы не дать заглухнуть движению, ставить нелегальные типографии и т. п. Деньги нужны были до зарезу. И вот группой товарищей была организована попытка разменять пятисотки за границей одновременно в ряде городов. Как раз через несколько дней после нашего приезда за границу была сделана ими попытка разменять эти деньги. Знал об этом, принимал участие в организации этого размена провокатор Житомирский. Тогда никто не знал, что Житомирский провокатор, и все относились к нему с полным доверием. А он уже провалил в это время в Берлине т. Камо, у которого был взят чемодан с динамитом и которому пришлось долго сидеть потом в немецкой тюрьме, а затем германское правительство выдало Камо России. Житомирский предупредил полицию, и пытавшиеся произвести обмен были арестованы. В Стокгольме был арестован Латыш, член Цюрихской группы, в Мюнхене — Ольга Равич, член Женевской группы, наша партийка, недавно вернувшаяся из России, Богдасарян и Ходжамирян.

В самой Женеве был арестован Н. А. Семашко, в адрес которого пришла открытка на имя одного из арестованных.

Н. К. Крупская. С. 112113

Меньшевики, вслед за буржуазными филистерами, немало негодовали по поводу «заговорщических» методов большевизма и его «анархо-бланкизма».

Л. Д. Троцкий. *Сталинская школа фальсификаций. Берлин: Гранат. 1932. С. 182.*

(Далее цит.: Л. Д. Троцкий [3])

Швейцарские обыватели были перепуганы насмерть. Только и разговоров было, что о русских экспроприаторах. Об этом с ужасом говорили за столом в том пансионе, куда мы с Ильичем ходили обедать. Когда к нам пришел в первый раз живший в это время в Женеве Миха Цхакая, самый что ни на есть мирный житель, его кавказский вид так испугал нашу квартирную хозяйку, решившую, что это и есть самый настоящий экспроприатор, что она с криком ужаса захлопнула перед ним дверь.

Н. К. Крупская. С. 113

Мне зажали рот вчера, мне зажмут его, конечно, в Революционном трибунале... Но как бы ни зажимали рот, правда об экспроприаторском прошлом Сталина будет вскрыта, а г-н Свердлов и его г-н Троцкий, его кум Сталин и все прочие кумовья уже себя осудили. Этого с меня хватит...

Ю. О. Мартов (Цедербаум). Дайте слова // Вперед. 1918. 26 апр.

Далее цитируется как: Ю. О. Мартов, с указанием страницы

Очень зло Ленин отзывался о Литвинове, ныне благополучно добившемся поста наркоминдела. Незадолго до своего приезда в Брюссель, Ленин направил ко мне Литвинова с особой рекомендацией, в которой он просил меня принять Литвинова, как одного из выдающихся товарищей, гонимого и международной полицией, и меньшевиками. Литвинов был в то время герой, имя которого довольно долго не сходило со страниц мировой печати. Я напомним вкратце его историю.

В 1907 г. (а м. б., и в 1906 году) в Тифлисе состоялась крупная экспроприация: на артельщиков, везших 200 000 рублей, напали кавказские революционеры и отобрали эти деньги, причем все дело обошлось без пролития крови. Я не буду приводить имен, замешанных в этом старом деле, ставшем уже достоянием истории. Революционеры, вступившие в 1905 г. в открытый бой с царским правительством, смотрели на это дело, как на один из актов военных действий. В нем принимал участие и такой известный революционер, человек незапятнанной честности, как Камо, армянин, почти

легендарный герой, недавно погибший на Кавказе во время несчастья с мотоциклетом (попал под машину, но не на Кавказе, а в Москве в 1922 г. — Е. Г.).

И вот, кажется в 1907 или 1908 г., в Париже был арестован Литвинов, причем прокуратура инкриминировала ему попытку разменять эти билеты и его участие в экспроприации. Он просидел в тюрьме всего около двух недель, все время подвергаясь допросам, но, в конце концов, был освобожден за отсутствием улик. Но кроме властей, на него нападали особенно энергично охранявшие чистоту своих риз меньшевики в своем журнале «Социал-демократ».

Вскоре Ленин направил его в Англию через Бельгию, где он пробыл, тоже гостя у меня, несколько дней. И, рассказывая мне об этой истории, он сообщил мне нечто, относящееся к «белым ризам» Мартова, что я оставляю всецело на его совести.

Меньшевики встретили его в Париже прямо в штыки, но Ю. О. Мартов обещал молчать и не поднимать шума, если он поделится с ними частью экспроприированных денег, причем Мартов требовал для своей группы (меньшевиков) 15 000 рублей. Литвинов соглашался дать только 5 000 р., торгуясь дальше, соглашался, понемногу добавляя, дать 7 000 р. Здесь он уперся, и «сделка» не состоялась. Тогда Мартов открыл против Литвинова свирепую атаку, в чем можно убедиться, прочтя соответствующие номера «Социал-демократа» той эпохи. Мне лично вспоминается одна особенно недостойная статья Мартова, в которой он, не стесняясь выдавать революционные, весьма конспиративные, псевдонимы Литвинова и обрушиваясь на него, писал об этом деле... На меня лично это выступление Мартова, с которым я находился в самых хороших товарищеских отношениях, произвело столь отвратительное впечатление, что при встрече с ним в Петербурге года два спустя, в литературном обществе, когда он подошел ко мне с протянутой для пожатия рукой, я не поздоровался с ним, не пожал ему руки, в упор глядя ему в глаза, сказал только одно слово — «Литвинов»... И с тех пор мы не кланялись друг с другом.

В разговоре со мной Ленин коснулся и этого дела. Я отдавал дань стойкости и выдержанности Литвинова и его самопожертвованию. Ленин, однако, все время саркастически морщился.

— Да, конечно, вы правы... и стойкость, и выдержка, — сказал он. — Но, знаете ли, ведь это все качества хорошего спекулянта и игрока,

— они, ведь тоже подчас идут на самопожертвование, это все качества умного и ловкого еврея-коробейника (подлинная фамилия Литвинова была Валлахмакс. — *Ред.*), но никак не крупного биржевого дельца. И в его преданность революции я и на грош не верю и просто считаю его прожженной бестией, но действительно артистом в этих делах, хотя и мелким до глупости... Ну, подумайте сами, как можно было не сойтись с Мартовым? Ведь это глупо и мелочно, набавил бы еще три тысячи, и они сошлись бы... А теперь вот в «Социал-демократе» идет истерика, визг и гвалт... И я вам скажу просто и откровенно: из Литвинова никогда не выйдет крупного деятеля — он будет гоняться за миллионами, но по дороге застрянет из-за двугривенного. И он готов всякого продать. Одним словом, — вдруг с бесконечным раздражением закончил он, — это мелкая тварь, ну и черт с ним!..

Г. А. Соломон [1]. С. 3738

У нас к этому негодованию (имеется в виду негодование Мартова, высказанное им по поводу большевистских «эксов». — *Е. Г.*) может быть только одно отношение: презрение. Факт участия в смелом, хотя и частичном ударе врагу делает только честь революционной решимости Сталина. Приходится, однако, изумляться, почему этот факт трусливо устранен из всех официальных биографий Сталина? Не во имя ли бюрократической респектабельности? Думаем все же, что нет. Скорее по политическим причинам. Ибо, если участие в экспроприации само по себе отнюдь не может скомпрометировать революционера в глазах революционеров, то ложная политическая оценка тогдашней ситуации компрометирует Сталина как политика. Отдельные удары по учреждениям, в том числе и «кассам» врага, совместимы лишь с массовым наступлением, т. е. с подъемом революции. При отступлении масс частные, отдельные, партизанские удары неизбежно вырождаются в авантюры и ведут к деморализации партии. В 1907 году революция откатывалась и экспроприации вырождались в авантюры. Сталин во всяком случае показал в этот период, что не умеет отличать отлива от прилива. Неспособность политической ориентировки широкого масштаба он обнаружит в дальнейшем не раз.

Л. Д. Троцкий [3]. С. 182

Я полностью согласен с тем, что Сталин был исключен или вышел из партии после «экспроприации» 1907 года. Иначе быть не могло. Как Вы знаете, только Охранка извлекла пользу из этой глупо задуманной операции. То, что денежные знаки и кредитные билеты были помечены, является довольно веским свидетельством того, что операция родилась в недрах департамента полиции. Тот факт, что царское правительство не потеряло ни одной копейки, подкрепляется страшной «потерей репутации» большевиками, которой пользовалась их деятельность в России и за границей.

Э. Смит — Дж. Кеннану. Принстон, Нью-Джерси. 26 сентября 1966 г.

Цит. по: Был ли Сталин агентом Охранки? Сборник. Сост. Ю. Фельштинский. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1999. С. 373374

...Спустя несколько лет «оставшиеся пятисотки были сожжены» (Крупская. Из воспоминаний... С. 161).

Л. Фишер. С. 170

После этого грандиозного дела (ограбления тифлисского банка. — *Е. Г.*) организация Камо вскоре распалась. Часть членов ее превратилась в обыкновенных уголовных преступников, часть ушла из партии большевиков. Камо бежал за границу, в Берлин, и здесь пытался продолжать свою работу. Но без прежнего успеха.

Г. З. Беседовский. С. 351

Вожди большевиков покинули Кавказ. Камо перебрался в Берлин, где занялся новым полезным делом: он решил явиться к банкиру Мендельсону с тем, чтобы убить его и ограбить (разумеется, в пользу партии); по представлению Камо такой богач, как Мендельсон, должен был всегда иметь при себе несколько миллионов.

М. А. Алданов [2]. С. 59

Он представил Ленину проект похищения известного банкира Мендельсона с требованием выкупа в 5 миллионов рублей. Камо предлагал в случае отказа семьи Мендельсона внести выкуп отрезать банкиру пальцы на руках и посылать пальцы по почте семье, чтобы заставить внести выкуп.

Однако германская тайная полиция заинтересовалась кавказским гостем с самого его приезда в столицу. У него был произведен обыск, при котором нашли чемодан с бомбами. По совету Красина, переславшего ему в тюрьму записку через адвоката, Камо стал симулировать буйное умопомешательство — и притворялся помешанным четыре года!

М. А. Алданов [2]. С. 5859

Будучи арестован, он симулировал сумасшествие и выдержал пытки. Его приговорили к смерти, в последнюю минуту смягчили наказание.

И. Дон Левин. Величайший секрет Сталина // Был ли Сталин агентом Охранки? С. 293

Для меня примером был Камо (Тер-Петросян), возглавлявший подпольную боевую группу, которая по приказу Ленина захватила деньги в Тбилисском банке в 1907 году и переправила их в Европу.

П. А. Судоплатов. Спецоперации. Лубянка и Кремль — 1930-1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. С. 596

Личность эта по своим похождениям почти легендарная. Известно, как он, арестованный в Берлине, чтобы его не выдали русской полиции, добивавшейся этого два года, находясь в тюрьме, притворялся сумасшедшим: он все время идиотски смеялся, приручил пойманного им воробья, не расставаясь с ним даже во время допросов, в комиссии для освидетельствования его умственных способностей, танцевал и прыгал, как дурачок, ел всяких насекомых и таким образом он добился того, что его не выдали.

Г. А. Соломон [1]. С. 37

Германские власти под конец сочли полезным выдать этого сумасшедшего русскому правительству. Признанный тифлисскими врачами душевнобольным, Камо был переведен в психиатрическую лечебницу, откуда немедленно бежал — разумеется, в Париж, к Ленину, которого он по-настоящему боготворил.

М. А. Алданов [2]. С. 59

Спустя три года Ленин в Париже встретился с Камо. Вождь большевиков с большой симпатией и одобрением выслушал террориста. Камо сидел в гостиной у Ленина, ел миндаль, «и рассказывал об аресте в Берлине, придумывал казни тому провокатору, который его выдал, рассказывал о годах симуляции, когда он притворялся сумасшедшим, о ручном воробье, с которым он возился... Ильич слушал и остро жалко ему было этого беззаветно смелого человека, детски наивного, с горячим сердцем, готового на великие подвиги... В период гражданской войны Камо нашел свою «полочку», опять стал проявлять чудеса героизма». Это опять из Крупской.

Д. А. Волкогонов. Т. 1. С. 103104

«Через несколько месяцев, — рассказывает большевистский биограф, — с согласия Владимира Ильича Камо уехал обратно в Россию, чтобы добывать денег для партии». Добыть деньги для партии предполагалось на этот раз на Каджорском шоссе, по которому провозилась почта. Каджорское дело оказалось менее «мокрым», чем тифлисское; экспроприаторы убили всего семь человек. Но самого Камо постигла неудача: схваченный казаками, он был приговорен военным судом к смертной казни. Прокурор суда Галицинский проникся жалостью к этому темному фанатику. Близилось трехсотлетие дома Романовых. Вероятно, не без ведома графа Воронцова-Дашкова, Галицинский оттянул исполнение приговора до манифеста. Казнь была заменена Камо 20-летней каторгой. После октябрьского переворота он работал сначала в Чрезвычайной комиссии, затем в тылу белой армии. По некоторым намекам в большевистской литературе, можно предположить, что ему было поручено важное террористическое предприятие. Камо погиб случайно в Тифлисе, раздавленный на Верейском спуске автомобилем.

М. А. Алданов [2]. С. 5859

Награбленные деньги бандит Камо вез Ленину в Куоккала (Финляндия). В этой связи небезынтересно привести один забавный эпизод из воспоминаний Крупской: «Камо часто ездил из Финляндии в Питер, всегда брал с собой оружие, и мама каждый раз особо

заботливо увязывала ему револьверы на спине». Таким образом, Ленину удалось превратить свою старую тещу в подельницу профессионального бандита.

А. А. Арутюнов. С. 546

Что у Ленина есть теперь деньги, подтверждается очень многими фактами. Например, желая возможно скорее издать свою философскую книгу (речь идет о «Материализме и эмпириокритицизме», которой он утвердил столь нужный ему раскол в партии, закрепивший его претензии на лидерство, выделивший в партии крыло большевизма. — *Е. Г.*), он в письме от 27 октября 1908 года дает сестре Анне совет при поисках издателя и при переговорах с ними идти в области денежной на максимум уступок: «Имей в виду, я теперь не гонюсь за гонораром, т. е. согласен пойти и на уступки (какие угодно) и на отсрочку платежа до получения дохода от книги, — одним словом, издателю никаких рисков не будет».

Н. Валентинов [2]. С. 61

Денежные источники никогда выяснить не удастся, в подполье это по необходимости было засекречено и это никогда узнать не удастся, уже почти не остается людей, которые это знали и помнят...

Л. Дан. Цит. по: Фельштинский Ю. Г. С. 10

«В посланиях Ленина, — сообщает Алексинская, — я часто встречала просьбу о деньгах». «Нужно писать так, — ей объясняла Крупская, — чтобы их (кому адресуются письма) разжалобить, иначе товарищи из России нам не пришлют денег. Нужно, чтобы они верили, что если не получим немедленно денег, мы все погибли. Письма должны быть слезливыми. — Это вас шокирует?» — спросила Крупская, видя смущение Алексинской. Тут, как и всегда, Крупская была только эхом Ленина.

Н. Валентинов [2]. С. 89

Большевикам давали и добровольно очень богатые люди, например, Савва Морозов — этот по линии масонов. Давали и другие масоны.

Л. Дан. Цит. по: Фельштинский Ю. Г. С. 10

Его (Саввы Морозова) племянник Николай Павлович Шмит, владелец крупной мебельной фабрики, также помогал российским социал-демократам. Во время вооруженного восстания в Москве он был арестован охранкой за поддержку «бунтовщиков», но в феврале 1907 года в тюрьме при весьма загадочных обстоятельствах покончил с собой. Шмит, которому в день смерти не исполнилось и двадцати четырех лет, завещал часть своего капитала передать на революционные цели, не имея в виду только большевиков.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 106

Убедительно просим писать для нашей газеты. Можем платить теперь за статьи и будем платить аккуратно...

Ленин — В. Воровскому. Лето 1908 г.

ПСС. Т. 47. С. 160

В это время (к 1908 г.) большевики получили прочную материальную базу.

Н. К. Крупская. С. 121

Слово «прочную» нужно сугубо подчеркнуть, речь идет о действительно солиднейшей сумме денег, часть которой в конце 1908 года появляется на текущем счете Ленина в отделении Credit Lyonnais, на Avenue d'Orleans № 19 в Париже.

Н. Валентинов [3]. С. 45

Двадцатитрехлетний Николай Павлович Шмидт, племянник Морозова, владелец мебельной фабрики в Москве на Пресне, в 1905 г. целиком перешел на сторону рабочих и стал большевиком. Он давал деньги на «Новую жизнь», на вооружение, сблизился с рабочими, стал их близким другом. Полиция называла фабрику Шмидта «чертовым гнездом».

Н. К. Крупская. С. 121

Он (Шмит), начиная с 1905 года, все время оказывал всяческое содействие нашей партии. [...] Он вооружил большинство рабочих своей фабрики и передал правление своей фабрикой рабочему

комитету. Благодаря участию, главным образом рабочих его фабрики, произошли во время декабрьского восстания 1905 г. известные события на Пресне. [...]

А. И. Рыков. Цит. по: Фельштинский Ю. Г. С. 21

Во время Московского восстания эта фабрика сыграла крупную роль. Николай Павлович был арестован, его всячески мучили в тюрьме, возили смотреть, что сделали с его фабрикой, возили смотреть убитых рабочих, потом зарезали его в тюрьме. Перед смертью он сумел передать на волю, что завещает свое имущество большевикам.

Н. К. Крупская. С. 121

Дополним рассказ Крупской выпиской из Большой Советской Энциклопедии (изд. 1-е, т. 62, ст. 556): «Шмит, Николай Павлович (18831907) — видный участник революции 1905, примыкал к партии большевиков, студент Московского университета. Унаследовав мебельную фабрику на Пресне, Шмит провел на ней ряд мероприятий для улучшения положения рабочих, активно участвовал в подготовке Декабрьского вооруженного восстания 1905; купил большое количество оружия, которым были вооружены шмитовская и некоторые другие боевые дружины. Дал московской большевистской организации (через М. Горького) крупные денежные средства на вооружение рабочих. В разгар Декабрьского восстания Шмит был арестован и подвергнут пыткам...»

Н. Валентинов [3]. С. 4647

Фабрику сожгли правительственные войска по приказу генерала Мина. 13/26/II 1907 (после года с лишним одиночного заключения) Шмит был найден мертвым в камере тюремной больницы (по одной версии, он был зарезан тюремной администрацией, по другой — покончил самоубийством). Его похороны превратились в большую политическую демонстрацию. Свое состояние еще в 1905 завещал большевикам.

Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. Т. 62. С. 556

Оба цитированные документа дают огрубленное и упрощенное, лишенное всякой психологии описание обстановки, в которой

произошло интересующее нас событие. В действительности она много сложнее. Николай Шмит не был только владельцем лучшей в России мебельной фабрики на Нижней Прудовой улице в Москве в квартале Пресни. Он был сыном дочери Викулы Елисеевича Морозова, членом знаменитой купеческой династии, владевших огромной фабрикой (15 тысяч рабочих) в Твери, еще большей фабрикой «Никольской мануфактурой» (18 тысяч рабочих) в Орехово-Зуеве и двумя меньшими фабриками в окрестностях того же города.

Н. Валентинов [3]. С. 47

К периоду 1905-1906 гг. относится мое знакомство с семьей Николая Шмидта, который после своей смерти в тюрьме все свое состояние передал партии.

А. И. Рыков. Цит. по: Фельштинский Ю. Г. С. 21

В истории появления этой «прочной базы» многое кажется фантастическим, чем-то выдуманным, каким-то детективным романом. Не кажется ли, прежде всего, выдумкой, что партия Ленина, через десять лет уничтожившая всех крупных собственников, фабрикантов, купцов, домовладельцев, получила от члена богатейшей купеческой династии Москвы огромный капитал, позволявший Ленину организовывать большевистские силы и готовиться к будущим подвигам. Туманный намек о появлении у большевиков денег, путанный и с ошибочными указаниями, впервые появился в печати в 1911 году в изданной в Париже брошюре Мартова «Спасители или упразднители?». Она немедленно вызвала негодующий ответ Каменева, главного помощника Ленина. В книжке «Две партии», изданной тоже в Париже, он писал: «В главе об «экспроприации партийных денег большевистским центром» г. Мартов первый в рядах партии позволяет себе вынести в печать дело настолько конспиративное, что до сих пор, в самой ожесточенной борьбе, все, знавшие это дело, считали своим долгом всячески охранять его».

Покрывало над «делом» держали, действительно, крепко. В тайну полученных денег были посвящены очень немногие. Сначала о них знала лишь верхушка партии — Ленин и Богданов, тогда еще не бывшие врагами. В партийных документах того времени, например в резолюции Пленума Центрального Комитета в январе 1910 года,

пункты, относящиеся к этому делу, не были опубликованы, вместо них стоят точки. После Октябрьской революции кое-кто, например, Крупская, Ярославский, касались появления у большевиков этого капитала, но это было сказано мимоходом, с явным намерением не вдаваться в детали и, конечно, ни слова не говорить о том, что появление «прочной материальной базы» имело значение не только для партии, но и для личного бытия Ленина. Излагая то, что удалось собрать об этой экстраординарной истории, заранее оговариваюсь, что для меня остаются темными и неизвестными некоторые стороны этого дела. Вряд ли мы когда-либо узнаем о них: кажется, никого из главных участников, свидетелей этого кусочка истории, уже нет в живых.

Н. Валентинов [3]. С. 46

Он (Николай Шмидт) был одной из самых интересных фигур того времени.

А. И. Рыков. Цит. по: Фельштинский Ю. Г. С. 21

Вопреки тому, что рассказывает Крупская и Энциклопедия, Шмит никаким физическим пыткам не подвергся. Охранка никогда бы не посмела применить к нему, члену фамилии Морозовых, приемов, ставших вещью нормальной и обычной в практике ГПУ и НКВД. Жандармский офицер из московского охранного отделения, ведавший делом Шмита, «обработал» его другим способом. Играя роль доброжелателя, имеющего миссию спасти члена именитого московского купечества, он вел с ним «сердечные» разговоры, как бы тайком, без всякой протокольной записи. Есть указание, что обстановка, в которой происходили «сердечные» беседы, походила более на отдельный кабинет ресторана (стол с разными яствами и напитками), чем на камеру допроса. Наивный, не умеющий лгать Шмит, ловко обрабатываемый следователем (предполагают и под действием выпитого вина), однажды назвал фамилии рабочих, получивших через него оружие, назвал и других лиц, говорил о Савве Морозове и его субсидиях революции. Тогда жандармерия перестала вести игру, открыла свои карты и показала Шмиту полную запись того, что он говорил: за стеною «кабинета» сидели стенографы. По словам людей, интересовавшихся этой драмой, с этого момента Шмит и

подвергся пытке. Но то была моральная пытка, самопытка. Его ужаснуло, что сделал он нечто навеки непоправимое: предал!

Н. Валентинов [3]. С. 49

В последние дни в тюрьме до отправления меня этапом в Архангельскую губернию ему было предложено освобождение на поруки. Но через пять дней после этого предложения он был найден мертвым в одной из башен Бутырской тюрьмы...

А. И. Рыков. Цит. по: Фельштинский Ю. Г. С. 21

Это выдумка, что при его похоронах будто произошла «большая политическая демонстрация», о которой говорит Большая Советская Энциклопедия. Ничего подобного не было, но в печати смерть Шмита была отмечена. Это сделал, в частности, пишущий эти строки в еженедельнике «Дело жизни» (1907, № 5). «На рассвете 26 февраля, — гласит сделанная мною заметка, — в казематах московских «бутырок» с перерезанной сонной артерией «нашли» труп товарища Николая Павловича Шмита. Арестованный в декабрьские дни в связи с вооруженным восстанием, Шмит в продолжение 14 месяцев находился в одиночном заключении, претерпевая все муки тюремного режима. Он умер, замученный жестокими преследованиями своих палачей, и на кладбище жертв российской революции выросла лишняя могила. В годовщину праздника освобождения пролетариат не забудет своих товарищей, павших в борьбе, и в их числе Николая Павловича Шмита».

Н. Валентинов [3]. С. 50

И до сих пор остается невыясненным вопрос, покончил ли он жизнь самоубийством в Бутырской тюрьме или же был убит наемным убийцей.

А. И. Рыков. Цит. по: Фельштинский Ю. Г. С. 22

Шмит от природы не был крепким человеком, и наследственность его была тяжкая. Моральный удар согнул его слабый организм. Разлагаемый мрачными угрызениями совести, Шмит превратился в комок нервов. Он перестал есть, спать. День и ночь мучаясь, он пришел к выводу, что загладить, хотя бы отчасти, свое преступление,

свою вину, он может тем, что откажется от всего своего богатства и для блага народа передаст его революции. Об этом решении категорического характера он говорил своим сестрам, имевшим с ним свидание в тюрьме. Было ли им сделано прямое указание, что его имущество должно быть передано именно партии большевиков и только ей одной? Этого утверждать нельзя, но такое толкование было дано — заинтересованными в том людьми, интимно сблизившимися с сестрами Шмита.

Н. Валентинов [3]. С. 49

Уточним, что же именно сообщил Шмит полиции: «Под арестом он дал показание, что передал Горькому на издание газеты «Новая жизнь» 15000 рублей и 20000 рублей на покупку оружия».

Ю. Г. Фельштинский. С. 22

В конце 1906 года у него появились признаки психического расстройства. Его родственники, имея протекцию в влиятельных сферах, получили обещание, что Шмит будет освобожден на поруки семьи. Он знал об этом, но дожидаться освобождения не пожелал. В феврале 1907 года в камере тюремной больницы, разбив окно, он крупным стекольным осколком перерезал себе горло.

Н. Валентинов [3]. С. 4950

У Шмита были две сестры (совершеннолетняя Екатерина и несовершеннолетняя Елизавета) и 15-летний брат.

Ю. Г. Фельштинский. С. 22

Имущество Шмита в долях, соответствующих закону, должны были наследовать — совершеннолетняя сестра Екатерина, несовершеннолетняя (18 лет) Елизавета и 15-летний брат. Для перехода наследуемого ими имущества в руки большевиков нужно было, чтобы все эти три лица (уже обеспеченные наследством от их отца) этого хотели и этому способствовали. Брат Шмита, даже при желании исполнить волю покойного, мог это сделать лишь с согласия опекуна. Последний в эту историю не был затянут. Все говорит за то, что она шла мимо него. Главными передатчиками капиталов Шмита партии Ленина должны и могли быть только сестры покойного.

Н. Валентинов [3]. С. 50

Чтобы все наследство Шмидта досталось Ленину, нужно было добиться отказа всех троих от денег Шмита. Это было достигнуто при помощи двух большевиков: Виктора Таратуты и Н. А. Андриканиса.

Ю. Г. Фельштинский. С. 23

При участии Ленина большевики придумали смелый план: сторонники Ленина В. К. Таратута и А. М. Андриканис должны были вскружить сестрам головы и добиться их согласия на вступление в брак. Тогда наследство Николая Шмита в качестве приданого перешло бы к мужьям, а от них — в партийную казну. С точки зрения нравственности этот план был более чем сомнительным, но Ленин считал его вполне приемлемым: что во благо революции, то и хорошо. С юных лет Ленин говорил, что в политике нет места сентиментальным чувствам, и вот теперь парадоксальным образом сентиментальные чувства должны были послужить политическим целям.

Р. Сервис. С. 218

...Вопрос о выдаче ее (Елизаветы) замуж получает сейчас особую важность и остроту. Необходимо спешить реализовать ее долю наследства, а это можно сделать только путем замужества, назначения мужа опекуном и выдачи им доверенности тому же Малянтовичу. Было бы прямым преступлением потерять для партии такое исключительное по своим размерам состояние из-за того, что мы не нашли жениха. Надо вызвать немедленно Николая Евгеньевича (Буренина). Он писал, что у него есть какой-то будто бы необыкновенный подходящий для этого дела приятель, живущий сейчас в Мюнхене. Надо, чтобы Ник. Евг. заехал в Женеву для совместных переговоров со всеми нами. Если же эта комбинация не удастся, то тогда нет иного выхода, придется убеждать самого Ник. Евг. жениться. Дело слишком важно, приходится всякую сентиментальность отбрасывать в сторону и прямо уговаривать Н. Е., так как мы не имеем другого кандидата...

Л. Б. Красин — А. М. Горькому и М. Ф. Андреевой // М. Ф. Андреева. Переписка. Статьи. Воспоминания. М., 1963. С. 168

Младшая сестра Николая Павловича — Елизавета Павловна Шмидт — доставшуюся ей после брата долю наследства согласилась передать большевикам. Она, однако, не достигла еще совершеннолетия, и нужно было устроить ей фиктивный брак, чтобы она могла располагать деньгами по своему благоусмотрению. Елизавета Павловна вышла замуж за т. Игнатьева, работавшего в боевой организации, но сохранившего легальность, числилась его женой — могла теперь с разрешения мужа распоряжаться наследством, но брак был фиктивным. Елизавета Павловна была женой другого большевика, Виктора Таратуты. Фиктивный брак дал возможность сразу же получить наследство, деньги переданы были большевикам. Вот почему и говорил Ильич так уверенно о том, что «Пролетарий» будет платить за статьи, и делегатам будут высланы деньги на дорогу.

Н. К. Крупская. С. 121

А произошло следующее. Поскольку Е. П. Шмидт еще не было 24 года, она не могла по российским законам распоряжаться своим наследством до замужества. Тогда был устроен ее фиктивный брак с Игнатьевым, ответственным организатором боевой группы при ЦК и одним из доверенных людей Красина. С формального разрешения Игнатьева в конце 1907 года Е. П. Шмидт начала подписывать все документы, которые были необходимы для продажи ее доли в наследстве брата (уже завещанной партии). Для большей надежности фактическим мужем девушки по решению партии оставался Таратута. Так были гарантированы Ленину деньги Е. П. Шмидт.

Ю. Г. Фельштинский. С. 2627

О сестрах Шмит вот что мы знаем. Ухаживавшие за ними «партийцы» представлялись им большими героями таинственного, им неизвестного мира, гонимыми пророками какой-то новой религии, к которой, как они знали, склонялась и симпатия их трагически погибшего брата. Обе сестры были свободолюбивы, романтически настроены и, по-видимому, весьма влюбчивы.

Н. Валентинов [3]. С. 52

Вскоре, по-видимому, летом 1907 года, Ленин лично познакомился с Е. П. Шмит, приехавшей в Финляндию вместе с Таратутой. Девушке было 18—19 лет. В революционную пору она была увлечена Таратутой, настоящей биографии которого она не знала. Положение Таратуты в партии как секретаря Московского комитета РСДРП и члена БЦ ей, безусловно, импонировало. Ленин это, конечно же, понимал. Может быть, именно поэтому он так настойчиво проталкивал кандидатуру Таратуты в члены ЦК. Ведь формальных гарантий передачи денег девушки в БЦ пока что не было.

Ю. Г. Фельштинский. С. 23

К этому следует прибавить, что сестры были увлечены загадочностью, романтичностью их роли в «подготовке революции» в России

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 106

Пока что Таратута «путем недопустимых угроз» заставил отказаться от наследства опекунов 15-летнего брата. Уточним, что под «недопустимыми угрозами» имелось в виду убийство всех тех, кто стоит на пути передачи денег Шмидта в партийную кассу. Об этом рассказал С. П. Шестернин, старый социал-демократ из Иваново-Вознесенска, использованный большевиками для получения наследства Шмидта и вывоза денег за границу. Так, на первой же встрече представителей БЦ (Ленина, Красина и Таратуты) с братом Шмидта и его адвокатами весной 1907 года в Выборге Таратута «резким металлическим голосом» заявил, что устранит всякого, кто будет мешать получению денег. Ленин «дернул Таратуту за рукав», а среди петербургских адвокатов молодого Шмидта «произошло какое-то замешательство». Через несколько дней после этой встречи адвокаты сообщили, что брат Шмидта от своих прав на наследство отказывается в пользу двух сестер.

Ю. Г. Фельштинский. С. 24

Говоря о сестрах, нужно немедленно перейти к фигурам, стоящим за их спиной в этом деле.

Н. Валентинов [3]. С. 50

Где-то в это время состоялся разговор Ленина с Н. А. Рожковым, объясняющий многое в позиции Ленина. Рожков назвал Таратуту «прожженным негодяем». Но Ленина это не смутило. Более того, он возразил, что именно этим Таратута и ценен.

Ю. Г. Фельштинский. С. 24

Когда при Ленине подымался разговор о том, что такой-то большевик ведет себя недопустимым образом, он иронически замечает: «У нас хозяйство большое, а в большом хозяйстве всякая дрянь пригодится»... Ленин был снисходителен не только к таким «слабостям», как пьянство, разврат, но и к уголовщине. Не только в «идейных» экспроприаторах, но и в обыкновенных уголовных преступниках он видел революционный элемент... Бывший видный большевистский деятель, Станислав Вольский (А. В. Соколов) в 1907 г. делегат от Москвы на Лондонском съезде РСДРП, выразил Ленину свое недоумение по поводу того, что Ленин предложил в будущий ЦК партии кандидатуру некоего Х. (Виктора), который, по словам Вольского, имел очень плохую репутацию. Ленин ему ответил: «Очень просто. Центральный комитет для того, чтобы быть работоспособным, должен состоять из талантливых журналистов, способных организаторов и нескольких интеллигентных негодяев. Я рекомендовал т. Х., как интеллигентного негодяя».

Войтинский В. С. Годы побед и поражений. Т. II. Берлин, 1924. С. 102103

(Далее цит.: В. С. Войтинский [1])

В своих воспоминаниях Войтинский рассказывает, что Ленин смотрел на Таратуту, как на сутенера, тем не менее очень ценил его финансовый подвиг.

Н. Валентинов [3]. С. 52

Ленин говорил: «Партия не пансион для благородных девиц. Нельзя к оценке партийных работников подходить с узенькой меркой мещанской морали. Иной мерзавец может быть да именно тем полезен, что он мерзавец».

В. С. Войтинский [1]. С. 103

«Тем-то он и хорош, — говорил Ленин, — что ни перед чем не остановится. Вот, вы, скажите прямо, могли бы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не мог бы себя пересилить. А Виктор пошел... Это человек незаменимый».

Н. Валентинов [3]. С. 52

«Революция — дело тяжелое, — говорил Ленин по воспоминаниям того же Войтинского. — В беленьких перчаточках, чистенькими ручками ее не сделаешь...

Ю. Г. Фельштинский. С. 5051

Так или иначе, Таратута, которого лично хорошо знал Ленин, образцово исполнил роль партийного сутенера.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 106

В какой мере верно, что Таратута был на содержании у богатой купчихи? Средства Елизаветы Шмит были двоякого рода. У нее были деньги, полученные ею в наследство от отца. На эти деньги жила она, и вместе с нею жил и деньгами пользовался Таратута. С другой стороны, были деньги, полученные в наследство от умершего брата, и они передавались партии, причем Таратута, зная, что его кое-кто называет сутенером, стремился в своем ответе Богданову парировать это обвинение указанием, что суммы, им передаваемые партии, «во много раз превышают личное благосостояние не только его, но и всех его близких», то есть личные капиталы Елизаветы Шмит.

Н. Валентинов [3]. С. 52

Большевик Таратута бежал из ссылки через Кавказ в Москву, где появился в ноябре 1905 года (еще до ареста Шмидта во второй половине декабря), стал секретарем московской организации большевиков и заведующим партийной кассой и издательством. Операция БЦ по получению наследства Шмидта, видимо, готовилась долго. По крайней мере Таратута начал ухаживать за младшей сестрой Шмидта — Елизаветой — еще до смерти Шмидта. Весной 1906 года Таратута уехал на партийный съезд в Стокгольм. Осенью того же года, возможно уже с Елизаветой Шмидт, Таратута уехал в Финляндию.

Ю. Г. Фельштинский. С. 23

В затеянной афере — переводу капитала Шмита в руки партии, Андриканис и Таратута сначала несомненно действовали в полном согласии, практикуя разделение труда: один ухаживал за Екатериной, другой за Елизаветой.

Н. Валентинов [3]. С. 52

Начиная с 1906 года про Таратуту ходят различные слухи. Землячка (Р. С. Залкинд), известная среди большевиков склочница, с одной стороны, и такие уравновешенные большевики, как И. А. Саммер и Богданов, с другой, утверждали, что Таратута — сотрудник охраны. Как теперь достоверно известно, Таратута провокатором не был. Им оказался другой человек из окружения Ленина — доктор Житомирский. Однако в те годы Житомирского никто не подозревал и в выдачах обвиняли Таратуту.

Ю. Г. Фельштинский [3]. С. 23

Можно, таким образом, установить, что деньги от наследства Шмита начали поступать к большевикам уже в 1907 году, шесть-семь месяцев спустя после смерти Шмита. Если это так, то Таратута не потерял много времени, ухаживая за сестрой Шмита. Он, как Цезарь, «пришел, увидел, победил» — и Елизавета Шмит стала его женой, принося большое приданое.

Н. Валентинов [3]. С. 52

Весной 1907 года по распоряжению Ленина на партийном съезде в Лондоне Таратуту избирают членом БЦ и кандидатом в общепартийный ЦК. Следует отметить, что особое покровительство Ленина было вызвано именно тем обстоятельством, что через Таратуту Ленин планировал получить наследство Шмидта. Впервые за историю социал-демократической партии кандидатом в ЦК избирался человек, обвинявшийся в связях с полицией. Понятно, что кандидатура Таратуты вызывала серьезные возражения, но Ленин сумел настоять на своем, и кандидатура Таратуты прошла.

Ю. Г. Фельштинский. С. 23

Стали спешить, чтобы не ушло состояние по линии младшей сестры. Состоялось заседание большевистского центра (расширенной редакции «Пролетария») 21 февраля 1909 года. Протокол вел Зиновьев. Его рукой записано:

«В январе 1908 года Елизавета Х. заявила большевистскому центру (расширенная редакция «Пролетария»), что, выполняя наиболее правильно волю покойного брата своего N, она считает себя нравственно обязанной передать Б. Ц-у переходящее по закону к ней имущество ее брата в одной половине. В той половине, которую она наследует по закону, заключается: восемьдесят три (83) акции Т-ва NN и приблизительно сорок семь (47) тысяч рублей наличным капиталом.

Подписи: Н. Ленин, Григорий (Г. Зиновьев), Марат (В. Шанцер), В. Сергеев (В. Таратута), Максимов (А. Богданов), Ю. Каменев. 21 февраля, Париж 1909 г.»

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 107

Как это ни удивительно, дерзкий план удался. Хитроумные соблазнительницы убедили девушек согласиться на брак. Ленин нервно ждал, что же будет дальше. Теперь все зависело от того, насколько верными партийному долгу окажутся новоиспеченные мужья.

Р. Сервис. С. 219

Обратимся к другой фигуре в этом деле — помощнику присяжного поверенного большевику Андриканису.

Н. Валентинов [3]. С. 52

В 1909 году Андриканис с женой Екатериной и Таратута с Елизаветой приехали в Париж.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 107

И вот в Париже оказались Андриканис со своей супругой и Таратута с Елизаветой Шмит. Была ли тому виной «парижская атмосфера», со всеми ее влияниями и соблазнами, или другие причины, но в психологии Андриканиса произошел резкий перелом в сторону «буржуазного перерождения». Большевистская партия настолько утратила в его глазах всякий ореол и кредит, что он пришел к убеждению, очевидно, склоняя к тому и свою жену, что незачем

передавать партии наследство Шмита. С этого момента между Андриканисом и большевистским Центром начинаются столкновения, переходящие в свирепую борьбу. Большевистский Центр, представленный в этом деле Таратутой, требует денег, Андриканис отказывает — и Таратута грозит ему убийством.

Н. Валентинов [3]. С. 5253

Сам Ленин по этому делу пишет (текст в архиве принадлежит руке И. Ф. Арманд), что «одна из сестер, Екатерина Шмит (замужем за господином Андриканисом), оспорила деньги у большевиков. Возникший из-за этого конфликт был урегулирован третейским решением, которое было вынесено в Париже в 1908 году при участии членов партии социалистов-революционеров... Этим решением было постановлено передать деньги Шмита большевикам».

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 107

О ходе распри и ее финале можно найти следующие строки в книге «Две партии» Каменева, в которой он обвиняет Мартова в неверном освещении этого дела. По конспиративным соображениям, следуя за Мартовым, Каменев тоже называет Андриканиса буквой Z. — нам, разумеется, этого делать не нужно.

Н. Валентинов [3]. С. 53

Большевики поручили попечение о деньгах, которые они должны были получить, Андриканису. Когда же наступило время получения этих денег, то оказалось, что Андриканис настолько «сроднился» с этими деньгами, что нам, подпольной организации, получить их от него неимоверно трудно. Ввиду целого ряда условий, о которых немыслимо говорить в печати, Андриканис не мог отрицать прав Большевистского центра полностью. Но Андриканис заявил, что большевикам принадлежит лишь часть этого имущества (очень ничтожная), что эту часть он не отказывается уплатить, но ни сроков, ни суммы указать не может. А за вычетом этой части все остальное принадлежит ему, Андриканису... Большевистскому центру осталось только отдать Андриканиса на суд общественного мнения, передав третейскому суду свой иск. И вот здесь-то и наступила труднейшая часть дела. Когда зашла речь о суде, Андриканис письменно заявил о

своим выходе из партии и потребовал, чтобы в суде не было ни социал-демократов, ни бывших социал-демократов. Нам оставалось либо отказаться от всякой надежды получить что-либо, отказавшись от такого суда, либо согласиться на состав суда не из социал-демократов. Мы избрали последнее, оговорив только ввиду конспиративного характера дела, что суд должен быть по составу «не правее беспартийных левых». По приговору этого суда мы получили максимум того, чего вообще суд мог добиться от Андриканиса. Суду пришлось считаться с размерами тех юридических гарантий, которые удалось получить от Андриканиса до суда. Все-таки за Андриканисом осталась львиная доля имущества.

Ленин. Цит. по: Каменев Ю. Две партии. Л., 1924. С. 184

Тогда находчивый Таратута угрожает убить сестер и мужа старшей сестры Андриканиса, если те не передадут деньги в кассу БЦ.
Ю. Г. Фельштинский. С. 24

Однако Андриканис в конце концов согласился передать лишь незначительную часть состояния. Когда решили Андриканиса (которого большевистский центр закодировал как лицо «Z») судить партийным судом... он вышел из партии. В результате партии пришлось довольствоваться крохами, которые добровольно пожелало передать лицо «Z», не желая полностью уходить от ранее данных обещаний...

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 107

Таратута тоже вначале повел себя не совсем так, как от него ожидалось, но в конце концов его удалось убедить и он перечислил в партийную казну значительную сумму денег. Группировка Ленина, наконец, добилась финансовой независимости от Большевистского центра, от Богданова и его приверженцев.

Р. Сервис. С. 219

Мы заявляем, что все дело Z. т. Виктор вел вместе с нами, по нашему поручению, под нашим контролем. Мы целиком отвечаем за это дело все и протестуем против попыток выделить по этому делу т-а Виктора.

Ленин. Цит. по: Каменев Ю. С. 184

В отличие от Андриканиса, из захваченного им богатства, давшего партии очень немного и с запозданием, Таратута передал много, и деньги Николая Шмита начали входить в партийный оборот уже во вторую половину 1907 года. Ленин, прибыв из Финляндии в Женеву, мог с помощью этих денег начать собирать около себя разбитую большевистскую гвардию и с февраля 1908 года — издавать газету «Пролетарий».

Н. Валентинов [3]. С. 53

ПРОТОКОЛ

В январе 1908 г. Елизавета Х. (Елизавета Павловна Шмит) заявила Большевистскому центру (расширенной редакции «Пролетария»), что, выполняя наиболее правильно волю покойного брата своего N (Николай Павлович Шмит), она считает себя нравственно обязанной передать Б[ольшевистскому] ц[ентру] переходящее по закону к ней имущество ее брата. В одной половине, к[отор]ую она наследует по закону, заключается: восемьдесят три (83) акции т[оварищес]тва NN и приблизительно сорок семь (47) тысяч рублей наличным капиталом.

Вместе с тем Е. Х. заявила, что готова взять на себя все формальные и практические шаги, связанные с получением, реализацией и передачей этого имущества нелегальной организации, а также вернуть Б[ольшевистскому] ц[ентру] из своих средств расходы, связанные с утверждением ее в правах к оному наследству. В свое время Б[ольшевистский] ц[ентр] постановил: 1) принять это имущество; 2) принять возвращение расходов, связанных с утверждением в правах наследства; 3) за получением этих сумм отказаться от приема всяких пожертвований от Е. Х.; 4) обсуждать совместно с Е. Х. все практические меры, необходимые для благополучного доведения дела до конца.

В течение истекшего года Е. Х. по совещанию с Б[ольшевистским] ц[ентром] и под его непосредственным руководством и через указанных им адвокатов произвела ряд действий, требовавшихся положением дела, и в настоящее время по предложению Большевистского] ц[ентра] и при посредстве его адвоката переведен сюда, за границу, весь имеющийся в имуществе наличный капитал. По

рассмотрении всех официальных документов (копии приговора окруж[ного] суда об утверждении в правах к наследству, официальной справки из конторы NN о состоянии имущества, банковского удостоверения о полученном капитале и др[угих]) установлено, что наличный капитал весь равняется сумме в сорок семь тысяч сто двадцать руб. (47 120 руб.) или 124 915 (сто двадцать четыре тысячи девятьсот пятнадцать фр[анков], считая по тому курсу, по которому был произведен перевод денег из России сюда в Paris (265,1). Весь этот капитал полностью передан Б[ольшевистскому] центру (расширенной ред[акции] «Пролетария»), чем Б[ольшевистский] ц[ентр] считает удовлетворенными полностью все свои претензии к той части вышеупомянутого имущества, к[отор]ая заключается в чистом наличном капитале. Что касается остальной части имущества, заключающегося в восьмидесяти трех (83) акциях т[оварищес]тва NN, то способы их получения, реализации и передачи их Б[ольшевистскому] ц[ентр]у обсуждаются и осуществляются по-прежнему Б[ольшевистским] ц[ентр]ом совместно с Е. Х.

Примечание: Между приговором окруж[ного] суда об утверждении в правах наследства и официальной справкой конторы т[оварищес]тва NN о размерах наличного капитала имеется противоречие в сумме приблизительно в тысячу (1000) руб. Б[ольшевистский] ц[ентр] поручил своему адвокату выяснить путем личных переговоров с конторой NN это недоразумение.

Подлинность всего вышеизложенного, а также факт получения Болш[евистским] центром исчисленного выше наличного капитала подписями своими удостоверяем.

Paris.

21 февраля 1909 г.

Члены Б[ольшевистского] ц[ентр]а (расширенной ред[акции] «Пролетария»):

Григорий. Н. Ленин.

Марат. Максимов.

В. Сергеев. Ю. Каменев.

*Протокол передачи большевистскому центру части наследства
Н. П. Шмита.*

8 (21) февраля 1909 г.

Неизвестные документы. С. 3133

В ноябре В. Таратута с молодой женой вновь оказался в Париже и вручил Ленину более четверти миллиона франков (весьма большая сумма по тем временам). Из ряда денежных документов явствует, что до этого несколькими партиями большевикам было передано еще более полумиллиона франков...

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 108

Деньги, в любом деле играющие роль цемента, вновь сплотили разрозненные и потерянные группки революционеров под рукой Ленина. Уже с февраля 1908 года на эти деньги стала выходить газета «Пролетарий» — новый рупор большевизма. Начались конференции, поездки делегаций, субсидии лучшим борцам — наладилась жизнь партии. Однако этот запах сутенерства, несколько не смущавший Ленина, он-то ведь остался. И это нечистое, вышедшее из Содома и Гоморры, наложило на партию свое клеймо. С ним она и пошла...

В. Брусенцов. С. 152

Охранное отделение превосходно знало, что Ульянов есть Ленин, вождь большевиков, которого полиция искала в Петербурге и Финляндии как важнейшего государственного преступника, обвиняемого в призывах к вооруженному восстанию, к военным бунтам. Это не мешало находящейся под надзором полиции его сестре Анне открыто, легально переводить ему деньги из Москвы на «текущий счет № 6420», на котором Ульянов-Ленин хранил и партийный капитал, питающий революцию. Об этом полиция не могла не знать, ибо ряды большевиков, повторяем, кишели провокаторами и агентами полиции. Могло ли происходить нечто хотя бы отдаленно похожее, когда Россией стали править ленинцы, а потом сталинцы? Не говорит ли это о том, до какой степени, при полной осведомленности в том, что делается в большевистском лагере, была халатна, бездеятельна и слаба царская полиция и какое, в сущности, искаженное, ложное представление о силе ее имела Европа?

Н. Валентинов [3]. С. 61

Согласно решению и расчетам Исполн[ительной] ком[ис]сии Б[ольшевистского] ц[ентра] (расширенной) ред[акции] «Пролетария»)

в заседании 11 ноября 09 года принято мною от Е. Х. двести семьдесят пять тысяч девятьсот восемьдесят четыре (275 984) франка.

Подпись: Н. Ленин.

Расписка в получении денег от Ел. П. Шмит. 29 октября (11 ноября) 1909 г.

Неизвестные документы. С. 38

Ярославский в «Очерках по истории ВКП(б)» (Москва, 1937, т. 1, стр. 204) называет несколько большую сумму — 280 тысяч золотых рублей или 756 тысяч золотых франков. С. Шестернин, принимавший участие по заданию Ленина в реализации наследства Шмита, в статье «Реализация наследства после Н. П. Шмита и мои встречи с В. И. Лениным» (сборник «Старый большевик», 1933, № 5 (8), стр. 155) сообщает: «В 10 минут рысак доставил меня с Варварки (где помещалась контора Морозовых) на Кузнецкий мост в отделение Лионского кредита, где тотчас же и были сданы для перевода в Париж по телеграфу все причитающиеся на долю Елизаветы Павловны деньги. К сожалению, у меня нет копии определения окружного суда об утверждении Елизаветы Павловны в правах наследства (где точно указана сумма), но хорошо помнится мне, что было послано до 190 тысяч рублей золотом. Елизавета Павловна со своей стороны тоже припоминает, что в Париже было получено 510 тысяч франков, что по тогдашнему курсу составляет те же 190 тысяч рублей». В отношении части наследства, причитавшейся Екатерине Павловне, жене Андриканиса, С. Шестернин пишет: «После я слышал, что по решению этого (третейского) суда Андриканис выдал партии только половину или даже одну треть того, что получила Екатерина Павловна после покойного брата». Нужно думать, что все поступления по наследству Шмита, включая непоказанный капитал (Ярославскому, как и нам, неизвестный), значительно превышали эту сумму.

Н. Валентинов [3]. С. 5455

А Елизавете Шмит и Виктору Таратуте выдали расписку: «Товщам Е. Х. и В-ру. Мы, нижеподписавшиеся, действующие в вопросе о деньгах, а также по доверенности тов. Вишневого, заканчивая дело, которое велось всей коллегией Б. Ц., и принимая остатки этих денег,

берем на себя перед Вами обязательство: отвечать перед партией коллегиально за участь этих денег. Н. Ленин. Гр. Зиновьев».

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 108

Точную сумму поступлений от реализации наследства Шмита, кроме нескольких лиц, никто знать не мог. При перечислении передаваемых сумм верхушка Большевистского Центра имела полную возможность кое о чем умолчать, и Мартов, на основании каких-то имеющихся у него сведений, категорически утверждал, что именно так и произошло. Но даже если бы не была скрыта часть капитала, показанная сумма 500 тысяч франков плюс около 220 тысяч франков, истраченных до попытки объединения, — всего 720 тысяч, достаточно говорит, насколько был значителен этот подарок революции.

Н. Валентинов [3]. С. 5455

Виктор Таратута летом приехал в Женеву, стал помогать в хозяйственных делах и вел переписку с другими заграничными центрами в качестве секретаря Заграничного бюро Центрального Комитета.

Н. К. Крупская. С. 121

Конечно, было бы нелепо думать, что борьба Ленина за удержание в руках Большевистского центра, а потом за возвращение ему капитала Шмита инспирировалась лишь корыстными намерениями личного характера. Сей капитал был нужен для организации революции, а такая цель пронизывала все существо Ленина. Было бы вместе с тем детской наивностью утверждать, что этот капитал ни с какой стороны и ни в какой мере не имел отношения к личному материальному положению Ленина.

Н. Валентинов [3]. С. 57

...В тот же год (1906) переехал в Куоккалу, скрываясь от петербургской полиции, В. И. Ленин, поселившийся на даче «Ваза».

Ю. Анненков. С. 255

Из Куоккала Ленин в начале мая 1907 года поехал на партийный съезд в Лондон, где на этот раз большинство оказалось в руках

большевиков. С этого съезда Ленин возвратился в Финляндию в таком виде, что его трудно было узнать: сбритая борода, коротко подстриженные усы, огромная соломенная шляпа. Его трудно было узнать и по другой причине. Полтора года волнений, неистового, лихорадочного ража, с которым в речах, газетных статьях, в брошюрах он грыз и позорил конституционно-демократическую партию, отстаивал идею бойкота Государственной Думы и вооруженное восстание — выжали из него силы. Борьба с меньшевиками на Лондонском съезде его окончательно подкосила. Он еле держался на ногах, почти ничего не ел. Полоса крайней болезненной атонии, сменяющая у Ленина полосу бурного, ожесточенного напора, прилива энергии — есть нечто для него характерное. После приезда Ленина из Лондона его пришлось отправить в глубь Финляндии в тишайшее и безлюдное место, в Стирсудден, где, уйдя от всякой политики, он мог в течение июня и июля прийти в нормальное состояние.

Н. Валентинов [3]. С. 41

Тогда от Воскова я впервые услышал неизвестный мне раньше эпизод из биографии Ленина.

А. Р. Вильямс. Жизнь доказала нашу правоту. Избранная публицистика / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1983

Через три недели, чувствуя себя и здесь в опасности, Ленин, списавшийся с Крупской, решает уехать хорошо ему известным путем через Або в Швецию и там дожидаться приезда жены.

Н. Валентинов [3]. С. 41

Пока я возилась в Питере, Ильич чуть не погиб при переезде в Стокгольм. Дело в том, что его выследили так основательно, что ехать обычным путем, садясь в Або на пароход, значило наверняка быть арестованным. Бывали уже случаи арестов при посадке на пароход.

Н. К. Крупская. С. 105

Из Або в Стокгольм пароходы, снабженные ледорезами, ходили и зимой, однако, приехав в Або, Ленин, до крайности осторожный, побоялся сесть на пристани на пароход. Ему сказали, что агенты

охранки следят за приезжающими и якобы были случаи ареста при посадке на пароход.

Н. Валентинов [3]. С. 42

Кто-то из финских товарищей посоветовал сесть на пароход на ближайшем острове. Это было безопасно в том отношении, что русская полиция не могла там арестовать, но до острова надо было идти версты три по льду, а лед, несмотря на то, что был декабрь, был не везде надежен. Не было охотников рисковать жизнью, не было проводников. Наконец Ильича взялись проводить двое подвыпивших финских крестьян, которым море было по колено. И вот, пробираясь ночью по льду, они вместе с Ильичем чуть не погибли — лед стал уходить в одном месте у них из-под ног. Еле выбрались.

Н. К. Крупская. С. 105

Вышли они ночью. Стоял густой туман, позади переливчато светились расплывшиеся в белесой мгле огни Або, а впереди не было ничего, кроме тумана.

Е. Я. Драбкина. С. 140

Шли, конечно, ночью. Ничего почти не было видно, и в одном месте Ленин вдруг почувствовал, что льдина под ним куда-то поплыла. Ильич потом сам рассказывал, продолжал Восков, что в тот момент он решил: ну все, конец, и подумал — какая нелепая смерть!

А. Р. Вильямс. С. 208

У берега лед был крепкий. Но потом стало слышно, как он потрескивает и слабо шуршит, кое-где на его смутной белизне проступила черным блеском вода. Вдруг лед начал уходить из-под ног. К счастью, льдина, осев, не проломилась, и Ленин и его спутники хоть и с трудом, но выбрались.

— Вот так я узнал, что значит идти по неверному льду, — закончил свой рассказ Ленин.

Е. Я. Драбкина. С. 140

А Ильич рассказывал, что, когда лед стал уходить из-под ног, он подумал: «Эх, как глупо приходится погибать».

Что было бы, если 15 декабря 1907 года Ленин утонул в Ботническом заливе? Произошла бы Октябрьская революция 1917 года? А если бы произошла, — приняла ли она, без Ленина, тот особый социально-политический характер, который он своими декретами ей «насильственно навязал», вопреки марксизму Плеханова, доказавшего, что «никакой великий человек не может навязать обществу такие отношения, которые уже не соответствуют состоянию производительных сил или еще не соответствуют ему». В ходе великих исторических событий, определенных Октябрьской революцией, не сыграл ли роль такой пустяк, как пласт более крепкого льда, на который, ища спасения, вскочил тонувший Ленин? Мелкая случайность в крупнейших событиях истории играет роль более важную, чем это принято думать.

Н. Валентинов [3]. С. 4142

Национальная учетная контора в Париже

Agence V. — 85. Avenue d'Orleans.

11 августа 1909.

Господин!

Вы продали согласно моему распоряжению принадлежащие мне 45 Метро (облигации). Теперь я Вас прошу продать с моего счета о с т а т о к, то есть все Метро, которые имеются на моем счету. Я уполномочиваю господина Любимова (7, Rue Campagne Premiere, Paris. XIV) передать Вам это письмо и сообщить Вам все необходимые сведения. Если господин Любимов будет требовать продажи еще других бумаг с моего счета, то я Вас прошу выполнить все его распоряжения. В приложении я высылаю чек господину Любимову на сумму 25 000 франков (двадцать пять тысяч франков). Я Вас прошу, господин, подтвердить мне получение этого письма по следующему адресу: Mr. Wl. Oulianoff (chez madame Lecreux) В о м Б о н (Seine-et-Marne).

Примите, господин, мои самые искренние приветствия

Вл. Ульянов. 4. Rue Marie Rose. Paris.

Письмо в Национальную учетную контору в Париже.

Неизвестные документы. С. 35—36

«Правда» 21 января 1954 года: «В четырнадцатом районе города есть скромная улица под названием Бонье. Здесь в доме № 24 жил и работал Владимир Ильич... Друзья Советского Союза в 1945 году установили на стене дома мемориальную доску. На мраморе видны силуэт Владимира Ильича и надпись по-французски: «Ленин. 22 апреля 1870 г. — 21 января 1924 г. Ленин жил в этом доме с декабря 1908 года по июль 1909 года». В этой квартире «маленькая комната была его кабинетом, кухня служила и столовой и приемной». Нечто другое о той же квартире на улице Бонье писала Крупская в своих «Воспоминаниях»: «Квартира была нанята на краю города, около самого городского вала, на одной из прилегающих к Авеню д' Орлеан улиц, на улице Бонье, недалеко от парка Монсури. Квартира была большая, светлая и даже с зеркалами над каминами (это было особенностью новых домов). Была там комната для моей матери, для Марьи Ильиничны, которая приехала в это время в Париж, наша комната с Владимиром Ильичом и приемная. Но эта довольно шикарная квартира весьма мало соответствовала нашему жизненному укладу и нашей привезенной из Женевы «мебели». Как видим, биографы Ленина, чтобы прославить его «бедность», не стесняются плодить грубую ложь... Ленин прав: квартира почти в 1000 франков в то время считалась дорогой; в годовом бюджете квартирная плата вряд ли могла составлять 25%. Такого процента в Париже нигде нельзя было найти. Но, предположив, что в бюджете Ленина плата за квартиру все-таки занимала такую крупную долю, нужно вывести, что его годовой бюджет должен бы быть около 4000 франков, чтобы иметь возможность располагать нанятой «шикарной» квартирой. А 4000 франков в 1908 году и в последующие годы — весьма значительная сумма. Она не меньше чем в три раза превышала средний заработок рабочих Франции.

Н. Валентинов [3]. С. 2425

Теперь можно было идти на раскол. Прежде всего Ленин порвал всякие личные отношения с Богдановым. Это произошло в феврале 1909 года. ... В июне члены редакции «Пролетария» встретились на расширенном редакционном собрании в парижском кафе «Капю» при участии представителей Большевицкого центра. К моменту начала

заседания Ленин провел соответствующую работу в рядах фракции, в результате политику Богданова подвергли критике как отклонение от пути революционного марксизма, а самого Богданова исключили из фракции большевиков.

Р. Сервис. С. 219

Идеологически разрыв был закреплен специально написанной по этому поводу философской работой Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Вышедшая в 1909 году книга была направлена против всех философских теорий как в России, так и за границей и представляла собою сборник злобных выпадов. Понятно, что такая работа была далека от философии, и опыт Ленина в этой области следует считать крайне неудачным. Но поскольку антибогдановская направленность этого скучного тома была вызвана не философскими расхождениями, а финансовой дразгой, смысл написанного представляется нам теперь в совсем ином свете.

Ю. Г. Фельштинский. С. 28

Считаясь с особенностями духовного склада русского революционера, русского интеллигента, Ленин должен был заплатить большую дань делу всяческого теоретизирования и даже философствования. Назвался груздем, полезай в кузов; назвался вождем партии, поставляй ей все потребное, вплоть до собственной патентованной партийной философии. И когда среди русских марксистов пошел философский разброд мыслей и завелись разные эмпириокритические ереси, Ленин, недолго задумываясь, засел в библиотеку, со свойственным ему упорством преодолел труды тех, кто в Европе служил философским прототипом для русских «ересей» и «еретиков», еще тщательнее пересмотрел писания их критиков, а затем смастерил целую книгу, в которой «разделал» всех этих Шуппе, Лаасов, Авенариусов, Петцольдов и им подобных так, как привык разделять у себя в партии непослушных и бунтовщиков, как дураков и мальчишек. В первый и последний раз произвел он эту карательную экспедицию в области философии. Он сделал это не по своей охоте, а из чувства долга, подобно тому генералу, который говорил: «прикажут — акушером буду». Больше делать этого было некому, и Ленин взялся за дело. Was er selbst hat noch gestern gelernt, das musste er heute schon

lehren (учил других тому, что лишь вчера стало ясно самому), как говорят немцы, и неудивительно, что целым рядом грубейших промахов и наивностей он с головой выдал свою абсолютную чуждость этой области мысли и полную непригодность к философствованию. Но и в этой книге он тот же, что и везде — уверенный, не подозревающий того, где и в чем он беспомощен, ломящий напролом, исполненный пренебрежения к другим и поставивший себе за правило афишировать это пренебрежение, это презрение еще в большей мере, чем имеет его на деле.

В. Чернов. Ленин // Россия. М., 1990. № 5

...Главная причина непримиримости Ленина заключается в том, что он не желает выпустить из своих рук партийных денег, часть которых им была захвачена воровским способом.

Г. В. Плеханов. Из выступления на заседании конференции Интернационального Социалистического Бюро в Брюсселе 20 июня 1914 г.

Цит. по: *Арутюнов А. А. С. 534*

В феврале 1909 года, за несколько недель до поездки Ленина в Ниццу, заболела воспалением легких его престарелая матушка (ей шел 74-й год) и после долгой болезни, провожаемая Анной, поехала в Крым, в Алупку, поправлять свое здоровье. 21 мая Ленин ей писал: «Чрезвычайно рады мы были все узнать, что вы устроились в Крыму и ты наконец отдохнешь сколько-нибудь сносно».

Во время болезни матери он был по горло занят выпуском своей философской книги. Анна Ильинична ему присылала корректурные листы, и он занимался их правкой, исправлениями и вставками. Болезнь матери находит в письмах Ленина очень небольшой отклик — лишь стереотипные фразы, но это объясняется тем, что всю основную переписку по поводу болезни вела приехавшая к Ленину сестра Маняша. Но шокирует другая вещь. Читатель его писем, зная, что он желает матери «наконец отдохнуть сколько-нибудь сносно», все время ждет от него предложения, которое сделали бы на его месте все, кто любят свою мать. Чтобы мать имела возможность дольше и в лучших условиях отдохнуть в Крыму — почему не предложить ей для этого денег? Что может быть проще и естественнее? В прежние времена,

обращаясь к ней за деньгами, Ленин любил прибавлять, что считает взятые деньги своим долгом. Теперь мать больна, стара, и ее нужно лучше устроить — не есть ли это самый подходящий момент начать расплачиваться со своим долгом? Это нечто более полезное и осуществимое, чем приглашение ехать к нему за 3000 километров. Ведь деньги есть у него, именно в это время он поехал отдыхать в Ниццу. Деньги у него не только за границей, а в самой Москве на сберегательной книжке сестры Анны, которую 26 мая, то есть пять дней после его письма с пожеланием матери сносно отдохнуть, он просит перевести ему пятьсот рублей.

Н. Валентинов [3]. С. 62

Объявивши себя распущенным, Б[ольшевистский] ц[ентр] продолжает существовать как организация действительного перманентного заговора против партии, как группа, претендующая держать в своих руках все нити правления пытающейся восстановиться партийной организации. Эта группа, связанная общностью личных интересов и единством антисоциалистических взглядов на роль «вождей» в рабочем движении, сохраняет возможность вести свою антипартийную линию постольку, поскольку не выполнила фактически своего собственного торжественного обязательства выпустить из рук денеж. суммы, которые она захватила. Ибо общественное развитие, делая все большим анахронизмом диктатуру этой группы над социал-демократией, все менее оставляет ей идейных средств удерживать эту диктатуру, все более обрекает ее на пользование методами нечаевщины и давления на дезорганизованную партию силой денег...

Л. Мартов. Спасители или упразднители? (Кто и как разрушил Р. С. Д. Р. П.). Париж, 1911. С. 36

Наследство Шмита, сына московского купца, племянника Морозова, оказалось весьма полезным Ленину. Много позднее вошло в его жизнь и кое-что другое из купеческих богатств Морозовых, имеем в виду загородный дворец, построенный одним из Морозовых в Горках, в 27 километрах от Москвы. С 1918 года Ленин проводил в нем дни своего отдыха, жил там во время болезни и там же умер. В письме от 9 июля 1919 года к Крупской, которая в это время плавала по Волге

на «агитационном пароходе» «Красная звезда», — этот загородный дворец в Горках Ленин называет «нашей дачей». «Мы живем по-старому: отдыхаем на «нашей» даче по воскресеньям».

Н. Валентинов [3]. С. 59

Б[ольшевистский] ц[ентр] постановляет, в ответ на прямой запрос т. Виктора, что изменение, происшедшее в деле вследствие личных отношений Виктора и Ел[изаветы] Павловны (В. К. Таратута и Ел. П. Шмит официально оформили брак. — *Е. Г. .*) не нанесло решительно никакого ущерба интересам Б[ольшевистского] ц[ентра]; не требовало от Виктора ни формально, ни с точки зрения близких товарищеских отношений внутри Б[ольшевистского] ц[ентра] предварительного совещания; не вызвало ни малейшего ослабления доверия Б[ольшевистского] ц[ентра] к товарищу Виктору.

Б[ольшевистский] ц[ентр] — расширенная коллегия «Пролетария».

Проект постановления большевистского центра.

Январь 1910 г.

Неизвестные документы. С. 44

Члены ЦК получали за рубежом жалованье от Ленина. Неудобные ему его лишались... Деньги, поступавшие в кассу разным способом (экспроприации, пожертвования и пр.), поставили Ленина в исключительное положение. Они оплачивали его печатные издания и штат партийных работников. Деньги делали его хозяином организации за границей и в России.

Б. Никитин. Роковые годы. Париж, 1937. С. 228

(Далее цит.: Б. Никитин [1])

Несмотря на присущий ему революционный халиазм и оптимизм, у Ленина в Париже бывали моменты такой крайней депрессии, что осенью 1911 года в разговоре с приехавшей в Париж сестрой Анной он ставил необычайный для него вопрос: «Удастся ли еще дожить до следующей революции?». «Я запомнила при этом, — писала Анна Ильинична, — грустное выражение его лица, похожее на ту фотографию, которая была снята с него в 1895 г. в охранке».

Н. Валентинов [3]. С. 43

В мае 1913 года в письме к Горькому Владимир Ильич обронил: «У меня невзгоды. Жена заболела базедовой болезнью».

В. Е. Мельниченко [1]. С. 186

Меня болезнь жены заставила уехать в деревню Поронин, около Закопане. Адрес мой: Ulianow. P o g o n i n (Galizien). Австрия.

Привет и лучшие пожелания

В. Уль[янов].

Ленин — Р. В. Малиновскому. 4 мая 1913 г.

Неизвестные документы. С. 113

Вопреки ожиданиям, горный воздух не вызвал улучшения здоровья Надежды Константиновны. Сердцебиения стали повторяться, усилились другие симптомы базедовой болезни. Она совершенно перестала принимать участие в наших прогулках. Владимир Ильич неоднократно беседовал со мной по этому поводу. В конце концов пришли к заключению, что самое целесообразное — обратиться к известному в то время специалисту по заболеваниям щитовидной железы профессору Кохеру. Для этого нужно было ехать в Швейцарию — в Берн. Владимир Ильич не хотел отпустить Надежду Константиновну одну в такое далекое путешествие и решил сопровождать ее. Это требовало жертвы ценного времени и было затруднительно по материальным соображениям.

В. Багоцкий. Цит. по: Енко К. и Т. С. 8485

Болезнь эта вызывается повышенной функцией щитовидной железы и сопровождается развитием пучеглазия и зоба, вызываемого разрастанием щитовидной железы и шеи, капризным аппетитом, крайней нервностью, пальпитациями и большой потерей энергии.

Л. Фишер. С. 114

Раньше Надежда не решалась оперироваться из-за очень высокого риска: каждый пятый пациент умирал под ножом хирурга. Профессору Кохеру удалось снизить уровень смертности пациентов до одного из двух сотен. Ведущий мировой специалист в области болезней щитовидной железы, лауреат Нобелевской премии 1909 года по

медицине, шестидесятилетний профессор Кохер разработал новую методику, при которой у больных удалялся определенный участок железы. К 1913 году Кохер провел свыше пяти тысяч операций, и во многих случаях ему удавалось добиться полного или частичного излечения. В наши дни существуют эффективные лекарства для лечения базедовой болезни, но до первой мировой войны метод Кохера считался наилучшим. К сожалению, операция стоила очень дорого, и Ленин обратился в редакцию «Правды» с просьбой о материальной помощи. О том, получил ли он эту помощь, не сохранилось никаких сведений. Ленин повез бы жену к Кохеру в любом случае: Ульяновы жили скромно, но никогда не экономили на отдыхе, книгах и медицинском обслуживании. На внутрипартийных переговорах Ленин постоянно жаловался на бедность, но в случае необходимости деньги у него всегда находились.

Р. Сервис. С. 248

Соответствующие справки он упорно начал наводить в начале мая 1913 года. В июне с огорчением пишет Каменеву: «С Кохером возня большая: капризник. Все еще не принял, придется ждать». Но в июле операция, по настоянию Ленина, все же была сделана: «Операция оказалась довольно трудная — рад я очень, что удалось у Кохера оперировать», — писал он Горькому.

В. Е. Мельниченко [1]. С. 235

В июне Ленину удалось убедить Крупскую пойти на операцию, и они поехали в Берн. Операция продолжалась «около трех часов — без наркоза», пишет Ленин матери 26 июня.

Л. Фишер. С. 114

Если подвергнуть то время пристальному анализу, то можно заметить, что само время давало ему шанс. Целый ряд исторических случайностей дали жизнь большевизму. И никакая из этих случайностей не была для Ленина столь счастливой, как война, разгоревшаяся от случайного выстрела в Сараево...

Р. Сервис. С. 248

В письме А. М. Горькому 25 января 1913 года Ленин писал: «Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (по всей восточной Европе) штукой, но мало вероятно, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие»... Однако это удовольствие история ему доставила...

А. Ф. Керенский. С. 211

Убийство Франца Фердинанда и его жены было организовано обществом «Млада Босна», возникшим в 1912 г. Члены этого общества выступали за создание независимого югославянского государства, за воссоединение с Сербией. Все трое участников покушения происходили из Боснии: 20-летний Гаврило Принцип еще учился в последнем классе Белградской высшей гимназии, 19-летний Неделько Чабринович работал в типографии и 18-летний Трифко Грабеж тоже был гимназистом. В воскресенье, 28 июня, они стояли в толпе встречающих эрцгерцога на набережной реки Миляцка в Сараево. Когда показался кортеж из шести автомашин, Н. Чабринович бросил бомбу во второй автомобиль, в котором ехал Франц Фердинанд с супругой, но бомба разорвалась под третьей машиной, ранив пассажиров. Чабринович был арестован, а эрцгерцог продолжил свой путь к ратуше, где должна была состояться торжественная встреча. После приема в ратуше решено было навестить раненых офицеров в госпитале. Во время этой второй поездки пули Г. Принципа настигли Франца Фердинанда и Софию.

Состоявшийся в октябре 1914 г. судебный процесс носил тенденциозный характер. Австрийская сторона заявила об участии в убийстве эрцгерцога сербской тайной офицерской организации «Объединение или смерть» («Черная рука»), утверждалось, что заговору покровительствовало сербское правительство... 30 июня 1914 г. в венской газете «Райхспост» была опубликована статья, в которой прямо говорилось об ответственности Белграда и Петербурга за убийство австрийского наследника, подчеркивалось, что сербской агитацией руководила Россия. Версия о «славянской опасности» усиленно раздувалась. Германия показывала свою заинтересованность в том, чтобы Австро-Венгрия объявила войну Сербии. События в Боснии застали Сербию врасплох. Она не была готова к военному конфликту. Временный поверенный в делах России в Белграде В. Н.

Штрандтман сообщал: «Сараево спутало все карты Сербии и поставило на очередь возможность военного столкновения в самый неблагоприятный для Сербии момент».

Однако военная пружина уже раскрутилась. Австро-Венгрия взяла курс на войну. 23 июля Сербии был направлен ультиматум. Русские посоветовали не сопротивляться и довериться великим державам. Условия ультиматума были приняты сербами (за исключением одного пункта), но это уже ничего не могло изменить. 28 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну, в которую вскоре были вовлечены другие страны. Так началась мировая война, первыми жертвами которой стали Франц Фердинанд и герцогиня Гогенберг.

Котова Е. В. Сараевское убийство 28 июня 1914 г. и закат империи Габсбургов // Цареубийства. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. С. 471475

В то время Ленин, Зиновьев, Каменев и другие, причем к ним часто приезжал и Малиновский (депутат Государственной Думы от фракции большевиков, оказавшийся одним из самых крупных провокаторов. — *Е. Г.*) из Петербурга, проживали в Австрии, в Кракове, в нескольких верстах от русской границы.

В. Л. Бурцев. С. 186

Как только началась Первая Балканская война, Ленин в письме Горькому выразил надежду на то, что императоры — Франц-Йозеф в Австрии и Николай II в России — «начнут взаимную перестрелку!».

С началом первой мировой войны надежда эта осуществилась. Ленин, живший в то время вблизи Кракова, был немедленно арестован австрийской военной полицией. После последовавшего вскоре освобождения он в сопровождении Зиновьева и своей жены Крупской сразу же выехал в Швейцарию. В Польше они жили в ужасной нищете и были вынуждены не раз обращаться за помощью к своим соратникам в Петрограде, прося прислать хоть сотню рублей, чтобы продолжить свою работу.

А. Ф. Керенский. С. 211

Во время войны существенную поддержку оказали кое-какие средства матери Надежды Константиновны. Но все же нередко бывало

«сугубое безденежье».

В. А. Карпинский. Странички прошлого // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 4. С. 40

Ленин в начале войны был арестован в Поронино. Но его доверенное лицо, Фюрстенберг-Ганецкий, обратился к главе австрийских социалистов Виктору Адлеру, который заступился за Ленина перед австрийскими властями. Адлер указывал на то, что ленинское антимонархическое направление может в ближайшем будущем оказаться полезным. Через две недели после ареста Адлер добился освобождения Ленина. Ленин, его жена Крупская и его ближайший в то время помощник Зиновьев получили разрешение выехать в Швейцарию в сентябре 1914 года.

Г. Катков. Февральская революция // Тайна октябрьского переворота. С. 144

Ленин не обнаружил в те дни ни хладнокровия, ни мужества. Его и Крупскую брал страх, что в военное время легко могут «мимоходом уколошить». «Мы с Ильичом, — вспоминала Крупская, — просидели всю ночь, не могли заснуть, больно было тревожно».

Н. Валентинов [3]. С. 68

Уважаемый товарищ! Мой муж, Владимир Ульянов (Ленин), арестован в Поронине (Галиции) по подозрению в шпионаже. Здесь население очень возбуждено и в каждом иностранце видит шпиона. Само собою разумеется, что при обыске ничего не нашли, но тетради со статистическими выписками об аграрном вопросе в Австрии произвели на здешнего жандарма впечатление. Он арестовал моего мужа и препроводил его в Ней-Маркт. Там его допросили, и нелепость всех подозрений сейчас стала очевидной для гражданских властей, но они не хотели взять на себя ответственность освободить его... арест может продолжаться несколько недель. Во время войны не будет времени быстро разобрать это дело. Поэтому очень прошу Вас, уважаемый товарищ, помочь моему мужу. Вы знаете его лично, он был, как Вы знаете, долгое время членом Международного Бюро и хорошо известен Интернационалу. Я настоятельно просила бы Вас отправить телеграмму прокурору в Ней-Зандец, что хорошо знаете

моего мужа и можете ручаться, что это — недоразумение. Просите также прокурора, в случае, если бумаги уже переданы немецким властям, переадресовать последним Вашу телеграмму... Я уверена, что Вы и еще другие австрийские товарищи сделаете все возможное, чтобы содействовать освобождению моего мужа.

Н. К. Крупская — В. Адлеру.

Цит. по: *Соколов Б. В. С. 152*

Как потом оказалось, арест Ленина произошел из-за доноса баб, которые под влиянием военного психоза добровольно организовали за нами наблюдение и обнаружив, что Ленин с книгой ходит на ближайшую от своего дома горку, сидит там и долго что-то пишет, решили, что он снимает планы деревни, а следовательно — он шпион.

С. Ю. Багоцкий. Из воспоминаний о встречах с В. И. Лениным // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 4. С. 25

Случайно я ознакомился с одной интересной книгой. В ней содержится множество документальных материалов, относящихся к периоду эмиграции Ленина и его переезду из Швейцарии в Россию. Но один документ вызвал у меня повышенный интерес. Он был извлечен автором книги из дела Владимира Ульянова под № 3183/14 архива австрийского Генштаба. Так вот, в этом документе со слов В. Адлера, явившегося «по просьбе Ленина»(?) в министерство внутренних дел Австро-Венгрии, засвидетельствовано, что «*Ульянов смог бы оказать большие услуги при настоящих условиях*», то есть в условиях войны Австро-Венгрии и Германии с Россией.

А. А. Арутюнов. С. 52

Это были первые недели войны, момент, когда все были сильно возбуждены, в особенности в районах военных действий, всем мерещились шпионы. Я был озадачен не столько продолжительностью ареста, которого я не опасался, сколько возможностью сокращенного военного судопроизводства. Я немедленно отправился к министру внутренних дел барону Гейнольду, рассказал ему все, что знал, и охарактеризовал ему личность товарища Ленина... Подчеркнул, что товарищ Ленин — старый непримиримый враг царизма и что, независимо от своего отношения к Австрии, он никак не мог

заниматься шпионажем в интересах царского правительства... Мне удалось убедить министра, что нечего опасаться Ленина и что происшедшее — роковое недоразумение. Насколько я помню, он еще в моем присутствии вызвал к телефону краковское полицейское управление. Как в этот раз, так и при втором свидании с ним в связи с делом Ленина министр интересовался только тем, действительно ли Ленин подлинный враг царизма, в чем я мог его уверить со спокойной совестью...

В. Адлер. Цит. по: Соколов Б. В. С. 152153

Страхи оказались напрасными. Заступничество Виктора Адлера привело к быстрому освобождению Ленина. 8 августа он арестован, а 19-го уже выпущен. «Уверены ли вы, — спросил Адлера австрийский министр внутренних дел, — что Ульянов враг царского правительства?» — «О, да! — ответил тот, — более заклятый враг, чем ваше превосходительство».

Н. Валентинов [3]. С. 68

— А ты знаешь, как я был освобожден из краковской тюрьмы и уехал в Швейцарию? За меня взялся хлопотать известный австрийский социал-демократ, депутат рейхсрата Виктор Адлер (отец). Он поехал к министру, от которого зависело мое освобождение, и изложил свою просьбу; при этом как аргумент привел следующее соображение, что Ленин, известный русский революционер и социал-демократ, — решительный враг русского царизма. «А вы уверены в том, что он действительно серьезный, непримиримый враг русского царизма?» — «Убежден, ваше превосходительство, что он гораздо более серьезный враг его, чем такой, как вы».

Д. И. Ульянов. С. 171

Несколько месяцев он провел в тюрьме, но был освобожден.

А. А. Арутюнов. С. 53

Его сожители по тюрьме называли Ильича «бычий хлоп», что значит «крепкий мужик».

Н. К. Крупская. С. 183

Описанное мной особенное покровительственное отношение австрийского правительства к Ленину выражалось и в довоенное время, но ярко обнаружилось во время войны, когда Ленин, которого война застала в Австрии, был арестован. После объяснений с ним его быстро освободили и, по моим сведениям, потому, что, по указаниям австрийского министра, он, Ленин, будет полезен во время войны с Россией Австрии.

В. Л. Бурцев. С. 187

По возвращении из-за границы Малиновский мне доложил (это еще осенью 1913 года), что Ленин пользуется таким широким покровительством и доверием со стороны австрийского правительства, что в этом отношении его, Ленина, ручательства или даже простого удостоверения личности того или другого приезжающего из России эмигранта вполне достаточно, чтобы освободить это лицо от всяких подозрений или каких-либо наблюдений со стороны австрийского правительства. По словам Малиновского, Ленин считался как бы «русским вице-консулом», документ которого являлся гораздо более сильным доказательством лояльности русского подданного, приехавшего на жительство в Австрию, чем рекомендательные письма русского генерального консула или нашего посла в Австрии. Из доклада Малиновского вытекало, что покровительство Ленину со стороны австрийского посольства доходило до того, что весь транспорт революционной прокламационной литературы, идущей от Ленина в Россию, свободно пропускался не через «кордонную границу», а через «зеленую границу», т. е. через налаженные эмигрантами пути тайного прохода. Лица, проезжавшие от Ленина с теми или другими его поручениями в Россию, также свободно пропускались этими же путями через австрийскую границу. Этим же путем пользовался и сам Малиновский при посещениях им Ленина при проезде из России в Австрию.

С. П. Белецкий. Показания по делу о вооруженном выступлении в июле 1917 года // Тайна октябрьского переворота. С. 183184

Такое покровительственное отношение австрийского правительства к Ленину, украинцам и полякам объяснялось тем, что Австрия в то время готовила войну с Россией и

покровительствовала лицам и партиям, которые могли бы в будущем, во время войны, расслабить мощь и боевую способность России, что, конечно, являлось главной целью для Австрии.

В. Л. Бурцев. С. 187

Известный большевик и сотрудник Ленина Я. С. Ганецкий в этой игре был ключевой фигурой. Он был связан с австрийцами именно в период 1909—1914 годов, организовывал с согласия австро-венгерского правительства переезд Ленина в Галицию (Краков). Переезд этот был связан с проводимой тогда австрийским правительством политикой сотрудничества с русскими и польскими революционерами. От польских социал-демократов здесь в главной роли выступал Пилсудский.

Ю. Г. Фельштинский. С. 36

В 1915 году я встретил у моего знакомого польского социал-демократа Бинштейна-Малевского его товарища Ганецкого-Фюрстенберга: явление это меня удивило, ибо я никак не мог понять, каким образом Ганецкий мог жить и в Париже, и в Австрии одинаково свободно во время войны. Еще более меня удивил рассказ Ганецкого о том, что он, узнав об аресте Зиновьева и Ленина, отправился туда, где они и были арестованы, и, как он выразился, «прервал допрос» Ленина и Зиновьева, производившийся австрийскими властями, Я не преминул осведомиться у Ганецкого, каково же было его официальное положение в Австрии, если он, русский подданный, мог вмешиваться в действия австрийских следственных властей. Ганецкий был смущен моим вопросом и оставил его без ответа, а потом выяснилось, что Ленин и Зиновьев были освобождены из-под ареста по личному предписанию графа Штюргка, австрийского премьера, который освободил их как лиц, желающих поражения России и деятельность коих полезна для центральных империй.

Г. А. Алексинский. Показания по делу о вооруженном выступлении в июле 1917 года // Тайна октябрьского переворота. С. 181

Судя по тому, что происходило в Австрии, я могу сказать, что хотя война Австрии с Россией началась во второй половине 1914 года, но уже за два года до этого она, можно сказать, существовала в

действительности. И в политике Австрии мы не могли не видеть, что она благоприятствовала тем именно революционным партиям, которые будут для нее полезны в будущей войне ее с Россией. Особенно большие надежды австрийское правительство выражало в этом отношении на поляков, украинцев и тех социал-демократов, которые группировались вокруг Ленина... Таким образом, настоящую деятельность Ленина в России нужно связывать с началом его деятельности в Австрии в 1912-1914 годах, и начало его нынешней деятельности (имеется в виду организация июльского мятежа 1917 года в Петрограде. — *Е. Г.*) нужно искать именно в этом периоде времени, когда в Австрии происходила подготовка к войне с Россией.

В. Л. Бурцев. С. 187

Со слов Малиновского, когда я его спрашивал, насколько трудно было провести раскол в форме полного отделения большевиков от меньшевиков, то Малиновский мне сказал, что Ленин русской действительности не знает, а живет жизнью Австрии и ее мировоззрениями, которыми вполне и проникся. В этом отношении, можно сказать, Австрия его взяла на свою сторону.

С. П. Белецкий. С. 184

«Пленение мое, — писал Ленин сестре Анне, — было совсем короткое, 12 дней всего, и очень скоро я получил особые льготы (в их числе — ежедневные свидания с Крупской. — *Н. В.*), вообще «отсидка» была совсем легонькая, условия и обращение хорошие».

Н. Валентинов [3]. С. 68

Не передала следующего. Как-то, возвращаясь с вокзала, я слышала, как шедшие из костела крестьянки громко — очевидно, мне на поучение — толковали о том, что они сами сумеют расправиться со шпионами. Если начальство даже выпустит ненароком шпиона, они выколуют ему глаза, вырежут язык и т. д. Ясно было: оставаться в Поронине, когда выпустят Владимира Ильича, нельзя будет.

Н. К. Крупская. С. 183

Владимир Ильич находился в камере № 5. Накануне в тюрьме принял его тюремный надзиратель Иосиф Глуд. Как полагается, он

занес нового клиента в тюремную книгу и записал отобранные у него вещи: «8/VIII 11ч. утра. Владимир Ульянов, уроженец России, лет 44, православного вероисповедания, русский эмигрант, 91 крона 99 геллеров, черные часы, ножик».

Я. С. Ганецкий. Ленин в галицийской тюрьме // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 4. С. 19

В 9 час. 50 мин.

«Окружный суд.

Новый Тарг.

Владимир Ульянов подлежит немедленному освобождению.

Подпись: *Военный прокурор при имп.-кор. военном командовании».*

II

В 11 час. 10 мин.

«Окружный суд.

Новый Тарг.

Надлежит сообщить Ульянову Владимиру явиться при проезде через Краков к полковнику Моравскому в здание корпусного командования.

Подпись: *Военный прокурор при имп.-кор. военном командовании в Кракове».*

III

В 5 час.

«Окружный суд.

Новый Тарг.

Судебное следствие против Ульянова приостановлено, последний поэтому подлежит полному освобождению, должен лишь сообщить письменно или телеграфно свой адрес в Поронине полковнику Моравскому, здание корпусного командования.

Подпись: *Военный прокурор ополчения».*

В ответ на последнюю телеграмму послано следующее отношение:

«Имп.-кор. военному прокурору ополчения в Кракове.

Настоящим сообщается, что согласно телеграфного предписания имп.-кор. военного прокурора в Кракове от 19/VIII 1914 года за № 441 Владимир Ульянов 19/VIII 1914 года выпущен на свободу.

Протокол освобождения прилагается при сем. Адрес Владимира Ульянова — Поронин.

Подпись: *Имп.-кор. окружный суд*

Новый Тарг. 20/VIII 1914 г.»...

Телеграммы из Кракова в Окружной суд Нового Тарга.

Цит. по: *Ганецкий Я. С. С. 22*

«Окружному суду в Новом Тарге Телеграмма из Кракова

Приказать Ульянову Владимиру при проезде через Краков явиться к капитану (?) Моравскому в здание командования корпусом.

Военный прокурор при военном коменданте 13 VIII 1914».

Думается, что этот документ не нуждается в комментарии. Остается сказать, что капитан Моравский возглавлял разведывательный отдел Генштаба Австро-Венгрии.

А. А. Арутюнов. С. 52

Ввиду военного времени можно было ехать по железным дорогам лишь по особому разрешению. Удалось получить для Владимира Ильича такое разрешение — удостоверение от старосты в Новом Тарге 26 августа, а в Кракове 28 августа — в дирекции полиции.

«716. Разрешается пользование почтовым поездом.

Имп.-кор. пересыльно-станционное управление в Неймаркте (подпись).

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Г. Владимир Ульянов с родственниками, 3 лица, имеет право на приобретение места в один конец в поезде жел. дороги по воинскому расписанию от станции Поронин до станции Вена через Краков.

Новый Тарг. Дня 26/VIII 1914.

Староста (подпись).

Цит. по: *Ганецкий Я. С. С. 23*

По словам Алексинского, в 1914 году, после начала войны, некоторые русские социалисты, проживавшие в австрийских местечках, были арестованы. После ареста они подверглись допросу. Алексинский приводит пример такого допроса. На вопрос комиссара, к какой российской социал-демократической партии принадлежит

арестованный, товарищ ответил: «Принадлежу к крайней левой, я сторонник Ленина». Тогда комиссар стал любезней и устроил ему свободный проезд в Швейцарию...

*Показания по делу о вооруженном выступлении в июле 1917 года
// Тайна октябрьского переворота. С. 182*

В Швейцарии их положение несколько улучшилось, и в конце 1914 года стал выходить в свет «Социал-демократ» — весьма воинственное издание Ленина, орган пролетарской революции.

А. Ф. Керенский. С. 211

До сего времени Ленин не интересовался тем, что называется мелкими житейскими, хозяйственными делами. В 1912 году в Париже перед отъездом в Галицию он передал свою квартиру одному краковскому жителю, и тот, впервые попав во Францию, стал расспрашивать Ленина об условиях жизни в Париже, о ценах на пищевые продукты и т. д. Ленин ничего ему ответить не мог. У него было слишком много больших «идейных» забот. Думать о таких «пустяках» — сколько стоит масло, мясо, яйца, картофель, у него не было желания. Приехав в Берн, он и Крупская увидели, что, в сравнении с очень низкими ценами, с дешевой жизнью, к которой они успели привыкнуть в 1912-1914 годах в Галиции, цены в Швейцарии, окруженной воюющими странами, стоят на высочайшем уровне. Значит, стоимость их жизни повышалась, между тем война вносила пертурбацию в источники их доходов, ставила под сомнение одни, обрывала регулярное получение других, затрудняла сношение с Россией. На способности Елизаветы Васильевны, матери Крупской, по-прежнему экономно и умело справляться с хозяйством — уже нельзя было рассчитывать. Ей пошел 73-й год, она была совсем плоха, дряхла и через полгода после приезда в Берн — скончалась (в марте 1915 года).

Н. Валентинов. С. 69

В марте у меня умерла мать. Была она близким товарищем, помогавшим во всей работе. В России во время обыска прятала нелегальщину, носила товарищам в тюрьму передачи, передавала поручения; она жила с нами и в Сибири, и за границей, вела хозяйство,

охаживала приезжавших и приходящих к нам товарищей, шила панцири, зашивая туда нелегальную литературу, писала «скелеты» для химических писем и пр. Товарищи ее любили. Последняя зима была для нее очень тяжела. Все силы ушли. Тянуло ее в Россию, но там не было у нас никого, кто бы о ней заботился. Они часто спорили с Владимиром Ильичом, но мама всегда заботилась о нем, Владимир был к ней тоже внимателен. Раз как-то сидит мать унылая. Была она отчаянной курильщицей, а тут забыла купить папирос, а был праздник, нигде нельзя было достать табаку. Увидал это Ильич. «Эка беда, сейчас я достану», и пошел разыскивать папиросы по кафе, отыскал, принес матери. Как-то незадолго уже до смерти говорит мне мать: «Нет, уж что, одна я в Россию не поеду, вместе с вами уж поеду». Другой раз заговорила о религии. Она считала себя верующей, но в церковь не ходила годами, не постилась, не молилась, и вообще никакой роли религия в ее жизни не играла, но не любила она разговоров на эту тему, а тут говорит: «Верила я в молодости, а как пожила, узнала жизнь, увидела: такие это все пустяки». Не раз заказывала она, чтобы, когда она умрет, ее сожгли. Домишко, где мы жили, был около самого бернского леса. И когда стало греть весеннее солнце, потянуло мать в лес. Пошли мы с ней, посидели на лавочке с полчаса, а потом еле дошла она домой, и на другой день началась у ней уже агония. Мы так и сделали, как она хотела, сожгли ее в бернском крематории.

Сидели с Владимиром Ильичом на кладбище, часа через два принес нам сторож жестяную кружку с теплым еще пеплом и указал, где зарыть пепел в землю.

Н. К. Крупская. С. 199

Весной 1915 года умерла мать Крупской. С ее смертью связана такая история. Однажды ночью Крупская, устав от постоянного дежурства у постели умирающей матери, ушла спать, попросив Ленина разбудить ее, если она понадобится матери. Ленин сидел и работал. В ту ночь она умерла. На другое утро Крупская, проснувшись, увидела, что ее мать лежит уже мертвая. Потрясенная, она потребовала от Ленина объяснений, почему тот ее не разбудил. «Ты просила разбудить тебя, если ты ей понадобишься, — ответил Ленин. — Она умерла. Ты ей не понадобилась».

Р. Пейн. С. 265

С повышенным интересом следил Ленин за развитием войны на Западе. Он видел, что под мобилизацию попало почти все мужское население воюющих стран, что все фабрики и заводы перешли на производство военной продукции и что все это привело к чудовищному росту военных расходов.

А. Ф. Керенский. С. 211

Как фанатик, ставя цели своего кружка выше всего, он, Ленин, более всего заботился о торжестве этих целей, о победе Германии, ставя их выше интересов нации. Для переезда в Россию Ленина при таких условиях естественны и понятны те услуги, какими Ленин пользовался при переезде через Германию в Россию, — так же, как он пользовался услугами и покровительством австрийских властей. В то же самое время Ленин пользуется услугами различных немецких агентов, среди которых особенно выдаются Парвус и его помощники по части оказывания услуг Германии... К этим целям шел всеми средствами — и для Ленина, можно сказать, цель оправдывала эти средства. По его мнению и мнению его кружка, нужно было желать во что бы то ни стало победы Германии и немецкого правительства, а в лице Германии — немецкого пролетариата, организованного лучше, чем какой-либо другой пролетариат. Таким образом, ставилась целью победа Германии, которая будет победой всего человечества. Немецкий пролетариат тогда продиктует свою волю не только немецкому правительству, но и всему миру.

В. Л. Бурцев. С. 188

В один из сентябрьских дней 1915 года некий эстонец по имени Кескюла, бывший коллега Ленина по партии, встретился с германским послом в Берне господином Ромбергом. Он рассказал Ромбергу о том, какой будет внешняя политика русского правительства, если к власти придут большевики. 30 сентября Ромберг направил в министерство иностранных дел депешу, в которой изложил этот разговор, а сам Кескюла через некоторое время выехал в Берлин. Ознакомившись несколько лет назад с этой депешей Ромберга, я понял, насколько ошибался, предполагая, что отношения Ленина с Берлином были установлены лишь после падения монархии, что, между прочим,

явилось тогда полной неожиданностью как для Ленина, так и для немцев.

А. Ф. Керенский. С. 212213

При посредничестве Кескюлы германскому Министерству иностранных дел стали известны взгляды Ленина на войну.

Г. Катков. С. 146

Благодаря большой настойчивости и терпению, М. Фатреллу (английскому исследователю событий русской революции. — *Е. Г.*) удалось на основании некоторых документов разыскать Кескуэлу, эстонца, который дал Ромбергу идею поездки Ленина и др. через Германию. Фатрелл провел несколько ночей в разговорах с Кескуэлой. Оказалось, что после встречи с Ромбергом в сентябре 1914 г., у Кескуэлы был один единственный разговор с Лениным, в сентябре или октябре того же года. Кескуэла действовал, как часто бывает, особенно у подпольщиков, из сложных побуждений. Он был эстонским патриотом и надеялся, что ослабленная революцией Россия даст независимость его родине. В 1905—07 гг. он активно участвовал в большевистском движении, а затем учился в немецких и швейцарских университетах. Этот опыт делал его весьма высококвалифицированным посредником. Кескуэла считал себя автором идеи «запломбированного вагона». «Я пустил в ход Ленина», — утверждал он.

Л. Фишер. С. 170171

Посланник в Берне — канцлеру

Сообщение № 794

А 28659

Берн, 30 сентября 1915 года

Эстонцу Кескюле удалось договориться об условиях, на которых русские революционеры готовы заключить с нами мир в случае успешного завершения революции. Согласно информации, полученной от хорошо известного революционера Ленина, его программа содержит следующие пункты:

1. Установление республики.
2. Конфискация крупной земельной собственности.

3. 8-часовой рабочий день.

4. Полная автономия для всех национальностей.

5. Предложение о мире, без каких-либо консультаций с Францией, но при условии, что Германия откажется от всех аннексий и военных репараций.

По пункту 5 Кескюла замечает, что его содержание не исключает возможности отделения от России тех национальных государств, которые смогут стать буферными государствами.

6. Русские армии немедленно выводятся из Турции, иными словами, полный отказ от притязаний на Константинополь и Дарданеллы.

8. Русские войска вводятся в Индию.

Я оставляю открытым вопрос, следует ли в действительности придавать большое значение этой программе, тем более что сам Ленин настроен весьма скептически относительно перспектив революции. Его, видимо, очень сильно беспокоит предпринятое недавно так называемыми социал-патриотами контрнаступление. Согласно данным Кескюлы, это контрнаступление возглавляют социалисты Аксельрод, Алексинский, Дейч, Марк Качел, Ольгин и Плеханов. Они ведут яростную агитацию и имеют немалые финансовые средства, которые, по-видимому, черпают из правительственных фондов. Их деятельность представляет тем большую опасность для революции, что сами они являются старыми революционерами и поэтому хорошо знакомы с техникой организации революции. По мнению Кескюлы, в связи с этим было бы важно, чтобы мы немедленно оказали помощь движению Ленинских революционеров в России. Он лично доложит об этом в Берлин. Согласно его источникам информации, настоящий момент крайне благоприятен для свержения правительства. Поступает все больше сообщений о рабочих беспорядках, а роспуск Думы, как говорят, вызвал всеобщее возбуждение. Тем не менее, нам следует действовать без промедления, не дожидаясь, пока социал-патриоты возьмут верх.

...Программу Ленина не следует, конечно, предавать гласности, поскольку ее опубликование приведет, прежде всего, к раскрытию источника информации, а также потому, что обсуждение этой программы в печати лишит ее всякой ценности. Я считаю, что она должна быть окружена завесой величайшей секретности с тем, чтобы

создать впечатление, будто подготовка к соглашению с могущественными кругами в России уже ведется.

Не касаясь французского аспекта, я прежде всего просил бы Вас обсудить эту информацию с Кескюлой и сделать все возможное, чтобы не нанести ущерба чрезмерно поспешной ее публикацией в прессе.

Ромберг.

Цит. по: *Керенский А. Ф. С. 225226*

По-видимому, к программе Ленина отнеслись в Германии серьезно, и если бы он изъявил малейшее намерение вступить в прямой контакт с немцами, его инициатива была бы встречена положительно. Но, видимо, между Лениным и германскими властями прямого контакта никогда не было, хотя говорить об этом с полной уверенностью нельзя, Ленин был очень опытным конспиратором, а немцы держались с максимальной осторожностью.

Г. Катков. С. 146

Я, осведомленный о деятельности Ленина в Австрии, в его нынешней деятельности могу только видеть продолжение его деятельности в Австрии, — как в период, предшествовавший войне, так и в период войны.

В. Л. Бурцев. С. 188

Информация, которую в сентябре 1915 года дал немецкому правительству Кескюла, была не первым сообщением о Ленине, полученным немцами. На фракцию большевиков в русской социал-демократической партии германскому Министерству иностранных дел указал в марте 1915 года в своем меморандуме Александр Гельфанд, он же Парвус, сыгравший значительную роль в подрывной деятельности немцев в России. Он — живое доказательство, что авантюристы XX в. могли играть решающую роль в политике великих держав во время Первой мировой войны не в меньшей степени, чем такие же авантюристы в интригах итальянских государств эпохи Возрождения.

Г. Катков. С. 146

Многочисленные тайные нити германо-большевистского заговора сплетались на двух главных действующих лицах — Ленине и Парвусе. О Ленине отдельный разговор, а вот о второй фигуре пришло время рассказать подробнее, ибо без нее нельзя понять всей режиссуры социального переворота. Здесь уместно назвать главных постановщиков этого политического сценария с германской стороны: император Вильгельм II, генералы Людендорф и Гофман, канцлеры Бетман-Гольвег и Гертлинг, статс-секретарь МИДа Кюльман, заместитель статс-секретаря католический лидер Эрцбергер, помощник статс-секретаря Буше, секретарь казначейства Редерн, послы Ромберг (в Берне), Бронкдорф-Ранцау (в Копенгагене), Штедтен (в Стокгольме), советник миссии в Стокгольме Ризлер (Рицлер). Они, если не лично, то по агентурным данным, хорошо знали Парвуса.

С. Александров. Немецкий агент Парвус // Тайна октябрьского переворота. С. 109

В 1914 году, начав войну на два фронта, Германия быстро убедилась, что важно развалить союз врагов и по возможности избавиться от одного из главных противников, заключив сепаратный мир, даже ценой определенных жертв. Усилия германского правительства шли в двух направлениях. Во-первых, немцы искали поддержки влиятельных лиц вражеских государств. Предполагалось, что среди них найдутся люди, которые сочувствуют общим политическим устремлениям Германии и войну с последней считают несчастьем для своей страны. Была надежда, что такие люди готовы добиваться сепаратного мира и смогут оказать влияние на правительство и общественное мнение. Во-вторых, помощь могла исходить от любых деструктивных сил в лагере противника, от любых смутьянов, независимо от их отношения к Германии.

Г. Катков. С. 138

Вспомним вкратце давно известную историю Парвуса.

Б. Никитин. Русская контрразведка в действии // Тайна октябрьского переворота. С. 97-98

(Далее цит.: Б. Никитин [2])

Александр Гельфанд (Парвус) родился на три года раньше Владимира Ульянова в семье еврейского ремесленника в местечке Березино Минской губернии. Учился в Одессе, университет закончил в Базеле, став доктором философии. Там же, в Европе, он познакомился с грандами теории революционного движения: Плехановым, Аксельродом, Засулич, Цеткин, Каутским, Адлером. Еще до первой русской революции Парвус познакомился с Лениным и Крупской.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 201

Гельфанд (Парвус), русский еврей, родившийся в Березине (Белоруссия) и получивший образование в Одессе, рано присоединился к революционному марксистскому движению. Он скоро понял, какие громадные личные преимущества дает глубокое знание экономических и социальных проблем в разных частях мира, и выучился обменивать эти знания на власть и влияние в международной политике.

Г. Катков. С. 146147

В биографии этого человека яркая страница — участие в русской революции 1905 года. Ему, как и Троцкому, довелось здесь сыграть весьма заметную роль, не в пример Ленину, который ограничился положением статиста.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 202

Он играл активную роль в Петербургском совете в 1905 году и был близким сотрудником Троцкого, в газете которого публиковал свои статьи (иногда под псевдонимом «Молотов»).

Г. Катков. С. 147

Парвус был, несомненно, выдающейся марксистской фигурой конца прошлого и самого начала нынешнего столетия.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 169

Он сыграл одну из самых главных черных ролей в устройстве революционного кавардака в ослабленной войной России и в ее крушении. Когда-то, в первые годы большевистского торжества, его имя непременно и с почтением упоминалось в «красных»

справочниках и словарях, позже оно на десятилетия исчезло. Любопытная метаморфоза: ведь этот деятель был духовным учителем Ленина, Троцкого и прочих «рыцарей Октября», можно сказать, являлся чуть ли ни ведущим «архитектором революции». Поведаем о нем, обращаясь к вчера еще сверхсекретным архивным источникам и еще недавно потаенным в спецхранах книгам.

С. Александров. С. 109

И Троцкий, и Парвус были арестованы в Петербурге и сосланы в Сибирь (хотя и в разные места). И тот и другой бежали. Сначала в Петербург, а затем за границу. Парвус, обладая хорошим пером, тем не менее оставил очень небольшое письменное наследие; слишком много времени у него отнимала его вторая страсть — коммерция. Одна из его заметных литературных вех — книга «В русской Бастилии во время революции», в которой он описал многомесячное пребывание в Петропавловской крепости после поражения революции.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 202

Парвус, социал-демократический деятель, был вместе с Лениным и его товарищами в Совете рабочих депутатов, был сослан в Сибирь и оттуда бежал за границу, был активным деятелем немецкой социал-демократической партии.

В. Л. Бурцев. С. 188

Для нас революция была родной стихией, хоть и очень мятежной. Всему находился свой час и свое место. Некоторые успевали еще жить и личной жизнью: влюбляться, заводить новые знакомства и даже посещать революционные театры. Парвусу так понравилась новая сатирическая пьеса, что он сразу закупил 50 билетов для друзей на следующее представление. Нужно пояснить, что он получил накануне гонорар за свои книги. При аресте Парвуса у него в кармане нашли 50 театральных билетов. Жандармы долго бились над этой революционной загадкой. Они не знали, что Парвус все делал с размахом.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 180181

Парвус-Гельфанд явился за границу очень молодым эмигрантом в середине восьмидесятых годов. Он поступил в Базельский университет, где и кончил курс, после чего поступил в немецкую социал-демократическую партию и поселился в Германии. В германской партии он принадлежал к самому левому крылу. Около 1900 года он пришел к тому убеждению, что скоро предстоит всемирный социалистический взрыв. Это убеждение он впоследствии сообщил попавшему под его влияние Троцкому. С этим убеждением он в 1905 году приехал в Россию, где он, впрочем, большого успеха не имел. Здесь он, как известно, был арестован, сослан в Сибирь, оттуда бежал и опять очутился в Германии. Здесь он, несмотря на крайний радикализм своего образа мыслей, большой популярностью не пользовался. Социал-демократы смотрели на него как на человека не корректного в частной жизни и не совсем надежного в денежных делах. Может быть, вследствие этой непопулярности он переехал в Константинополь, где, по слухам, сошелся с младотурками.

Г. В. Плеханов. С. 174

Бежав из Сибири, Израиль Лазаревич Гельфанд, он же Парвус, вступил в социал-демократическую немецкую партию, а по объявлении войны был сначала командирован немецким Генеральным штабом для специальных заданий в Турцию. Здесь, пользуясь своими немецкими связями, он занимался поставками турецкому правительству, на которых нажил хорошее состояние.

Переехав в Копенгаген и получив генеральное представительство на экспорт всего немецкого угля в Данию, Парвус основал там свой так называемый «Научный институт», который, как известно, представлял собой международное бюро для ведения шпионажа в пользу Германии. Приняв сначала турецкое, а потом немецкое подданство, Парвус имел влияние в своей немецкой партии и выполнял поручения немецкого штаба.

Б. Никитин [2]. С. 9798

Из Германии он переселяется в Вену, оттуда в Константинополь, где и застала его мировая война. Она сразу обогатила Парвуса на каких-то военно-торговых операциях.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 170

Каутский приобщил Парвуса к журналистскому труду, где тот весьма преуспел. Парвус писал в газету «Танин», редактировал издание «Молодая Турция», писал статьи для «Берлинер тагблат», был корреспондентом «Форвертс». Во всяком случае, Центральный государственный особый архив имеет обширные сведения об этом.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 202

Он свободно владел методом Маркса, глядел широко, следил за всем существенным на мировой арене, что при выдающейся смелости мысли и мужественном, мускулистом стиле делало его поистине замечательным писателем.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 170

Троцкий, в свою очередь, был очарован Парвусом, замороженный его смелой теорией «перманентной революции». Выходец из России стал немецким социал-демократом, длительное время являясь главным редактором саксонской газеты «Арбайтер цайтунг», выходившей в Дрездене.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 202

Когда началась война, он, русский подданный, вернулся в Германию. Проездом он остановился в Софии, где выступил на большом митинге, доказывая, что в интересах цивилизации и революции желательно, чтобы Германия победила Россию. Германские газеты напечатали весьма сочувственные телеграммы об этом выступлении «русского» социал-демократа. Нужно заметить, что «русский» социал-демократ возвращался в Германию не с пустыми руками. Он оказался обладателем миллионного состояния. Как он нажил себе это состояние, объяснить не могу. Говорили, что он нажил его хлебными спекуляциями во время войны. В Германии Парвус примкнул уже не к левому, а к правому крылу социал-демократической партии, т. е. к Шейдеману. В Мюнхене на его счет стала издаваться газета «Die Glocke», помещавшая на своих столбцах панегирики в честь Гинденбурга. Не без гордости добавлю, что в Германии Парвус написал против меня брошюру, распространявшуюся германским

правительством в лагерях военнопленных. В брошюре он обвинял меня, что я изменил революции и т. п.

Г. В. Плеханов. С. 174

Для меня имя Парвуса, как человека отрицательного, не было новым, во-первых, потому, что я в 1905 году имел возможность наблюдать его в Совете рабочих депутатов, и еще тогда он произвел на меня впечатление человека, так сказать, не соответствовавшего революционной среде. Мне казалось, что он не идейный человек, а человек, преследующий личные какие-нибудь цели, одним словом, [он] произвел на меня отталкивающее впечатление. Во-вторых, я слышал о нечистом отношении Парвуса к партийным деньгам, в частности, о растрате им денег, данных ему Горьким для издательства. Наконец, мне лично была известна деятельность Парвуса в 1915 году в Турции, где он стремился к тому, чтобы произвести в России смуту и помочь этим Германии победить Россию, — одним словом, парализовать армию русскую в интересах Германии. По этому предмету я в 1915 году, в марте месяце, печатал статью свою за своей подписью в журнале «Современный мир», издаваемом Иорданским (Басков пер, № 35).

Г. А. Алексинский. С. 179

До меня доходили только слухи о том, что Парвус имел какое-то отношение к заграничному изданию сочинений Горького (берлинского издательства Ладыжникова), воспользовался в личных целях тем доходом, которое это издательство приносило. Я не имел возможности проверить этот слух, основательность его лучше всего может быть выяснена самим Горьким.

Г. В. Плеханов. С. 176

Свою бурную революционную деятельность Парвус совмещал с не менее активной деятельностью в сфере торговли и посредничества, где он весьма преуспел. Но здесь его ждала большая неприятность. Будучи одновременно литературным агентом Горького, Парвус представлял его денежные интересы в Германии, где одно время неплохо шла на сцене горьковская пьеса «На дне».

Историк Д. Шуб описывает так дальнейшие события, ссылаясь на Горького. Собирая деньги с театров за постановку пьесы, Парвус по договору двадцать процентов со всей суммы брал себе, а остальные делились следующим образом: четверть передавалась Горькому, три четверти — в кассу социал-демократической партии. У Парвуса в результате собралось что-то около 100 тысяч марок. Но вместо денег он прислал письмо, в котором простодушно сообщал Горькому, что все эти деньги он потратил на путешествие по Италии с одной барышней. Так как это было «наверное, очень приятное путешествие», писал Горький, «но касалось его только на четверть, он сообщил об этом в ЦК немецкой С. д. партии». Партийный суд в составе Каутского, Бебеля и Цеткин морально осудил Парвуса...

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 202203

К характеристике Парвуса любопытный инцидент рассказал мне В. Л. Бурцев, но уже за границей после Октябрьской революции. В 1908 году Парвус, состоя еще в русской социалистической партии, растратил около 200 000 германских марок партийных денег, вырученных от продажи изданий Максима Горького на немецком языке, которые Горький пожертвовал партии. Парвус истратил их на женщину, скрываясь с ней по Европе.

Б. Никитин [2]. С. 98

Киселев (?), указывая в своих письмах на такой образ действия Парвуса, внушающий серьезные подозрения, обратил внимание на это по следующим соображениям: во-первых, Парвус — личность отрицательная как с политической, так и с моральной стороны (Парвус совершил растрату денег — около 30 000 рублей, о чем сам Горький рассказывал, как потерпевшее лицо), во-вторых, входить в сношение с воюющими с Россией державами тоже внушало подозрения.

Г. А. Алексинский. С. 179

Израиль Лазаревич Гельфанд (псевдоним Александр Парвус) (18671924) — один из самых крупных политических авантюристов XX века. По энергии мошенничества, спекулятивному таланту и демагогическому дару его можно в определенной степени сравнить со знаменитыми шарлатанами XVIII века Сен-Жерменом и «графом»

Калиостро, тем более что он, как и его предшественники, испытывал страсть к перемене мест, чревоугодничеству и игривому дамскому обществу. Это зловещее для судьбы России имя у нас сегодня почти не знают, хотя без него трудно представить изнанку нашей политической истории первого десятилетия XX века. Немногие приятели и поклонники говорили о нем восторженными метафорами: «сенатор эпохи Ренессанса», «умнейшая голова второго Интернационала», «на теле слона он носит голову Сократа» и т. п. Соперники его остерегались. Враги презирали. История его прокляла.

С. Александров. С. 109110

Радек приводит слова Парвуса о себе самом, что он «Мидас наоборот: золото, к которому он прикасается, становится навозом».

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 205

Ключом к загадкам натуры Парвуса, пожалуй, могут служить его слова в письме, обращенные к Вильгельму Либкнехту: «Я ищу государство, где человек может по дешевке купить отечество». Не признавая отечеством Россию, он искал его «по дешевке» в Швейцарии, Германии, Турции, Болгарии, Швеции, Дании..., легко меняя города, газеты, убеждения, друзей, женщин... И еще одно признание этого «перекати-поле»: «Жизнь хороша, надо только брать от жизни все. Но для этого необходимо постоянно бороться...» Отдадим ему должное: «брал» миллионами барышей, не раз прикарманивал партийные деньги, боролся неустанно не только с личностями и мнениями, но и с целыми государствами.

С. Александров. С. 110

В апреле 1915 года в швейцарской социал-демократической газете, издающейся на немецком языке в Сан-Галлене, а немного позже и в других [газетах], появились разоблачающие деятельность Парвуса сведения, сообщенные доктором Яковом Фридманом из Базеля и бывшим членом Государственной думы Алексинским. Деятельность Парвуса, как германского и австрийского агента, была направлена к поражению России и отделению от нее Украины.

Прокурор обвиняет // Единство. 1917. № 96. 22 июля

Деятельность Парвуса была направлена к поражению России и отделению Украины от нее.

Г. А. Алексинский. С. 180

В кармане Парвуса, связанного и с социалистическим миром, и с министерством иностранных дел, и с представителями генерального штаба, надо искать тот «золотой немецкий ключ», которым открывается тайна необычайно быстрого успеха ленинской пропаганды...

С. П. Мельгунов. Золотой немецкий ключ большевиков. Нью-Йорк, 1989, С. 157

Парвус завязал прочные сношения с немецким правительством, когда Германия стала готовить войну с Россией. Задолго до войны он был немецким агентом в Константинополе и Болгарии. По указаниям немецкого правительства Парвус организовал враждебную России агитацию в Турции, Болгарии, Румынии и Австрии. С этой целью он завязал сношения с очень многими видными деятелями. Между прочим, для этого же он основал в Копенгагене научный институт. Многие из его агентов, вроде Ганецкого (Фюрстенберга), оказались в тесных отношениях с [Лениным] и его партией и оказывали им огромные услуги, и, как мне достоверно известно, не только идейные, но и денежные. Что оказывалась денежная помощь, это мне хорошо известно — как от лиц, приезжавших из Копенгагена и беседовавших со мной, так и из переписки, которая существовала между Ганецким как агентом Парвуса, так и другими лицами.

В. Л. Бурцев. С. 188

Тем не менее в Парвусе всегда было что-то сумасбродное и ненадежное. Помимо всего прочего этот революционер был одержим совершенно неожиданной мечтой: разбогатеть.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 170

Юридических доказательств сотрудничества большевиков и германского правительства крайне мало. И все-таки они есть. Так, 24 июля 1917 года Парвусу в Берн были посланы две телеграммы. Одна — за подписью «Куба» (псевдоним Ганецкого). Другая — от имени

заграничной делегации большевиков. Обе телеграммы ушли Парвусу по каналам МИДа шифром германского министерства иностранных дел. Поскольку все телеграммы МИДа шли через Берлин, в архиве МИДа остались копии, скрепленные подписью помощника статс-секретаря Штумма. Обнаружены телеграммы были в архивах МИДа в 1961 году, когда основная волна «разоблачений» была уже позади. Между тем этими телеграммами доказывалась связь заграничной делегации и Ганецкого с Парвусом, с одной стороны, и германским правительством с другой.

Ю. Г. Фельштинский. С. 4

Из Вены Гельфанд поехал в Берлин, где в начале марта 1915 года изложил германскому Министерству иностранных дел свои планы по организации революции в России и попросил оказать ему материальную поддержку.

Г. Катков. С. 147

15 января 1915 года германский посол в Константинополе Вагенхейм сообщил в Берлин о встрече с русским подданным, д-ром Александром Гельфандом, который ознакомил его с набросками плана революции в России. Гельфанда (он же Парвус) немедленно пригласили в Берлин. По прибытии туда 6 марта он был тотчас принят Ритулером, личным советником канцлера Бетман-Гольвега. После краткого предварительного разговора он вручил Бетман-Гольвегу записку, озаглавленную: «Подготовка к массовым политическим стачкам в России». Парвус предложил, по-первых, чтобы немцы передали ему значительную сумму денег на развитие сепаратистского движения в Финляндии и на Украине; во-вторых, чтобы они оказали финансовую помощь пораженческой фракции Российской социал-демократической партии — большевикам, руководители которых находились в то время в Швейцарии. Предложения Парвуса были приняты без малейших колебаний. По распоряжению самого кайзера Вильгельма ему было предоставлено германское гражданство и выдана сумма в 2 миллиона немецких марок.

В мае того же года Парвус отправился в Цюрих на встречу с Лениным. У них состоялся продолжительный разговор, краткий отчет

о котором Парвус приводит в своем памфлете «Правда, которая колется», опубликованном в 1918 году в Стокгольме.

А. Ф. Керенский. С. 213

Так переплетались в этой тяжелой, мясистой голове бульдога мысли о социальной революции с мыслями о богатстве.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 170

Читатель знает, что, хотя большевики также стояли за военное поражение России, между мной и ими была разница взглядов. Я учитывал действующие факторы, экономические, политические, военные, соотношение сил, возможные результаты, — для большевиков же на все и на вся был готовый ответ: революция.

Их достаточно предупреждали и показывали им действительное положение дел.

Я виделся с Лениным летом 1915 года в Швейцарии. Я развил ему свои взгляды на социально-революционные последствия войны и вместе с тем предупреждал, что, пока длится война, революции в Германии не будет, что революция в это время возможна только в России и здесь явится результатом германских побед...

А. Гельфанд (Парвус).

Цит. по: Тайна октябрьского переворота. С. 149

«Я изложил ему (Ленину) свои взгляды на социальные и революционные последствия войны и в то же время предупредил его, что в этот период революция возможна только в России и только в результате победы Германии... После падения монархии германские социал-демократы делали все возможное, чтобы помочь русским эмигрантам возвратиться в Россию. Однако глава империалистического большинства в социал-демократической партии, член германского правительства Шейдеман со всей решительностью объяснил большевикам, что пока идет война, *революция в Германии невозможна* (курсив Парвуса) и более того, ни в коем случае не следует ставить в трудное положение Западный фронт. Мы не сделаем этого, ибо победа стран Антанты будет означать не только крах Германии, но также и крах русской революции». И хотя, судя по всему, Ленин отказался дать прямой ответ Парвусу на его предложения, тем

не менее между ними было решено поддерживать секретную связь через Фюрстенберга (Ганецкого). Ленин направил его в Копенгаген, где он работал вместе с Парвусом.

А. Ф. Керенский. С. 213

Нетрудно догадаться, что здоровенный толстый господин с самоироничным псевдонимом («parvus» — малый) предлагал вожаку большевиков большие деньги от своих хозяев. «Татарин» (так называл Ленина германский советник миссии в Стокгольме Ризлер), конечно, был не прочь подставить партийный карман — средств-то не хватало не только на соцпропаганду, но даже на сапоги (ходили такие легенды), а скандальными экспроприациями заниматься становилось все более опасно, но... Ведь темная связь Парвуса выплывала наружу — об этом открыто заявлял председатель германской социал-демократической партии Гуго Гаазе и другие уважаемые люди, а Клара Цеткин прямо рубила: «сутенер империализма, который продан германскому правительству». Впрочем, как любил повторять Ленин, «деньги не пахнут».

С. Александров. С. 115116

Таким образом, для меня лично представлялось ясным, что возглавляемое Лениным пораженческое течение с момента первых военных действий инспирировалось австрийским правительством в целях достижения успехов в войне с Россией.

С. П. Белецкий. С. 185

Интересы германского правительства вполне совпадают с интересами русских революционеров. Русские социал-демократы могут достичь своей цели только в результате полного уничтожения царизма. С другой стороны, Германия не сможет выйти победительницей из этой войны, если до этого не вызовет революцию в России. Но и после нее Россия будет представлять большую опасность для Германии, если она не будет расчленена на ряд самостоятельных государств...

А. Л. Парвус-Гельфанд. Из меморандума немецкому генеральному штабу.

Цит. по: *Волкогонов Д. А. Кн. 1. С. 203*

Забастовка здесь и там, вспыхивающие массовые недовольства, рост политической агитации — все это безразлично для существования царского правительства,

Если последуют преследования, это вызовет только рост недовольства; если снисходительность — это будет принято за проявление слабости и еще более раздует пламя революционного движения. Достаточный опыт такого рода был завоеван в 1904-1905 годах.

Если же русская армия потерпит поражение, тогда противодействующее правительству движение быстро примет колоссальные масштабы. В любом случае можно считать, что политическая забастовка произойдет весной, если мобилизовать все имеющиеся силы на действия, изложенные выше.

Если массовая забастовка примет широкий характер, царскому правительству придется сконцентрировать все военные силы внутри России, в основном на Москве и Петрограде. Далее, ему будут нужны войска для охраны железнодорожных коммуникаций.

Из меморандума д-ра Гельфанда (Парвуса).

Цит. по: Тайна октябрьского переворота. С. 122

В связи с этим Гельфанд предположил следующий план: организовывать экономические забастовки в разных частях России, особенно в Петербурге и черноморских портах, превращая их постепенно в забастовки с политическими требованиями; конечной целью должна была быть всеобщая забастовка, которая повлекла бы за собой падение царского режима.

Г. Катков. С. 148

Лично в отношении самого Ленина могу сказать следующее. Я не располагаю данными, указывающими на то, что Ленин непосредственно получал денежные суммы от Парвуса, Ганецкого и других немецких агентов, но в литературе я высказал открыто свое глубокое убеждение, это же убеждение, основанное на сообщениях моих товарищей, говорю и сейчас, что Ленин не мог не знать, что его партия пользуется материальной поддержкой со стороны Германии и германских друзей.

В. Л. Бурцев. С. 188189

Я живу с женой (теща умерла полгода назад) здесь в Берне уже второй год.

Ленин — Р. В. Малиновскому.

31 октября (13 ноября) 1915 г.

Неизвестные документы. С. 185

Это было в марте 1916 года. Это было в Берне. В. И. ужасно устал, страдал бессонницей, и Надежда Константиновна попросила затащить его каким-нибудь образом в кабак, чтобы Ильич немного проветрился... Ильич любил пильзенское пиво. В марте месяце немцы, которые изобрели не только марксизм, но и самое лучшее пиво, производят самое чудеснейшее пиво, которое называется «Сальватор». Вот этим «Сальватором» я соблазнил Ильича. ...Нечего греха таить, мы выпили несколько крупных кувшинов этого пива, и, может быть, благодаря этому Ильич, несмотря на свою глубочайшую сдержанность, на одну минуту потерял ее. Это было ночью, когда я его проводил домой... тогда он сказал несколько слов, которые врезались мне в память на всю жизнь: «Что же, я двадцать лет посылаю людей на нелегальную работу, проваливаются один за другим, сотни людей, но это необходимо...»

К. Б. Радек. Цит. по: Волкогонов Д. А. Кн. 2. С. 427

Был еще и такой случай. Небольшая компания революционеров отправилась в мюзик-холл. Ленину понравились клоуны. Посмотрев очередную пантомиму клоуна-эксцентрика, он сказал: «Тут есть какое-то сатирическое или скептическое отношение к общепринятому, есть стремление вывернуть его наизнанку, немножко исказить, показать алогизм обычного. Замысловато, а — интересно!»

Кто исполнял номер? Очевидно, это был Дэн Лино, но, возможно, что и молодой Чарли Чаплин. И кто знает, не осенила ли Ленина в тот момент такая неожиданная мысль, что между клоуном с замалеванным белилами лицом и вождем революционных масс есть очень много общего. Ведь каждый из них по-своему добивается одной цели: вывернуть общепринятое наизнанку, исказить, показать алогизм обычного.

Теперь еще об одном уникальном персонаже тех дней — Якове Фюрстенберге. Следствием (назначенным по делу о вооруженном путче большевиков в июле 1917 года. — *Е. Г.*) было установлено, что Ганецкий-Фюрстенберг Яков (уменьшительное — «Куба»), проживая во время войны в Копенгагене, был очень близок и связан денежными делами с Парвусом, агентом германского правительства.

Единство. Прокурор обвиняет // 1917. № 96. 22 июля

Припомним, что Яков Станиславович Фюрстенберг, он же Ганецкий, состоял членом социал-демократической партии, был очень близким человеком одновременно и к Парвусу, и к Ленину. Парвус выписал Ганецкого из Австрии в Копенгаген, где сделал его своим помощником. В 1917 году Ганецкий был арестован в Копенгагене за контрабанду, а вообще за ним там установилась репутация первоклассного мошенника. При поддержке Парвуса Ганецкий избежал суда, отделался крупным денежным штрафом и был выслан из Дании. Он выехал в Стокгольм, где все время служил связующим звеном между Парвусом и Лениным.

Б. Никитин. С. 99100

Якоб Фюрстенберг, он же Яков Станиславович Ганецкий, родился в 1879 г. в Польше. Он рано примкнул к социалистическому движению в Польше и Литве. На 5-м, Лондонском съезде РСДРП его избрали в центральный комитет. В Стокгольме, во время войны, он занимался торговлей противозачаточными средствами. Накладные на эти товары видел Майкл Фатрелл, тщательно изучивший материалы по делу Ганецкого-Фюрстенберга и представивший их на семинарах колледжа Св. Антония в Оксфордском университете...

Фюрстенберг-Ганецкий был арестован в Копенгагене 17 января 1917 г. по обвинению в экспорте термометров, шприцов и других медицинских изделий, бывших тогда дефицитными в Германии и России. Оксфордский исследователь М. Фатрелл получил доступ к судебному делу Фюрстенберга, который, как оказалось, был председателем правления датской Handelsog Eksport-Komppagniet. Оборот компании исчислялся десятками тысяч фунтов стерлингов.

Источником львиной доли доходов была контрабанда противозачаточных средств в Германию и Россию. Ганецкий заплатил штраф и был депортирован в Стокгольм, где стал работать агентом Ленина и, возможно, продолжал торговлю.

Л. Фишер. С. 170, 172

В мае 1915 года в Швейцарии В. И. Ленин, А. Л. Парвус и Я. С. Ганецкий договорились о создании торговой сети, которая заработала в апреле 1916 года. В Копенгагене Парвус и Ганецкий, пользуясь связями с немецкими властями, организовали общество, бесплатно получавшее из Германии столь дефицитный в военные годы «аптекарский товар»: презервативы, сальварсан (средство для лечения сифилиса), термометры. Из Копенгагена товар переправлялся контрабандой в Стокгольм. К Воровскому приезжали агенты Союза городов (созданного на общественные деньги в помощь армии), среди которых были известные впоследствии Подвойский, Стеклов-Нахамкис. На средства союза они закупали товар и привозили его в Петроград, где потребность в средствах, изящно именуемых А. Коллонтай «любовью без детей», была исключительно велика: с началом войны цена на презерватив подскочила в 10 раз. В России товар распродавался по спекулятивным ценам через аптеки, дома красоты. В Петрограде операцией руководил шури́н Зиновьева С. М. Закс-Гладнев.

О величине торгового оборота можно судить хотя бы по такой цифре: первый заказ на презервативы, посланный Ганецкому Заксом, составил сто тысяч штук. Таким образом добывались огромные деньги, часть которых шла на издание партийной литературы, содержание профессиональных революционеров на «партийной диете». Остальные деньги накапливались в банках.

А. Серебренников. Кто же выстрелил в Лозанне? // Вождь: (Ленин, которого мы не знали). Сборник. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1991. С. 269-270

15 августа того же года германский посол (теперь уже) в Дании граф Брокдорф-Рантцау отправил в Берлин сенсационную депешу, в которой сообщал, что он в сотрудничестве с д-ром Гельфандом (Парвусом), которого охарактеризовал как одного из самых блестящих

людей, «разработал замечательный план по организации в России революции», добавив в конце депеши: «Победа и, следовательно, мировое господство за нами, если вовремя удастся революционизировать Россию и тем самым развалить коалицию». План был одобрен в Берлине самим кайзером Вильгельмом II. Следует отметить, что в характеристике, данной немецким графом Парвусу, нет преувеличения. Он был не только лучшим организатором шпионской и подрывной деятельности против России, но и обладал большим политическим предвидением, чем отцы «Великой Октябрьской революции».

Керенский А. Ф. С. 213214

С Израилем Лазаревичем тесно связана история знаменитого «пломбированного вагона», в котором через немецкую территорию проследовала к нам преступная живая кладь во главе с «вождем пролетариата».

С. Александров. С. 116

И вот как четко стал осуществляться в России план Парвуса. В январе 1916 года, одновременно с забастовками и демонстрациями в Петрограде, началась забастовка в корабельных доках в Николаеве. Беспорядки продолжались до тех пор, пока 23 февраля мастерские не были закрыты.

История забастовки довольно подробно излагается в секретном донесении вице-адмирала Муравьева, найденном в архивах Совета министров и процитированном Флеером. Чрезмерные требования, предъявленные рабочими в самом начале забастовки, и дальнейший ее ход убедили Муравьева в том, что в действительности это была политическая забастовка, организованная под видом экономической. Согласно изложению Муравьева, этот факт не был учтен ни полицией, ни рабочей инспекцией, ни каким-либо другим государственным учреждением. Администрация начала постепенно делать одну уступку за другой, что было большой ошибкой, приведшей к дальнейшим беспорядкам и закрытию доков.

В доказательство того, что забастовка имела скрытую политическую цель, Муравьев сообщает следующее: «Действительно, характер предъявленных рабочими требований оказывается, с одной

стороны, принципиально неприемлемым ни для какого завода, а с другой стороны, эти заявленные неприемлемые требования по своей форме, размеру и времени заявления вполне совпадают с таковыми на петроградских заводах. Далее, то невыносимое материальное обеспечение, которое побуждает рабочих доков «Наваля» объявить забастовку, одновременно с тем вполне удовлетворяет мастеровых находящегося во вполне идентичных условиях соседнего с ним завода «Рассуд», управление которого состояло из тех же людей»,

Этот анализ Муравьева повторяет меморандум Гельфанда, хотя Муравьев о нем, конечно, никогда не слышал. Гельфанд писал: «Особое внимание должно быть обращено на Николаев, где доки работают очень напряженно, чтобы выпустить два больших военных корабля. Надо сделать все возможное, чтобы поднять там забастовку. Не нужно, чтобы эта забастовка имела политический характер, она может выдвинуть чисто экономические требования».

Адмирал Муравьев заканчивает осторожно: «Вопрос о том, является ли эта политическая забастовка результатом деятельности врагов существующего порядка, левых партий, или же здесь действуют враги государства (Германия), должен быть оставлен открытым».

Г. Катков. С. 155156

Секретные досье архивов германского министерства иностранных дел позволяют сделать вывод, что кайзер Вильгельм и его правительство приступило к деловому сотрудничеству с большевиками лишь после того, как провалились все попытки склонить Николая II к заключению сепаратного мира с Германией ради спасения всей монархической системы правления в Европе. Условия этого сепаратного мира предполагалось согласовать, используя многочисленные каналы (включая родственников императрицы Александры). Однако все германские мирные предложения были решительно и резко отвергнуты Николаем II.

А. Ф. Керенский. С. 214

Не оправдавшаяся попытка спровоцировать в России революцию заставила немцев снова обратиться к идее сепаратного мира. Во второй половине 1916 года ход военных действий не мог радовать немецких дипломатов. Документы Министерства иностранных дел

подтверждают, что Германия все время боялась отступничества своих союзников и прилагала отчаянные усилия, чтобы улучшить стратегическое положение, добившись сепаратного мира с любой страной Антанты. Летом 1916 года была сделана новая попытка обратиться к Николаю II через датский двор, но эта попытка не удалась (как говорилось выше, Николай II ответил королю Христиану, что мир может быть только общим).

Г. Катков. С. 159

Надежды немцев заключить сепаратный мир с Россией возродились осенью 1916 года, когда министром иностранных дел стал Штюрмер, а на пост министра внутренних дел был назначен Протопопов. Приблизительно в это самое время Ленин и Крупская стали вновь жаловаться на материальные затруднения, однако их финансовые сложности продолжались недолго.

А. Ф. Керенский. С. 214

О том, как отчаянно хотели некоторые круги в Германии добиться сепаратного мира, можно судить по невероятному плану, предложенному немецким промышленником Фрицем Тиссенем Министерству иностранных дел через депутата Эрцбергера, — купить согласие России на сепаратный мир, предложив ей норвежский Нарвик и северные скандинавские рудники. Это довольно значительная жертва со стороны Германии, замечал Тиссен (*sic!*), но ее можно компенсировать аннексией французских рудников в Бризэй.

Г. Катков. С. 160

У самого Ленина по-прежнему не было абсолютно никаких сомнений — морального или духовного свойства — в том, что необходимо содействовать поражению своей страны.

А. Ф. Керенский. С. 212

В середине декабря 1916 года центральные державы открыто предложили мирные переговоры странам Антанты. Предложение было сделано в резкой и надменной форме и совершенно не устраивало союзников. Цель, очевидно, состояла в том, чтобы посеять рознь между странами Антанты, особенно между западными союзниками и

Россией. Но этот план рухнул, потому что Дума заняла в высшей степени патриотическую позицию, и тогда Германия оставила мысль о сепаратном мире и сделала ставку на «революционизирование» России и подводную войну с Западом.

Г. Катков. С. 160

Некто, поддерживающий сношения с живущими в Швейцарии русскими изгнанниками, подал на родине мысль привлечь некоторых из них к работе, чтобы еще скорее развратить войска и отравить их нравственно. Он обратился к депутату Эрцбергеру, а последний, в свою очередь, в германское Министерство иностранных дел. Таким образом дошли до известной отправки Ленина через Германию в Петербург. Я не знаю, было ли германскому главному командованию известно об этой мере, во всяком случае, главнокомандующий на Востоке ничего об этом не знал. Мы узнали об этом лишь несколько месяцев спустя, когда иностранные газеты начали в этом упрекать Германию и утверждать, что она является отцом русской революции.

М. Гофман. Война упущенных возможностей // Тайна октябрьского переворота. С. 211

В феврале 1916 года Ленин и Крупская переехали в Цюрих. Они сняли комнату в домике XVI века, принадлежавшем Адольфу Каммереру, сапожнику. Комнатка была маленькая, неуютная, окно выходило на колбасную фабрику, поэтому им приходилось держать окна закрытыми даже в жаркие летние дни. Обстановка была более чем скромная: стол, две кровати, два стула и швейная машина. Сапожник проникся искренним уважением к Ленину.»Он всегда покупал пузырьки со специальным маслом против облысения, — рассказывал потом сапожник. — И забывал выключать газ. Но в общем-то он был славный малый».

Р. Пейн. С. 267

В Цюрихе Ленин и Крупская жили у некой фрау Каммерер, и в ее кухне Крупская готовила пищу. Однажды, это было после того, как швейцарское правительство обратилось к жителям с призывом не потреблять два раза в неделю мяса, Крупская, жаря мясо, спросила Каммерер, как может правительство проверить — исполняют ли

граждане его призыв, ходят ли для этого какие-то контролеры по домам? «Зачем же проверять? — удивилась фрау Каммерер. — Раз опубликовано, что существуют затруднения, какой же рабочий человек станет есть мясо в «постные» дни, разве буржуй какой?» И, видя мое смущение, она мягко добавила: «К иностранцам это не относится». Перешла ли после этого чета Лениных к двум дням без мяса в неделю? О том история умалчивает.

Н. Валентинов [3]. С. 82

В 1916 году в доме отдыха Чудивизе под Цюрихом Ленин долго возился с одним солдатом, отдыхающим по случаю вместе с ним. «Владимир Ильич, — вспоминала Крупская, — ходил около него, как кот около сала, заводил с ним несколько раз разговор о грабительском характере происходящей войны, парень не возражал, но явно не клевало. Видно было, что его весьма мало интересуют политические вопросы, гораздо больше — времяпровождение в Чудивизе». Диву даешься, чем занимался будущий вождь революции всего лишь за год до ее победы...

В. Е. Мельниченко [1]. С. 105

Два события, для него важные, происходят в это время. Первое — смерть матери. В одном из своих последних писем к ней (12 марта 1916 года) он писал: «Надеюсь, что у вас нет уже больших холодов, и ты не зябнешь в холодной квартире? Желаю, чтобы поскорее было тепло и ты отдохнула от зимы». Ей не пришлось долго отдыхать с приходом теплой погоды: 25 июня она скончалась. Для Ленина это тяжелый удар. Мать он любил, а, кроме того, как бы далеко от нее ни находился, она всегда была его опорой, поддержкой. Вся ее жизнь была служением детям, особенно ему. С полной уверенностью он мог бы себе сказать, что пока мать жила — она не даст ему потонуть. И вот ее нет. Волнует Ленина и другое событие. Вскоре после смерти матери была арестована его сестра Анна, о чем Елизаров известил его условными терминами. «Весть о том, — отвечал ему Ленин, — что Анюта в больнице (тюрьме. — *Н. В.*), меня очень беспокоила... Буду с нетерпением ждать вестей почаще, хотя бы кратких».

Н. Валентинов [3]. С. 8788

Мария Александровна умерла вскоре после большевистского переворота (ошибка автора, она умерла до победы Октября, похоронена в Петербурге на Волковом кладбище. — *Е. Г.*) и, кажется, ей не пришлось увидеть полного торжества своего сына, и она ушла из жизни, ничего не зная о том ужасе, которым наводнил Россию Ленин.

Г. А. Соломон [1]. С. 14

В 1916 году германское посольство в Швейцарии стало интересоваться журналистской деятельностью Ленина. Ленин в то время издавал газету «Социал-демократ» и журнал «Сборник социал-демократа», главными сотрудниками были сам Ленин и Зиновьев. Два номера журнала вышли во время войны, третий задержался из-за недостатка средств. В архивах немецкого посольства в Берне сохранилась переписка, из которой видно, что после некоторых колебаний немцы решили предоставить средства для издания через каналы, приемлемые для Ленина. Несмотря на это, очередной номер журнала не вышел. Началась Февральская революция.

Г. Катков. С. 146

— Я читал недавно воспоминания о Ленине, — говорит Молотов, — Крупская пишет, что Ленин до революции говорил ей: «Доживем ли?» Тоже сомневался... — А в январе 1917 года выступал перед швейцарской молодежью: «Мы, старики...» А старику-то было сорок шесть лет! Мы, старики, дескать, наверно, не доживем до революции, но вы-то, молодежь...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. И.* Молотов: Полудержавный властелин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 263264

Немцы, без сомнения, полагали, что много воды утечет, прежде чем направленные на раскол России интриги и пропаганда дадут ощутимые плоды. Поэтому для них крушение царского режима, которое, можно сказать, венчало их собственные неустанные усилия, оказалось не меньшей неожиданностью, чем для всех остальных, в том числе для большевиков.

Г. Катков. С. 160

Ленин в домашних туфлях совсем не похож на бога с Олимпа. Это не олимпиец, а самый обыкновенный человек, каких сотни миллионов, человек, законно боящийся, что со стола исчезнет порция мяса или масла. Ни он, ни Крупская в это время, разумеется, не голодают, у них есть деньги и, несмотря на это, Ленин нервничает. Если бы он знал, что через полгода наступит революция, его расчеты были бы иными. Но мы видели, что на этот счет у него не было ни малейшего предчувствия. Он думал, что предстоят еще годы эмиграции в тяжелой военной и послевоенной обстановке, и он спрашивал себя, как же прожить при «дьявольской», идущей скачками, дороговизне.

Н. Валентинов [3]. С. 87

В начале 1917 года, когда Россия собиралась бросить через Карпаты и через Балканы 8 000 000 солдат и тем обеспечить поражение германской коалиции, император Вильгельм и Людендорф — для спасения Германии — послали Ленина и его орду сеять раздор и анархию среди русских. Следствием посылки большевиков должен был быть разгром держав Согласия. План этот, заблаговременно выработанный, потребовал больших расходов; Ленин с его присными работали в течение двух лет в Швейцарии за счет Берлина (и Вены); профессора в искусстве пропаганды научили их, как организовать «мирное» завоевание России. Состоя пансионерами Германии, они получали причитающееся им содержание вплоть до того дня, когда все сокровища опустошенной России перешли в их руки.

Р. Вильтон. Последние дни Романовых Пер. с англ. М., 1998. С. 96

Мы сказали там, что если в России победит революция и у власти окажется республиканское правительство, желающее продолжать империалистскую войну, войну в союзе с империалистической буржуазией Англии и Франции, войну ради завоевания Константинополя, Армении, Галиции и т. д., то мы будем решительными противниками такого правительства, мы будем против «защиты отечества» в такой войне. Приблизительно такой случай наступил...

Ленин. Цит. по: Тайна октябрьского переворота. С. 163

Это заявление сильно впечатлило германское правительство, и началась деликатная операция по переправке Ленина и его единомышленников поближе к революционной петроградской суматохе. Несущественно, кто был инициатором переговоров о возвращении Ленина через Германию. Главное, что все стороны достигли полного согласия. Швейцарский министр иностранных дел, социал-демократ Гофман, состоявший в тесном сотрудничестве с германским правительством, свел Роберта Гримма, издателя «*Berner Tagwacht*», с предполагаемыми путешественниками. Но еще в начале января у Ленина произошла с Гриммом резкая ссора, он обвинял его в швейцарском «социал-шовинизме». Поэтому Гримм был заменен другим посредником, швейцарским социал-демократом Фрицем Платтенном. Его платформа была ближе к ленинской, кроме того, он состоял в наилучших отношениях с Ромбергом, германским посланником в Берне.

Г. Катков. С. 163

Инициатором посылки в Россию Ленина с товарищами был, однако же, не Генеральный штаб и не канцлер Бетман-Гольвег. Кто именно подсказал эту мысль Бетману, Людендорф доподлинно не знает, но подозревает в этом бывшего германского посла в Копенгагене графа Брокдорфа-Ранцау, который никогда не гнушался самыми невозможными знакомствами и связями, между прочим, находился в связи и с Парвусом... По заявлению генерала Людендорфа, Генеральный штаб во всей этой истории сыграл роль исполнителя распоряжений канцлера, по приказу которого Ленину с компанией были выданы паспорта на проезд через Германию, и Людендорфу, как главе Генерального штаба, оставалось только подчиниться приказу в силу военной необходимости,

Разоблачения Людендорфа о Ленине и Троцком // Свобода. Варшава, 1921. 11 марта. № 55(104)

ЖЕНЩИНЫ

Трижды в своей жизни он влюблялся.

Р. Пейн. С. 212

Жизнь больших исторических фигур — а кто будет отрицать, что Ленин вошел в большую историю? — всегда интересует людей. Все хотят знать (биографы спешат на это ответить) не только, чем благодетельствовал мир, например, Наполеон или сколько сотен тысяч людей он отправил на тот свет, но кем он был, как жил, что любил, как любил. Только обладая множеством данных, вплоть до мелочей, можно иметь перед глазами полный, не вымышленный образ человека, «сделавшего историю».

Н. Валентинов [1]. С. 32

Как ни странно, но за границей о нем (Ленине) знают гораздо больше, чем у нас (многие работы, опубликованные на Западе, вышли из-под пера тех авторов, которые лично знали Ленина). Так, например, ссылаясь на Британскую энциклопедию, пишут, что Ленин якобы был не первым мужем Н. К. Крупской: оказывается, она прежде состояла в браке с эсером Борисом Германом, близким другом Фанни Каплан. До последнего времени мы не знали и о первом браке Ленина. Несколько лет назад сотрудник еженедельника «Аргументы и факты», журналист и историк Анатолий Логинов, ссылаясь на архивы, сообщил, что Ленин якобы был женат на Крупской вторым браком и что подробности о первом браке находятся в архиве русского Жандармского отделения, к которому его не допускают. (Об этом писала и «Советская молодежь» 16 января 1990 г.)...

«Мшак» («Рабочий», армянская газета, выходившая в то время в Тифлисе. — *А. А.*) сообщает: «По полученному из Москвы письму видно, что недавно главный лидер совдепии Ульянов-Ленин женился на грузинке-студентке Зинаиде Квитвашвили, которая предъявила условием обвенчаться по церковному обряду. Ленин вынужден был согласиться на церковный брак. Студентка Квитвашвили в обществе

своих друзей известна как умная и по наружности очень красивая женщина, которая вследствие стесненных материальных средств служила в Московском исполкоме в качестве простой конторщицы».

Должен отметить, что подобные слухи и откровенные фальшивки рождались и распространялись в общественной среде по многим причинам: вследствие неприязни к личности Ленина, недоступности документальных источников по его биографии, отрицательного отношения к существующему строю.

А. А. Арутюнов. С. 512, 520

О его первой любви мало что известно, и, кажется, она была кратковременной.

Р. Пейн. С. 212

Есть веские основания думать — хотя документальных свидетельств этому нет, — что до встречи с Крупской Ленин неудачно сватался к Аполлинарии Якубовой, тоже учительнице и марксистке, подруге Крупской по вечерне-воскресной школе для рабочих.

Л. Фишер. С. 40

Вполне возможно, что Якубова, красивая девушка и пламенная революционерка, нравилась Ульянову больше, чем Крупская. Намек на это можно найти в неопубликованной части воспоминаний Анны Ильиничны. Расставшись с Якубовой, Владимир произнес с большой нежностью: «Да-а-а, Кубочка!»

Р. Сервис. С. 132

Аполлинария Якубова происходила из той же среды, что и Крупская. Они были близкими подругами и вместе работали в одной петербургской подпольной организации, выполняя функции связных и агитаторов. Крупская описывает, как они с Аполлинарией, переодевшись в простолудинок и повязавшись платками, смешивались с толпой работниц. Таким образом они добывали сведения о положении на фабриках Торнтон и передавали их Ленину в форме отчетов, а он, используя собранный ими материал, сочинял листовки. Когда работницы фабрик выходили в конце смены из ворот, Крупская с Якубовой совали им в руки свежие листовки. На счету у

этих двух молодых революционерок было великое множество подобных проделок. Аполлинария восхищала Ленина. Она была гораздо миловиднее Крупской и посмышленней; Крупская, правда, была мягкая по характеру и работающая. Кто-то из их общих друзей так описывал Якубову: «Широкоплечая, с яркими карими глазами, светлыми волосами и прекрасным цветом лица, она была воплощением здоровья». К этому можно было добавить быстрый ум, любовь к приключениям, популярность в своей среде; Аполлинария уже тогда успела занять особое место среди революционно настроенной молодежи Санкт-Петербурга.

Р. Пейн. С. 212

Помню, как в день освобождения (из тюрьмы) брата в нашу с матерью комнату прибежала и расцеловала его, смеясь и плача одновременно, т. Якубова.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 53

Незадолго до того, как Ленина арестовали, в 1895 году, он сделал ей предложение, а потом из тюремной камеры написал письмо, в котором просил Аполлинарию и Крупскую прийти на Шпалерную улицу и постоять за воротами тюрьмы, чтобы он мог хоть мельком увидеть их в окошко, когда его будут вести из камеры во двор на прогулку. Окошко было в коридоре, и оно выходило на Шпалерную улицу. Более четверти века спустя Крупская описала этот эпизод. В простодушии своем она говорит: «Аполлинария почему-то не могла пойти», и ей пришлось одной совершать это долгое бдение на улице под стенами тюрьмы. Отсутствие Аполлинарии совершенно понятно: обдумав сделанное Лениным предложение, она решила его отвергнуть.

Р. Пейн. С. 212

Аполлинария Якубова отвергла сватовство Ленина, выйдя замуж за профессора К. М. Тахтерева, редактора революционного журнала «Рабочая Мысль». Разочарованный, Ленин стал ухаживать за Крупской и победил ее сердце.

Л. Фишер. С. 40

Аполлинария продолжала подпольную деятельность, была схвачена и сослана в Сибирь. Но в ссылке она находилась всего несколько месяцев. Ей помог бежать из Сибири молодой профессор права Тахтерев. Они нелегально выехали из России и поселились в Лондоне. Там они позже встретились с Лениным, жившим в Лондоне в эмиграции. Они дружили домами... Кроме того, не кто иной, как Тахтерев, взял на себя все хлопоты по проведению съезда РСДРП в 1903 году: снял зал для заседаний и нанял квартиры, в которых должны были размещаться прибывшие на съезд делегаты.

Р. Пейн. С. 212213

Какое-то время Ульянов и Якубова поддерживали письменную связь, особенно после того, как Ленин оказался в Мюнхене, а Аполлинария в Лондоне. Переписка, судя по публикациям, была весьма революционной. Правда, Ульянов между делом упомянул Аполлинарии об их «старой дружбе». Впрочем, Ленин и Якубова на своем жизненном пути еще не раз встречались, и в частности в Лондоне.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 88

После отъезда Ленина в Швейцарию образ Аполлинарии изгладился из его памяти. В мае 1913 года она умерла от туберкулеза. Второй его роман был более продолжительный, бурный и мучительный. Он начался очень пылко и обещал быть серьезным, закончился же полным разрывом через девять лет, в Галиции.

Р. Пейн. С. 213

Есть ряд свидетельств, что еще до знакомства с И. Арманд у Ленина был роман с одной француженкой в Париже. В частности, когда работник Института Маркса — Энгельса — Ленина Тихомирнов встречался в 1935 году в Париже с Г. А. Алексинским по поводу ленинских документов, Алексинский показал письма Ленина одной писательнице весьма личного характера. Тогда эти письма приобрести не удалось. Где они сейчас?..

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 88

В 1935 году некто Тихомирнов, командированный ЦК во Францию для поиска и покупки писем и рукописей Ленина, встретился с бывшим большевиком Г. А. Алексинским. Позднее он докладывал: «При первой встрече он показал мне очень осторожно письма, судя по всему, написанные Лениным. Почерк, насколько я мог убедиться (вчитываясь в них Алексинский не давал), абсолютно схож с ленинским. Эти письма, как говорит Алексинский, писались Лениным одной писательнице, которая была в близких отношениях с ним, но не была членом партии. Лицо это не хочет передавать эти письма нам, пока жива Надежда Константиновна. Эта женщина вполне обеспечена, так как получала средства от нас из Москвы и они проходили или через Менжинского, или через Дзержинского, а сейчас получает регулярно соответствующую сумму из вклада в банке».

Б. В. Соколов. С. 55

С этой точки зрения могла быть интересной появившаяся в издании Bandiniere книга «Les amours secretes de Lenine», написанная двумя авторами — французом (вероятно, он был только переводчиком) и русским. Впервые в виде статей она появилась в 1933 г. в газете «Intransigeant». За книгу многие ухватились, даже много писали о ней, поверив, что у Ленина были интимные отношения с некоей Елизаветой К. — дамой «аристократического происхождения».

Н. Валентинов [1]. С. 32

Как и Аполлинария Якубова, Елизавета де К. была не только хорошенькой, но и умной и тоже была по натуре авантюристкой. Она имела средства, любила красиво одеваться, путешествовать, увлекалась искусством, много читала, разбиралась в литературе. Она знала лично многих писателей и в салонах Санкт-Петербурга была своим человеком. Она побывала замужем, но с мужем рассталась, и, когда они встретились с Лениным, была свободна. Их первая встреча произошла ноябрьским вечером 1905 года в татарском ресторане.

Р. Пейн. С. 213

О знакомстве с Лениным Елизавета К. вспоминала в почти эпической манере: «1905 год. Зима. Сильный мороз. Невский проспект покрыт снегом. В качестве эмансипированной и свободной женщины я

иду обедать одна в небольшой кабачок-подвал, который находится в одной из боковых улиц близ Невского и посещается писателями, журналистами, артистами». Здесь Елизавета увидела своего знакомого, большевика Пэ-Пэ (так, инициалами, обозначает его мемуаристка). Вместе с Пэ-Пэ обедал, отдавая должное татарской кухне кабачка, какой-то незнакомец, который был представлен Елизавете Виллиамом Фреем.

Б. В. Соколов. С. 7677

Ему [Ленину] выправили паспорт на имя Уильяма Фрея, англичанина.

Р. Пейн. С. 213

Не укрылось от Лизы и то, что Виллиам Фрей почти обо всем говорил с презрительной усмешкой. Он в целом не произвел на нее сильного впечатления: «Голос его не был неприятен. Он очень сильно картавил. Рыжему цвету его волос курьезно соответствовали красноватые пятна, усеивавшие его лицо и даже руки. Но, в общем, в его внешности не было ничего особенного, и признаюсь, я была очень далека от мысли, что я нахожусь в присутствии человека, от которого должна была зависеть судьба России».

Б. В. Соколов. С. 77

В тот вечер он ужинал в ресторане со своим приятелем Михаилом Румянцевым, который тоже сотрудничал в «Новой жизни». Елизавета де К. сидела за столиком одна. Румянцев хорошо ее знал, и, заметив, что Ленин проявляет необычайный интерес к молодой даме, он подошел к ней и пригласил ее пересесть за их стол.

— Вы познакомьтесь с очень интересным человеком, — сказал он. — Это личность чрезвычайно известная, однако не следует задавать слишком много вопросов.

Елизавета де К. приняла приглашение, ей было любопытно, что это за таинственный незнакомец. Она пересела к ним и тут же была представлена «Уильяму Фрею». Конечно, она спросила, действительно ли он англичанин.

— Не совсем англичанин, — ответил он, и она заметила, как по его лицу скользнула лукавая улыбка.

Договорились, что один-два раза в неделю он будет приходить на квартиру к Елизавете для конспиративных встреч с товарищами по партии. Всего таких встреч было 10—12. Но 3 или 4 раза Лиза и Владимир Ильич оставались одни, поскольку те, кто должен был прийти, не приходили. Хозяйка предложила Ленину чашку чая: «Это было не так-то легко, потому что в эти дни я отпускала прислугу и приходилось самой «растоплять» самовар. Я сказала об этом Виллиаму Фрею, и он поспешил предложить мне свое содействие. Мы пошли на кухню, и он проявил себя очень способным «кухонным мужиком», наколов лучины для растопки самовара и раздув его изо всей мочи. Потом он помог мне отнести тяжелый самовар в столовую, и мы болтали за чашкой чая».

Б. В. Соколов. С. 78

Все это вместе взятое, «явки», где мой таинственный гость принимал не менее таинственных конспираторов, наш тет-а-тет за самоваром, который мы ставили вместе, ответственность, которую я несла за безопасность моего гостя, и доверие, которое он оказывал мне, — все это создавало между нами атмосферу близости. Но Виллиам Фрей совершенно не пользовался этим, чтобы ухаживать за мной. Он производил впечатление человека очень неловкого и малоопытного в обращении с женщинами и старательно избегал всех тех тем, которые большинство мужчин любят затрагивать, когда они находятся наедине с не старой и не очень безобразной женщиной. Но я инстинктивно чувствовала, что я ему нравлюсь. Однажды я обожгла себе руки угольком, выпавшим из самовара, который мой гость раздувал слишком сильно. Я вскрикнула от боли. Он обернулся и, схватив мою руку, поцеловал ее и потом покраснел, как провинившийся школьник. Вероятно, ему стало очень неловко, потому что, в этот день он сократил свой визит, отказался слушать музыку и ушел со смущенным и недовольным видом. Обычно иронической и слегка презрительной усмешки не было и следа...

Елизавета К.

Цит. по: Ленин в деятельности. Его роман с Елизаветой К. // Иллюстрированная Россия. Париж, 1936. № 45

Ленин был поглощен работой и не мог уделять Елизавете много времени. Они встречались только по воскресеньям. Как-то в одно из таких воскресений он взял напрокат лодку и решил покататься с Елизаветой по озеру. У него были широкие, мощные плечи, он отлично греб...

— Теперь мне ясно, что из тебя социал-демократка не получится, — сказал он.

Она грустно покачала головой:

— А из тебя... Из тебя никогда и ничего другого не получится, кроме социал-демократа.

Р. Пейн. С. 216217

Наши свидания всегда очень кратки. Он вечно спешит и вечно озабочен. Меня раздражает то, что он не дает мне своего адреса. И не говорит ничего о себе лично. В сущности, это для меня таинственный незнакомец, появившийся передо мной из густого тумана, чтобы снова исчезнуть в нем. Но, может быть, это-то и привлекает меня...

Елизавета К. // Иллюстрированная Россия. № 45

Как бы то ни было, настал момент, когда Ленин начал говорить с ней о политике. В политике была вся его жизнь. Временами в приступе глубочайшего уныния он падал в кресло, и лицо его выражало такое отчаяние и муку, что она боялась, как бы он не сошел с ума. Бывали дни, когда он говорил, словно механически роняя слова, и понять, что он говорит, было почти невозможно. Произносил он их глухим, безжизненным голосом. «В такие дни, — пишет она, — я не могла понять, человек он или машина».

Р. Пейн. С. 215216

Однажды Владимир Ильич и Лиза остановились на берегу озера Леман. Елизавета К. вспоминала: «Была великолепная погода. Озеро было лазурным. Воздух — как бокал шампанского. Мы сидели на скале, над озером. Ленин вытащил вдруг из кармана книгу и принялся читать, изрекая по временам проклятья по адресу автора и делая пометки на полях и обложке. О моем присутствии он совершенно забыл. Я рассердилась и спросила: «Что вы читаете?» «Ну, это для вас

не интересно». «А тогда зачем же вы берете с собой на нашу прогулку книги, которые для меня не интересны?» Я рассердилась до того, что вырвала у него книгу из рук. Обложка разорвалась, и кусок ее улетел в озеро. «Ты с ума сошла! — закричал он. — Эта книга не моя. Это книга А... Он дал мне ее на прочтение». «Оставьте мне ее. Я куплю другой экземпляр, и вы отдадите его вашему А...» Мы вернулись с прогулки, и книга осталась у меня на много лет. Еще и сейчас я сохранила кусок изодранной обложки».

Б. В. Соколов. С. 113

Однажды он сказал ей, что еще не встречал женщины, прочитавшей «Das Kapital» от корки до корки, или усвоившей железнодорожное расписание, или любительницы шахматной игры. Он даже подарил ей коробку с шахматами в надежде на то, что она станет исключением из правил. В свою очередь она могла бы о нем сказать, что еще никогда не встречала человека, столь далекого от всего того, ради чего человечество вообще живет на Земле, да вдобавок вознамерившегося перевернуть мир, в котором сам так мало понимал; человека, настолько невосприимчивого к искусству. Был случай, когда она послала ему открытку с репродукцией «Моны Лизы», попросила его внимательно ее рассмотреть и высказать свое мнение по поводу этого известного произведения искусства. Он ей ответил: «Я ничего не понял в твоей «Моне Лизе». Ни ее лицо, ни одежды ни о чем мне не говорят. Кажется, есть опера, которая так называется, и книга Даннунцио. Просто ничего не понимаю в этой штуке, которую ты мне прислала».

Она подумала: может, он ее разыгрывает? Хотя подобные шутки были не в его духе. Но в том то и дело, что он ответил ей совершенно честно, потому что спустя некоторое время она получила от него открытку с такими словами: «Ты забыла про свою «Мону Лизу»? Ты же обещала, что объяснишь мне все про нее, но сколько я ни повторял мою просьбу, ты забываешь. Напиши, и на этот раз не забудь».

За все девять лет их дружбы это был единственный случай, когда он в своем письме к ней коснулся темы изобразительного искусства.

Р. Пейн. С. 222

Я не думаю, чтобы Ленин был феминистом в обычном смысле слова. Теоретически он, конечно, был ортодоксальный марксист, за равноправие. Но он был слишком мужчина, чтобы искренне верить в это. Во всяком случае, он всегда говорил о женщинах с нескрываемой иронией. Правда, с такой же иронией он говорил и о мужчинах. У него, несомненно, была мания величия, и все, что он видел вокруг себя, казалось ему недостаточно крупным... по сравнению с его социал-демократическим идеалом или с ним самим? Право, не знаю...

Елизавета К. // Иллюстрированная Россия. № 46

Когда Ленин уехал в Стокгольм, она последовала за ним. Даже в Швеции он жил по законам конспирации, придерживаясь системы условных знаков, паролей; встречи их происходили в укромных местах. Как-то он по телефону назначил ей свидание у автомата, выдававшего бутерброды, но предупредил, что если вокруг будет кто-то из русских, она должна притвориться случайной прохожей. Приехав на условленное место, она увидела двух грузин, которые яростно колотили по автомату. Заметив Ленина, они стали кричать: «Товарищ Ильич, помогите нам с этой проклятой буржуазной машиной. Мы хотим бутерброды с ветчиной, а она сует нам печенье!» Ленину пришлось помочь товарищам, и они получили свои бутерброды с ветчиной. Елизавета сделала вид, что они с Лениным не знакомы, и он остался доволен. «Знаешь, кто эти грузины? — сказал он. — Делегаты нашего съезда с Кавказа. Замечательные ребята, но абсолютные дикари!»

Р. Пейн. С. 216

В Стокгольме Лиза не знала, чем себя занять. Она вспоминала: «Мне скучно. Моего приятеля я почти не вижу. Он все время занят на этом проклятом съезде. Только раз — это был праздничный день — он смог освободиться на несколько часов. Мы поехали в окрестности Стокгольма, взяли лодку и совершили прогулку по фиордам. Бесчисленные островки-утесы, покрытые соснами, среди зеленоватых лагун... Я сижу у руля и смотрю, как он гребет, крепко держа весла в своих мускулистых руках. Я гляжу на него, и мне приходит в голову мысль о том, что его ремесло профессионального революционера и интеллигента-марксиста совсем не то, что ему надо было бы делать.

Ему следовало бы быть землепашцем, рыбаком, кузнецом, моряком. Я говорю ему это. Он смеется, по своему обыкновению. Я вспоминаю картины с северными пейзажами, романы Кнута Гамсуна. И говорю о них с Фреем.

«Да, — отвечает он. — Гамсун необыкновенный писатель. В «Голоде» он очень хорошо изобразил физиологические и психологические муки безработного, жертвы капиталистического строя».

А я-то, несчастная романтическая дура, — я совсем не думала о «Голоде». Я вспоминала «Историю лейтенанта Глана» и «Викторию»... Нет, действительно, мы говорим на разных языках, и наши головы устроены по-разному. Мне все более и более скучно. Чтобы убить время, я осматриваю город, дворцы, музеи. Но холодные красоты «Северной Венеции» не привлекают меня. В сущности, мне нечего делать здесь, кроме того, чтобы ждать снова перерыва в работе съезда Российской социал-демократии и надеяться, что этот перерыв позволит ему повидаться со мной... Я чувствую себя униженной и решаю уехать. Я покидаю Стокгольм, даже не известив Фрея о своем отъезде».

Б. В. Соколов. С. 8485

Ленин был отнюдь не сентиментален. Даже в наиболее личных письмах он не давал волю никакому интимному чувству, и, признаюсь, я была скорее удивлена, когда — довольно редко — его письма принимали иной характер, более чувствительный и личный...

Елизавета К. // Иллюстрированная Россия. № 46

Ты очень хорошо сделала, что поторопилась написать о наводнении, а то я уже вчера начал приходить в отчаянье. И хотел посылать телеграмму к тебе... Вообще, имей в виду, если случится поблизости от тебя, т. е. не дальше 1000 миль в окружности какая-нибудь катастрофа, то немедленно отправляй письмо о благополучии... Я остался доволен тем, что ты живешь на холме, это и в смысле гигиены выгоднее, и в смысле эстетики и настроения: виды лучше и горизонты шире (уже не говоря о наводнениях)...

Ленин.

Цит. по: *Елизавета К // Иллюстрированная Россия. № 46*

В ноябре 1910 года он писал Лизе: «По поводу Льва Толстого скажу тебе мое мнение. Я всегда держался мнения не застаиваться на угнетающих мыслях, но усилием воли отстранять их на время, когда должен действовать, какого бы важного значения и непосредственного личного значения они не были, и мне кажется, что можно такого навыка достигнуть...

«Исход» Толстого замечательно украсил и завершил его жизнь, как удачный последний штрих, потому что это был единственный предъявляемый ему укор, что он живет вопреки своей проповеди. А «графинюшка» все-таки втащила-таки насильно в дом его тело, а не согласилась поставить под «деревом бедным»; дама настойчивая! Вместе с тем нахожу, что стремиться подражать Толстому в своей жизни никому не следует; у него — своя судьба, каждому из нас — свой жребий. Как у Жуковского в стихотворении о крестах: пробовал-пробовал человек всякие кресты — большие и малые, дорогие и дешевые — все не по плечу; нашел, наконец, такой, что ловко нести: оказался свой же собственный крест, который раньше носил и от которого думал избавиться. Как ни жалко, но пора уже было умирать Толстому — и как он удачно этот финал проделал...»

Б. В. Соколов. С. 135

Иногда, признаюсь, раздумываю, нельзя ли перебраться поближе к тебе. Но рок судил иное. Занимаюсь я все прежними делами: чтением, писанием да перепиской специально-практического свойства. Атмосфера мерзейшая. Вернулся в Россию Бальмонт; пишет, что Горький скоро тоже туда приедет, хотя он написал, что ему об этом ничего неизвестно. Может быть, за него хлопочет Андреева, вернувшаяся в Художественный театр... До свидания, милая. Будем ждать, когда можно будет опять свидеться. Твой...

Ленин.

Цит. по: *Елизавета К. // Иллюстрированная Россия. № 47*

Ильич и Лиза встретились вновь в августе или сентябре 1910 года в окрестностях Женевы. Ленин приехал туда не из Парижа, а с острова Капри, где виделся с Горьким. По воспоминаниям Елизаветы К., Владимир Ильич отзывался о знаменитом писателе далеко не

однозначно: «О Горьком Ленин говорил с симпатией, но, вместе с тем, и с нескрываемой иронией. Он рассказывал мне, как он ездил с Горьким на рыбную ловлю. Лодка с двумя матросами. Один гребет. Другой насаживает червяка на крючок и подает удочку Горькому, которому остается только забросить леску в воду. Когда попалась рыба, матрос снимает ее с крючка, и так все время... Ленин говорил, шутя, что именно так русские помещики в крепостное время ловили рыбу со своей челядью».

Б. В. Соколов. С. 109

Официальные биографы Ленина ткут вокруг его личности «позолоченную легенду» и приписывают ему самые редкие и тонкие духовные черты. Я знала его хорошо и имею основания думать, что со мной он бывал откровенен и искренен (поскольку вообще этот человек — азиат не только по внешности, но и по характеру, полному хитрости, — мог быть искренен). Я никогда не замечала у Ленина ни капли увлечения чем-нибудь, что выходило за строгие рамки его политических интересов. Он интересовался философией, но исключительно как своего рода духовный жандарм, имеющий поручение ловить и изобличать нарушителей и преступников, позволяющих себе протаскивать в партию псевдомарксистскую контрабанду. Когда он прислал мне свою книгу об «эмпириомонизме и эмпириокритицизме», книга эта меня не заинтересовала. Я дала ее на прочтение одному знакомому специалисту по истории философии. Он очень веселился, читая книгу, и говорил: «Этот забавный автор объясняет «заблуждения» такого-то (речь шла о каком-то известном философе, не могу вспомнить, о ком именно) его социальным происхождением и профессией — философ был, кажется, епископ — и в то же время он восторгается одним материалистом. Он не знает, что этот последний прославился, между прочим, тем, что предложил избрать кронпринца доктором «гонорис кауза» одного из университетов Германии, мотивируя свое предложение тем, что самый факт рождения в семье Гогенцоллернов уже дает кронпринцу естественное право на высшую степень в науке и философии». Я не преминула рассказать это Ленину. «Это не важно!» — ответил он.

Елизавета К. // Иллюстрированная Россия. № 48

Свидетельства Лизы очень созвучны воспоминаниям уже знакомого нам В. А. Оболенского, который писал О Ленине: «Он был настолько поглощен социально-политическими вопросами, что никогда на другие темы не разговаривал с нами. Я даже представить себе не могу его разговаривающим о поэзии, живописи, музыке, еще меньше — о любви, о сложных духовных переживаниях человека, а тем более о каких-либо житейских мелочах, не связанных с конспирацией».

Б. В. Соколов. С. 138

И она вернулась в Санкт-Петербург. Спустя несколько недель ей пришло от Ленина срочное письмо, в котором он требовал, чтобы она немедленно выполнила то, о чем он ее в письме просил. Письмо было такое: «Сейчас же напиши мне и точно сообщи, где и каким образом мы встретимся, иначе недоразумение может затянуться надолго». Его повелительный тон ей не понравился, и она решила прекратить свою связь с ним. Ее стала тяготить эта история.

Р. Пейн. С. 217

Его две черты были... необъятная гордость и большое недоверие к людям. Был ли он «аморалист»? Я думаю, что обыкновенное — скажем, «буржуазное», — понятие о морали не применимо в данном случае, потому что самое это понятие было ему чуждо. «Революция» и «партия» были единственной большой страстью его жизни, но он смотрел на себя как на вождя этой революции и этой партии. Чтобы добиться триумфа партии, который он инстинктивно смешивал со своим собственным триумфом; чтобы прийти к победе революции, которую он смешивал со своей личной победой, все средства казались ему хороши. И этой революционной и, вместе, личной деятельности он подчинял беспощадно все остальное. Все те, кто были в чем-нибудь не согласны с ним, были в его глазах врагами «дела», и он ненавидел их не только как личных противников, но и как существ, вредных для революции и подлежащих уничтожению. Отсюда его неистовая и грубая полемика, и его столь легкие и окончательные разрывы с теми из его друзей и товарищей, которые осмеливались позволить себе не всегда быть согласным с ним, хотя бы в какой-нибудь мелочи. Я сама испытала это на себе — опыт был довольно обескураживающим...

Однажды Елизавета К. узнала, почему ее любовник был так равнодушен к 3-й части Патетической сонаты Бетховена, которую она по его просьбе часто играла. Оказывается, в начале 3-й части Ильич находил сходство с революционной песней — гимном еврейской социал-демократической партии «Бунд». У Елизаветы К. даже сохранились ноты бетховенской сонаты, где Ленин карандашом пометил понравившееся ему место.

Б. В. Соколов. С. 139

Но если (даже) у Ленина не было этой секретной любви — отсюда не следует выводить, что в течение всей своей жизни он оставался верным только Крупской и не имел связи с другой женщиной. Это очень интимная область, о ней было как-то неловко писать, но теперь, когда имя этой «другой женщины» названо полностью в печати (со слов А. М. Коллонтай, ее называет г. Марсель Боди в апрельском номере 1952 г. журнала «Preuves»), — ничто уже не мешает подробно рассказать об этом происшествии в жизни Ленина, никогда не бывшем секретом для его старых товарищей (Зиновьева, Каменева, Рыкова). Ленин был глубоко увлечен, скажем — влюблен, в Инессу Арманд — его компаньонку по большевистской партии. Влюблен, разумеется, по-своему, т. е., вероятно, поцелуй между разговором о предательстве меньшевиков и резолюцией, клеймящей капиталистических акул и империализм.

Н. Валентинов [1]. С. 3233

Весной 1910 года его (Ленина) спокойному, размеренному существованию, более подходящему для среднего французского буржуа, настал конец. Ко всеобщему удивлению русской колонии в Париже, привыкшей считать Ленина абсолютным пуританином, он стал появляться в обществе женщины, которая, как всем было известно, вовсе не была ему женой. Ее звали Елизавета Арманд.

Р. Пейн. С. 247

16 июня 1875 г., через пять лет после того, как в Симбирске, на Волге, родился Ленин, в Париже, на берегах Сены, родилась девочка.

Отец ее, Теодор Стефан, был известным французским оперным певцом; мать, Натали, полуфранцуженка, полушотландка, тоже была актрисой. Младенцу дали имя Инесса-Елизавета. Теодор рано умер, оставив вдову с тремя девочками без средств. Тетка, преподавательница музыки и французского языка, взяла Инессу с бабушкой в Москву. Там она получила образование. В семнадцать лет Инесса сдала экзамен на звание домашней учительницы, а в восемнадцать вышла замуж за Александра Евгеньевича Арманда, отцу которого принадлежала крупная (1200 рабочих) шерстоткацкая и красильно-отделочная фабрика в деревне Пушкино, к северу от Москвы. Арманды были обрусевшие французы, принявшие православие. «Выпись» из метрической книги «Николаевской села Пушкина церкви» за 3 октября 1893 г. свидетельствует о браке «Московской 1-й гильдии купеческого сына Александра Евгеньева Арманда, православного вероисповедания... — с французской гражданкой, девицей, дочерью артиста Инессой-Елизаветой Федоровой Стефан, англиканского вероисповедания». Выпись эта сохранилась в замечательных русских архивах и теперь находится в Институте Маркса-Ленина в Москве.

Л. Фишер. С. 115

Инесса воспитывалась вместе с А. Е. Армандом — сыном фабриканта и за него потом вышла замуж (от этого брака трое детей).

Н. Валентинов [1]. С. 33

Арманды принадлежали к высшему слою московских промышленников, вместе с Морозовыми, Рябушинскими и Гучковыми. Молодой муж Инессы — Александр Евгеньевич занимался благотворительностью и был гласным Московского губернского земского собрания. Он основал сельскую школу, где преподавала Инесса.

Л. Фишер. С. 116

На путь революционной деятельности Инессу, по-видимому, толкнул старший брат ее мужа — Борис Евгеньевич, еще в 1897 г. привлекавшийся полицией за хранение мимеографа для печатания революционных прокламаций. Но этот сын фабриканта,

агитировавший рабочих против своего отца, постепенно «отрезвляется» и от революции отходит, наоборот, Инесса все более и более страстно ей предается. В качестве агитаторши и пропагандистки она выступает сначала в Пушкино, потом в Москве. Те, кому приходилось ее видеть в Москве в 1906 г., надолго запомнили ее несколько странное, нервное, как будто асимметричное лицо, очень волевое, с большими гипнотизирующими глазами. Ее арестовывают в первый раз в 1905 г., потом в 1907 г. и отправляют на два года в ссылку в Архангельскую губернию, не дождавшись двух месяцев до окончания срока, она скрывается за границу, в Брюссель, где слушает лекции в университете.

Н. Валентинов [1]. С. 3334

Владимир (другой из братьев Армандов), любовник Инессы, последовал за ней в ссылку. Александр, оставшийся законным мужем, заботился о детях и посылал деньги ей и Владимиру. Когда Владимир заразился туберкулезом и уехал в Швейцарию, Инесса бежала из России к нему. Он умер через две недели после ее приезда.

Л. Фишер. С. 116

Два года провела в ссылке. Об одной из своих ссылок Инесса Арманд писала так: «Меня хотели послать еще на 100 верст к северу, в деревню Койду. Но, во-первых, там совсем нет политиков, а во-вторых, там, говорят, вся деревня заражена сифилисом, а мне это не очень улыбается».

К. и Т. Енко. С. 111

В юности Инесса была очень религиозна и очень мятежна. Прочитав в возрасте 15 лет «Войну и мир», она внутренне возмутилась против удела Наташи — самки, производящей на свет детей. Но через пять лет после свадьбы она сама уже была матерью троих — двух дочерей и одного сына. В том же 1898 году, отдыхая в Крыму, Инесса прочла книгу Петра Лаврова, ведущего идеолога народников. «Я давно не читала книги, которая бы так вполне соответствовала моим взглядам», — пишет она семье. В 1901 г. у Инессы родилась еще одна дочь, а в 1903 г., в Швейцарии, — сын. Невдалеке от Женевского озера Инесса прочла «Развитие капитализма в России» Ленина.

Л. Фишер. С. 116

В 1910 г. она приезжает в Париж, и здесь происходит ее знакомство с Лениным. В кафе на avenue d'Orleans его часто видят в ее обществе.

Н. Валентинов [1]. С. 34

Крупская тепло писала о переезде подруги в автобиографическом очерке «Инеcса Арманд» (1926 год): «Зимой 1911 года она с детьми поселилась в доме рядом с домом, где мы жили тогда. Мы виделись каждый день. Инеcса стала близким нам человеком. Очень любила ее и моя старушка-мать. Инеcса умела всегда ее разговорить...»

В. Е. Мельниченко. Я тебя очень любила (правда о Ленине и Арманд). М.: Воскресенье, 2002. С. 123

(Далее цит.: В. Е. Мельниченко [2])

Сохранился рассказ большевички Елены Власовой о встрече Ленина с Инеcсой Арманд. Власова, знавшая Инеcсу по совместной работе в Москве, была поражена происшедшей в ней перемене: «В мае 1909 года я ее снова встретила уже в Париже, в эмигрантской среде. Первое, что у меня вырвалось при встрече, это возглас: «Что с вами случилось, Инеcса Федоровна?» Инеcса грустно ответила: «У меня большое горе, я только что похоронила в Швейцарии очень близкого мне человека, умершего от туберкулеза». Глаза Инеcсы были печальны, она очень осунулась и была бледна. Я поняла, что об этом больше говорить не следует, — Инеcса страдает...»

Б. В. Соколов. С. 105

В двадцать лет она была настоящей французской красавицей: тонкое, овальное лицо, волнистые волосы, умный лоб, широко поставленные и широко раскрытые глаза, изящно изогнутые брови, сильный нос, чувственный рот и округлый подбородок, говорящий о страсти и решительности.

Л. Фишер. С. 116

Не исключено, что в советские времена фотографии Инеcсы при воспроизведении в печати специально ретушировали, чтобы сделать ее

менее красивой и таким путем положить конец слухам об отношениях между ней и Лениным. Она действительно была красавицей — длинные, волнистые золотисто-каштановые волосы, высокие, четко выраженные скулы, нос с легкой горбинкой, восхитительно чувственные ноздри, чуть выдающаяся вперед верхняя губа, белые ровные зубы, роскошные темные брови и изящная фигура, сохранившаяся даже после пяти родов.

Р. Сервис. С. 225

Одни в Париже и в Лонжюмо считали ее красивой, другие только «еле хорошенькой», указывая, что лицо у нее ассиметричное и слишком длинное, а рот слишком широкий. В общем ее любили, но говорили, что в партии она выдвигается только по протекции: неожиданно в нее влюбился Ильич! Главный спор в сплетнях шел преимущественно о том, «живет» ли он с ней или же роман платонический?

М. А. Алданов. Самоубийство. М.: ТЕРРА, 1995. С. 126

(Далее цит.: М. А. Алданов [1])

В 1911-1912 гг. внимание, которым ее окружает Ленин, все время растет. Оно бросается в глаза даже такому малонаблюдательному человеку, как французский социалист-большевик Шарль Рапопорт. «Ленин, — рассказывал он, — не спускал своих монгольских глаз с этой маленькой француженки» («avec ses petits yeux mongols ilepiait cette petite francaise»).

Н. Валентинов [1]. С. 34

Намек на особые отношения Ленина и Арманд можно найти и в воспоминаниях Лидии Фотиевой, ставшей после Октябрьской революции секретарем Ленина. Во время одного из посещений парижской квартиры Ленина Фотиева обратила внимание, что Надежда теперь спит в комнате матери, а не в супружеской спальне.

Р. Сервис. С. 226

Вызвало любопытство и то, что Инесса Арманд, являвшаяся временами чуть ли не членом семьи Ленина, была в его письмах к родным фигурой умолчания: в них ее имя не упоминалось ни разу (!).

Крупская коснулась имени Арманд один только раз, однако не назвав ее имени: в конце 1913 года Надежда Константиновна написала в письме к матери Ленина, что вместе с ними на концерте была «одна наша знакомая». Значит, было что таить от матери и свекрови...

В. Е. Мельниченко [2]. С. 7

Крупская, в особенности после того, как заболела, но и до этого, вряд ли могла возбудить романтические чувства.

Л. Фишер. С. 122

Американский писатель Джон Стейнбек, побывавший в Музее В. И. Ленина в Москве после войны, обратил внимание на множество ленинских фотографий в экспозиции: «Его фотографировали везде, в любых ситуациях, в разном возрасте, будто он предвидел, что в один прекрасный день будет открыт музей, который назовут Музеем Ленина». Фотографий сохранилось действительно немало — свыше 440. Больше половины из них относятся к периоду, когда в жизни Ленина присутствовала Инесса Арманд. Однако нет ни одной фотографии, где они были бы запечатлены только вдвоем — он и она. Впрочем, и наедине с Крупской Ильич сфотографировался только в 1922 году в Горках, во время болезни.

В. Е. Мельниченко [2]. С. 318

Он восхищался ее знанием иностранных языков, в этом отношении она была для него незаменимым помощником на международных конференциях в Кантале и Циммервальде в 1915 г. и на первом и втором Конгрессе Коминтерна в 1919-м и 1920 гг. Он доверял и ее знанию марксизма: в 1911 г. в партийной школе в Longjumeau (около Парижа) поручил ей вести дополнительные, семинарские занятия с лицами, слушающими его лекции по политической экономии. Наконец, Инесса была превосходная музыкантша, она часто играла Ленину «Sonate Pathétique» Бетховена, а для него это голос Сирены. «Десять, двадцать, сорок раз могу слушать Sonate pathétique, и каждый раз она меня захватывает и восхищает все более и более», — говорил Ленин.

Н. Валентинов [1]. С. 34

Член парижской группы большевиков, скрипач-любитель Гречнев-Чернов об этом времени вспоминал: «Когда она опускала пальцы на клавиши и начинала играть, вы сразу же чувствовали — это настоящий поэт рояля. Так тонко, трепетно ощущались ею дух, стихия, внутренний ритм исполняемого произведения. Виртуозно, с суровым вдохновением исполняла она сонаты Бетховена, притом не только Патетическую, Лунную, Аппассионату, но и другие, порой читая их с листа».

В. Е. Мельниченко [2]. С. 123

Инесса была хорошая музыкантша, сагитировала сходить всех на концерты Бетховена, сама очень хорошо играла многие вещи Бетховена. Ильич особенно любил «Sonate pathetique», просил ее постоянно играть, — он любил музыку.

Н. К. Крупская. С. 175

История социалистического движения в Бельгии — 3 лекции; читала их эмигрантка Инесса, оказавшаяся очень слабой лекторшей и ничего не давшая своим слушателям.

Инесса (партийный псевдоним, специально присвоенный на время преподавания в школе) — интеллигентка с высшим образованием, полученным за границей; хотя и говорит хорошо по-русски, но, должно думать, по национальности еврейка; свободно владеет европейскими языками; ее приметы: около 2628 лет от роду, среднего роста, худощавая, продолговатое чистое и белое лицо; темно-русая с рыжеватым оттенком; очень пышная растительность на голове, хотя коса и производит впечатление привязанной; замужняя, имеет сына 7 лет, жила в Лонжюмо в том же доме, где помещалась и школа; обладает весьма интересной наружностью.

Донесение сек. сот. в Московское охранное отделение.

Цит. по: В. Е. Мельниченко [2]. С. 129

Внешность Инессы была особенно выигрышной на фоне внешности жены Ленина. Она также описана одним из слушателей школы в Лонжюмо, по совместительству подрабатывавшим в Московском Охранном Отделении: «Вся без исключения переписка школьников с родными и знакомыми велась через «Надежду

Константиновну», жену Ленина, тесно соприкасающуюся с ЦО (Центральным Органом, в то время — газетой «Социал-демократ». — *Б. С.*) и исполняющую как бы обязанности секретаря редакции. Письма «Надеждой Константиновной» пересылались в Бельгию и Германию и оттуда уже направлялись по назначению в Россию. Письма из России также направлялись в указанные выше местности, пересылались оттуда к ней и здесь уже распределялись между адресатами-учениками. Имеются основания думать, что корреспонденция негласно просматривалась, и таким образом осуществлялся контроль за сношениями школьников.

Приметы «Надежды Константиновны»: около 3638 лет от роду, выше среднего или даже высокого роста, худощавая, продолговатое бледное с морщинками лицо, темно-русая, интеллигентка, носит прическу и шляпу; детей не имеет; живет с мужем и старухой матерью в Лонжюмо».

Выходит, что в Лонжюмо Крупская занималась почти тем же, что и агенты-провокаторы Охранки: перлюстрировала письма слушателей.

Б. В. Соколов. С. 107108

— Хорошо помню Инессу Арманд. Нерусский тип. Миловидная женщина. По-моему, ну так, ничего особенного... Ленин обращался с ней очень нежно.

В. М. Молотов. Цит. по: Чуев Ф. И. С. 273

Об этих же днях оставил еще одно свидетельство тот же А. С. Гречнев-Чернов: «В Париже, недалеко от улицы Толбьяк, идущей прямо к парку Монсури, жила Инесса Федоровна Арманд, одна из активных работников партии. Она сняла комнату у находящегося в эмиграции уральского рабочего И. П. Мазанова. Я знал Мазанова по нелегальной работе в Донбассе. Посещая земляка, я довольно близко познакомился с И. Арманд. Этому помогли наши совместные занятия музыкой: я играл на скрипке, а она на рояле, который брала напрокат. Играла она много, хорошо владела техникой игры и обладала чувством настоящего музыканта.

Владимир Ильич охотно слушал нашу игру. Он часто приходил к И. П. Мазанову, которого знал по ссылке в Сибири. С Инессой Арманд, которую Владимир Ильич очень ценил как работника, его также

связывали дружеские узы. Иногда с ним приходила и Надежда Константиновна. Играли мы самые разнообразные вещи: и ноктюрны Шопена, и сонаты Бетховена; играли Моцарта, Баха, Венявского, Шумана, Шуберта, вариации Берио.

Владимир Ильич усаживался в кресло позади рояля и молча слушал. Владимир Ильич очень любил музыку и понимал ее. Он восторгался отдельными местами из сонат Моцарта, где торжественно и величественно звучали аккорды, он увлекался сонатами Бетховена, любил бурного и темпераментного Баха, спокойную, душевную музыку Шопена, Шуберта, Шумана, высокую технику вариаций Берио. Некоторые вещи, такие, например, как ноктюрн Шопена в ми-бемоль или «Легенда» Венявского, он просил повторять».

Б. В. Соколов. С. 115116

Наружность Инессы, ее интеллектуальное развитие, характер делали из нее фигуру, бесспорно, более яркую и интересную, чем довольно-таки бесцветная Крупская. Ленин ценил в Инессе — пламенность, энергию, очень твердый характер, упорность.

«Ты, — писал он ей 15 июля 1914 г., — из числа тех людей, которые разворачиваются, крепнут, становятся сильнее и смелее, когда они одни на ответственном посту».

Н. Валентинов [1]. С. 34

Недаром тогда бытовала шутка, что товарищ Инесса являет собой редкостный случай полного единства формы и содержания и в качестве такого примера должна быть включена в программы по диалектике.

Е. Я. Драбкина. С. 28

Пожалуй, лучше всех сказала о себе сама Инесса Федоровна в одном из откровенных писем к своей старшей дочери: «Знаешь ли, я скажу про себя — скажу прямо — жизнь и многие жизненные передрыги, которые пришлось пережить, мне доказали, что я сильная, и доказали это много раз, и я это знаю. Но знаешь, что мне часто говорили, да и до сих пор еще говорят? «Когда мы с вами познакомились, вы нам казались такой мягкой, хрупкой и слабой, — а вы, оказывается, железная»... Неужели на самом деле каждый сильный

человек должен быть непременно жандармом, лишенным всякой мягкости и женственности? — По-моему, это «ниоткуда не вытекает», по выражению одного моего хорошего знакомого... Наоборот, в женственности и мягкости есть обаяние, которое тоже сила...»

В. Е. Мельниченко [2]. С. 122

В 1921 г. современник вспоминал: «Как сейчас вижу ее, выходящую от наших Ильичей. Ее темперамент мне тогда бросился в глаза... Казалось, жизни в этом человеке неисчерпаемый источник. Это был горящий костер революции, и красные перья на ее шляпе являлись как бы языками этого пламени».

Л. Фишер. С. 117

Несмотря на ее разрыв с мужем, происшедший, кажется, без всяких драм, семья Арманд ее снабжает средствами. Все время своей эмиграции, т. е. до 1917 г., в деньгах она не нуждается.

Н. Валентинов [1]. С. 34

Всех мужчин и женщин, которых когда-либо Ленин встречал, он примерял только к делу, только по их отношению к делу, — и соразмерно отвечал им: так, как требовало дело, и до того момента, пока оно требовало. Лишь одна Инесса, хоть и вошла в его жизнь через то же дело, иначе быть не могло, никакая посторонняя не могла б и приблизиться, — но существовала как будто для него одного, просто для него, существо для существа... Пяти минут не умея провести впустую, чтобы не раздражиться, не отяготиться бездельем, — с Инессой он проводил и помногу часов подряд. И не презирал себя за то, не спешил отряхнуться, но вполне отдавался этой слабости. И вот высшая степень: когда все без исключения доверяешь ей, когда хочется ей все рассказать — больше, чем любому мужчине...

А. И. Солженицын. Ленин в Цюрихе. Екатеринбург: У-ФАКТОРИЯ, 2002. С. 145

К Инессе очень привязалась моя мать, к которой Инесса заходила часто поговорить, посидеть с ней, покурить...

Н. К. Крупская. С. 250

Помню, что В. И. в юности... читал и перечитывал по несколько раз своего любимого Тургенева.

М. И. Ульянова. С. 287

Если мотивы влечения Ленина к некоторым произведениям Тургенева («будучи в гимназии, — сказал он мне, — я очень любил «Дворянское гнездо»») приходится узнавать лишь с помощью догадок, различных сопоставлений и сближений с различными его высказываниями, есть одна вещь Тургенева, в которой можно уже точно указать, какие в ней мысли им особенно ценились. Имею в виду рассказ «Колосов», а касаясь его, мы неизбежно придем к весьма интимной стороне жизни Ленина... По настоянию Ильича, говорила мне Крупская, [в сибирской ссылке] особенно тщательно мы перевели некоторые страницы из рассказа «Колосов». На эту вещь он обратил большое внимание еще в гимназии и крайне ценил ее. По его мнению, Тургеневу в нескольких строках удалось дать самую правильную формулировку, как надо понимать то, что напыщенно называют «святостью» любви. Он много раз мне говорил, что его взгляд на этот вопрос целиком совпадает с тем, что Тургенев привел в «Колосове». Это, говорил он, настоящий революционный, а не пошло-буржуазный взгляд на взаимоотношения мужчины и женщины.

Весьма заинтересованный тем, как же Ленин смотрит на «святость любви», я, конечно, отыскал «Колосова» и вновь прочитал его. Рассказ слабый, бесцветный, не я один, а обычно все проходят мимо него. Ничего из него не западает, ничто в нем не останавливает. Странно, думал я, как могла такая вещица «крайне цениться» Лениным! В Женеве я мог этим удивлением ограничиться и о том, что говорила Крупская, позабыть. Но в свете того, что с Лениным позднее случилось, о «Колосове» нужно поговорить подробнее.

Лицо, от имени которого ведется рассказ, называет Колосова человеком «необыкновенным». Он полюбил девушку, потом разлюбил ее и от нее ушел. Помилуйте, что же тут необыкновенного? Это ежедневно и ежечасно всюду случается. Необыкновенно то, отвечает рассказчик, что Колосов это сделал смело, порывая со своим прошлым, не боясь упреков.

«Кто из нас умел вовремя расстаться со своим прошлым? Кто, скажите, кто не боится упреков, не говорю — упреков женщины,

упреков первого глупца? Кто из нас не поддавался желанию то щегольнуть великодушием, то себялюбиво поиграть с другим преданным сердцем? Наконец, кто из нас в силах противиться мелкому самолюбию, мелким хорошим чувствам: сожалению и раскаянию? О, господа, человек, который расстается с женщиной, некогда любимой, в тот горький и великий миг, когда он невольно сознает, что его сердце не все, не вполне проникнуто ею, этот человек, поверьте мне, лучше и глубже понимает святость любви, чем те малодушные люди, которые от скуки, от слабости, продолжают играть на полупорванных струнах своих вялых и чувствительных сердец. Мы все прозвали Андрея Колосова человеком необыкновенным. И если ясный простой взгляд на жизнь, если отсутствие всякой фразы в молодом человеке может называться вещью необыкновенной, Колосов заслужил данное ему имя. В известные лета быть естественным — значит быть необыкновенным».

В этих словах квинтэссенция рассказа Тургенева. Является ли поведение Колосова «революционным» или «пошло-буржуазным», в это входить, конечно, не буду. Важно, что рассуждения Колосова Ленин одобрял, именно таков, по словам Крупской, был его взгляд на вопрос. Близкие отношения мужчины и женщины должны быть основаны на безраздельной, полной любви и искренности. Как только человек чувствует и сознает, что его сердце уже «не вполне» проникнуто женщиной, еще недавно им любимой, не боясь упреков, не поддаваясь «мелким чувствам» (Ленин очень часто употреблял эти слова), он должен с нею расстаться. Этого требует «святость любви», так поступать — значит «быть естественным». <...> Раз Ленин прожил с Крупской без малого тридцать лет (они познакомились в 1894 г.) и все время придерживался кодекса Колосова — значит, его сердце всю жизнь было проникнуто любовью к ней одной. Будь иначе, во имя проповедуемой им «святости любви», не боясь упреков «глупцов», не поддаваясь «мелким чувствам» (среди них — раскаянию и сожалению), он смело расстался бы со своим прошлым, покинул бы Крупскую, хотя в течение многих и многих лет она была вернейшей и преданной спутницей его жизни. Так должен бы я заключить, слушая в 1904 г. Крупскую, но то, что произошло с Лениным позднее, свидетельствует о полном попрании им кодекса Колосова.

Н. Валентинов [1]. С. 2832

Тут надо сказать, что для самих основоположников марксизма, равно как и для их видных последователей, адюльтер был делом вполне обычным. В феврале 1929 года немецкая коммунистка и соратница Арманд и Крупской по международному женскому социалистическому движению Клара Цеткин писала директору Института Маркса и Энгельса Давиду Борисовичу Рязанову: «О существовании сына Карла Маркса и Елены Демут я узнала в качестве неоспоримого факта не от кого иного, как от самого Карла Каутского. Он рассказывал мне, что Эде (Эдуард Бернштейн. — *Б. С.*) сообщил ему, что из переписки с несомненностью выяснилось, что Маркс является отцом незаконного сына... В одном из писем Маркс горячо благодарил Энгельса за дружескую услугу, которую тот ему оказал, признав перед его женой себя отцом. Каутский с сыном Маркса познакомился во время своего пребывания в Лондоне. По его мнению, это простой молодой рабочий, по-видимому, не унаследовавший и тени гения своего отца. Он, по словам Каутского, необразован и неодарен... Энгельс не интересовался своим мнимым сыном, он воспитывался у чужих людей. Ни Маркс, ни Энгельс не уделили ему никакого внимания. Об этом рассказывал и Парвус. Во время бурной сцены со своей женой он сослался в виде «оправдания», как мне сообщила возмущенная Таня Гельфанд, на то, что вот даже и у Маркса был незаконный сын. Ленхен Демут была служанкой в семье Маркса... «Пересуды» по поводу того, кто был отцом первой дочери Луизы Фрейбергер — Виктор Адлер, Бебель или Энгельс, — я прошу сохранять в строгом секрете. Еще жива семья Фрейбергеров, так же как и сын Адлера и дочь Бебеля, и я знаю, что они тогда сильно страдали от пересудов... Для исследователей Маркса и Энгельса существуют более серьезные вопросы...»

Б. В. Соколов. С. 133134

Знала ли Крупская об отношениях между Лениным и Инессой? Не могла не знать, трудно было не заметить. Со слов той же Коллонтай (она хорошо знала Инессу и с нею переписывалась), Марсель Боди сообщает, что Крупская хотела «отстраниться», но Ленин не шел, не мог идти на такой разрыв. «Оставайся», — просил он. С точки зрения кодекса Колосова, здесь все данные, чтобы расстаться с прошлым, не

бояться упреков, не поддаваться мелким чувствам — раскаянию и сожалению. Но Ленин не хотел расстаться с прошлым, он любил Крупскую и вместе с тем Инессу — налицо два параллельных чувства. Жизнь оказалась не влезающей ни в т. н. «революционные» декларации Колосова, ни в чепуху о «пролетарском браке» и «классовой точке зрения в любви». Нельзя не отметить проявленное потом Крупской, совершенно особое, мужество самозабвения. Под ее редакцией вышел сборник статей, посвященных «Памяти Инессы Арманд», и ее портрет и теплые строки о ней она поместила в своих воспоминаниях (см. издание 1932 г.). Это требовала память о Ленине. Далеко не всякая женщина могла бы так забыть себя...

Н. Валентинов [1]. С. 35

Коллонтай добавила, что и в Париже и вообще Крупская была «au courant». Она знала, что Ленин «был очень привязан к Инессе, и не раз выражала намерение уйти. Ленин удержал ее». Крупская осталась бы с Лениным по тем же причинам, что и многие другие жены в подобных обстоятельствах, но, кроме того, он был не только ее мужем, может быть и не в первую очередь мужем, а политическим руководителем, и она жертвовала собой ради его потребностей, даже если одной из потребностей была Инесса. Остаться с Лениным значило служить коммунистическому движению, ее сильнейшей страсти. Жены часто подчиняют свою личную жизнь карьерам даже менее значительных людей. В конце концов, Ленин попросил ее не уходить. Но если бы он попросил ее уйти, она ушла бы, не вымолвив ни слова в его присутствии, не проронив ни слезы — партийная дисциплина.

Л. Фишер. С. 123124

— Оставайся, — просил он.

Н. Валентинов [1]. С. 35

«Оставайся». Не ленинский это слог. Придумано сие, казалось бы, сообразно ситуации. Но на самом деле ситуация-то как раз была иной. Ленину даже в голову не приходило расставаться с женой, поэтому, коли Крупская и затеяла разговор на эту тему, то Ленину не с руки было просить ее остаться, скорее всего, муж мог сказать, что

расстаться придется с Инессой. По крайней мере, так именно он и поступил, чтобы не ранить жену...

В. Е. Мельниченко [2]. С. 190

«Расставание» произошло по инициативе Ленина. Крупская в своих воспоминаниях избегает говорить о «расставании» и пишет: «...Предполагалось, что Инесса останется жить в Кракове, выпишет к себе детей из России; я ходила с ней искать квартиру даже, но краковская жизнь была очень замкнутая, напоминала немного ссылку. Не на чем было в Кракове развернуть Инессе свою энергию, которой у нее в этот период было особенно много. Решила она объехать сначала наши заграничные группы, прочесть там ряд рефератов, а потом поселиться в Париже, там налаживать работу нашего комитета заграничных организаций».

После проведения «расставания» между Арманд и Лениным в Кракове, которое было сделано по настоянию Крупской, Арманд была отправлена в Париж. Из Парижа Инесса Арманд тут же пишет письмо Ленину в Краков, в котором говорится только о любви...

К. и Т. Енко. С. 111

Суббота, утро

Дорогой, вот я и в ville Lumiere и первое впечатление самое отвратительное. Все раздражает в нем — и серый цвет улиц, и разодетые женщины, и случайно услышанные разговоры, и даже французский язык. А когда подъехала к boulevard St. Michel (Бульвар Сен-Мишель. — *фр.*), к орлеанке и пр., воспоминания так и полезли из всех углов, стало так грустно и даже жутко. Вспоминались былые настроения, чувства, мысли, и было жаль, потому что они уже никогда не возвратятся вновь. Многое казалось зелено-молодо — может быть тут и пройденная ступень, а все-таки жаль, что так думать, так чувствовать, так воспринимать действительность уже больше никогда не сможешь, — ты пожалеешь, что жизнь уходит. Грустно было потому, что Ароза была чем-то временным, чем-то переходным, Ароза была еще совсем близко от Кракова, а Париж — это уже нечто окончательное. Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда раньше, какое

большое место ты еще здесь, в Париже, занимал в моей жизни, что почти вся деятельность здесь, в Париже, была тысячью нитями связана с мыслью о тебе. Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью — и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты «провел» расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя.

Много было хорошего в Париже и в отношениях с Н[адеждой] К[онстантиновной]. В одной из наших последних бесед она мне сказала, что я ей стала особенно дорога и близка лишь недавно. А я ее полюбила почти с первого знакомства. По отношению к товарищам в ней есть какая-то особая чарующая мягкость и нежность. В Париже я очень любила приходить к ней, сидеть у нее в комнате. Бывало, сядешь около ее стола — сначала говоришь о делах, а потом засиживаешься, говоришь о самых разнообразных материях. Может быть, иногда и утомляешь ее. Тебя я в то время боялась пуще огня. Хочется увидеть тебя, но лучше, кажется, умерла бы на месте, чем войти к тебе, а когда ты почему-либо заходил в комнату Н. К., я сразу терялась и глупела. Всегда удивлялась и завидовала смелости других, которые прямо заходили к тебе, говорили с тобой. Только в Longjumeau и затем следующую осень в связи с переводами и пр. я немного попривыкла к тебе. Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо так оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал...

И. Ф. Аманд — Ленину. Декабрь 1913 г.

Неизвестные документы. С. 121122

После смерти Ленина Политбюро вынесло постановление, требующее от партийцев, имеющих письма, записки, обращения к ним Ленина, передать их в архив Центрального Комитета, что с 1928 г. фактически было передачей в полное распоряжение Сталина. Этим путем, нужно думать, попали в архив и письма Ленина к Инессе. В отличие от писем, обращенных к другим лицам, почти всех напечатанных еще до 1930 г., письма Ленина к Инессе — за исключением трех напечатанных в 1939 г. — начали появляться в «Большевике» лишь в 1949 г., т. е. 25 лет после смерти Ленина. Ряд

понятных соображений («разоблачение интимной жизни Ильича») препятствовало их появлению. Только в 1951 г. — 27 лет после смерти Ленина — некоторые письма, свидетельствующие, что отношения Ленина с Инессой — в 35-м томе четвертого издания его сочинений опубликованы (конечно, не все, а с осторожным выбором!) были столь близкими, что он обращался к ней на «ты». Из писем можно установить, что это интимное сближение произошло осенью 1913 г. Инесса тогда только что бежала из России, куда поехала с важными поручениями Ленина и попала в тюрьму. Ленин и Крупская жили в это время в Кракове. В своих «Воспоминаниях» Крупская пишет: «Осенью 1913 г. мы все очень сблизились с Инессой. У нее (после сидения в тюрьме) появились признаки туберкулеза, но энергия не убавилась. У нее много было какой-то жизнерадостности и горячности. Уютнее и веселее становилось, когда приходила Инесса. Мы с Ильичем и Инессой много ходили гулять. Ходили на край города, на луг (луг польски — блонь). Инесса даже псевдоним себе с этих пор взяла — Блони́на. Инесса была хорошая музыкантша. Очень хорошо играла многие вещи Бетховена. Ильич особенно любил Sonate Pathetique и просил ее постоянно играть...»

Н. Валентинов [1]. С. 3435

Когда будешь писать мне о делах, то как-нибудь отмечай, о чем можно говорить и чего говорить нельзя. А то иногда хочется сказать что-нибудь и не знаешь, как ты на это смотришь.

И. Ф. Арманд — Ленину. Декабрь 1913 г.

Неизвестные документы. С. 122

Воскресенье, вечером

Была сегодня у Ник[олая] Вас[ильевича]. Застала там Камского с семьей и Иголкина, который только что вернулся из Америки и ругает ее на чем свет стоит. Рассказывал много интересного. Они меня здесь прозвали исчезнувшей Джокондой — и это мнение обосновывают очень длинно и забавно.

И. Ф. Арманд — Ленину. Декабрь 1913 г.

Неизвестные документы. С. 122

В одном из писем (к Елизавете К., которую, как мы помним, называют одним из сильных увлечений Ленина. — *Е. Г.*) Владимир Ильич попросил: «Напиши, кто такая была Джиоконда? По виду ее и костюму не могу понять. Знаю, что есть опера такая и, кажется, произведение Д'Аннунцио? Но что это за штука, не знаю». Лиза решила, что Виллиам Фрей (один из псевдонимов Ленина. — *Е. Г.*) ее разыгрывает. Однако в одном из следующих писем он напомнил: «Несмотря на мою просьбу, ты мне ничего не написала о Джиоконде. Напиши, кто такая она была. Не забудь».

Б. В. Соколов. С. 138

Ну, дорогой, на сегодня довольно — хочу послать письмо. Вчера не было письма от тебя! Я так боюсь, что мои письма не попадают к тебе — я тебе послала три письма (это четвертое) и телеграмму. Неужели ты их не получил? По этому поводу приходят в голову самые невероятные мысли. Я написала также Н[адежде] К[онстантиновне], Брату, Зине и Степе.

Неужели никто ничего не получил! Крепко тебя целую.

Твоя Инесса.

И. Ф. Арманд — Ленину. Декабрь 1913 г.

Неизвестные документы. С. 122

...Дивлюсь немного, что нет от Вас вестей. Покаяюсь уже заодно: у меня, грешным делом, мелькает мысль — не «обиделись» ли уже Вы, чего доброго, на то, что я не пришел Вас проводить в день отъезда? Каюсь, каюсь и отрекаюсь от этих мыслей, я уже прогнал их прочь.

Ленин — И. Ф. Арманд.

Цит. по: В. Е. Мельниченко [2]. С. 198

Дорогой друг!

От тебя нет писем, и я толкую это в хорошую сторону: верно, приехали или приезжают ребята, и ты чувствуешь себя хорошо. От всей души желаю получше провести с ними лето! Надя настояла-таки на днях попробовать велосипед: в результате после 5 минут езды повторение всех симптомов базедки и неподвижность глаз, и рост опухоли, и страшная слабость и т. д. Вероятно, вторая операция будет неизбежна, а пока попробуем горы в Поронине.

Надеюсь, ты при отъезде распорядишься аккуратно по почте о пересылке тебе писем.

Ленин — И. Ф. Арманд. Позднее 1 (14) апреля 1914 г.

Неизвестные документы. С. 124

Дорогой друг! Ты отвечаешь на мое грустное письмо, а я совершенно забыл, как, что, когда я писал — вот неудобство переписки чересчур издалека.

Ленин — И. Ф. Арманд. Воскресенье. 8 марта 1914 г.

Неизвестные документы. С. 120

По правде говоря, я уже в течение нескольких дней беспокоюсь: никаких известий от Вас! Если Вы обижены на меня, Вы бы, вероятно, написали другим друзьям, но, насколько известно, Вы не пишете никому! Если я в ближайшие дни не получу от Вас письма, я напишу нашим друзьям, чтобы узнать, не заболели ли Вы. Я уже не один раз осведомлялся насчет писем до востребования — нет ничего.

... Как Вы себя чувствуете? Довольны ли Вы? Не скучаете ли Вы? Заняты ли Вы очень? Вы мне причиняете много огорчений, лишая меня совершенно вестей о себе!..

Ленин — И. Ф. Арманд. Май 1914 г.

Цит. по: В. Е. Мельниченко [2]. С. 198

Если возможно, не сердись на меня. Я причинил тебе много боли, я это знаю... Преданный тебе В. У. После твоего отъезда из Парижа (англ.).

Ленин — И. Ф. Арманд. 25 мая (7 июня) 1914 г.

Неизвестные документы. С. 136

Как-то у тебя? Есть ли малярия? Ежели хоть малейшая опасность ее, разумнее бы всего было уехать, благо пансион не связывает.

Ленин — И. Ф. Арманд. Позднее 8 (21) июня 1914 г.

Неизвестные документы. С. 144

Дорогой друг! Вчера я совершил прогулку в горы (после того как целые недели шли дожди, погода хорошая) и потому вчера не ответил

на Ваше письмо. Я очень доволен, что вы все здоровы, не больны, и что вы заняты.

Ленин — И. Ф. Арманд. Ранее 23 июня (6 июля) 1914 г.

Неизвестные документы. С. 150

О, мне хотелось бы поцеловать тебя тысячу раз, приветствовать тебя и пожелать успехов: я вполне уверен, что ты одержишь победу.

Искренне твой В. И.

Ленин — И. Ф. Арманд. 3 (16) июля 1914 г.

Неизвестные документы. С. 154

В середине 1914 года, когда отношения между ними уже охладели, Ленин попросил Инессу вернуть его письма. Скорее всего, он хотел уничтожить свидетельства прошедшего романа: а для чего еще могли понадобиться ему старые письма?

Р. Сервис. С. 226

В начале июля 1914 года между Лениным и Арманд шли объяснения в связи с проведенным «расставанием» и уничтожением писем, которые Ленин писал Арманд: «Никогда, никогда я не писал, что я ценю только трех женщин. Никогда!!! Я писал, что самая моя безграничная дружба, абсолютное уважение и доверие посвящены только 23 женщинам. Это совсем другая, совсем-совсем другая вещь.

Надеюсь, мы увидимся здесь после съезда и поговорим об этом. Пожалуйста, привези, когда приедешь (т. е. привези с собой) все наши письма (посылать их заказным сюда неудобно: заказное письмо может быть весьма легко вскрыто друзьями. — И так далее...). Пожалуйста, привези все письма, приезжай сама, и мы поговорим об этом».

К. и Т. Енко. С. 115

Погода прекрасная. В последнее воскресенье мы предприняли великолепную прогулку на «нашу» маленькую гору. Вид на Альпы был необычайно красивым; я очень жалел, что Вас не было с нами...

Ленин — И. Ф. Арманд. Июль 1914 г.

Цит. по: В. Е. Мельниченко [2]. С. 198

Мой дорогой, самый дорогой друг!

Пожалуйста, пиши подробнее. Иначе я не могу быть спокойным...
Твой В. И. <...>

Ленин — И. Ф. Арманд. Июль 1914 г.

Цит. по: В. Е. Мельниченко [2]. С. 194

Наилучшие приветствия в связи с приближающейся революцией в России.

Ленин — И. Ф. Арманд. 12 (25) июля 1914 г.

Неизвестные документы. С. 159

Сегодня великолепный солнечный день со снежком.

После инфлюэнцы мы с женой первый раз гуляли по той дороге... по которой — помните? — мы так чудесно прогулялись однажды втроем. Я все вспоминал и жалел, что Вас нет...

Ленин — И. Ф. Арманд. Январь 1916 г.

Цит. по: В. Е. Мельниченко [2]. С. 198

Дор[огой] др[уг]!

Посылаю письмо Гриши (Г. Я. Беленький. — Е. Г.). Надя шлет привет Вам и всем. Лечение ее идет, кажись, ничего, хотя здесь хуже, чем в Зер[енберге] и я, верно, скоро уеду в Цюрих.

Ленин — И. Ф. Арманд. 9 (22) июля 1916 г.

Неизвестные документы. С. 189

Но кроме делового письма захотелось мне сказать Вам несколько дружеских слов и крепко, крепко пожать руку. Вы пишете, что у Вас даже руки и ноги пухнут от холоду. Это, ей-ей, ужасно. У Вас ведь и без того руки всегда были зябки. Зачем же еще доводить до этого? Вы пишете сами, что скоро уедете (я не говорю об этом, ибо Вы просили, ч[то]бы я не писал Вам своих просьб о том, чтобы Вы лучше уехали, где люди есть). Очень рад, что Вы сами собираетесь уехать, и от всей души желаю, чтобы полегче было в другом месте.

Ленин — И. Ф. Арманд. 13 (26) ноября 1916 г.

Неизвестные документы. С. 196-197

Ты только точно запомни, не записывай, пусть будут другие слова, но запомни смысл. Моя жизнь была связана с Инессой очень сильно, я

бы сказал, кровно, насмерть. В определенный период нашей жизни, в тысяча девятьсот шестнадцатом году, мы вместе с ней решили: наши взгляды на революцию требуют пересмотра.

Мы ни с кем не говорили, только друг с другом, но оба пришли к тому, что Ленин слишком категоричен в суждениях, слишком далеко идет. Оба считали, что отечество нужно защищать. Тогда Инесса напомнила мне про ленинскую месть Романовым за брата и предположила в его отношении к самодержавию много личного.

А я вспомнил, как Ленин, когда был у меня в Брюсселе, однажды рассказал, что уезжал на лодке по Волге с братом Сашей, и над рекой стелилась песня. Он вспомнил казненного Сашу, помолчал и вдруг, как бы про себя, не обращаясь ко мне, прочитал строфу из пушкинской оды «Вольность»:

Самовластительный злодей,
Тебя, твой род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.

...Мы долго говорили с ней. Она решила написать Ленину о своих сомнениях.

Написала и получила ответ, после которого сказала мне: «Уходи, Жан, уходи и не оглядывайся. Ты молод, слабоват характером, поэтичен. Вся эта жизнь не для тебя. Пиши книги и люби жизнь, если сможешь. А мне отступать некуда. Я под его гипнозом навсегда. Мне нельзя иначе. Если отступлюсь, значит, все мои жертвы были напрасны, и жизнь прошла зря...»

И. Ф. Попов. Цит. по: Васильева Л. Кремлевские жены. М.: Вагриус, 1992. С. 6970

Ваши нападки на Э[нгель]са, по моему убеждению, верх неосновательности. Извините за откровенность: надо много посерьезнее подготовиться, прежде чем так писать! Иначе осрамиться легко — предупреждаю *entre nous* (между нами. — *фр.*), по-дружески, с глазу на глаз, на случай, что Вы когда-либо в печати или на собрании так заговорите.

Ленин — И. Ф. Арманд. 6 (19) января 1917 г.

Дорогой друг! Последние Ваши письма были так полны грусти и такие печальные думы вызывали во мне и так будили бешеные угрызения совести, ч[то] я никак не могу прийти в себя. Хочется сказать хоть что-либо дружеское и усиленно попросить Вас не сидеть почти в одиночестве, в местечке, где нет никакой общественной жизни, а поехать куда-н[и]бу[дь], где можно найти новых и старых друзей, встряхнуться.

Ленин — И. Ф. Арманд. 30 декабря (12 января) 1917 г.

Неизвестные документы. С. 198

По-видимому, Ваш неответ на несколько моих последних писем указывает — в связи с кое-чем еще — на некоторое измененное настроение или решение или положение дела у Вас. Последнее Ваше письмо содержало в конце два раза повторенное слово — я понял, справился. Ничего. Не знаю уже, что думать, обиделись ли Вы на что-либо или были слишком отвлечены переездом или другое что... Боюсь расспрашивать, ибо пожалуй расспросы Вам неприятны, и потому условлюсь так, что молчание Ваше по этому пункту я принимаю именно в том смысле, что расспросы Вам неприятны, и баста. Я тогда извиняюсь за них и конечно не повторяю.

Ленин — И. Ф. Арманд. 9 (22) января 1917 г.

Неизвестные документы. С. 203

Буквально за несколько дней до получения известия о революции в России Ленин обиделся на Инессу: «Конечно, если у Вас нет охоты отвечать или даже есть «охота» и решение не отвечать, надоедать вопросами не буду»...

Ночью 3 апреля 1917 года Инесса Федоровна Арманд почти вместе с Владимиром Ильичом Лениным вышла на перрон Финляндского вокзала в Петрограде и, не скрывая слез, смотрела, как его навсегда забрала у нее толпа.

В. Е. Мельниченко [2]. С. 236, 320

Об этом периоде взаимоотношений Ленина и Арманд свидетельствует М. В. Фофанова, на петроградской квартире которой

Ленин скрывался накануне октябрьского переворота. В эти дни Фофанова передавала письма Ленина по многим адресам, в том числе и Инессе Арманд.

«...В Октябрьской революции Арманд не участвовала, — вспоминала Фофанова. — Письма Ленина к Инессе Федоровне носили личный характер. Я не могла отказать Владимиру Ильичу. О его теплых связях с Инессой Надежда Константиновна знала. На этой почве между Владимиром Ильичом и Надеждой Константиновной были серьезные конфликты еще до октября. Но особо остро возник конфликт между ними после революции, когда Ильич стал главой Советского правительства. Владимир Ильич назначил Инессу Федоровну председателем совнархоза Московской губернии и поселил ее у кремлевских стен, напротив Александровского сада, рядом с квартирой своей сестры, Анны Ильиничны. Он часто пешком навещал Инессу Федоровну.

Надежда Константиновна заявила Владимиру Ильичу, что если он не прекратит связь с Арманд, то она уйдет от него. К сожалению, семейный конфликт стал достоянием членов ЦК партии и правительства, которые все знали и замечали...»

К. и Т. Енко. С. 119120

— Говорят, Крупская настаивала, чтобы Инессу Арманд перевести из Москвы...

— Могло быть. Конечно, это необычная ситуация. У Ленина, попросту говоря, любовница. А Крупская — больной человек.

В. М. Молотов. Цит. по: Чуев Ф. И. С. 274

В письме дочери Инессе в начале февраля 1919 года, накануне отъезда во Францию в составе делегации Красного Креста для переговоров о судьбах интернированных там русских солдат, она писала: «Дорогая моя Инуся. Вот я и в Питере. Ехали мы чрезвычайно долго. Прибыли сюда только к 10 часам вечера, но едем пока очень удобно и тепло. Сегодня переночевали в Питере и сегодня утром едем дальше. И через несколько часов уже не будем больше на нашей дорогой социалистической родине. При отъезде какое-то смешанное чувство. И хочется ехать, а когда подумаешь о вас, то не хочется, и вообще много думаю о вас, моих дорогих и милых. В твое письмо

вкладываю: первое письмо для Саши, второе письмо для Феди (сыновей. — Б. С.) и третье письмо для Ильича. О последнем пусть знаешь только ты. Письмо первое и второе передай немедленно, а письмо 3-е пока оставь у себя. Когда мы вернемся, я его разорву. Если же что со мной случится (говорю это не потому, что считаю, что в моем путешествии есть какая-либо опасность, но в дороге, конечно, всякое может быть, одним словом, на всякий случай), тогда передай это письмо Владимиру Ильичу. Лично ему передать можно таким образом: зайди в «Правду», там сидит Мария Ильинична, передашь это письмо и скажешь, что это письмо от меня и лично для Владимира Ильича. А пока держи письмо у себя. Ты моя дорогая дочка. Когда думаю о тебе, то думаю не только как о дочери, но и как о близком друге. Ну, до свидания, моя дорогая. В сущности, скоро увидимся. Едва ли, я думаю, наша поездка протянется и 2 месяца. Крепко тебя обнимаю и целую. Твоя мама. Письмо Владимиру Ильичу запечатано в конверте».

Б. В. Соколов. С. 225226

Вот почему, когда в 1920 году мама умерла, Владимир Ильич и Надежда Константиновна взяли сестру, меня и младшего брата под свою опеку (старшие братья были в Красной Армии). С тех пор я стала часто видаться с ними, бывать в их кремлевской квартире.

И. А. Арманд (дочь Инессы). Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 99

Квартиру вблизи Кремля, рядом с квартирой своей сестры Анны Ильиничны, Арманд обеспечил Ленин. 16 декабря 1918 года он отправил ее к коменданту Кремля с такой запиской: «Коменданту Кремля, товарищу Малькову. Т. Мальков! Подательница — тов. Инесса Арманд, член ЦИК. Ей нужна квартира на 4-х человек. Как мы с Вами говорили сегодня, Вы ей покажите, что имеется, т. е. покажите те квартиры, которые Вы имели в виду. Ленин».

В. Е. Мельниченко [2]. С. 360

Кроме того, она получила право на высшую «первую категорию классового пайка». Правда, и этот привилегированный паек в то

голодное время был довольно скуден. В день полагался фунт хлеба, а также перловая крупа, селедка или вобла, спички, керосин...

Б. В. Соколов. С. 225

Честно говоря, после возвращения из эмиграции в Россию Инесса работала буквально не щадя себя. Уже летом 1917 года, по словам очевидца — мужчины, — «бросалось в глаза, что она сильно подалась физически», в последующие три года «доведя себя до крайней степени усталости и истощения». Другой очевидец — женщина — свидетельствовала: «...Общие условия жизни последних лет, усиленный темп работы, непомерная трата сил и энергии накладывали отпечаток на внешность Инессы. Она увядала на наших глазах». К сожалению, Ленин этого, по большому счету, не замечал. Проявляя, так сказать, точечную заботу об Инессе, скажем, во время болезни, он упустил самое главное — физическое угасание женщины, долгие годы придавленной неподъемной работой.

В. Е. Мельниченко. С. 360361

Дорогой друг!

Хотел позвонить к Вам, услышав, что Вы больны, но телефон не работает. Дайте номер, я велю починить.

Что с Вами? Черкните 2 слова о здоровье и о прочем.

Ленин — И. Ф. Арманд. Из писем февралямарта 1920 г.

Неизвестные документы. С. 327

Т[овари]щу Инессе Арманд

Неглинная ул[ица], д[ом] 9, кв[артира] 6

(от Ленина)

Дор[огой] друг!

Посылаю кое-что для чтения. Газеты (англ[ийские]) верните (позвоните, мы пришлем за ними к Вам).

Сегодня после 4-х будет у Вас хороший доктор. Есть ли у Вас дрова? Можете ли готовить дома? Кормят ли Вас? А t° теперь? Черкните.

Ленин — И. Ф. Арманд. Не позднее 16 февраля 1920 г.

Неизвестные документы. С. 327

Все это Ленин очень легко мог увидеть собственными глазами, не посылай он со своими торопливыми, кстати безответными, записками с четырехкратными подчеркиваниями самокатчиков Совнаркома: от Кремля к Неглинной, где тяжело хворала любящая его женщина, как говорится, рукой подать.

В. Е. Мельниченко [2]. С. 360

Тов. Инесса!

Звонил к Вам, чтобы узнать номер калош для Вас. Надеюсь достать. Пишите, как здоровье. Что с Вами? Был ли доктор? Привет!

Ленин.

Ленин — И. Ф. Арманд. Не позднее 16 февраля 1920 г.

Неизвестные документы. С. 327

Дорогой друг!

Напишите точно, какая t° у Вас?

Б ы л л и д о к т о р? Кто? Выходить нельзя.

Ленин — И. Ф. Арманд. Не позднее 16 февраля 1920 г.

Неизвестные документы. С. 328

Но будем реалистами, не станем рисовать радужными красками то, что заслуживает преимущественно черной и серой гаммы. Сохранилось свидетельство большевички Виноградской, навестившей Инессу во время болезни. Она долго стучала в дверь, электрический звонок не работал. Уже собралась уходить, даже начала спускаться по лестнице, как вдруг щелкнул замок, и в дверях показалась сама Инесса. Оказалось, что дома никого не было, и ей еле хватило сил, чтобы открыть. Когда гостя выразила изумление по поводу того, что больную оставили одну, Инесса по-большевистски возмутилась:

— Дети ведь работают и не должны из-за такой глупости, как моя болезнь, манкировать работой. Не приставлять же ко мне специального человека!

В квартире стоял отчаянный холод, естественно, не топили. Больная была сильно простужена, кашляла, вся дрожала, пытаясь дыханием согреть оковеневшие пальцы. Комната, где лежала Инесса, имела ужасно неуютный и нежилой вид, всюду толстым слоем лежала пыль. Только старомодное платье с рюшью вокруг шеи, как и

роскошные волосы, подчеркивали давнюю принадлежность больной к аристократическому свету... «Вид у нее был такой плохой, — писала Виноградская, — что я ее почти не узнала... Конечно, ни единой жалобы, ни единого вздоха я не услышала от нее. Наоборот, она пыталась придать себе бодрый вид, расспрашивала о фронте, радовалась нашим успехам. Мне было тяжело слышать ее совершенно охрипший голос, я боялась ее утомить и поторопилась уйти. Перед уходом я хотела согреть ей чаю, но в доме не оказалось ни единой спички. Так она и осталась без кипятку. Я ушла, совершенно потрясенная всем виденным».

В. Е. Мельниченко [2]. С. 359360

Неглинная ул[ица], д[ом] 9, кв[ртира] 6.

Дор[огой] друг!

П о с л е понижения н е о б х о д и м о выждать неск[олько] дней.

Иначе — воспаление легких.

Уверяю Вас.

Испанка теперь свирепая.

Только испанка у Вас была?

А б р о н х и т?

Не надо ли еще книжечек?

Пишите, присылают ли продукты для Константинович?

Напишите поподробнее.

Не выходите раньше времени!

Ленин — И. Ф. Арманд. Не позднее 16 февраля 1920 г.

Неизвестные документы. С. 328

Дорогой друг!

Итак, доктор говорит, воспаление легких.

Надо а р х и осторожной быть.

Непременно заставьте дочерей звонить мне (124) ежедневно.

Напишите о т к р о в е н н о, чего не хватает?

Есть ли дрова? Кто топит?

Е с т ь л и п и щ а?

К т о г о т о в и т?

Компрессы кто ставит?

Вы уклоняетесь от ответов — это не хорошо. Ответьте хоть здесь же, на этом листке, по всем пунктам.

Выздоровливайте!

Ваш Ленин.

Починен ли телефон?

Ленин — И. Ф. Арманд. Не позднее 16 февраля 1920 г.

Неизвестные документы. С. 328329

Последствия Инессинной болезни были столь долговременными, что Серафима Гопнер, встретившая подругу через несколько месяцев — летом 1920 года, вздрогнула, увидев, как осунулась и похудела Инесса. Уловив этот взгляд, Инесса сказала: «Да вот после зимы никак в себя не приду... Болела».

В. Е. Мельниченко [2]. С. 360

После проведения Международной конференции коммунисток, прошедшей в рамках II Конгресса Коминтерна, Инесса, по свидетельству Крупской, «еле держалась на ногах». Ведь работать приходилось по 1416 часов в день. Ильич был очень озабочен состоянием здоровья своей партийной подруги и в середине августа 1920 года написал ей письмо с предложением отправиться отдохнуть в какой-нибудь санаторий: «Дорогой друг! Грустно очень было узнать, что Вы переутомились и недовольны работой и окружающими (или коллегами по работе). Не могу ли я помочь Вам, устроив в санатории? С великим удовольствием помогу всячески. Если едете во Францию, готов, конечно, тоже помочь; побаиваюсь и даже боюсь только, очень боюсь, что Вы там влетите... Арестуют и не выпустят долго... Надо бы поосторожнее. Не лучше ли в Норвегию (там по-английски многие знают) или в Голландию? Или в Германию в качестве француженки, русской (или канадской?) подданной? Лучше бы не во Францию, а то Вас там надолго засадят и даже едва ли обменяют на кого-либо. Лучше не во Францию... Если не нравится в санаторию, не поехать ли на юг? К Серго на Кавказ? Серго устроит отдых, солнце, хорошую работу, наверное, устроит. Он там власть. Подумайте об этом». На свою беду Инесса послушалась совета Ленина и решила вместе с младшим сыном Андреем отдохнуть на Кавказе.

Б. В. Соколов. С. 262263

Серго! Инесса Арманд выезжает сегодня. Прошу Вас не забыть Вашего обещания. Надо, чтобы Вы протелеграфировали в Кисловодск, дали распоряжение устроить ее и ее сына как следует и проследили исполнение. Без проверки исполнения ни черта не сделают.

Ответьте мне, пожалуйста, письмом, а если можно, то и телеграммой: «письмо получил, все сделаю, проверку поставлю правильно».

Ленин — С. Орджоникидзе. 18 августа 1920 г.

Неизвестные документы. С. 329

Кроме того, Ленин снабдил Арманд специальной бумагой в Управление курортами и санаториями Кавказа:

«17. VIII. 1920 г.

Прошу всячески помочь наилучшему устройству и лечению подательницы, тов. Инессы Федоровны Арманд, с больным сыном.

Прошу оказать этим лично мне известным партийным товарищам полное доверие и всяческое содействие.

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)».

В. Е. Мельниченко [2]. С. 375

П. С. Виноградская описала свою встречу с Арманд накануне ее отъезда из Кисловодска: «В последний вечер мне довелось услышать игру Инессы на рояле. Мы очень долго ее упрашивали. Она упорно не соглашалась. Наконец, она села за рояль и стала играть нам Шопена, Листа и других классиков. Поились дивные звуки, и все мы сидели зачарованные... Инесса, сначала несколько смущенная, в дальнейшем сама увлеклась игрой и играла нам до поздней ночи. Я тогда только увидела, каким она была музыкальным человеком и какой огромной техникой она обладала. Никто из нас, даже знавшие ее близко в эти годы, не знал о том, что она играет так прекрасно. Ни ей, ни другим за эти годы было не до музыки...»

Б. В. Соколов. С. 279

Диву даешься, как мог Ильич отправить Инессу, тем более с маленьким сыном Андреем, в такую долгую и по тем временам опасную поездку. Достаточно сказать, что в середине августа 1920 года

на Кубани был высажен крупный врангелевский десант генерала Улагая с целью отрезать от Советской республики один из самых хлебобродных районов страны.

В. Е. Мельниченко [2]. С. 373

Усиленная работа по организации и проведению международной женской конференции, соединенная с плохим питанием, окончательно надорвали силы тов. Инессы. Но только после усиленных просьб ее друзей она решается покинуть Москву. Она уезжает на Северный Кавказ. Но главным образом не ради себя, а для лечения своего больного сына Андрюши. Там я видела ее в последний раз. Инесса приехала такая усталая и разбитая, такая исхудавшая...

Л. Сталь. Цит. по: Соколов Б. В. С. 279

...В моей жизни любовь занимает и сейчас большое место, заставляет меня тяжело страдать, занимает значительно мои мысли.

И. Ф. Арманд. Дневник 1920 года // Свободная мысль. М. 1992. №3

На Кавказ она прибыла настолько утомленной, истощенной и нервной, что ей тяжело было видеть людей. Она избегала встреч, ее раздражал говор, смех; она все больше старалась уходить далеко в горы. Как сейчас, помню ее высокую, стройную фигуру в черной пелерине, белой шляпе, с книжкой в руках, медленно поднимающуюся в горы, все выше и выше.

П. С. Виноградская. Цит. по: Соколов Б. В. С. 282

Ее утомляли люди, утомляли разговоры. Она старалась уединяться и по целым вечерам оставалась в своей темной комнате, так как там не было даже лампы. Постепенно хорошее питание в санатории, горный воздух и живительное солнце юга делают свое дело, и перед своим отъездом я вижу тов. Инессу на фоне голубого неба, в горах, снова воскресшей к жизни и борьбе.

Л. Сталь. Цит. по: Соколов Б. В. С. 279

1/IX 1920 года. Теперь есть время, я ежедневно буду писать, хотя голова тяжелая, и мне все кажется, что я здесь превратилась в какой-то

желудок, который без конца просит есть. Да и ни о чем здесь не слышишь и не знаешь. К тому же какое-то дикое стремление к одиночеству. Меня утомляет, даже когда около меня другие говорят, не говоря уже о том, что самой мне положительно трудно говорить. Пройдет ли когда-нибудь это ощущение внутренней смерти? Я дошла до того, что мне кажется странным, что другие так легко смеются и что им, по-видимому, доставляет наслаждение говорить. Я теперь почти никогда не смеюсь и улыбаюсь не потому, что внутреннее радостное чувство меня к этому побуждает, а потому, что надо иногда улыбаться. Меня также поражает мое теперешнее равнодушие к природе. Ведь раньше она меня так сильно потрясала. И как я мало теперь стала любить людей. Раньше я, бывало, к каждому человеку подходила с теплым чувством. Теперь я ко всем равнодушна. А главное — почти со всеми скучаю. Горячее чувство осталось только к детям и к В. И. Во всех других отношениях сердце как будто бы вымерло. Как будто бы, отдав все свои силы, всю свою страсть В. И. и делу работы, в нем истощились все источники любви, сочувствия к людям, которым оно раньше было так богато! У меня больше нет, за исключением В. И. и детей моих, каких-либо личных отношений с людьми, а только деловые. И люди чувствуют эту мертвенность во мне, и они оплачивают той же монетой равнодушия или даже антипатии (а вот раньше меня любили). А сейчас иссякает и горячее отношение к делу. Я человек, сердце которого постепенно умирает... Невольно вспоминается воскресший из мертвых Лазарь. Этот Лазарь познал смерть, и на нем остался отпечаток смерти, который страшит и отталкивает от него всех людей. И я тоже живой труп, и это ужасно! В особенности теперь, когда жизнь так и клокочет вокруг.

И. Ф. Арманд. Дневник 1920 года // Свободная мысль. М. 1992. №3

Арманд вела этот дневник в сентябре 1920 года — месяце смерти — в Кисловодском санатории...

В. Е. Мельниченко [2]. С. 192

К сожалению, обстановка на Кавказе была далеко не такова, чтобы можно было там уединиться и отдохнуть. Я уж не говорю о том, что санатории были тогда еще совершенно не устроены. Инесса,

например, имея путевку на руках, не могла добиться комнаты в санатории, так как не было мест. Когда же ей товарищи отыскивали комнату на стороне, то оказалось, что там не на чем было спать. Местная власть, которую семья Лениных, обеспокоенная состоянием Инессы, просила о ней позаботиться, запросила Инессу, в чем она нуждается. Но Инесса, всегда скромная и не требовательная, не осмелилась просить большего, чем... подушку.

П. С. Виноградская. Цит. по: Соколов Б. В. С. 282

Вот что запомнилось, например, большевику Г. Н. Котову, знавшему Инессу еще по Парижу и вновь встретившемуся с ней в Кисловодском санатории: «Доведя себя до крайней степени усталости и истощения, тов. Инесса, наконец, приехала на Кавказ, дабы отдохнуть и поправиться для дальнейшей работы. На Кавказе я встретился с ней не на работе, а по тому же несчастью, что и она, т. е. по болезни. Как старые знакомые и как друг к другу хорошо относящиеся товарищи, мы постарались устроиться в одной из кисловодских так называемых санаторий, поближе друг к другу.

Зная т. Инессу как компанейского товарища и как веселого во всякие минуты при встрече с товарищами, на этот раз я увидел что-то неладное, что-то не так. Конечно, перемена мне стала понятной очень скоро. Оставаясь все такой же, она просто изнемогала от усталости, от переутомления. Ей необходимо было оставаться одной в тишине, и она это делала. Она уходила в горы и в лес одна. Я много раз пытался привлечь ее к игре в крокет и звал посидеть в той компании, какая там была, но в ответ получал: «Потом, еще успеем, а пока я пойду отдыхать на солнце». Если бы не ее младший сын Андрюша... который был веселым моим компаньоном, и если бы не нужно было по звонку обедать и пр., то она, кажется, и не возвращалась бы к шуму людскому.

Так было недели две. Это был какой-то запой одиночества. Потом тов. Инесса постепенно стала приходить в себя. Вместе с поправкой чисто физической, она стала отходить и духовно. Было очень заметно, что дело идет на поправку. И сама она говорила, что чувствует улучшение, в весе тоже прибавляется.

Все это время пребывания в Кисловодске условия политические были достаточно неприятны для отдыха. Помимо всевозможных белогвардейских выступлений сравнительно вдали от Кисловодска,

были часты угрозы и непосредственно Кисловодску. В связи с этим были нередки ночные тревоги.

Люди нервные, издерганные, не умевшие владеть собой, а также трусы и шкурники, как беспартийные, так и партийные, не могли лечиться и отдыхать; они или просто даром проводили время, или удирали. Не из числа таких была т. Инесса. Все эти предупредительные тревоги ее мало задевали. Она на них или совсем не реагировала, или реагировала очень мало, не портя себе настроение. В данном случае т. Инесса была только сама собой, была тем коммунистом, который закален в боях, с выдержкой, с силой воли и, главное, не трус и не шкурник. В то время, когда вокруг Кисловодска завязались настоящие бои, когда целыми днями слышно было трахтание артиллерии, когда Кисловодск могли отрезать белогвардейцы, в это время началась паника: многие удирали почем зря. И на сей раз т. Инесса была одной из немногих. Ни паника, ни просто потеря равновесия ее не охватили...

Б. В. Соколов. С. 274276

Инесса обожала своих детей настолько, что теряла иногда по отношению к ним чувство беспристрастности... С улыбкой и сейчас вспоминаю, как во время моих споров с ее младшим сыном, Андреем, возникавших при игре в крокет (на Кавказе во время отдыха) «из-за злостного нарушения крокетных правил», — Инесса всегда принимала сторону сына, хотя бы все окружающие свидетели удостоверяли его неправоту...

П. С. Виноградская. Цит. по: Соколов Б. В. С. 282

3 сентября 1920 года. Вчера не писала, ходила гулять, а затем не могла писать, потому что нет лампочки в нашей комнате. Здесь, в Кисловодске, мало еще что налажено. Власть взята недавно — и потому все характерные черты такой начальной стадии власти. Мне теперешний Кисловодск очень напоминает 1918 год в Москве. Такая же неналаженность, такая же непрочность еще власти, связанные с покушениями, беспорядками и пр. Только здесь положение труднее, потому что нет пролетариата, который в Москве и Московской губернии являлся всегда в самые трудные минуты надежной опорой. Здесь пролетариата мало, а в станицах работа проведена еще

небольшая, признаться сказать, не представляю себе, как здесь вести работу.

В станицах много крупных хозяев — богатых крестьян. В горах, по слухам, еще ходят банды белых. На днях убиты были двое ответственных работников. Некоторые больные в связи с этим очень волнуются — боятся нападения. Немного боюсь только за Андриюшу — за моего дорогого сынка. Я в этом отношении слабовата — совсем не похожа на римскую матрону, которая легко жертвует своими детьми в интересах республики. Я не могу. Я неимоверно боюсь за своих детей. Я не могу удерживать их от опасности — не имею права их удерживать. Но страдаю от этого и боюсь за них бесконечно. Я никогда не была трусихой за себя, но я большая трусиха, когда дело идет о моих детях и в особенности об Андриюше. Я не могу даже подумать о том, что придется пережить, если ему придется когда-нибудь пойти на фронт, а боюсь, что ему придется. Ведь войне еще долго продолжаться. Когда-то восстанут наши заграничные товарищи.

Да, мы еще далеки от того времени, когда интересы личности и интересы общества будут вполне совпадать. Сейчас жизнь наша — сплошные жертвы. Нет личной жизни потому, что все время и силы отдаются общему делу. Или, может быть, это я не умею, другие, может быть, и выкраивают себе все-таки хоть небольшой уголок счастья? Станные сейчас отношения между людьми. Вот сейчас наблюдаю сцену, правда, не из настоящей жизни, а из жизни курорта. Прежних старых отношений нет — то, что раньше называлось знакомство. Вообще в жизни люди больше не ходят друг к другу в гости. Отношения больше деловые. Здесь в курорте, в особенности в дождливые вечера, друг к другу ходят «просто так». И все-таки это не совсем то, что было раньше, хотя обывательского в публике, безусловно, еще много.

И. Ф. Арманд. Дневник 1920 года // Свободная мысль, М. 1992. №3

Тов. Инесса в это время физически была сильно истощена и нервно крайне расстроена. Общая обстановка того времени в Кисловодске для отдыха была чрезвычайно неблагоприятна. К тому же высадившийся десант белого партизана полковника Назарова создал в этом районе весьма тяжелое положение. Все было мобилизовано на

случай необходимости отражения бандитского нападения отрядов Назарова. Коммунисты и надежные беспартийные, приехавшие на отдых и лечение, были поставлены под ружье и несли ночное сторожевое охранение. Вскоре по распоряжению из центра группу ответственных работников направили для лечения и отдыха во Владикавказ. Тов. Инесса очень не хотела уезжать из Кисловодска и, только уступая настойчивости товарищей, приехавших за нами, согласилась поехать во Владикавказ. Наш вагон был прицеплен к воинскому поезду, шедшему во Владикавказ.

И. С. Ружейников. Цит. по: Соколов Б. В. С. 284

Инесса упорно отказывалась, заявляя: «Если существует опасность, то пусть увезут сначала всех женщин и детей, а я уеду последняя». Но член Терского областного комитета РКП ответил, что в случае отказа ехать добровольно с товарищами в специально назначенном вагоне, будет применена военная сила. И против своей воли тов. Инесса оставила Кисловодск.

Л. Сталь. Цит. по: Б. В. Соколов. С. 280

Мне кажется, что я хожу среди людей, стараясь скрыть от них свою тайну — что я мертвец среди людей, что я живой труп. Как хороший актер, в который раз повторявший сцену, которая уже перестала его волновать или вдохновлять, я повторяю по памяти соответствующие жесты, улыбку, выражение лица, даже слова, которыми я пользовалась раньше, когда действительно испытывала чувства, которые они выражают. Но сердце мое остается мертво, душа молчит, и мне не удастся вполне укрыть от людей свою печальную тайну. От меня все же веет каким-то холодком, и люди это чувствуют и сторонятся меня. Я понимаю, что явление это коренится в физиологических причинах — переутомление нервов? неврастения? Что-нибудь в этом роде. Но едва ли это излечимо. Я теперь уже больше не устала, мне надоело уже бездействие, но внутренняя мертвенность осталась. И так как я не могу больше давать тепла, так как я это тепло уже больше не излучаю, то я не могу больше никому дать счастья...

И. Ф. Арманд. Дневник 1920 года // Свободная мысль. М., 1992. №3

Для того чтобы попасть в Нальчик, ей пришлось проехать через Владикавказ и ту часть Владикавказской железной дороги, где было наибольшее скопление беженцев из Грузии. Это были революционные крестьяне, спасавшиеся в пределы Советской России от прелестей меньшевистского «демократического» террора (на самом деле здесь речь идет об участниках неудачного восстания, организованного грузинскими коммунистами при советской поддержке. — *Б. С.*). Среди них свирепствовала холера. И тов. Инессе не пришлось уже закончить своего лечения в живописном Нальчике.

Л. Сталь. Цит. по: *Соколов Б. В. С. 280*

10 сентября. Вчера читала отчет о съезде народов Востока и очень волновалась. Это важнейшее событие — этот съезд, точно так же как съезд III Интернационала, — удивительно спаяло движение рабочих различных стран, спаяло не революцией, а действительно в действии, точно так же, я думаю, и съезду народов Востока удастся спаять в действии выступления этих народов. Интересно только, насколько удастся постановления съезда действительно сделать достоянием широких масс восточных народов. Мне как-то не верится, чтобы это было возможно. Ведь там еще все так дико, так темно...

И. Ф. Арманд. Дневник 1920 года // Свободная мысль. М., 1992. №3

По приезду в г. Нальчик тов. Инесса первый день себя чувствовала нормально. Ходили по городу и ездили осматривать дачу, где намерены были поселиться для отдыха, а вечером были на партийном собрании местной организации. Вечером, часов в 9-10, возвращались в свой вагон на вокзал пешком, делаясь впечатлениями о постановке партийной работы в г. Нальчике и говоря о положении дел на врангелевском фронте. Тут же тов. Инесса затронула вопрос о вышедшей тогда брошюре Владимира Ильича «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», говорила долго и восторженно.

И. С. Ружейников. Цит. по: *Соколов Б. В. С. 285*

Перечитала только что «St. Mars» (роман французского писателя-романтика Альфреда Виктора де Виньи «Сен-Мар». — *Б. С.*) — поражает меня, как мы далеко ушли благодаря революции от прежних

романтических представлений о значении любви в человеческой жизни. Для романтиков любовь занимает первое место в жизни человека, она выше всего. И еще недавно я была гораздо ближе к такому представлению, чем сейчас. Правда, для меня любовь никогда не была единственным. Наряду с любовью было общественное дело. И в моей жизни, и в прошлом было немало случаев, когда ради дела я жертвовала своим счастьем и своей любовью. Но все же раньше казалось, что по своему значению любовь имеет такое же место, как и общественное дело. Сейчас это уже не так. Значение любви по сравнению с общественной жизнью становится совсем маленьким, не выдерживая никакого сравнения с общественным делом. Правда, в моей жизни любовь занимает и сейчас большое место, заставляет меня тяжело страдать, занимает значительно мои мысли. Но все же я ни минуты не перестаю сознавать, что, что как бы мне ни было больно, любовь, личные привязанности — ничто по сравнению с нуждами борьбы. Вот почему воззрения романтиков, которые раньше казались вполне приемлемыми, теперь уже кажутся...

И. Ф. Арманд. Дневник 1920 года // Свободная мысль. М., 1992. №3

На этих словах запись драматически обрывается. Арманд так и не успела ее закончить. Дела, связанные с угрозой нападения белых и спешной эвакуацией из Кисловодска, а потом болезнь отвлекли ее от дневника.

Б. В. Соколов. С. 272

При сомнительных обстоятельствах во время отдыха на Северном Кавказе 24 сентября 1920 года Инесса скоропалительно скончалась.

М. В. Фофанова. Цит. по: Арутюнов А. А. С. 541

После последней записи было еще последнее письмо к дочери Инессе, отправленное в середине сентября: «Дорогая моя Инуся, может быть, ты теперь уже вернулась из своей экспедиции и находишься в Москве. На всякий случай пишу тебе.

Мы уже 3 недели в Кисловодске и не могу сказать, чтобы до сих пор мы особенно поправились с Андреем. Он, правда, очень посвежел и загорел, но пока еще совсем не прибавил весу... Я сначала все спала и

день и ночь. Теперь, наоборот, совсем плохо сплю. Принимаю солнечные ванны и душ, но солнце здесь не особенно горячее, не крымскому чета, да и погода неважная: частые бури, а вчера так совсем было холодно. Вообще не могу сказать, чтобы я была в большом восторге от Кисловодска...

Проскочили мы довольно удачно, хотя ехали последнюю часть пути с большими остановками, и после нас несколько дней поезда совсем не ходили. Слухов здесь масса — не оберешься, паники тоже. Впрочем, теперь это все успокоилось более или менее... Временами кажется: не остаться ли поработать на Кавказе? Как ты думаешь?»

Это письмо дочь прочла уже после смерти матери.

Б. В. Соколов. С. 272273

Она заболела еще в вагоне, рано на рассвете. Но по природной своей деликатности она не решилась разбудить товарищей, чтобы получить своевременную помощь. Через несколько дней Инессы не стало. Ослабевшее сердце не выдержало борьбы. Инесса сознавала, что она умирает. Последние слова ее были: «Тов. Ружейников, я чувствую, что я умираю. Оставьте меня: у вас есть семья, вы можете заразиться». Так с мыслью и с заботой о других ушла из жизни т. Инесса...

Л. Сталь. Цит. по: Соколов Б. В. С. 281

В течение 8 дней тело тов. Инессы стояло в мертвецкой и не издавало почти никакого зловония. Как будто это был не труп. Так истощена была тов. Инесса.

Г. Н. Котов. Цит. по: Соколов Б. В. С. 278

Вне всякой очереди. Москва. ЦеКа РКП, Совнарком, Ленину. Заболевшую холериной товарища Инессу Арманд спасти не удалось точка кончилась 24 сентября точка тело препроводим Москву Назаров.

Телеграмма от 24 сентября 1920 г.

Цит. по: Соколов Б. В. С. 289

Но похороны состоялись не скоро: чтобы доставить гроб с телом Инессы из Нальчика в Москву, потребовалось без малого две недели.

Е. Я. Драбкина. С. 28

В ночь на 11-е октября прибыл в Москву с Юга гроб с телом скончавшейся тов. Инессы. Для встречи гроба на Казанском вокзале собрались делегации от Центрального и Московского отделов работниц и райкомов Москвы, были также родные и друзья покойной, среди них тов. Ленин и Н. К. Крупская. С вокзала траурная процессия направилась к Дому Союзов и там, в Малом зале, убранном цветами и траурной материей, установлен был гроб, который утопал в цветах и многочисленных венках с надписями, среди которых особенно выделялись надписи: «Старому борцу за пролетарскую революцию и незабвенному другу от ЦК РКП» («старому борцу» было всего-то 46 лет! — Б. С.); «Стойкому борцу за освобождение рабочего, т. Инессе Арманд от МК РКП»; «Верному другу работниц и борцу за их освобождение» от Отдела ЦК РКП по работе среди женщин; венки от районов Москвы и т. д.

Весь день и всю ночь 11 октября у гроба находился почетный караул из представительниц Центрального и Московского отделов работниц и от районов. В 12 часов дня 12 октября к Дому Союзов постепенно прибывают представители всех районов города Москвы, Московского Совета, ЦК РКП и т. д. Оркестр красных курсантов играет траурные мелодии, и почетный караул курсантов выносит гроб, который устанавливается на катафалк, и похоронная процессия медленно направляется по Театральной площади и площади Революции, вдоль Кремлевской стены, на Красную площадь. У свежей могилы тов. Инессы собрались представители рабочих и работниц Москвы отдать последний привет покойной.

Из официального отчета о похоронах И. Ф. Арманд. Цит. по: Соколов Б. В. С. 295296

Уже почти рассвело, когда, дойдя до Почтамта, мы увидели двигавшуюся нам навстречу похоронную процессию. Черные худые лошади, запряженные цугом, с трудом тащили черный катафалк, на котором стоял очень большой и поэтому особенно страшный длинный свинцовый ящик, отсвечивающий тусклым блеском.

Стоя у обочины, мы пропустили мимо себя этих еле переставлявших ноги костлявых лошадей, этот катафалк, покрытый облезшей черной краской, и увидели шедшего за ним Владимира

Ильича, а рядом с ним Надежду Константиновну, которая поддерживала его под руку. Было что-то невыразимо скорбное в его опущенных плечах и низко склоненной голове. Мы поняли, что в этом страшном свинцовом ящике находится гроб с телом Инессы.

Е. Я. Драбкина. С. 29

Анжелика Балабанова, в то время бывшая секретарем Третьего Интернационала, в своей книжке воспоминаний также оставила описание Ленина на похоронах Инессы. «Не только лицо Ленина, но и весь его облик выражал такую печаль, что никто не осмеливался даже кивнуть ему. Было ясно, что он хотел побыть наедине со своим горем. Он казался меньше ростом, лицо его было прикрыто кепкой, глаза, казалось, исчезли в болезненно сдерживаемых слезах. Всякий раз, как движение толпы напирало на нашу группу, он не оказывал никакого сопротивления толчкам, как будто был благодарен за то, что мог вплотную приблизиться ко гробу».

Л. Фишер. С. 124

Очевидцы рассказывали мне, что во время ее похорон Владимир Ильич терял сознание и его удерживали от падения.

М. В. Фофанова. Цит. по: Арутюнов А. А. С. 541

Марсель И. Боди служил в советском представительстве первым секретарем и почти ежедневно встречался с Коллонтай. Его статья в «Preuves» представляет собою воспоминания о Коллонтай. Она и Боди часто вместе гуляли в окрестностях Осло. Однажды речь между ними зашла о ранней смерти Ленина. «Он не мог пережить Инессу Арманд, — сказала Коллонтай. — Смерть Инессы ускорила его болезнь, ставшую роковой».

«Инессы?» — воскликнул Боди, никогда прежде не слыхавший этого имени.

«Да, — подтвердила Коллонтай, — в 1921 г., когда тело ее привезли с Кавказа, где она умерла от тифа, и мы шли за ее гробом, Ленина невозможно было узнать. Он шел с закрытыми глазами, и казалось — вот-вот упадет».

Л. Фишер. С. 123

Англичанка Клэр Шеридан, скульптор, лепила ленинский бюст как раз в те октябрьские дни. Вот что она запомнила: «В течение всего этого времени (сеанса, продолжавшегося с одиннадцати утра до четырех вечера. — *Б. С.*) Ленин не ел, не пил и не выкурил ни одной папиросы... Мои попытки завязать с Лениным разговор не встретили одобрения, и, сознавая, что своим присутствием я и так докучаю ему, я не посмела настаивать. Сидя на подоконнике и отдыхая, я не переставала твердить себе, что это происходит на самом деле, что я действительно нахожусь в кабинете Ленина и выполняю свою миссию... Я без конца повторяла про себя: «Ленин! Ленин!» — как будто никак не могла поверить, что окружающее меня — не сон.

Вот он сидит здесь, передо мной, спокойный, молчаливый, небольшого роста человек с огромным лбом. Ленин, гений величайшей революции в истории человечества, — если бы он только захотел поговорить со мной. Но... он ненавидел буржуазию, а я была ее представительницей. Он ненавидел Уинстона Черчилля, а я была его племянницей... Он разрешил мне работать у себя в кабинете, и я должна была выполнять то, зачем пришла, а не отнимать у него попусту время; ему не о чем было говорить со мной. Когда я, собравшись с духом, спросила, какие новости из Англии, он протянул мне несколько номеров «Дейли геральд».

Б. В. Соколов. С. 291

Дети Инессы Арманд обращаются ко мне с просьбой, которую я усердно поддерживаю:

1) Не можете ли вы распорядиться о посадке цветов на могиле Инессы Арманд?

2) То же — о небольшой плитке или камне?

Если можете, черкните мне, пожалуйста, через кого (через какие учреждения или заведения) это Вы сделали, чтобы дети могли туда дополнительно обратиться, проверить, дать надписи и т. п.

Если не можете, черкните тоже, пожалуйста:

может быть, можно приватно заказать? или, может быть, мне следует написать куда-либо, и не знаете ли, куда?»

Ленин — Л. Б. Каменеву. 24 апреля 1921 г.

Цит. по: *Соколов Б. В. С. 299300*

Инесса умерла 24 сентября 1920 г. в Нальчике, горном курорте в Кабардино-Балкарской области на Северном Кавказе, куда она поехала для поправки здоровья. Она похоронена в кремлевской стене, недалеко от Джона Рида и по соседству с могилами Жданова, Фрунзе, Свердлова, Дзержинского и Сталина. Инесса не была столь значительной фигурой, но Ленин, как видно, придавал ей очень большое значение.

Л. Фишер. С. 124

Не забывал Ильич и детей Инессы. Например, 11 июля 1921 года дал рекомендательное письмо к советскому послу в Персии Ф. А. Ротштейну: «Рекомендую Вам подателя Александра Александровича Арманд и его сестру Варвару Александровну. Я этих молодых людей знаю и сугубо о них забочусь. Чрезвычайно был бы Вам обязан, если бы Вы на них обратили внимание и помогли им всячески».

Б. В. Соколов. С. 300

Могила ее теперь в тени его мавзолея.

Л. Фишер. С. 124

В ПЛОМБИРОВАННОМ ВАГОНЕ

Падение 12 марта монархии было полной неожиданностью как для населения России и германского правительства, так и для изобретателей «генерального плана». За две недели до этого, выступая на собрании швейцарских рабочих, Ленин заявил собравшимся, что революция в России обязательно свершится, но вряд ли ее свидетелями станет его поколение. Когда ранним утром 28 февраля к Ленину прибежал один из его товарищей и сообщил о начале революции в Петрограде, тот отказался поверить ему. Какое-то время он пребывал в состоянии замешательства, от которого вскоре оправился, а 3 марта послал письмо в Норвегию своей единомышленнице Александре Коллонтай. В нем он писал: «Сейчас получили вторые правительственные телеграммы о революции 1(14). III в Питере. Неделя кровавых битв рабочих и Милюков + Гучков + Керенский у власти!! По «старому» европейскому шаблону... Ну что ж! Этот «первый этап первой (из порождаемых войной) революций» не будет ни последним, ни только русским. Конечно, мы останемся против защиты отечества, против империалистской бойни, руководимой Шингаревым + Керенским и К.

Все наши лозунги те же...»

А. Ф. Керенский. С. 215

Ждал ли Владимир Ильич столь быстрой развязки? Кто перелистает наши писания тогдашнего времени (сборник «Против течения»), тот увидит, как страстно призывал Владимир Ильич русскую революцию и как ждал он ее. Но такой быстрой развязки событий все же никто не ждал. Весть пришла неожиданно.

Г. Е. Зиновьев. Приезд В. И. Ленина в Россию // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 4. С. 123

Мы сегодня в Цюрихе в ажитации; от 15 марта (1917) есть телеграмма в «Zuricher Post» и в «Neue Ziiricher Zeitung», что в России

14.III победила революция в Питере после 3-дневной борьбы, что у власти 12 членов Думы, а министры все *арестованы*.

Коли не врут немцы, так правда.

Что Россия была последние дни *накануне* революции, это несомненно.

Я вне себя, что не могу поехать в Скандинавию!! Не прощу себе, что не рискнул ехать в 1915 г.!

Ленин — И. Ф. Арманд. Цит. по: Биографическая хроника. Т. 4. С. 1

Вслед за письмом Коллонтай он направил своим сообщникам в Стокгольме, готовящимся к отъезду в Россию, телеграмму с инструкциями: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству, Керенского особенно подозреваем, вооружение пролетариата — единственная гарантия, немедленные выборы в Петроградскую думу, никакого сближения с другими партиями».

А. Ф. Керенский. С. 215

Надо ехать нелегально, легальных путей нет. Но как? Сон пропал у Ильича с того момента, когда пришли вести о революции, и вот по ночам строились самые невероятные планы. Можно перелететь на аэроплане. Но об этом можно было думать только в ночном полубреду. Стоило это сказать вслух, как ясно становилась неосуществимость, нереальность этого плана. Надо достать паспорт какого-нибудь иностранца из нейтральной страны, лучше всего шведа: швед вызовет меньше всего подозрений. Паспорт шведа можно достать через шведских товарищей, но мешает незнание языка. Может быть, немного? Но легко проговориться. «Заснешь, увидишь во сне меньшевиков и станешь ругаться: сволочи, сволочи! Вот и пропадет вся конспирация», — смеялась я.

Н. К. Крупская. С. 222

Я уверен, что меня арестуют или просто задержат в Англии, если я поеду под своим именем, ибо именно Англия не только конфисковала ряд моих писем в Америку, но и спрашивала (ее полиция) Папашу в 1915 г., переписывается ли он со мной и не сносятся ли через меня с немецкими социалистами.

Факт! Поэтому я не могу двигаться лично без весьма «особых» мер.

Ленин — И. Ф. Арманд. 6 (19) марта 1917 г.

Неизвестные документы. С. 209

Ленин не сдавался. В его воображении созревали новые детали фантастического замысла. В записке Я. С. Ганецкому, представителю партии большевиков в Стокгольме, пересланной в переплете книги по почте из Швейцарии, Ленин пишет (записка цитируется в первом томе *Воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине*, стр. 487): «Ждать больше нельзя, тщетны все надежды на легальный приезд. Необходимо во что бы то ни стало выбраться в Россию и единственный план — следующий: найдите шведа, похожего на меня. Но я не знаю шведского языка, поэтому швед должен быть глухонемым. Посылаю вам на всякий случай мою фотографию».

Л. Фишер. С. 165166

Прочтя записку, я почувствовал, как томится Владимир Ильич, — рассказывает Ганецкий, — но, сознаюсь, очень хохотал над этим фантастическим планом...

М. И. Ульянова. С. 236

Прочтя записку, Ганецкий «долго хохотал». Мыльный пузырь Ленина лопнул от этого хохота.

Л. Фишер. С. 166

В тот же день Ленина осенила еще более неожиданная идея. Он задумал принять облик своего приятеля, Вячеслава Карпинского, человека толкового, заведовавшего Русской библиотекой в Женеве. Просто, без затей, напялив парик, он намеревался отправиться в Англию, а оттуда как-нибудь добраться до России, через Голландию и Скандинавию. Ленин написал Карпинскому совершенно неподражаемое письмо, в котором подробно излагал свой план:

«Дорогой Вяч. Ал.!

Я всячески обдумываю способ поездки. Абсолютный секрет — следующее. Прошу ответить мне тотчас и, пожалуй, лучше экспрессом

(авось партию не разорим на десяток лишних экспрессов), чтобы спокойнее быть, что никто не прочел письма.

Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду *по ним* через Англию(*и Голландию*) в Россию.

Я могу одеть парик.

Фотография будет снята с *меня* уже в парике, и в Берн в консульство я явлюсь с Вашими бумагами уже в парике.

Вы тогда должны скрыться из Женевы минимум на несколько недель (до телеграммы от меня из Скандинавии): на это время Вы должны запрятаться архисурьезно в горах, где за пансион *мы за Вас заплатим, разумеется*.

Если согласны, начните *немедленно подготовку* самым энергичным (и самым тайным) образом, а мне черкните тотчас во всяком случае.

Ваш Ленин

Обдумайте все практические шаги *в связи с этим* и пишите подробно. Пишу Вам, ибо уверен, что между нами все останется в секрете *абсолютно*».

Р. Пейн. С. 278279

В такие моменты, как теперь, надо уметь быть находчивым и авантюристом. Надо бежать к немецким консулам, выдумывать личные дела и добиваться пропуска в Копенгаген, платить адвокатам цюрихским: дам 300 frs., если достанешь пропуск у немцев...

Конечно, нервы у меня взвинчены сугубо. Да еще бы! Терпеть, сидеть здесь...

Ленин —И. Ф. Арманд. 6 (19) марта 1917 г.

Неизвестные документы. С. 210

Покамест Ленин был в отчаянии. «В Россию, должно быть, не попадем!! — пишет он в конце марта Инессе Арманд. — Англия не пустит. Через Германию не выходит». Внезапно мрак рассеялся... «Итак, мы едем в среду через Германию», — извещает Ленин Карпинского 2 или 3 апреля 1917 г. <...> Как сторонник победы кайзера в войне, Парвус пользовался доверием германских властей и убедил их разрешить проезд Ленина через Германию в Петроград. Таким образом, идея этой знаменитой и роковой поездки по праву

принадлежит Парвусу и Брокдорф-Ранцау. «Тело слона и голова Сократа», — писал кто-то о Парвусе, достойном посреднике между кайзером и Лениным.

Л. Фишер. С. 166

Денег на поездку у нас больше, чем я думал, человек на 1012 хватит, ибо нам здорово помогли товарищи в Стокгольме.

Ленин — И. Ф. Арманд. 20 марта (2) апреля 1917 г.

Неизвестные документы. С. 211

Февральская революция помогла немцам уяснить себе, какой тактики следует придерживаться по отношению к России. Идея сепаратного мира вскоре была отброшена, потому что Временное правительство решительно выступило за верность союзникам. Таким образом, следовало ставить на революцию, и Германия стала поддерживать единственную русскую пораженческую партию — партию большевиков.

Г. Катков. С. 160

Людендорф, мозг немецкой армии, выразил согласие на проезд Ленина с товарищами через Германию; революционные возмущения в России позволили бы ему перебросить войска с восточного фронта на западный. Вильгельм Второй высказал одобрение. В октябре 1937 г. Людендорф признался, что не имел никакого представления (да, вероятно, и не заботился) о том, каковы политические убеждения Ленина, организуя его проезд через Германию в 1917 г. В таком же неведении был и кайзер.

Л. Фишер. С. 168

Генерал Эрх Людендорф, выполнявший функции начальника штаба при фактическом главнокомандующем германской армией фельдмаршале Пауле фон Гинденбурге, вспоминал: «Помогая Ленину проехать в Россию, наше правительство приняло на себя особую ответственность. С военной точки зрения это предприятие было оправданным. Россию нужно было повалить».

Б. В. Соколов. С. 215

После революции 1917 г. главные большевистские руководители прибыли в Россию специальным поездом, которому немцы разрешили проехать из Швейцарии через линию фронта; также верно, что большевистская партия получила от Германии большие суммы денег. Но было бы ошибкой видеть в Ленине и Троцком обыкновенных агентов. Они исполняли приказы, соответствующие их личным взглядам. Оба не считали императорскую Россию своей родиной и не чувствовали себя связанными с ней. Это были революционеры, целью которых являлось дать пролетариату идеальные условия существования. Они также готовы были бы принять деньги и помощь от союзников, если это могло послужить их интересам.

Дж. Хилл. Моя шпионская жизнь / Пер. с фр. М.: «ЛГ Информэйшн Груп»: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 201

В бернский Народный дом стали съезжаться едущие в Россию товарищи. Ехали мы, Зиновьевы, Усиевичи, Инесса Арманд, Сафаровы, Ольга Равич, Абрамович из Шо-де-Фон, Гребельская, Харитонов, Линде, Розенблум, Бойцов, Миха Цхакая, Мариенгофы, Сокольников. Под видом россиянина ехал Радек. Всего ехало 30 человек, если не считать четырехлетнего сынишки бундовки, ехавшей с нами,— кудрявого Роберта.

Сопровождал нас Фриц Платтен.

Н. К. Крупская. С. 227

Русские получили отдельный вагон, с хорошим поваром, — у них были только права на транзит, и выходить из вагона им не разрешалось. Условия поездки были составлены в письменном виде Лениным в Цюрихе и приняты бароном фон Ромбергом: ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее никакого контроля паспортов или багажа не должно было производиться, и прием пассажиров в вагон не подлежал контролю германских властей, так что проезжавшие фактически пользовались дипломатической неприкосновенностью и привилегиями. С этой точки зрения, вагон был «запломбированным» или нейтральным. Кайзер сам отдал приказ, чтобы большевиков пропустили сквозь расположение немецких частей на восточном фронте, в случае если Швеция не разрешит им въезда на свою территорию.

Условия поездки, как и сама поездка, подробно описаны другими товарищами, так что мне можно об этом и не писать. Неправильно, мне кажется, что товарищи, которые пишут об этой поездке, употребляют слова «пломбированный вагон», беря эти слова без кавычек.

На самом деле вагон, в котором мы разместились, был с одной стороны совершенно открыт, и всякий мог свободно в него войти и выйти. «Пломбированным» в кавычках он был в том смысле, что, по условиям договора, никто из нас, кроме Платтена, за все время нахождения вагона на территории Германии не имел права из него выходить, как никто, кроме Платтена, не имел права входить в наш вагон.

М. М. Харитонов. Из воспоминаний // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 4. С. 68

Ни вещей у нас при посадке не спрашивали, ни паспортов.

Н. К. Крупская. С. 227

Платтену было поручено также проследить за тем, чтобы все отбывающие эмигранты поставили свои подписи под документом, где были сформулированы условия депортации. Текст документа был такой:

«Я, нижеподписавшийся, удостоверяю своей подписью:

1) что условия, установленные Платтенем с германским посольством, мне объявлены;

2) что я подчиняюсь распоряжениям руководителя поездки Платтена;

3) что мне сообщено известие из «Petit Parisien», согласно которому российское Временное правительство угрожает привлечь по обвинению в государственной измене тех русских подданных, кои проедут через Германию;

4) что всю политическую ответственность за мою поездку я принимаю на себя;

5) что Платтенем мне гарантирована поездка только до Стокгольма.

Берн—Цюрих. 9 апреля 1917 г.» Далее шли подписи:

1. Ленин
2. Фрау Ленин
3. Георгий Сафаров
4. Валентина Сафарова-Мостичкина
5. Григорий Усиевич
6. Елена Кон
7. Инесса Арманд Николай Бойцов Ф. Гребельская
8. А. Константинович Е. Миринов М. Миринова
9. А. Сковно
10. Г. Зиновьев
11. З. Радомысльская (с сыном) Д. Слюссарев
12. Б. Ельчанинов Г. Бриллиант
13. М. Харитонов Д. Розенблюм
14. А. Абрамович С. Шеинессон Цхакая М. Гоберман
15. А. Линде М. Айзенбад Припевский Соулешвили
16. Равич Харитонов

Таков был список большевиков, отбывавших в Россию в опломбированном вагоне.

Р. Пейн. С. 292293

Среди крупных «запломбированных» фигур — И. Арманд, Г. Зиновьев (Апфельбаум), Н. Крупская, Ф. Кон, А. Луначарский, К. Радек, Г. Сокольников (Бриллиант), М. Цхакая и другие. (На память приходят разного рода литературные ассоциации, когда в списке встречаешь имена В. С. Окуджавы, И. Д. Мариенгофа (Марингофа), П. И. Лебедева-Полянского, Ш. Л. Авербаха, И. Л. Эренбурга, В одном из вагонов прибыли будущие организаторы убийства Николая II и членов его семьи — Сафаров-Вольдин и Войков-Вайнер.

Тайна октябрьского переворота. С. 14

С помощью барона фон Ромберга швейцарский социалист Фриц Платтен быстро уладил все детали, связанные с поездкой. Ленин был вне себя от радости. Он расплатился с квартирной хозяйкой и вернул книги в библиотеку. Крупская паковала чемоданы. Времени было мало, а она все еще не была готова.

— Езжай сам, — уговаривала Ленина жена.

— Нет, — сказал он, — поедем вместе.

Может быть, Крупская хотела остаться, чтобы Ленин мог быть с Инессой?

Л. Фишер. С. 168

Эмигранты имели свою провизию и трое суток не выходили из вагона, следовавшего под контролем трех германских офицеров. Поезд лично сопровождал Платтен — на случай необходимости сношений с внешним миром. Однако германские власти со своей стороны потребовали, чтобы русские во время проезда не вступали ни в какие сношения с какими бы то ни было частными лицами. Своих «друзей» и «агентов» германское правительство опасалось вполне основательно: оно отлично знало, что эти люди ему такие же «друзья», как и русскому империализму, которому их старались «подсунуть» немецкие власти, держа их на почтительном расстоянии от своих собственных верноподданных.

Н. Н. Суханов. Записки о революции: В 3 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 2. С. 1718

9 апреля 1917 года в половине третьего группа эмигрантов направилась из ресторана «Церингергоф» к цюрихскому вокзалу, нагруженная — по русскому обычаю — подушками, одеялами и прочими пожитками.

Ф. Платтен. Ленин из эмиграции в Россию // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 4. С. 152

До отхода поезда в Финляндию оставалось еще некоторое время. Вместе со шведскими друзьями решили прогуляться по городу. Тогда и был сделан исторический групповой снимок — единственный, на котором Арманд запечатлена вместе с Лениным (и Крупской).

Б. В. Соколов. С. 216

В самый последний момент перед отправкой поезда на перроне показался Рязанов, близкий друг Троцкого. Он подбежал к поезду и, увидев в окне Зиновьева, закричал: «Ленин сошел с ума! Он не понимает, какой опасности всех подвергает! Вы разумнее его!

Скажите, чтобы он отказался от этой безумной затеи проезда через Германию!» Зиновьев только улыбнулся.

Р. Пейн. С. 299

А большевик П. Иоффе, находившийся в те дни в Цюрихе, утверждал: «На трусливые разговоры липовых интернационалистов о том, что немецкий кайзер, пропуская большевиков, имеет свои определенные цели, Ленин решительно отвечал: «Мне нет дела до целей кайзера. Какая, в конце концов, разница, чего он хочет? Я знаю одно — я должен быть там, а не здесь...»

Б. В. Соколов. С. 215

К Ленину подбежал Зигфрид Блох, швейцарский социалист. Он пожал ему руку и сказал: «Надеюсь скоро увидеть вас снова в наших рядах, товарищ!» Ленин на это ответил: «Гм, если мы скоро вернемся, это будет плохой знак для революции».

Р. Пейн. С. 299

Когда наши уже погрузились, какой-то русский, сняв шляпу, начал речь к Ильичу. Пафос начала речи, в которой Ильич чувствовался как «дорогой вождь», заставил Ильича приподнять немножко котелок...

К. Б. Радек. Швейцарский период // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 4. С. 112

(Далее цит.: К. Б. Радек [2])

Большевики запели было «Интернационал», но кругом раздались крики: «Немецкие шпионы!», «Кайзер вам оплачивает проезд!» — и большевики замолчали.

Р. Пейн. С. 299

...Редактор шведской социал-демократической газеты Фредерик Стрем видел Ленина весной 1917 года в Стокгольме по дороге из эмиграции в Россию, в частности во время ленча:

«...Мы ели в гостинице шведский бифштекс. Я был поражен количеством соли и перца, которое Ленин сыпал на бифштекс. Я предостерег его, сказал, что он наносит вред не только кровеносным сосудами, но и желудку. Ленин рассмеялся и сказал:

Нужно съесть много соли и перца, когда едешь домой драться с царскими генералами и оппортунистами-керенскими».

В. Е. Мельниченко [1]. С. 87

В Халде поезд германского кронпринца был задержан почти на два часа, чтобы дать пройти поезду Ленина.

Л. Фишер. С. 169

Немцы старались показать, что у них всего много, повар подавал исключительно сытные обеды, к которым наша эмигрантская братия не очень-то была привычна.

Н. К. Крупская. С. 227

Вероятно, добропорядочный вид солидных шведских товарищей вызвал в нас страстное желание, чтобы Ильич был похож на человека. Мы уговаривали его купить хотя бы новые сапоги. Он ехал в горских сапогах с гвоздями громадной величины. Мы ему указывали, что если полагалось портить этими сапогами тротуары пошлых городов буржуазной Швейцарии, то совесть должна ему запретить с такими инструментами разрушения ехать в Петроград, где, быть может, теперь вообще нет тротуаров... Мы купили Ильичу сапоги и начали его прельщать другими частями гардероба. Он защищался, как мог, спрашивая нас, думаем ли мы, что он собирается по приезде в Петроград открыть лавку готового платья, но все-таки мы его уломали и снабдили парой штанов, которые я, приехав в октябре в Питер, на нем и открыл, несмотря на бесформенный вид, который они приняли под влиянием русской революции.

К. Б. Радек. В «пломбированном вагоне» // Правда. 1924. 20 апр.

(Далее цит.: К. Б. Радек [3])

Шла постоянная борьба между курящими и некурящими из-за одного помещения в вагоне. В купе мы не курили из-за маленького Роберта и Ильича, который страдал от курения. Поэтому курящие пытались устроить салон для курения в месте, служащем обыкновенно для других целей. Около этого места поэтому происходило непрерывное скопление народа и перепалки. Тогда Ильич порезал бумагу и раздал пропуска. На три ордера одной категории, на три

билета категории А, предназначенных для законно пользующихся оным помещением, следовал один билет для курящих. Это вызывало споры о том, какие потребности человеческие имеют большую ценность, и мы очень жалели, что не было с нами тов. Бухарина, специалиста по теории Бем-Баверка о предельной полезности.

К. Б. Радек [2]. С. 110

В Белоострове нас встречают ближайшие друзья. Среди них Каменев, Сталин и многие другие. В тесном полутемном купе третьего класса, освещенном огарком свечи, происходит первый обмен мнений. Владимир Ильич забрасывает товарищей рядом вопросов.

— Будем ли мы арестованы в Петрограде?

Г. Е. Зиновьев. С. 126

Вечером 3 апреля Ленин прибыл в Петроград из Германии в «экстерриториальном вагоне», предоставленном ему немцами.

А. Ф. Керенский. С. 216

В советской историографии проезд Ленина всегда подавался не как интервенция, а как отрадное событие всемирно-исторического значения. Гораздый на эффектные пассажи Лев Троцкий даже полагал: «Если бы plombированный вагон не проехал в марте 1917 года через Германию, если бы Ленин с группой товарищей и, главное, со своим деянием и авторитетом не прибыл в начале апреля в Петроград, то Октябрьской революции — не вообще, как у нас любят калякать, а той революции, которая произошла 25 октября старого стиля, — не было бы на свете...» Существенное добавление к сказанному «демоном революции»: всего немцы для спасения своей армии и организации «хаоса» в России «прислали» более 500 человек (включая меньшевиков и пр., и их детей).

Тайна октябрьского переворота. С. 14

Как из рога изобилия, удушливыми газами, чумою, сибирскою язвою хлынули к нам товарищи Ленины, Зиновьевы-Апфельбаумы, Троцкие-Бронштейны, Луначарские.

Н. Брешко-Брешковский. Нахамкес I и его сподвижники // Живое слово. 1917. № 63. 19 июля

Одолели нас люди заезжие,
А своих не пускают домой...

С. А. Есенин // Сергей Есенин в стихах и в жизни. Стихотворения
1910-1925. С. 255

ВЛАСТЬ

3 апреля 1917 года

Сегодня вечером в Петроград приезжает Ленин, — сказал мне тов. Л. Н. Старк. Это было 3 апреля 1917 г.

Ф. Ф. Раскольников. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.: Политиздат, 1990. С. 67

В тот же день, 3 апреля, о приезде Ленина было сообщено в Исполнительный Комитет [Петроградского Совета депутатов].

Н. Н. Суханов. Т. 1. С. 340

Остроумная идея проезда через Германию нам как-то не приходила в голову — настолько мы свыклись с мыслью о непроходимых барьерах, установленных войной между воюющими государствами.

Ф. Ф. Раскольников. С. 67

Многие войны в истории могли быть прекращены до того, как полная победа приносила дурной мир. Но войне сопутствуют узость взглядов, разрыв связей между людьми и желание победить во что бы то ни стало. Если бы западные правительства, в том числе американское, были лучше осведомлены о положении в России, если бы Людендорф, вместо того чтобы провозить Ленина в Россию, был осторожен или обладал достаточной прозорливостью и понимал, какое влияние окажут его действия на Германию в последующие десятилетия, то, может быть, война окончилась бы за год до перемирия 11 ноября 1918 года, и, кто знает, не предотвратило ли бы это приход Гитлера к власти и Вторую мировую войну?

Л. Фишер. С. 204205

С таким же правом, с каким я стреляю гранатами по неприятельским окопам и пускаю против них ядовитые газы, я могу,

как неприятель, применить к вражеским войскам и средство пропаганды. В России, кроме того, появилось в это время наряду с Лениным большое количество большевиков, проживавших ранее в Англии и Швеции...

М. Гофман [1]. С. 211

...Люди, создавшие «генеральный план» (к этой группе генерал Гофман не относился) заранее знали, кто подпишет договор о перемирии или мире — Ленин.

В то время в Петрограде с визитом находился глава шведских социал-демократов Ялмар Брантинг, один из немногих влиятельных людей в Стокгольме, которые выступали против попыток шведской армии и правительственной верхушки вступить в войну на стороне Германии. У нас с ним вскоре установились вполне дружеские отношения, и однажды, когда мы говорили с ним о весьма вольном поведении наших большевиков в шведской столице, он неожиданно со смехом сказал: «А вы знаете, что когда Ленин был в Стокгольме на пути в Петроград (2 апреля), он заявил на собрании крайне левых членов нашей партии, что через две или три недели возвратится в Стокгольм, чтобы вести переговоры о мире?»

Увидев недоумение на моем лице, он добавил: «Уверяю вас, что не шучу. Мне сказал об этом один из членов социал-демократической партии, который там присутствовал, человек, которого я давно знаю и которому полностью доверяю».

Достоверность рассказанной Брантингом истории подтверждается телеграммой, которую получил из Гааги от А. И. Бальфура Джордж Бьюкенен.

«За последние несколько дней я получил из четырех разных источников информацию об уверенности Германии в том, что в ближайшие две недели будет объявлено о мире между Россией и Германией. В одном из сообщений говорится, что вести переговоры уполномочен Кюльман, который, по слухам, находится в этом городе».

А. Ф. Керенский. С. 219

...В начале апреля 1917 г. я ехал в Россию. Проезжая через шведско-финляндскую границу, я впервые увидел русских солдат и

офицеров с красными ленточками в петлицах. Один из офицеров пограничной охраны, познакомившись со мной, сказал мне улыбаясь:

— А знаете, кто за несколько дней перед вами проехал здесь?

— ?..

— Ленин!

— Как, Ленин? Как же он проехал?

— Так! Через Германию! Немецкое правительство пропустило!

— Но ведь он хочет поражения России! Помогает немцам!

Поэтому они его и пропустили! Но как же вы-то его могли пропустить в Россию?

— Было распоряжение не препятствовать его проезду. Что же мы могли сделать?

Этот первый мой разговор на границе дал мне возможность почувствовать всю глубину той бессмыслицы, в которую сразу же вылилась русская революция.

Г. А. Алексинский. Проходимцы и шпионы. Из воспоминаний // Общее дело. Париж, 1921. № 211. 12 февр.

(Далее цит.: Г. А. Алексинский [2])

Почетному изгнаннику надо было устроить почетную встречу. Был избран представлять Совет Церетели. Но он решительно отказался. Делать было нечего: неприятно и даже как-то странно, но приходилось ехать на вокзал президиуму — Скобелеву и Чхеидзе.

Дело было уже к вечеру. Уже пора была собираться на вокзал. Я также решил ехать. «Околопартийный человек», папаша Чхеидзе, высоко подняв брови, сокрушенно крутил головой.

Н. Н. Суханов. Т. 1. С. 340

Для большинства приезд тов. Ленина явился полной неожиданностью.

Ф. Ф. Раскольников. С. 67

На парадном крыльце разместились различные не проникшие в вокзал делегации, тщетно стараясь не растеряться и удержать свои места в рукопашной борьбе с «приватной» публикой... Поезда, с которым должен был приехать Ленин, ждали часам к одиннадцати.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 4

В рабочие кварталы были направлены свои люди с грузовиками, которые должны были оповестить рабочих и доставить их в назначенное место. Заметим при этом, что в тот день газеты не выходили. Рабочие заполнили грузовики и, размахивая красными флагами, поехали на Финляндский вокзал. Там были заранее сооружены подобия триумфальных арок, украшенных красными и золотыми лентами, на которых были начертаны революционные лозунги. К вокзальной площади подтянулись несколько броневигов, приписанных к штабу большевиков. Штаб находился во дворце Кшесинской. Нашлись свои люди и в Петропавловской крепости, из тех, что состояли при прожекторах. Им было велено ждать сигнала и, получив его, направить лучи прожекторов на площадь. Пригласили даже оркестр, который должен был стоять именно в том месте, где Ленин будет сходить с поезда. Для координации торжественного действия создали специальные комитеты. Около суток большевики лихорадочно готовились к приезду малоизвестного теоретика, который вот уже целую неделю ехал к ним, пересекая одну за другой границы европейских стран, и все это время терзался мыслью, а не арестуют ли его, едва он ступит на перрон Финляндского вокзала.

Р. Пейн. С. 313314

Пыхтели многочисленные автомобили. В двух-трех местах из толпы высывались страшные контуры броневигов. А с боковой улицы двигалось на площадь, пугая и разрезая толпу, неведомое чудовище — прожектор, внезапно бросавший в бездонную пустую тьму огромные полосы живого города — крыш, многоэтажных домов, столбов, проволок, трамваев и человеческих фигур.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 4

Красные знамена, почетный караул из кронштадтских моряков, рефлекторы Петропавловской крепости, освещающие путь от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, броневики, цепь из рабочих и работниц, охраняющих путь.

Н. К. Крупская. С. 228

Толпа перед Финляндским вокзалом запружала всю площадь, мешала движению, едва пропускала трамваи. Над бесчисленными красными знаменами господствовал великолепный, расшитый золотом стяг: «Центральный Комитет РСДРП (большевиков)». Под красными же знаменами с оркестрами музыки у бокового входа в бывшие царские комнаты были выстроены воинские части.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 4

Питерским полкам, желавшим выставить почетный караул, отказали, потому что кронштадтцам обещано. Кронштадту по праву принадлежит преимущество, потому что в крепости, по существу, и сейчас уже только одна власть: Совет депутатов. Но если балтийцев не будет — неприятная получится история: питерцы законно обидятся. А матросы могут не прибыть: ребята из Петровского района говорили сегодня: льду по заливу наворочено — никакой ледокол не пройдет.

С. Д. Мстиславский. Накануне: 1917 год. М.: Правда, 1989. С. 534

Внутри вокзала была давка — опять делегации, опять знамена и на каждом шагу заставы, требовавшие особых оснований для дальнейшего следования. Звание члена Исполнительного Комитета, однако, укрощало самых добросовестных церберов, и сквозь строй стиснутых, недовольно ворчавших людей я через весь вокзал пробрался на платформу, к «царским» комнатам, где понуро сидел Чхеидзе, томясь в долгом ожидании и туго реагируя на остроты Скобелева. Сквозь крепко запертые стеклянные двери «царских» комнат была хорошо видна вся площадь, — зрелище было чрезвычайно эффектно. А к стеклам, с площади, завистливо лепились делегаты, и были слышны негодующие женские голоса:

— Партийной-то публике приходится ждать на улице, а туда напустили... Неизвестно кого!..

Негодование было, впрочем, едва ли особенно основательно: небольшевистской публики, сколько-нибудь известной в политике, науке, литературе, я совершенно не помню при этой встрече, партии не прислали своих официальных представителей, да и из советских людей, из членов Исполнительного Комитета, кроме специально командированного президиума, по-моему, был только один я. Во всяком случае, в «царских» комнатах если кто и был, кроме нас, то не

больше трех-четырех человек. Большевистские же местные «генералы» выехали встречать Ленина в Белоостров или еще дальше, в Финляндию. И пока мы ждали Ленина на вокзале, он в вагоне уже основательно осведомлялся о положении дел из «непосредственных источников».

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 4

В Белоострове нас встретили Мария Ильинична, Шляпников, Сталь и другие товарищи. Были работницы. Сталь все убеждала меня сказать им несколько приветственных слов, но у меня пропали все слова, я ничего не могла сказать. Товарищи сели с нами. Ильич спрашивал, арестуют ли нас по приезде. Товарищи улыбались.

Н. К. Крупская. С. 228

В вагоне товарищ Каменев рассказывал о Владимире Ильиче и посмеивался над встречей, которую ему готовили петербургские товарищи: «Надо знать Ильича, он так ненавидит всякие торжества».

Ф. Ф. Раскольников. С. 67

— Когда я с товарищами ехал сюда, я думал, что нас с вокзала прямо повезут в Петропавловку. Мы оказались, как видим, очень далеки от этого. Но не будем терять надежды, что это еще нас не минует, что этого нам не избежать.

Ленин.

Цит. по: *Суханов Н. Н. Т. 2. С. 12*

«Мы ехали в тюрьму, готовились к тому, что по переезде границы нас немедленно арестуют», — говорит он и затем переходит к дорожным впечатлениям.

Ф. Ф. Раскольников. С. 69

Возвращаясь из эмиграции и подъезжая 16 апреля 1917 года к Петрограду, Ленин, волнуясь, спрашивал: «Арестуют ли нас по приезде?». Это — одна ипостась Ленина.

Двадцать минут спустя, после торжественного его приема на вокзале представителями Совета рабочих и солдатских депутатов, Ленин неся на броневике через весь Петроград к дворцу Кшесинской,

ставшему помещением Центрального Комитета большевиков, бросая встречным толпам: «Да здравствует мировая социалистическая революция!». Это — другая ипостась Ленина.

Н. Валентинов [3]. С. 31

Я прошелся по платформе. Там было еще более торжественно, чем на площади. По всей длине шпалерами стояли люди — в большинстве воинские части, готовые взять «на краул»; через платформу на каждом шагу висели стяги, были устроены арки, разубранные красным с золотом; глаза разбегались среди всевозможных приветственные надписей и лозунгов революции, а в конце платформы, куда должен был пристать вагон, расположился оркестр и с цветами стояли кучкой представители центральных организаций большевистской партии. Большевики, умея вообще блеснуть организацией, стремясь всегда подчеркнуть внешность, показать товар лицом, пустить пыль в глаза, без лишней скромности, без боязни утрировки, видимо, готовили самый настоящий триумф.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 45

Уже к семи часам на площади перед вокзалом было не протолкаться, и далеко по Нижегородской, — глазом не взять, — сплошная, тесная стояла толпа. Заводы, заводы, полки. Не смолкая, звенели в ночном уже воздухе песни. Без песни столько часов не простоять на ногах: стоят с шести (иные — в передних рядах — и с пяти!), теперь уж одиннадцать, а поезд, слышать, раньше двенадцати не придет. На то и поезд, чтобы опаздывать. Даже когда он везет Ленина.

С четырех углов били снопами белого, слепящего света прожекторы. И в этом белом, недвижимом огне багтели особо алым, особо ярким и живым светом красные, без числа, знамена. У подъезда вокзала коваными башнями грозились ижорские броневики.

С. Д. Мстиславский. С. 534

...Ждали же мы долго. Поезд сильно запаздывал. Но, в конце концов, он подошел.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 6

Вот раздался первый звонок, предвещавший приближение поезда. Мы все вышли на перрон...

Ф. Ф. Раскольников. С. 68

На платформе раздалась громовая «Марсельеза», слышались приветственные крики... Мы оставались в «царских» комнатах, пока у вагона обменивались приветствиями «генералы» большевизма. Затем слышно было шествие по платформе, под триумфальными арками, под музыку, между шпалерами приветствовавших войск и рабочих. Угрюмый Чхеидзе, а за ним и мы, остальные, встали, вышли на середину комнаты и приготовились к встрече. О, это была встреча, достойная... не моей жалкой кисти!

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 6

Когда, попыхивая паром, поезд, наконец, вошел под крышу вокзала, Ленин застыл от изумления. Он увидел на перроне солдат и матросов, вытянувшихся в струнку в почетном карауле с офицерами во главе. Они представляли Московский и Преображенский полки, красногвардейцев и моряков Балтийского флота. Позади них стояли рабочие со знаменами. Вся вокзальная площадь и прилегающие к ней улицы были запружены людьми, которые держали в руках флаги и зажженные факелы. Почти все они провели здесь несколько часов в ожидании его прибытия. Люди были утомлены, их терпению приходил конец. Нервы у всех были так напряжены, что любой толчок мог стать поводом для беспорядков. Обстановка все больше накалялась. Если бы Ленин, выйдя из поезда, скомандовал толпе: «Сожгите Зимний дворец!» — от дворца осталось бы пепелище.

Р. Пейн. С. 314

Наконец быстро промчались три ослепительно ярких огня паровоза, а за ним замелькали освещенные окна вагонов — все тише, все медленнее.

Ф. Ф. Раскольников. С. 67

— Идет!

Сразу замерли ряды. Бегом пробежал комитетский.

Красная повязка на рукаве. Махнул.

— Дальше, дальше, вперед, товарищи! Товарищ Ленин в первом вагоне, в самом переди.

Уже отдувался паром на завороте черный грудастый паровоз. Перед шеренгой матросов — четкая по застылому тихому воздуху прозвучала команда.

— Смиррно! На кра-ул!

С. Д. Мстиславский. С. 535

В дверях показался торжественно спешащий Шляпников в роли церемониймейстера, и пожалуй, с видом доброго старого полицеймейстера, несущего благую весть о шествии губернатора. Без видимой к тому необходимости он хлопотливо покрикивал:

— Позвольте, товарищи, позвольте!.. Дайте дорогу! Товарищи, дайте же дорогу!..

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 6

Ильича вынесли из вагона на руках, и на вокзале он обратился к рабочим с речью...

М. И. Ульянова. С. 238

Поезд остановился, и мы тотчас увидели над толпой рабочих фигуру тов. Ленина. Высоко поднимая Ильича над своими головами, сестрорецкие рабочие пронесли его в зал вокзала.

Ф. Ф. Раскольников. С. 67

Появление Ленина на политической сцене было для них равносильно появлению нового мессии. Лучшего момента для этого нельзя было и придумать: праздновали Пасху.

Р. Пейн. С. 313

Не знаю, что со мной тогда было. Охваченный восторгом, я взволнованно закричал:

— Ленин! Ленин!

Мы ринулись к площадке, подхватили Ильича на руки и высоко подняли над головами. Ильич не ожидал такой бурной встречи и взволнованно говорил нам:

— Товарищи, тише, что вы, товарищи!

А. М. Афанасьев. Встреча на станции Белоостров // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 4. С. 157

На перроне стоял почетный караул, мимо которого провели Ильича и всю нашу эмигрантскую братию...

Н. К. Крупская. С. 228

Прибытия поезда на Финляндском вокзале ожидали делегации. На перроне вокзала были построены шпалерами матросы, рабочая милиция и группы Красной гвардии. Оркестры играли модную тогда «Марсельезу», а матросы, рабочая милиция и красногвардейцы взяли «на караул», приветствуя знаменами прибывших эмигрантов. Владимиру Ильичу пришлось обойти по рядам выстроившихся и сказать несколько слов приветствия.

А. Г. Шляпников. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год: В 3 т. Т. 3. Кн. 45. М.: Республика, 1994. С. 273274

В одиннадцать часов десять минут вечера Ленин ступил на перрон Финляндского вокзала. Неизвестно, что он сразу произнес, потому что его слова заглушил оркестр, грянувший во всю мощь «Марсельезу». Щеголеватый молодой офицер по фамилии Максимов, командовавший отрядом балтийских моряков, был первым, кто приветствовал Ленина в Петрограде. Максимов лихо отсалютовал ему, и, к своему собственному удивлению, Ленин ответил офицеру, повторив то же движение.

Р. Пейн. С. 314315

Когда Ильич вышел на перрон, к нему подошел капитан и вытянувшись что-то отрапортовал. Ильич, смутившись немного от неожиданности, взял под козырек.

Н. К. Крупская. С. 228

В Стокгольме Ленин садился в поезд в котелке, а в Петрограде, на площади перед Финляндским вокзалом, он оказался в кепке. Ближе к образу пролетария.

В. А. Солоухин. С. 120

...На Финляндский вокзал прибыл все же в котелке. Это как бы в качестве замечания в адрес художников и создателей фильмов о Ленине.

А. А. Арутюнов. С. 553

С первой же минуты на российской земле Ленин повел себя так, как собирался действовать и в дальнейшем. В сопровождении Надежды Константиновны и Каменева он прошел в зал, ранее предназначавшийся для императорской семьи.

Р. Сервис. С. 298

Толпа ждала именно Ленина. Но — не я.

Ю. Анненков. Т. 2. С. 259

В знаменитом «пломбированном» вагоне Ленин возвратился в Петербург... Я лично не разделял по поводу его приезда восторгов моих старых товарищей, с которыми у меня под влиянием революционного движения вновь установились оживленные связи. Поэтому я и отказался принять участие в торжественной встрече его, когда он прямо с поезда финляндской ж. д. сразу же поместился на поданный ему специально броневик и, зычным голосом закричав «Товарищи!», обратился к многотысячной толпе со своими, ставшими теперь историческими, речами.

Г. А. Соломон [1]. С. 43

3-го апреля 1917-го года я был на Финляндском вокзале, в Петербурге, в момент приезда Ленина из-за границы. Я видел, как сквозь бурлящую толпу Ленин выбрался на площадь перед вокзалом, вскарабкался на броневую машину и, протянув руку к «народным массам», обратился к ним со своей первой речью.

Ю. Анненков. Т. 2. С. 255

Вместе с другими я был на вокзале при встрече Ленина. Встреча была пышная, с морем красных знамен, со шпалерами войск. Лица вернувшихся на родину эмигрантов сияли восторгом. Ленин был все тот же, каким я знал его 10 лет тому назад, с хитро прищуренными

глазами, с тонкой усмешкой на губах. Узнав меня в толпе, он остановился, обнял меня, расцеловал и спросил:

— Что же, тов. Петров, опять с нами?

Я ответил:

— Не знаю еще.

— Ну, потолкуем, потолкуем...

В. С. Войтинский [2]. С. 124

Он был как-то безоблачно весел, и улыбка ни на одну минуту не сходила с его лица...

Ф. Ф. Раскольников. С. 68

И он пробежал мимо. Пять минут спустя, отвечая на приветствие Чхеидзе, он уже громил Временное правительство за его преступную империалистическую политику и развивал план превращения всемирной войны во всемирную социальную революцию. Говорил Ленин со своей обычной манерой безграничной уверенности в правильности намеченного пути, с обычной полуснисходительной, полупрезрительной усмешкой по адресу «дурачков», которые этого пути не видят и воображают, будто они делают революцию, тогда как в действительности выполняют обычное дело лакеев империализма.

В. С. Войтинский [2]. С. 61

Вслед за Шляпниковым, во главе небольшой кучки людей, за которыми немедленно снова захлопнулась дверь, в «царскую» комнату вошел или, пожалуй, вбежал Ленин, в круглой шляпе, с изыбшим лицом и роскошным букетом в руках. Добежав до середины комнаты, он остановился перед Чхеидзе, как будто натолкнувшись на совершенно неожиданное препятствие. И тут Чхеидзе, не покидая своего прежнего угрюмого вида, произнес следующую приветственную речь, хорошо выдерживая не только дух, не только редакцию, но и тон нравоучения:

— Товарищ Ленин, от имени Петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов и всей революции мы приветствуем вас в России... Но мы полагаем, что главной задачей революционной демократии является сейчас защита нашей революции от всяких на нее посягательств как изнутри, так и извне. Мы полагаем, что для этой

цели необходимо не разъединение, а сплочение рядов всей демократии. Мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели...

Чхеидзе замолчал. Я растерялся от неожиданности: как же, собственно, отнестись к этому «приветствию» и к этому прелестному «но»?.. Но Ленин, видимо, хорошо знал, как отнестись ко всему этому. Он стоял с таким видом, как бы все происходящее ни в малейшей степени его не касалось: осматривался по сторонам, разглядывал окружающие лица и даже потолок «царской» комнаты, поправлял свой букет (довольно слабо гармонизировавший со всей его фигурой), а потом, уже совершенно отвернувшись от делегации Исполнительного Комитета, ответил так:

— Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас как передовой отряд всемирной пролетарской армии... Грабительская империалистская война есть начало войны гражданской во всей Европе... Недалек час, когда по призыву нашего товарища, Карла Либкнехта, народы обратят оружие против своих эксплуататоров-капиталистов... Заря всемирной социалистической революции уже занялась... В Германии все кипит... Не нынче-завтра, каждый день может разразиться крах всего европейского империализма. Русская революция, совершенная вами, положила ему начало и открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция!

Это был, собственно, не только не ответ на «приветствие» Чхеидзе. Это был не ответ, это не был отклик на весь «контекст» русской революции, как он воспринимался всеми — без различия — ее свидетелями и участниками. Весь «контекст» нашей революции (если не Чхеидзе) говорил Ленину про Фому, а он прямо из окна своего заплombированного вагона, никого не спрося, никого не слушая, ляпнул про Ерему...

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 67

Лозунг мировой революции, брошенный им, буквально ошпарил делегатов Исполнительного комитета и другие соглашательские элементы, присутствовавшие в зале.

А. Г. Шляпников. Т. 3. Кн. 45. С. 274

Помню почти всеобщее впечатление недоумения, я сказал бы даже, некоторого конфуза. Но слова Ленина производили впечатление на толпу. Подкупали обычные свойства ленинских речей — простота построения, элементарность доводов, безыскусственность формы и, главное, побеждающая все сомнения уверенность оратора.

В. С. Войтинский [2]. С. 61

Официальная и публичная часть встречи была окончена... С площади сгорающая от нетерпения, от зависти и негодования публика уже недвусмысленно ломилась в стеклянные двери. Шумела толпа и категорически требовала к себе, на улицу, прибывшего вождя. Шляпников, снова расчищая ему путь, выкрикивал:

— Товарищи, позвольте! Пропустите же! Да дайте же дорогу!..

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 78

Ряд закованных в сталь автомобилей вытянулся у Финляндского вокзала. Лучи их прожекторов прорезают вечернюю темноту и бросают длинные снопы света вдоль улиц Выборгской стороны.

Ф. Ф. Раскольников. С. 70

Окончив официальную часть приема, мы направились к выходу. Усадили Владимира Ильича в закрытый автомобиль и намеревались двинуться в объезд многотысячной массы манифестантов прямо в помещение Петербургского комитета. Но эта попытка нам не удалась. Рабочие и солдаты, заполнившие площадь и улицы перед вокзалом, требовали т. Ленина, автомобиль не пропускали. Владимиру Ильичу пришлось выйти из автомобиля.

А. Г. Шляпников. Т. 3. Кн. 45. С. 274

При новой «Марсельезе», при криках тысячной толпы, среди красных с золотом знамен, освещаемый прожектором, Ленин вышел на парадное крыльцо и сел было в пыхтящий закрытый автомобиль. Но толпа на это решительно не согласилась. Ленин взобрался на крышу автомобиля и должен был говорить речь.

— ...Участие в позорной империалистической бойне... ложью и обманом... грабители-капиталисты... — доносилось до меня,

стиснутого в дверях и тщетно пытавшегося вырваться на площадь, чтобы слышать первую речь к народу новой первоклассной звезды на нашем революционном горизонте... Затем, кажется, Ленину пришлось пересечь в броневик и на нем двинуться в предшествовании прожектора, в сопровождении оркестра, знамен, рабочих отрядов, воинских частей и огромной «приватной» толпы к Самсониевскому мосту, на Петербургскую сторону, в большевистскую резиденцию — дворец балерины Кшесинской... С высоты броневика Ленин «служил литию» чуть ли не на каждом перекрестке, обращаясь с новыми речами все к новым и новым толпам. Процессия двигалась медленно. Триумф вышел блестящим и даже довольно символическим.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 8

Поблизости от нас ехали броневики, на один из них рабочие помогли ему взобраться, и, стоя на броневике, освещенный прожекторами, Владимир Ильич сказал речь.

А. Г. Шляпников. Т. 3. Кн. 45. С. 274

Броневики сдвинулись. Широким просветом раздалась перед ним толпа. Заспешили прожекторы, рассекая перед броневиком путь, выхватывая острыми лучами из потемки солдатские папахи... И винтовки, винтовки, винтовки... алые знамена, рабочие шапки, яркие женские платки.

Гремел победным, походным маршем оркестр. Броневики плыли среди людского моря, под бивший прибором немолчный приветственный гул.

С. Д. Мстиславский. С. 538

«Да здравствует социалистическая мировая революция!» — бросал Ильич в окружавшую многотысячную толпу.

Н. К. Крупская. С. 228

Но тут же начались и споры. «Как же так, ведь социалистическая революция у нас возможна лишь после того, как она начнется где-либо на Западе». И мы чуть не подрались тут же с одним из товарищей, с которым шли рядом, держа цепь.

М. М. Костеловская. По поручению московских большевиков // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 4. С. 159

С вокзала поехали в особняк Кшесинской. Здесь собрались работники петроградской большевистской организации и большевики — делегаты закрывшегося накануне Всероссийского совещания, всего человек 200300.

В. С. Войтинский [2]. С. 61

Тов. Ленин уезжает в цитадель большевизма, бывший дом фаворитки царя Кшесинской, после Февральской революции занятый нашими руководящими партийными учреждениями. Вслед за ним я тоже отправился в дом Кшесинской.

Ф. Ф. Раскольников. С. 70

Вскоре мне удалось несколько раз увидеть Ленина на балконе особняка эмигрировавшей балерины Кшесинской, ставшего штаб-квартирой большевиков. Вокруг балкона собиралась разношерстная толпа, перед которой Ленин и неизвестные мне тогда его соратники беспрерывно произносили пропагандные речи.

Ю. Анненков. Т. 2. С. 259260

Еще 67 марта [1917] поступила в Исп. Комитет жалоба известной балерины Кшесинской на самочинный захват большевиками ее особняка. В Таврический дворец явилась Кшесинская в сопровождении какого-то адвоката-дельца и настойчиво просила допустить ее в Исп. Комитет. Последний, узнав, в чем заключалась ее просьба, предложил ей обратиться ко мне, а мне было высказано пожелание о мирном улажении этого дела.

Появление Кшесинской в Таврическом дворце свидетельствовало о том, что первоначальный испуг известной части населения столицы, близкой придворным или задворным кругам, быстро проходил. Сама Кшесинская убежала из своего особняка в ночь на 28 февраля, испугавшись угроз женщин ближайших к ее особняку домов, рассматривавших особняк Кшесинской как очаг великосветского разврата и ловушку для молодых и красивых девиц, поставщицей которых была эта старая балерина. На другой день после ее

исчезновения из дома, его гаражи, служебные помещения занял прибывший в Питер отряд броневиков, а сам особняк солдаты предложили взять нашему Пет. Комитету. Такова была история «захвата».

Перебравшись из здания Биржи труда в особняк Кшесинской, Пет. Комитет занял все комнаты с оставшимся имуществом и впоследствии передал все ценности в градоначальство. Часть имущества после бегства Кшесинской до прибытия броневиков была расхищена. Само здание было мало приспособлено для общественных целей. Значительная часть помещения была занята ванными, купальными бассейнами и т. п. уголками, связанными с публичной профессией этой дамы.

Кто-то из членов Исп. Комитета привел ее ко мне. Первыми ее словами были просьбы не верить всему тому, что писали и говорили о ней: она — бедная женщина, жила своим трудом, никакой спекуляцией не занималась и имела всего 900 тысяч рублей в банке... После такого предисловия из глаз ее упало несколько слезинок и просьба помочь ей водвориться в ее прежнее владение. На последнюю просьбу я ответил ей обещанием оказать содействие, но тут же предупредил о малом вероятии успеха. Дом был занят командой броневиков, и ей переселиться некуда. Но Кшесинская побывала уже в штабе округа, была в Военной комиссии и «уладила там» все. Всюду ей указывали, что дом держат большевики, а не военная власть. Чтобы убедиться, кто прав, она просила дать ей разрешение посмотреть особняк. На мои указания, что вход туда доступен каждому, хозяйка особняка созналась, что она боится туда показаться, и просила меня помочь ей переговорить с лицами, занявшими ее дом, а также посмотреть, в каком состоянии он был.

Исп. Комитет был против самочинных действий, против захвата зданий, против нарушения священных прав частной собственности. Но с нашей организацией соглашательские руководители не хотели спорить из-за дома Кшесинской, а поэтому и отсылали ее ко мне, меня же лично просили уладить дело, и мне волей-неволей пришлось принять на себя эту заботу. С Пет. Комитетом мы условились уступить дом лишь в том случае, если Совет предоставит для рабочих и партийных организаций особый дом. Пока же решили использовать команду броневиков как завесу и прикрытие.

После жалобы Кшесинской в Исп. Комитет мне пришлось организовать ей посещение ее дома, а также свидание с представителями команды броневиков. Солдаты категорически заявили, что дом ей не возвратят, а имущество ее передали в казну. Возражать солдатам она не посмела, а только в ответ прослезилась. Впоследствии мне приходилось еще не раз заниматься по поручению Исп. Комитета «улаживанием» дела с домом Кшесинской. Но все ее хлопоты были напрасны, солдаты оказались правы: дома она не получила, несмотря на содействие военных, судебных и милицейских властей. Освободив его после июльских дней от наших организаций, особняк заняли самокатчики и привели его в полную негодность.

А. Г. Шляпников. Т. 2. Кн. 12. С. 458460

Надежда Константиновна была как-то ошеломлена массой неожиданных и радостных впечатлений и говорила мне, что по дороге они с Ильичом задавались вопросом: а удастся ли ночью достать на Финляндском вокзале извозчика? И вдруг — такая встреча...

Ф. И. Драбкина. Приезд товарища Ленина // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 4. С. 169

Пробираясь по направлению к дому, я так же потихоньку двигался в хвосте процессии, далеко от ее центра, в компании нескольких человек. В числе их был мой старый знакомый, тогда гардемарин или мичман, а затем именитый большевистский адмирал Раскольников, не только на редкость милый, искренний, честный, располагающий человек, беззаветный революционер и фанатик большевизма, но и человек, добросовестно и много занимавшийся не в пример другим своей революционно-социалистической культурой.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 8

Ехавший со мною в трамвае «новожизненец» Суханов кисло брюзжал по поводу ленинских речей.

Ф. Ф. Раскольников. С. 70

Раскольников был в полном упоении от встречи, от приезда Ленина, от самого Ленина да и от всего происходящего перед его

глазами в этом лучшем из миров. Он без умолку рассказывал о своем вожде, о его личности, о его роли, о его прошлом.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 8

Особняк балерины гудел, как потревоженный улей. На лестнице, в коридорах, в комнатах, в большом зале обменивались впечатлениями от первой речи Ленина. Почти никто не был согласен с нею. Но об «Ильиче» отзывались восторженно, в особенности рабочие. Господствующее мнение, насколько я мог уловить, сводилось к тому, что «Ильич» не успел с дороги осмотреться, но это мелочь, а главное:

— Здорово он о буржуазии! Чего там, в самом деле?..

В. С. Войтинский [2]. С. 62

Перед домом стояла и не расходилась толпа, а с балкона второго этажа говорил речь уже охрипший Ленин. Я остановился около отряда солдат с винтовками, который сопровождал процессию до самого конца.

— ...Грабители-капиталисты, — слышалось с балкона. ...Истребление народов Европы ради наживы кучки эксплуататоров... Защита отечества это значит защита одних капиталистов против других...

— Вот такого бы за это на штыки поднять, — вдруг раздалось из группы «чествователей»-солдат, живо реагиовавших на слова с балкона. — А?.. Что говорит!.. Слышь, что говорит! А?.. Кабы тут был, кабы сошел, надо бы ему показать! Да и показали бы! А?.. Вот за то ему немец-то... Эх, надо бы ему!..

Не знаю, почему они не «показали» раньше, когда Ленин говорил свои речи с более низкой трибуны: не думаю, чтобы они «показали» и впредь, «кабы он сошел». Но все же было интересно.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 9

Между тем собравшиеся около дома Кшесинской рабочие и солдаты не расходились, требовали т. Ленина. Ему пришлось несколько раз выступать с балкона.

А. Г. Шляпников. Т. 3. Кн. 45. С. 275

Неожиданно для себя я очутился у калитки, где большевик-рабочий строго и энергично среди ломившейся толпы выбирал достойных проникнуть внутрь дома и участвовать в неофициальной товарищеской встрече. Узнав меня в лицо, он опять-таки неожиданно пропустил, пожалуй, даже пригласил и меня... Внутри дома, мне показалось, немного народу: очевидно, пускали действительно с разбором. Но встреченные в апартаментах Кшесинской большевистские знакомые «генералы» проявили по отношению ко мне вполне достаточное радушие и гостеприимство. Я доселе и впредь благодарен им за впечатления этой ночи с 3 на 4 апреля... Покои знаменитой балерины имели довольно странный и нелепый вид. Изысканные плафоны и стены совсем не гармонировали с незатейливой обстановкой, с примитивными столами, стульями и скамьями, кое-как расставленными для деловых надобностей. Мебели вообще было немного. Движимость Кшесинской была куда-то убрана, и только кое-где виднелись остатки прежнего величия в виде роскошных цветов, немногих экземпляров художественной мебели и орнаментов... Наверху, в столовой, готовили чай и закуску и уже приглашали за стол, «сервированный» не хуже и не лучше, чем у нас в Исполнительном Комитете. Торжественные и довольные избранные большевики расхаживали в ожидании первой трапезы со своим вождем, проявляя к нему пиетет совершенно исключительный.

— Что, Николай Николаевич, батко приехал! А? — остановил меня, подмигивая и потирая руки, улыбающийся Залуцкий, довольно деятельный представитель левой оппозиции в Исполнительном Комитете.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 910

В помещении дома Кшесинской собрались все работники Петербургского комитета партии. Был накрыт стол, заполненный всякой снедью, приготовили чай. Один солдат броневика (кажется, т. Елин) принес сбереженную им бутылку какого-то вина, предложил мне угостить В. И. Ленина. Бутылку распили.

А. Г. Шляпников. Т. 3. Кн. 45. С. 275

Ильич сидел и слушал все речи с улыбкой и нетерпеливо ждал конца.

Ф. Ф. Раскольников. С. 71

Когда очередной оратор кончил, Ленин быстро, не давая выступать следующим с заготовленными ими приветствиями, хлопнув обеими ладонями по столу, сказал: «Я полагаю, товарищи, что довольно уже нам поздравлять друг друга с революцией». Все смущенно переглянулись. «Я думаю о перспективах русской революции следующее...» — продолжал Ленин и сделал нам доклад часа на полтора. Слушали, затаив дыхание, не сводя глаз.

М. М. Костеловская. С. 159

И поднялся с ответом сам прославляемый великий магистр ордена. Мне не забыть этой громоподобной речи, потрясшей и изумившей не одного меня, случайно забредшего еретика, но и всех правоверных. Я утверждаю, что никто не ожидал ничего подобного. Казалось, из своих логовищ поднялись все стихии, и дух всесокрушения, не ведая ни преград, ни сомнений, ни людских трудностей, ни людских расчетов, носится по зале Кшесинской над головами зачарованных учеников.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 11

В устах оратора странным образом сплетались избитые, захватанные формулы со словами, лозунгами, мыслями до того новыми, до того непривычными, что требовалось напряженное внимание, чтобы следить за их развитием.

В. С. Войтинский [2]. С. 62

Слушая (позже уже) главу государства, я на вопрос одного репортера о впечатлении как-то ответил: в арифметике это называется смешанная периодическая дробь — одна фраза новая, три старых, затем опять одна новая и снова три старых и т. д. Много слов, бесконечные повторения, незначительное содержание... Но все это пришло потом, под бременем власти. В те же времена Ленин умел потрясать своим сильным словом, своим ораторским воздействием.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 11

Говорил он в большом Белом зале, отделанном в антично-греческом стиле. Сверкающие белизной мраморные колонны, золоченые карнизы и люстры, выбитые по мрамору гирлянды цветов, живые пальмы вдоль стен, на всем печать изысканного вкуса и утонченной роскоши. И посреди этой роскоши 23 сотни людей — рабочие пиджаки, солдатские шинели, убогие платья партийных работников; все слушают с напряженным вниманием. Перед ними маленький человек с блестящим лысым черепом, с глазами-щелками, с широким, размашистым жестом. Говорит, посмеиваясь, переступая с ноги на ногу, наклоняясь всем корпусом то в одну, то в другую сторону, будто танцуя на месте.

В. С. Войтинский [2]. С. 62

Однако я утверждаю, что он потряс не только ораторским воздействием, но и неслыханным содержанием своей ответно приветственной речи не только меня, но и всю свою собственную большевистскую аудиторию. Ленин говорил, вероятно, часа два. Мне не забыть этой речи, но я не стану и пытаться воспроизвести ее в подлинных словах хотя бы в небольшом экстракте. Ибо совершенно безнадежное дело — воссоздать хотя бы слабый отблеск впечатления от этой речи: мертвая буква не заменит живого, бурлящего красноречия, главное же — нельзя вернуть неожиданности и новизны содержания, которое теперь уже не будет аффрапировать (удивлять, поражать. — *фр.*), не будет удивлять, а будет звучать теперь банальностью и... очень печальной банальностью...

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 1112

Плеханов в своей газете «Единство» назвал тезисы Ленина «бредом».

Н. К. Крупская. С. 230

Помню Богданова, сидевшего напротив меня, на «министерской скамье», в двух шагах от ораторской трибуны.

— Ведь это бред, — прерывал он Ленина, — это бред сумасшедшего!.. Стыдно аплодировать этой галиматье, — кричал он, обращаясь к аудитории, бледный от гнева и презрения, — вы позорите себя! Марксисты!

Несколькими днями позже в газете «Дело народа» появилась заметка Виктора Чернова. Это была краткая, но поразительно точная и глубокая характеристика Ленина в период его возвращения из эмиграции в Россию. В ней говорилось: «Ленин — человек огромных способностей, но в условиях ненормального существования в подполье его способности не развивались, были чудовищно задавлены, изуродованы. Ленин мог бы о себе сказать: «Я не знаю, куда я иду, но я все равно иду туда со всей своей решимостью». Несомненно, Ленин предан делу революции, но у него эта преданность замыкается на самом себе: «Государство — это я!» Для него нет разницы между его личной политикой и интересами партии, интересами социализма. Ленин обладает необычайным интеллектом, но односторонним. Ленин абсолютно искренний человек, но с ограниченным кругозором. Именно поэтому моральное чувство у него притуплено. Социализм Ленина — грубый, примитивный, он действует топором там, где следует применить скальпель».

Р. Пейн. С. 332

Об «Апрельских тезисах» Ленина и о том, что тот писал позднее, Плеханов говорил как о «бреде». Он неоднократно повторял это слово. «Бред, только бакунинский бред, способный находить отклик лишь в очень невежественной среде».

Н. Валентинов. Наследники Ленина / Ред.-сост. Ю. Фельштинский. М.: Терра, 1991. С. 189

(Далее цит.: Н. Валентинов [3])

Ленин кончал свою речь. За два часа он наговорил много. В этой речи было достаточно и ошеломляющего содержания, и ярких, цветистых красок. Но не было в ней одного — это мне хорошо памятно и это весьма замечательно, — не было в ней анализа объективных предпосылок, анализа социально-экономических условий для социализма в России. И не было не только разработанной, но и намеченной экономической программы... Ленин кончил речь. Ученики восторженно, дружно, долго аплодировали учителю. На лицах большинства был только восторг и ни тени сомнений. Счастливые,

невинные души!.. Но грамотные, долго и дружно аплодируя, как-то странно смотрели в одну точку или блуждали невидящими глазами, демонстрируя полную растерянность: учитель задал работу головам учеников-марксистов.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 1415

Плеханов (не присутствовавший на собрании) назвал в «Единстве» (газета социал-демократического направления, выходившая в Петрограде. — *Е. Г.*) эту речь «бредовой», и такой действительно показалась она многим слушателям.

В. С. Войтинский [2]. С. 68

Были зачатки того, что Ленин много раз повторял впоследствии: именно отсталость нашей страны, именно слабость ее производительных сил не дали ей выдержать то отчаянное напряжение всего ее организма, какого потребовала война, и потому раньше других Россия произвела революцию. Но каким образом эта отсталость, эта мелкобуржуазная, крестьянская структура, эта неорганизованность, это крайнее истощение мирятся с социалистическим переустройством независимо от Запада, до «всемирной социалистической революции», на этот счет никаких разговоров не было. Каким образом при всех этих условиях рабочие и батрацкие Советы, представляя небольшое меньшинство страны, в качестве носителей пролетарской диктатуры, против воли, против интересов большинства устроят социализм — об этом оратор также умолчал совершенно.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 14

Во время речей противников Ленин равнодушно ушел из зала...

В. С. Войтинский [2]. С. 69

Ленин не воспользовался заключительным словом докладчика и, кажется, куда-то исчез. Таково было его обыкновение, для него характерное. Ленин превосходно излагал заранее разработанные темы и хорошо продуманные мысли, но он избегал «рукопашной», он редко отвечал на сделанные в упор возражения и запросы, предоставляя расхлебывать кашу другим...

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 17

Насколько помню, этим и закончилось ночное собрание в доме Кшесинской, собрание, на котором впервые перед работниками петроградской большевистской организации сверкнули огненные линии революционных схем Ленина.

В. С. Войтинский [2]. С. 66

Я вышел на улицу. Ощущение было такое, будто бы в эту ночь меня колотили по голове цепами. Ясно было только одно: нет, с Лениным мне, дикому, не по дороге... Я с наслаждением вобрал в себя побольше свежего весеннего воздуха. Было уже совсем светло, занималось утро...

Еще через день-два в центральном большевистском органе, в «Правде», были напечатаны в виде фельетона знаменитые первые «тезисы» Ленина. Они содержали резюме его новой доктрины, изложенной в его речах. Это были тезисы о мировой войне и всемирной социалистической революции, о парламентарной республике, о Советах рабочих и батрацких депутатов, об организованном захвате, о вооруженных рабочих, о социал-предателях, о грязном белье социал-демократии, о коммунистической партии и т. д. Не было в тезисах того же, чего не было и в речах: экономической программы и марксистского анализа объективных условий нашей революции.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 15,20

Помню, что, когда Владимир Ильич приехал в Россию в апреле 1917 года и поселился на квартире Анны Ильиничны (я жила тогда вместе с Елизаровыми), мы отмечали с ней, с какой жадностью он набрасывался на пищу, которой за границей ему видеть не приходилось: кур, телятину и т. п.

М. И. Ульянова. С. 216

Через две недели после его прибытия, когда город захлестнули вооруженные демонстрации солдат и матросов, организованные штабом Ленина, к немцам на линии фронта под белыми флагами явились никому не известные русские парламентареры. Я считаю этот инцидент, о котором в то время ничего не знал, еще одним

свидетельством того, что перед своим возвращением в Россию Ленин взял на себя обязательство заключить как можно скорее сепаратный мир с Германией.

Упоминание этого странного инцидента, которое я обнаружил в германских секретных архивах всего несколько лет назад, содержится в телеграммах, которыми обменялись между собой штаб Гинденбурга и имперское правительство.

А. Ф. Керенский. С. 216217

В своей летучей литературе, на митингах, на фронте большевики обещают немедленное окончание войны, если... власть перейдет к ним. Сколько земных радостей сулят они. Совсем как ведьма из сказки Андерсена. И только наш бедный темный и невежественный народ может верить этим лживым посулам.

Т. Алексинская. Из дневника // Родная земля. Париж, 1926. №1. 1 апр.

Генеральный штаб, 21 апреля 1917... В Министерство иностранных дел № 551

Штаб Главнокомандования передает следующее сообщение из отдела политики генерального штаба Берлина:

«Штайнвахс телеграфирует из Стокгольма 17 апреля 1917:

«Въезд Ленина в Россию удался. Он работает полностью по нашему желанию...»

Из донесения секретного агента германского Генштаба.

Цит. по: *Арутюнов А. А. С. 69*

А когда-то приехал Г. В. Плеханов. Как его встречали на Финляндском вокзале! Цветы, знамена, музыка, толпа народа! Когда он вышел из вагона, что-то необъяснимо радостное овладело всеми, мы все шли куда-то толпой, радостно улыбаясь; студенты цепью охранявшие процессию, что-то кричали, но оркестр заглушал их слова. Плеханов с цветами в руках, с изумленными глазами, бледный, взволнованный, двигался с толпой. Я шла с В. Л. Бурцевым. Мы прошли в парадную комнату на вокзале, где Плеханов произнес краткую приветственную речь. Домой я вернулась, полная радужных

надежд. Г. В. Плеханов сумеет изменить политику Совета Рабочих Депутатов!..

Т. Алексинская // Родная земля. Париж, 1926. №1. 1 апр.

Однажды, это было скоро после его приезда к нам, я спросил Плеханова — сколько лет он не был в России и какие в ней изменения особенно бросились ему в глаза. Плеханов сказал, что он уехал из России в 1880 г. (кажется, так, хорошо не помню, какой год он указал), и, следовательно, не видел ее около 37 лет. С внешней стороны серьезно, но по существу со злой иронией Плеханов начал говорить о том, что его поразило.

«Видите ли, я до сих пор считал Россию в большинстве своем населенной русскими — славянами. Думал, что господствует в ней славянский тип, примерно новгородского образца. Значит — люди высокого роста, по преимуществу долихоцефалы и блондины. Что же я вижу во всех российских, петербургских и прочих советах рабочих, крестьянских и солдатских депутатов? Множество людей черноволосых, большей частью брахицефалов, и говорят эти люди с каким-то акцентом и придыханием. Неужели, думал я, за эти годы, что не был в России, антропология ее населения так сильно изменилась? За все время, что приехал сюда, увидел, кажется, только двух истых представителей новгородского типа — это Авксентьев и Стеклов, но после проверки оказалось, что тов. Стеклов к новгородцам не принадлежит».

Н. Валентинов [4]. С. 187189

На другой день на квартиру к Плеханову, где он остановился с женой Розалией Марковной, ворвался отряд солдат и матросов. Один из опоясанных патронными лентами крест-накрест матросов, приставив к груди Плеханова наган, потребовал:

— Сдайте оружие добром. Если найдем — расстреляем на месте!

— Вы можете это сделать и не найдя оружия. Но его у меня нет, — спокойно ответил старый социал-демократ.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 174

Преступления Ленина, как известно, начались еще до его приезда, и я уже писал, как использовала его поездку через Германию вся

буржуазия от мала до велика. Агитация на этой почве разливалась широкой рекой и с большим успехом: лозунг «Долой Ленина — назад в Германию!» стал достоянием самых широких масс около середины апреля. Он стал крайне популярен среди мещан, делающих «общественное мнение», и не только пошел по казармам, но и по заводам.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 42

Первые предостережения о вероятности контактов между Лениным и немцами были переданы Керенскому французским министром-социалистом Альбером Тома.

Г. Катков. С. 166

В середине апреля в Петроград прибыл французский министр военного снабжения Альбер Тома. Он привез с собой и передал князю Львову некоторую, в высшей степени важную, информацию о связях большевистской группы во главе с Лениным с многочисленными немецкими агентами. Однако французский министр обусловил это требованием, чтобы о том, что он — источник информации, сообщили лишь тем министрам, которые займутся расследованием обстоятельств дела. Через несколько дней на секретном совещании князь Львов с согласия Тома поручил это расследование Некрасову, Терещенко и мне.

А. Ф. Керенский. С. 220

Я писал, что мне не удалось при встрече большевистского вождя разузнать на этот счет мнение воинских частей, встречавших и чествовавших Ленина. Но теперь, именно теперь, 1416 апреля, все газеты облетела резолюция искони революционнейших матросов балтийского флотского экипажа, бывших на вокзале в качестве почетною караула: «Узнав, что господин Ленин вернулся к нам в Россию, с соизволения его величества императора германского и короля прусского, — писали матросы (sic!), — мы выражаем свое глубокое сожаление по поводу нашего участия в его торжественном въезде в Петербург. Если бы мы знали... какими путями он попал к нам, то вместо восторженных криков «ура» раздались бы наши

негодующие возгласы: «Долой, назад в ту страну, через которую ты к нам приехал»...

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 43

17 мая (а, быть может, днем позже) я получил от начальника штаба генерала Деникина пакет с протоколом допроса прапорщика 16-го Сибирского стрелкового полка Ермоленко, проведенного офицерами контрразведки. Находясь в германском плену, этот молодой офицер согласился работать немецким агентом для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией и получил от двух офицеров германского генштаба Шитицкого и Люберса (существование коих было подтверждено) необходимые инструкции, деньги и адреса. Согласно показаниям Ермоленко, они сообщили ему, что такого же рода агитацию ведут в России агент германского генерального штаба, председатель украинской секции «Союза освобождения Украины», которая функционировала в Австрии с 1914 года на средства Вильгельма II, А. Скоропись-Иолтуховский, а также — Ленин.

А. Ф. Керенский. С. 220

Как известно, 25 апреля прапорщик 16-го Сибирского полка Ермоленко был выпущен из плена немцами в тыл 6-й армии. Пойманный, приведенный в штаб, он стал рассказывать, что послан для пропаганды сепаратного мира, что содержание будет получать от украинца Скоропись-Иолтуховского, который направлен к нам немцами, как и Ленин, для работы по разрушению России, а в отношении правительства оба получили задание в первую очередь удалить министров Милюкова и Гучкова.

Б. Никитин. С. 93

К концу марта германские агенты всецело овладели положением как в столице, так и в провинции. Совершенно безразлично, получили ли большевицкие главари какие-либо денежные суммы от немецкого командования или же ограничились тем, что приняли предложение германского правительства проехать через Германию в запломбированном вагоне. Ведь говорил же Ленин: «Я бы взял на дело революции деньги от самого дьявола».

Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. С. 232

В последних числах июня три... самостоятельные группы дел, а именно, Степин, финляндская (Парвус), и, наконец, Суменсон-Ганецкий, давали много материала для обвинения большевиков в государственной измене, они были достаточно разработаны. В них мы имели и неоспоримые связи с Германией, и немецкие деньги через банки, и даже раздачу этих денег в народ для участия в демонстрациях.

Б. Никитин. С. 104

В соответствии с условием, которое выдвинул Тома, больше никто в России, даже другие министры или Верховный главнокомандующий, не были поставлены в известность о сообщенных фактах.

А. Ф. Керенский. С. 220

Вот и Ленин докатился до России. 3 апреля он был уже в Петрограде. Он торопился приехать и приехал в... немецком запломбированном вагоне. Пользоваться услугами Германии во время войны с нею, — до этого мог дойти лишь один Ленин, способный на все, лишь бы осуществить свои цели: — «нужно только захотеть», вспомнилось мне, что он говорил в Финляндии. И он «захотел» и приехал сейчас в Россию при помощи немцев. Большевики устроили ему встречу с прожекторами, барабанным боем и пр. и пр. Вообще, приезд Ленина и встреча Ленина — сплошной вызов всем. Его поселили во дворце балерины Кшесинской. «Его» люди бегают по Петрограду и ведут пропаганду. Лозунги, приемы и агенты ленинской организации — это точная копия черносотенного «Союза Русского народа», рассчитанного на темные массы. Лозунг «бей жидов» сменился на «бей буржуазию» и «долой министров-капиталистов». В воздухе запахло погромом, а Керенский продолжает говорить о «бескровной» революции.

Т. Алексинская // Родная земля. Париж, 1926. №1. 1 апр.

Июльский путч. Первая кровь

Кроме бродячих агитаторов у большевиков имеется огромное количество литературы. Свою «Правду» они издают по всей России: — «Окопная правда», «Московская правда» и т. д. Каждый крупный город имеет свою «Правду». Все это стоит громадных денег. Откуда они у них?

Т. Алексинская // Родная земля. Париж, 1926. №1. 1 апр.

О том, что Ленин, Троцкий и другие большевистские главари были тесно связаны с германским штабом, получали от них денежную и другую помощь, говорили почти по всему Питеру. Некоторые даже подтверждали, что в контрразведке имеются неопровержимые документальные доказательства этой изменнической связи. Почему эти документы не публиковались — я никак не мог понять. Помимо этих улик, имелось еще больше других доказательств, которые только слепые и глухие не могли замечать.

В. Панкратов. Большевистский путч // Заря. Омск, 1919. Янв.

Не случайно после Февральской революций большевики начали выпускать такое большое количество газет, листовок, прокламаций! В июле 1917 года партия уже имела 41 газету с ежедневным тиражом в 320 тыс. экземпляров; 27 газет выходили на русском языке, остальные на грузинском, армянском, латышском, татарском, польском и других языках. «Правда» издавалась тиражом в 90 тысяч экземпляров. ЦК партии после февраля приобрел собственную типографию за 260 тысяч рублей. Никакие «взносы» партийцев не могли обеспечить это газетное половодье. Верхушка партии получала партийное жалованье. Касса большевиков не оказалась пустой! И любые деньги (от экспроприации, пожертвования меценатов или ассигнования «доброхота» Парвуса-Гельфанда) были так кстати в момент, когда представился невероятный, уникальный исторический шанс прихода к власти!

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 213214

В самом деле, — откуда у большевиков появились сразу такие громадные средства? На какие деньги они издали такую уйму своих лживых, клеветнических газет — «Правд», «Окопной», «Солдатской»? В каких типографиях успевали они печатать в таком невероятном

количестве? Какие колоссальные средства нужны были для их изданий! Ведь ни одна партия в России — даже кадетская — не в состоянии была выдержать таких расходов. Откуда вдруг появилась у большевиков такая многочисленная организация, перед февральским переворотом всю эту партию можно было усадить на одной скамейке. Когда на митингах я задавал все эти вопросы большевистским агитаторам, то, кроме ругательств, других ответов не получал. Нахальные же или хитрые рабочие Васильевского острова мне отвечали: «На пожертвования (???) самих рабочих». А некоторые из них даже хвастались, прибавляя, что «у них в одном Питере до 600 агитаторов разъездных, получающих по 25 рублей в сутки».

В. Панкратов // Заря. Омск, 1919. Янв.

3 декабря 1917 года статс-секретарь фон Кюльман телеграфировал секретарю МИДа при германском Генеральном штабе: «Распад Антанты и последующее возникновение в результате этого выгодных нам политических комбинаций является важнейшей целью нашей дипломатии во время войны. Россия (на мой взгляд) является самым слабым звеном в цепи противника. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы еще больше расшатать это звено и, когда представится возможность, вырвать его из цепи. Эта цель лежит в основе всей подрывной деятельности за линией фронта внутри России, а для этого, прежде всего, необходимо всячески содействовать сепаратистским тенденциям и оказывать поддержку большевикам. Ведь до тех пор, пока они не стали получать от нас по разным каналам и под разными предлогами постоянных субсидий, они не имели возможности создать свой главный печатный орган «Правду», чтобы вести действенную пропаганду и существенно расширить до того времени узкую базу своей партии».

Тайна октябрьского переворота. С. 11

Пользуясь случаем, отвесим запоздалый низкий поклон сотрудникам контрразведки штаба Петроградского военного округа (начальник Б. Никитин, А. Н. Моллер, поручик Органов и др.), своевременно «вычисливших» чуть ли не всех предателей и шпионов (досье на них целы и хранятся в одном из петербургских архивов) периода первой мировой войны.

Тогда, на заседании 1 июля, я принял следующие решения.

1. Приказать отменить производство всех 913 дел по шпионажу, больших и малых, находящихся в разработке контрразведки и не имеющих прямого отношения к большевикам, дабы усилить работу против большевиков.

Такое распоряжение при обычных условиях следует признать чистейшим абсурдом: оно нарушало систему, а, кроме того, очень часто из самых ничтожных новых расследований появляются как бы случайно новые пересечения, из которых возникают дела громадной важности. Но в данном случае я именно считал, что у нас и засечек, и доказательств совершенно достаточно, а не хватало сил, которые надлежало сконцентрировать, чтобы удержать за собой все приобретенное.

По-видимому, новый начальник контрразведки и его старшие помощники понимали этот вопрос одинаково. Отдавая приказание, я его оговорил, что отступления могут быть для исключительных случаев, но каждый раз с моего особого разрешения. Просьб об отступлениях заниматься каким-либо другим делом я не получил.

2. Мы составили список двадцати восьми большевистских главарей, начиная с Ленина, и, пользуясь предоставленным мне правом, я тут же подписал именем главнокомандующего двадцать восемь ордеров на аресты.

3. Практика мне показала, что то, чего мы не могли провести в Петрограде из-за вмешательства Совета рабочих и солдатских депутатов, нам иногда удавалось осуществить вне столицы. Поэтому я решил немедленно начать наступление на финляндском направлении по группе дела № 2 (Ленин — Парвус). Там, в Торнео и Белоострове, были активно настроенные коменданты, а из попавших в список 28 большевиков больше половины ездили к себе на дачи, а также в Выборг. Стало быть, была не исключена возможность их арестовать внезапно в вагоне, а к тому же зацепить с поличным. Из Финляндии я рассчитывал выйти на Петроград.

Поэтому в тот же день, 1 июля, я переселил на границу с Финляндией целый отдел контрразведки с 40 агентами. Начальнику его, тому же следователю С., я вручил ордера, приказал арестовывать

указанных в них лиц при их появлении на границе и немедленно о том доносить по телефону.

4. Я поставил в известность всех присутствующих на совещании, что такой порядок будет продолжаться самое большое семь дней. В случае же, если за этот срок нам не удастся обличением и арестами в Финляндии вызвать возмущение против предателей и тем создать благоприятную обстановку, мы все равно 7 июля приступим к ликвидации большевиков в самом Петрограде.

Б. Никитин [2]. С. 107108

Все это, несомненно, достигло цели. Репутация большевистского вождя как врага России и революции была быстро упрочена. Но этого мало: агитация достигла цели в том смысле, что вокруг Ленина началось погромное движение, которое могло дать инициаторам желательные результаты. Около дома Кшесинской, где развевался великолепный флаг большевистского Центрального Комитета, стали ежедневно, особенно по вечерам, собираться огромные толпы людей. Они устраивали враждебные манифестации, агитировали, угрожали. Среди них действовали, конечно, настоящие провокаторы, повторявшие соседям на ухо все «умозаключения» газет насчет Ленина и развивавшие их дальше — насчет всяких социалистов и советских людей. Газеты писали, что Ленин раза два выходил на балкон, объяснялся, «оправдывался», уверял, что «его неправильно понимают»... Возможно, что Ленин, немало научившись, действительно «разъяснял» свои позиции в смягченном духе. Но дело становилось все хуже. По городу стали ходить, толпы каких-то людей, бурно требовавших ареста Ленина. Это были уже беспорядки и вообще довольно большой, даже слишком большой успех черносотенной кампании. «Арестовать Ленина», а затем и «Долой большевиков» — слышалось на каждом перекрестке. Запускать движение, дать волю народному негодованию было нельзя. Надо было бороться.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 43

Зашла к нашему старому товарищу и другу Д. И. Лешенко. Мы жили с ним в Финляндии на даче инженера Зябицкого в 1907 году, до

нашего отъезда за границу. Он по-прежнему ярый приверженец Ленина.

— Знаете, что сказал Ленин по приезде в Петроград?

— Что? Не знаю.

— Станный народ эти русские: я думал, что с вокзала меня повезут в тюрьму, а мне устроили такую встречу, и...

— И повезли во дворец Кшесинской, — закончила я.

— Совсем не то, — запротестовал Лешенко, — это означает, что масса ему сочувствует.

Он долго еще говорил о Ленине в восторженном тоне. Я молчала. Да и что я могла ему отвечать? Оба знали мы Ленина, оба знали его ум и преданность революционной идее, но фанатизм и личное властолюбие доводят Ленина до того, что он играет с огнем, опираясь на темные инстинкты масс, на солдат, «уставших сидеть в окопах».

Я поднялась. Лешенко любезно приглашал меня заходить. Я попрощалась и, вероятно, навсегда.

«Я думал, что меня с вокзала отправят в тюрьму», — повторяла я про себя фразу Ленина. Эх, правители, наши новые правители, Ленин, как умный человек, сам понял, что видно не «все дозволено», и сам указал себе надлежащее место: в тюрьме, а наши правители этого не понимают и ничего не смеют сделать.

Т. Алексинская // Родная земля. Париж, 1926. №1. 1 апр.

Была пущена в ход широкая контрагитация. Советские «Известия»... посвятили этому делу внушительную передовицу 17 апреля (от которой всякому иному на месте Ленина-правителя должно было бы быть конфузно). «Известия» горячо протестовали и против травли Ленина, и против борьбы с ним подобными мерами. Они горячо выступали в защиту свободы и достоинства революции. «Разве можно у нас, — писала редакция, — в свободной стране допускать мысль, что вместо открытого спора будет применено насилие к человеку, отдавшему всю жизнь на службу рабочему классу, на службу всем обиженным и угнетенным?»...

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 43

Однако факты, по выражению самого Ленина, «упрямая вещь», и когда в июле внешние и внутренние враги свободы и России

потерпели крах в попытках сокрушить едва родившуюся в стране демократию, Ленин молчаливо признал справедливость этих фактов, покинув пределы страны. И в самом деле, когда вся Россия узнала, с кем водил он компанию, выбора у него не было.

А. Ф. Керенский. С. 222

И, конечно, дело не ограничилось «милостями Вильгельма». Ленина атаковали за прошлое, за настоящие его взгляды, за образ жизни (!) и т. д. Дворец Кшесинской, где якобы жил Ленин, стал у всех на языке. Целые столбцы всякой печати отводились «лениниаде». Всевозможные организации, до советских включительно, стали «иметь суждение» о Ленине и его вредной деятельности. Солдатская Исполнительная комиссия, Московский солдатский Совет, по зрелом обсуждении, вынесли резолюции о защите от Ленина и его пропаганды. Гимназисты в Петербурге устроили манифестацию «против Ленина» и т. д.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 43

В июне 1917 г., не помню точно за сколько времени до июльского восстания большевиков, со мной выразили желание увидеться несколько членов Министерства юстиции, во главе которого тогда стоял П. Н. Переверзев. Среди них были лица, связанные с эсеровской партией. Из беседы с ними я выяснил, что Министерство юстиции располагает данными о связи между немецким штабом и некоторыми «левыми» деятелями, в частности Лениным. На мой вопрос, почему же Ленин и другие замешанные в дело лица не преданы суду, мне был дан ответ, что этого не желают влиятельные члены Временного правительства. На это я сказал, что тогда остается только заставить правительство сделать то, что оно, как правительство, обязано сделать, и что обращение к общественному мнению путем печати является подходящим для этого средством. Практических результатов, к сожалению, эта беседа тогда не имела, и события шли своим чередом до июльского восстания.

Г. А. Алексинский [2]. Общее дело. Париж, 1921. 12 февр.

В то бурное, смутное время ко всем партиям примыкало много темных, чуждых идейности людей, но к большевикам шло

положительно все нечистое, уголовное, потому что большевизм бросил в народ такие лозунги как «Мир во что бы то ни стало с Германией!», «Грабь награбленное!», «Делай что хочешь и ни за что не отвечай», «Бей и грабь буржуев, интеллигентов».

В. С. Панкратов // Заря. Омск, 1919. Янв.

К сожалению, Керенский не сумел использовать создавшегося выгодного положения. Переверзеву предложили за выдачу документов уйти в отставку. Арестованные по делу об измене большевики были выпущены на свободу. Работа германских агентов возобновилась с новой силой и в конце октября увенчалась низвержением правительства Керенского, если только можно применить термин «низвержение» к жалкому и бесславному падению жалких и слабых людей, по недоразумению стоявших у власти в тяжелое и бурное время.

Г. А. Алексинский [2] // Общее дело. Париж, 1921. 12 февр.

Июль 1917 г. Мы пережили ужасные дни. Вспоминаю о них как о кошмаре. Два дня большевики держали всех в страхе, что перевес останется на их стороне. 3-е и 4-е июля не скоро будет позабыто петроградцами. О предстоящем восстании большевиков говорили много, но готовились к нему лишь большевики. И когда оно пришло, все растерялись, и правители и граждане. Толпы народа высыпали на улицу, по улицам на грузовиках мчались вооруженные большевики и стреляли без предупреждения в толпу. Я шла с толпой по Литейному проспекту. Вдруг раздались один за другими выстрелы из винтовок. На тротуар падают бедно одетая женщина, старик, мальчик... все в страхе разбегаются, затем, опомнившись, начинают сыпать проклятиями по адресу убийц.

Возмущение толпы так велико, что я, бывавшая на многих демонстрациях при царизме, не запомню такого возмущения и возбуждения.

Т. Алексинская // Родная земля. Париж, 1926. №1. 1 апр.

Ленин, Зиновьев, Каменев, Стеклов, поддерживаемые трусливой частью Петроградского гарнизона и малосознательными рабочими,

населяющими, по преимуществу, Выборгскую сторону, сбросили маску и свою подпольную деятельность вынесли на улицы столицы.

И вот в продолжение четырех дней Петроград был во власти рассвирепевших разбойничьих банд. В продолжение четырех дней лилась на улицах русского города русская кровь, сознательно проливаемая русскими людьми. Обезумевшая чернь с ярлыком «большевизма» на голове убивала и насиловала мирных граждан, распинала молодую свободу, покрывая и себя, и своих вождей, и свою политическую партию несмываемым позором.

Нет худа без добра // Живое слово. 1917. № 53. 7 июля

Это странное восстание началось 16 (3) июля. В тот день Первый пулеметный полк подошел к Таврическому дворцу (резиденция Временного правительства. — *Е. Г.*), угрожая взять его штурмом.

Р. Пейн. С. 339

С этого дня началась знаменитая июльская неделя, один из драматичнейших эпизодов революции. Его история не только очень важна и интересна, но и очень сложна. И не только сложна, но и очень темна, крайне запутана. По обыкновению, я не беру на себя ни малейшего обязательства ее распутать, не только правильно истолковать, но и дать истинную версию событий. Я буду писать, как я лично помню и представляю их...

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 316

В первый день большевистское восстание носило какой-то погромный характер: стреляли, шлелись толпами, заманивали рабочих, разбивали киоски.

В. Панкратов // Заря. Омск, 1919. Янв.

Восставшая армия не знала, куда и зачем идти ей? У нее не было ничего, кроме «настроения». Этого было недостаточно. Руководимые большевиками солдаты, несмотря на полное отсутствие всякого реального сопротивления, показали себя как решительно никуда не годный боевой материал. Но во главе солдатских групп, «выступивших» 3 июля, стояли не только большевики. Тут были, несомненно, и совсем темные элементы.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 323

Призыв бить буржуев привлек много желающих поживиться чужим добром. Женщины шли даже с мешками.

В. Панкратов // Заря. Омск, 1919. Янв.

Темные ткачихи несут плакат: «Да здравствует Циммервальд-Кинталь».

Т. Алексинская // Родная земля. Париж, 1926. №1. 1 апр.

Начались небольшие, частичные погромы. Ввиду выстрелов из домов или под их предлогом начались повальные обыски, которые производили матросы и солдаты. А под предлогом обысков начались грабежи. Пострадали многие магазины, преимущественно винные, гастрономические, табачные. Были нападения и в Гостином дворе. Разные группы стали арестовывать на улицах кого попало.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 331

На следующий день, 4 июля, Ленин с балкона [дворца] Кшесинской произнес перед собравшимися большевиками одобрительную речь за 3 июля и призывал действовать решительнее, так как из Кронштадта пришло подкрепление. Ободренные такой милостью Ленина и прибытием кронштадтцев, большевистские толпы рассыпались по городу.

В. Панкратов // Заря. Омск, 1919. Янв.

Часу в десятом утра к Николаевской набережной, при огромном стечении народа, подплыло до 40 различных судов с кронштадтскими матросами, солдатами и рабочими. Согласно Луначарскому, этого «мирного населения» приплыло 20 тысяч. Они были с оружием и со своими оркестрами музыки. Высадившись на Николаевской набережной, кронштадтцы выстроились в отряды и направились... к дому Кшесинской, к штабу большевиков. Точного стратегического плана они, видимо, не имели; куда идти и что именно делать, кронштадтцы знали совсем не твердо. Они имели только определенное настроение против Временного правительства и советского

большинства. Но кронштадтцев вели известные нам Рошаль и Раскольников. И они привели их к Ленину.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 329

Если бы Временное правительство нашло в себе достаточно решимости, вроде той, какую проявил контрреволюционный помощник морского министра Дудоров, приказавший подводным лодкам топить всякое судно, выходящее в эти дни из Гельсингфорса на помощь Питеру, то путем установки пары батарей на берегу морского канала ничего не стоило бы преградить кронштадтцам вход в устье Невы и, сверх того, потопить в грязных волнах «Маркизовой лужи» один-два парохода, доверху нагруженных активными, боевыми врагами Временного правительства. Но, к счастью, эта мысль не пришла в голову никому из членов правительства Керенского в силу его панической растерянности; впрочем, возможно, что оно не отважилось на этот дьявольский план из боязни еще больше обострить и осложнить свое непрочное положение.

Ф. Ф. Раскольников. С. 131

Около двадцати тысяч кронштадских моряков высадились на берегу Невы и строем направились ко дворцу Кшесинской. Ленин вышел на балкон и приветствовал их короткой речью. Он был вялый, утомленный и речь его получилась вялая, неубедительная... Такими словами не вдохновляют революционную армию...

Р. Пейн. С. 339

Около 2 ч. дня по Литейному проспекту шло несколько тысяч демонстрантов, среди которых было большое количество вооруженных матросов, прибывших из Кронштадта.

Когда головная часть тысячной толпы поравнялась с Бассейной улицей, неожиданно раздался выстрел, затем другой, третий. Вскоре поднялась беспорядочная стрельба.

«Солдатское слово» от 5 июля 1917 г.

(Здесь и далее цит. по: *Шляпников А. Г. Т. 3. Кн. 45. С. 611*)

А по Невскому, от Садовой к Литейному, шел один из восставших полков во главе с большевистским прапорщиком. Это была

внушительная вооруженная сила. Ее одной было, пожалуй, достаточно, чтобы держать власть над городом — поскольку с ней не сталкивалась другая подобная же вооруженная сила. Голова полка начала поворачивать на Литейный. В это время со стороны Знаменской площади раздались какие-то выстрелы. Командир колонны, ехавший в автомобиле, обернулся и увидел пятки разбегавшихся во все концы солдат. Через несколько секунд автомобиль остался один среди издевающейся толпы Невского проспекта. Жертв не было... Мне рассказывал все это сам командир — ныне большевистский военный сановник с именем. Нечто совершенно аналогичное происходило в эти часы в разных пунктах столицы.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 323

Как только слышались первые выстрелы, кронштадтцы инстинктивно схватились за винтовки и начали стрелять во все стороны. Частые, но в этой обстановке, конечно, беспорядочные выстрелы создавали впечатление настоящего боя с той разницей, что позиции противника были абсолютно неизвестны. Быстро израсходовав по первой обойме патронов и убедившись в безрезультатности пальбы в воздух, большинство словно по команде легло на мостовую, а другая часть успела скрыться в первые попавшиеся подъезды и ворота; только отдельные товарищи, стоя среди улицы, еще продолжали ружейную стрельбу по невидимой цели. Вот понесли первого раненого солдата Кронштадтской крепости. Здесь было убито и ранено несколько человек.

Ф. Ф. Раскольников. С. 133134

Публика в паническом страхе бросилась по улице, ища спасения во дворах и подъездах. Некоторые выбивали стекла в окнах магазинов. Так, были разбиты саженные стекла в ряде различных магазинов по правую сторону Литейного проспекта от Невского. На выстрелы примчались три автомобиля с пулеметами, которые открыли огонь вдоль улицы и по заподозренным домам. Стрельба продолжалась минут пятнадцать. Улица стала пустынной. На мостовой лежало несколько раненых, брошенные растерзанные знамена, матросские шапки, ружья. Спустя некоторое время перестрелка стихла и

демонстранты стали выходить на улицу. Раненых на руках перенесли в ближайшие лазареты, где им была оказана первоначальная помощь.

«Солдатское слово» от 5 июля 1917 г.

Когда у открытых окон или на балконах появлялись группы людей, то туда тотчас же наводилось несколько дул с недвусмысленным приказанием «закрыть окна». Буржуазно-обывательские квартиранты Литейного спешили убраться внутрь своих помещений и торопливо запирали двери и окна.

Ф. Ф. Раскольников. С. 136

Был, вероятно, седьмой час. Стояло чудесное утро. Сквер был пуст. Слева чернели два или три броневика без признаков прислуги. На прилегающих улицах тишина и спокойствие. Никаких признаков восстания и беспорядков. Ночью стрельба, кажется, не возобновлялась. Толпы разошлись, и улицы опустели часов с двух.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 327

Всего пострадало 12 человек, среди которых 7 матросов.

«Солдатское слово» от 5 июля 1917 г.

В 5 часов дня подошли к Таврическому дворцу кронштадтцы. Это была знакомая мне толпа Якорной площади, но уже охмелевшая от пролитой за день крови — от дома Кшесинской до Таврического дворца матросы шли «с боем», стреляя налево и направо, наводя ужас на население, кое-где громя магазины.

В. С. Войтинский [2]. С. 172

Петроград опять огласился пулеметными и ружейными выстрелами. Опять мы видим на улице города вооруженные толпы и автомобили, и в результате — убитые и раненые. Теперь еще трудно объективно судить, кто начал стрелять, кто первый открыл огонь. Но одно неопровержимо — под влиянием безответственной, демагогической агитации среди серой, несознательной части населения на улицу, с оружием в руках, вышли те части войск, которые находились почти исключительно под влиянием большевизма.

Дело народа. 191. 4 июля

Цит. по: *Шляпников А. Г.* Т. 3. Кн. 45. С. 611

Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть — что из этого выйдет?

М. Горький. К демократии // Новая жизнь. М., 1917. № 174

За день и вечер 4 июля на Невском проспекте не прекращалась беспорядочная стрельба. Публика в паническом страхе бросилась по улице, показалось, что из окна какого-то дома был замечен выстрел. В час дня был обстрелян дом Кекина на углу Литейного и Невского проспекта. Стреляли по дому пачками из винтовок и пулеметов. Во время стрельбы один был убит, четверо ранено. Обстрелу подвергся дом № 110 по Невскому. В этом доме был произведен повальный обыск, но ничего подозрительного обнаружено не было. Происходила стрельба на углу Садовой и Невского, также против Гостиного двора; в последнем случае оказались ранеными 11 человек. Всем пострадавшим была оказана медицинская помощь. Была стрельба по дому около Николаевской улицы. Обстрелян угловой дом на углу Знаменской площади и Невского проспекта и целый ряд других домов.

«Солдатское слово» от 5 июля 1917 г.

Но вдруг над Петербургом разразился проливной дождь. Минута, две, три — и «боевые колонны» не выдержали. Очевидцы-командиры рассказывали мне потом, что солдаты-повстанцы разбегались, как под огнем, и переполнили собой все подъезды, навесы, подворотни. Настроение было сбито, ряды расстроены. Дождь расплыл восставшую армию. Выступившие массы больше не находили своих вождей, а вожди подначальных...

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 332

Раздался выстрел, случайный или провокаторский, быть может. Часть толпы с воем, криком, воплем бросилась врассыпную, другая легла на мостовую и, лежа, начала стрелять куда попало вдоль Невского. Задние палили в передних. Раздались вопли, стоны. Треск выстрелов — все это смешалось в какой-то сплошной ужас,

бессмыслицу, безумие. Многие ползком старались выбраться на боковые улицы, во дворы. Некоторые вскакивали и бежали, но не всем это удавалось: их сражали шальные пули большевиков. И только человеческая подлость, только германские наемники могли придумать такую игру с человеческими жизнями в главной столице России.

В. Панкратов // Заря. Омск, 1919. Янв.

В это время у левых ворот, выходящих на Шпалерную, показалась какая-то особо густая масса. В сквер входили солдатские отряды несколько особого вида. В пыли и в грязи, промокшие от ливня, солдаты имели деловой походный вид — с ранцами за плечами, со скатанными, одетыми через голову шинелями, с манерками и котелками. Толпа расступалась перед их компактными рядами. Заняв всю дорогу сквера, от одних ворот до других, отряд остановился и стал располагаться самым деловым образом: ставили ружья в козла, стряхивали мокрые шинели, складывали в кучи свое имущество... Это был 176-й запасный полк... Это была также большевистская «повстанческая» армия. По требованию большевистских организаций полк пришел пешком из Красного Села — для «защиты революции».

Ну и что же намерен делать этот замечательный в своем роде полк? И где же те вожди, которые его зачем-то вызвали?.. Вождей было не видно. А полк опять-таки не знал, что ему делать. Несомненно, после тяжелого пути он был не прочь отдохнуть. Но, казалось бы, в нем должно было все-таки жить сознание, что его вызвали не за этим. Однако никто ничего не приказывал ему...

У входа во дворец появился Дан (представитель того самого петроградского Совета, против которого и настроен был полк. — *Е. Г.*). Очевидно, к нему обратилась полковая делегация, посланная на разведку. Дан вышел «принять» полк. И он дал ему дело. Полк совершил по своей доброй воле трудный поход для защиты революции? Отлично. Революция, в лице центрального советского органа, действительно подвергается опасности. Надо организовать надежную охрану для ЦИК... И Дан лично, при содействии командиров «восставшего» полка, расставил из солдат-повстанцев караулы в разных местах дворца — для защиты тех, против кого было направлено восстание... Да, бывают и такие случаи в истории! Но едва ли такая история повторяется. Дан не знал, что это за полк и зачем

пришел он. И Дан нашел полку применение. А полк не знал, что ему делать у достигнутой цели путешествия. И, не получая других приказаний, он беспрекословно стал на службу врагу. Теперь дело уже было кончено: полк был распылен, головы солдат были окончательно запутаны и превратить его вновь в боевую силу восстания было уже невозможно...

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 335

...Полк шел из Красного Села свергать Временное правительство. Шел он с большевистскими плакатами — но в уверенности, что своим выступлением он служит делу «защиты революции» и поддерживает Центральный исполнительный комитет. Как представляли солдаты предстоящую им задачу, я не знаю. Но полк шел в Петроград, готовый к бою, с заряженными винтовками, с полными патронными сумками, с пулеметами, с запасом боевых патронов и пулеметных лент в следовавших за колонной повозках. По дороге солдаты узнали, что в Петрограде «безобразят». Вероятно, под влиянием этих сведений у них явилась смутная мысль о том, что им предстоит оборонять от «безобразников» Таврический дворец. Подойдя ко дворцу, они увидели, что дворец действительно окружен буйной и явно враждебной Центральному комитету толпой. Но странно было, что над толпой колыхались знамена с теми же лозунгами, которые красовались на знамени полка, раздавались те же речи, которые заставили полк выступить из Красного! Не зная, что делать, полк послал во дворец своих представителей — от всех рот и команд.

Часть депутатов обратилась за справками ко мне, другие — к Дану. Не сговариваясь между собою, мы дали солдатам одно и то же указание: поступить в распоряжение Центрального исполнительного комитета, принять на себя его охрану и немедленно занять караулы. Затем мы с Даном вышли к полку — Дан говорил с одними ротами, а я с другими, — и полчаса спустя 176-й полк уже расположился лагерем в Екатерининском зале, а во всех дверях и даже у наружных окон первого этажа появились усиленные караулы.

Это был переломный момент в полном тревог и волнений дне 4 июля.

В. С. Войтинский [2]. С. 172

Последствием возмутительнейшей вооруженной демонстрации ленинцев, как теперь выясняется, было 16 убитых, более 40 умерших от ран и 650 раненых... Оставляя пока в стороне разоблачение об участии немецких денег в этой «мирной демонстрации»... только теперь у многих наивных, но искренних людей, слепо шедших за Лениным, Зиновьевым и вообще за пораженцами-циммервальдистами, начинают открываться глаза...

Л. Дейч. Все ясно! // Единство. 1917. № 83. 6 июля

В тот же вечер [4 июля] состоялся короткий телефонный разговор между главным прокурором апелляционного суда в Петрограде Н. С. Каринским и близким другом и соратником Ленина Бонч-Бруевичем.

А. Ф. Керенский. С. 221

— Я звоню к вам, — сказал он мне, — чтобы предупредить вас: против Ленина здесь собирают всякие документы и хотят его скомпрометировать политически. Я знаю, что вы с ним близки. Сделайте отсюда какие хотите выводы, но знайте, что это серьезно, и от слов вскоре перейдут к делу.

— В чем же дело? — спросил я его.

— Его обвиняют в шпионстве в пользу немцев.

— Но вы-то понимаете, что это самая гнуснейшая из клевет! — ответил я ему.

— Как я понимаю, это в данном случае все равно. Но на основе этих документов будут преследовать всех его друзей. Преследование начнется немедленно. Я говорю это серьезно и прошу вас немедленно же принять нужные меры, — сказал он как-то глухо, торопясь. — Все это я сообщаю вам в знак нашей старинной дружбы. Более я ничего не могу вам сказать. До свидания. Желаю вам всего наилучшего... Действуйте...

В. Д. Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. 2-е изд. М., 1931. С. 83.

(Далее цит.: В. Д. Бонч-Бруевич [1])

Бонч-Бруевич не промедлил и тем же вечером, 4 июля, Ленин и его неизменный приспешник Апфельбаум (Зиновьев) исчезли

бесследно. Ленин не тратил времени. Он-то прекрасно знал, о чем идет речь.

А. Ф. Керенский. С. 222

Сопоставляя события, имевшие место 35 сего июля в Петрограде, и последние события на фронте с теми данными, с которыми мне пришлось познакомиться за время службы в Департаменте полиции, — о деятельности левого крыла социал-демократической партии, именуемого большевистским, донесением заграничной агентуры, Александра Александровича Красильникова, — о Циммервальдской конференции и принятой после нее большевиками резолюции о необходимости использовать настоящий момент как наиболее благоприятный для скорейшего свержения царизма в России и превращения настоящей, называемой ими «империалистической» войны в войну гражданскую, я прихожу к твердому убеждению, что события эти, 35 июля, явились исполнением программы, принятой большевиками в целях достижения во что бы то ни стало поражения России в настоящей войне. Принятой большевиками во главе с Лениным-Ульяновым резолюцией после названной конференции и поступившей в Департамент полиции в начале 1915 года в числе средств к достижению поражения России предусмотрены усиленная агитация в войсках, братание с неприятелем и возбуждение всех слоев населения против буржуазных классов...

И. П. Васильев. Показания по делу о вооруженном выступлении в июле 1917 года // Тайна октябрьского переворота. С. 181

Фактическая сторона, изложенная в этом документе, бесспорна... Роль Ленина как человека, связанного в июле и октябре 1917 года с немцами, их планами и деньгами, не подлежит никакому сомнению. Но я должен также признать, что он не агент в «вульгарном» смысле: он имеет свои цели, отрицая в то же время всякое значение морали в вопросе о средствах, ведущих его к этой цели... Они (большевистские руководители и немцы) работали на фронте и в тылу, координируя свои действия. Обратите внимание: на фронте наступление (Тернополь) — в тылу восстание. Я сам тогда был на фронте, был в этом наступлении. Вот что тогда было обнаружено. В Вильне немецкий штаб издавал тогда для наших солдат большевистские

газеты на русском языке и распространял их по фронту. Во время наступления, приблизительно 2—4 июля, в газете, изданной немцами и вышедшей приблизительно в конце июня, сообщались, как уже случившиеся, такие факты о выступлении большевиков в Петрограде, которые произошли позднее. Так немцы в согласии с большевиками и через них воевали с Россией...

А. Ф. Керенский. Материалы предварительного следствия по делу об убийстве императора Николая Александровича // Архив Военной прокуратуры РФ. Л. 100101

Усиленная пропаганда мятежа, которая велась среди войск и населения в течение нескольких месяцев и повлекла за собою восстание 35 июля, была произведена с целью благоприятствовать неприятелю в его враждебных против России действиях и, как показали последующие события, действительно оказала существенное содействие неприятелю, внеся разложение в некоторых частях войск на фронте.

По этому поводу следствием добыты данные, которые указывают, что в России имеется большая организация шпионажа в пользу Германии.

Прокурор обвиняет // Единство. 1917. № 96. 22 июля

«Благодаря им: Ленину, Зиновьеву, Троцкому и т. д. — в эти проклятые черные дни — 56 июля — Вильгельм II достиг всего, о чем только мечтал... За эти дни Ленин с товарищами обошлись нам не меньше хорошей чумы или холеры», — писал знаменитый В. Л. Бурцев в «Речи».

Цит. по: *Зиновьев Г. Е.* Приезд В. И. Ленина в Россию // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 4. С. 130

На фоне июльских событий, на фоне бешеной злобы буржуазно-правосоветских элементов, на фоне страшного Katzenjammer (похмелья. — *нем.*) «повстанцев» опубликованный документ произвел совсем особое, очень сильное действие. В него никто не хотел вчитываться по существу. Документ о подкупности — и этого довольно. И для начавшейся реакции он послужил таким же фактором, каким для нее послужила вчерашняя бессмысленная кровь.

Совершено величайшее преступление перед родиной, сделан первый шаг к предательству и измене нашим союзникам, сделана попытка погубить Россию как государство. Печать зубоскалит или робко говорит о совершившемся событии, событии — зловещем, кровавом.

В. Панкратов // Заря. Омск, 1919. Янв.

В костюме «простой женщины»

Комитету журналистов при Временном правительстве доставлено за собственноручной подписью члена 2-й Государственной думы Г. Алексинского и шлиссельбуржца В. Панкратова следующее письмо:

«Мы, нижеподписавшиеся, Григорий Алексеевич Алексинский, бывший член 2-й Государственной думы от рабочих г. Петрограда, и Василий Семенович Панкратов, член партии социалистов-революционеров, пробывший 14 лет в Шлиссельбургской каторжной тюрьме, считаем своим революционным долгом опубликовать выдержки из только что полученных документов, из которых русские граждане увидят, откуда и какая опасность грозит русской свободе, революционной армии и народу, кровью своей эту свободу завоевавшим. Требуем немедленного расследования.

[Подписи]: Г. Алексинский, В. Панкратов».

Кто разоблачил Ленина? // Живое слово. 1917. № 51. 5 июля

Вчера под председательством Г. В. Плеханова состоялось заседание группы «Единства», в котором был заслушан доклад бывшего депутата Алексинского по поводу имеющихся у него документальных данных о преступных сношениях в интересах Германии большевика Фюрстенберга (Ганецкого), проживающего в Стокгольме, с отдельными представителями большевизма в Петрограде.

Подробности по этому поводу, отпечатанные в докладе, произвели на присутствующих угнетающее впечатление.

Доклад Алексинского // Живое слово. 1917. № 51. 5 июля

Сенсация была действительно из ряда вон выходящей. Ни больше, ни меньше как получены сообщения о связи Ленина с германским генеральным штабом. В редакциях газет имеются на этот счет документы, которые предназначены к опубликованию в завтрашних номерах.

Президиум спешно принимает меры к тому, чтобы помешать их печатанию впредь до обсуждения дела в «ответственных» советских сферах. Церетели и другие лихорадочно столкуются по телефону с премьером Львовым и с редакциями. Редакции, конечно, не обязаны подчиниться, но надо думать, что совместными усилиями их убедят выполнить требование столь почтенных лиц и учреждений...

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 338

Митинги прекратились. В массовой психологии произошел какой-то надлом. Меньшевики и правые эсеры, пользуясь этим, усилили свою деятельность против большевиков. Но печать продолжала безмолвствовать. Казалось, момент был таков, что все газеты, все партии большевистские должны были засыпать прокламациями, афишами всю страну, чтобы окончательно открыть народу глаза на предательство Ленина, Троцкого и их сподвижников. Но печать не поняла момента, не сделала ничего существенного в этом направлении. Все чего-то как будто ожидали и чего-то боялись. Как доказательство, расскажу о том, что происходило в штабе в ночь с 4-го на 5 июля. Сообщаю об этом со слов участников.

Когда кадетские министры — Терещенко и Некрасов — узнали, что документы, уличающие Ленина, Троцкого и других в связи с германскими шпионами, направлены в печать, они явились в штаб, куда приехал и министр юстиции Переверзев. Здесь Терещенко и Некрасов резко напали на Переверзева и М. за то, что они допустили это. Объяснения были до такой степени горячие, что не обошлось без угроз.

Я очень сожалел, что все это происходило без меня. Для меня и до сих пор осталось неясным, — почему Терещенко и Некрасов так нападали на Переверзева и М., почему они не отвечали, когда из штаба им звонили по телефону?

В. Панкратов // Заря. Омск, 1919. Янв.

На следующий день, в среду 5 июля, все петербургские газеты действительно вышли без заготовленного в редакциях материала о предательстве Ленина. Только одна газета, кажется «Биржевые ведомости», не послушалась Львова и Церетели. В результате материалы о Ленине в этот день все же стали достоянием гласности. А на следующий день их перепечатала вся буржуазно-бульварная пресса.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 342

В начале июля, когда наши расследования, давшие весьма плодотворные результаты, близились к завершению, министру юстиции П. Н. Переверзеву были выданы соответствующие документы для проведения необходимых арестов. Министр получил распоряжение без специального разрешения князя Львова (тогдашний премьер Временного правительства. — *Е. Г.*) никому не показывать этих документов и лично нести ответственность за их сохранность.

Создавшееся вечером 4 июля положение, когда Таврический дворец оказался окружен огромной толпой вооруженных солдат и матросов, принимавших участие в организованном большевиками восстании, показалось Переверзеву и его помощникам столь угрожающим, что они, не обратившись за разрешением ко Львову, опубликовали заявление для печати о связях организаторов демонстрации с немцами.

А. Ф. Керенский. С. 220

При письме от 16 мая 1917 года за № 3719 начальник штаба Верховного Главнокомандующего препроводил военному министру протокол допроса от 28 апреля сего года прапорщика 16-го Сибирского стрелкового полка Ермоленко. Из показаний, данных им начальнику Разведывательного отделения штаба Верховного Главнокомандующего, устанавливается следующее. Он переброшен 25 апреля сего года к нам в тыл на фронт 6-й армии для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией. Поручение это Ермоленко принял по настоянию товарищей. Офицеры германского Генерального штаба Шадицкий и Люберс ему сообщили, что такого же рода агитацию ведет в России агент германского Генерального штаба и председатель украинской секции «Союза освобождения Украины» А.

Скоропись-Иолтуховский и Ленин. Ленину поручено стремиться всеми силами к подрыву доверия русского народа к Временному правительству. Деньги на агитацию получают через некоего Свендсона, служащего в Стокгольме при германском посольстве. Деньги и инструкции пересылаются через доверенных лиц.

Согласно только что поступившим сведениям, такими доверенными лицами являются в Стокгольме: большевик Яков Фюрстенберг, известный более под фамилией «Ганецкий», и Парвус (доктор Гельфанд). В Петрограде — большевик, присяжный поверенный М. Ю. Козловский, родственница Ганецкого — Суменсон. [Козловский является] главным получателем немецких денег, переводимых из Берлина через «Disconto-Gesellschaft» в Стокгольм («Nya-Banken»), а отсюда — в Сибирский банк в Петрограде, где в настоящее время на его текущем счету имеется свыше 2 000 000 рублей. Военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами.

Г. Алексинский, В. Панкратов. Ленин, Ганецкий и К° — шпионы!
// Живое слово. 1917. № 51. 5 июля

Почему-то с него (прапорщика Ермоленко) начинаются почти все разоблачения в печати и на него принято указывать как на главного обличителя. Но так как он, кроме голословных заявлений, не дал ничего, то все обвинение, построенное на его показаниях, по справедливости осталось неубедительным.

Б. Никитин [2]. С. 93

В результате опубликованного заявления доселе неизвестный прапорщик Ермоленко стал предметом разговора всего города. Игнорируя другие обвинительные свидетельства, приведенные в заявлении Переверзева, руководители Совета возмутились, каким образом можно предъявить обвинения такому человеку, как Ленин, на основе показаний весьма сомнительного прапорщика, посланного в Россию как шпиона. Стоит ли говорить о том, что и сам Ленин постарался запутать дело, сконцентрировав все внимание на Ермоленко.

А. Ф. Керенский. С. 222

10 августа 1917 года Брокдорф-Ранцау с заметным беспокойством телеграфирует в МИД: «Русская газета «Речь» от 20 июля пишет, что два офицера германского Генштаба Люберс и Шадицкий сообщили русскому прапорщику по фамилии Ермоленко, что Ленин — немецкий агент, что Яков Фюрстерберг и д-р Гельфанд (Парвус) являются также немецкими агентами, действующими в качестве посредников между большевиками и Имперским правительством.

Необходимо, прежде всего, выяснить, существуют ли в действительности эти два офицера в Генштабе, а затем, если возможно, опровергнуть сообщение газеты»... Агентурно-криминальная «ленинская» тема развивается и в телеграмме того же корреспондента в МИД от 22 августа 1917 г.: «...Лейтис отправляется в Петроград через несколько дней как курьер здешней российской миссии. Он везет также материалы судебного расследования для суда над Лениным. Большевистский лидер Радек еще здесь. Сообщение о его деятельности будет отправлено завтра. Срочно требуется присутствие Гольдберга. Если его отъезд откладывается из-за паспортных формальностей, пожалуйста, пришлите статьи Парвуса, так как есть возможность их отправить».

Осведомленность поразительная! Оперативность исключительная! Курьеры скачут в русскую столицу, чтобы оградить приглянувшегося им большевика № 1 от возможных неприятностей. А какова трогательная забота дипломата о распространении марксизма в находящейся в состоянии войны враждебной стране! Согласитесь, одних только приведенных цитат достаточно, чтобы задуматься о тайнах берлинского двора и сомнительности «чистоты ленинизма»... Здесь важно объяснить источник процитированного выше документа. В конце Второй мировой войны в горах Граца, в пяти замках, американцами были обнаружены спрятанные нацистами тысячи (!) архивных материалов, раскрывающих тайные связи Ленина и его большевистской компании с германской военщиной и дипломатическим ведомством... Сегодня наконец-то переведенный на русский язык сборник секретной переписки немецких высокопоставленных дипломатов — «Германия и революция в России...» (составитель З. Земан) позволяет отбросить все сомнения относительно грязных средств подготовки «Великой Октябрьской».

Мидовцы открыто называют своим агентом большевика Христиана Раковского (Земан, документ № 84), прозрачно намекают на тайное сотрудничество К. Радека (Собельзона), В. Воровского (Боровского) (Земан, документ № 84) и др. Кстати, обратите внимание на воровские псевдонимы последних двух товарищей (прозвище «К. Радек», как свидетельствуют знавшие его в молодые годы современники, произошло от «Крадек» — так прозвали жуликоватого студента его однокашники). Да и «Ленин», как недавно прояснили историк Г. Назаров и писатель П. Ткаченко, далеко не случайный псевдоним, ведущий свое происхождение от еврейского местечка «Ленин», близ Минска, где будущий красный диктатор останавливался после возвращения из ссылки в 1900 году. С этим местечком связывают так называемое «Ленинское пророчество», приписываемое монаху Гермогену (XIII в.) (подробнее см.: «Чудеса и приключения». 1996. №7. С. 63).

С. Александров. Немецкий агент Парвус. С. 112, 119120

В его (Ленина) линии действия за все эти месяцы катастрофического развития России слишком много такого, что поддается толкованию, лишь если предположить, что он слил свои практические задания с заданиями империалистской Германии. Только в этом единственном случае все просто, все последовательно в его политике разрушения России, в его неуклонной, методичной, систематически разработанной деятельности по превращению великой страны в беззащитный и безвольный объект колонизации Германии.

А. Н. Потресов. С. 230

Ночью нам передано сенсационное сообщение. Оказывается, опубликованный газетой «Живое слово» материал о подкупе и предательстве Ленина и К° России вызвал ожесточенные пререкания между министром юстиции Переверзевым и бывшим министром путей сообщения Некрасовым.

Министр юстиции Переверзев настаивал на скорейшей передаче и опубликовании [сведений о] предательстве и подкупе Ленина и К° в печати.

Министр Некрасов противился этому опубликованию и заявлял, что сведения о Ленине и его предательстве являются пока данными

предварительного следствия.

Прения двух министров были ожесточенными, и, когда Некрасов узнал, что министр юстиции передал сведения о Ленине всем газетам для опубликования, — он настолько вышел из себя, что заявил даже о возможной между Переверзевым и им дуэли.

Итак, кровь из-за Ленина еще не остановилась, а может, снова прольется.

Правда это или... тревожный слух?!

Позднее, ночью, редакция получила весьма достоверное известие о том, что Совет инженеров привлекает бывшего министра путей сообщения Некрасова к суду за то, что последний пытался скрыть от населения правду о Ленине и его германских друзьях.

Дуэль министров из-за Ленина!!! // Живое слово. 1917. № 53. 7 июля

Полученная сегодня в Петрограде из Копенгагена телеграмма гласит: «Германский социал-демократ, известный депутат Гаазе, проездом из Стокгольма, в беседе с русским журналистом утверждал, что известный социал-демократ Гельфанд, он же Парвус, служил посредником между большевиками и германским правительством, тот же Парвус доставлял нашим большевикам субсидии от германского правительства».

Разоблачение большевиков депутатом Гаазе // Живое слово 1917. № 51. 5 июля

На место Переверзева министром юстиции был назначен больной Зарудный, которого очень скоро заместил Малянтович, сыгравший загадочную роль перед Октябрьским переворотом, — он освободил большевистских главарей: Рошаля, Раскольников и др.

В. Панкратов // Заря. Омск, 1919. Янв.

На основании изложенных данных, а равно данных, не подлежащих пока оглашению, Владимир Ульянов (Ленин), Овсей Гирш-Аронов-Апфельбаум (Зиновьев), Александра Михайловна Коллонтай, Мечислав Юльевич Козловский, Евгения Маврикиевна Суменсон, Гельфанд (Парвус), Яков Фюрстенберг (Куба-Ганецкий), мичман Ильин (Раскольников), прапорщик Семашко, Сахаров и

Рошаль обвиняются в том, что в 1917 году, являясь русскими гражданами, [по] предварительному между собою и другими лицами уговору, в целях способствования находящимся в войне с Россией государствам во враждебных против нее действиях, вошли с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации русской армии и тыла для ослабления боевой способности армии. Для чего на полученные от этих государств денежные средства организовали пропаганду среди населения и войск с призывом к немедленному отказу от военных — против неприятеля — действий, а также в тех же целях в период времени с 3-го по 5-е июля 1917 года организовали в Петрограде вооруженное восстание против существующей в государстве верховной власти, сопровождавшееся целым рядом убийств и насилий и попытками к аресту некоторых членов правительства, последствием каковых действий явился отказ некоторых воинских частей от исполнения приказаний командного состава и самовольное оставление позиций, чем способствовали успеху неприятельских армий.

Прокурор обвиняет // Единство. 1917. № 96. 22 июля

«...Петроградские беспорядки произвели на фронте губительное, разлагающее действие. При таких условиях готовить наступление и нести за него ответственность невозможно. Категорически настаиваю на решительном прекращении предательских выступлений, разоружении бунтующих частей и предании суду всех зачинщиков, мятежников. Требую прекращения всех дальнейших выступлений и военных мятежей вооруженной силой. Правительство должно ясно дать себе отчет, в какое безвыходное положение оно ставит и какую невыносимую тяжесть возлагает на всех честно выполняющих свой долг на фронте, особенно на весь командный состав и на все воинские комитеты и комиссаров. Правительство должно немедленно опубликовать правительственное сообщение о полном прекращении мятежа и о том, что все виновные понесут суровое воздействие. Необходимо ускорить опубликование сведений, имеющихся в руках. Керенский».

Из телеграммы А. Керенского «министру председателю» Временного правительства.

Цит. по: Шляпников А. Г. Т. 3. Кн. 45. С. 611

Тут же был отдан приказ о немедленном аресте Ленина, Зиновьева, Каменева и прочих. А, кроме того, тут было составлено и подписано кн. Львовым постановление о расформировании всех воинских частей, участвовавших в мятеже, и о распределении их личного состава по усмотрению военного министра.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 355

Сегодня прокурорский надзор, на основании распоряжения Временного правительства о привлечении организаторов событий 3 и 4 июля к суду, подписал ордер об аресте Ленина, Зиновьева, Троцкого и Каменева!

Русские ведомости. 1917. 8 июля

Прокурорский надзор, на основании распоряжения Временного правительства о привлечении организаторов событий 3 и 4 июля, подписал ордер об аресте Ленина, Зиновьева, Троцкого и Каменева. Поздно вечером Троцкий и Каменев сообщили Исполнительному комитету [Совета рабочих и солдатских депутатов], что они согласны немедленно явиться и отдаться в руки властей, но только при условии, если Исполнительный комитет рабочих и солдатских депутатов также подпишет ордер об их аресте.

По распоряжению временно управляющего Министерством юстиции прокурор Судебной палаты командировал в контрразведку товарища прокурора палаты Пенского и несколько товарищей прокурора окружного суда для производства следствия по делу Ганецкого, Зиновьева, Каменева, Ленина и Троцкого.

Расследование о Ленине, Каменеве, Троцком, Козловском, Ганецком, Суменсон и др. ведется быстрым темпом. Найден богатый материал. Сегодня предполагается допрос Алексинского и бывшего министра юстиции П. Н. Перверзева. Расследование закончится в конце этой недели.

Постановление об аресте Ленина и других // Живое слово. 1917. № 56. 11 июля

Постановлением Петроградской следственной власти Ульянов-Ленин подлежит аресту в качестве ответственного по делу о

вооруженном выступлении третьего-пятого июля в Петрограде. В виду сего поручаю Вам распорядиться немедленным исполнением этого постановления.

П. Н. Малятович. Из телеграммы прокурорам судебной палаты.

Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Кн. 1. С. 287

Я спросил Плеханова, как он относится к обвинению Ленина в получении денег от немцев (обвинение, брошенное Алксинским и Панкратовым) и к приказу Временного правительства об аресте Ленина.

— Получал ли Ленин деньги от немцев? На этот счет ничего определенного не могу сказать. Установить это — дело разведки, следствия, суда. Могу только сказать, что Ленин менее чистоплотен, чем, например, Бланки или Бакунин, замесившие в его голове Маркса. Арестовать Ленина после июльских дней, конечно, было необходимо. Революция дала стране полную свободу слова. Ленин, вместо того чтобы добиваться своих, на мой взгляд, бредовых идей только словом, хотел их проводить, опираясь на вооруженные банды. А когда оружие критики, как говорил Маркс, заменяется критикой оружием, тогда революционная власть на такую критику должна отвечать тоже оружием. Очень жалею, что наше мягкотелое правительство не сумело арестовать Ленина. Все говорят, что он скрывается где-то вблизи Петербурга и из своего убежища продолжает и писать, и давать приказы своей армии, иными словами, разлагать революцию и играть на руку немцам. Контрразведка Временного правительства так бездарна, что найти Ленина не может. Савинков мне сказал, что ловить Ленина не его дело, но если бы он этим занялся, то уж на третий день Ленин был бы уже отыскан и арестован.

Н. Валентинов [3]. С. 190

Теперь перейду к личности и деятельности Ленина. Мне известны нижеследующие факты. Ленина я знаю около 10 лет, был о нем очень хорошего мнения в течение только 23-х лет, но, по приезде моем за границу, разочаровался в нем, наблюдая его организаторскую деятельность, а именно: я убедился в том, что он неразборчив по отношению к источникам денежных средств для своей политической работы. Это особенно обнаружилось в деле Виктора, члена

Центрального Комитета Российской социал-демократической партии, и в деле Сашки Лбовца. Об этом в свое время писалось в партийной печати, а также о расколе Лениным Центрального Комитета и захвате им имущества Центрального Комитета.

Г. А. Алексинский [1]. С. 181

В один из моментов обострения борьбы между большевиками и меньшевиками последние обвиняли Ленина в похищении адресованных им писем. Ленин не отрицал этого факта, заявив, что интересы дела требовали этого. В этом Ленин признался печатно в 1904 году, насколько припоминаю, в «Социал-демократе».

Г. В. Плеханов. С. 171

...Я знаю уже пятнадцать лет беспардонного фигляра Троцкого и двадцать три года того Ленина, который с первых же дней моего с ним знакомства был ясен для меня как человек, способный идти к своей — пусть высокой, священной цели — через какие угодно низкие преступления.

А. Н. Потресов. С. 230

Эта неразборчивость Ленина позволяет мне допускать, что он для интересов своей партии мог воспользоваться средствами, заведомо для него идущими из Германии. При этом я исключаю всякую мысль о каких-либо личных корыстных намерениях Ленина. Я убежден, что даже самые предосудительные и преступные с точки зрения закона действия совершены им ради торжества его тактики. На вопросы о том, почему Германия могла служить Ленину своими средствами, отвечаю, что тактика ленинская была до последней степени выгодна, крайне ослабляя боеспособность русской армии. Недаром германская печать нередко с нежностью говорила о Ленине как о истинном воплощении русского духа. Но, повторяю, я говорю только в пределах психологической возможности и не знаю ни одного факта, который доказывал бы, что психологическая возможность перешла в преступное действие.

Г. В. Плеханов. С. 171172

5 утром я виделся с Лениным. Наступление масс было уже отбито. «Теперь они нас перестреляют, — говорил Ленин. — Самый для них подходящий момент».

Л. Д. Троцкий [1]. С. 309

Поприщин (герой «Записок сумасшедшего» Н. Гоголя. — *Е. Г.*) думал, что луну делают в Гамбурге, и притом прескверно. Теперь если не в Гамбурге, то в другом немецком городе изготавливается политическая власть для России — и хотя мы думаем, что тоже отвратительно, но избежать этого немецкого изделия нам едва ли удастся... в ближайшее время.

А. Н. Потресов. С. 263

Запомнилась, далее, квартира тов. Аллилуева, куда Владимира Ильича и меня привели, если не ошибаюсь, 6 июля вечером. Там мы пробыли дня три. Целыми ночами слышалась стрельба в близлежащих улицах. Сначала у нас были большие колебания: не дать ли себя арестовать?

Г. Е. Зиновьев. С. 130

В комиссию, назначенную соединенным собранием исполнительных комитетов по делу об обвинениях большевиков в сношениях с германцами.

Вчера (четверг 6 июля 1917 г. в 12 ч[асов] ночи) наш товарищ оставил письмо члену комиссии А. Р. Гоцу с просьбой назначить час для допроса Ленина, Зиновьева и Каменева. О том же мы просили через комиссию одного члена партии с[оциалистов]-р[еволюционеров].

Утром (в пятницу 7 июля) Каменеву было сообщено из Думы, что комиссия приедет на условленную квартиру сегодня в 12 ч[асов] дня. Мы пишем эти строки в 6 1/2 ч[асов] вечера 7 июля и констатируем, что до сих пор комиссия не явилась и ничего не дала знать о себе. Ответственность за замедление допроса падает не на нас.

7 июля 1917 г.

6 1/2 ч[асов] вечера. Н. Ленин. Г. Зиновьев.

Заявление В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева в следственную комиссию ЦИК. Неизвестные документы. С. 212

Бурные июльские дни в Петрограде. Временное правительство отдало приказ об аресте Ленина и Зиновьева. Сталин укрывал Ильича в квартире Аллилуевых, в той самой комнате, которая предназначалась для него. Пока Ленин скрывался, в руководстве партии разгорелся спор — являться ли Ленину в суд. 7 июля 1917 г. у Аллилуевых собрались Крупская, Ногин, Орджоникидзе, Сталин и другие, чтобы вынести окончательное решение. Ногин заикнулся было — пойти в суд и «разоблачить» Временное правительство. Ленин обрезал такую идею — «гласного суда не будет». Сталин мрачно добавил, что «юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге». Порешили отправить Ленина и Зиновьева в район Сестрорецка, а пока для маскировки обрить Ильича. Сталин вооружился бритвой и саморучно сбрил усы и бороду Ленина. Ко многим другим талантам еще обнаружил мастерство брадобрея. Нахлобучили Ильичу на голову кепку, одели в пальто до пят Аллилуева. Сталин и владелец пальто 11 июля 1917 г. проводили Ленина на Приморский вокзал, откуда пригородным поездом отправился на ст. Разлив.

Н. Н. Яковлев. *Сталин: Путь наверх*. М., 2000. С. 95

В жизнеописаниях Ленина много противоречий. Спорным является и то, в какой день Ильич впервые сбрил бороду и усы и на чьей именно квартире произошло это знаменательное событие. Претендентов двое: М. Сулимова и С. Аллилуев. По воспоминаниям М. Сулимовой, Владимир Ильич появился у нее, в квартире 18 в доме № 25 по набережной реки Карповка, 5 июля. Утром следующего дня за супругом пришла Надежда Константиновна. «Владимир Ильич попросил бритвенный прибор. Побрившись, он в достаточной степени изменился и взял у нас палочку или зонтик в передней».

В мемуарах С. Аллилуева можно прочесть, что Ленин прибыл к нему утром 7 июля все еще бородатым, и только вечером произошел следующий разговор: «Много и бурно спорили, как лучше изменить внешность Владимира Ильича. Предлагалось разное: обрить Владимира Ильича наголо, забинтовать голову, завязать щеку, словно болит зуб. Но, в конце концов, все это было отвергнуто, а решили лишь сбрить Владимиру Ильичу усы и бородку. Вечером, когда пришел товарищ Сталин, приступили к этой «операции». Начала брить моя жена, Ольга Евгеньевна, а заканчивал Иосиф Виссарионович».

После такого квалифицированного бритья Владимир Ильич, довольный, ушел в другую комнату переодеться. «Когда он вышел оттуда, — продолжает Сергей Яковлевич, — гладко выбритый, в моем старом рыжеватом пальто и темно-серой кепке, мы все ахнули. Ленин был неузнаваем».

Е. Данилов. Вождь без пьедестала // Огонек. 1998. Сент.

Неожиданное затруднение встретилось при розысках парика для тов. Ленина. Охранка Керенского, озабоченная поимкой тов. Ленина и тов. Зиновьева, запретила парикмахерским прокат и продажу париков кому бы то ни было без предъявления удостоверения личности. Во избежание каких-либо недоразумений я заручился удостоверением театрального кружка финляндских железнодорожников Выборгской стороны и таким образом беспрепятственно получил два парика в парикмахерской на Бассейной улице... Тов. Ленин в парике, без усов и бороды был почти неузнаваем, а у тов. Зиновьева к тому времени отросли усы и борода, волосы были острижены, так что его также трудно было узнать. Приехавший с аппаратом тов. Лешенко сфотографировал Ленина и Зиновьева в их «нелегальном виде».

А. В. Шотман. С. 250

Я захватил зеркальную камеру, которая работала только с моментальным затвором; наименьшая скорость — одна десятая секунды. Свет был слабый, недостаточный, обстановки никакой, штатива нет. Для съемки я ставил Владимира Ильича на колени, так как зеркальная камера устанавливается на руках без штатива, на уровне груди.

Д. И. Лешенко. Как я снимал Ленина // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 4. С. 245

Прокурор судебной палаты Кадинский велел мне явиться в известный день и час (вечерний) для допроса Ленина, заявив, что Ленин сам, негласно, во избежание эксцесса, явится на допрос. Ленин не явился и таким образом остался не только не арестованным, но и не допрошенным...

П. А. Александров.

Цит. по: *Волкогонов Д. А. Кн. 1. С. 288*

Появились признаки слежки за квартирой.
Г. Е. Зиновьев. С. 132

Еще с вечера, в порядке давно начатых арестов, был арестован Козловский. В это время у него на квартире было какое-то собрание. Власти, арестовав всех присутствующих, были очень довольны такой удачей: можно ли было сомневаться в том, что это на месте преступления застигнутая шайка немецких шпионов!.. Но дело-то сейчас было не в каких-нибудь Козловских. Сейчас надо было на законном основании захватить самого Ленина. На его квартиру милиция явилась часа в два ночи. Но квартира была пуста. Ленин, как и Зиновьев, скрылся.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 355

В ночь на вчерашний день на Широкой улице, в д. № 48, в квартире зятя Ленина, был произведен вторично обыск. Явилось около 50 солдат и офицеров. Сделаны выемки некоторых документов. После обыска были арестованы зять Ленина, директор пароходства по Волге, его служанка и госпожа Ульянова. Спустя несколько часов зять Ленина и служанка были отпущены, а г-жа Ульянова домой не вернулась.

Арест жены Ленина // Живое слово 1917. № 56. 11 июля

Еще три раза приходили, искали, и после этого весь дом на этой Широкой улице был до глубины души возмущен нами и требовал, чтобы мы ушли с этой квартиры, такие вредные люди. Это вот мои личные воспоминания.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 80

А в это время происходило еще вот что. Часов в девять вечера [6 июля] приехал из армии Керенский. Он отправился прямо в заседание Временного правительства. К этому времени уже состоялось формальное постановление о предании суду всех зачинщиков и участников восстания 34 июля. Соответствующий приказ был опубликован за подписью кн. Львова. Но, несмотря на аресты многих сотен людей, большевистские лидеры еще были на свободе... Керенский, немедленно по приезде, проявил большую агрессивность.

Исходя из интересов фронта, он потребовал решительных мер против большевистской партии вообще и против ее вожаков в частности.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 355

По некоторым данным, Ленин уехал через Лисий Нос. Местные дачники говорят, что в день опубликования письма Алексинского к пристани Лисьего Носа подъехало три автомобиля. Впереди шел грузовик с солдатами и пулеметом, затем роскошный легковой автомобиль с двумя пассажирами, и замыкал процессию опять грузовик с солдатами и пулеметом. На пристани два господина вышли из автомобиля и пересели в паровой катер. Один из них, одетый моряком, похож на Ленина.

О месте, где скрывается Ленин, среди дачников Лисьего Носа циркулируют две версии. По одной — его увезли в Кронштадт и поместили на одном из броненосцев, где большинство команды — его последователи. По другой, — Ленин из Кронштадта будет перевезен в Финляндию и оттуда бежит за границу.

Где Ленин? // Живое слово 1917. № 56. 11 июля

По сведениям официального источника, Ленин из Стокгольма отправился в Германию, где в настоящий момент и находится... Бежал Ленин, трусливый шпион, заметающий след своего побега после провала, бежал фальшивомонетчик революции, бежал разгаданный и разоблаченный...

Биржевые ведомости. 1917. 18 июля

Весьма интересную и, я бы сказал, пикантную историю рассказали Подвойский, Раскольников и Ягода на страницах «Известии ВЦИК» от 16 сентября 1922 года: «... Переезд из Петрограда в Кронштадт был обставлен всеми предосторожностями. *Ленин был переодет в костюм простой женщины...*» (выделено мной. — А. А.).

А. А. Арутюнов. С. 101

Переезд из Петрограда в Кронштадт был обставлен всеми предосторожностями. Тов. Ленин был переодет в костюм простой женщины. В таком виде он прибыл к Неве, где ожидал его катер...

Сюда приезжали из Питера активные члены партии на совещания... Спустя две недели его переправили в Сестрорецк...

Ленин и Октябрьская революция // Долой неграмотность. 1924. № 36. С. 23

Переодетых и заgrimированных нас перевезли на станцию Разлив, в квартиру сестрорецкого рабочего, тов. Н. А. Емельянова, который спрятал нас в стогу сена, где мы и прожили около трех недель.

Г. Е. Зиновьев. С. 132

Из Лондона сообщают о результатах расследования, проведенного стокгольмским корреспондентом «Таймс» по «ленинскому делу». Корреспондент сообщает, что слух о том, что большевистскому движению в России Германия оказывала денежную поддержку через посредство скандинавских банков, оказался по проверке совершенно справедливым.

Установлено, что денежные операции по переводу денег в распоряжение руководителей большевистского заговора производились через посредство Копенгагенского «Ссудного и Дисконтного банка» и Стокгольмского «Nya-Banken». Директор последнего банка подтвердил, что через этот банк проходили переводы на значительные суммы для русских, о которых в настоящее время возбуждено в России дело, но он никогда не предполагал, что имеет дело с преступными действиями.

Ленинцы и германские деньги // Живое слово. 1917. № 63. 19 июля

После того как решено было выселить наконец большевиков из дома Кшесинской и Петропавловской крепости, штаб военного округа занялся подготовительными работами для этой операции. Выяснились силы противника, его вооружение, настроение в этих двух фортах, средства защиты и т. п. План был выработан. Оставалось пустить в ход имевшиеся в распоряжении штаба округа средства.

В третьем часу утра 6 июля на Дворцовую площадь стали прибывать войска. Сначала появились три броневых автомобиля, затем стали подходить: часть запасного батальона гвардии Волынского

полка, часть черноморской бригады, отряд инвалидов, ударная группа Амурской флотилии, добровольцы, кавалерия и артиллерия.

В пятом часу утра подошла учебная команда, первая, вторая, третья и четвертая роты запасного батальона гвардии Петроградского полка, а также семеновцы и преображенцы.

К войскам вышли помощник главнокомандующего Петроградским военным округом поручик Козьмин и члены Исполнительного комитета Совета С и РД Либер и Гоц. Они осветили создавшееся в связи с деятельностью большевиков положение в городе и указали на необходимость прибегнуть к решительным мерам, чтобы ликвидировать беспорядки в столице. Солдатам предлагалось исполнить свой долг.

Руководство операцией, намеченной штабом округа, взял на себя поручик Козьмин. Предстояло очистить дом Кшесинской и разоружить засевших в арсенале Петропавловской крепости солдат 1-го пулеметного полка и находившихся там кронштадтцев...

Новое время. 1917. 7 июля.

Цит. по: *Шляпников А. Г.* Т. 3. Кн. 45. С. 611

Сообщали и о многочисленных арестах, которые производятся сейчас, ночью, по всему городу. В тот же главный штаб отовсюду свозятся десятки всяких людей, «подозреваемых в стрельбе» и в подстрекательстве к беспорядкам. На улицах и в домах ловили солдат, рабочих, особенно матросов. Тут их допрашивали и отправляли по тюрьмам. Сюда же со всех сторон несли отобранное оружие — револьверы, винтовки, пулеметы.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 331

Керенский вспоминал, как пишет Мельгунов, что «несомненно, все дальнейшие события лета 1917 года, вообще вся история России пошла бы иным путем, если бы Терещенко удалось до конца довести труднейшую работу изобличения Ленина и если бы в судебном порядке документально было доказано это чудовищное преступление, в несомненное наличие которого никто не хотел верить именно благодаря его совершенно, казалось бы, психологической невероятности».

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 213

Так или иначе, все большевистские вожди после июльских дней временно исчезли с горизонта.

Н. Н. Суханов. Т. 3. С. 5

В «Echo de Paris» бывший короткое время главнокомандующим войсками Петроградского военного округа при Временном правительстве генерал Половцев сообщает интересные подробности о том, как Керенский не допустил ареста Троцкого после подавления восстания большевиков в начале июля 1917 года.

Мы оставляем эти сведения на ответственности генерала Половцева.

«Контрразведка не переставала, — рассказывает Половцев, — требовать от меня, чтобы я получил разрешение правительства арестовать вождей большевиков, так как она была уверена, что среди них окажется немало германских агентов. Когда Керенский вернулся в Петербург, он был до такой степени возмущен большевиками, что я мог рассчитывать получить от него разрешение арестовать 24 видных большевиков, среди которых на первом месте были Ленин и Троцкий. Керенский внимательно прочитал составленный список большевиков, подлежащих аресту, и сказал, что передаст дело на решение Совета министров. Он вышел в следующую комнату, где беспрерывно заседало правительство, и не прошло и 20 минут, как вернулся со списком, положил его на стол и твердым тоном сказал: «Правительство одобряет предлагаемую вами меру, вы можете приступить к арестам». После этого Керенский вышел опять в залу, где заседал Совет министров... В два часа после обеда главный штаб получил сообщение министра юстиции, что правительство отказалось от намерения арестовать лидеров большевиков». Этот эпизод, говорит генерал Половцев, показывает еще раз двуличие Керенского, которое некоторое время спустя проявилось особенно ярко во время Корниловского движения.

Керенский спасает Троцкого // Руль. Берлин, 1920. № 16. 4 дек.

Только общество, изуродованное трехлетней войной, зараженное стяжательством, воспитанное в рабстве и могло так поверхностно

отнестись к величайшему проявлению государственной измены Ленина, Троцкого и их сподвижников.

В. Панкратов // Заря. Омск, 1919. Янв.

Исчезновение Ленина под угрозой ареста и суда есть факт, сам по себе заслуживающий внимания. В ЦИК никто не ожидал, что Ленин «выйдет из положения» именно таким способом. Его бегство вызвало в наших кругах огромную сенсацию и обсуждалось горячо и долго на все лады. Среди большевиков находились тогда единицы, которые высказывали одобрение поступку Ленина. Но большинство советских людей отнеслось к нему с резким порицанием. Мамелюки и советские лидеры громко кричали о своем благородном негодовании. Оппозиция хранила свое мнение про себя. Но это мнение сводилось к решительному осуждению Ленина — с точки зрения политической и моральной. И я лично к этому вполне присоединялся.

Я уже говорил (по поводу Луначарского), что прежде всего бегство пастыря в данной обстановке не могло не явиться тяжелым ударом по овцам. Ведь массы, мобилизованные Лениным, несли на себе все бремя ответственности за июльские дни. От этого бремени они не могли освободиться никаким способом. Часть их осталась на своих заводах, и своих районах — изолированная, затравленная, со страшным Katzenjammer'ом (похмельем) и невыразимой путаницей в головах. Часть была арестована и находилась в ожидании возмездия за выполнение своего политического долга сообразно своему слабому разумению. А «действительный виновник» бросает свою армию, своих товарищей и ищет личного спасения в бегстве!..

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 355

Большевизм казался в эти дни сломленным навсегда. Массы отвернулись от обманувшей их партии. Аресты участников июльского выступления и бегство Ленина еще более усилили развал в большевистских рядах.

В. С. Войтинский [2]. С. 179180

Зачем это бегство было нужно? Угрожало ли что-нибудь жизни или здоровью большевистского вождя? Смешно было говорить об этом летом семнадцатого года! Ни о самосуде, ни о смертной казни, ни о

каторге не могло быть речи. Как бы ни был несправедлив суд, как бы ни были минимальны гарантии правосудия — все же Ленину не могло угрожать ровно ничего, кроме тюремного заключения.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 355

Entre nous (между нами. — *фр.*), если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: «Марксизм о государстве» (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука (Паннекук А. — голландский социал-демократ. — *Е. Г.*). Есть ряд замечаний и заметок, формулировок. Думаю что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов, но и Каутский напутали. Условие: все сие абсолютно entre nous!»

Ленин — Л. Б. Каменеву. Июль 1917 г.

Конечно, Ленин мог дорожить не жизнью и не здоровьем, а свободой политической деятельности. Но разве в тогдашней тюрьме он был бы стеснен в ней больше, чем в своем подполье? Свои фельетоны в «Правде» раз в две недели Ленин, конечно, мог бы писать и из тюрьмы, между тем, с точки зрения политического эффекта, самый факт тюремного заключения Ленина имел бы колоссальное положительное значение, тогда как факт бегства имел значение только отрицательное. Все это в полной мере может быть подтверждено примером товарищей Ленина. Многие из них были арестованы и отданы под суд за те же преступления. Они благополучно просидели по полтора-два месяца в тюрьме. Они продолжали там свое писательство в газетах. Они, с ореолом мучеников, служили неисчерпаемым источником агитации против правительства Керенского и Церетели. А затем без малейших, вредных для кого бы то ни было последствий вернулись на свои посты.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 355356

Замечательно работала русская военная тайная служба, и не ее вина, что временщик-масон А. Ф. Керенский, якшавшийся с большевиками, преступно отпустил (под денежный залог и т. п.) более 140 путчистов-изменников.

С. Александров. С. 113

Троцкий оказался в Совдепе, а министра юстиции Переверзева принудили подать в отставку. Не хватало того, чтобы его арестовали за предотвращение дальнейшего развития большевистской вакханалии...

В. Панкратов // Заря. Омск, 1919. Янв.

Помню один момент (кажется, на пятый день нашего «отдыха» в шалаше), сильно взволновавший нас. Ранним утром мы вдруг слышим частую, все усиливающуюся, все приближающуюся стрельбу на совсем близком расстоянии (пара-другая верст от нашего шалаша). Это вызвало в нас уверенность, что мы выслежены и окружены. Выстрелы становились все чаще и ближе. Решаем уйти из шалаша. Крадучись, мы вышли и стали ползком пробираться в мелкий кустарник. Мы отошли версты на две от нашего шалаша. Выстрелы продолжались. Дальше открывалась большая дорога, и идти было некуда. Помню слова Владимира Ильича, сказанные не без волнения: «Ну, теперь, кажется, остается только суметь как следует умереть». Твердо запомнил эти слова Ильича... Оружия с собой у нас не было.

Однако стрельба скоро стала затихать, и через некоторое время мы с кучей предосторожностей стали возвращаться «домой» — в шалаш. Скоро дело разъяснилось. Пришли сыновья Емельяновых, которые рассказали нам, что это отряд юнкеров окружил Сестрорецкий завод на предмет разоружения рабочих. Помню, затем весело смеялись над тем, как сестрорецким рабочим удалось надуть юнкеров, отдавши им лишь небольшую часть плохих винтовок и сохранивши массу оружия в своих руках...

Г. Е. Зиновьев. С. 135

— Вот ко мне один приходил несколько раз. Охраной, говорит, ведал Ленина до революции Октябрьской. Никакого шалаша, говорит, в Разливе не было.

— Народ любит красивые легенды, — говорю я.

— Он отрицал это. Я тоже так думаю. Неужели не могли укрыть как следует? Главное — он написал там «Государство и революция».

В. М. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. И. С. 239*

Бегство Ленина и Зиновьева, не имея практического смысла, было предосудительно с политической и моральной стороны. И я не удивляюсь, что примеру их — только двоих! — не последовали их собственные товарищи по партии и по июльским дням.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 356

Рядом и кухня устроена: на кольях висит котелок, греется чай. Но ночью невыносимо: надоедливые комары совсем не дают покоя; как от них ни прячешься, а они достигнут своего, и нередко приходится быть искусанным, но ничего не поделаешь — надо смириться.

Н. А. Емельянов. Таинственный шалаш // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 4. С. 245

...Как известно, было еще одно обстоятельство, которое усиливало одиум бегства Ленина в тысячи раз. Ведь помимо обвинения в восстании на Ленина была возведена чудовищная клевета, которой верили сотни тысяч и миллионы людей. Ленина обвиняли в преступлении, позорнейшем и гнуснейшем со всех точек зрения: в работе за деньги на германский генеральный штаб... Просто игнорировать это было нельзя... Но Ленин скрылся с таким обвинением на своем челе.

Это было нечто совсем особенное, беспримерное, непонятное. Любой смертный потребовал бы суда и следствия над собой в самых неблагоприятных условиях. Любой сделал бы лично, с максимальной активностью, у всех на глазах все возможное для своей реабилитации. Но Ленин предложил это сделать другим, своим противникам. А сам искал спасение в бегстве и скрылся.

Это было совершенно нестерпимо. У людей, принимавших «новое дело Дрейфуса» так близко к сердцу, как будто оно касалось их самих, опускались руки. Никаких слов осуждения тут не хватало. Но ведь честным людям сейчас нельзя было их и произносить...

Как бы то ни было, этот факт исчезновения Ленина я считаю бьющим в самый центр характеристики личности большевистского вождя и будущего правителя России. Так поступить мог только один Ленин на свете. Наполеону-Макиавелли показалось, что для его дела, для дела его партии будет выгоднее, если он убежит от своих обвинителей, не дав им перед лицом всей страны никакого ответа. И

он пошел напролом, осуществляя свое намерение, — пошел прямолинейно и цинично.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 356

Что выяснило следствие?

Следствие же, начатое Временным правительством, встретило яростную оппозицию не только со стороны большевиков и Петроградского Совета, но и со стороны многих правых социалистов. Оно было прекращено, так и не дав никаких результатов, в сентябре 1917 года, после корниловского мятежа.

Г. Катков. С. 167

Ряд допрошенных по делу свидетелей удостоверили, что в начале 1917 года Германия дошла до крайнего предела напряжения и ей был необходим самый скорый мир, что Ленин, проживая в немецкой Швейцарии, состоял в общении с Парвусом (он же Гельфанд), имеющим определенную репутацию немецкого агента, что Ленин посещал лагеря, в которых находились пленные украинцы, где и вел пропаганду об отделении Украины от России. В связи с его приездом, в Германии, не стесняясь, открыто говорили: «Ленин — это посол Вильгельма, подождите и увидите, что сделают наши деньги»,

В данных предварительного следствия имеются прямые указания на Ленина как германского агента и указывается, что, войдя с германским правительством в соглашение по поводу тех действий, которые должны способствовать успеху Германии в ее войне с Россией, он прибыл в Петроград, где при денежной поддержке со стороны Германии и стал проявлять деятельность, направленную к достижению этой цели. Выяснилось также, что Ленин и Зиновьев, проживая еще в октябре 1914 года в Австрии, близ Кракова, были арестованы австрийскими властями как русские подданные, но вскоре [были] освобождены с правом свободного выезда в Швейцарию, где и стали издавать журнал «Социал-демократ», в котором распространяли идеи о необходимости поражения России в настоящей войне. В одном из номеров этого журнала содержался призыв к русским гражданам — фактически содействовать поражению России.

Прокурор обвиняет // Единство. 1917. № 96. 22 июля

Такой взгляд Ленина и его ленинской партии диктовал Ленину стремиться к победе Германии над Россией. И к этой цели Ленин шел всеми средствами и придерживался принципа: «цель оправдывает средства».

В. Л. Бурцев. С. 188

А пораженческая пропаганда 1917 года, которую Ленин вел на немецкие деньги? Это же документально доказанный мировой исторической наукой факт!

Д. Штурман. Блуд на крови. Письмо драматургу Шатрову // Лит. Россия. 1991. № 14.

(Далее цит.: Д. Штурман [1])

Из имеющейся в распоряжении судебных властей многочисленной телеграфной корреспонденции усматривается, что между проживавшими в Петрограде Суменсон, Ульяновым (Лениным), Коллонтай и Козловским, с одной стороны, и с Фюрстенбергом (Ганецким) и Гельфандом (Парвусом), с другой существовала постоянная и обширная переписка. Хотя переписка эта и имеет указания на коммерческие сделки, высылку разных товаров и денежные операции, тем не менее, представляется достаточно оснований заключить, что эта переписка прикрывает собою сношения шпионского характера. Тем более что это один из обычных способов сокрытия истинного характера переписки, имеющей шпионский характер.

Прокурор обвиняет // Единство. 1917. № 96. 22 июля

Содержание писем было весьма лаконично, без всякого вхождения в какие-либо детали. В них просто приводились общие фразы, вроде: «работа подвигается очень успешно»; «мы надеемся скоро достигнуть цели, но необходимы материалы»; «будьте осторожны в письмах и телеграммах»; «материалы, посланные в Выборг, получил, необходимо еще»; «присылайте побольше материалов» и «будьте архисторожны в сношениях» и т. п.

Б. Никитин [2]. С. 98

Дипломат из австро-венгерского посольства в Стокгольме Гребинг вспоминал позже, что «Парвус и Фюрстенберг-Ганецкий могли и действительно вели, с помощью Германии, экспортную торговлю через Скандинавию с Россией. Этот экспорт германских товаров в Россию шел регулярно и в значительных количествах через фирму Парвуса Ганецкого следующим образом: Парвус получал из Германии некоторые товары, как-то: хирургические инструменты, медикаменты и химические продукты, даже противозачаточные средства, одежду, в которых Россия нуждалась, а потом Ганецкий, как русский агент, отправлял их в Россию. Но за эти проданные товары они Германии ничего не платили. Все вырученные ими деньги с первого же дня революции в России были использованы, главным образом, для финансирования ленинской пропаганды в России...» Нельзя не признать, что для маскировки финансовых связей это было хорошим прикрытием.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 208

Ленин был впервые обвинен Временным правительством на основании информации, полученной от западных разведок. Его обвинили в том, что он шпион и платный агент Германии. Ленин защищал себя утверждением, что никогда не получал ни копейки от Фюрстенберга и что Козловский вовсе не был членом его партии. Оба эти утверждения оказались совершенно ложными.

Г. Катков. С. 169

Ленин и Зиновьев из своего подполья прислали к нам в «Новую жизнь» письмо, подписанное и Каменевым. Письмо, строк на 60, заключало в себе оправдания по существу дела и полемику с обвинителями и клеветниками. ...Письмо произвело на нас пренебрежительное впечатление. Газетная полемика, по существу из подполья, была тут явно ни при чем: дело слишком далеко выходило за ее пределы. Совсем не было охоты судить на основании этого письма, получали ли большевики какие-нибудь деньги через Козловского из-за границы, знали ли авторы письма госпожу Суменсон и т. д. Большевикам можно было бы совсем пренебречь обвинениями и не отвечать на них по существу. Это была бы как-никак линия поведения.

Но требовать реабилитации и полемизировать из-за пределов досягаемости — это было совсем странно.

Н. Н. Суханов. Т. 3. С. 5

Чтобы не возвращаться больше к Суменсон, должен обратить внимание, что арестованная во время июльского восстания, она во всем и сразу чистосердечно призналась допрашивавшим ее в моем присутствии начальнику контрразведки и Каропачинскому. Она показала, что имела приказание от Ганецкого выдавать Козловскому, состоящему в то время членом ЦК партии большевиков, какие бы суммы он ни потребовал, и притом без всякой расписки. Из предъявленных ею чековых книжек явствовало, что некоторые из таких единовременных выдач без расписки доходили до ста тысяч рублей.

Б. Никитин [2]. С. 104

Часто цитируемое и широко известное выражение «кайзеровские миллионы для Ленина» следует рассматривать в правильном контексте. По оценкам на 30 января 1918 года, Германия к тому времени ассигновала и истратила из средств специального фонда на пропаганду и специальные цели (Sonderexpeditionen) 382 миллиона марок. 40 580 997 марок, истраченных на Россию, составляют около 10 процентов этих расходов. К 31 января 1918 года «все еще» не были израсходованы 14,5 миллиона марок, однако к июлю 1918 года ежемесячные расходы немцев на пропаганду в России уже достигли 3 миллионов марок. Незадолго до своего убийства посол граф Мирбах запросил дополнительно 40 миллионов марок, с тем чтобы конкурировать с соответствующими ассигнованиями из стран Антанты. Из этих 40 миллионов до конца войны только 6 миллионов, во всяком случае не более 9 миллионов, были высланы и использованы частями каждые два-три месяца.

Fisher Fritz. Griff nach der Weltmacht — Die Kriegszielpolitik des Keizerlichen. Dusseldorf, 1961. S. 176.

Цит. по: *Керенский А. Ф. С. 215*

«Русская» революция была произведена на немецкие деньги. Эдуард Берштейн, социалист и еврей, но заядлый враг большевиков,

заявил, что ему известно, что Германия затратила на посылку Ленина 50 миллионов марок золотом. Республиканское Берлинское правительство уклонилось от дачи разъяснений по его запросу.

Р. Вильтон. С. 95

Ленин и его товарищи получили от кайзерской Германии огромные суммы. Я узнал об этом еще в конце декабря 1917 года. Через одного друга я осведомился об этом у некоего лица, которое, вследствие своих связей с различными учреждениями должно было быть в курсе дела, и получил утвердительный ответ. Правда, тогда я не знал размера этих сумм и кто был посредником при их передаче. Теперь я получил сведения от заслуживающего доверия источника, что речь идет о суммах почти неправдоподобных, наверняка превышающих 50 миллионов немецких золотых марок, так что ни у Ленина, ни у его товарищей не могло возникнуть никаких сомнений относительно источников этих денег.

Эд. Берштейн. Темная история // Форвертс. Берлин, 1921. 14 янв. Утр. вып.

О получении большевиками денег от германского правительства я услышал на заседании комиссии рейхстага в 1921 г. Заседание комиссии, обсуждавшее вопросы внешней политики, состоялось под председательством депутата рейхстага проф. Вальтера Шюкинга. На заседании присутствовали, кроме членов рейхстага, высокие чины министерства иностранных дел и военного министерства. По окончании официальной части собрания состоялся свободный обмен мнениями между присутствующими. Во время этих бесед один из членов комиссии громко заявил другому: «Ведь большевики получили 60 миллионов марок от германского правительства». Я тогда спросил сидевшего возле меня легационсрата Эккерта (впоследствии посланника), соответствует ли это заявление действительности. Господин Эккерт это подтвердил. На другой день я посетил проф. Шюкинга, как председателя комиссии, и, рассказав ему о разговоре относительно упомянутых 60 мил. марок, спросил, известно ли ему что-нибудь об этом. На это он мне ответил, что и ему известен факт выдачи этой суммы большевикам.

Эд. Берштейн.

Цит. по: *Фельштинский Ю. Г. С. 3031*

На запрос правительству коммуниста В. Дювеля относительно выдвинутого мною утверждения о выдаче Ленину и его товарищам 50 миллионов марок министерство иностранных дел дало именно тот ответ, какой предполагала расплывчатая формулировка вопроса. МИД заявил, что в его документах нет никаких указаний на то, что МИД дал согласие на поддержку Ленина и его товарищей немецкими военными властями. Если бы [коммунистическая] газета «Роте фане» была заинтересована в том, чтобы выяснить правду, а не осыпать меня ругательствами, она бы на это возразила министерству, что в его ответе обойдена суть <...> Этот ответ отрицает то, чего я не утверждал, зато тщательно обходит всякое высказывание о том, соответствует ли действительности или нет сказанное мною. <...> В ответе даже не сказано, что министерству ничего не известно об этом деле. В ответе лишь говорится, что в документах МИД на эту тему ничего нет. Но на войне происходит множество событий, которые никоим образом не отражаются в документах правительственных учреждений. <...> Не разделяя приверженности «Роте фане» к судам, я более всего желал бы представить этот случай на рассмотрение международного следственного комитета, составленного исключительно из социалистов. Но поскольку создание такого комитета — дело чрезвычайно трудное и может занять еще много месяцев, <...> я решил выбрать другой путь. Сразу после нового собрания рейхстага я обращаюсь к нему с запросом передать это дело, с целью ускоренного рассмотрения, второму подкомитету комитета по расследованию возникновения войны...

Эд. Берштейн.

Цит. по: *Фельштинский Ю. Г. С. 3132*

«Я далеко не уверен, что об этом вопросе говорить своевременно, — писал в 1931 году историк и архивист Б. И. Николаевский жалующемуся на отказ немцев В. Л. Бурцеву (уточнить и опубликовать материалы на тему участия немецких денег в большевистской революции. — *Е. Г.*) — <...> во всяком случае немцы-то вполне определенно убеждены, что поднимать эту группу вопросов преждевременно. <...> Простите меня, Владимир Львович, неужели

Вы думаете, что Ваша эта работа может быть принята к изданию каким-либо немецким социал-демократическим издательством? Ведь это абсолютно невозможная вещь. Ведь Вы, наверное, знаете, что в 1920 [1921] г. Э. Берштейн получил некоторые материалы относительно отношений в годы войны между немецким штабом и большевиками и начал было их публиковать, <...> но ему пришлось это дело приостановить, и он до сих пор к нему не возвращается».

Бурцеву оставалось только согласиться: «Вы правы, что немцы не хотят поднимать вопроса о том, как они помогали Ленину»... По прошествии многих лет в распоряжение историков были переданы документы, позволяющие более глубоко и внимательно изучить ставший уже легендой вопрос о немецких деньгах ипломбированном вагоне. В числе сборников таких документов следует прежде всего назвать «Документы Земана» и «Документы Хальвега». Нужно отметить, что эти публикации, с очевидностью указывавшие на связь с германским правительством таких известных революционеров, как швейцарский социал-демократ Карл Моор (Баер), русско-румынско-болгарский социалист Х. Раковский, эсеры Цивин (Вейс) и Рубакин, вызвали настоящий переполох среди еще живших революционеров.

Ю. Г. Фельштинский. С. 3233

Из показаний, данных мне бывшим русским агентом, который с согласия Департамента полиции вел сношения с Бисмарком, немецким представителем в Берне, Долиным, я знаю, что немецкое правительство с полным отрицанием отзывалось о моей деятельности и деятельности Кропоткина и с большой похвалой о деятельности Ленина. Давая поручение Долину вести пропаганду о восстании в России и об общей дезорганизации русской жизни, давая поручения взрывать мосты, убить министра иностранных дел Сазонова, немецкий представитель в Берне, Бисмарк, советовал Долину вмешиваться в ряды ленинцев и работать в их духе. По мнению Долина, Бисмарк был убежден в том, что деятельность ленинцев вполне соответствует видам немецкого правительства.

В. Л. Бурцев. С. 189

— Я вам назвал сумму, которую наш Генеральный штаб передал Ленину и К°, а именно — свыше 70 000 000 марок — главная часть

этой суммы выдана в 1917 году при поездке Ленина в Россию. Разве это не самое главное? (Корреспондент газеты «Общее дело» цитирует неназванного крупного чиновника германского Генерального штаба. — *Е. Г.*) А что до разоблачения всех относящихся к этому документов, то международная борьба с большевиками в настоящее время ведется так, что для нас, немцев, не наступило еще время все раскрыть.

Несколько подумавши, мой собеседник прибавил:

— Как вы думаете, если бы в статье г-на Бурцева «Я обвиняю!», где он пользуется мной же сообщенными ему сведениями о семидесяти миллионах, было хоть что-нибудь не соответствующее правде, хоть одна какая-нибудь деталь, — наше правительство не поторопилось бы опровергнуть все и поднять целый скандал? Уже одним тем, что наше правительство молчит, оно подтверждает все то, что сказал г-н Бурцев.

Признания немцев // Общее дело. Париж, [192...]. № 189. 20 янв.

Копенгаген, 18 июля 1917 года,
Господину Руфнеру, Гельсингфорс.
Милостивый государь!

Настоящим предупреждаем Вас, что со счета Дисконто-Гезельшафт переведено по приказу синдиката на счет г. Ленина в Кронштадт 315 000 марок. Просим получение подтвердить.

Нилендевей, 98, Копенгаген. В. Ганзен и К°. Свенсен.

Цит. по: *Иванов В. Ф.* От Петра Первого до наших дней: Русская интеллигенция и масонство. Харбин, 1934. С. 490

В ленинском «секретном» архиве сохранился любопытнейший документ, датированный 16/29 ноября 1917 года: «Председателю Совета Народных Комиссаров. Согласно резолюции, принятой на совещании народных комиссаров товарищей Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского, мы произвели следующее:

1. В архиве министерства юстиции из дела об «измене» товарища Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. мы изъяли приказ германского имперского банка № 7433 от второго марта 1917 года с разрешением платить деньги тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России.

2. Были просмотрены все книги банка Ниа в Стокгольме, заключающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по приказу германского имперского банка за № 2754. Книги эти переданы Мюллеру, командированному из Берлина.

Уполномоченные народным комиссаром по иностранным делам Е. Поливанов, Г. Залкинд».

Не знаю, что стало с Г. Залкиндом. А вот уполномоченный НКВД выдающийся лингвист-востоковед Евгений Дмитриевич Поливанов за знание самой сокровенной из большевистских тайн в 1938 году поплатился расстрелом.

Б. В. Соколов. С. 215216

Было очевидно, что всегда имело место сотрудничество революционеров с главными внешнеполитическими противниками Российской империи. Так, уже в феврале 1904 года японский военный атташе в России полковник М. Акаси вступил в контакт с руководителем Финляндской партии активного сопротивления К. Циллиаксом и одним из руководителей Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров Г. Г. Деканозовым. Тогда же у Акаси «возник план оказания финансовой помощи революционерам с тем, чтобы ускорить начало вооруженного восстания в России». В мае 1904 года на японские деньги было открыто Лениным и В. Д. Бонч-Бруевичем первое большое социалистическое издательство, начавшее поставки в Японию пораженческой социал-демократической и эсеровской литературы для пленных русских солдат. Но уже летом 1904 года о происхождении денег Ленина и Бонч-Бруевича стало известно руководству РСДРП, и в июле 1904 года ЦК, обозванный Лениным за это «примиренческим», категорически предписал Бонч-Бруевичу прекратить «высылку партийной литературы токийскому правительству как компрометирующую партию». Поскольку Бонч-Бруевич не подчинился решению ЦК и в Японию продолжалась отсылка литературы, ЦК вынужден был формально отстранить Бонч-Бруевича от руководства экспедицией. На прямо поставленный Плехановым вопрос, вошел ли Бонч-Бруевич в сношения с японским правительством от имени экспедиции, последний лишь выразил свое негодование по поводу инсинуаций. «Я тотчас обо всем рассказал

Владимиру Ильичу, и он от души смеялся над «меньшевистскими дурачками», — хвастался Бонч-Бруевич много лет спустя... Впрочем, не таким уж «дурачком» был Плеханов. В 1915 году он сообщил Г. А. Алексинскому, что «уже во время русско-японской войны Ленинский центр не брезговал помощью японского правительства, агенты которого в Европе помогали распространению ленинских изданий»

Ю. Г. Фельштинский. С. 33

Документ № 8

Рейхсбанк

№ 2

(Весьма секретно)

Берлин, 8 января 1918 г. Народному Комиссару по Иностранным Делам.

Сегодня мною получено сообщение из Стокгольма, что в распоряжение наших агентов переведено 50 миллионов рублей золотом для вручения их представителям Народных Комиссаров. Кредит этот предоставлен Правительству России на уплату содержания Красной Гвардии и агитаторов в стране. Имперское Правительство считает своевременным напомнить Совету Народных Комиссаров необходимость усиления пропаганды в России, так как враждебное к существующей в России власти отношение Юга России и Сибири очень озабочивает Германское Правительство. Необходимо послать повсюду опытных людей для установления однообразной власти.

Представитель Имперского банка фон Шанц.

Примечание. Члены Красной Гвардии получали от 12 до 16 руб. в день, в то время как жалование солдата едва достигало соответствующего числа в копейках. Это письмо указывает место, откуда получались деньги, Большевистское Правительство также требовало от владельцев заводов, чтобы они регулярно платили жалование своим рабочим в то время, когда последние состояли на службе в Красной Гвардии. Пометка на письме указывает на то, что оно было направлено к Менжинскому, Министру финансов, при котором состоял в качестве эксперта-советника немец фон Толь. Менжинский лично взялся за разрушение русских банков — маневр, посредством которого противники большевизма лишались средств к

ведению военных действий. Это было классическим разрушением, выполненным во имя «созидания».

Э. К. Сиссон. Немецко-большевистская конспирация // Тайна октябрьского переворота. С. 254255

Общая сумма денег, полученных большевиками от немцев до и после захвата ими власти, определена профессором Фритцем Фишером в 80 миллионов марок золотом.

А. Ф. Керенский. С. 215

Я, как начальник штаба Восточного фронта, руководил отделом пропаганды среди русской армии и поэтому могу Вам сказать только одно. Во время войны Генеральный штаб, конечно, пользовался всевозможными средствами, чтобы прорвать русский фронт. Одной из этих мер — назовем это удушливыми газами или иначе — и был Ленин.

М. Гофман. Пломбированный вагон // Руль. Берлин. 1921. № 32. 23(10) дек.

(Далее цит. по: М Гофман [2])

«Политическая продажность»? «Служба немецкому правительству»? Слова, слова, слова... Это Ленин через посредничество немецких социалистов купил близорукое немецкое правительство и поставил его на службу своей задаче.

Д. Штурман. О вождях российского коммунизма. Париж: YMCA PRESS; М.: Русский путь, 1993. С. 126

(Далее цит.: Д. Штурман [2])

Меня часто обвиняют в том, что я нашу революцию произвел на немецкие деньги; я этого не оспаривал и не оспариваю, но зато на русские деньги я сделаю такую же революцию в Германии...

Ленин. Цит. по: Спиридович А. И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти. 188319031917. Париж, 1922. С. 266

Германское Министерство иностранных дел прекрасно сознавало, что энтузиазм февральских дней может возродить дух национального

единства, и, чтобы помешать этому, следует поддержать любую фракцию, как бы ни была она мала и незначительна, если эта фракция выступает против продолжения войны. Интересно, что прежде всего немцы думали использовать бывшего депутата Четвертой думы большевика Малиновского. От этого, однако, сразу пришлось отказаться: в Петрограде были открыты архивы тайной полиции, и председатель Думы Родзянко объявил, что Малиновский на протяжении всей своей думской карьеры служил тайным осведомителем охраны. Тогда германские власти целиком перенесли свое внимание на Ленина.

Г. Катков. С. 161

Почему промедление было смерти подобно?

Вряд ли стоит говорить, что провал попытки Ленина захватить власть в июле был огромной неудачей для немцев. Ленин не обеспечил заключения сепаратного мира, того самого мира, который, как писал фельдмаршал Гинденбург канцлеру Бетман-Гольвегу 5 апреля, столь необходим до наступления зимы 1917 года.

А. Ф. Керенский. С. 224

Между тем скрывшийся Ленин и его германские руководители продолжали свое черное дело, они готовились к Октябрьскому перевороту, точили предательские ножи, чтобы вонзить их в сердце русского государства.

В. Панкратов // Заря. Омск, 1919. Янв.

Ленин оставался в Финляндии до начала Октябрьского восстания, однако от его имени в Петрограде действовали два его надежных агента — Троцкий и Каменев. На Троцкого была возложена ответственность за техническую подготовку восстания и за политическую агитацию среди масс солдат, матросов и рабочих. Перед Каменевым была поставлена другая, отнюдь не менее важная задача: в период, непосредственно предшествующий восстанию, ему надлежало отвлечь внимание социалистических партий от подлинных целей Ленина, рассеять их подозрения и добиться, чтобы в момент

выступления Троцкого эти партии не оказали Временному правительству активной помощи.

Каменев выполнил эту задачу превосходно. Этот мягкий, приветливый человек в совершенстве владел искусством с подкупающим правдоподобием прибегать ко лжи. С удивительной легкостью он завоевывал расположение тех самых людей, которых водил за нос, и проделывал это с выражением почти детской невинности на лице.

А. Ф. Керенский. С. 305

Лично Троцкий, отрываясь от работы в революционном штабе, летал с Обуховского на Трубочный, с Путиловского на Балтийский, из манежа в казармы и, казалось, говорил одновременно во всех местах. Его лично знал и слышал каждый петербургский рабочий и солдат. Его влияние — и в массах, и в штабе — было подавляющим. Он был центральной фигурой этих дней и главным героем этой замечательной страницы истории.

Н. Н. Суханов. Т. 3. С. 287

Так, между прочим, мне смутно вспоминается такой приблизительно его (Ленина) совет нам:

— Нам важно, чтобы в решающий момент были с нами такие люди, как Троцкий. Пусть он даже мыслит себя заправилкой. Это неважно. И не делайте на этот счет никаких замечаний. Пусть. Нам важен исход.

М. И. Лацис. Из октябрьских воспоминаний // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 4. С. 307

Уже в конце июля состоялся новый съезд большевиков. Это был уже объединительный съезд, на котором формально слились партия Ленина, Зиновьева и Каменева с группой Троцкого, Луначарского и Урицкого... Вождям не пришлось быть на этом съезде — они могли только издали вдохновлять его. Но справились кое-как и без главных лидеров...

Мы вышли из заседания уже глубокой ночью. В сквере Смольного нас встретила крошечная тьма с проливным дождем вдобавок. Настроение было неважное. Но тут еще удовольствие! Как добраться

на другой конец города, на Карповку, с туберкулезной женой, которая, видите ли, никак не могла не пойти на это заседание и не пропустить всех трамваев... В темноте сквера целая толпа спорила у пары пыхтящих автомобилей, которые большевистскому Совету удалось оттягать у меньшевистско-эсеровского ЦИК. У автомобилей дело было, конечно, безнадежно. К ним подошел было и председатель Троцкий. Но, постояв и посмотрев минуту, усмехнулся, потом зашлепал по лужам и скрылся во тьме.

Отправившись было пешком, мы узнали, что к Смольному для депутатов были поданы специальные трамваи, которые стояли на площади. Мы бросились туда. Новая удача! На Петербургскую сторону вагон уже ушел. Все, что можно было сделать, это доехать до угла Садовой и Инженерной. Но оттуда еще добрых пять верст.

Стоя на площадке трамвая, я был зол и мрачен чрезвычайно. Около нас стоял какой-то небольшой человек скромного вида, в пенсне, с черной клинышкой бородкой и с лучистыми еврейскими глазами. Видя мою злость и мрачность, он пытался было меня ободрить, утешить или рассеять каким-то советом насчет дороги. Но я односложно и нелюбезно отвечал ему.

— Кто это? — спросил я, когда мы сошли с трамвая.

— Это наш старый партийный работник, гласный думы — Свердлов...

В моем дурном настроении я бы непременно развеселился и много бы смеялся, если бы кто-нибудь сказал мне, что этот человек через две недели будет формальным главой Российской Республики.

Н. Н. Суханов. Т. 3. С. 55, 289-290

Крайне важно было вырвать власть из рук Временного правительства, до того как распадется австро-германо-турецко-болгарская коалиция, другими словами, до того, как Временное правительство получит возможность заключить совместно с союзниками почетный мир. Интересы Ленина и германского Генерального штаба снова совпали. Для того чтобы помешать Австрии подписать сепаратный мирный договор, немцам нужен был переворот в Петрограде. Для Ленина немедленный мир с Германией сразу после захвата власти был единственным средством установления диктатуры.

А. Ф. Керенский. С. 305

Пожалуй, я выпишу одну яркую картинку в полстранички из книги Джоэля Кармайкла о Троцком.

«22 октября — в «День Петроградского Совета» — несметные толпы «демократического населения» вышли по призыву Совета на массовые митинги... В этот день Троцкий произнес одну из самых эффектных своих речей. На этот раз, как сообщает наш главный свидетель Суханов, «все дело было в настроении... Настроение окружающих граничило с экстазом... Троцкий предложил краткую и весьма расплывчатую резолюцию, что-то вроде «Защищать рабоче-крестьянское (?) дело до последней капли крови! Кто за?» Взметнулись тысячи рук. Я видел эти поднятые руки и эти горящие глаза... Что привело их в такой восторг? Может, им приоткрылся краешек того «царства справедливости», о котором они мечтали? Или под влиянием этой политической демагогии они прониклись ощущением, что присутствуют при историческом событии? Не знаю. Троцкий продолжал говорить. Он проревел: «Пусть это будет вашей клятвой — отдавать все силы и принести все жертвы в поддержку Совета, который взял на себя славную задачу довести до конца победу революции!» Толпа не опускала рук. Она соглашалась. Она клялась. С гнетущим чувством я взирал на эту величественную сцену».

В. А. Солоухин. С. 121

24 октября Ленин направил членам Центрального комитета истерическое письмо, в котором говорилось: «Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое.

Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно...

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!...

Было бы гибелью... ждать колеблющегося голосования 25 октября»...

В ночь на 23 октября Военно-революционный комитет Троцкого, отбросив всякую маскировку, начал отдавать приказы о захвате в городе правительственных учреждений и стратегических объектов.

А. Ф. Керенский. С. 306307

В те же дни я случайно подслушал на улице, в углублении какого-то подъезда, такой шёпот:

— Ленин? Отъявленный капиталист!

— То есть как?

— Да очень просто: он только на «Капитал» и ссылается!

Ю. Анненков. Т. 2. С. 264

Ныне были приняты меры к охране Смольного. У некоторых дверей стояли вялые часовые. Внизу дежурили караулы. А в подъезде между колоннами под чехлом дремала трехдюймовка. Но сомнений тут быть не могло: хороший отряд в пятьсот человек был совершенно достаточен, чтобы ликвидировать Смольный со всем его содержанием... Так же как было достаточно такого отряда 28 февраля, чтобы разгромить Таврический дворец и направить всю революцию совсем по иному руслу...

Н. Н. Суханов. Т. 3. С. 299

Я твердо уверен, что восстание 24-25 октября не случайно совпало по времени с серьезным кризисом в австро-германских отношениях, как не случайно «совпало» контрнаступление Людендорфа с предпринятой Лениным попыткой восстания в июле.

А. Ф. Керенский. С. 306

Австрия готова была выйти из союза с Германией и искала сепаратного мира. Германия спешила совершить у нас переворот осенью 1917 года, стараясь предупредить выход из войны Австрии. Я констатирую Вам следующий факт: 24 октября 1917 года мы, Временное правительство, получили предложение Австрии о сепаратном мире. 25 октября произошел большевистский переворот. Так немцы форсировали ход событий...

А. Ф. Керенский. (Материалы предварительного следствия по делу об убийстве императора Николая Александровича.)

Архив Военной прокуратуры РФ. Л. 111

Успех и русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы...

Ленин. ПСС. Т. 34. С. 384

Один очень характерный и существенный момент в резолюции: почему надо спешить с восстанием, резолюция ЦК перечисляет благоприятные предпосылки, называет и одну отрицательную предпосылку, могущую сорвать восстание. В резолюции об этом сказано так: «угроза мира империалистов с целью удушения революции в России» (Протоколы ЦК. Стр. 86.).

А. Авторханов. Ленин в судьбах России // Новый мир. 1991. № 1. С. 56.

(Далее цит.: А. Авторханов [2])

К 15 ноября предполагалось заключить сепаратный мир России с Турцией и Болгарией. Вдруг совершенно неожиданно где-то 20 октября мы получили секретное послание от министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Чернина. В письме, которое пришло к нам через Швецию, говорилось, что Австро-Венгрия втайне от Германии готова подписать с нами мир. Предполагалось, что представители Вены придут на конференцию о целях войны, которая должна была открыться в Париже 3 ноября.

Вполне вероятно, что Людендорф и все другие сторонники войны до последней капли крови узнали об этом раньше нас. А посему задача Людендорфа сводилась теперь к тому, чтобы помешать Австрии выйти из войны, а план Ленина — к захвату власти до того, как правительство сможет разыграть эту козырную карту, лишив его тем самым всех шансов на захват власти.

А. Ф. Керенский. С. 306

Эта «угроза мира» дополнялась другой угрозой — предполагаемым предоставлением земли крестьянам, над проектом которого работали и ЦИК Советов и Временное Правительство. А эти вопросы — мир и земля — как к раз и были теми двумя китами, на которых строилась вся стратегия захвата власти большевиками...

А. Авторханов [2]. С. 56

В ночь на 23 октября в изысканно обставленной квартире на Карповке было принято окончательное решение о начале революции, той самой, что должна была потрясти весь мир.

Дело происходило в квартире Николая Суханова, находившегося в ту ночь совсем в другом месте и ни о чем не ведавшего. Он узнал об этом много дней спустя. «О новые шутки веселой музы истории, — писал он. — Подумать только, совещание, на котором было принято окончательное решение, происходило у меня на квартире (Карповка, 32, квартира 31) и без моего ведома».

Р. Пейн. С. 368369

На этом заседании 10 октября присутствовало 12 членов ЦК партии... Таким образом, решение о большевистском восстании было принято меньшинством ЦК (10 — за, 2 —против, 12 — отсутствовало). Из отсутствующих важных членов ЦК — Рыков и Ногин (председатель Московского Совета) определенно были на стороне голосовавших против. К ним примыкал и другой видный член ЦК Милютин.

А. Авторханов [2]. С. 56

В Центральном Комитете партии это решение было принято всеми голосами (не знаю сколькими) против двух. Несогласными были, как и в июне, все те же — Каменев и Зиновьев... Разумеется, это не могло смутить громовержца. Он не смущался и тогда, когда оставался чуть ли не один в своей партии. Теперь с ним было большинство. Правда, партийное большинство, как и массы, над всем этим в упор не думало. Но не могло же оно уподобиться меньшевикам и эсерам! Если бы перед партией поставить вопрос, то огромное большинство, конечно, крикнуло бы: рады стараться! И кроме большинства с Лениным был Троцкий. Я не знаю, в каких степенях это оценивал сам Ленин. Но для хода событий это имело неизмеримое значение. Это для меня несомненно... А в общем именитая «парочка товарищей» осталась пока что при своем особом мнении, но без всякого внимания со стороны остальных. Постановление было принято, и дела пошли своим порядком.

Н. Н. Суханов. Т. 3. С. 270

Вот как описывает это историческое заседание Н. И. Бухарин, на которого обрушился гнев Ленина: «Он бежит по комнате, гневный, с суровой решимостью в лице, на котором подобались и сжались все

мускулы. «Больше я не буду терпеть ни единой секунды. Довольно игры! Ни единой секунды!» Его: «ни единой секунды!» произносится с каким-то решительным, серьезным и вместе с тем глубоко гневным присвистом сквозь зубы, — это было характерным признаком того, что Ильич «свирепо» настроен...»

Е. Я. Драбкина. С. 313

Во многих книгах рассказывается о том, как Ленин в сопровождении Рахьи добирался до Смольного. Для большей конспирации он повязал платком челюсть, будто у него болят зубы. Они сели в пустой трамвай — по одной из версий это был последний ночной рейс, — пересекли Литейный мост. С Выборгской стороны мост охраняли красногвардейцы. Ленин и его спутник вздохнули с облегчением. Последнюю часть пути они проделали пешком. В одном месте их остановил какой-то кадет, Рахья, отвлекая на себя внимание, притворился пьяным, а Ленин, не сбавляя шага, пошел дальше.

А. Р. Вильямс. С. 44

Помещается этот знаменитый пункт на краю столицы и поглощает у всех массу времени на передвижения. В нем хорошо было консервировать «благородных девиц», но не делать революцию с пролетариатом и гарнизоном столицы. Впрочем, не знаю, могло ли тут нравиться и детям, и девицам. Правда, по соседству были чудесные памятники архитектуры во главе с монастырем: я лично помню, как я ахнул и остановился как вкопанный, увидев его впервые. Кроме того, в институте есть замечательный небесно-чистый, стройно-законченный актовый зал: здесь и была отныне главная (так сказать, внутренняя) арена революции. Но эти бесконечные темные, мрачные, тюремно-однообразные коридоры с каменными полами! Эти казарменно-сухие классы, где не на чем было отдохнуть глазу!.. Было скучно, неудобно, неприветливо.

Н. Н. Суханов. Т. 3. С. 75

Движимый любопытством, я несколько раз побывал, в период Октябрьской революции («Десять дней, которые потрясли мир», по выражению Джона Рида), в Смольном институте. Окруженный броневиками и пулеметами, он был... неузнаваем... — горластые

рабочие и солдатские (вернее дезертирские) депутаты в засаленных тужурках и рваных солдатских шинелях, с сорванными погонами, не только топтали по всем этажам валенками и сапогами почерневший паркет, дымя махоркой и пачкая стены, но часто храпели на полу, зарывшись в тряпки своих одежд.

Ю. Анненков. Т. 2. С. 261

И вот у Смольного возникло неожиданное препятствие — их (Ленина и сопровождавшего его телохранителя Рахью) не захотели впускать. Это, пожалуй, было самое нелепое, что могло с ними случиться по дороге. Вождь революции, человек, который в течение нескольких недель упрямо призывал к восстанию, теперь оказался у закрытых дверей — его не хотели впускать в здание, где размещался штаб революции. Дело в том, что его пропуск был белого цвета, но такие пропуска уже были недействительны. Теперь в ходу были красные пропуска. Минут десять Ленин и Эйно Рахья спорили с охраной, и только когда напиравшая сзади толпа, возроптавшая из-за заминки у входа, смяла сопротивление охраны и прорвалась внутрь здания, Ленин и Эйно Рахья были буквально внесены в Смольный с потоком дерущихся, орущих, толкающих друг друга людей. Повернувшись к Эйно Рахья, Ленин сказал: «Видишь, победа всегда на нашей стороне!»

Р. Пейн. С. 389

Некоторые эпизоды, правдивы они или нет, сами по себе занятны. Бонч-Бруевич, например, рассказывает, что, придя в Смольный, Ленин снял только платок, которым была повязана щека, но оставался в парике до того момента, пока не пришло известие о взятии Зимнего дворца и аресте министров Временного правительства. Ленин решил тогда провести остаток ночи в квартире Бонч-Бруевича. Перед уходом Бонч-Бруевич предложил Ленину снять парик и обещал спрятать его, сказав: «Кто знает, может быть, еще пригодится». По другой версии, Ленин, войдя в комнату, где заседал ВРК, привычным жестом снял кепку, а вместе с ней случайно прихватил и парик. Заметив это, он рассмеялся, снова натянул парик на голову и уже потом снял его совсем.

А. Р. Вильямс. С. 140

Предстояла бурная ночь. На несколько кратких часов Ильич прилег отдохнуть в пустой комнате, куда его привели. В ней было несколько стульев и пара столов. На полу в одном из углов были грудami навалены газеты, кипы листовок. Из этих газет смастерили Ленину постель. Было холодно. Пришлось сверх пальто укрыться широкими газетными листами.

Г. Я. Сокольников. Ленин в Октябре // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 4. С. 311312

Задним числом мнения специалистов, историков сходятся на том, что, если бы в Петрограде находился хотя бы один полк, верный России, никакого переворота не произошло бы и штаб-квартира большевиков в Смольном была бы разгромлена.

В. А. Солоухин. С. 121

Однако, как пишет очевидец тех событий Н. Н. Суханов, «сопротивления не было оказано. Начиная с двух часов ночи, небольшими силами, выведенными из казарм, были постепенно заняты вокзалы, мосты, осветительные учреждения, телеграф, телеграфное агентство. Группки юнкеров и не думали сопротивляться. В общем, военные операции были похожи скорее на смены караулов в политически важных центрах... Город был совершенно спокоен. И центр, и окраины спали глубоким сном, не подозревая, что происходит в тиши холодной осенней ночи». Керенский утром выехал (это походило на бегство) «навстречу верным войскам с фронта». Никаких серьезных мер по предотвращению переворота Временное правительство не делало и сделать, видимо, уже не могло. Власть валялась на мостовой Петрограда.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 291

Было убито девять человек из дворцовой охраны и шесть матросов. Таков был общий счет жертв изнурительно долгой осады Зимнего.

Р. Пейн. С. 397

Старший унтер-офицер женского батальона Мария Бочарникова оставила мало кому известные воспоминания: «25 октября 1917 года около восьми часов вечера получаем приказ выйти на баррикады, построенные юнкерами перед дворцом. У ворот, высоко над землей, горит фонарь. Стоит группа юнкеров с офицерами. Слышу приказ: «Юнкера, разбейте фонарь!» Полная темнота. С трудом различаешь соседа. Мы рассыпаемся вправо за баррикадой, смешавшись с юнкерами. Как потом мы узнали, Керенский тайно уехал за самокатчиками, но самокатчики уже «покраснели» и принимали участие в наступлении на дворец. В девятом часу большевики предъявили ультиматум о сдаче, который был отвергнут. В девять часов вдруг впереди загремело «ура!». Большевики пошли в атаку. В одну минуту все кругом загрохотало. Ружейная стрельба сливалась с пулеметными очередями. С «Авроры» забухало орудие. Мы с юнкерами, стоя за баррикадой, отвечали частым огнем. Я взглянула вправо и влево. Сплошная полоса вспыхивающих огоньков, точно порхают сотни светлячков. Иногда вырисовывается силуэт чьей-то головы. Атака захлебнулась. Неприятель залег. Стрельба то затихала, то разгоралась с новой силой. Воспользовавшись затишьем, я спросила: «Четвертый взвод, есть еще патроны?» — «Есть, хватит!» — раздались голоса из темноты...

Нас обстреливали от Арки Главного штаба, от Эрмитажа, от Павловских казарм и Дворцового штаба. Штаб округа сдался. Часть матросов прошла через Эрмитаж в Зимний дворец, где тоже шла перестрелка. В 11 часов опять начала бить артиллерия. У юнкеров были раненые, у нас одна убитая. Прослужив впоследствии два с половиной года ротным фельдшером в 1-м Кубанском стрелковом полку, я видела много боев, оставивших неизгладимое впечатление на всю жизнь, но этот первый бой, ведшийся в абсолютной темноте, без знания обстановки и с невидимым неприятелем не произвел на меня большого впечатления. Было сознание какой-то обреченности. Отступления не было, мы были окружены. В голову не приходило, что начальство может приказать сложить оружие. Был ли страх? Я бы сказала, сознание долга его убивало. Но временами охватывала сильная тревога. Во время стрельбы становилось легче. В минуты же затишья, когда я представляла себе, что, в конце концов, дойдет до рукопашной и чей-то штык проткнет меня, признаюсь, холодок

пробежал по спине. Надеюсь, что минует меня чаша сия и заслужу более легкую смерть — от пули. Смерть не страшила. Мы все считали долгом отдать жизнь за родину.

«Женскому батальону вернуться в здание!» — понеслось по цепи. Заходим во двор, и громадные ворота закрываются цепью. Я была уверена, что вся рота была в здании. Но впоследствии я узнала со слов участников боя, что наша полурота защищала двор. И когда уже на баррикаде юнкера сложили оружие, добровольцы еще держались. Как туда ворвались красные, что там происходило — не знаю. Полуроту заводят во втором этаже в пустую комнату.

«Я пойду узнаю о дальнейших распоряжениях», — говорит ротный, направляясь к двери. Он долго не возвращается. Стрельба стихла. В дверях появляется поручик. Лицо мрачное.

«Дворец пал. Приказано сложить оружие», — похоронным звоном отозвались его слова в душе. Мы стоим, держа винтовки у ноги. Минут через пять заходит солдат и нерешительно останавливается у двери. И вдруг под напором толпы громадная дверь с треском распахнулась, и толпа ворвалась. Впереди матросы с выставленными вперед наганями, за ними солдаты. Видя, что мы не оказываем сопротивления, нас окружают и ведут к выходу. На лестнице между солдатами и матросами — горячий спор: «Нет, мы их захватили, ведите в наши казармы!» — орали солдаты. Какое счастье, что взяли перевес солдаты! Трудно передать, с какой жестокостью обращались матросы с пленными. Вряд ли кто-нибудь из нас остался бы жив. Выводят за ворота. По обе стороны живая стена из солдат и красногвардейцев. Начинают отбирать винтовки. Нас окружает конвой и ведут в Павловские казармы. По нашему адресу раздаются крики, брань, хохот, сальные прибаутки.

То и дело из толпы протягивается рука и обрушивается на чью-нибудь голову или шею. Я шла с краю и тоже получила удар кулаком по загривку от какого-то ретивого защитника советской власти.

«Не надо, зачем?» — остановил его сосед.

«Ишь как маршируют и с ноги не сбиваются!» — замечает конвоир. Подошли к какому-то мосту. Вдруг с улицы вынырнул броневи́к и пустил из пулемета очередь. Все упали на землю. Конвойные что-то закричали. Броневи́к умчался дальше. В суматохе добровольца Хазиева благополучно сбежала. В казарме нас завели в

комнату с нарами в два яруса. Дверь открыта, но на треть чем-то перегорожена. В один миг соседняя комната наполняется солдатами. Со смехом и прибаутками нас рассматривают, как зверей в клетке...

Настроение солдат постепенно менялось. Начались угрозы, брань. Они накалялись и уже не скрывали своего намерения расправиться с нами как с женщинами. Что мы могли сделать, безоружные, против во много раз превосходящих нас численностью мерзавцев? Будь оружие, многие предпочли бы смерть насилию. Мы затаились. Разговоры смолкли. Нервы напряжены до последнего. Казалось, еще момент — и мы очутимся во власти разъяренной толпы.

«Товарищи! — вдруг раздался громкий голос. К двери через толпу протиснулись два солдата — члены полкового комитета, с перевязкой на рукаве. — Товарищи, мы завтра разберемся, как добровольцы попали во дворец. А сейчас прошу всех разойтись!»

Появление комитетчиков действовало на солдат отрезвляюще. Они начали нехотя расходиться... Решено было переправить нас в казармы Гренадерского полка, державшего нейтралитет... В Гренадерских казармах нас привели на обед. На столах груды белого хлеба.

Солдаты сами разносили нам пищу по столам. Говорили, что в нашу судьбу вмешался английский консул, хлопотал о нас...

Петроградские гренадеры! Если кому-нибудь из вас попадутся эти строки, примите от всей нашей роты, хотя и с большим запозданием, сердечную признательность за братское отношение в ту тяжелую для нас минуту, мы навсегда сохранили добрую память о часах, проведенных в ваших казармах, 7 ноября — 25 октября 1917 года. Ходили слухи, что погибли все защитницы Зимнего дворца. Нет, была только одна убитая, а поручику Верному свалившейся балкой ушибло ногу. Но погибли многие из нас впоследствии, когда, безоружные, разъезжались по домам. Нас ловили солдаты и матросы, насиловали, выбрасывали на улицу с верхних этажей, выбрасывали на ходу из поездов...»

Вот и все вооруженное восстание. Несolidно? Зато богато последствиями.

Символично: женщины оказались последними защитницами дворца — «оплота самодержавия» — в неестественной, не женской, странной роли, заведомо обреченной на провал.

Л. Н. Васильева. С. 7982

Так мы брали власть. Публика ужасно нервничала...

Н. К. Крупская. С. 275

...Видя, что пять из шести броневиков охранявших Зимний Дворец перешли на сторону большевиков, юнкера, женский ударный батальон и другие защитники прекратили сопротивление. Услышав об этом, «рабочий К. П. Иванов» снял парик, смыл грим и стал Лениным.

Л. Фишер. С. 216

Власть завоевана, по крайней мере в Петрограде. Ленин еще не успел переменить свой воротник. На уставшем лице бодрствуют ленинские глаза. Он смотрит на меня дружественно, мягко, с угловатой застенчивостью, выражая внутреннюю близость. «Знаете, — говорит он нерешительно, — сразу после преследований и подполья к власти... — он ищет выражения, — es schwindelt (кружит голову)», — переходит он неожиданно на немецкий язык и показывает рукой вокруг головы. Мы смотрим друг на друга и чуть смеемся.

Все это длится не больше минуты-двух. Затем — простой переход к очередным делам.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 331

В ночь на 26-ое октября 1917-го года, после взятия Зимнего дворца и ареста членов Временного Правительства, я снова пробрался в Смольный, где до 5 часов утра заседал съезд Советов. На трибуне появился Ленин, вернувшийся из своего подполья. Встреченный неудержимыми рукоплесканиями, он, выждав минуту, взмахнул рукой и произнес:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась. Отныне у нас будет наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создают власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций. Очередные задачи: немедленная ликвидация войны, немедленное уничтожение помещичьей собственности на землю, установление контроля над

производством. Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции. Да здравствует всемирная социалистическая революция!

Снова раздались бурные аплодисменты, крики: Ленин! Ленин! Ленин! и, еще не совсем уверенно, разразилось в переполненном до отказа зале пение Интернационала, как гимна.

Последняя ленинская фраза осталась, однако, до сих пор не расслышанной, непонятой или умышленно забытой в Западной Европе, в Америке, во всех свободных странах, в то время как в Советском Союзе, водворившемся на территории бывшей России, эта фраза с той ночи и по сегодня является законом и неизменной целью: всемирная социалистическая революция. Судьба России, как таковой, Ленина больше не интересовала. Россия стала для него (и для его последователей) только частностью. Подобное непонимание или забывчивость приносят с каждым днем все новые и новые победы международному коммунизму, то есть — расширению всечеловеческого рабства.

Ю. Анненков. Т. 2. С. 263

Когда я вошел, на трибуне стоял и горячо говорил незнакомый лысый и бритый человек. Но говорил он странно знакомым хрипловато-зычным голосом, с горловым оттенком и очень характерными акцентами на концах фраз... Ба! Это — Ленин. Он появился в этот день после четырехмесячного пребывания в подземельях...

Н. Н. Суханов. Т. 3. С. 174

Когда Ленин в ту октябрьскую ночь прошел по сцене к трибуне так же обыденно, как это сделал бы опытный учитель, ежедневно появляющийся перед своим классом, английский корреспондент Джулиус Вест, сидевший рядом со мной за столом прессы, шепнул: «Если его одеть немного получше, то можно было бы по внешности принять за среднего мэра или банкира из какого-нибудь небольшого французского городка».

Это была плоская острота, но многие из нас подхватили ее и часто с тех пор повторяли в своих книгах и статьях. Совсем не смешная, она стала избитой...

А. Р. Вильямс. С. 144

Помню, на второй или третий день после переворота, утром, я зашла в комнату Смольного, где увидела Владимира Ильича, Льва Давыдовича, кажется, Дзержинского, Иоффе и еще много народу. Цвет лица у всех был серо-зеленый, бессонный, глаза воспаленные, воротники грязные, в комнате было накурено... Кто-то сидел за столом, возле стола стояла толпа, ожидавшая распоряжений. Ленин, Троцкий были окружены. Мне казалось, что распоряжения даются, как во сне. Что-то было в движениях, в словах сомнамбулическое, лунатическое, мне на минуту показалось, что все это я сама вижу не наяву и что революция может погибнуть, если «они» хорошенько не выспятся и не наденут чистых воротников: сновидение с этими воротниками было тесно связано. Помню, еще через день я встретила Марию Ильинишну, сестру Ленина, и напредила ей впопыах, что Владимиру Ильичу надо переменить воротник. «Да, да», — смеясь ответила она мне. Но и в моих глазах вопрос о чистых воротничках уже успел утратить свою кошмарную значительность.

Н. Седова (вторая жена Троцкого).

Цит. по: *Л. Д. Троцкий [1]. С. 330331*

Надо формировать правительство. Нас несколько членов Центрального Комитета. Летучее заседание в углу комнаты.

— Как назвать? — рассуждает вслух Ленин. — Только не министрами: гнусное, истрепанное название.

— Можно бы комиссарами, — предлагаю я, — но только теперь слишком много комиссаров. Может быть, верховные комиссары? . Нет, «верховные» звучит плохо. Нельзя ли «народные»?

— Народные комиссары? Что ж, это, пожалуй, подойдет, — соглашается Ленин. — А правительство в целом?

— Совет, конечно, совет... Совет народных комиссаров, а?

— Совет народных комиссаров? — подхватывает Ленин. — Это превосходно: ужасно пахнет революцией!..

Л. Д. Троцкий [1]. С. 331

По случаю упразднения дворников никто снег не расчищал...
Н. К. Крупская. С. 278

Думали, гадали, и наконец Троцкий предложил название, которое всем пришлось по душе. Советское министерство решили назвать: Совет Народных Комиссаров... Я лично не очень восхищаюсь этой великой реформой. Может быть, порвать с буржуазной политической терминологией было и очень приятно: но филологически слово «министр» звучит вполне корректно; напротив, термин «комиссар» определенно связывается с полицейскими функциями. Но это, конечно, дело вкуса (а может быть, духа новой государственности?).

Н. Н. Суханов. Т. 3. С. 351

— А что, — спросил меня совершенно неожиданно Владимир Ильич в те же первые дни, — если нас с вами белогвардейцы убьют, смогут Свердлов с Бухариным справиться?

— Авось не убьют, — ответил я, смеясь.

— А черт их знает, — сказал Ленин и сам рассмеялся.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 332

Наконец мы поселились с Ильичем в Смольном. Нам отвели там комнату, где раньше жила какая-то классная дама. Комната с перегородкой, за которой стояла кровать. Ходить надо было через умывальную...

Н. К. Крупская. С. 269

Казачи приняли окончательное решение. Или просто к гатчинскому дворцу подоспела вооруженная группа рабочих и матросов. Вместе с ней был и Троцкий... Керенского искали по всему мрачному и унылому дворцу. Но не нашли. Керенский бежал в автомобиле. Под вечер, в солдатской шинели и фуражке, через толпу, заполнявшую двор и стоявшую в воротах, Керенского вывел мелкий авантюрист и будущий крупнейший эсеровский провокатор Семенов, состоявший в каком-то качестве при войсках нашего Бонапарта в момент его Ватерлоо.

Н. Н. Суханов. Т. 3. С. 376

3 декабря 1917 года министр иностранных дел барон фон Кюльман направил кайзеру Вильгельму телеграмму следующего содержания: «Берлин, декабрь 3, 1917. Тел. № 1771. ...Сегодня большевики пришли к власти... Брошенная и отвергнутая своими бывшими союзниками и лишенная финансовой поддержки, Россия будет вынуждена искать нашей помощи. Мы сможем оказывать помощь России самыми различными способами, она примет долгосрочную форму, если Россия заранее обязуется поставлять нам морским путем зерно, сырье и т. д. под контролем вышеупомянутой комиссии. Наша помощь на такой основе, размеры которой можно увеличить, если и когда это потребуется, привела бы, на мой взгляд, к быстрому сближению двух стран...» На следующий день, 4 декабря 1917 года, Кюльман получил телеграмму от Грюнау, своего представителя в Генеральном штабе, который сообщал, что «его величество кайзер выразил согласие с предложенным вашим превосходительством планом сближения с Россией».

А. Ф. Керенский. С. 214

Пулеметчики, охранявшие Смольный, нашли как-то сложенные вместе шкатулки институток. Заинтересовались, что в них. Расковыряли штыками. Оказалось — дневники, безделушки разные, ленточки. Пулеметчики раздали безделушки окрестным ребятишкам. Желтышев принес и мне безделушку, кругленькое зеркальце с какой-то резьбой и английской надписью «Ниагара». У меня до сих пор хранится это зеркальце.

Н. К. Крупская. С. 270

Возле двери, ведущей в кабинет Ленина, постоянно стояли то один, то два, то целый десяток вооруженных красногвардейцев. На двери оставалась прибитой металлическая дощечка с надписью: «Классная дама».

Ю. Анненков. Т. 2. С. 261

Недавно мне рассказывал один парень, Коротков, ему тогда было лет 12, он жил у матери, которая была уборщицей при столовой в Смольном. Слышит она раз, кто-то ходит по столовой. Заглянула —

видит, Ильич стоит у стола, взял кусок черного хлеба и кусок селедки и ест. Увидя уборщицу, он смутился немного и, улыбаясь, сказал: «Очень чего-то есть захотелось».

Н. К. Крупская. С. 270

Кабинет Ленина и мой были в Смольном расположены на противоположных концах здания. Коридор, нас соединявший, или, вернее, разъединявший, был так длинен, что Ленин, шутя, предлагал установить сообщение на велосипедах.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 335

Большевистский переворот не прекратил участия немцев в развитии революционных событий в России. Оно нарастало до начала июля 1918 года и резко оборвалось после убийства немецкого посла Мирбаха. После поражения Германии на Западном фронте оно почти замерло на многие месяцы и даже годы. Относительно 1917 года следует помнить, что русская революция интересовала правительство Германии только в связи с возможностью заключить сепаратный мир на востоке, в этом была его главная цель.

Г. Катков. С. 170

...К городу подходили конницы генерала Краснова. Рассеяв двумя прицельными шрапнельными залпами «красногвардейцев» в Павловске и Царском Селе, казаки Краснова начали продвигаться к столице со стороны Пулковских высот. Выдвинутая вперед сотня уральских казаков пыталась сходу овладеть высотами, но вынуждена была отступить под великолепно скоординированным и управляемым огнем. Казачьи офицеры, прошедшие через годы войны, быстро поняли по «почерку», кто занял оборону на высотах. Немцы! Не поверивший им генерал Краснов сам выехал в сторожевое охранение. Сомнений не было, немецкая пехота и артиллерия преградили путь к «революционному» Петрограду... Ленин 29 октября решил провести смотр немецких батальонов. По замыслу вождя мирового пролетариата «интернационалисты» должны были пройти народным маршем мимо стоящего на ступеньках Смольного Ленина и членов «рабоче-крестьянского» правительства. Поравнявшись с ними, вчерашние военнопленные должны были хором прокричать: «Да

здравствует мировая революция!» По-немецки, конечно, который и сам вождь, и его окружение знали отлично, порой гораздо лучше русского. Но получился конфуз. Блеснув старой выправкой, держа равнение и печатая шаг, как это умеют делать только немцы, солдаты, проходя мимо революционных вождей, хором проорали: «Да здравствует кайзер Вильгельм!», тем самым великолепно продемонстрировав глубоко оскорбленному Ленину свое совершенно правильное понимание происходящего.

И. Бунич. Золото партии. СПб.: Шанс, 1992. С. 24.

Но было и еще одно очень важное обстоятельство, на которое указал сам Ленин в разговоре с Диаманштейном, комиссаром по еврейским делам при «Комиссариате по делам национальностей», который в самом начале Советской власти возглавлял Сталин.

«Большое значение для революции имело то обстоятельство, что в русских городах было много еврейских интеллигентов. Они ликвидировали тот всеобщий саботаж, на который мы натолкнулись после Октябрьской революции... Еврейские элементы были мобилизованы против саботажа и тем спасли революцию в тяжелую минуту. Нам удалось овладеть государственным аппаратом исключительно благодаря этому запасу разумной и грамотной рабочей силы».

Е. Киржниц. Еврейский рабочий. М., 1926. С. 236

Все население России и без этих слов Ленина, которые оно тогда не читало, видело, как с молниеносной быстротой совершалась замена правящего класса и как евреи превратились в советских вельмож, комиссаров и командиров. А за ними потянулись их многочисленные родственники и единоплеменники, заполняя все государственные учреждения.

А. Дикий. Евреи в России и в СССР. (Нью-Йорк, 1967). Новосибирск: Благовест, 1994. С. 210

Власть большевистского строя сосредоточена в Центральном Исполнительном Комитете партии; вот его состав в 1918-м году: Бронштейн (Троцкий), Апфельбаум (Зиновьев), Лурье (Ларин),

Урицкий, Володарский, Розенфельд (Каменев), Смидович, Свердлов Янкель, Нахамкис (Стеклов) — евреи...9

Ульянов (Ленин), Крыленко, Луначарский — русские...3

Прочие «русские» социалистические партии в том же положении. Вот их центральные комитеты: Социал-демократы меньшевики — 11 членов, все евреи; Народные социалисты — 6 членов из коих 5 евреев, 1 русский; Социал-революционеры (правые) — 15 членов, из них 13 евреев, 2 русских; Социал-революционеры (левые) — 12 членов, из коих 10 евреев, 2 русских; Московский комитет анархистов — 5 членов, из них 4 еврея, 1 русский; Партия польской коммуны — 12 членов, все евреи, в том числе Собельсон (Радек), Крохмаль (Загорский) и Шварц (Гольц).

Эти партии, считавшиеся оппозиционными, работали более или менее скрытно с большевиками, не давая русским прийти в себя. На 61 человека, стоящих во главе этих партий, приходится 6 русских и 55 евреев. Каков бы ни был ярлык, революционное правительство всегда будет еврейским.

Вот Совет Народных Комиссаров:

Ульянов (Ленин), председатель, русский; Чичерин, иностранные дела, русский; Луначарский, нар. просвещение, тоже; Джугашвили, народности, грузин; Протиан, земледелие, армянин; Лурье (Ларин) экономический совет, еврей; Шлихтер, снабжение, еврей; Бронштейн (Троцкий), армия и флот, еврей; Ландер, государственный контроль, еврей; Кауфман, государственные имущества, еврей; В. Шмидт, труд, еврей; Е. Лилина (Книгиссен), народное здрав-е, еврейка; Шпицберг, культы, еврей; Апфельбаум (Зиновьев), внутренние дела, еврей; Анвельт, гигиена, еврей; Исидор Гуковский, финансы, еврей; Володарский, печать, еврей; Урицкий, выборы, еврей; И. Штейнберг, юстиция, еврей; Фенигштейн, беженцы, еврей; Равич и Заславский, его помощники, евреи. На 22 человека 3 русских, 1 грузин, 1 армянин, 17 евреев.

Вот Центральный Исполнительный Комитет:

Я. Свердлов, председатель, еврей; Аванесов, секретарь, армянин; Бруно, латыш; Бреслау, латыш; Бабчинский, еврей; Бухарин, русский; Вейнберг, еврей; Гайлис, еврей; Ганцбург, еврей; Данишевский, еврей; Старк, немец; Сакс, еврей; Шейнман, еврей; Эрдлинг, еврей; Ландауэр, еврей; Линдер, еврей; Волах, чех; Диманштейн, еврей; Енукидзе,

грузин; Эрмен, еврей; Иоффе, еврей; Карклин, еврей; Книгиссен, еврей; Розенфельд (Каменев), еврей; Апфельбаум (Зиновьев), еврей; Крыленко, русский; Красиков, еврей; Капник, еврей; Каул, латыш; Ульянов (Ленин), русский; Лацис, еврей; Ландер, еврей; Луначарский, русский; Петерсон, латыш; Петерс, латыш; Рудзутак, еврей; Розинь, еврей; Смидович, еврей; Стучка, латыш; Смилга, еврей; Нахамкес (Стеклов), еврей; Сосоновский, еврей; Скрыпник, еврей; Бронштейн (Троцкий), еврей; Теодорович, еврей; Териан, армянин; Урицкий, еврей; Тележкин, русский; Фельдман, еврей; Фрумкин, еврей; Цюрупа, малоросс; Чавчавадзе, грузин; Шейкман, еврей; Розенталь, еврей; Ашкинази, еврей; Карахан, караим; Розе, еврей; Собельсон (Радек), еврей; Шлихтер, еврей; Шиколини, еврей; Склянский, еврей; Левин (Правдин), еврей, — 62 члена; из них 6 русских (в том числе один малоросс), 6 латышей, 1 немец, 1 чех, 2 армянина, 2 грузина, 1 караим и 43 еврея.

Вот члены Московской чрезвычайной комиссии:

Дзержинский, председатель, поляк; Петерс, товарищ председателя, латыш; Шкловский, еврей; Зейстин, еврей; Размирович, еврей; Кронберг, еврей; Хайкина, еврейка; Карлсон, латыш; Шауман, латыш; Леонтович, еврей; Ривкин, еврей; Антонов, русский; Делафарб, еврей; Циткин, еврей; Розмирович, еврей; Г. Свердлов (брат председателя ЦИК), еврей; Бизенский, еврей; Блюмкин (убийца гр. Мирбаха), еврей; Александрович, русский; И. Модель, еврей; Рутенберг, еврей; Пинес, еврей; Сакс, еврей; Яков Гольдин, еврей; Гальперштейн, еврей; Книгиссен, еврей; Латсис, латыш; Дейболь, латыш; Сайсун, армянин; Дейлкенен, латыш; Либерт, еврей; Фогель, немец; Закис, латыш; Шилькенкус, еврей; Янсон, латыш; Хейфис, еврей. Всего 36, из коих 1 поляк, 1 немец, 1 армянин, 2 русских, 8 латышей, 23 еврея.

Р. Вильтон. С. 8184

Конечно, Ленин знал, что говорил, утверждая, что еврейская интеллигенция российских городов (преимущественно молодежь), наполнив собой бесчисленные губернские, уездные и просто городские ЧК, спасла революцию.

В. А. Солоухин. С. 170

21 марта. «Среди большевиков — много евреев и евреек. И черта их — крайняя бестактность и самоуверенность, которая кидается в глаза и раздражает. Наглости много и у неевреев. Но особенно она кидается в глаза в этом национальном облике».

В. Г. Короленко. Дневник.

Цит. по: Солоухин В. А. С. 155

Евреи в государственных учреждениях и Центр[альных] Коми[тетах] партийных организаций

Список составлен на основании данных, печатавшихся в газетах и журналах Российской Социалистической Федеративной Республики в годы 1917-1921.

По причине многочисленных случаев принятия евреями чисто русских псевдонимов, а также отсутствия указания на народность (племенную принадлежность) лиц, об избраниях или назначениях которых сообщалось в печати, за стопроцентную точность списков, приводимых ниже, ручаться нельзя.

Но общую картину участия и роли евреев во всех областях жизни Русского Государства, обратно пропорциональную их численности (1,1 % всего населения), списки эти дают верную.

А поэтому эти списки, с упомянутой выше оговоркой, и печатаются как отдельное приложение.

Списки эти сравнены со списками, содержащимися в книге «Правители России», изданной в 1962 году в Ирландии, на которой стоит разрешение печатать католического епископа Ватерфордского и Лисморенского Иеремию*.

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

1. Председатель совета — Ульянов (Ленин)
.....русский**
2. Комиссар Иностранных Дел — Чичерин
.....русский
3. Комиссар по делам о Национальностях — Джугашвили (Сталин)грузин
4. Президент Высшего Экономического Совета — Лурье (Ларин)
.....еврей

5. Комиссар по восстановлению — Шлихтер
.....еврей
 6. Комиссар Земледелия — Протиан
.....армянин
 7. Комиссар Государственного контроля — Ландер
.....еврей
 8. Комиссар Армии и Флота — Бронштейн (Троцкий)
.....еврей
 9. Комиссар государственных земель — Кауфман
.....еврей
 10. Комиссар общественных работ — Шмит
.....еврей
 11. Комиссар общественных снабжений — Е. Лилина
(Книггиссен).....еврейка
 12. Комиссар народного просвещения — Луначарский
.....русский
 13. Комиссар вероисповеданий — Шпицберг
.....еврей
 14. Народный комиссар — Апфельбаум (Зиновьев)
.....еврей
 15. Комиссар общественной гигиены — Анвельт
.....еврей
 16. Комиссар Финансов — Гуковский
.....еврей
 17. Комиссар печати — Коган (Володарский)
.....еврей
 18. Комиссар по делам о выборах — Радомысльский
(Урицкий).....еврей
 19. Комиссар Юстиции — Штейнберг
.....еврей
 20. Комиссар по эвакуации — Фенигштейн
.....еврей
 21. Его помощники — Равич и Заславский
.....еврей
- Итого — из 22 членов: русских 3, армян 1, евреев 17, грузин 1.

##* The Rullers of Russia" by Rev. Denis Fahey. C. S. Sp., D. D., D. Ph., B. A. Regina Piblications. 5 Cavendish Row, Dublin I. Printed in Ireland. Cum Permissu Superiorurn Religiosorum. Nihil Obstal; Gulielmus Coffey. S. T. L. Censor. Imprimi Potest: Jeremias, Episcopus Waterfordiensis et Lismorensis.

##** На самом деле мать Ленина, в девичестве Бланк. — еврейка (см., напр.: В. Солоухин. При свете дня. М., 1992. С. 2831). И, поскольку у евреев национальность считается по матери, то по еврейским законам В. И. Ульянов (Ленин) считается евреем. (Примечание издательства «Благовест».)

ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ

1. Комиссар Армии и Флота — Бронштейн (Троцкий).....еврей
2. Председатель революционного штаба Северной Армии — Фишман.....еврей
3. Комиссар Военно-Судебный 12-й Армии — Ромм.....еврей
4. Политический комиссар 12-й Армии — Мейчик.....еврей
5. Политический комиссар Штаба 4-ой Армии — Ливенсон.....еврей
6. Председатель совета армий Западного Фронта — Позерн.....еврей
7. Политический комиссар Московского Военного Округа — Губельман.....еврей
8. Политический комиссар Витебского Военного Округа — Дейб.....латыш
9. Комиссар военных реквизиций города Слуцка— Кальманович.....еврей
10. Политический комиссар Самарской Дивизии — Бекманеврей
11. Военный комиссар той же дивизии — Глузман.....еврей

12. Комиссар реквизиционного отряда Московского	Округа	—
Зузманич.....	еврей	
13. Председатель Главного Московского	Военного Совета	— Бронштейн
(Троцкий).....	еврей	
14.	Его помощники:	—
Гиршфельд.....	еврей	
15.		
Склянский.....		
.....	еврей	
16.	Члены того же Совета:	—
Шородак.....	еврей	
17.		
Петч.....		
.....	еврей	
18. Военный комиссар Московской	Губернии	—
Штейнгардт.....	немец	
19. Военный комиссар Московской	Губернии	—
Дулис.....	латыш	
20. Комиссар Школы Пограничной	Стражи	—
Глейзер.....	латыш	
21. Политический комиссар 15-й	Дивизии Советов	—
Дзеннис.....	латыш	
22. Политический комиссар 15-й	Дивизии Советов	—
Полонский.....	еврей	
23. Комиссар Военного Совета Кавказских	армий	—
Лехтинер.....	еврей	
24. Чрезвычайный комиссар Восточного	фронта	—
Бруно.....	еврей	
25. Чрезвычайный комиссар Восточного	фронта	— Шульман
.....	еврей	
26. Член Казанского	Военного Совета	—
Розенгольд.....	еврей	
27. Член Казанского	Военного Совета	—
Мейгоф.....	еврей	

28. Член Казанского Военного Совета — Назенгольц.....еврей
29. Командующий Красной армией в Ярославле — Геккер.....еврей
30. Начальник Петроградского Военного Комиссариата — Цейгер.....еврей
31. Политический Комиссар Петроградского Военного Округа — Гиттис.....еврей
32. Командующий Западным фронтом против Чехо-Словакии — Вацетис.....латыш
33. Член Совета военной коммуны — Лазимер.....еврей
34. Начальник Военной коммуны (бывший австрийский офицер) — Кольман.....еврей
35. Начальник Московского Военного Округа — Бицис.....латыш
36. Военный комиссар Московского Военного Округа — Метказеврей
37. Начальник обороны Крыма — Зак.....еврей
38. Командующий Курским фронтом — Слузин.....еврей
39. Его помощник — Зильберман.....еврей
40. Политический комиссар Румынского фронта — Спиро.....еврей
41. Уполномоченный для мирных переговоров с Германией — Давидович.....еврей
42. Кандидат — Шнеур.....латыш
43. Солдат — Смидович.....еврей

Итого — из 43 членов: русских 0, атышей 7, немцев 1, евреев 35.

1.	Народный	Комиссар	—	Апфельбаум	
(Зиновьев)	еврей			
2.	Его помощник	—	начальник Чрезвычайной Комиссии	—	
	Радомысльский				
(Урицкий)	еврей			
3.	Начальник	пропаганды		—	
Гольденрудин	еврей			
4.	Председатель экономической комиссии				
	Петроградской	коммуны		—	
Эндер	еврей			
5.	Вице-председатель	комиссии	гигиены	—	
Рудин	еврей			
6.	Комиссар	по	эвакуации беженцев	—	
Финигштейн	еврей			
7.	Его	помощник	—	Абраам	
Крахмал	еврей			
8.	Комиссар	Петроградской	печати	—	
Володарский	еврей			
9.	Комиссар	Московской	печати	—	
Красиков	еврей			
10.	Комиссар	Петроградской	Полиции	—	
Фейерман	еврей			
11.	Начальник	Бюро	печати	—	
Мартинсон	еврей			
12.	Московский комиссар	общественной	безопасности	—	
Розенталь	еврей			

<i>Члены Петроградской Чрезвычайной Комиссии</i>

13. Меинкман.....еврей
14. Гиллер.....еврей
15. Козловский.....поляк
16. Модель.....еврей
17. И. Розмирович.....еврейка

18. Диэсперов.....армянин
19. Иселевич.....еврей
20. Красников.....еврей
21. Бухан.....армянин
22. Мербис.....латыш
23. Паикис.....латыш
24. Анвельт.....немец

<i>Члены Совета Петроградской Комунны</i>
--

25. Зорко.....еврей
26. Радомысльский.....еврей

<i>Члены Московской Черезвычайной Комиссии</i>

27.	Председатель	—	Дзержинский
	поляк		
28.	Вице-Прсдседатель	—	Петерс
	латыш		
29.	Шкловский.....еврей		
30.	Кнейфис.....еврей		
31.	Цейстин.....еврей		
32.	Размирович.....еврей		
33.	Кронберг.....еврей		
34.	Хайкинаеврейка		
35.	Карлсонлатыш		
36.	Шауманлатыш		
37.	Лентович.....еврей		
38.	Ривкиневрей		
39.	Антоноврусский		
40.	Делафарбеврей		
41.	Циткиневрей		
42.	Е. Розмировичеврей		

43. Г. Свердловеврей
 44. Бизенскийеврей
 45. Блюмкин.....еврей
 46. Александровичрусский
 47. Рейтснберг.....еврей
 48. Финес.....еврей
 49. Заксеврей
 50. Яков Гольдиневрей
 51. Гальперштейн.....еврей
 52. Книгтисеневрей
 53. Лацислатыш
 54. Дейболлатыш
 55. Сейзанармянин
 56. Дейбкин.....латыш
 57. Начальник Таганрогской тюрьмы Либерт.....еврей
 58. Фогель.....немец
 59. Закислатыш
 60. Шилленкусеврей
 61. Янсонлатыш
 62. Председатель комиссии Трубецкого Бастиона и
Петропавловской крепостиеврей
- Итого — из 62 членов: русских 2, поляков 2, армян 3, немцев 2, латышей 10, евреев 43.

КОМИССАРИАТ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

1.	Народный комиссар	—	Чичерин
	русский		
2.	Его помощники:	—	Карахан
	еврей		
3.			Фритче
			лат
ыш
4.	Директор паспортной экспедиции	—	Марголин
	еврей		

5. Посол в Берлине — Иоффе
.....еврей
 6. Причисленный к посольству в Берлине — Левин
(в 1919 г. Народн. Комиссар в Баварской Советской
Респуб.).....еврей
 7. Начальник бюро печати и информации
при посольстве в Берлине —
Аксельрод.....еврей
 8. Посол в Вене и Лондоне — Розенфельд (Каменев)
.....еврей
 9. Чрезвычайный уполномоченный в Париже и Лондоне Бек
.....еврей
 10. Посланник в Христианин — Бейтлер
.....еврей
 11. Консул в Глазгове — Малкин
.....еврей
 12. Председатель мирной делегации в Киеве — Каин Раковский
.....еврей
 13. Юрисконсульт — Астшуб (Ильсен)
.....еврей
 14. Генеральный консул в Киеве — Грюнбаум (Кшевинский)
.....еврей
 15. Генеральный консул в Одессе — А. Бек
.....еврей
 16. В Северных Американских Соединенных Штатах —
Мартенс (неофициальн. представит.)
..... немец
- Итого — из 16 членов: русских 1, армян 0, евреев 13, латышей 1,
немцев 1.

КОМИССАРИАТ ФИНАНСОВ

1. Народный Комиссар — Мержвинский
.....поляк

2.	Его	помощник	—	Дон-Соловей
.....		еврей		
3.	Комиссар	—	Исидор	Гуковский
.....		еврей		
4.	Его	помощники:	И.	Аксельрод
.....		еврей		
5.	Директор	канцелярии:	Закс	(Гладнев)
.....		еврей		
6.	Директор	канцелярии:		Боголепов
.....		русский		
7.	Главный	секретарь	—	Хаскин
.....		еврей		
8.	Его	помощница	—	Берта Хиневич
.....		еврейка		
9.	Председатель финансового конгресса советов			—
.....		латыш		Лацис
10.	Его	помощник	—	Вейстман
.....		еврей		
11.	Комиссар по ликвидации русско-германских счетов			—
(Ганецкий).....		еврей		Фюрстенберг
12.	Главный	секретарь	его	—
.....		еврей		Коган
13.	Администрация	народных	банков:	Михельсон
.....		еврей		
14.	Администрация	народных	банков:	Закс
.....		еврей		
15.	Администрация	народных	банков:	Аксельрод
.....		еврей		
16.	Администрация	народных	банков:	Садников
.....		русский		

ФИНАНСОВЫЕ АГЕНТЫ:

17.	В	Берлине	—	Ландау
.....			еврей	
18.	В	Копенгагене	—	Воровский
.....			еврей	
19.	В	Стокгольме	—	Абраам Шенкман
.....			еврей	
20.	Главный	ревизор	народных банков	— Канн
.....			еврей	
21.	Его	помощник	—	Горенштейн
.....			еврей	
22.	Главный комиссар по ликвидации частных банков			— Анрик
.....			еврей	
23.	Его	помощник	—	Моисей Ковш
.....			еврей	

ЧЛЕНЫ ТЕХНИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ПО ЛИКВИДАЦИИ ЧАСТНЫХ БЛАНКОВ

24. Элиашевичеврей

25. Г. Гифтлихеврей

26. А. Роговеврей

27. Г. Лемерихеврей

28. А. Розенштейн еврей

29. А. Платлатыш

Итого — из 29 членов: русских 2, латышей 2, поляков 1, евреев 24.

КОМИССАРИАТ ЮСТИЦИИ

1.	Народный	Комиссар	—	И.
Штейнберг.....			еврей	
2.	Комиссар	кассационного	Департамента	—
Шредер.....			еврей	
3.	Председатель Московского Революционного			
Трибунала		—		И.
Берман.....			еврей	

4.	Комиссар	Сената	в	Петрограде	—
Вер.....	еврей				
5.	Председатель	Верховной революционной			
комиссии	Республики	—		Бронштейн-	
Троцкий.....	еврей				
6.	Председатель	следственной комиссии при			
Револуционном	Трибунале	—			
Глузман.....	еврей				
7.	Следователь	того же	Трибунала	—	
Легендорф.....	еврей				
8.	Следователь	того же	Трибунала	—	
Слуцкий.....	еврей				
9.	Прокурор	Трибунала	—		
Фридкин.....	еврей				
10.	Старший секретарь	Кодификационного Отдела	—	Гойнбарк	
.....	еврей				
11.	Главный секретарь	Народной Коммуны	—		
Ширвин.....	еврей				
12.	Комиссар	по народной защите	—		
Луцкий.....	еврей				

КОМИССАРИАТ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

1.	Народный	комиссар	—	
Луначарский.....	русский			
2.	Комиссар	Северной	Области	—
Грюнберг.....	еврей			
3.	Председатель	комиссии	Воспитательного Института	—
Золотницкий.....	еврей			
4.	Начальник	муниципальной	секции	—
Лурье.....	еврей			
5.	Начальник	Пластического искусства	—	Штернберг
.....	еврей			
6.	Главный секретарь	комиссариата	—	М.
Ейхенгольц.....	еврей			

7. Начальник Театральной секции — О. З. Розенфельд (жена Каменева)еврейка

8. Ее помощница — Зацеврейка

9. Директор 2-го Департамента — Гройниы.....еврей

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ КОМИССАРЫ

1. Комиссар для Сибири — Бронштейн.....еврей

2. Председатель Сызранского рабочего совета — Берлинскийеврей

3. Председатель Казанского рабочего совета — Шенкман.....еврей

4. Председатель Донецкого совета угольных копей — Ливенсоневрей

5. Председатель Нарвского рабочего совета — Дауман.....латыш

6. Председатель Ярославского рабочего совета — Закхейм.....еврей

7. Председатель Царицынского рабочего совета — Ерман.....еврей

8. Председатель Оренбургского рабочего совета — Вилингеврей

9. Председатель Пензенского рабочего совета — Либерзоневрей

10. Председатель Таврического рабочего совета — А. Слуцкийеврей

11. Финансовый комиссар Западной области — Самовер.....еврей

12. Комиссар Донецкой республики — Исаак Лаук.....еврей

13. Председатель Киевского совета — Дретлинг.....еврей

14.	Его	помощник	—	Гиубергер
(Наумов).....				еврей
15.	Председатель	Белоцерковской	Думы	—
Ратгаузен.....				еврей
16.	Его	помощник		—
Лемберг.....				еврей
17.	Народный комиссар	Донецкой республики	—	Рейхенштейн
.....				еврей
18.				
Шмуклер.....				
.....				еврей

ГЛАВНЫЙ СОВЕТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
--

1.	Председатель	Московского	Совета	—
Рыков.....				русский
2.	Председатель	Петроградского	Совета	—
Эйсмонт.....				еврей
3.	Вице-председатель	Петроградского	Совета	—
.....				еврей
4.	Директор	Петроградского	Совета	—
Крейнис.....				еврей
5.	Вице-председатель	Московского	Совета	—
Крассиков.....				еврей
6.	Директор	Московского	Совета	—
Шотман.....				еврей
7.	Его	помощница		—
Хайкина.....				еврейка
8.	Начальник	Секции	Восстановления	—
Китшвалтер.....				еврей
9.	Наблюдающий за «Восстановлениями»	—	Н. А. Розенберг	
.....				еврей
10.	Его	помощник		—
Сандич.....				еврей

11. Председатель комитета масляного производства — Таврид
.....еврей
12. Председатель комитета рыбозаведения —
Кламмер.....еврей
13. Председатель угольной секции —
Ротснберг.....еврей
14. Председатель транспортной секции —
Хирзан.....армянин
15. Его помощник —
Шлемов.....еврей
16. Председатель металлургической секции — А. Алперович
.....еврей

БЮРО ПЕРВОГО СОВЕТА

РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ В МОСКВЕ

1. Председатель 1-го Совета солдатских Депутатов — Лейба
Кунтиш.....еврей
2. Председатель Совета рабочих и солдат Красной Армии —
Смидович.....еврей
3. Председатель 1-го Совета рабочих и солдатских депутатов —
Модель.....еврей

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ 4-ГО РОССИЙСКОГО КОНГРЕССА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ

- Председатель —
Свердлов.....еврей
2. Абельман.....еврей
3. Вельтман (Павлович).....еврей
4. Аксельрод.....еврей

5. Цедербаум (Мартов).....еврей
 6. Красников.....еврей
 7. Лундберг.....еврей
 8. Коган (Володарский).....еврей
 9. Цедербаум (Левицкий).....еврей
 10. Радомысльский
(Урицкий).....еврей
 11. Ульянов (Ленин).....русский
 12. Зиновьев (Апфельбаум)....еврей
 13. Бронштейн (Гроцкий).....еврей
 14. Сирота.....еврей
 15. Гиммер (Суханов).....еврей
 16. Ривкин.....еврей
 17. Цейбуш.....еврей
 18. Ратнер.....еврей
 19. Блейхман (Солнцев).....еврей
 20. А. Гольденгудин.....еврей
 21. Хаскин.....еврей
 22. Ландер.....еврей
 23. Аранович.....еврей
 24. Кац.....еврей
 25. Фишман.....еврей
 26. Абрамович.....еврей
 27. Фрих.....еврей
 28. Гольдштейн.....еврей
 29. Лихач.....еврей
 30. Книтшук.....еврей
 31. Берлинраут.....еврей
 32. Дистлер.....еврей
 33. Черниловский.....еврей
 34. Вен. Смидович.....еврей
- Итого — из 34 членов: русских 1, евреев 33.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

1. Бронштейн (Троцкий).....еврей
2. Ульянов (Ленин)русский

3. Апфельбаум (Зиновьев)еврей
 4. Лурье (Ларин).....еврей
 5. Крыленко.....русский
 6. Луначарский.....русский
 7. Радосмыльский (Урицкий)...еврей
 8. Коган (Володарский).....еврей
 9. Розенфельд (Каменев).....еврей
 10. Смидович.....еврей
 11. Свердлов.....еврей
 12. Нахамкес (Стеклов).....еврей
- Итого — из 12 членов: русских 3, евреев 9.

Подводя итоги нашему перечислению всех главных должностных лиц государства, т. е. тех, кто фактически управляет Россией и решает ее судьбу, мы получаем следующую картину.

Всего перечислено нами официальных лиц высшего управления —539.

По национальности эти лица разделяются так:

Поляков 3 — 0,56 % Армян 10 — 1,86 %

Чехов 1 — 0,18 % Грузин 2 — 0,37 %

Латышей 34 — 6,30 % Венгерцев 1 — 0,18 %

Финнов 3 — 0,56 % Немцев 11 — 2,04 %

Русских 31 — 5,75 % Евреев 442 — 82,00 %

А. И. Дикий. С. 451462

— Ленин поручил РКИ проверить какое-то запутанное дело. Письмо получил. Сталин рассказывал: «Я как нарком пришел к нему и говорю: я назначаю такую-то комиссию. Перечисляю ему — того-то, того-то... Он мне говорит: «Ни одного еврейчика? Нет, ничего не выйдет!»

Вот какая обида нам, русакам, тому же Ленину! Ленин говорил: «Русские ленивы», — и чувствовалось, что ему страшно обидно, что русские действительно ленивы, начнут дело, не кончат... «Поболтать, покалякать — это мы мастера! А вот организовать...» «Покалякать» — любимое слово Ленина.

В. Молотов

Цит. по: *Чуев Ф. И. Чуев. С. 332*

В конце концов Ленину, конечно, удалось подписать сепаратный мир, но это произошло слишком поздно, чтобы дать возможность немцам одержать победу на англо-французском фронте.

А. Ф. Керенский. С. 225

Императорское германское правительство пропустило Ленина в plombированном вагоне с определенной целью. С нашего согласия Ленин и его друзья разложили русскую армию. Статс-секретарь Кюльман, граф Чернин и я заключили с ними Брестский договор главным образом для того, чтобы можно было перебросить наши армии на Западный фронт. Договариваясь в Бресте с этими господами, все мы были глубоко убеждены, что они не продержатся у власти более 23 недель.

М. Гофман // Руль. Берлин, 1921. № 32. 23(10) дек.

Теперь я из абсолютно достоверных источников выяснил, что речь шла об очень большой, почти невероятной сумме, несомненно больше пятидесяти миллионов золотых марок, о такой громадной сумме, что у Ленина и его товарищей не могло быть никакого сомнения насчет того, из каких источников эти деньги шли. Одним из результатов этого был Брест-Литовский договор.

Генерал Гофман, который там вел переговоры с Троцким и другими членами большевистской делегации о мире, в двояком смысле держал большевиков в своих руках, и он это сильно давал им чувствовать.

Эд. Бернтейн. Ein dunkles Kapitel. Forwarts (Berlin), Januar 14, 1921.

Цит. по: Волкогонов Д. А. Кн. 1. С. 224

Генерал Людендорф поместил [26 февраля 1921 г.] в правительственном органе «*Militar-Wochenblatt*» статью, в которой совершенно открыто заявил, что германское правительство «наняло» Ленина и Троцкого с целью свержения правительства Керенского, доведения России до полного безвластия и принуждения к заключению мира. Людендорф подтверждает далее известный факт, что Ленин и Троцкий были не более как тайными немецкими

агентами, оплачивавшимися германским правительством и исполнявшими его приказы, и поэтому басни о какой-то идеологии с их стороны в насаждении особой правительственной системы должны быть раз и навсегда отброшены.

Разоблачения Людендорфа о Ленине и Троцком // Свобода. Варшава, 1921. № 55(104). 11 марта.

Странные сообщники — Ленин и Лудендорф — не обманывались относительно друг друга. Они были готовы пройти часть пути вместе к объединявшей их стремление цели — разрушения России. Генерал старался оставаться серьезным, думая о сумасбродстве этого «теоретика» Ленина. Двадцать месяцев спустя коммунисты здорово посмеялись над Лудендорфом, когда революционная чернь хотела его арестовать в Берлине, победителя при Танненберге.

Великий князь Александр Михайлович. С. 232

Признав совершенно открыто факт подкупа Ленина и Троцкого с целью вызова в Россию повторной революции и принуждения к заключению мира, Людендорф объясняет, что германское правительство было к этому вынуждено тяжелым политическим положением и необходимостью во что бы то ни стало добиться мира на Востоке, чтобы раздавить своих противников на Западе.

Разоблачения Людендорфа о Ленине и Троцком // Свобода. Варшава, 1921. № 55(104). 11 марта.

Великое наступление Антанты, которое должно было сокрушить нас в начале лета 1917 года, пронеслось, в общий дружный натиск оно не сложилось вследствие русской революции...

Э. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. / Пер. с нем. М., 1923. Т. 1 С. 21

Когда русская революция, подстроенная и задуманная Германией, удалась, Россия, по существу, вышла из войны.

П. Б. Струве. Цит. по: Троцкий Л. Д. История русской революции: В 2 т. М.: ТЕРРА: Республика, 1997. Т. 2. С. 101

(Далее цит.: Л. Д. Троцкий [2])

Верьте моему честному слову, слову генерала германской службы, что, невзирая на то, что Ленин и Троцкий в свое время оказали нам неоценимую услугу, буде мы знали или предвидели бы последствия, которые принесет человечеству наше содействие по отправке их в Россию, мы никогда, ни под каким видом не вошли бы с ними ни в какие соглашения, но мы тогда не учли последствий...

М. Гофман. Пломбированный вагон // Руль. 1921. №32. 23(10) дек.

Последствия

В октябре 1917 года мало кто отпускал Октябрю долгий срок жизни; его измеряли неделями, редко месяцами. Сам Ленин ожидал, что не сегодня-завтра «выкатят нас на тачке». Пессимистически настроенный Плеханов давал большевистской власти два года жизни. Но позднее, когда фронтовая гражданская война закончилась победой, Ленин изменил свой первоначальный взгляд на скоротечность своего властвования. Он стал объяснять его чудом: «советской власти поможет чудо... Чудо — октябрьский переворот. Чудо — польская война. Чудо — трехлетняя выносливость русского мужика и рабочего». К этому времени относится и уточнение Лениным срока диктатуры. Среди паломников, навестивших красную Мекку в 1921 г., были и два испанца Ангеан и проф. Де Лос Риос. Они задали Ленину вопрос, как долго продлится режим диктатуры? И Ленин не уклонился от ответа: «Диктатура пролетариата будет продолжаться приблизительно сорок лет». Для промышленных Англии и Германии он допускал и меньший срок.

М. Вишняк. Ленин у власти // Новый журнал. Нью-Йорк, 1957. Кн. 50. С. 261262

Кроме того, те, кто тщательно изучал первые годы существования Советской власти и годы гражданской войны, приходят к однозначному выводу: каждый раз, когда власть большевиков оказывалась висящей на волоске, на грани гибели, протягивалась некая невидимая рука и спасала большевиков.

В. А. Солоухин. С. 177

Когда советской власти исполнилось 73 дня, на день больше, чем было Парижской Коммуне 1871 года, когда она пала, Ленин, вообще не склонный к восторгам, торжествовал. Он сказал корреспонденту «Манчестер Гардиан» в России, Артуру Рэнсому, поддерживавшему с ним дружеский контакт, что теперь вполне доволен: если советский режим погибнет, то погибнет, пережив Коммуну, и внесет еще больший вклад в дело будущей мировой революции...

Л. Фишер. С. 230

Под вечер, когда смеркнется, я приеду с работы, и, если Ильич не занят, мы ходили с ним побродить около Смольного, поговорить. Ильича мало кто знал тогда в лицо, и он ходил тогда еще без всякой охраны. Правда, видя, что он выходит, пулеметчики волновались, не случилось бы чего. Следили они, чтобы около Смольного не скопилось враждебных элементов. Раз забрали больше десятка домохозяек, собравшихся где-то на углу и громко ругавших Ленина. Наутро комендант Смольного т. Мальков позвал меня, говорит: «Забрали мы тут баб вчера, скандалили они, посмотрите, что их, держать или что?»

Н. К. Крупская. С. 270271

Эта вечная тревога и ожидание расправы были явлением перманентным, и не только среди мелких служащих, но — что особенно стоит подчеркнуть и отметить — также и у весьма ответственных деятелей советского правительства. Я приведу беседу с одним близким мне товарищем и приятелем, стоявшим и сейчас стоящим на весьма высоком посту. Беседа эта имела место в Берлине. К сожалению, в силу серьезных причин, не могу привести имени этого товарища, кстати сказать, человека глубоко честного... Мы с ним часто беседовали в Берлине. Как-то раз, пораженный его крайне болезненным видом, я сказал ему: «Да вам следовало бы уехать отсюда полечиться в какую-нибудь санаторию...» — «Нет, Георгий Александрович, — грустно ответил он мне. — Нельзя мне уехать, мне надо ждать своей судьбы... решения своей участи... и это будет скоро...» — «Бог знает, что вы говорите, — сказал я, — какие-то загадки... «ждать своей участи»... какой участи?» — «Какой участи? — повторил он мой вопрос. — Наша участь такая: нам будет отпущено

столько воздуха, сколько требуется для одного человека...» — «Ничего не понимаю, — возразил я. — Все какие-то загадки...»

В продолжение всего этого разговора он ходил по комнате. Но тут он вдруг остановился, подошел ко мне и, слабо и жалко улыбаясь, в упор глядя на меня, многозначительно и резко провел рукой себе по горлу, слегка высунув язык, и сказал: «Вот наша участь...» — «Не понимаю», — проговорил я в недоумении. «Все не понимаете? — спросил он. — Я говорю, нам будет отпущено столько воздуха, сколько требуется для человеческого тела... для повешенного... Теперь понимаете?... Да, нас ждет виселица... И мне, и вообще нам, нам нельзя уехать. Но вам, милый Георгий Александрович, вам следует уехать, и как можно скорее расстаться с нами... мы обречены и должны тянуть до последней возможности... Ведь, конечно, наша попытка окончится провалом, и нас ждет суровая расправа... Это немезида... Мы заварили кашу, и нам же следует ее расхлебывать... А вы имеете право избежать этой расправы... уезжайте...»

И примерно через год, уже в Москве, тот же мой товарищ, занимавший еще более высокий пост, опять возвратился к этой теме и снова стал уговаривать меня воспользоваться случаем и отойти от советского правительства, чтобы не делить с ним его участи... И он снова повторил свою метафору о «количестве воздуха»... Разговор этот происходил в Москве в то время, когда Деникин, успешно наступая, был уже под Тулой и когда все советские деятели от великих до малых трепетали и, не скрывая своей паники, говорили о расстрелах и виселицах.

Г. А. Соломон [2]. С. 5758

Советское правительство не могло действовать по-другому, поскольку Ленин настолько дезорганизовал Россию ее армию, промышленность, снабжение, что она оказалась беззащитной и перед немцами.

Дж. Хилл. С. 201

Всецело в наших интересах использовать период, пока они (большевики) у власти, который может быть коротким, для того чтобы добиться прежде всего перемирия, а потом, если возможно, мира.

Заклучение сепаратного мира означало бы достижение желанной военной цели, а именно — разрыв между Россией и ее союзниками.

Germany and the Russian Revolution. London, 1958. P. 70.

Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Кн. 1. С. 224

Ходили слухи, что большевики подкуплены Германией, а переговоры в Брест-Литовске были простой комедией, в которой каждый делегат играл свою роль.

Дж. Хилл. С. 201

По вопросу о Брестском мире, как известно, одно время положение в ЦК партии было таково, что противники Брестского мира имели в ЦК большинство <...> Во время заседания ЦИК, происходившего в Таврическом дворце, когда Ленин делал доклад о Бресте, к Пятакову и Бухарину во время речи Ленина подошел левый эсер Камков [и] <...> полушутя сказал: «Ну, что же вы будете делать, если получите в партии большинство? Ведь Ленин уйдет, и тогда нам с вами придется составлять новый Совнарком. Я думаю, что председателем Совнаркома мы выберем тогда тов. Пятакова» <...> Уже после заключения Брестского мира <...> тов. Радек зашел к <...> Прошьяну для отправки по радио какой-то резолюции левых коммунистов. Прошьян смеясь сказал тов. Радеку: «Все вы резолюции пишете. Не проще было бы арестовать на сутки Ленина, объявить войну немцам и после этого снова единодушно избрать тов. Ленина председателем Совнаркома». Прошьян тогда говорил, что, разумеется, Ленин как революционер, будучи поставлен в необходимость защищаться от наступающих немцев, всячески ругая нас и вас (вас — левых коммунистов), тем не менее лучше кого бы то ни было поведет оборонительную войну <...> Любопытно отметить, что <...> когда после смерти Прошьяна тов. Ленин писал о последнем некролог, тов. Радек рассказывал об этом случае тов. Ленину, и последний хохотал по поводу такого «плана»...

Бюллетень оппозиции. 1938. Апр. № 65. С. 1314.

Цит. по: *Фельштинский Ю. Г.* С. 204205

Основной целью Ленина, принявшего германские условия, было сохранение советского правительства и выигрыш времени. Его главной

надеждой было то, что Советы распространят большевизм среди германских войск и населения.

Дж. Хилл. С. 203

Почти миллион квадратных километров отрезалось от России. Она была обязана демобилизовать армию и флот, в том числе и те части, которые были вновь сформированы в рамках Красной Армии. Выплачивалась крупная контрибуция. Германия получила то, о чем кайзер и его министры во время войны не могли и мечтать.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 337

На отторгнутых территориях общей площадью 780 тыс. кв. км с населением 56 миллионов человек (треть населения Российской империи) до революции находилось 27% обрабатываемой в стране земли, 26% всей железнодорожной сети, 33% текстильной промышленности, выплавлялось 73% железа и стали, добывалось 89% каменного угля, находилось 90% сахарной промышленности, 918 текстильных фабрик, 574 пивоваренных завода, 133 табачные фабрики, 1685 винокуренных заводов, 244 химических предприятия, 615 целлюлозных фабрик, 1073 машиностроительных заводов и, главное, 40% промышленных рабочих, которые уходили теперь «под иго капитала». Очевидно, что без всего этого нельзя было «построить социалистического хозяйства» (ради чего заключалась брестская передышка). Ленин сравнил этот мир с Тильзитским: по Тильзитскому миру Пруссия лишилась примерно половины своей территории и 50% населения. Россия — лишь трети. Но в абсолютных цифрах территориальные и людские потери были несравнимы. Территория России была теперь меньше, чем в допетровскую эпоху.

Ю. Г. Фельштинский. С. 8990

Ленин, Троцкий и коммунистическая партия в целом рассматривались союзными миссиями как предатели и агенты германского правительства. В Англии, Франции, Италии и Америке почти во всех органах печати появились материалы, в которых высказывалась эта же точка зрения. С тех пор я убежден, и прошедшие события ничуть не поколебали моего мнения, что... Брест-Литовск был всего-навсего комедией.

Дж. Хилл. С. 201202

В биографии Ленина отмечены и такие забавные казусы. В ноябре 1917 года норвежские так называемые социал-демократы внесли в Комитет по Нобелевским премиям предложение о присуждении Ленину Международной премии мира за 1917 год. В обращении подчеркивалось: «До настоящего времени для торжества мира больше всего сделал Ленин, который не только всеми силами пропагандировал мир, но и принимает конкретные меры к его достижению». Ходатайство норвежских друзей Ленина было отклонено... В мае 1918 года с таким же ходатайством обратились в Комитет по Нобелевским премиям профессор и студенты философского факультета Стамбульского университета. Однако это ходатайство Нобелевский Комитет вообще не стал рассматривать, считая, что сам факт рассмотрения данного предложения может дискредитировать Комитет. Напомним читателю, что именно в мае 1918 года в результате преступной политики Ленина по отношению к трудовому крестьянству началась гражданская война в России.

А. А. Арутюнов. С. 547

В начале марта (1918) был решен вопрос о переезде правительства из Петербурга в Москву.

Биография. С. 382

Оказывается, вслед за поездом, на котором сверхсекретно переезжало советское правительство в Москву, устремился целый поезд с матросами, уже понявшими к этому времени, что их обманули. Но у матросов были только наганы да гранаты. Догнав поезд, матросы попали под латышские пулеметы...

В. А. Солоухин. С. 175

Латышские дивизии состояли из людей, прошедших великолепную физическую подготовку. Это были опытные солдаты, хорошо тренированные и дисциплинированные. Когда был подписан Брестский мир, немцы оккупировали всю Прибалтику. Латыши не могли вернуться домой и, даже если бы и могли, не хотели этого. Поэтому они и обосновались в России.

Ленин видел и использовал эту ситуацию; он превратил латышей в спинной хребет большевиков и «построил» на них свое могущество.

Дж. Хилл. С. 253

Оказывается, во время русско-германской войны, начавшейся в 1914 году, царское правительство создало из латышей-добровольцев три боеспособных дивизии. Эти дивизии и получили название Латышских стрелков. Дивизии участвовали в боях с немцами, причем германцы так их боялись и ненавидели, что даже не брали в плен. Впрочем, кажется, и Латышские стрелки отвечали им тем же. Когда в России произошла революция и не стало царя, которому латышские дивизии служили верой и правдой, они оказались в «подвешенном» состоянии. Возвращаться в Латвию было нельзя, там еще были германцы, а в России они оказались как бы не у дел. Конечно, если бы Николай II, вместо того чтобы отречься от престола, бросил на Петроград эти латышские дивизии, то сразу бы в Петрограде все затихло и не было бы никакой революции, а чуть позже и октябрьского переворота, то есть захвата власти большевиками. Но царь отрекся, большевики взяли власть и, более того, заключили с Германией пресловутый Брестский мир, по условиям которого Латвия отделялась от России. На территории Латвии находились немцы, латышские дивизии стали внутри России иностранным войском. Так или иначе распадающиеся дивизии Латышских стрелков сбились в одну дивизию, и эта дивизия перешла на службу к большевикам. Известно, что впервые на исторической сцене латыши появились — неожиданно для всех — около поезда, на котором советские правители убегали из Петрограда в Москву. Да, возле поезда латыши внезапно появились и, обеспечив безопасность этого поезда, стали сразу военной силой, господство которой продолжилось в Московском Кремле. Они стали щитом и мечом правительства Ленина.

В. А. Солоухин. С. 174175

В Москве первое время нас (Ильича, Марию Ильиничну и меня) поселили в «Национале» (первом доме Советов), во втором этаже, дали две комнаты с ванной... Было удобно, но комнаты показались нам с Ильичом очень шикарными. Для работы они были малоприспособлены...

Н. К. Крупская. С. 295

Вечером 11 марта 1918 года он вместе с другими членами Совнаркома и ЦК приезжает из Петрограда в Москву и поселяется в гостинице «Националь», а на следующий день вместе с Крупской, Свердловым и Бонч-Бруевичем осматривает помещения в Кремле на предмет дальнейшего проживания. Позднее выяснилось, что глава «рабоче-крестьянского правительства» занимал в Кремле целых 16 комнат общей площадью около 430 кв. м.

А. А. Арутюнов. С. 553

В. Д. Бонч-Бруевич рассказывает, как он, проходя по Кремлю, встретил Ленина. Они остановились у памятника Александру II, залюбовались открывавшимся от него видом Замоскворечья.

Вдруг Ленин круто повернулся и, глядя в сторону Ивана Великого и Успенского собора, спросил:

— Толстого где предавали анафеме, когда отлучали от церкви?

— В Успенском соборе прежде всего, — сказал Бонч-Бруевич. — А потом, как полагается, во всех церквях.

— Вот тут-то бы и надо поставить ему памятник, — воскликнул Ленин. — Вот этого снести, — он указал на порфиноносную фигуру Александра II, — все это преобразить — и сюда Толстого!

Е. Я. Драбкина. С. 204

...Вышел Владимир Ильич. Он был весел, шутил, смеялся. Когда я подошел, Ильич приветливо поздоровался со мной, поздравил с праздником (дело происходило 1 мая 1918 г. — *Е. Г.*), а затем внезапно шутливо погрозил пальцем:

— Хорошо, батенька, все хорошо, а вот это безобразие так и не убрали. Это уже не хорошо, — и указал на памятник, воздвигнутый на месте убийства великого князя Сергея Александровича.

Я сокрушенно вздохнул.

— Правильно, — говорю, — Владимир Ильич, не убрали. Не успел, рабочих рук не хватило.

— Ишь ты, нашел причину! Так, говорите, рабочих рук не хватает? Ну, для этого дела рабочие руки найдутся хоть сейчас. Как,

товарищи? — обратился Ильич к окружающим. Со всех сторон его поддерживали дружные голоса.

— Видите? А вы говорите, рабочих рук нет. Ну-ка, пока есть время до демонстрации, тащите веревки.

Я мигом сбегал в комендатуру и принес веревки. Владимир Ильич ловко сделал петлю и накинул на памятник.

— А ну, дружно! — задорно командовал Владимир Ильич. Ленин, Свердлов, Смидович и другие члены ВЦИК и Совнаркома и сотрудники немногочисленного правительственного аппарата впряглись в веревки, налегли, дернули, и памятник рухнул на булыжник.

— Долой его с глаз, на свалку! — продолжал распоряжаться Владимир Ильич.

Десятки рук схватили веревки, и памятник загремел по булыжнику к Тайницкому саду...

Владимир Ильич вообще терпеть не мог памятников царям, великим князьям, всяким прославленным при царе генералам...

По предложению Владимира Ильича в 1918 году в Москве были снесены памятники Александру II в Кремле, Александру III возле храма Христа Спасителя, генералу Скобелеву... Мы снесли весь этот хлам, заявил он, и воздвигнем в Москве и других городах Советской России памятники Марксу, Энгельсу, Марату, Робеспьеру, героям Парижской Коммуны...

П. Д. Мальков. Записки коменданта Кремля. М., 1967. С. 127

Памятник убиенному был воздвигнут перед зданием Сената его подшефным пятым Киевским гренадерским полком и открыт 2 апреля 1908 года. Он представлял собою высокий бронзовый с эмалью крест, исполненный по рисунку художника Васнецова, с изображением Распятого и Скорбящей Богоматери над ним. Надпись на кресте гласила: «Отче, отпусти им — не ведают ибо, что творят». Снимки монумента напечатали «Искры» — еженедельное иллюстрированное приложение к московской газете «Русское слово» (1908, № 15, С. 114), ныне они вновь распространяются для любителей отечественной истории кооперативом «Радонеж».

П. Паламарчук. Неотпетый злодей // Вече. Мюнхен, 1989. № 35

Ко мне в Наркомпрос приходило много народу — рабочие, работницы, солдаты. Рассказывали, что обыски рабочих при выходе их с фабрики, широко практиковавшиеся до того времени, были отменены. «Что мы воры какие, что ли? позволим себя обыскать! Мы теперь хозяева на заводе!» — с гордостью говорили рабочие. Но часто понимали они слово «хозяин» очень упрощенно, мелкособственнически. Помню, как раз — уже позднее — одна работница жаловалась мне, что ее рассчитали за то, что она отрезала себе кусок материи на платье. «Неужели нельзя, мы же хозяева». Нужен дома инструмент, а почему же не взять из завода напильник, долото. Отношение к труду первое время было тоже своеобразное. Приходит ко мне работница, рассказывает, что они не работают сегодня. «Почему?» — спрашиваю я.»У всех дел дома много набралось. Теперь мы хозяева: хотим работаем, хотим нет. Вот и постановили — сегодня не работать!»

Н. К. Крупская. С. 297

1919 год был очень тяжелым годом. Наступление 14 держав на советскую республику создало столь опасное положение, что не исключена была для партии необходимость вновь уйти в подполье, если бы силы внутренней контрреволюции и иностранные интервенты временно взяли вверх. И вот пришлось заботиться о паспортах для всех членов ЦК и для В. И. Ленина в первую очередь. Нужно было обеспечить партию и материальными средствами. С этой целью было отпечатано большое количество бумажных денег царских времен (так называемых «екатеринок», т. е. сторублевки с портретом Екатерины). Для обеспечения их сохранности были сделаны оцинкованные ящики, в которые эти деньги были упакованы и переданы Николаю Евгеньевичу Буренину для сохранения их в Петрограде. Он закопал их, насколько я знаю, под Питером, где-то в Лесном, а впоследствии даже сфотографировал их раскопку, когда советская власть окончательно утвердилась. Тогда же на имя Буренина (купца по происхождению) был оформлен документ о том, что он является владельцем гостиницы «Метрополь». Сделано это было с целью обеспечить партию материально.

Е. Д. Стасова. Страницы жизни и борьбы. М.: Политиздат, 1957. С. 103

Спекуляция хлебом в Москве шла всюду. Вспоминается один забавный эпизод. Поехали мы с Ильичем на Воробьевы горы. В то время Ильича в лицо мало кто знал; когда он ходил по улице, на него никто не обращал внимания. Вижу я, сидит какой-то сытого вида крестьянин с пустым мешком, сигарку крутит. Я к нему подошла, завела разговор, как живется, как с хлебом. «Что же, жить неплохо теперь, хлеба у нас много, ну и торговать хорошо. В Москве голодно, боятся — совсем хлеба скоро не будет. Хорошо сейчас за хлеб платят, большие деньги дают. Надо только торговать уметь. У меня вот семьи такие есть, хлеб им ношу, без хлопот деньги получаю...»

Ильич подошел, слушает наш разговор. «Вот около «Болота» одна семья живет...» — «Около какого «Болота»?» — спрашиваю. Крестьянин на меня уставился: «Да ты откуда, что и «Болота» даже не знаешь?» «Болотом», как я потом узнала, назывался в Москве базар рядом с тем местом, где теперь стоит Дом правительства, там торговали овощами, яблоками. «Я питерская, — отвечала я, — в Москве недавно».

«Пи-тер-ская...», и мысли крестьянина заработали в другом направлении, перешли к Питеру, к Ленину. Он помолчал немного. «Ленин вот только мешает. Не пойму я этого Ленина. Бестолковый человек какой-то. Понадобилась его жене швейная машинка, так он распорядился везде по деревням швейные машинки отбирать. У моей племянницы вот тоже машинку отобрали. Весь Кремль теперь, говорят, швейными машинками завален...»

Н. К. Крупская. С. 306307

Позднее в искреннем частном письме Николай Бухарин с восторгом вспоминал: «Кто, как не Ленин, обокрав сначала эсеров, а потом и меньшевиков, стукнул им всем по голове, взял в руки дубинку и даже с нами разговаривал лишь после того, как он сам все решит. И мы молчали и подчинялись и все, вопреки теории и программе, получалось великолепно! Деникин под Тулой, мы укладывали чемоданы, в карманах уже лежали фальшивые паспорта и «пети-мети», причем я, большой любитель птиц, серьезно собирался в Аргентину ловить попугаев. Но кто, как не Ленин, был совершенно спокоен и

сказал и предсказал: «Положение хуже не бывало. Но нам всегда везло и будет везти!»

И. Бунич. С. 8

Об истории с паспортами и деньгами в начале 1919 года, в самый опасный момент для большевизма в гражданской войне, знаю не только я, как один из основных членов тогдашнего ЦК меньшевиков, но и независимо от меня еще четыре человека в Нью-Йорке: Л. О. [Дан]. Б. И. Николаевский, [Ю. П.] Денике и Б. Двинов. Мы тогда сами получили предложение от Енукидзе и от Каменева взять паспорта, которые для нас и для Бунда будут приготовлены, а Бунд, который работал тогда в Белоруссии, получил даже довольно значительную сумму теми самыми сторублевками, о которых Вы говорите. <...> Знаю я, как, вероятно, знаете и Вы, и [Б. К.] Суварин, что одновременно или за некоторое время до этого они выслали за границу через Марка Натансона большое количество золота, которое должно было быть депонировано в швейцарских банках на указанные большевистской партией имена. Некоторую часть этого золота они дали левым эсерам натансоновского толка, которые на эти деньги потом в Берлине устроили издательство «Скифы»...

Н. В. Валентинов — Р. А. Абрамовичу. 24 декабря 1957 г.

Цит. по: Фельштинский Ю. Г. С. 178179

После смерти Свердлова, например, (которая, как известно, последовала в 1919 г. — *Е. Г.*), ключей от личного сейфа его найти не смогли. Несгораемый шкаф отправили на инвентарный склад коменданта Кремля П. Д. Малькова, где сейф простоял до 26 июля 1935 года, когда его, наконец, открыли. 27 июля нарком внутренних дел СССР Г. Ягода подал Сталину записку о содержании сейфа. В сейфе оказались: золотые монеты царской чеканки на сумму 108 525 рублей; золотые изделия, многие из которых с драгоценными камнями, — 705 предметов; семь чистых бланков паспортов царского образца; кредитных царских билетов на 750 тыс. руб.

Ю. Г. Фельштинский. С. 177

Деникин, Колчак, голод... Границы советского государства сузились до последнего предела. Заговоры внутри, революция

становится дыбом. Вот-вот опрокинется все на голову. Ильич считает. Спокойно. Видит возможность поражения. Шутливо называет это по-французски «culbutage» («перекувыркивание»). На всякий случай распоряжается принять такие-то и такие-то меры, чтобы начать сызнова подпольную работу. Ни капли не сомневается, что в случае поражения он погиб. Все это — «culbutage». Но вот он подходит к партийным рядам, и его голос звучит несокрушимой энергией: «паникеров — расстреливать!» И каждый чувствует, что мы победим: черт возьми, разве с Ильичом можно проиграть сражение?

Н. И. Бухарин. Цит. по: Фельштинский Ю. Г. С. 177

Как-то прочитал об эпизоде, рассказанном знаменитой актрисой Ф. Г. Раневской: «В революцию, в 18-м, бросилась дама с моста в Неву. За ней две борзые. И все трое — камнем ко дну. От отчаяния». Горький рассказал об этом Ленину. «Бросьте сентиментальничать», — ответил Владимир Ильич. Затем якобы, *«горестно помолчав»*, Раневская прибавила: *«Зверюга»* (курсив мой — В. М.).

В. Е. Мельниченко [1]. С. 221

За последние две недели положение резко обострилось. На нас надвигается голод, его пытаются задушить террором. Большевистский кулак громит всех подряд. Людей спокойно расстреливают сотнями. Все это само по себе еще не так плохо, но теперь уже не может быть никаких сомнений в том, что материальные ресурсы большевиков на исходе. Запасы горючего для машин иссякают, и даже на латышских солдат, сидящих в грузовиках, больше нельзя полагаться — не говоря уже о рабочих и крестьянах. Большевики страшно нервничают, вероятно, чувствуя приближение конца, и поэтому крысы начинают заблаговременно покидать тонущий корабль. <...> Карахан засунул оригинал Брестского договора в свой письменный стол. Он собирается захватить его с собой в Америку и там продать. <...>

Никто не в состоянии предсказать, как они (большевики) встретят свой конец, а их агония может продлиться еще несколько недель. Может быть, они попытаются бежать в Нижний или в Екатеринбург. Может быть, они собираются в отчаянии упиться собственной кровью, а может, они предложат нам убраться, чтобы разорвать Брестский договор (который они называют «передышкой») — их компромисс с

типичным империализмом, спасши таким образом в свой смертный миг свое революционное сознание. Поступки этих людей абсолютно непредсказуемы, особенно в состоянии отчаяния. Кроме того, они снова уверовали, что все более обнажающаяся «военная диктатура» в Германии вызывает огромное сопротивление, особенно в результате дальнейшего продвижения на восток, и что это должно привести к революции. Это недавно написал Сокольников, основываясь, очевидно, на сообщениях Иоффе. <...> Прошу извинить меня за это лирическое отступление о состоянии хаоса, который, даже со здешней точки зрения, уже совершенно невыносим...

Рицлер (ответственный работник германского посольства в России).

Цит. по: *Фельштинский Ю. Г.* С. 120121

Было время, когда в момент Брестского мира даже Владимир Ильич считал, что вопрос о победе пролетарской революции в целом ряде передовых стран Европы есть вопрос двух-трех месяцев. Было время, когда у нас в ЦК все часами считали развитие событий в Германии и Австрии... Мы считали тогда — раз мы возьмем власть, этим самым завтра развяжем руки революциям в других странах.

Г. Е. Зиновьев. Цит. по: *А. Авторханов [2].* С. 31

И если германский империализм попытается распять нас на колесе своей военной машины, то мы, как Остап (имеется в виду герой повести Н. Гоголя «Тарас Бульба». — *Е. Г.*) к своему отцу, обратимся к нашим старшим братьям на Западе с призывом:

— Слышишь?...

И международный пролетариат ответит, мы твердо верим этому:

— Слышу.

Л. Б. Троцкий. Из речи в Брест-Литовске.

Цит. по: *Архив русской революции: В 22 т. М.: ТЕРРА, 1993. Т. 1920. С. 173*

Когда стало ясно, что ставка на мировую революцию не удалась, стало так же ясно, что власть в отдельно взятой стране можно удержать только страхом, только жестокостью, которая одна может парализовать волю к сопротивлению.

А. Г. Соломон [2]. С. 143

Еще до убийства Урицкого и до покушения на Ленина газета «Правда» от 4 августа писала: «Рабочие и бедняки! Возьмитесь за оружие, учитесь стрелять, готовьтесь против восстания кулаков и белогвардейцев. Восстаньте против всех, кто против Советской власти агитирует. Десять пуль против каждого, кто поднимет руку против нее. Господству капитала можно положить конец, когда перестанут дышать последние капиталисты, помещики, попы и офицеры».

А. Авторханов [2]. С. 31

— Ведь пока что, не знаю, что будет дальше, — вы только уничтожаете... Все эти ваши реквизиции, конфискации, есть ничто иное, как уничтожение...

— Верно, совершенно верно, вы правы, — с заблестевшими как-то злорадно вдруг глазами, живо подхватил Ленин. — Верно. Мы уничтожаем, но помните ли вы, что говорит Писарев (Д. И. Писарев, известный литературный критик-разночинец XIX в. — *Е. Г.*), помните? «Ломай, бей все, бей и разрушай! Что сломается, то все хлам, не имеющий права на жизнь, что уцелеет, то благо...» Вот и мы, верные писаревским, — а они истинно революционны, — заветам, ломаем и бьем все, — с каким-то чисто садическим выражением и в голосе и во взгляде своих маленьких, таких неприятных глаз, как-то истово, не говорил, а вещал он, — бьем и ломаем, ха-ха-ха, и вот результат, — все разлетается вдребезги, ничто не остается, т. е. все оказывается хламом, державшимся только по инерции!.. ха-ха-ха, и мы будем ломать и бить!..

Мне стало жутко от этой сцены, совершенно истерической. Я молчал, подавленный его нагло и злорадно сверкающими узенькими глазками... Я не сомневался, что присутствую при истерическом припадке.

— Мы все уничтожим и на уничтоженном воздвигнем наш храм! — выкрикивал он, — и это будет храм всеобщего счастья!.. Но буржуазию мы всю уничтожим, мы сотрем ее в порошок, ха-ха-ха, в порошок!.. Помните это и вы и ваш друг Никитич, мы не будем церемониться!..

Г. А. Соломон [1]. С. 49

Зиновьев отозвался в духе Ленина: «Буржуазия убивает отдельных революционеров, а мы уничтожим целые классы».

А. Авторханов [2]. С. 32

Беседа с Лениным произвела на меня самое удручающее впечатление. Это был сплошной максималистский бред.

— Скажите мне, Владимир Ильич, как старому товарищу, — сказал я, — что тут делается? Неужели это ставка на социализм, на остров Утопия, только в колоссальном размере? Я ничего не понимаю...

— Никакого острова Утопия здесь нет, — резко ответил он тоном очень властным. — Дело идет о создании социалистического государства... Отныне Россия будет первым государством с осуществленным в ней социалистическим строем... А!.. вы пожимаете плечами! Ну, так вот, удивляйтесь еще больше! Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы проходим к мировой революции!..

Г. А. Соломон [2]. С. 9

Один только мой старый друг, Марк Тимофеевич Елизаров (муж А. А. Ульяновой, сестры Ленина. — *Е. Г.*) стоял особняком.

— Что, небось Володя загонял вас своей мировой революцией? — сказал он мне. — Черт знает что такое!.. Ведь умный человек, а такую чушь порет!.. Чертям тошно!.. Право, мне иногда кажется, между нами говоря, что он не совсем нормален...

Г. А. Соломон [1]. С. 50

На страницах газеты «Северная коммуна» Зиновьев заявил буквально следующее: «Чтобы успешно бороться с нашими врагами, мы должны иметь собственный социалистический гуманизм. Мы имеем сто миллионов жителей в России под Советской властью. Из них девяносто мы должны завоевать на нашу сторону. Что же касается остатка, то его нужно уничтожить».

А. Авторханов [2]. С. 32

И вот уже Бухарин — «Золотое дитя революции» (как его называл В. И.), теоретик партии — теоретизировал следующим образом: «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов, является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи».

В. А. Солоухин. С. 52

Всю суть философии красного террора и его политическое обоснование один из руководителей ВЧК, М. Лацис, изложил в печатном органе чекистов в следующих словах: «Мы уничтожаем класс буржуазии. Поэтому нет нужды доказывать, выступало ли то или иное лицо словом или делом против Советской власти. Первое, что вы должны спросить у арестованного, это следующее: к какому классу он принадлежит, откуда он происходит, какое воспитание он имел и какова его специальность? Эти вопросы должны решить судьбу арестованного. Это и есть квинтэссенция Красного террора» (журнал «Красный террор». М., 1. 10. 18).

А. Авторханов [2]. С. 33

Во 2-м МГУ у нас шло совещание по народному образованию. За два дня перед тем на нем выступал Ильич. Заседание шло к концу, и я собралась ехать домой, взялась подвезти одну знакомую учительницу, живущую в Замоскворечье. Меня ждал кремлевский автомобиль, но шофер был какой-то незнакомый. Он повез нас к Кремлю, я сказала ему, что мы сначала отвезем нашу спутницу; шофер ничего не сказал, но у Кремля остановил машину, открыл дверцу и высадил мою спутницу. Я диву далась, чего это он так распоряжается, хотела разворчаться, но мы подъехали к нашему подъезду, во двор ВЦИК, там встретил меня т. Гиль, шофер, всегда ездивший с нами, стал рассказывать, что он возил Ильича на завод Михельсона и что там женщина стреляла в Ильича, легко его ранила. Видно было, что он подготавливает меня...

Н. К. Крупская. С. 314315

Ответом на начало этого террора и было убийство председателя петроградской Чека Урицкого 30 августа 1918 года поэтом Леонидом Каннегисером и покушение в тот же день Фанни Каплан на Ленина. Ей

было двадцать восемь лет, она принадлежала к партии эсеров и одиннадцать лет сидела в каторжной тюрьме за покушение на царского чиновника.

А. Авторханов [2]. С. 33

...Эсерка по имени Каплан предприняла попытку убить Ленина в тот момент, когда он произносил речь на собрании, созванном на одном из крупных московских заводов. Ей удалось тяжело ранить Ленина двумя пулями, одна из которых попала ему в легкое. Рабочие завода чуть было не разорвали эсерку на куски. Спустя два дня по приказу ЧК Каплан была расстреляна. Ленин находился в почти безнадежном состоянии и, не имея он крепкой конституции, наверняка, не выжил бы.

Дж. Хилл. С. 256

О своем мотиве она сказала, что хотела убить Ленина «за измену революции». Большевистская негласная пропаганда долго распространяла легенду, что добрый «гуманист» Ленин не разрешил ее судить, — и действительно, ее не судили, расстреляли без суда и следствия, о чем с гордостью рассказывал ее палач комендант Кремля П. Мальков в эру Хрущева.

А. Авторханов [2]. С. 33

Немало ходит всяких сказок и вздорной болтовни о том, будто Каплан осталась жива, будто Ленин в последнюю минуту отменил приговор. Находятся даже «очевидцы», «встречавшие» Каплан то в Бутырках, то на Соловках, то на Воркуте, то уж не знаю где. Сказки эти порождены обывательским стремлением представить Ленина таким добреньким, милостиво прощавшим врагам зло. Нет!.. Смертный приговор Каплан никто не отменял. 3 сентября 1918 года приговор был приведен в исполнение, и исполнил его я, коммунист, матрос Балтийского флота, комендант Московского Кремля, Павел Дмитриевич Мальков — собственноручно.

П. Мальков. Записки коменданта Кремля. М., 1958. Нояб. С. 161

...Пуля, «пройдя шею... сейчас же непосредственно впереди позвоночника, между ним и глоткой, не поранила больших сосудов

шеи. Уклонись эта пуля на один миллиметр в ту или другую сторону, Владимира Ильича, конечно, уже не было бы в живых». Сердце Ленина было смещено далеко вправо громадным кровоизлиянием в левую плевральную полость.

Л. Фишер. С. 416

Ильич очень бледен, но идет сам, поддерживаемый с двух сторон. Сзади наш шофер Гиль.

М. И. Ульянова. С. 238

Владимир Ильич очень терпелив был. Во время пункции он только крикнул. Не охал, не стонал — не в его это характере было.

М. М. Петрашева. У постели больного Ильича // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 264

«На мой вопрос, — пишет доктор Розанов, — беспокоят ли его пули, из которых одна на шее прощупывалась очень легко и отчетливо, он ответил отрицательно и при этом, смеясь, сказал: а вынимать мы с вами их будем в 1920 году, когда с Вильсоном справимся».

Л. Фишер. С. 417

В тот же день Урицкий, руководитель Петроградской ЧК, был убит выстрелом из пистолета, который произвел другой эсер.

Дж. Хилл. С. 256

Когда произошло покушение на Ленина, Троцкий находился на фронте под Казанью. Он немедленно помчался в Москву — его считали наследником.

Л. Фишер. С. 421

Вечером и утром следующего дня большевистская печать опубликовала подробные детали этих террористических покушений. В качестве репрессий за покушение на Ленина сотрудники ЧК арестовали наиболее видных деятелей прошлого режима и той же ночью расстреляли их в Москве. В Петрограде, чтобы отомстить за смерть Урицкого, было арестовано такое же количество граждан, их также расстреляли. На следующий день чекисты опубликовали список

жертв. Никогда я не видел ничего более ужасного. Арестованные люди были абсолютно невинными и принадлежали к различным слоям населения.

Дж. Хилл. С. 256

У нас в квартире было много какого-то народу, на вешалке висели какие-то пальто, двери непривычно были раскрыты настежь. Около вешалки стоял Яков Михайлович Свердлов, и вид у него был какой-то серьезный и решительный. Взглянув на него, я решила, что все кончено. «Как же теперь будет», — обронила я. «У нас с Ильичом все сговорено», — ответил он. «Сговорено, значит, кончено», — подумала я...

Н. К. Крупская. С. 315

Врачи удалились в другую комнату на консультацию. Было ясно, что извлекать пули нельзя. Врачей беспокоила возможность инфекции, но большая физическая сила Ленина давала надежду на благоприятный исход. Ленин был нетерпелив, он разговаривал и двигался. Когда врачи вернулись к его постели, он сказал в ответ на настойчивую просьбу не разговаривать и не шевелиться: «Ничего, ничего, хорошо, со всяким революционером это может случиться». Позже его рука была повешена на вытяжение «и тем самым волея-неволей приковывала Владимира Ильича к постели».

Л. Фишер. С. 417

Пройти надо было маленькую комнатку, но этот путь мне показался целой вечностью. Я вошла в нашу спальню. Ильичева кровать была выдвинута на середину комнаты, и он лежал на ней бледный, без кровинки в лице. Он увидел меня и тихим голосом сказал минуту спустя: «Ты приехала, устала. Поди ляг». Слова были несуразны, глаза говорили совсем другое: «Конец». Я вышла из комнаты, чтобы его не волновать, и стала у двери так, чтобы мне его было видно, а ему меня не было видно. Когда была в комнате, я не заметила, кто там был, теперь увидела: не то вошел, не то раньше там был — около постели Ильича стоял Анатолий Васильевич Луначарский и смотрел на Ильича испуганными и жалостливыми глазами. Ильич ему сказал: «Ну, чего уж тут смотреть».

Ленин был на грани между жизнью и смертью, из раненого легкого кровь заполняла плевру, пульса почти не было. У нас, врачей, есть большой опыт с такими больными, и мы хорошо знаем, что в такие моменты мы можем ждать от них выражения только двух желаний приблизительно следующими словами: «Оставьте меня в покое» или «Спасите меня». Между тем тов. Ленин именно в таком состоянии попросил выйти из комнаты всех, кроме меня, и, оставшись со мной наедине, спросил: «Скоро ли конец? Если скоро, то скажите мне прямо, чтобы кое-какие делишки не оставить».

Б. С. Вейсброд. Больной Ленин // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 251

— А сердце?.. Далеко от сердца... Сердце не может быть затронуто... — спрашивал Ленин. И затем произнес фразу очень странную, будто считал, что его убивают свои: «И зачем мучают, убивали бы сразу... — сказал он тихо и смолк, словно заснул.

В. Д. Бонч-Бруевич. Три покушения на Ленина. М.: Изд-во «Федерация», 1930. С. 81

По рассказу коменданта Московской ЧК... «Приехал бледный как полотно Дзержинский и отдал приказ: «Расстреливать по спискам всех кадетов, жандармов, представителей старого режима и разных там князей и графов, находящихся во всех местах заключения Москвы, во всех тюрьмах и лагерях».

Я вот думаю: убили взрывом бомбы Александра II. Возможно ли вообразить, чтобы в ответ на это злодеяние по всей России начали бы вешать десятками тысяч не причастных к этому убийству людей? Ну, повесили, наверное, непосредственного исполнителя террористического акта.

В. А. Солоухин. С. 181182

«Расстрел человека, особенно женщины, — дело нелегкое. Это тяжелая, очень тяжелая обязанность. Но никогда мне не приходилось исполнять столь справедливого приговора, как теперь».

— Когда? — коротко спросил я Аванесова...

— Сегодня. Немедленно.

П. Мальков. Цит. по: Фишер Л. С. 418

Родственникам несчастных, расстрелянных русскими, было разрешено забрать и похоронить их тела: большевики желали, чтобы вся Москва видела похороны. Это должно было послужить предупреждением для других. Затем в Москве и Петрограде был опубликован второй список из 750 видных граждан каждого из этих городов. Они были взяты в качестве заложников и должны были быть расстреляны при малейшем покушении на любого комиссара, независимо от того, удастся оно или нет.

Дж. Хилл. С. 257

В Петрограде 17 августа 1918 года убивают Моисея Соломоновича Урицкого, комиссара Северной коммуны, руководителя Петроградской ЧК. Убивший большевика Леонид Каннегисер заявил на допросе, что он убил Урицкого не по постановлению партии или какой-нибудь организации, а по собственному побуждению. Не исключено, что большевистский режим пожертвовал двумя большевиками, чтобы расстрелять более десяти тысяч человек. По воспоминаниям Н. Я. Мандельштам, Осип сказал ей, что «на смерть Урицкого большевики ответили «гекатомбами трупов».

В. А. Солоухин. С. 181

После 6 апреля. Должен прибавить, что обстановка этих казней была ужасна. Между другими казнили Левченка. Он был болен. Его привезли на кладбище, положили на доску, перекинутую над готовой могилой, и пристрелили лежащего, после чего сбросили в яму. Других... сажали на такую же доску. Это вызвало своеобразную просьбу заключенных: они просят, чтобы их хоть казнили по-старому: позволяли бы исповедоваться, попрощаться с близкими или хоть написать предсмертные письма...

В. Г. Короленко. Дневник.

Цит. по: Солоухин В. А. С. 156

Когда в августе 1918 года был убит в Петрограде Урицкий — «в порядке красного террора» было расстреляно 10 000 человек. Списки

этих 10 000 были расклеены на стенах и заборах домов, прилегающих к Гороховой № 2, где помещалась Чека. Были ли они полностью напечатаны в газетах — установить в настоящее время, не имея доступа ко всем архивам, нельзя. Но что напечатанные на машинке списки, содержавшие 10 000 имен, были расклеены — об этом существует много свидетельских показаний и число это не оспаривается и сейчас в многочисленной мемуарной литературе.

Что бросалось в глаза при чтении этих списков — это полное отсутствие в них еврейских имен, хотя евреями к тому времени уже был переполнен Петроград, не говоря уже о многочисленных евреях — крупных капиталистах и «буржуях», живших на законном основании там и до революции.

Вот что повествует об этом один из тех, кто тогда читал эти списки: «Был я тогда рабочим Путиловского завода, ярым сторонником Советской Власти, за которую готов был горло перегрызть каждому, кто дурно о ней отзовется. После убийства Урицкого буквально весь Петроград находился в состоянии и страха и неуверенности. Шли массовые аресты. Никто не был уверен не только за завтрашний день, но и за ближайший час. Даже стопроцентные пролетарии и сторонники советской власти. По городу шли слухи о массовом красном терроре, объявленном в отместку за Урицкого и для устрашения всех врагов рабоче-крестьянской власти.

Проходя по Гороховой улице, мое внимание привлекли какие-то объявления, наклеенные на фасад дома № 2, где тогда была Чека. Остановился и начал читать. Оказывается, это списки расстрелянных в порядке красного террора за убийство Урицкого... Долго стоял я и читал эти списки. Кого там только не было: офицеры, помещики, домовладельцы, купцы, профессора, ученые, священники, студенты, даже ремесленники и рабочие... Но что бросилось мне в глаза — в списках этих не было ни одного еврея... Хотя все это произошло из-за того, что один еврей — Каннигисер убил другого еврея — Урицкого.

«Жида ссорятся, а наших — к стенке», — подумал я. И сам испугался, как бы не сказать этого громко. Ведь тогда, да и многие годы после этого, за такие слова если не стенка, то «полная катушка» были обеспечены...

А. И. Дикий. С. 149150

Фанни Каплан <...> в то время была слепа. Она ослепла, кажется, в январе 1909 года, причем до этого она хронически теряла зрение на 235 дней. Врачи разнообразно трактовали причины слепоты. Зрачки ее реагировали на свет. Это было связано с резкими головными болями. В Чите <...> думаю это было в 1912 году, она вновь прозрела...

В. М. Тарасова-Боброва, каторжанка.

Цит. по: *Фельштинский Ю. Г. С. 189*

Знаю только, что она ослепла от взрыва бомбы, а потом вновь прозрела...

Д. Пигинят, каторжанка.

Цит. по: *Фельштинский Ю. Г. С. 189*

В этой связи интересно заключение журналиста, кандидата медицинских наук, В. Тополянского. В статье о покушении на Ленина Тополянский пишет: «...внезапная слепота на фоне или сразу после значительного эмоционального напряжения обусловлена, скорее всего, истерическими расстройствами. В таком случае необходима судебно-психиатрическая экспертиза, поскольку подобные больные отличаются нередко патологической лживостью, склонностью к необычайному фантазированию и позерству и способностью приписать себе чужое преступление».

Вывод Тополянского подтверждается еще и свидетельским показанием. Эсерка Б. А. Бабина (1894—1983) встретила в Бутырской тюрьме в феврале 1922 г. Д. Д. Донского, члена ЦК партии эсеров, и задала ему вопрос: «Как могло случиться, что эсерка Фанни Каплан по заданию ЦК пошла убивать Ленина?» Донской ответил, что, прежде всего, Каплан не была эсеркой: «Женщина довольно красивая, но несомненно ненормальная, да еще с разными дефектами: глухая, полуслепая, экзальтированная вся какая-то. Словно юродивая! Меньше всего мне приходило в голову отнести к ее словам серьезно. Я ведь в конце концов не психиатр, а терапевт. Уверен был — блажь на бабенку напала!. . Помню, похлопал ее по плечу и сказал ей: «Пойди-ка проспись, милая! Он — не Марат, а ты не Шарлотта Корде. А главное, наш ЦК никогда на это не пойдет. Ты попала не по адресу. Даю добрый совет — выкинь все это из головы и никому больше о том не рассказывай!».

Ю. Г. Фельштинский С. 189

Уж не холостыми ли патронами стреляла во Владимира Ильича приятельница Надежды Константиновны, Инессы Арманд да его самого? (Есть фотография, на которой Надежда Константиновна и Инесса Арманд идут по дорожке и с ними Фанни Каплан. Мирная, теплая компания.)

В. А. Солоухин. С. 180181

Выступая на одном из партийных собраний с докладом о преобразовании ВЧК в ГПУ, Ф. Э. Дзержинский сказал:

— Раньше мы ловили контрреволюцию неводом, а теперь будем ловить...

— Удочкой! — крикнул голос с места.

— Нет, — сказал Дзержинский. — Острогой...

Е. Я. Драбкина. С. 225

Все время ходили смутные слухи, что Фанни Каплан сохранили жизнь. Эти слухи окрепли во времена Хрущева, когда говорить стали побольше и повольнее. Уточнялось даже, что Каплан сидит в Бутырской тюрьме или даже что она под чужим именем благоденствует в Швейцарии. Эти слухи были настолько упорными, что бывший комендант Кремля, бывший матрос Мальков, в своих воспоминаниях вынужден был полемически и твердо заявить, что он лично расстрелял эсерку Каплан.

А в «Огоньке» (1989, № 30) в статье Ю. Давыдова проскользнуло дополнительное сведение. Цитируем:

«...труп Фанни Каплан, облитый бензином, жарко пылал в железной бочке, стоявшей в сумрачном углу Александровского сада. Кремацию организовал матрос, комендант Кремля П. Д. Мальков. Пособлял ему случившийся рядом пролетарский стихотворец Демьян Бедный...»

Я не знаю, откуда эти подробности у Ю. Давыдова, рисующего странную, я бы даже сказал, фантастическую картину уничтожения Каплан.

В. А. Солоухин. С. 182

«Когда я вернулась в Москву из Стокгольма, — пишет Анжелика Балабанова, старая русская социалистка и близкий друг Ленина, — он все еще был в Горках, оправляясь от ранения». Балабанова поехала к нему.

«Ленин сидел на балконе, на солнце. При виде его и при мысли о том, как близок он был к смерти, меня охватило волнение, и я молча обняла его. Только перед моим отъездом мы заговорили о том, что с ним произошло, и, косвенно, о наступившем терроре. Когда мы упомянули Дору Каплан, молодую женщину, которая стреляла в него и была казнена, Крупская очень расстроилась. Я видела, как ее волновала мысль о том, что революционная власть приговаривает к смерти революционеров. Позже, когда мы остались одни, она горько плакала, говоря об этом. Сам Ленин не хотел распространяться на эту тему». Он говорил: «Центральный комитет решит», что делать с Дорой Каплан. А Дору Каплан уже не было в живых.

Л. Фишер. С. 419420

Ильич начал вставать с постели. 16 сентября он впервые после болезни участвовал в заседании ЦК РКП(б) и в тот же вечер председательствовал на заседании Совнаркома. Ильич вернулся к работе!..

П. Д. Мальков. Цит. по: Фельштинский Ю. Г. С. 203

Оправившись после попытки покушения в августе 1918 года, он по настоянию личного помощника, Бонч-Бруевича, согласился сняться в коротком фильме на территории Кремля. Фильм должен был доказать, что Ленин все еще жив. Сценарий представления с участием Ленина и Бонч-Бруевича не слишком захватывающ, вот отрывки из него:

Место действия: Ленин и Бонч-Бруевич стоят возле дерева на территории Кремля.

Реквизит: Ленин в костюме-тройке, а Бонч-Бруевич, как дурак, в плаще.

Действие: Ленин беседует с Бонч-Бруевичем, Бонч шутит, чтобы можно было увидеть живую реакцию Ленина на что-то сказанное Бончем.

Разговор: содержание разговора неизвестно.

Эффект фильма оказался ничтожным. В гражданскую войну все потенциальные зрители были заняты борьбой за пропитание и топливо, в российских кинотеатрах отсутствовала аппаратура, необходимая, чтобы воспроизвести образ председателя Совнаркома на экране. Кроме того, Ленин не смог расслабиться перед камерой; разговор с Бонч-Бруевичем оказался гораздо менее захватывающим для аудитории, чем фильмы 1917 года, в которых Керенский садился в поезда или приветственно махал восторженным толпам.

Р. Сервис. С. 444445

Петроградская «Красная газета» писала в эти дни: «За жизнь одного нашего борца должны заплатить своей жизнью тысячи наших врагов... Хватит! Мы слишком долго возились с ними». Все лица, не согласные с большевиками, считаются без исключения «буржуями» и «белогвардейцами». Поэтому газета требует: «Зададим буржуазии кровавый урок... Товарищи матросы, рабочие и солдаты, уничтожайте остатки буржуазии и Белой гвардии, чтобы от них ничего не осталось. Лозунг дня гласит: «Смерть буржуазии!»

А. Авторханов [2]. С. 34

В марте 1919 года неофициальный член миссии Буллита в Москве американский журналист и писатель Л. Стеффенс взял у Ленина интервью, о котором у нас мало кто знает.

Зная о том, что его высказывания станут известны на Западе, Ленин использовал это интервью для того, чтобы предельно четко сформулировать одно из немаловажных предназначений террора:

— Террор служит тому, чему должен служить... Мы должны найти какой-то путь, как избавиться от буржуазии, высших классов. Они не дадут нам совершить никакие экономические перемены, на которые они не пошли бы до революции, поэтому их надо вышибить отсюда... Единственное решение я вижу в том, чтобы угроза красного террора способствовала распространению ужаса и вынуждала их бежать. Как бы это ни делалось, сделать это необходимо...

В. Е. Мельниченко [1]. С. 216217

Конечно, среди большевиков были и так называемые «идеалисты», к уголовщине Ленина несклонные. Был старый

большевик Омлинский, осмелившийся написать: «Можно быть разного мнения о красном терроре, но то, что сейчас творится, это вовсе не красный террор, а сплошная уголовщина». Был большевик Дьяконов, попробовавший напомнить Ленину и его шайке: «Разве вы не слышите голосов рабочих и крестьян, требующих устранения порядков, при которых могут человека держать в тюрьме, по желанию передать в трибунал, а захотят — расстрелять». Были даже такие, как Тимофей Сапронов, на IX съезде партии крикнувший Ленину «Невежа!.. Олигарх!..» Но все эти, по Ленину, «дурачки» и несмышлениши кончили плохо: раньше или позднее их всех расшлепали нестигаемые ленинские неандерталы.

Р. Гуль. С. 231232

Интервью Стеффенсу содержало другие откровенные высказывания и, так сказать, осевые мысли Ленина по поводу террора в революции:

— Не отрицайте террора. Не преуменьшайте ни одного из зол революции. Их нельзя избежать. На это надо рассчитывать заранее: если у нас революция, мы должны быть готовы оплачивать ее издержки. Террор будет. Он наносит революции тяжелые удары как изнутри, так и извне, и мы должны выяснить, как избегать его, контролировать или направлять его. Но мы должны больше знать о психологии, чем мы знаем сейчас, чтобы провести страну через это безумие.

В. Е. Мельниченко [1]. С. 217

Были отчаянно смелые люди, такие, например, как инженер-технолог Николай Воронов, который 29 мая 1921 года написал Ленину: «Все Твои реформы свелись в сущности к следующим: 1) Всеобщие каторжные работы с типичными признаками такого режима: уничтожение права свободного переезда, система пропусков, насильственное питание и обучение и т. д. 2) Усовершенствование до возможных границ Охранного Отделения (ЧК) и его распространение на всех граждан; система полавальных обысков и отсутствие суда... Ты знаешь, как упала Твоя популярность среди питерского населения; конечно, иначе Ты приехал бы на беспартийную конференцию. Это оттого, что и другие видят то же. Посмотрел бы Ты, какой

грандиозный Крестный Ход был в Питере 7 мая, тогда к[а]к 1-го мая, и в день пролетарского праздника, большевики побоялись устроить хоть маленькое шествие. А какие речи повсюду, от профессора до последнего рабочего и работницы? А вялая, бесполезная работа в массе учреждений. Ты это знаешь! Ты понял также, к[а]к дик и невежественен Народ. Сдай немного, и труп Твой растащат по Москве, к[а]к труп Самозванца». Письмо это было послано на имя Секретаря Ленина Фотиевой, чтобы вернее попало в его руки. Вероятно, это и был голос народа. Читал ли это письмо пролетарский вождь? Составив себе по крупицам, разбросанным в малодоступных и ныне местах, подлинный облик его, я уверен, что если и читал, то это его не волновало. Сделан он был из такого материала, которого не касалась ржа сомнения и прочих человеческих, а потому пошлых и обывательских проявлений души...

В. Брусенцов. С. 149150

И вот еще один показательный случай. 14 февраля 1919 года народный комиссар путей сообщения послал Ленину телеграмму из города Козлова, в которой сообщал, что разразившаяся 12 февраля сильнейшая метель на участке железной дороги Кочетовка — Тамбов не позволила выполнить декрет СНК о борьбе со снежными заносами и что он «не выполняется местным населением отчасти и потому, что население вдоль полосы железной дороги мобилизуется не только военным комиссаром на фронте, но и совнархозами на подвозку дров, продовольствия и т. п.». Поэтому он обращался с просьбой внести в Совет Обороны предложение об освобождении населения в 20-верстной полосе вдоль железных дорог от мобилизации. В ответ ему Совет Рабоче-Крестьянской Обороны издал постановление от 15 февраля, подписанное Лениным: «Поручить Склянскому, Маркову, Петровскому и Дзержинскому немедленно арестовать нескольких членов исполкомов и комбедов в тех местах, где расчистка снега производится не вполне удовлетворительно. В тех же местностях взять заложников из крестьян с тем, что, если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны».

А. А. Арутюнов. С. 530

Везде с 11 ноября 1918 года — перемирие, мир. Только Россия постоянно мобилизуется, милитаризуется, обороняет «красное отечество». Разве не большевики во имя немедленного мира подняли знамя бунта против всенародной революции и начали гражданскую войну?.. Не потому ли, что в России четвертый год свирепствует нелепый, выдуманный Лениным и его сподручными, коммунистический строй?

А. Ф. Керенский. Издалека. Сборник статей (19201921). Париж, 1922. С. 10

Однажды, хотя дело было уже к вечеру, Ильичу захотелось проехаться по Сокольническому парку. Когда мы подъезжали к проезду под железной дорогой, мы наткнулись на комсомольский патруль. «Стой!» Остановились. «Документы!» Ильич показывает свой документ: «Председатель Совета Народных Комиссаров — В. Ульянов». — «Рассказывай!» Молодежь заарестовала Ильича и повела в ближайший участок милиции. Там тотчас узнали Ильича и расхохотались. Ильич вернулся — поехали дальше.

Н. К. Крупская. С. 312

...Раз мы возвращались на автомобиле откуда-то с прогулки, надо было проехать под железнодорожным мостом. Навстречу шло стадо коров, довольно невозмутимо относящихся к автомобилям и не уступающих автомобилям дороги, впереди без толку толкались бараны. Пришлось остановиться. Проходивший мимо крестьянин с усмешечкой посмотрел на Ильича и сказал: «А коровам-то подчиниться пришлось». Скоро, однако, крестьянам пришлось расстаться со своей мелкособственнической нейтральностью: с половины мая классовая борьба стала разгораться вовсю.

Н. К. Крупская. С. 308309

Первым полыхнуло в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Вначале как будто бестолково, под набатный звон, с неосознанной злой решимостью. Вот тут и вспыхнула ненадолго, но ярко звезда бывшего целовальника в купеческой лавке, бывшего учителя, бывшего милиционера, тамбовского мещанина Александра Степановича Антонова.

В хлебородном августе двадцатого года уже пять уездов признали над собой его верховодство.

За три недели издавна испытанным разбойным мужицким способом вырезал он полторы сотни коммуняк и продотрядчиков, «выдал мандат в царствие небесное». К середине октября цифра эта увеличилась до двухсот пятидесяти.

Беда, беда. Эта и другая сторона признают только смерть. Русские русских в плен не берут.

Имя непрерывных крестьянских восстаний Москве известно — бандитизм. Ответственным за искоренение бандитизма на Руси был тогда опять же бывший аптечный провизор Эфроим Склянский, утопленный потом в каком-то швейцарском озере. Это сколько же надо было аптек, чтобы столько аптекарей выставить против русского мужика. Ленин потребовал от Склянского дать Реввоенсовету республики «точный приказ добиться быстрой и полной ликвидации» тамбовских бандитов.

Задача, однако, вышла непростая. Если бы только Тамбов загорелся. В Алтайской, Екатеринбургской, Омской и Тюменской губерниях сто тысяч мужиков вышли с вилами и топорами. К апрелю 1921 года из них сформировалось 165 крупных крестьянских отрядов — кавалерия без седел и шашек, пехота без сапог и патронов. Что возьмешь в бою, с тем и пойдешь воевать дальше. Махно прорывался к тамбовским повстанцам с Украины.

В. Брусенцов. С. 142143

Я считал бы желательным послать Тухачевского на подавление тамбовского восстания. В последнее время там нет улучшения и даже местами ухудшение. Получится несколько больший политический эффект от этого назначения. В особенности за границей. Ваше мнение?

Э. М. Склянский—Ленину. 26 апреля 1921 г.

Внесите Молотову для П[олит]бюро на завтра. Предлагаю назначить его без огласки в центре, без публикации.

Ленин — Э. М. Склянскому. 26 апреля 1921 г.

Неизвестные документы. С. 428—429

В бронепоезде командарма, рядом со штабным, вагон-мастерская. В перерывах между боями он любит мастерить скрипки. Дальше — в грузовых отсеках — бомбы и баллоны с удушливыми газами. Газы эти против внешнего противника запрещены конвенциями. Против внутреннего — запрещений нет, вот беда.

У Тухачевского воинства — сто тысяч. Броневые поезда, броневые машины, аэропланы и даже аэростаты — не утаишься теперь по лощинам и оврагам, выкурят и из лесов веселящим газом. Веселящим газ называется потому, что навек оставляет у мертвого гримассу улыбки.

Приказ: «Леса, где прячутся бандиты очистить ядовитыми удушливыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось... Командующий войсками Тухачевский».

Еще приказ: «В случае нахождения оружия расстреливать старшего работника в семье... членов семьи, укрывающей бандита, рассматривать как бандитов, расстреливать старшего работника без суда... В случае бегства бандита дома сжигать. Командующий войсками Тухачевский».

Трогательны поправки к этим приказам на местах: «Примечание: при детях-заложниках до 3-летнего возраста включительно имеют право находиться и их матери-заложницы».

В. Брусенцов. С. 143

II. VIII. 1918 г.

В Пензу

Т[овари]щам Кураеву, Бош, Минкину и другим пензенским коммунистам

Т[овари]щи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь везде «последний решительный] бой» с кулачем. Образец надо дать.

Повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийцев.

Опубликовать их имена.

Отнять у них весь хлеб.

Назначить заложников — согласно вчерашней телеграмме. Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц кулаков. Телеграфируйте получение и исполнение.

Ваш Ленин.

P. S. Найдите людей потверже.

Письмо В. В. Кураеву, Е. Б. Бош, А. Е. Минкину

11 августа 1918 г.

Неизвестные документы. С. 246

Итог пяти первых лет ленинской власти таков. Потери Красной Армии, продармии, ВЧК и ВОХР на фронтах, при подавлении восстаний и от болезней — 900 тыс., убито повстанцами и «зелеными» сторонников советской власти и советских служащих (невоенных) — 100 тыс., убито в боях повстанцев и «зеленых» — 1 млн., расстреляно органами советской власти, умерло в тюрьмах, пало от красного террора и в результате массового уничтожения мирного населения в зонах подавления народного сопротивления — 5 млн. Голод и эпидемии унесли еще 2,5 млн человек. Сопоставляя жертвы репрессий за годы первой революции (1905—1907) с потерями за первые годы советской власти, мы приходим к выводу, что коммунисты уничтожили в 2270 раз больше людей, чем царские каратели.

М. Бернштам. Стороны в Гражданской войне 1917-1922 гг. // Вестник РХД. Париж, № 128. С. 77

Согласно Брестскому миру, наши войска находились недалеко от русских столиц, после убийства графа Мирбаха было решено занять Петроград и Москву. Некоторые германские влиятельные политики высказывались против этого, и, хотя дело тормозилось, я тем не менее не изменил своего решения и готовился... К несчастью, за три дня до предполагаемой оккупации германская армия потерпела окончательное поражение на Западном фронте и у нас не оказалось верных войск для похода.

М. Гофман. Пломбированный вагон // Руль. Берлин, 1921. № 32. 23(10) дек.

Опять Ленина спасло чудо, случайно выпавшая козырная карта. Но далее наступили такие события, которые никакому чуду уже поправить было невозможно...

А. Н. Потресов. С. 213

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ

Начну с описания его болезни. Я лично познакомился с Владимиром Ильичем в качестве врача в первых числах мая 1923 года и затем почти все время был у него, за исключением очень коротких промежутков. Вся болезнь его может быть разделена на 3 больших периода. Начало первого из них относится к марту 1922 года, второго — к декабрю 22 года и третьего — к марту 23 года. Это деление болезни на 3 периода показывает, что она не текла, непрерывно нарастая, а шла скачками, давая промежутки, во время которых больной оправлялся, чувствовал себя относительно хорошо, а потом она обострялась, процесс развивался дальше, болезнь двигалась вперед. Болезнь, которая была у Владимира Ильича, обыкновенно не начинается внезапно, и нужно допустить, что перед началом заболевания, которое относится к марту 1922 года, был некоторый подготовительный период времени, когда она еще не принимала таких размеров, которые бы привлекали внимание окружающих и к которым сам больной отнесся бы с известной серьезностью. Поэтому точно установить, с какого именно момента Владимир Ильич заболел, — трудно, но что болезнь началась раньше марта 1922 года — на это есть некоторые доказательства. По крайней мере, люди, близко к нему стоявшие, говорили, что временами Владимир Ильич жаловался на небольшое недомогание, а иногда были и более серьезные признаки, заставлявшие задумываться. Владимир Ильич был страстным охотником, и вот один из тех, кто ездил с ним на охоту, рассказывал, что он иногда на охоте присаживался на пень, начинал растирать правую ногу и на вопрос, что с ним, говорил: «Нога устала, отсидел».

В. П. Осипов. Болезнь и смерть В. И. Ленина // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 288-289

Помню, как он рассказывал, что, обратившись раз по поводу болезни желудка к одному крупному специалисту в Швейцарии, он был удивлен его словами: «C'est le cerveau» (это мозг. — *фр.*). Не знаю, какое лекарство прописал Владимиру Ильичу этот специалист.

Он забыл его название и потерял рецепт, но говорил, что оно оказывало на него хорошее действие.

М. И. Ульянова. С. 213

Если бы его постоянно повторяющиеся проблемы со здоровьем начались лишь в 1903—1904 годах, то можно было бы подумать, что они вызваны внутривнутрипартийной борьбой фракций, однако симптомы болезни наблюдались уже до этого, в течение многих лет, только теперь приступы стали острее и чаще, чем раньше. Ленин решил заняться собой. Он читал новейшие книги по медицине, обращался к лучшим швейцарским врачам. Один из ведущих специалистов обследовал его желудок и выписал некое лекарство, которое якобы помогло — во всяком случае, на какое-то время.

Впоследствии Ленин говорил сестре Марии Ильиничне, что он потерял рецепт этого лекарства. Для такого педанта, каким был Ленин, потеря важного рецепта — факт удивительный. Скорее всего, Ленин просто не хотел волновать сестру рассказами о состоянии своего здоровья. На приеме Ленин наверняка сказал врачу о бессоннице, мигренях и постоянной усталости. От врача он вернулся очень озабоченным, так как врач сказал, что дело не в желудке. На вопрос Ленина врач ответил коротко: «Это мозг». Ленин никому не объяснял, что именно доктор имел в виду. Если учитывать медицинскую науку того времени, можно предположить два диагноза. Согласно одному из предположений, Ленин страдал неврастенией; согласно другому — Ленин унаследовал болезнь, погубившую его отца.

Р. Сервис. С. 181

Гораздо позже известный русский ученый, невропатолог и психиатр Г. И. Россолимо в доверительной беседе со своим старым приятелем профессором Лечебно-санитарного управления Кремля В. А. Щуровским высказал свои соображения по поводу болезни Ленина. Он, в частности, отметил, что острые приступы и нарушения мозгового кровообращения у Ульянова, приведшие к параличу правой части тела и потере речи, отчасти были спровоцированы *психопатанией, наследственно обусловленной*. Он также сказал, что такого же мнения придерживается профессор Отфрид Ферстер.

А. А. Арутюнов. С. 502

Естественно, возникает вопрос: почему у человека 53 лет, человека очень умеренной жизни, который не пил и не курил, развивается такой болезненный процесс. Ответ на этот вопрос мы находим в наследственности Владимира Ильича. Его отец умер как раз 53 лет тоже от склероза мозговых сосудов. Мать его, которая умерла значительно позже, под 70 лет, умерла тоже от склероза, но в этом возрасте склероз не удивителен. Наследственное предрасположение отразилось на сыне, у которого развился преждевременный склероз.

В. П. Осипов. С. 295296

Прежде всего почву для него подготовила наследственность: отец Владимира Ильича погиб тоже от склероза и примерно в возрасте Владимира Ильича; мать, хотя и дожила до глубокой старости, но тоже болела склерозом. Таким образом, почва для заболевания (ибо склонность к склерозу передается по наследству) была подготовлена.

Н. А. Семашко. Что дало вскрытие тела Владимира Ильича // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 301

...Наследственная предрасположенность вполне могла отразиться на потомках И. Н. Ульянова, страдавшего склерозом. В 1935 скончалась А. И. Ульянова-Елизарова, старшая сестра Ленина. Последние три года она была практически недееспособна вследствие развившегося после инсульта (1931) паралича. В 1937 умерла младшая сестра Ленина — М. И. Ульянова. Причина смерти — инсульт. В 1943 в результате приступа стенокардии умер младший брат Ленина — Д. И. Ульянов. Еще за несколько лет до смерти прогрессирующее заболевание кровеносных сосудов привело его к ампутации нижних конечностей (оперировали в Германии). Вероятно, этим же заболеванием страдает сын Д. И. Ульянова — В. Д. Ульянов, уже несколько лет лишенный способности к передвижению.

Н. Петренко. Ленин в Горках — болезнь и смерть // Минувшее. Исторический альманах 2. М.: Прогресс, 1990. С. 195

Голову носил Ленин как драгоценное и больное. Аппарат для мгновенного принятия безошибочных решений, для нахождения разительных инструментов, аппарат этот низкой мстительностью

природы был болезненно и как-то, как будто разветвление, поражен, все в новых местах отзываясь. Вероятно, как прорастает плесень в массивном куске живого — хлеба, мяса, гриба, — налетом зеленоватой пленки и ниточками, уходящими в глубину...

А. И. Солженицын. С. 197

И то, что во время второй поездки (эмиграции) 16 июля 1900 года Ленин имел при себе адреса проживающих в Лейпциге *врачей-невропатологов и психиатров*, свидетельство сказанному.

А. А. Арутюнов. С. 503

Мне в голову не приходило, что Ленин опасно болен, хотя, что он болеет, я знал еще в 1920 году. М. Горький и М. Ф. Андреева были в это время у Ленина, и Андреева, зайдя к нам, рассказала, что Ленин страдает от постоянной головной боли и бессонницы, от которой его не спасают никакие прописываемые средства.

Н. Валентинов. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М.: Современник, 1991. С. 75

(Далее цит.: Н. Валентинов [5])

1) вливать в нос 3—4 недели, потом прервать на столько же и лишь потом еще раз и т. д.

2) втирать до раздражения, потом прекратить и продолжить 3 раза только.

3, 4, 5, 6, 5, 4, 3, 4 и т. д. 3 раза в день

Утр[енний] завтр[ак] [после еды]

Неделю

обед

ужин

(соль отменить)

Неделю люминаль продолжать

отдыхать

Ленин. Запись порядка приема лекарств

29 апреля 1921 г.

На записи имеется пометка М. И. Ульяновой: «Запись рецепта профессора Свержевского».

29 апреля 1921 г. В. И. Ленина посетили профессор 2-го Московского медицинского института Л. О. Свержевский и заведующий Московским отделом здравоохранения доктор В. А. Обух. Эти же врачи были у Ленина 28 апреля в 18 часов 30 минут.

Неизвестные документы. С. 430

Здоровье Ленина резко надломилось в конце 1921 года.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 67

Ленин приближался не столько к тому возрасту, сколько к тому самовосприятию, когда мысль о смерти, о собственной смерти, венчала любую другую мысль. Во второй половине августа 1921 Ленин беседует со старым большевиком А. Г. Шлихтером по вопросу отъезда последнего за границу на дипломатическую работу. И вдруг Ленин, прерывая собеседника, замечает: «А вы уже знаете, Саммер умер? Еще один...» Шлихтер: «Я был застигнут врасплох этим вопросом Ильича. Мне мгновенно вдруг стало ясно, что Ильич, казавшийся на первый взгляд все тем же давно знакомым Ильичом, в действительности был в этот момент совсем другим, каким-то новым, чем-то удрученным и о чем-то упорно думающим, в то время как мне казалось, что он слушает меня. Мне хотелось отвлечь мысли т. Ленина соображениями о том, что, как ни неожиданна была смерть тов. Саммера, еще здорового, крепкого и цветущего человека, все же именно нам, старым работникам партии, надо быть готовым к систематическому уходу одного за другим». Ленин возражал: смена-де еще не готова, «еще надо годиков пять поучить». «По-видимому, — передавал свои впечатления Шлихтер, — Ильич уже в тот момент моего последнего свидания с ним чувствовал себя больным, и, м. б., ответ мне о том, что рано еще уходить, был в то же время и ответом на его собственные мысли о надвигающемся нездоровье. Вспоминал ли он потом, в тяжкие дни своей болезни, об этом пятилетнем сроке? В этом отношении мы, собственно, о т. Ленине еще ничего не знаем».

Н. Петренко. С. 272273

Еще до того, как Ленина сразил последний удар, он иногда заговаривал на тему о смерти с близкими людьми, которым удавалось, минуя заслоны, воздвигнутые Крупской, проникнуть к больному.

Однажды он произнес: «Говорят, Мартов тоже умирает...» Своему другу Кржижановскому он сказал: «Да, кажется, я взвалил на свои плечи непосильный груз». Еще одному приятелю, Владимирову, он сказал: «Я еще не умер, а они во главе со Сталиным меня хоронят».

Р. Пейн. С. 597

Сознавая, что болезнь прогрессирует, Владимир Ильич говорил: «Надо спешить, чтобы болезнь не застала врасплох».

Л. А. Фотиева. Из воспоминаний о В. И. Ленине // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 173

(Далее цит.: Л. А. Фотиева [1])

Ленин очень следил за здоровьем своих сотрудников и нередко вспоминал при этом слова какого-то эмигранта: старики вымрут, а молодые сдадут.» Многие ли у нас знают, что такое Европа, что такое мировое рабочее движение? Пока мы с нашей революцией одни, — повторял Ленин, — международный опыт нашей партийной верхушки ничем не заменим».

Л. Д. Троцкий [1]. С. 457

Случилось так, что за много лет до появления первых признаков болезни, один крестьянин сказал Ленину: «А ты, Ильич, помрешь от кондрашки». На вопрос о том, почему он так думает, крестьянин ответил, как бы шутя: «Да шея у тебя уж больно короткая». Этот, казалось, напрочь забытый разговор неожиданно всплыл в памяти Ленина после очередного приступа болезни, и в начале зимы 1923 года он поведал его врачам В. В. Крамеру и А. М. Кожевникову.

Рассказывая это, Ленин посмеялся, придавая своему воспоминанию характер шутки. Однако Кожевников очень хорошо все понял... «Стало неимоверно грустно, — писал он, — так как по интонации Владимира Ильича чувствовалось, что он и сам придерживается мнения этого крестьянина».

В. Е. Мельниченко [1]. С. 244

Эта идея становилась навязчивой. Зиновьев оповестил, что Ленин «еще в 1922 году иногда говорил близким и друзьям: «Помяните мое слово, кончу параличом». Мы десятки раз пытались превратить все это

в шутку. Но он, ссылаясь на примеры, говорил, как бы не окончить так же, как такой-то имярек, а, может быть, еще и хуже. В начале августа 1922 он говорил навестившему его в Горках Г. И. Петровскому: «Болезнь у меня такая, что я либо стану инвалидом, или меня не станет».

Н. Петренко. С. 274

Еще в конце ноября 1921 года Ленина перед отъездом за границу еще раз посетила М. Ф. Андреева (жена Горького).

Ю. Фельштинский. С. 251

«Я пришла к нему говорить о кинематографе, — писала Мария Федоровна Горькому, рассказывая о последней своей встрече с Владимиром Ильичем, — он очень интересовался этим и считал важным вопросом наладить производство у нас. По обыкновению я волновалась, горячилась, он долго что-то слушал, а потом вдруг говорит: «Какая вы еще, Мария Федоровна, молодая! Даже румянец во всю щеку от волнения... Краснеть не разучились. А вот я — уставать стал. Сильно уставать». И так мне жалко его стало, так страшно. Мы крепко обнялись с ним, и я почему-то заплакала, а он тоже, отирая глаза, стал укорять меня и убеждать, что это очень плохо. Так, значит, больше и не пришлось увидаться...»

Е. Я. Драбкина. С. 343

31 декабря 1921 года в связи с крайним переутомлением Владимира Ильича ему был предоставлен шестинедельный отпуск, и по его предложению народный комиссар продовольствия А. Д. Цюрупа был назначен заместителем Председателя СНК и СТО с освобождением от наркомпрода. Назначенный еще летом 1921 года заместителем Председателя СТО А. И. Рыков активно включился в эту работу лишь в феврале 1922 года. Надеясь на свое выздоровление и полное возвращение работоспособности, Владимир Ильич не был твердо уверен в этом и в письме А. Д. Цюрупе 28 ноября 1921 года по поводу его назначения заместителем Председателя СНК и СТО писал: «На сколько времени сии должности, «будем посмотреть»: может быть, на 3—4 года, может быть, на 30 лет».

Л. А. Фотиева [1]. С. 175

С чего началось это?

В начале 1922 года приехал ко мне за границу — тогда я жил там — один товарищ. Поговорили о разных делах. Спросил я, как Ленин смотрит на то и на это.

— Ленин? — спросил меня товарищ и как-то непонятно замолчал.

— Да. Ленин.

— Ленин? — Товарищ вдруг хлопнул меня по коленке, встал и начал ходить по комнате из угла в угол. — Ленин очень странный сделался... по-моему... он болен.

А. Я. Аросев. Ну, что, как Ильич?// Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 135

Подчиняясь неизбежной необходимости предстоящего длительного лечения, Владимир Ильич не терял надежды на выздоровление и возвращение к работе. В том же письме от 13 декабря он писал: «Прошу только иметь в виду, что я даю свое согласие на предложенное вами распределение не на три месяца (в отличие от вашего предложения), а впредь до моего возвращения к работе, если оно состоится ранее чем через три месяца». Эти строки, продиктованные Владимиром Ильичом за три дня до нового, очень тяжелого приступа болезни, нельзя читать без волнения.

Л. А. Фотиева. С. 178

Сам Ленин считался всегда крепышом, и здоровье его казалось одним из несокрушимых устоев революции.

Л. Д. Троцкий. Болезнь Ленина // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 145

(Далее цит.: Л. Д. Троцкий [4])

Он был неизменно активен, бдителен, ровен, весел. Только изредка я подмечал тревожные симптомы. В период первого конгресса Коминтерна он поразил меня усталым видом, неровным голосом, улыбкой больного. Я не раз говорил ему, что он слишком расходует себя на второстепенные дела. Он соглашался, но иначе не мог. Иногда жаловался — всегда мимоходом, чуть застенчиво — на головные боли. Но две-три недели отдыха восстанавливали его.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 457458

Живучесть Ленина, изумлявшая его врачей, была феноменальна.
Н. Валентинов [5]. С. 106

Казалось, что Ленину не будет износу.
Л. Д. Троцкий [5]. С. 145

В случае болезни Ленин обычно обращался к очень хорошим врачам или знаменитостям. У брата своего Дмитрия он не стал бы лечиться. Из Женевы в конце 1903 года он ездил в Лозанну к знаменитости — доктору Мермоду. В Париже оперировать сестру Марию от аппендицита позволил только в хорошей клинике известному хирургу д-ру Дюбуше. Крупскую, страдавшую базедовой болезнью, свез из Кракова к знаменитому специалисту Кохеру.

Н. Валентинов [3]. С. 2829

Кроме того, у Ленина действовало непременное правило: заболел — обязательно обратиться к врачу. Тот же Валентинов вспоминал, что Владимир Ильич крайне возмутился, когда узнал, что он не посетил врача по поводу слабого состояния здоровья: «Ленин посмотрел на меня — другого выражения не нахожу — с какой-то брезгливостью, с которой относятся, например, к человеку грязному или дурно пахнущему:

— У доктора не были? Это уж совсем некультурно, это уже замашки Чухломы. Попрошу Красикова, чтобы он насильно свел вас к доктору. Здоровье надо ценить и беречь. Быть физически сильным, здоровым, выносливым — вообще благо, а для революционера — обязанность. Допустим, вас выслали куда-нибудь к черту на куличики в Сибирь. Вам представляется случай бежать на лодке, это предприятие не удастся, если не умеете грести, и у вас не мускулы, а тряпка. Или другой пример: вас преследует шпик. У вас важное дело, вы обязательно должны шпику обуздать, другого выхода нет. Ничего не получится, если нет силенок...»

В. Е. Мельниченко [1]. С. 236237

При взглядах Ленина на здоровье и лечение — трудно понять, как могло случиться то, что он испытывал в Лондоне, доверившись Крупской, в медицине совершенно невежественной, никакого касательства к ней не имеющей. Накануне переезда из Лондона в Женеву он заболел тяжелой нервной болезнью, воспалением — по позднейшему определению докторов — кончиков грудных и спинных нервов, и покрылся сыпью. «Нам и в голову не приходило обратиться к английскому врачу, — рассказывает Крупская, — ибо платить надо было гинеею». И, ничтоже сумняшеся, она сама взялась за лечение: заглянув в медицинский справочник и решив, что у Ленина стригущий лишай, она густо вымазала его йодом. «Дорогой в Женеву Владимир Ильич метался, а по приезде туда свалился и пролежал две недели». Не после ли этого Ильич пришел к убеждению, что «пробовать на себе изобретение большевика или большевички — ужасно»?

Н. Валентинов [3]. С. 29

Но — испепеляющее время! Всесильные кровеносные сосуды и бессильные немецкие лекарства.

А. Я. Аросев. С. 139

В воскресенье в начале мая 1922 г. я ловил сетью рыбу на старом русле Москвы-реки. Шел дождь, трава намокла, я поскользнулся на откосе, упал и порвал себе сухожилия ноги. Ничего серьезного не было, мне нужно было провести несколько дней в постели. На третий день ко мне пришел Бухарин. «И вы в постели!» — воскликнул он в ужасе. «А кто еще кроме меня?» — спросил я. «С Ильичем плохо: удар — не ходит, не говорит. Врачи теряются в догадках».

Л. Д. Троцкий [1]. С. 457

Что же ужаснее? Больной Ленин или голодающая Россия? И как они оба занедужили вместе... Россия, Волга, родина Владимира Ильича. Владимир Ильич и в анкете писал про Волгу; на вопрос, какая местность России ему более всего известна, он отвечал: Поволжье.

— Но все-таки что же с Ильичем? — пошел я в открытую, без хитрости.

— Удар, — ответил товарищ.

А. Я. Аросев. С. 136

Именно в это время, будучи в поездке в Поволжье, и я узнала веющее смертью слово «лег», которое означает, что человек лег и уже не встанет, и дикий крик помешавшейся с голода женщины: «Глядите! Глядите! Пирогидут! На ножках! В сапожках топают! Идите сюда, идите, пирожки милые!», и восковые, уже не бледные, а белые детские лица с глазами, в которых, как у кукол, нет взгляда.

Е. Я. Драбкина. С. 188

Вспомним голод 1921-1922 годов, спровоцированный политикой военного коммунизма, объявленной правительством большевиков под руководством В. И. Ленина. В шесть миллионов жизней обошлось это решение нашему народу. И вот сейчас становится известно, что В. И. Ленин очень умело использовал в борьбе с идеологическими врагами народную трагедию.

В. Еременко. Мессия // Лит. Россия. 1990. № 50

Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления...

Ленин — В. М. Молотову. 19 марта 1922 г.

Неизвестные документы. С. 516

Точного подсчета количества умерших от голода никто не вел, да и вряд ли это было тогда возможно. Однако по прикидкам тех лет голод в 1921 году унес двадцать семь миллионов человеческих жизней.

Р. Пейн. С. 552

К концу весны (1922) хлеб во многих волостях подобрался до корочки, и люди перешли на подножный корм. Чуть свет коровы, овцы, лошади и сами крестьяне отправлялись в лес, там, где был лес, пока держался утренний холодок, все вместе паслись одним стадом, объедая кору с молодых деревьев и выдирая из земли корни и старые былки пересохшей травы. Народ теснился в сельсоветах, словно здесь хранились ключи от «хлябей небесных». Жгли свечи у икон

«чудотворцев», служили молебны о «ниспослании влаги», поднимали иконы, устраивали крестные ходы. Подойдя к церковной ограде, кланялись земным поклоном, а потом глубоко откидывались назад, запрокидывали голову и подолгу молились, «нашептывая небо» молитвами о дожде. Но дождя все не было и не было. Когда надежды на урожай окончательно рухнули, стали собирать все, что было возможно. Длиннен скорбный перечень того, что шло в пищу в выжженном Поволжье, — неочищенные колосья, солома, лебеда, колючка, желуди, корни, опилки, глина, известь, выветрившиеся кости. Все это перемалывалось или толклось в ступе и вместе с водой и добавленной «для связи» щепоткой ржаной муки вымешивалось в тесто, из которого пекли «бедовую еду» — то черные, как земля, то зеленые, как трава, горькие лепешки... У людей, которые ели эти лепешки, животы раздувались и становились багровыми. А рядом с людьми бродила голодная скотина — с облезшей шкурой, отвислыми губами, с выступающими, как обручи на бочке, ребрами. Пока был хоть какой-то подножный корм, скотину пытались сохранить. А потом стали забивать.

Е. Я. Драбкина. С. 177178

Найдем ли мы в жизни и в литературе описание, аналогичное тому, которое приводит Штейнберг о происшествии в Шацком уезде Тамбовской губернии. Есть там почитаемая народом Вышинская икона Божьей Матери... Устроили молебствие в голодный год и крестный ход, за что местной ЧК были арестованы священники и сама икона... Крестьяне узнали о глумлении, произведенном в ЧК над иконой: «плевали, шаркали по полу», и пошли «стеной выручать Божью Матерь». Шли бабы, старики, ребятишки. По ним ЧК открыла огонь из пулеметов. «Пулемет косит по рядам, а они идут, ничего не видят, по трупам, по раненым, лезут напролом, глаза страшные, матери детей вперед, кричат: «Матушка, Заступница, спаси, помилуй, все за тебя ляжем...»

С. П. Мельгунов. Красный террор в России. М.: СП «PUICO» & P. S. 1990. С. 103

С ужасом видя надвигающуюся голодную смерть, население голодных губерний, распродавая «почем зря» все, на что только

нашлись покупатели, бросая то, чем никто не прельстился, целыми улицами заколачивая избы, сорвалось с насиженных мест и кинулось прочь, прочь от страшной своей судьбы. Одни бежали вверх по Волге, другие вниз, кто на запад, кто на восток. Бежали неизвестно куда, неизвестно к кому, лишь бы бежать, лишь бы найти кусок хлеба. Среди черных, обглоданных до земли полей день и ночь непрерывной вереницей тянулись подводы, арбы, фургоны, обтянутые воловьими шкурами кибитки. Ехали со всем скарбом: тут и козленок, и собака, и новорожденный ребенок, и полуумирающие старики. Ехали на волах, на лошадях, на верблюдах, когда падала лошадь, впрягали жалких, изможденных коров или шли пешком, еле переступая распухшими ногами и отмечая пройденный путь безымянными людскими могилами и трупами павших животных.

Е. Я. Драбкина. С. 178

Крестьянин Моргачев вспоминает: «В это время, зимой 1922 года голодающие Поволжья, женщины с детьми шли по направлению к Москве. Доходили и до нас, крайне истощенные и обессиленные. Многие по дороге замерзали. Иногда мать с ребенком или двумя лежит на краю дороги — замерзшие. Жалко и больно было смотреть на них, на этих голодных детей. Многие делились с ними чем могли. Я встретил одну женщину, она рассказала про свою сестру. Они жили в селе под Самарой. Где голод, там и болезни. Муж умер. Соседи затащили мертвого в подвал, а его жена лежала в беспамятстве и все время просила есть, и соседи стали отрубать от мертвого мясо, варить и кормить его жену. Та стала поправляться и уже стала ходить и наткнулась на останки своего мужа, поняла, чем ее кормили, и сошла с ума».

М. И. Вострышев. Крестный путь святителя Тихона. М.: Современник, 1991. С. 100101

Приговоренный к смерти югославский коммунист Алия-Алияш (возможно, что тогдашние газеты не вполне точно назвали его имя) перед казнью передал своему защитнику завещание, в котором просил продать оставшуюся после него одежду и книги и отправить полученные после продажи деньги русским голодающим детям.

Е. Я. Драбкина. С. 183

А Советская Россия в это время продавала хлеб за границу! Заведующая отделом ЦК ПОМГОЛа (Центральный комитет помощи голодающим) О. Каменева при этом не стеснялась давать интервью: «Существование и возрождение хозяйства России без вывоза за границу нашей единственной валюты — хлеба — абсолютно немыслимо». Ей вторил ее начальник — заместитель председателя ЦК ПОМГОЛа А. Винокуров: «Вывоз хлеба за границу является в настоящее время экономической необходимостью. При переходе на рельсы новой экономической политики в руках крестьян благополучных районов образовались излишки, которые не могут быть выгодно реализованы на внутреннем рынке благодаря низким хлебным ценам».

М. И. Вострышев. С. 100

«Ежедневный продовольственный паек, (состоявший в то время и для партийного актива) в основном из 100—125 гр. хлеба, часто заменялся овсом, пшеницей, рожью, а иногда не получали и этого; выдавались даже селедочные головки и не первой свежести сушеная вобла». У голодающего партийного актива не было сил, чтобы справляться со своими политическими обязанностями. Поэтому в Выборгском райкоме «поднимался вопрос об организации закрытой столовой для работников районных организаций, но единого мнения по этому вопросу не было». Некоторые коммунисты, пишет Шуняков (?), считали, что актив должен голодать наряду с простыми рабочими, «большинство же рассуждало иначе, полагая, что если мы не будем поддерживать свой передовой актив, то его истощение, а отсюда и неизбежная преждевременная гибель пагубно отразятся на развитии революции, так как, лишившись своих организаторов и руководителей, рабочий класс не сможет быть двигателем революции и строителем нового общества». Вопрос был поставлен перед Лениным.

Ленин выслушал противников привилегированного положения актива и заявил, что они не правы в своих рассуждениях. Героика личного самопожертвования, из которой они исходят, особенно в настоящих условиях, сугубо мелкобуржуазна, она берет начало от эсеров. Рабочий класс не может идти в авангарде революции, не имея своего актива, своих организаторов. Актив надо беречь и в настоящее

время, в пределах имеющихся возможностей, необходимо поддержать его физически. Закрытую столовую, — сказал Ленин, — надо организовать. Рабочие поймут необходимость этого... Через несколько дней столовая для районного актива была организована».

Л. Фишер. С. 184185

Однажды в конце ноября 1918 года Ленин посетил театр и... возмутился, что в «советской» ложе... были железнодорожники. Это послужило ему основанием написать в малый Совнарком и потребовать постановление СНК «переделать так, чтобы постоянная ложа была и для СНК, и для Московского Совдепа, и для Всероссийского совета профессиональных союзов, и для ЦИК». Невольно думаешь: не Ленин ли заложил основу привилегий партократии?

А. А. Арутюнов. С. 556

Оказывается (я только теперь узнал), есть Дом отдыха Совнаркома (дача), и находится он в управлении управдела Совнаркома.

Я боюсь, что это вызовет нарекания. Прошу Оргбюро рассмотреть этот вопрос внимательно. Может быть, рациональнее было бы назвать этот дом отдыха просто по номеру: «Дом отдыха номер девять» и управляющего назначить 1 от Совдепа Моск[вы], 1 от НКПрода, 1 от Управдела С[овета] Н[ародных] К[омиссаров]. Иначе боюсь нареканий.

Ленин — В. М. Молотову. 4 мая 1921 г.

Неизвестные документы. С. 430

По официальным данным, Владимир Ильич заболел в 1922 году, но он рассказывал мне осенью 1921 года, что он хочет жить в Горках, так как у него появились три такие штуки: головная боль, при этом иногда и по утрам головная боль, чего у него раньше не было. Потом бессонница, но бессонница бывала у него и раньше. Потом нежелание работать. Это на него было совсем непохоже. Нежелание работать. Как я выяснил с врачами-специалистами, головные боли, бессонница и нежелание работать, часто головные боли по утрам — для молодого возраста это симптом «комплекса неврастения».

Д. И. Ульянов. С. 181

Москва стала другой.

В окне, у Мюр и Мерилиза, плакат: «Продажа и прием заказов на портреты Вождей Революции в комиссионном отделе (2-й этаж)».

В комиссионном отделе вожди революции!

А. Я. Аросев. С. 137

Прошу отпустить мне бром в облатках, штук 12, такой дозы, чтобы можно было рассчитывать на действие одной облатки, а если не действует, принимать и по 2.

В. Ульянов (Ленин). Записка в кремлевскую аптеку.

13 февраля 1922 г.

Неизвестные документы. С. 505

Вот тогда и началось это.

— Ну, что, как Ильич?

Не здоровались и не прощались, не задав этого вопроса.

А голод, гуляя по необъятной Руси, продолжал приговаривать к смерти людей тысячами. И болезнь в кровеносных сосудах Владимира Ильича упорно продолжала свое дело вопреки берлинским лекарствам.

А. Я. Аросев. С. 137

Д-р Эйдук, представитель советов при организации Нансена, утверждает, что случаи каннибализма были весьма нередки».

Эклер. Париж, 1923. 22 янв.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать это нам не удастся,

ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечил нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне.

Ленин. 6 (19) марта 1922 г.

Цит. по: Д. Штурман [2]. С. 263-264

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю себе следующим образом: Официально выступать с какими [бы] то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий...

Ленин — В. М. Молотову. 19 марта 1922 г.

Неизвестные документы. С. 518

...Священника Никольского вывели из женского монастыря Марии Магдалины, заставили раскрыть рот, вложили в него дуло маузера и со словами «Вот мы тебя причастим» выстрелили. Священнику Дмитриевскому, которого поставили на колени, сначала отрубили нос, потом уши и, наконец, голову. В Херсонской епархии трех священников распяли на крестах. В городе Богодухове всех монахинь, не пожелавших уйти из монастыря, привели на кладбище к раскрытой могиле, отрезали им сосцы и живых побросали в яму, а сверху бросили еще дышащего старого монаха и, засыпая всех землей, кричали, что справляется монашеская свадьба. Каждый день приносил новые вести об истязаниях и казнях... Передавали друг другу рассказ, как в Спасовом монастыре вывели из кельи иеромонаха Афанасия и за конюшней сообщили, что настала пора его расстрелять. Монах встал на колени, помолился, перекрестился, затем поднялся, благословил палача и поднял руки вверх. Двумя выстрелами в упор убийца расправился с благословившим его пастырем. Повторяли историю о

настоятеле Казанского собора протоиерее Орнатском. Его привели на расстрел с двумя сыновьями и спросили: «Кого сначала убить — тебя или сыновей?» Отец Орнатский ответил: «Сыновей». Пока расстреливали юношей, он, став на колени, читал «отходную». Расстреливать отца Орнатского взвод красноармейцев отказался. Отказались стрелять в молящегося коленопреклоненного старца и вызванные китайцы. Тогда к батюшке подошел вплотную юный комиссар и выстрелил из револьвера в упор.

М. И. Вострышев. С. 8889

Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Ленин — В. М. Молотову. 19 марта 1922 г.

Неизвестные документы. С. 518

Есть такое предположение. Уже в 18-м году, то есть когда только-только Ленин захватил власть, к нему приехал тогда еще молодой Хаммер. У двух этих людей, быстро нашедших общий язык, состоялась деловая беседа. Не осталось, естественно, стенограммы этой беседы. Я думаю, что не найти ее следов в самых секретных архивах (или все же найти?). Но суть ее сохранилась в предании. Можно считать это фольклором, однако последующие события подтверждают, что такая беседа была.

Гипотетически Хаммер говорил следующее:

— Без посторонней помощи вам не устоять против Антанты. Без посторонней помощи вам не победить в гражданской войне. Без посторонней помощи вам не преодолеть разруху. Без посторонней помощи вам не построить ни электростанций, ни заводов. Короче говоря, вам без посторонней помощи не выжить, не удержаться у власти. Но в мире есть силы, могущественные финансовые круги, которые относятся к вам сочувственно (вернее, сочувственно относятся к тому, что вы сокрушили Российскую империю) и готовы помочь вам в ее дальнейшем развале...

Здесь Ленин мог спросить: за какие такие красивые глаза предлагается помощь? Он мог возразить: «Вы же сами говорите, что у нас разруха и голод. Чем мы можем ответить этим могущественным финансовым кругам?»

— Ну как чем?.. У вас есть, например, Эрмитаж. Другие музеи. А в музеях — запасники. Дворянские усадьбы и купеческие особняки (а вы то и другое собираетесь стереть с лица земли) напичканы живописью, русским серебром, ювелирными изделиями, драгоценными иконами, золотом, драгоценными камнями. А если к тому же пошевелить церкви и монастыри...

Точно ли такой или не точно такой был разговор, но только Хаммер вывозил русские ценности вагонами, пароходами. Из Эрмитажа и других музеев ушло за океан 5000 (пять тысяч!) бесценных картин. Рембрандты, Тицианы, Рафаэли, Веласкесы, Дюреры, Джорджоне, Босхи, Микеланжело... Под Вашингтоном существует музей, где специально выставлены русские дворцовые ценности. В семье Рузвельтов находится алтарь из Храма Христа Спасителя, в Калифорнии в частном собрании хранятся царские врата, которые Екатерина подарила Киевской Софии. Серебряные. Чеканные. Позолоченные. Полторы тонны весом. В кармане не провезешь. Именно вскоре после первого приезда в Москву Хаммера была опустошена Патриаршья Ризница, находившаяся в Кремле. В газетах того времени промелькнуло сообщение, что все ценности из нее были украдены неизвестными, приехавшими на грузовике. В Кремль! Охраняемый латышскими стрелками!! На грузовике!!!

Тогда же были вскрыты все царские гробницы как в Петрограде, так и в Москве. Шарили мародеры, вороша кости в поисках драгоценностей. Во время изъятия церковного имущества из Троице-Сергиевой лавры рубины и жемчуг выносили кадками.

В. А. Солоухин. С. 177178

Попали ли голодающим изъятые с такой жестокой расчетливостью церковные ценности? Часть, наверное, попала, малая часть. Не было полного учета стоимости этих ценностей, не было возможности наладить их быструю и четкую продажу за продовольствие. Все золото и серебро Церкви свозили в Москву, и оно оседало в Государственном хранилище и Наркомате финансов.

Документы о награбленном церковном имуществе пестрят однотипными записями: «Оценка предварительна и неточна». Самые голодные губернии просили Москву разрешить оставить у себя хоть немножко золотишка, чтобы как можно скорее купить на него хлеб и спасти умирающих. Ответ Центра был один: все в Москву, все в Гохран. Часто прихожане предлагали выскрести из своих амбаров последние запасы зерна и отдать их властям, лишь бы их родному храму вернули его реликвии. Но из Кремля, из комнаты № 54, где заседал президиум ЦК ПОМГОЛа, шли ворохи одинаковых телеграмм в губернские исполкомы: «Замена церковных ценностей хлебом и другими продуктами недопустима». Кто же объяснит логику этих телеграмм? Официальный руководитель «помощи голодающим» тов. Калинин? Или его официальные помощники тт. Смидович, Винокуров, Каменева, Брихничев, Тиртадов, Фрейман, Крумовец?.. Или тот, кто 6 (19) марта 1922 года начертал план кампании?..

М. И. Вострышев. С. 100101

Один умный писатель по государственным вопросам (судя по дальнейшему тексту, имеется в виду Макиавелли. — Е. Г.) справедливо сказал, что, если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый краткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут...

Ленин — В. М. Молотову. 19 марта 1922 г.

Неизвестные документы. С. 517

И одновременно Советское правительство с радостью принимает иностранную помощь голодающим. Но вот уже Чемберлен отказывает в кредитах: «Советы только что купили в Лондоне для службы их главного штаба дом, стоящий 250 тысяч фунтов стерлингов. Дворец этот предоставлен Красину, окруженному целой армией стенографисток и дактилографисток... Не проще ли, чтобы Советы продали этот дворец, чтобы купить провиант, а мы бы сохранили деньги для наших двух миллионов безработных».

М. И. Вострышев. С. 100101

По свидетельству внука Якова Шиффа, его дедушка вложил в большевистскую революцию всего двадцать миллионов золотых долларов. В периоде 1918 по 1922 год, по тому же свидетельству, Ленин вернул банку «Kuhn, Loeb and Co» 600 миллионов золотых рублей по официальному курсу.

Д. Калаич // Лит. Россия. 1991. № 6

Прошу прислать мне по 23 трубочки (или коробки?) с таблетками след[ующих] таблеток: Somnacetin-tabletten, Veronal-tabletten in Originaltabletten.

Ленин — в кремлевскую больницу. 6 апреля 1922 г.

Неизвестные документы. С. 529

Я дежурила в квартире Ленина почти всегда по ночам. Однажды терпеливо сидела час, другой... Думала, что Ленин заснул. И вдруг услышала, как он начал перебирать бумаги.

— Владимир Ильич, почему не спите? — спросила я.

— Не могу уснуть.

— Примите таблетку.

— Пробовал, таблетки не помогают.

Т. М. Белякова. Память сердца // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 245

Насчет собаки я эту затею бросил. Нервы уже не те, и охотиться не смогу. Если не достали, прошу не доставать и все хлопоты бросить. Если достали, я вероятно подарю другому охотнику.

Ленин — Н. Н. Крестинскому. 2 марта 1922 г.

Неизвестные документы. С. 509

«Вот дойдешь до такого состояния, как Аксельрод... ведь это просто ужас один», — неоднократно говорил он когда-то о почерке страдавшего нервным расстройством П. Б. Аксельрода.

Н. Петренко. С. 152

Вижу, что на съезде, вероятно, не смогу читать доклада. Ухудшение в болезни после трех месяцев лечения явное: меня «утешали» тем, что я преувеличиваю насчет аксельродовского

состояния, и за умным занятием утешения и восклицания «преувеличиваете! мнительность!» — прозевали три месяца.

Ленин — Л. Б. Каменеву. 3 марта 1922 г.

Неизвестные документы. С. 510

Надо полагать, что теперь даже умилявшее многих грассирование Ленина его самого, видимо, задевало — не случайно в его библиотеке хранилась диссертация С. М. Доброгаева «Картавость, ее происхождение и лечение» (Пг. 1922).

Н. Петренко. С. 188

Ввиду выезда Крестинского 18/III в Москву с немецкими специалистами по нервным болезням для осмотра группы крупных работников, предложить Секретариату ЦК поручить тому врачу, который состоит для проверки лечения ответственных работников (а если такового врача нет вопреки многочисленным постановлениям ЦК, то надо назначить на это непременно особого врача), поручить составить список товарищей, подлежащих осмотру, и принять все меры для того, чтобы они были своевременно приехавшим врачом осмотрены, с опросом, если это надобно, тех русских врачей, которые до сих пор этих товарищей лечили. В список этот очевидно должны будут войти т[оварищи] Чичерин, Осинский, Троцкий, Каменев, Сталин, Брюханов и несомненно целый ряд других.

Ленин — Горбунову. 21 марта 1922 г.

Неизвестные документы. С. 523

Был такой журналист Петр Пильский. В двадцатые годы он догадался просмотреть лечебные карты членов ленинского правительства. Семьдесят процентов из них обследовались по поводу разного рода психических расстройств и наблюдались по этому поводу у врачей. Петр Пильский даже где-то выступил по этому поводу. С тех пор он выпал из журналистики. Из жизни, наверное, тоже...

В. Брусенцов. С. 154

Высота не > 1000 m.

А б а с т у м а н не годится, высок («гроб»).

К и с л о в о д к подходящий.

Б о р ж о м п о д х о д я щ и й. (Бакурьяны и высоко, и неблагоустроено).

К р [а с н а я] П о л я н а слишк[ом] жарко и в котловине.

Н а л ь ч и к высота? (хорошее место).

(Море нежелательно для Н[адежды] К[онстантиновны]; все Черноморское побережье).

Запись отзывов врача Ф. А. Гетье о предполагаемых местах лечения и отдыха на Кавказе. Не позднее 17 апреля 1922 г.

Неизвестные документы. С. 532

Я на Кавказ не еду. Будьте любезны, пока (все лето) для конспирации распространяйте остороженько слух, что еду.

Ленин — Г. К. Орджоникидзе. 10 мая 1922 г.

Неизвестные документы. С. 537

«Первые слухи о болезни Ленина, — говорит в своих записях Н. И. Седова (жена Троцкого. — Е. Г.), — передавались шепотом».

Л. Д. Троцкий [5]. С. 146

Но с марта 1922 года начались такие явления, которые привлекли внимание окружающих... Выразились они в том, что у него появились частые припадки, заключающиеся в кратковременной потере сознания с онемением правой стороны тела. Это были мимолетные явления: онемееет правая рука, затем движение восстановится. Во время таких припадков начала расстраиваться речь, то есть после припадка наблюдалось, что в течение нескольких минут он не мог свободно выражать свои мысли.

В. П. Осипов. С. 289

В промежутке между первым и вторым ударом Ленин мог работать только в половину своей прежней силы. Мелкие, но грозные толчки со стороны кровеносной системы происходили все время. На одном из заседаний Политбюро, встав, чтобы передать кому-то записочку — Ленин всегда обменивался такими записочками для ускорения работы, — он чуть-чуть качнулся. Я заметил это только потому, что Ленин сейчас же изменился в лице. Это было одно из

многих предупреждений со стороны жизненных центров. Ленин не делал себе на этот счет иллюзий.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 465

Эти припадки повторялись часто, до 2 раз в неделю, но не были слишком продолжительными — от 20 минут до 2 часов, но не свыше 2 часов. Иногда припадки захватывали его на ходу, и были случаи, что он падал, а затем припадок проходил, через некоторое время восстанавливалась речь, и он продолжал свою деятельность.

В. П. Осипов. С. 289

Состояние здоровья его продолжало ухудшаться. В марте усилились головные боли. Врачи не нашли, однако, никаких органических поражений и предписали длительный отдых. Ленин безвыездно поселился в подмосковной деревне. Здесь в начале мая его и настиг первый удар.

Л. Д. Троцкий [5]. С. 146

В огромном парке-лесе стояла старая усадьба с двухэтажным домом, обставленным старой мебелью. По стенам были развешаны старинные портреты, очевидно, предков последних хозяев усадьбы Горки, и старинная живопись.

И. А. Пятницкий. У Ильича во время его болезни // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 281

Крестьяне Горок еще в 1918 г. наглядно реализовали свое представление о коммуне, несколько расходившееся с представлением Ленина. Впервые Ленин провел в Горках несколько недель осенью 1918-го. Крестьяне деревни согласились организовать в деревне коммуну, которая и была вскоре создана. По-видимому, жители Горок причислили к коммунарам и обитателя усадьбы «Горки», так что через какое-то время выяснилось, что белье, находившееся в доме, где лечился тов. Ленин, коммуна между собой распределила. Часть мебели из дома забрали, и заправили коммуны обставили ею свои квартиры. Ковры, драпировку, посуду, серебро, мельхиор тоже распределили и несколько возов со всем из совхоза отправили в Латвию (часть жителей деревни составляли эвакуированные латыши. — *Е. Г.*).

Т. Сапронов. Горки // Прожектор. 1925. №14. С. 12

В Горках Владимир Ильич поселился в Северном флигеле на втором этаже, в маленькой, скромно обставленной комнате и долго не соглашался перейти в Большой дом. Доктор А. М. Кожевников, лечивший Владимира Ильича с 29 мая 1922 года, вспоминает, что он застал Владимира Ильича в маленькой комнате с двумя окнами на запад и на север. Перед окнами — большие деревья, затемнявшие свет. На окнах — металлические сетки от комаров. Обстановка: кровать, небольшой письменный стол, заваленный книгами, комод, платяной шкаф, два-три стула разных стилей и фасонов. На полу — большой персидский ковер.

Л. А. Фотиева. Неиссякаемая энергия // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 7. С. 241.

(Далее цит.: Л. А. Фотиева [2])

За окном у него пустые деревья росли. Так они шумели ночью, так мешали, эти деревья!

М. М. Петрашева. С. 265

Два роскошных, комфортабельных кресла, привезенных для него из Англии друзьями, стояли без употребления, и Владимир Ильич был, видимо, очень доволен, когда одно из этих кресел облюбывал себе большой белый... кот.

В. П. Осипов. С. 298

Лишь 11 июня удалось врачам и родным Владимира Ильича убедить его перейти в Большой дом, где он будет иметь возможность проводить многие часы на террасе; пользоваться воздухом. 12 июня Владимир Ильич перешел в Большой дом.

Л. А. Фотиева [2]. С. 241

Дом в Горках, где жил Владимир Ильич в последнее время своей жизни, назывался Большим домом. В парке было еще два маленьких дома, в одном из которых жили заведующий совхозом «Горки» А. А. Преображенский и мы, охрана В. И. Ленина, а второй домик был

использован под столовую санатория МК, там же готовили пищу для Владимира Ильича.

А. В. Бельмас. Воспоминания о В. И. Ленине // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 127

Болезнь застала Владимира Ильича в Горках, где ему пришлось провести тогда более четырех месяцев.

Л. А. Фотиева [1]. С. 164

Большой дом в Горках расположен в красивом старинном парке фасадом к деревне того же названия — Горки. Этот дом, принадлежавший до революции московскому градоначальнику Рейнботу, был хорошо обставлен и имел телефонную связь с Москвой. В то время телефонной связи загородных мест с Москвой, кроме Горок, нигде не было.

А. В. Бельмас. С. 127

Он испытывал почти личную симпатию к своей семейке телефонов, как к живым существам. Подметили, что, когда Ленин говорил по телефону, он чуть склонял голову набок, в сторону телефона, и искоса на него поглядывал. Так он обычно делал, когда беседовал с сидевшим рядом с ним человеком. Бывало, он скажет про телефон: «Сегодня не дурит», или: «Только что слышал вас прилично, а теперь звук куда-то исчезает».

Р. Пейн. С. 482

Был такой случай. Шел уже конец сентября, становилось очень холодно. Рядом с комнатой, где мы поселились, в большой комнате красовались два камина. К каминам мы привыкли в Лондоне, там это в большинстве квартир — единственное отопление. «Затопите-ка камин», — попросил Ильич. Принесли дров, поискали трубы, их не было. Ну, подумала охрана, у каминов, должно быть, не полагаются трубы. Затопили. Но камины-то, оказалось, были для украшения, а не для топки. Загорелся чердак, стали заливать водой, провалился потолок.

Н. К. Крупская. С. 317

Особенно, казалось мне, должна раздражать Владимира Ильича обстановка в его комнате: белая с позолотой будуарная мебель, зеркала между окнами. Я предложила как-то Надежде Константиновне переменить мебель в комнате. Она засмеялась и сказала: «А ты попробуй сама ему это предложить». Я так и сделала. К моему великому удивлению, Владимир Ильич рассердился и строго запретил что-либо менять в своей комнате...

И. А. Арманд. С. 101

Помню, как однажды мы проехали к какому-то мосту весьма сомнительной прочности. Владимир Ильич спросил стоявшего около моста крестьянина, можно ли проехать по мосту на автомобиле. Крестьянин покачал головой и с усмешечкой сказал: «Не знаю уж, мост-то ведь, извините за выражение, советский». Ильич потом, смеясь, не раз повторял это выражение крестьянина.

Н. К. Крупская. С. 308

За лето сделали новые полы — паркетные. Вероятно, сделали из сырого материала. Пол, высыхая, трещал. В тишине ночи этот треск был вроде ружейной пальбы. Владимир Ильич, помню, говорил об этом с Надеждой Константиновной, возмущался: «Как пол-то трещит... Клей-то советский!»

М. М. Петрашева. С. 267

Расползается ли по швам новый костюм, торчат ли гвозди там, где им совсем не надлежит быть, не заклеиваются ли конверты, несмотря на все прилагаемые к тому усилия, скрипит ли и трещит паркет так, что вскакивают ночью и с недоумением стараются понять, что произошло, — «советская работа», говорит со вздохом Ильич.

М. И. Ульянова. С. 260

Один раз с Урала прислали ему в подарок какую-то фигуру, отлитую из чугуна. Не помню я, что она изображала, эта фигура, а внизу, конечно, надпись была и подпись — с грубой орфографической ошибкой.

Он так возмущался, ой, как возмущался: «Эх, Расея!»

М. М. Петрашева. С. 267

В узком кругу Владимир Ильич называл обычно такую работу «советской работой».

М. И. Ульянова. С. 260

Помню, в Горках как-то он увидел очень красивый столик, покрытый зеркальным стеклом. Стекло было все в трещинах. Он тоже был возмущен: «Эх, Расея!»

М. М. Петрашева. С. 267

Однажды Владимир Ильич выразил желание иметь у себя в кабинете большую накатанную на палку передвижную карту РСФСР, чтобы можно было видеть в большом масштабе любой ее уголок. Однако он очень сомневался, что такую карту смогут сделать как следует в Советской России. Но товарищи постарались, и карта вышла довольно удовлетворительной. Владимир Ильич был доволен, однако его скептицизм относительно качеств русского работника сказался и тут.

— Неужели у нас, в Советской России, сумели так хорошо сделать? — спросил он...

М. И. Ульянова. С. 260

По-моему, надо не только проповедовать: «учись у немцев, паршивая российская коммунистическая обломовщина!», но и брать в учителя немцев.

Ленин — Л. Б. Каменеву. 20 февраля 1922 г.

Неизвестные документы. С. 506

В 1922 году, когда Владимир Ильич начал страдать головными болями, было высказано предположение, что пули, которые не были извлечены после ранения, могут вызывать отравление организма свинцом. Врачи пришли к решению извлечь одну пулю, поиски другой, застрявшей в области левого плеча, были затруднительны.

Н. Н. Приоров. Незабываемое // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 279

В связи с этим 23 апреля в 12 часов дня Владимиру Ильичу сделали операцию по извлечению одной из двух пуль. Операция производилась в Боткинской больнице.

Л. А. Фотиева [2]. С. 239

И вот утром 23 апреля Владимир Ильич приехал в Солдатенковскую (Боткинскую) больницу. Помню, его ждали к 12 часам, и он не опоздал ни на минуту. У нас уже все было готово. Заполнили историю болезни, подали Ленину халат. Кто-то из персонала хотел было помочь ему раздеться, как это обычно делается в больнице, но Владимир Ильич отказался от всякой помощи. Нисколько, видимо, не волнуясь, лег он на операционный стол. Мне было поручено следить за пульсом Ленина. С этой стороны все было в порядке. Операция шла благополучно. Испытывая боль, Ленин лишь чуть-чуть морщился.

Н. Н. Приоров. С. 279

Была извлечена пуля, застрявшая в области ключицы. В акте сказано, что «пуля, извлеченная из раны, оказалась размером от среднего браунинга. На конце оболочки крестообразно надрезана через всю толщу оболочки, по протяжению всего конуса пули». Операция прошла благополучно. 27 апреля были сняты швы, и в тот же день Владимир Ильич председательствовал на заседании Политбюро ЦК РКП(б). Однако операция не оказала положительного влияния на здоровье Владимира Ильича.

Л. А. Фотиева [2]. С. 239

Очень угнетало Владимира Ильича запрещение заниматься делами. Когда, в связи с наступившим в середине июня улучшением, Владимиру Ильичу разрешено было принимать близких друзей, но с условием не вести деловых разговоров, он ответил: «Ну, если нельзя о делах говорить, тогда лучше и посещений не надо».

Л. Г. Левин. Из моих воспоминаний о Ленине // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 259

Читал вчера, что Вы зовете меня и Троцкого. Очень боюсь, что не смогу; реферата взять на съезде К[оммунистического]

И[нтернационала] тоже не смогу. Вчера оба врача вынесли то же заключение. Привет!

Ленин — Г. Е. Зиновьеву. 6 октября 1922 г.

Неизвестные документы. С. 559

Когда Владимир Ильич был уже болен и врачи старались всячески ограничить его работу, а мы пытались убедить его в необходимости меньше работать, он как-то на мои уговоры сказал мне: «У меня ничего другого нет».

М. И. Ульянова. С. 254

12 декабря (1922) утром Владимир Ильич приехал из Горок в Москву и пришел в свой кабинет в 11 часов 15 минут. Пробыл недолго и ушел домой. В 12 часов снова пришел в кабинет и до 2 часов беседовал со своими заместителями по СНК и СТО. После этого ушел домой, не дав никаких поручений на вечер.

Вечером Владимир Ильич пришел в кабинет в 5 часов 30 минут, несколько минут говорил по телефону. Поручил отправить заготовленное ранее письмо на французском языке итальянскому социалисту К. Лаццари по поводу решения IV конгресса Коминтерна о прочном и искреннем объединении всех истинных революционеров в Италии. Владимир Ильич призывал Лаццари самым усердным образом содействовать этому. В. И. Ленин поручил особо проследить, кто именно доставит это письмо по адресу. «Чтобы повез верный товарищ», — сказал он.

От 6 часов до 6 часов 45 минут у Владимира Ильича был Ф. Э. Дзержинский, только что вернувшийся из Тифлиса. Владимир Ильич беседовал с ним по вопросу о конфликте в ЦК Грузинской компартии. Дзержинский возглавлял комиссию Политбюро по расследованию этого конфликта. Владимир Ильич с нетерпением ждал возвращения Дзержинского и еще 2 декабря поручил нам ежедневно справляться, когда он приедет. Беседа с Дзержинским сильно взволновала Владимира Ильича.

После беседы с Ф. Э. Дзержинским Владимир Ильич занимался вопросом о монополии внешней торговли, просмотрел материал о работе торгпредства в Берлине и его аппарате.

В 7 часов 45 минут В. И. Ленин принял нашего торгпреда в Берлине Б. С. Стомонякова и долго беседовал с ним.

Ушел домой Владимир Ильич в 8 часов 15 минут вечера.

Этот день прошел для нас как обычный рабочий день Владимира Ильича. Никто не думал, что 12 декабря 1922 года станет последним днем работы В. И. Ленина в его кабинете в Кремле.

Л. А. Фотиева [1]. С. 172

В этом периоде болезни и были приглашены русские и заграничные профессора, под наблюдением которых Владимир Ильич находился в течение дальнейшего времени.

В. П. Осипов. С. 289

Помню, был такой случай. Владимир Ильич подошел ко мне и говорит: «Товарищ, ко мне скоро придут два иностранца, это профессора из Швейцарии. Вы их пропустите, ничего у них не спрашивайте». Я, вытянувшись, отвечаю: «Хорошо, все будет исполнено». Потом он подумал и спрашивает: «А вы их знаете в лицо?» И тут же напомнил мне: «Помните, они уже у нас были». Я замялся. Видя это, Ленин вернулся к себе в кабинет, затем вышел оттуда с газетой в руке и говорит: «Вот их фотографии, присмотритесь хорошенько и ничего у них не спрашивайте». Ушел он только тогда, когда убедился, что я понял, о ком идет речь. Через несколько минут по длинному коридору прошли эти лица прямо в его кабинет.

А. В. Бельмас. С. 127

Вызванные вскоре из-за границы профессора Ферстер и Клемперер не нашли, как и русские врачи, у Владимира Ильича ничего, кроме сильного переутомления.

М. И. Ульянова. С. 132

20 декабря Мария Ильинична записала в своем дневнике: «Прилетел из-за границы профессор Ферстер. Владимир Ильич встретил его очень радушно и прежде всего спросил, как он доехал, не устал ли».

Позже Мария Ильинична вспоминала интересные высказывания профессора Ферстера о ходе болезни Владимира Ильича. Профессора

часто спрашивали: «Не из-за того ли, что В. И. Ленин с начала октября до середины декабря снова был на работе, развитие болезни пошло ускоренным ходом?» Ферстер со всей решительностью отвергал это предположение.

«Болезнь Ленина, — говорил он, — была обусловлена в первую очередь внутренними причинами, она развивалась по внутренним законам независимо от внешних факторов, с беспощадной закономерностью... Если бы Ленина в октябре 1922 года и дальше оставляли бы в бездеятельном состоянии, он лишился бы последней большой радости, которую он получил в своей жизни. Дальнейшим полным устранением от всякой деятельности нельзя было бы задержать ход его болезни. Работа для Владимира Ильича была жизнью, бездеятельность означала смерть».

Л. А. Фотиева [1]. С. 186

Некоторые из иностранных врачей приезжали в Москву несколько раз (например, профессора Форстер, Штрюмпель). Все они получали большие гонорары в долларах и фунтах стерлингов.

А. А. Арутюнов. С. 507

Медики сочли, что их деятельность должна оцениваться в двадцать пять тысяч золотых марок каждому. Молодой комиссар принял к сведению это пожелание и ушел, а через два часа вернулся с посланием, что, в соответствии с высокой компетентностью собравшихся специалистов, его правительство сочло вполне подобающей сумму в тридцать тысяч. Он уполномочен вручить эти деньги без промедления. Профессор Хеншен вспоминал позднее, что коллега Бумке тут же после получения гонорара отправился покупать своей жене бесценную соболью шубу.

Т. Шпенглер. Мозг Ленина / Пер. с нем. СПб.: Лениздат, 1994. С. 265

Они констатировали «возбудимость и слабость нервной системы, проявляющуюся в головных болях, бессоннице, легкой физической и умственной утомляемости и склонности к ипохондрическому настроению...» Ферстер и Клемперер предписали Владимиру Ильичу

длительный отдых (месяца три) вне Москвы, временное удаление от всяких дел.

М. И. Ульянова. С. 132

Тогда начались частые тревожные для всех приглашения ведущих специалистов в Горки. Я, как нарком здравоохранения, не только был в курсе всех этих вызовов, но и сам непосредственно в них участвовал...

Н. А. Семашко. С. 328

Все готово. Можно ехать. Звоню Н. А. Семашко, заезжаю за ним. Автомобиль мчит нас в Горки...

Войдя в дом, мы узнали, что до нас уже приехал Ф. А. Гетье. Первые впечатления не вызывают особенной тревоги. Вчера вечером Владимир Ильич поужинал рыбой. Перед сном неприятная отрыжка, изжога, головная боль. Ночью плохо спал. Встал, оделся, пошел в сад. Стало немного лучше. Вернулся, лег в постель и уснул. Вскоре, однако, проснулся; болит голова, вырвало. Температура 38,5. С утра самочувствие лучше, температура ниже, но обнаруживаются симптомы небольшого расстройства мозгового кровообращения, некоторая слабость, неловкость в движениях правой руки и ноги; небольшое расстройство речи; не может иногда вспомнить нужное слово, все отлично понимает, читает, но некоторые предметы не может назвать, а услышит их название — удивляется, как сам не мог вспомнить.

Л. Г. Левин. С. 253,258

Врачи утешали его. Профессор Василий Васильевич Крамер говорил: «Вы уж, Владимир Ильич, нам верьте, верьте. Мы уж вас поправим!»

Владимиру Ильичу это не нравилось.

М. М. Петрашева. С. 268

Уже в начале болезни, когда тяжесть заболевания, может быть, еще не вполне отчетливо сознавалась некоторыми, он смотрел на свое будущее скептически, по крайней мере на утешения, которые ему подавали врачи, говоря, что все пройдет, вы поправитесь, он безнадежно махал рукой и говорил: «Нет, я чувствую, что это очень

серьезно и вряд ли поправимо»; и убедился в этом, по-видимому, прочно, когда парализовалась рука.

В. П. Осипов. С. 297

...По крайней мере, я, как врач, при наших встречах ясно чувствовал, что ему хочется вывести у меня то, чего, по его мнению, ему недоговорили другие врачи, но вывести так, чтобы я и не подозревал такого желания.

М. И. Авербах. Воспоминания о В. И. Ленине // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 272

По фотографиям в витринах я думала, что он брюнет, а он оказался светлый, рыжеватый, широкоплечий, массивный — в белом белье на белой постели. Голова большая.

М. М. Петрашева. С. 264

Поздно ночью я вернулся в свою комнату, взял лист бумаги и записал дневник первого дня болезни. Я вписал первые строки в первую страницу той эпически-трагической книги, которая носит название «История болезни Ленина».

Л. Г. Левин. С. 261

4 июня в «Правде» был напечатан врачебный бюллетень о состоянии здоровья Владимира Ильича за подписями профессоров С. Ферстера и С. Крамера: «В четверг, 24 мая, Владимир Ильич захворал острым гастроэнтеритом, сопровождавшимся повышением температуры до 38,5. На почве предшествовавшего общего переутомления это заболевание вызвало ухудшение нервного состояния больного и явления небольшого расстройства кровообращения, которое, однако, в ближайшие дни стало быстро восстанавливаться. В настоящее время температура Владимира Ильича нормальна, самочувствие хорошее, и больной, которому предписан абсолютный покой в течение ближайшего времени, находится на пути к полному выздоровлению».

Л. А. Фотиева [1]. С. 241

Потому ли, что не хочется думать о худшем, склоняемся к тому, что в основе все-таки желудочно-кишечное расстройство (гастроэнтерит), который на почве переутомления и нервного состояния больного вызвал временное, преходящее расстройство мозгового кровообращения. Принимаем необходимые в этом направлении мероприятия и решаем, что нужно показать больного невропатологам.

Л. Г. Левин. С. 258

Первый удар паралича у него произошел 24 мая 1922 года. Он был в Горках, в своей летней резиденции, в 29 километрах от Москвы, в бывшем имении одного из магнатов капиталистической России — Морозова (в действительности имение Горки принадлежало до революции московскому градоначальнику Рейнботу. — *Е. Г.*). Тогда обнаружились первые признаки поражения мозга — частичный паралич правой руки и ноги и небольшое расстройство речи. Бюллетень о болезни Ленина появился 4 июня и составлен так, что никто, даже врачи, не мог, судя по этому бюллетеню, сказать или предположить, что Ленин серьезно болен. В бюллетене говорится, что он захворал гастроэнтеритом, что у него переутомление и на этой почве небольшое расстройство кровообращения. Явно ничего важного. Второй бюллетень, 18 июня, отмечает, что желудочно-кишечный тракт теперь в порядке, что явления расстройства кровообращения исчезли, «больной покинул постель, чувствует себя хорошо, но тяготится предписанным ему врачами бездействием».

Под первым бюллетенем, кроме имен русских врачей (Крамер, Кожевников, Гетье, Левин), стоит подпись проф. Ферстера, а под вторым проф. Клемперера — иностранных (немецких) врачей. На это тогда в Москве обратили внимание: «Смотрите, как оберегают Ильича, крошечное нездоровье, и уже немедленно выписываются на помощь русским врачам иностранные знаменитости». Другие злословили: «Выписки иностранных врачей и бюллетени напоминают времена «царствующих особ»; прежде маленькое нездоровье царя вызывало появление бюллетеней о ходе его болезни, а теперь то же самое происходит около Ленина, «красного царя».

Н. Валентинов [5]. С. 7576

Владимир Ильич сам в первые дни с большой тревогой относился к своему заболеванию. И в день моего приезда, и в последующие дни он был в угнетенном состоянии, не верил в свое выздоровление. Его очень угнетали те расстройства со стороны речи, со стороны памяти, которых он не мог, конечно, не заметить при исследовании. Его очень пугало и огорчало то, что он не находит некоторых слов, что он не может назвать некоторые предметы по имени, что он сбивается в счете. Он очень огорчился, например, когда, увидев ромашку и незабудку, не мог вспомнить названия этих хорошо знакомых цветов. Он часто повторял: «Какое-то необыкновенное, странное заболевание».

Л. Г. Левин. С. 258

В это время Сталин бывал у него чаще других. Он приехал первым к В. И. Ильич встречал его дружески, шутил, смеялся, требовал, чтобы я угощала Сталина, принесла вина и пр. В этот и дальнейшие приезды они говорили и о Троцком, говорили при мне, и видно было, что тут Ильич был со Сталиным против Троцкого. Как-то обсуждался вопрос о том, чтобы пригласить Троцкого к Ильичу. Это носило характер дипломатии.

М. И. Ульянова. С. 239240

Итак, в эти дни грозный признак тяжелой болезни впервые выявился, впервые смерть определенно погрозила своим пальцем. Все это, конечно, поняли: близкие почувствовали, а мы, врачи, осознали. Одно дело разобраться в точной диагностике, поставить топическую диагностику, определить природу, причину страдания, другое дело — сразу схватить, что дело грозное, и вряд ли одолимое — это всегда тяжело врачу. Я не невропатолог, но опыт в мозговой хирургии большой; невольно мысль заработала в определенном, хирургическом направлении, все-таки порой наиболее верном при терапии некоторых мозговых страданий. Но какие диагностики я ни прикидывал, хирургии не было места для вмешательства, а это было грустно, не потому, конечно, что я хирург, а оттого, что я знал: борьба у невропатологов будет успешна только в том случае, если имеется специфическое заболевание. Рассчитывать же на это не было никаких оснований. У меня давнишняя привычка спрашивать каждого больного про то, были ли у него какие-либо специфические заболевания или нет.

Леча Влад. [имира] Ил.[ьича], я, конечно, его тоже об этом спрашивал. Влад.[имир] Ил.[ьич] всегда относился ко мне с полным доверием, тем более, у него не могло быть мысли, что я нарушу это доверие. Болезнь могла длиться недели, дни, годы, но грядущее рисовалось далеко не радостное. Конечно, могло быть что-либо наследственное, или перенесенное незаметно, но это было маловероятно...

Проф. В. Н. Розанов. Цит. по: М. Г. Штейн [2]. С. 159

С 10 марта было введено постоянное дежурство. Как долго оно продолжалось, сказать трудно, но 13 сентября Н. К. Крупская писала В. А. Арманд: «Доктора сведены до минимума». В «минимум» входили В. П. Осипов, С. М. Доброгаев, почти очевидно — П. И. Елистратов, видимо, — О. Ферстер и Ф. А. Гетье. В предшествующий «максимум» из отечественных врачей могли входить М. Б. Кроль, Л. Г. Левин, маловероятно — Б. С. Вейсброд, В. В. Крамер. Сокращение числа дежурных врачей объяснялось не только некоторым улучшением здоровья Ленина, но и его отказом «от услуг врачей, ограничивая их доступ к себе отрицательной реакцией на их появление, принимавшей иногда, вследствие нарушения черепного кровообращения и понижения задерживающего влияния мозговой коры, бурный болезненный характер (Красная летопись. 1927. № 2. С. 243)».

Н. Петренко. С. 183

Покорнейшая просьба освободите меня от Клемперера. Чрезвычайная заботливость и осторожность может вывести человека из себя и довести до беды.

Если нельзя иначе, я согласен послать его в научную командировку.

Убедительно прошу избавьте меня от Ферстера. Своими врачами Крамером и Кожевниковым я доволен сверх избытка. Русские люди вынести немецкую аккуратность не в состоянии, а в консультировании Ферстер и Клемперер участвовали достаточно.

Ленин — Сталину для Политбюро. 15 июня 1922 г.

Неизвестные документы. С. 541

Записку И. В. Сталину В. И. Ленин продиктовал М. И. Ульяновой после посещения его профессором Г. Клемперером 20 июня 1922 г. За

день до этого, 19 июня, А. М. Кожевников записал в дневнике: «Много говорил о немецких профессорах. Очень тяготится, что из-за него подняли столько шума и такую суетню. Очень просил оказать влияние на то, чтобы они скорее уехали домой (немецкие профессора). Тем более, что ему написали, что в Москве очень много сплетен о его здоровье, а присутствие немцев еще усугубляет эти сплетни. Теперь он на верном пути к выздоровлению, и совершенно нет необходимости в «этих тратах».

Неизвестные документы. С. 541

Т. Ленину. В связи с Вашим письмом о немцах мы немедленно устроили совещание с Крамером, Кожевниковым и Гетье. Они единогласно признали ненужность в дальнейшем Клемперера, который посетит Вас лишь один раз перед отъездом. Столь же единогласно они признали полезность участия Ф[ерстера] в общем наблюдении за ходом Вашего выздоровления. Кроме того, политические соображения делают крайне полезными подписи извест[ных] иностр[анных] авторитетов под бюллетенями, ввиду сугубого вранья за границей. По пор[учению] П[олит]б[юро] Сталин. 17/VI-22 г.

Р. S. Крепко жму руку. А все-таки русские одолеют немцев.

В. И. Сталин — Ленину. 20 июня 1922 г.

Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 192

Если Вы уже оставили здесь Клемперера, то советую, по крайней мере: 1) выслать его не позже пятницы или субботы из России вместе с Ферстером, 2) поручить Рамонову вместе с Левиным и другими использовать этих немецких врачей и учредить за этим надзор.

Ленин — И. В. Сталину. 20 июня 1922 г.

Неизвестные документы. С. 541

Записи голосования членов Политбюро ЦК РКП(б).

По тону записка весьма утешительная, ибо свидетельствует о «бдительности», но согласиться на эти предложения, конечно, нельзя.

Троцкий.

Немцев оставить, Ильичу — для утешения — сообщить, что намечен новый осмотр всех 80 товарищей, ранее осмотренных немцами, и ряда больных т[овари]щей сверх того.

Г. Зиновьев.

Согласен с Зиновьевым.

Томский.

Правильно.

Л. Каменев.

Согласен.

И. Сталин.

Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 187188.

Врачи, видимо, создают легенду, которую нельзя оставить без опровержения. Они растерялись от сильного припадка в пятницу (30 июня 1922 г.) и сделали сугубую глупость: попытались запретить «политические» посещения (сами плохо понимая, что это значит!!). Я чрезвычайно рассердился и отшил их. В четверг (29 июня 1922 г.) у меня был Каменев. Оживленный политический разговор. Прекрасный сон, чудесное самочувствие. В пятницу паралич. Я требую Вас экстренно, чтобы успеть сказать, на случай обострения болезни. Успеваю все сказать в 15 мин[ут] и на воскресенье опять прекрасный сон. Только дураки могут тут валить на политические разговоры. Если я когда волнуюсь, то из-за отсутствия своевременных и политических разговоров. Надеюсь, Вы поймете это, и дурака немецкого профессора и К° отошлете. О пленуме Ц[ентрального] к[омитета] непременно приезжайте рассказать или присылайте кого-либо из участников.

Ленин — И. В. Сталину. 7 июля 1922 г.

Неизвестные документы. С. 542543

Уже в конце июля он отказался видеть логопеда С. М. Доброгаева, непосредственного свидетеля его затруднений с речью, чтением и письмом. Затем, кажется, наступила очередь О. Ферстера: «Но с осени В. И. и Ферстера перестал принимать, сильно раздражаясь, если даже случайно увидит его, так что профессору Ферстеру, — вспоминал В. Н. Розанов, — в конце концов пришлось принимать участие в лечении, руководствуясь только сведениями от окружающих Владимира Ильича лиц». Когда-то Ленин чрезвычайно уважительно относился к Ферстеру, верил в его могущество — летний опыт 1922 давал для этого основания. Со своей стороны, и Ферстер достойно относился к больному. М. И. Ульянова: «В марте и апреле <...> Владимир Ильич

был в очень тяжелом состоянии. Иногда трудно было уговорить его что-нибудь поесть, и Ферстер становился на колени у его постели и умолял «господина президента» — так он его всегда называл — проглотить хоть ложечку». Лишенный возможности видеть своего пациента, но преисполненный врачебного долга, «он часами на цыпочках выстаивал у дверей комнаты».

Н. Петренко. С. 183

Об этом первом периоде Владимир Ильич старался впоследствии не вспоминать — не ходил в ту комнату, где он лежал, не ходил на тот балкон, куда его выносили первые месяцы, старался не встречаться с сестрами и теми врачами, которые за ним тогда ухаживали...

Н. К. Крупская. С. 356

Только что услышал от сестры о бюллетенях, вами обо мне выпущенных. И хохотал же! «Послушай, ври да знай же меру!»

Ленин — Л. Б. Каменеву. 12 июля 1922 г.

Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 188.

Одни, — и это, конечно, партийцы и большая часть рабочих, — Ленина любили, другие не любили, но им интересовались; третьи жгуче ненавидели и все же им интересовались. Вероятно, из этой третьей группы впервые и пополз по Москве слух, что у Ленина прогрессивный паралич, явившийся следствием сифилиса.

Н. Валентинов [1]. С. 88

Болезнь Ленина была такого рода, что могла сразу принести трагическую развязку.

Л. Д. Троцкий [4]. С. 147

В своих воспоминаниях о Ленине, появившихся в 1933 году, в «Славоник Ревью», а позднее, в их переводе на русский язык, напечатанных в парижском журнале «Возрождение» (1950 г., десятая тетрадь), П. Б. Струве писал: «Можно сказать почти наверное, что Ленин умер от последствий сифилиса, но на мой взгляд это было во всяком случае чистой случайностью». На чем основывал П. Б. Струве свою почти уверенность — не знаю. Могу только указать, что об этом

вопросе у меня был большой разговор с М. А. Савельевым (моим ближайшим начальством). Он мне рассказал, что к предположениям и слухам о сифилисе у Ленина часть Политбюро отнеслась только как к очередной вражеской попытке его как-нибудь опозорить, но в том же Политбюро Рыков, Зиновьев, Каменев — считали, что нельзя отбрасывать эти слухи простым их отрицанием. Поэтому была образована особая тайная комиссия ЦК, которой было поручено собрать все данные по этому вопросу. В распоряжении комиссии были всякие анализы крови и пр., сделанные еще после первого удара, результаты вскрытия тела и, наконец, все, что можно было иметь для суждения: не было ли сифилиса у предков Ленина. На основании всего собранного материала комиссия убежденно пришла к выводу, что сифилиса у Ленина *не было*. Кто входил в эту комиссию, Савельев мне не указал.

Н. Валентинов [1]. С. 88

Обиженный Лениным Вацлав Воровский в несдержанном разговоре с итальянским министром графом Сфорца ни с того, ни с сего вдруг выпалил:

— Нами руководит немецкий школьный учитель, которого сифилис одарил несколькими искрами гения прежде, чем убить его.

Потрясенный граф немедленно включил эту истерически неподготовленную, а следовательно, искреннюю фразу в свой дневник.

В. Брусенцов. С. 178

Известно, что нарком здравоохранения Н. Семашко регулярно докладывал Политбюро ЦК РКП(б) о консилиумах врачей и ходе лечения Ленина. Отмечены и случаи, когда вожди партии встречались непосредственно с врачами, чтобы из их уст услышать правду о болезни Ленина. Естественно, что во время этих встреч присутствовал и технический работник аппарата ЦК, который вел протокол. Я уже не говорю о переводчике, в услугах которого, безусловно, нуждались некоторые члены Политбюро. Не вызывает сомнения, что таким ответственным работником, ведущим протокол, был секретарь генсека Сталина Б. Бажанов. Совершенно очевидно, что в своих воспоминаниях Бажанов опирался на ту информацию, которая исходила от врачей. Отсюда и объективные сведения, которые

приводит в своей книге Бажанов: «Врачи были правы: улучшения (здоровья Ленина. — А. А.) были кратковременными. Не леченный в свое время сифилис был в последней стадии».

А. А. Арутюнов. С. 512

Не пять и не десять лет, очевидно, этим болел Владимир Ильич, не обращая должного внимания в начале болезни, когда ее легче было задержать, если не устранить.

Н. А. Семашко [2]. С. 302

А пока выдвигаются разные причины болезни. Об этом, спустя 33 года, в уже упоминавшемся письме Б. И. Николаевского Н. В. Валентинову от 17 августа 1956 г. говорится следующее: «Идею сифилиса у Ленина Политбюро совсем не отбрасывало. Рыков мне в июне 1923 г. рассказывал, что они приняли все меры для проверки, брали жидкость у него из спинного мозга — там спирохет не оказалось, но врачи не считали это абсолютной гарантией от возможности наследственного сифилиса, отправили целую экспедицию на родину, поиски дедов и т. д...»

М. Г. Штейн [2]. С. 159

Все реакции на сифилис оказались отрицательными. Тем не менее была снаряжена целая медицинская экспедиция в Астрахань, откуда родом были предки Ленина с отцовской стороны, чтобы проверить подозрения о наследственном сифилисе. «Такую старую грязь разворошили, что и вспоминать нет охоты», — рассказывал заместитель Ленина по Совнаркому, а позже — председатель Совнаркома А. И. Рыков Борису Николаевскому в 1923 году, в Саарове под Берлином, где оба были гостями Максима Горького. Сестра Рыкова была замужем за братом Николаевского, и свойственники часто вели беседы, когда встречались за границей, хотя Рыков был большевиком, а Николаевский — меньшевиком. (Рыков был в этом отношении бесстрашен. В 1923 году он присутствовал на кремации меньшевистского вождя Мартова в Берлине.)

Л. Фишер. С. 872

Правнук А. Д. Бланка и двоюродный племянник В. И. профессор Н. В. Первушин, ссылаясь на циркулировавшие в эмигрантских кругах слухи, сообщает, что комиссия, работавшая в Астрахани, опрашивала «старожилов, помнивших астраханских проституток и завсегдатаев разных значных мест. Вероятно, — добавляет Первушин, — именно к этим «материалам» и относилось замечание Рыкова».

М. Г. Штейн [2]. С. 159

Чтобы прекратились разговоры о сифилисе, Н. А. Семашко официально заявил: «Основой болезни В. И. считали... артериосклероз. Вскрытие подтвердило, что это была основная причина болезни и смерти В. И. Этим констатированием протокол кладет конец всем предположениям (да и болтовне), которые делались при жизни Владимира Ильича и у нас и за границей относительно характера заболевания»... К высказываниям Семашко присоединился Г. Е. Зиновьев. Выступая 7 февраля 1924 г. на заседании Ленинградского совета рабочих и крестьянских депутатов, он заявил: «Вы знаете, товарищи, гнуснейшие легенды, которые наши враги пытались пустить в ход, чтобы «объяснить» причину болезни Ильича. Лучшие представители науки не оставили камня на камне от этих сплетен, лучшие светила науки сказали: этот человек сгорел, он свой мозг, свою кровь отдал рабочему классу без остатка».

М. Г. Штейн [2]. С. 169

Правда, не было проведено наиболее важное для диагностирования этой болезни патологоанатомическое исследование дуги аорты (она при наследственном сифилисе поражается в первую очередь)... А исследовать дугу аорты не стали умышленно. Нарком здравоохранения Н. А. Семашко особо просил производившего вскрытие патологоанатома профессора А. И. Абрикосова обратить особое внимание на доказательство отсутствия у Ленина сифилиса, чтобы сохранить светлый лик вождя. Вот Алексей Иванович и не стал лезть в дугу аорты — от греха подальше.

Б. В. Соколов. С. 308

(Уже в наше время) учеными-медиками были произведены новые научные исследования останков Ленина, в частности его мозга.

Результаты исследования с научной достоверностью показали, что Ленин в молодости болел венерической болезнью. Этот факт получил отражение в средствах массовой информации. Быть может, подумалось мне, эту болезнь молодой Ульянов подцепил летом 1895 года, во время первой заграничной поездки, когда он, по собственному признанию, *«многолько пошлялся и попал... в один швейцарский курорт»* для лечения?

А. А. Арутюнов. С. 503

Разговор о сифилисе Ленина.

— Я думаю, что это наследственный, — говорит Молотов.

— Хорошо, что он не был педерастом, как Чичерин! — восклицает Шота Иванович (Квантелиани, с которым писатель Ф. Чуев приехал в гости к В. Молотову. — *Е. Г.*). — Это б для нас было несчастье, а так — настоящий мужчина. Со всяким может случиться. Неприродного нету. Что, это умаляет его достоинство?

— Конечно, не умаляет, — соглашается Молотов.

В. М. Молотов. Цит. по: Чуев Ф. И. С. 296

«...В медицинской литературе, — пишет в «Независимой газете» (1991. № 10. 22 января) доктор В. Флеров, — описано немало случаев, когда первая и вторая стадии (сифилиса. — *А. А.*) протекали незаметно и только явления третьей стадии вели к установлению диагноза. Вероятно, так могло бы быть с Лениным: замедленный наследственный или приобретенный сифилис прошел незаметно, а поскольку обе формы ведут к одинаковым изменениям мозга, то для диагноза их дифференциация не важна».

Симптоматика болезни Ленина более походит на сифилис сосудов мозга, чем на прогрессивный паралич. Диагноз профессора Штрюмпеля, неопубликование микроскопического исследования мозга и подбор врачей (Штрюмпель, Бумке, Нонне и Осипов), а также множество косвенных данных делают сифилис гораздо более вероятным, чем артериосклероз. Отсюда следует, что советские органы фальсифицировали диагноз и результат вскрытия.

А. А. Арутюнов. С. 512

Открываем «Советский энциклопедический словарь» на букву «П», читаем: «Прогрессивный паралич, сифилитическое поражение головного мозга, возникающее через 5—15 лет после заболевания сифилисом: характеризуется прогрессирующим распадом психики вплоть до слабоумия, расстройством речи, движений и др...»

В. А. Солоухин. С. 185

Не было никаких данных о сифилисе. Несмотря на это, в литературе, посвященной Ленину или последствиям сифилиса для нервной системы, иногда можно встретить, что у Ленина был сифилис головного мозга или «паралич»...

Проф. М. Нонне.

Цит. по: М. Г. Штейн [2]. С. 173

Начну с профессора А. Штрюмпеля, и вот почему: мне давно хотелось ознакомиться с первоисточником, а не ограничиться информацией, дошедшей до меня из третьих рук. И это, к счастью, удалось. Так, в начале октября 1997 года, находясь во Франкфурте-на-Майне, я ознакомился с содержанием дневниковых записей профессора Штрюмпеля, которые были опубликованы в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung».

Все, что записывал Штрюмпель, конечно, интересно, особенно специалистам. Но я проявлял повышенный интерес к диагнозу болезни Ленина, который был поставлен этим знаменитым, всемирно признанным неврологом и невропатологом. Вот дословное содержание диагноза: «*Эндартериит люеса*» (сифилитическое воспаление сосудов мозга) с вторичными очагами размягчения, вероятнее всего. Но люэс несомненен. (Вассерман в крови и спинномозговой жидкости негативный. Спинномозговая жидкость нормальная.) *Лечение, если вообще возможно, должно быть специфическим*» (выделено мной. — А. А.).

А. А. Арутюнов. С. 510511

...Мало что могу сказать... Не потому, что профессиональная врачебная тайна обязывает еще молчать (Ленин страдал тяжелым атеросклерозом), но потому, что Ленин уже был слишком болен, чтобы я мог составить собственное суждение.

Проф. О. Бумке.

Цит. по: *М. Г. Штейн [2]. С. 174*

Григорий Иванович (Россолимо, известный русский ученый, невропатолог и психиатр) рассказал и о консилиуме, который состоялся 21 марта 1923 года с участием Семашко, Штрюмпеля, Бумке, Геншена, Нонне, Ферстера, Минковского, Кожевникова, Крамера, Осипова, Обуха и других советских и иностранных врачей. Все присутствующие сошлись во мнении, что у пациента заболевание сифилитического происхождения. Особо категоричен был при определении окончательного диагноза один из старейших и опытнейших невропатологов профессор Штрюмпель, который после осмотра Ленина решительно заявил, что у больного сифилитически воспалены внутренние оболочки артерий, поэтому его лечение, сказал он, должно быть исключительно антилюэстическим (люэс — другое название сифилиса). Все без исключения врачи, в том числе нарком Семашко, согласились с профессором Штрюмпелем.

А. А. Арутюнов. С. 502

Поскольку я, вероятно, единственный оставшийся в живых из врачей, собравшихся в марте 1923 года у постели больного Ленина в Москве, мне хочется обратить внимание на некоторые факты, обойденные, неправильно интерпретированные или недооцененные в письмах, поступивших в редакцию. Я исхожу из моих собственных заметок и воспоминаний того времени, а также из подробного доклада моего отца, прочитанного в Шведском врачебном обществе 26 февраля 1924 года... когда мой отец вместе со своим другом, знаменитым интернистом (специалистом по внутренним болезням. — *М. Ш.*) и неврологом, профессором А. Штрюмпелем исследовали Ленина. Последний лежал в кровати, но был в полном сознании и производил впечатление человека с вполне сохранившимся интеллектом. Он понимал все обращенные к нему вопросы, но из-за афазии мог отвечать только отдельными русскими или немецкими словами... Ко времени второго визита через несколько дней положение больного резко ухудшилось. Он лежал совершенно апатично и не реагировал на вопросы, что очень беспокоило врачей...

Так прошло четыре дня при постоянных врачебных визитах и консультациях. На четвертый день состоялась встреча лечащих врачей с несколькими народными комиссарами, в том числе Семашко, под председательством Троцкого. Встреча произошла в простой комнате в Кремле, недалеко от квартиры Ленина. Моему отцу очень понравилась сила и ясность, с которой Троцкий ставил вопросы и делал выводы.

Сначала выступил Штрюмпель как представитель немецких врачей. Мой отец высказал несколько иное мнение. По поводу глубокой сущности болезни, сказал он, я думаю иначе и утверждаю, что причина ее простого неспецифического характера (имеется в виду сифилис. — *М. Ш.*), так как реакция Вассермана была негативной... что касается лечения, то все врачи были одного мнения. Прогноз на будущее был плохой...

Проф. Ф. Хеншен (сын С. Э. Хеншена).

Цит. по: *М. Г. Штейн [2]. С. 163164*

Вот какой документ был найден профессором русской истории университета Западного Онтарио (Канада) Д. Песпеловским. Документ принадлежит перу доктора Владимира Михайловича Зернова. Его отец, Михаил Степанович Зернов, до большевистского переворота был знаменитым московским врачом, филантропом и общественным деятелем, создателем бесплатных медицинско-санаторных учреждений в Ессентуках и Сочи.

Автор документа, В. М. Зернов, родился в Москве в 1904 году. После октября 1917 года эмигрировал с семьей в Югославию. Окончил в Белграде медицинский факультет, работал в Париже. Специализировался по иммунитету и физиологии изолированных органов. Вот полное содержание документа: «Медицинские показания о болезни В. И. Ленина прогрессивным параличом ...Дина Михайловна Мазе, занимавшаяся переводами книг по психиатрии и неврологии, рассказывала мне, что в начале 30-х годов она видела в Париже ее старого друга, сотрудника по России проф. Моск. Университета Залкинда (работавшего раньше у Бехтерева). Он остановился в Париже проездом в Америку на научный съезд. Проф. Залкинд, убежденный коммунист, рассказывал ей, что он был одним из тех, кому было поручено исследование мозга Ленина. Мозг Ленина, по его словам, представлял из себя характерную ткань, переродившуюся

под влиянием сифилитического процесса. Через некоторое время в России был научный конгресс психиатрии и неврологии. Д. М. Мазе поручила ее знакомым французам, ехавшим на этот конгресс, разыскать проф. Залкинда и передать ему какое-то поручение. Французы никак не могли его найти. Наконец, кто-то из московских ученых сказал им: «Не ищите Залкинда, его уже нет в Москве». По-видимому, он был ликвидирован. В 1928 или 1929 году в Париж приезжал проф. И. П. Павлов. Хорошо зная моего отца, д-ра Михаила Степановича Зернова, проф. Иван Петрович Павлов приходил к нам обедать вместе с сыном и своим другом — проф. С. И. Метальниковым. Проф. Павлов говорил, что в завещании Ленина было написано: «Берегите Павлова». Поэтому его не трогали и он не боялся, что его арестуют, но он опасался, что после его смерти правительство отомстит его сыну. Советский строй он сравнивал с тремя самыми страшными болезнями: сифилисом, раком и туберкулезом. По словам Павлова, советская система страшна тем, что она старается духовно разложить человека. Проф. Павлов утверждал, что Ленин был болен сифилисом и в период своего управления Россией был типичным больным прогрессивным параличом.

Проф. Павлов лично знал ученых, которым было поручено исследование мозга Ленина, и он подтвердил, что они нашли изменения, характерные для последствий сифилиса и прогрессивного паралича. Им под угрозой смерти было запрещено об этом говорить.

Париж, 6 декабря 1964 года.

Д-р Владимир Зернов

Прошу не опубликовывать этот документ в течение 10 лет. Вл. Зернов».

Цит. по: *Арутюнов А. А. С. 508509*

Одновременно врачи, лечившие Ленина, подписали и более подробный документ. Он гласил: «Все врачи, исследовавшие Владимира Ильича во время его болезни, предполагали, что основой его заболевания является поражение сосудов головного мозга. Никаких положительных указаний на специфическую природу заболевания не было ни со стороны анамнестических данных, ни со стороны исследования крови и черепно-мозговой жидкости. Однако при каждом органическом поражении мозга эту возможность необходимо

иметь в виду, а в данном случае на эту мысль наводили некоторые особенности клинического течения, как значительные колебания в состоянии больного, явления коркового раздражения и паралитические явления, от которых больной легко оправлялся, также сильные головные боли. Поэтому было применено уже в начале болезни лечение аргенобензолом, после которого наступило весьма значительное улучшение. Вторая попытка в марте 1923 г. применить ртутное лечение и Bismugenal не удалась, так как у Владимира Ильича обнаружилась идиосинкразия на ртуть. В дальнейшем попыток уже не делалось, как вследствие противопоказаний по состоянию больного, так и вследствие того, что картина болезни настолько выяснилась, что полезность специфической терапии была исключена. Данные вскрытия подтвердили артериосклеротическую основу болезни».

Цит. по: *М. Г. Штейн [2]. С. 167168*

...Первое время после обострения болезни почерк В. И. Ленина отличался от его обычного почерка, был неровный и довольно мелкий, а порой и «сумасшедший», как называл его сам Владимир Ильич... какие-то мелкие сосуды головного мозга благодаря тромбозу отнимали у него возможность правильно писать и считать... Такова была злая ирония, которую сыграла с ним болезнь... Но он с упорством старался превозмочь эти недочеты и неуклонно прогрессировал в этом.

М. И. Ульянова. С. 180181

...Сирени в саду было много, но он не переносил никакого резкого запаха, а когда я приносила полевые цветы, он был доволен... Предписания врачей он выполнял очень строго и точно. Помню, мы решили убрать из его комнаты книги. Читать ему в это время не разрешалось...

М. М. Петрашева. С. 264

Цветы любил, только не садовые, а полевые. На садовые и не смотрит, рукой только махнет, когда покажешь ему.

Е. И. Смирнова. У тов. Ленина во время болезни // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 142

В комнате не выносил садовых цветов. Но любил в комнате полевые цветы и зелень. Очень любил весенние запахи. Садовых цветов и особенно с сильным запахом избегал.

Н. К. Крупская. С. 371

Одна короткая беседа с Владимиром Ильичем глубоко меня потрясла своим трагизмом. В один из первых дней болезни, вечером, Мария Ильинична сказала мне, что Владимир Ильич хочет меня видеть. Я вошел к нему и, оставшись с ним наедине, сел у его постели. Владимир Ильич мало изменился за эти дни. Так же, как пишет о нем Н. И. Бухарин, «крепкая, литая фигура», те же «живые, пронизывающие, внимательные глаза», но необычайная грусть и сосредоточенность в лице, необычайная тревога в этих «живых, пронизывающих и внимательных глазах». В маленькой комнате тишина, полумрак. Владимир Ильич слегка приподнялся на локте левой руки и, приблизив свое лицо ко мне, внимательно, пронизывающе глядя мне в глаза, сказал:

— А ведь плохо.

— Почему плохо, Владимир Ильич?

— Неужели вы не понимаете, что это ведь ужасно, это ведь ненормальность.

Я стал всячески успокаивать Владимира Ильича, убеждать его в том, что это все временное, преходящее, что все, что его пугает — небольшое расстройство речи, памяти, внимания, способности сосредоточиться, что все это явления временного расстройства кровообращения в мозгу, что можно ему ручаться, что все это пройдет. Он недоверчиво качал головой, несколько раз повторял: «Странная, необыкновенная болезнь», лег опять и не сказал больше ни слова.

Л. Г. Левин. С. 259

Устал и не могу доделать.

Посылаю недоделанное, ибо больше писать не могу. Прочесть Вы сможете, а доделаю я потом.

Ленин — Л. Б. Каменеву. Позднее 12 июля 1922 г.

Неизвестные документы. С. 544

Но было еще письмо Молотову для членов Политбюро: «... Бессонница чертовски усилилась. Боюсь, не смогу докладывать ни на партконференции, ни на съезде Советов» (речь идет об XI Всероссийской конференции РКП (б) и IX Всероссийском съезде Советов. — *В. М.*). Так вот, в этом письме некоторые слова выведены с трудом, почерк в ряде мест сильно искажен. Можно предположить, что перед его написанием случилось что-то весьма существенное в состоянии здоровья ...

В. Е. Мельниченко [1]. С. 248249

Владимир Ильич был чрезвычайно ласков, трогательно заботлив, но явно был возбужден и искал все возможности остаться со мной наедине. Предчувствуя какой-нибудь тяжелый для него, волнующий разговор, я всячески избегал быть с глазу на глаз, но такая минута все же выпала. Схватив меня за руку, он с большим волнением вдруг сказал: «Говорят, вы хороший человек, скажите же правду — ведь это паралич и пойдет дальше? Поймите, для чего и кому я нужен с параличом». Дальнейший разговор был, к счастью, прерван вошедшей сестрой милосердия. Я уехал с тяжелым чувством... Наше прощание было также очень характерно для Владимира Ильича. Как-то неумело, непривычно и конфузливо стал он мне совать гонорар в руку. Когда я отказался, он стал убеждать меня, что я не обязан никому оказывать частных услуг вне больницы и при нынешних тяжелых условиях жизни не имею права делать это бесплатно ни для кого. Увидев же мою совершенно непреклонную волю, он как-то совсем растерялся, точно незаслуженно обидел меня...

М. И. Авербах. С. 274275

На консультации врачей 24 июня 1922 года при обсуждении вопроса, чем Ильичу можно заниматься, один из них предложил ему играть в шашки, но с плохими игроками, что прозвучало весьма оскорбительно. Ленин очень расстроился и не спал всю ночь. «Это они меня за дурака считают», — говорил он.

В. Е. Мельниченко [1]. С. 254

Профессор Клемперер вспоминал в 1924-м, что после первого удара Ленин в Горках подключился к выращиванию шампиньонов и к

уходу за кроликами. Символический опыт сельского хозяина у Ленина был. В 1889 Ульяновы купили вблизи Самары небольшой хутор. Мать Ленина надеялась, что хутор убережет среднего сына от судьбы старшего, казненного двумя годами ранее. Работа не понравилась. «Я начал было, — рассказывал Ленин Крупской, — да вижу — нельзя, отношения с крестьянами ненормальные становятся».

Н. Петренко. С. 275

Задумали было подыскать для Владимира Ильича какой-нибудь ручной труд. Учитывая то, что физическое напряжение ему было противопоказано, остановились на... плетении корзин из ивовых прутьев. Несколько дней больной безропотно занимался плетением, не проявляя, однако, к нему особого интереса. Правда, Владимир Ильич сплел с помощью обучавшей его работницы совхоза «Горки» одну корзину, которую подарил Марии Ильиничне. Но на этом с плетением корзин было покончено.

В. Е. Мельниченко [1]. С. 254

В пище Владимир Ильич был неприхотлив. Очень любил гречневую кашу. Я отвоевала для него эту кашу. Немец, профессор Ферстер, долго не хотел ее позволять, но потом согласился.

М. М. Петрашева. С. 265

...Половина знаменитого 45-го тома Полного собрания сочинений сотворена Лениным уже после плетения корзины и упомянутого оскорбительного врачебного совета о шашках.

В. Е. Мельниченко [1]. С. 256

У Ленина продолжали возникать кратковременные спазмы, что приводило к частичному параличу правых конечностей. Он так передавал свои ощущения во время приступов: «В теле делается вроде буквы «s» и в голове тоже. Голова при этом немного кружится, но сознание не терял... Если бы я не сидел в это время, то, конечно, упал бы».

Б. В. Соколов. С. 309

К сожалению, нередко он падал. По этому поводу Ленин шутил: «Когда нарком или министр абсолютно гарантирован от падения?» — и с грустной усмешкой отвечал: «Когда сидит в кресле».

Ю. М. Лопухин. Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина: Правда и мифы. М.: Республика, 1997. С. 2122

Врачи просили его назвать какой-нибудь предмет, а он не мог. Просили написать, тоже не мог. Жаловался, что у него парализована то рука, то нога.

— А у меня паралич?

Скажешь: «Владимир Ильич, подымите руку или ногу». Поднимает. А это были мгновенные параличи, быстро проходящие. Только когда он начал ходить, был случай, когда он упал во время такого паралича. Он еще шутил насчет того, что чуть не сел между двух стульев.

М. М. Петрашева. С. 264

Несколько раз вместе со мной приезжал мастер-ортопед: он делал больному Владимиру Ильичу обувь, в которой ему было бы легче ходить.

Н. Н. Приоров. С. 280

Лидия Александровна! Можете поздравить меня с выздоровлением. Доказательство: почерк, который начинает становиться человеческим...

Ленин — Л. А. Фотиевой. 13 мая 1922 г.

Цит. по: Н. Петренко. С. 152

Приглашаю на днях Вас к себе, хвастаю моим почерком; среднее между каллиграфическим и паралитическим (по секрету).

Ленин — Л. Б. Каменеву. 12 июля 1922 г.

Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 188.

Выздоровление явно окрыляло Ленина. Но в нем жила еще внутренняя тревога. «Понимаете, — говорил он с недоумением, — ведь ни говорить, ни писать не мог, пришлось учиться заново...» И он скидывал на меня быстрый и как бы допрашивающий взгляд.

Листки бумаги, исписанные едва понятным, ломающимся почерком, фиолетовыми чернилами и химическим карандашом, — это упражнения, которые выполнял вождь под руководством Крупской. Именно в это время, после очередного, уже майского удара, у Ленина усилились провалы в памяти, ослабла адекватность реакции на события; рассеянность, «невозможность», как пишет В. Крамер, «выполнения самых простых арифметических задач и утрата способности запоминания хотя бы нескольких коротких фраз при полной сохранности интеллекта».

В «полной сохранности интеллекта» приходится, конечно, усомниться. Например, 30 мая, как вспоминала М. И. Ульянова, когда «врачи предложили ему помножить 12 на 7 и он не смог этого сделать, то был этим очень подавлен. Но и тут сказалось обычное упорство. После ухода врачей он в течение трех часов бился над задачей и решил ее путем сложения ($12+12 = 24$, $24+12 = 36$ и т. д.). Однако после этого всего через месяц-другой вождь принимает решения, имеющие огромное значение для судеб России и мирового сообщества: высылка интеллигенции за границу, одобрение постановления ВЦИК «О внесудебных решениях ГПУ, вплоть до расстрела», определение вопросов стратегии и тактики III Интернационала — переход от непосредственного штурма буржуазной крепости к ее методической осаде. Кто скажет, восстановился ли вождь большевиков после болезни, принимая эти решения?

Д. А. Волкогонов. Т. 2. С. 328

Ленин был беспощаден к любому инакомыслящему. Но особенно доставалось тем оппонентам, которые не разделяли взгляды вождя на общественно-политическую жизнь. Среди множества опальных был известный уже читателю ученый-историк профессор Николай Александрович Рожков, который при царском режиме был сослан в Восточную Сибирь. В феврале 1921 года Н. А. Рожкова большевики арестовали. Несколько месяцев он провел в тюрьме, но был освобожден. Однако осенью 1922 года по настоянию Ленина Рожкова вновь арестовывают. Но вскоре больного ученого тюремщики выпускают из-под стражи. Однако Ленин не перестает

терроризировать несчастного Рожкова. Председательствуя на заседании Политбюро 26 октября 1922 года, Ленин добивается решения: «Рожкова выслать». Однако, пользуясь отсутствием Ленина на Политбюро 7 декабря (из-за болезни), участники заседания принимают решение не высылать престарелого и больного Рожкова из России. Но, будучи уже больным, в декабре 1922 года Ленин по телефону из Горок диктует письмо Сталину, в котором выражает несогласие с постановлением Политбюро ЦК РКП(б), принятым 7 декабря, о разрешении Н. А. Рожкову проживать в Москве. Ох и злопамятен был Владимир Ильич! 13 декабря, то есть спустя буквально пять дней после первого письма, он диктует в ЦК РКП(б) второе письмо с протестом против решения Политбюро от 7 декабря о Н. А. Рожкове.

А. А. Арутюнов. С. 530

Решительно «искоренить» всех энесов? Пешехонова, Мякотина, Горнфельда, Петрищева и др[угих]. По-моему всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее.

Тоже А. Н. Потресов, Изгоев и все сотрудники «Экономиста» (Озеров и мн[огие], мн[огие] другие). Ме[ньшеви]ки: Розанов (врач, хитрый), Вигдорчик (Мигуло или как-то в этом роде), Любовь Никол[аевна] Радченко и ее молодая дочь (по наслышке злейшие враги большевизма); Н. А. Рожков (надо его выслать, не исправим); С. Л. Франк (автор «Методологии»). Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др[угих] должна представить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу бесжалостно. Очистим Россию надолго.

Ленин — И. В. Сталину. 16 июля 1922 г.

Неизвестные документы. С. 545

Еще несколько характерных примеров.

1. Письмо народному комиссару юстиции Курскому с требованием беспредельной расширительности и максимальной расплывчатости формулировок уничтожительной статьи 50-10-11 УК РСФСР, с одиозными образцами желательных для Ленина формулировок, фактически позволяющих осудить кого угодно за что угодно. В этом же письме — и предложение ввести дополнительно в

добрый десяток статей УК смертную казнь (Ленин, ПСС, т. 45, с. 189191).

2. Секретное письмо Уншлихту (с просьбой показать его Сталину) об ужесточении деятельности революционных трибуналов («ревтрибов»), об увеличении «быстроты» и «силы» (подчн. Лениным) репрессий. В письме весьма характерная для Ленина фраза: «Гласность ревтрибуналов — не всегда» (там же, т. 54, с. 144).

3. Письмо Каменеву, где сказано: «...величайшая ошибка думать, что НЭП положит конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому» (там же, т. 44, с. 428).

4. Свирепое письмо Курскому «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики», где расширяются требования жесточайшего, включая расстрел, террора за убыточность, за ложь в отчетности — против руководителей трестов, государственных и смешанных» (там же, т. 44, с. 396—400).

5. Смертоносное, циничное сверхсекретное письмо (с анонимной цитатой из Макиавелли) Молотову и всем членам Политбюро об изъятии под предлогом — именно под предлогом — помощи голодающим церковных ценностей, об истреблении священства и активных верующих-мирян «с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий». Письмо это было издано по-русски на Западе трижды, последний раз — в 1989 году, и лишь недавно опубликовано и признано подлинным в СССР (в архиве имеет шифр ЦПА ИМЭЛ, ф. 2 единицы хранения 22354. На письмо есть ссылка в ПСС, т. 45, с. 666—667, 19 марта 1922 г.).

Все это и еще многое такого же рода написано и приведено в исполнение «либеральным» Лениным 1922 года, а не во времена жестокого «военного коммунизма».

Д. Штурман. Блуд на крови. Письмо драматургу Шатрову // Лит. Россия. М., 1991. № 14

Озеров, как и все сотрудники «Экономиста», — враги самые беспощадные. Всех их — вон из России.

Ленин — И. В. Сталину. 16 июля 1922 г.

Неизвестные документы. С. 545

Право же, иногда чудится, что составители Собраний сочинений Ленина, всех пяти, втайне более всего заботились о его разоблачении перед потомками.

Д. Штурман [1].

Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа!

Ленин — И. В. Сталину. 16 июля 1922 г.

В октябре Ленин вернулся уже официально к работе, председательствовал в Политбюро и в Совнаркоме, а в ноябре произносил программные речи, которые, по всей видимости, дорого обходились его кровеносной системе...

Гораздо позже, оглядываясь на прошлое, я опять вспомнил со свежим удивлением то обстоятельство, что мне о болезни Ленина сообщили только на третий день. Тогда я не останавливался на этом. Но это не могло быть случайно. Те, которые давно готовились стать моими противниками, в первую голову Сталин, стремились выиграть время. Болезнь Ленина была такого рода, что могла сразу принести трагическую развязку. Завтра же, даже сегодня могли ребром встать все вопросы руководства. Противники считали важным выгадать на подготовку хоть день. Они шушукались между собою и нащупывали пути и приемы борьбы. В это время, надо полагать, уже возникла идея «тройки» (Сталин—Зиновьев—Каменев), которую предполагалось противопоставить мне. Но Ленин оправился. Подгоняемый непреклонной волей, организм совершил гигантское усилие. Мозг, задышавшийся от недостатка крови и потерявший способность связывать воедино звуки и буквы, вдруг ожил снова.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 459460,463

2 октября 1922 года Ленин вернулся в Москву, на следующий день председательствовал на заседании Совнаркома. Но 6 октября на Пленуме ЦК почувствовал себя плохо и в последующие дни отказался от нескольких планировавшихся раньше публичных выступлений. Признался старому партийцу Иосифу Станиславовичу Уншлихту: «Физически чувствую себя хорошо, но нет уже прежней свежести

мысли. Выражаясь языком профессионала, потерял работоспособность на довольно длительный срок».

Б. В. Соколов. С. 310

Каждый революционер, достигши 50 лет, должен быть готовым выйти за флаг: продолжать работать по-прежнему он больше уже не может; ему не только трудно вести какое-нибудь дело за двоих, но и работать за себя одного, отвечать за свое дело ему становится не под силу. Вот эта-то потеря трудоспособности, потеря роковая, и подошла незаметно ко мне: я совсем стал не работник...

Ленин. В записи проф. Л. И. Даришкевича.

Цит. по: В. Е. Мельниченко [1]. С. 249

Ленин еще в 1922 болезненно относился к признакам приближающегося нездоровья. Стыдливо досадовал на то, что стал плохо слышать. Вернувшись в октябре 1922 в Москву, он появился на заседании СНК, к удивлению всех присутствующих, в очках. Они его явно стесняли. Он вытаскивал их из кармана, надевал, и «в движениях его было что-то конфузливое» (А. Луначарский).

Н. Петренко. С. 187

К концу заседаний Политбюро Ленин производил впечатление безнадежно уставшего человека. Все мышцы лица опускались, блеск глаз потухал, увядал даже могучий лоб, тяжело свисали вниз плечи — выражение лица и всей фигуры резюмировалось одним словом: усталость. В такие жуткие минуты Ленин казался мне обреченным. Но проведя одну хорошую ночь, он снова обретал силу своей мысли.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 493494

Ленин был не совсем тот. Он надел большие очки, чтобы предохранить глаза, и это меняло его. Он по-прежнему бодро вел заседание, прекрасно вникал в суть дел, предлагал окончательные резолюции, но в его речи чувствовалась какая-то беспокоившая затрудненность. Наркомы шептались между собой: «Поправился, выздоровел, еще есть следы болезни, но пройдет, наладится», но вместе с тем где-то в глубине сердца таилось мучительное сомнение.

А. В. Луначарский. Ленин в Совнарком // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 7. С. 77

Насколько он тогда владел речью, видно из того, что в большом заседании Коминтерна он произнес речь на немецком языке, которая продолжалась 1 час 20 минут.

В. П. Осипов. С. 290

Ленин быстрым и властным движением провел вправо-влево по своим рыжим усам и начал свою речь по-немецки.

Сначала осторожно: видно, жалел себя, соразмерял свои силы. Потом проснулся в нем старый, сильный, пламенный революционер. Он загорячился. Забыв немецкие слова, пощелкивал пальцем, чтобы вспомнить. Из первых рядов и из президиума вперебой подсказывали нужные слова. Некоторые подсказки он отвергал и искал выражений более тонких, более точных.

— Что делается, совсем прежний Ильич!

— Да, да! — подтвердил я.

— А ведь ему усиленно телефонировали с того света, — сказал мне кто-то сбоку в ухо, — и поэтому я думаю, не рано ли ему выступать?

Должно быть, так же змий посеял сомнение в душу человеческую о ее безгрешности. Что же, змий был прав...

В середине речи у Ленина наступил какой-то перелом: он, видимо, стал уставать. Голос становился глуше, и реже он пощелкивал пальцами, — должно быть, не мог уже так заострять свою мысль.

А. Я. Аросев. С. 139

Поначалу — столь тщательно и надежно охранялась тайна, столь многочисленны и путаны были слухи — я был уверен в том, что знаю правду. Невозможно было скрыть признаки, отличающие паралитика, от тех, кто знает, что это такое. Тем вечером я так и сказал советскому цензору, но писать это он мне не разрешил. «...Голос оратора был полным и звучным, но казался более хриплым и менее ясным, чем год назад, хотя и не настолько, чтобы слушатели не могли уловить смысл сказанного», — вот все, что мне было разрешено написать. Рядовой

читатель мог не уловить смысл этих строк, но я надеялся, что он будет ясен любому медику.

У. Дюранти. Цит. по: В. Е. Мельниченко [1]. С. 257

После доклада он опять накинул пальто, надел шапку и хотел идти. Но вокруг него суетились товарищи и просили его сняться со всеми вместе.

— Опять сняться? — спросил Ленин. — А где же фотограф?

— Сейчас, сейчас, — отвечали суетившиеся товарищи. Кто-то звонил по телефону, вызывая фотографа. Кто-то негодовал на то, что кто-то еще не сдержал обещания, кому-то данного.

А Ленину все говорили:

— Сейчас, Владимир Ильич, сейчас, погодите.

И еще ждал Владимир Ильич. Потом прищурил глаз и весело заметил:

— Вы только тумашитесь, а фотографа-то нет!

Что-то еще сказал такое веселое, что все смеялись, и пошел к выходу из зала, пробиваясь правым плечом из толпы.

А. Я. Аросев. С. 139

Пользуясь случаем, художник из какой-то нью-йоркской газеты быстро набросал его портрет, польстив ему словами: «Весь мир говорит, что вы большой человек». На это Ленин ему ответил: «Какой же я большой человек, взгляните на меня».

Р. Пейн. С. 570

Я слонялся по улицам Москвы, когда в отель сообщили из отдела печати Наркоминдела, что Ленин будет выступать на пленуме Московского Совета. Этой речи было суждено стать последней в жизни Ленина, я пропустил ее. Было это 20 ноября 1922 года.

Л. Фишер. С. 907

Ленин был очень смущен. Чтобы чем-нибудь заняться у кафедры, он стал перебирать листочки. Потом попробовал откашляться, чтобы говорить. Тогда хлопки полетели с удвоенной силой. Ленин, порывшись в карманах, достал носовой платок и стал сморкаться.

А. Я. Аросев. С. 138

Франсиско Пинтос рассказывает: «...У него был вид человека, перенесшего серьезную и длительную болезнь; давала себя знать усталость, и крупные капли пота показывались на лбу и на висках». В памяти Екатерины Михайловны Ямпольской тоже сохранилась мучительная картина: мелкий бисер пота, который непрерывно проступал на лбу и на лице Владимира Ильича во время его выступления в Московском Совете и скатывался крупными каплями, напоминавшими слезы.

Е. Я. Драбкина. С. 335

У нас сердце замирало, когда Ильич вышел на трибуну: мы все видели, каких усилий стоило Ильичу это выступление. Вот он кончил. Я подбежал к нему, обнял его под шубейкой, он был весь мокрый от усталости, рубашка насквозь промокла, со лба свисали капельки пота, глаза сразу ввалились...

Н. И. Бухарин. Памяти Ильича // Правда. 1925. 21 янв.

И Ленин вновь скрылся с нашего горизонта и на этот раз уж окончательно.

А. В. Луначарский. С. 77

Не помню точно когда (на даты, в *отличие от разговоров*, у меня нет хорошей памяти) — думаю, что это было на последней неделе декабря (1922 год), я был вызван в редакцию «Правды» Марией Ильиничной Ульяновой, сестрой Ленина, бывшей в то время секретарем «Правды». Она мне сказала, что Ленин получил мое письмо, «благодарит вас за него и как только будет чувствовать себя лучше, непременно назначит вам свидание» <...> «А разве Владимир Ильич болен? Что такое у него?» — спросил я Ульянову. Мария Ильинична не была лживой. Сказать мне, что у Ленина был второй удар паралича, она, конечно, не могла. Характер болезни его *тщательно скрывали*. О ней знали лишь немногие лица. Не пускаясь в объяснения, но не отрицая болезнь Ленина, М. И. Ульянова на мой вопрос, уклончиво и, по своему обыкновению краснея и опуская глаза, ответила: «Сейчас Владимир Ильич чувствует себя много лучше».

Н. Валентинов [5]. С. 75

— Ну, что, как Ильич? — спросил я однажды, ожидая хорошего ответа.

— Плохо. Кажется, опять удар. Приходите сегодня на заседание Моссовета. Там Рыков доложит.

А. Я. Аросев. С. 140

Начальник спецхраны Владимира Ильича рассказывал нам, что Владимиру Ильичу не хотелось ехать в Горки, что дорога на аэросанях очень утомительна, а на автомашине ехать нельзя из-за обилия снега. Он рассказал, что ежедневно в 9 часов 30 минут приводит к Владимиру Ильичу собаку Аиду (щенок, ирландский сеттер), которую Владимир Ильич очень любит и играет с ней. Этот щенок был привезен Владимиру Ильичу еще в середине июля, когда он поправлялся после болезни и жил в Горках.

Л. А. Фотиева [1]. С. 181

Владимира Ильича я опять нашла в постели. У него были парализованы правая рука и нога. Но речь на этот раз не пострадала. Он встретил меня грустно: «Вот я опять больной!»

М. М. Петрашева. С. 267

Он лежал в своей комнате на кровати. Около него был приспособлен небольшой столик, за который я садилась записывать.

М. А. Володичева. Отрывки из воспоминаний // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 216

Мария Акимовна (Володичева) виртуозно владела стенографией. Именно ей посчастливилось первой записывать речи Ленина в Петрограде после его возвращения из эмиграции.

Т. М. Белякова. С. 246

На кровати Владимира Ильича была сделана полочка вроде пюпитра для нот. Положив на нее свою статью, Владимир Ильич проверял запись, переворачивая страницы здоровой левой рукой иногда вносил небольшие поправки. В те дни, когда состояние было лучше, В. И. Ленин шутил, улыбался, спрашивал, не очень ли мы

устали. Но часто Владимир Ильич страдал головными болями, и тогда у него на голове лежал компресс.

Л. А. Фотиева [1]. С. 190

Чтобы уменьшить боль, ему все время клали на голову холодные компрессы.

Н. В. Валентинов [5].

Рожков в Питере?

Надо его выселить.

Ленин — Г. Е. Зиновьеву. 16 октября 1922 г.

Неизвестные документы. С. 558

Предлагаю:

первое — выслать Рожкова за границу,

второе — если это не пройдет (напр[имер], по мотивам, что Рожков по старости заслуживает снисхождения), то тогда не следует никакому публичному обсуждению предавать заявлений Рожкова, полученных под принуждением. Тогда надо дожидаться, когда Рожков, хотя бы через несколько лет, сделает искреннее заявление в нашу пользу. А до тех пор я предложил бы послать его, напр[имер], в Псков, создав для него сносные условия жизни и обеспечив его материально и работой. Но держать его надо под строгим надзором, ибо этот человек есть и будет, вероятно, нашим врагом до конца.

Ленин — И. В. Сталину. 13 декабря 1922 г.

Неизвестные документы. С. 580

Выслать Рожкова в Псков, установив за ним строжайший надзор и при первом проявлении какой-либо враждебной Соввласти общественно-политической деятельности — выслать его за границу.

Постановление Политбюро ЦК РКП(б).

14 декабря 1922 г.

Неизвестные документы. С. 558

Именно в этот день у Ленина было два приступа болезни. И тем не менее он продолжал терроризировать людей.

А. А. Арутюнов. С. 530

1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 510 минут, но это не должно носить характер переписки и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются.

2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений.

Из решения Политбюро (Сталин, Каменев и Бухарин). 24 дек. 1922 г.

У Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкцию врачам.

Л. А. Фотиева [1]. С. 190

Он лежал в своей комнате на кровати. Около него был приспособлен небольшой столик, за который я садилась записывать. Владимир Ильич обычно просто, по-товарищески, приветливо здоровался, протягивая левую руку, и только беспокоился, не слишком ли часто я дежурю, почему я такая бледная, спрашивал, правильно ли у нас соблюдается очередь дежурств, и прибавлял, грозя пальцем: «Смотрите, а то я...»

М. А. Володичева. С. 216

Он говорил мне с досадой: «Мысли мои вы не можете остановить. Все равно я лежу и думаю!» Страдал бессонницей.

М. М. Петрашева. С. 268

1 февраля Владимир Ильич вызвал меня в 6 часов 30 минут вечера. Сообщила ему о разрешении Политбюро выдать нам материалы грузинской комиссии. Владимир Ильич сказал, на что обратить внимание при разборе материалов и вообще как ими пользоваться, и затем добавил: «Если бы я был на свободе...», сначала, видимо, оговорился, а потом повторил, смеясь: «Если бы я был на свободе, то легко бы все это сделал сам».

Л. А. Фотиев [1]. С. 203204

Во время болезни был случай, когда в присутствии медсестры я ему говорила, что вот, мол, речь, знаешь, восстанавливается, только медленно. Смотри на это, как на временное пребывание в тюрьме. Медсестра говорит: «Ну, какая же тюрьма, что Вы говорите, Надежда Константиновна?»

Ильич понял — после этого разговора он стал определенно больше себя держать в руках.

Н. К. Крупская. С. 370

Однажды, когда Володичева закончила свою работу и ушла, Ленин попросил пить. Возвращая мне стакан, он с какой-то особой уверенностью, вероятно отвечая на какие-то сокровенные думы, сказал:

— А все же самое главное, самое необходимое я еще успею продиктовать...

Т. М. Белякова. С. 246

По должности режимом больного ведал Сталин.

Н. Н. Яковлев. С. 161

На т. Сталина возложить персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки.

Из решения пленума ЦК РКП(б). 18 декабря 1922 г.

Иными словами, заключенному Ленину на несколько минут в сутки выдают в камеру перо и бумагу (но так как все записывают секретари, Сталин немедленно оказывается в курсе всего написанного). Свой режим Ленин воспринимал именно как тюремный: «Если бы я был на свободе (сначала оговорился, а потом повторил смеясь: если бы я был на свободе), то я легко бы все это сделал сам», — сказал Ленин Фотиевой 1 февраля 1923 года. Крупская вспоминала: «В этом же и беда была во время болезни. Когда врачи запретили чтение и вообще работу. Думаю, что это неправильно было. Ильич часто говорил мне: «Ведь они же (...) не могут запретить мне думать»». Сама Крупская тоже понимала, что Ленин в заточении.

Ввиду систематических нападков на тов. Сталина со стороны оппозиционного меньшинства ЦК и непрекращающихся утверждений о чуть ли не полном разрыве со Сталиным со стороны Ленина, я считаю себя обязанной сказать несколько слов об отношении Ленина к Сталину, ибо все последнее время жизни В. И. я была с ним. Влад. Ильич чрезвычайно ценил Сталина и притом настолько, что и во время первого удара, и во время второго удара В. И. обращался к Сталину с самыми интимными поручениями, подчеркивая при этом, что он обращается именно к Сталину.

Вообще в самые тяжелые моменты болезни В. И. не вызывал ни одного из членов ЦК и ни с кем не хотел видиться, вызывал лишь Сталина. Таким образом, спекуляция на том, что В. И. относился к Сталину хуже, чем к другим, является прямой противоположностью по отношению к истине...

Записка Н. И. Бухарина, хранящаяся в бывшем архиве ЦК КПСС, которая должна была быть зачитана от имени М. И. Ульяновой на Пленуме ЦК в защиту Сталина.

Разговорами о сифилисе слухи, ходившие по Москве, не исчерпывались. Делая в 1923 году свой очередной обход различных отделов ВСНХ, я встретился с Г., одним из сотрудников торгового отдела. Отведя меня в сторону, он сообщил: «Вот что говорят — Ленин, хоть и очнулся немного от своего удара, но, считая себя безнадежно неизлечимым, решил покончить с собой и для этого попросил, чтобы ему доставили яд». На мой вопрос: к кому же Ленин обратился с этой просьбой, Г. сказал, что этого он не знает, только передает, что «говорят». Так как редакции всего мира самые активные аккумуляторы всяких слухов, я нисколько не удивился, когда о том же услышал немного позднее, от Р., сотрудника «Торгово-промышленной газеты». И опять-таки не получил объяснения: к кому же Ленин обратился с просьбой об яде, как и от кого об этом узнали. Не прошло и двух недель, как все о том же слухе мне сообщил управляющий домом, где я жил. Этот бывший офицер-кавалергард постоянно бегал с разными рапортами в жилищный отдел нашего района, льстил там начальству и в то же время до бешенства ненавидел «Совдепию и все

ее порядки». Зная, что я на него не донесу, он сообщил о «слухе» в оригинальной, свойственной его настроению форме: «Ленин разбил, изувечил, разгромил всю Россию. Из богатой страны превратил в голодающую и нищую. И вот теперь, когда у этого преступника руки и ноги отнялись, он понял, что такое наделал. Теперь он кается, он, видите ли, просит яду с собой покончить. В этом чудовище, наконец-то, как будто заговорила совесть».

Н. Валентинов [5]. С. 89

Два года тому назад я впервые записал факты, которые были в свое время (1923—1924 годы) известны не более как семи-восемью лицам, да и то лишь отчасти. Из этого числа в живых сейчас остались, кроме меня, только Сталин и Молотов...

Л. Д. Троцкий. Сверх-Борджиа в Кремле // Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 274

(Далее. цит.: Л. Д. Троцкий [6])

В последующие годы коммунисты, знавшие Ленина, собирались и шепотом обсуждали странный слух о том, что его отравил Сталин...

Robert Payne. The Rise and Fall of Stalin. New York. P. 333

В высших партийных кругах Грузии... упорно распространялся слух, что Ленин не умер, а покончил жизнь самоубийством, приняв яд, данный ему Сталиным. Слух этот передавался в разных вариантах — то Сталин дал Ленину яд по его настойчивому требованию, чтобы избавиться от адских мук, то этот яд Сталин дал Ленину через своего агента-врача <...> (называли даже имя). Был и такой вариант — Сталин разыскал для Ленина в Грузии народного целителя <...> а на самом деле этот целитель не лечил, а залечивал Ленина ядовитыми травами. Интересно, что во всех вариантах слухов неизменно присутствует яд, будто Сталин так и ездил к Ленину с флакончиком яда.

А. А. Авторханов [1]. С. 49

22 декабря (1921 г.) Владимир Ильич вызвал меня в 6 часов вечера и продиктовал следующее: «Не забыть принять все меры достать и доставить... в случае, если паралич перейдет на речь, цианистый калий, как меру гуманности и как подражание Лафаргу...»

Л. А. Фотиева, личный секретарь Ленина.

Цит. по: *Бек А.* К истории последних ленинских документов. Из архива писателя, беседовавшего в 1967 году с личными секретарями Ленина // Моск. новости. 1989. 23 апр. № 17. С. 89.

Еще в 1911 году под влиянием известия о самоубийстве Лафаргов он сказал Крупской: «Если не можешь больше для партии работать, надо посмотреть правде в глаза и умереть так, как Лафарги».

Н. А. Зенькович. Маршалы и генсеки. Интриги. Вражда. Заговоры. Смоленск: Русич, 1997

Они умерли, как атеисты, покончив с собой, потому что пришла старость и ушли силы, необходимые для борьбы.

Н. К. Крупская. С. 135

Врач Кожевников зафиксировал: «Приезжал Сталин. Беседа о «suicidium» (самоубийстве. — *В. М.*).

В. Е. Мельниченко [1]. С. 250

Я два раза была в это время у Сталина. Первый раз насчет яда. Но об этом писать нельзя. <...> Только не записывайте. И если вздумаете опубликовать, то отрекусь. <...> Так вот. Сначала о яде.

Л. А. Фотиева. Цит. по: *Бека А.* С. 8

Зимой 20—21, 21—22 [гг.] В. И. чувствовал себя плохо. Головные боли, потеря работоспособности сильно беспокоили его. Не знаю точно когда, но как-то в этот период В. И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст ему цианистого калия. Ст[алин] обещал. Почему В. И. обратился с этой просьбой к Ст[алину]? Потому что он знал его за человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такого рода просьбой.

М. И. Ульянова. Письмо в Президиум объединенного пленума ЦК и ЦКК

(Здесь и далее цит. по: Известия ЦК КПСС. 1898. № 12)

Еще летом (1921 г.) в Горках Ленин попросил у Сталина прислать ему яда — цианистого калия. Сказал так: «Если дело дойдет до того, что я потеряю речь, то прибегну к яду. Хочу его иметь у себя». Сталин согласился. Сказал: «Хорошо». Однако об этом разговоре узнала Мария Ильинична и категорически воспротивилась. Доказывала, что в этой болезни бывают всяческие повороты, даже потерянная речь может вернуться. В общем, яда Владимир Ильич не получил.

Л. А. Фотиева. Цит. по: Бек А. С. 8

С той же просьбой обратился В. И. к Сталину в мае 1922 г. после первого удара. В. И. решил тогда, что все кончено для него, и потребовал, чтобы к нему вызвали на самый короткий срок Ст[алина]. Эта просьба была настолько настойчива, что ему не решились отказать. Ст[алин] пробыл у В. И. действительно минут 5, не больше. И когда вышел от И[льи]ча, рассказал мне и Бухарину, что В. И. просил его доставить ему яд, т[ак] как, мол, время исполнить данное раньше обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с В. И., и Ст[алин] вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить В. И., и Сталин вернулся снова к В. И. Он сказал ему, что, переговорив с врачами, он убедился, что не все еще потеряно и время исполнить его просьбу не пришло. В. И. заметно повеселел и согласился, хотя и сказал Сталину: «Лукавите?» — «Когда же Вы видели, чтобы я лукавил», — ответил ему Сталин. Они расстались и не виделись до тех пор, пока В. И. не стал поправляться и ему не были разрешены свидания с товарищами.

М. И. Ульянова. Письмо в Президиум объединенного пленума ЦК и ЦКК

(Другая запись М. Ульяновой о том же.) ...30 мая (1922 г. — *Е. Г.*) Владимир Ильич потребовал, чтобы к нему вызвали Сталина. Уговоры Кожевникова отказаться от этого свидания, так как это может повредить ему, не возымели никакого действия. Владимир Ильич указывал, что Сталин нужен ему для совсем короткого разговора, стал волноваться и пришлось выполнить его желание. Позвонили Сталину и через некоторое время он приехал вместе с Бухариным. Сталин прошел в комнату Владимира Ильича плотно прикрыв за собой, по просьбе Ильича, дверь. Бухарин остался с нами и как-то таинственно

сказал.»Я догадываюсь, зачем Владимир Ильич хочет видеть Сталина». Но о догадке своей он нам на этот раз не рассказал.

Через несколько минут дверь в комнату Владимира Ильича открылась и Сталин, который показался мне несколько расстроенным, вышел. Простившись с нами, оба они — Бухарин и Сталин — направились мимо Большого дома через домик санатория во двор, к автомобилю. Я пошла проводить их. Они о чем-то разговаривали друг с другом вполголоса, и во дворе Сталин обернулся ко мне и сказал: «Ей (он имел в виду меня) можно сказать, а Наде (Надежде Константиновне) не надо». И Сталин передал мне, что Владимир Ильич вызывал его для того, чтобы напомнить ему обещание, данное раньше, помочь ему вовремя уйти со сцены, если у него будет паралич.»Теперь момент, о котором я Вам раньше говорил, — сказал Владимир Ильич, — наступил, у меня паралич и мне нужна Ваша помощь».

Владимир Ильич просил Сталина привезти ему яду. Сталин обещал, поцеловался с Владимиром Ильичом и вышел из его комнаты. Но тут, во время нашего разговора, Сталина взяло сомнение: не понял ли Владимир Ильич его согласия таким образом, что действительно момент покончить счеты с жизнью наступил и надежды на выздоровление больше нет? «Я обещал, чтобы его успокоить, — сказал Сталин, — но, если он в самом деле истолкует мои слова в том смысле, что надежды больше нет? И выйдет как бы подтверждение его безнадежности?» Обсудив это, мы решили, что Сталину надо еще раз зайти к Владимиру Ильичу и сказать, что он переговорил с врачами и последние заверили его, что положение Владимира Ильича совсем не так безнадежно, болезнь его не неизлечима и что надо с исполнением просьбы Владимира Ильича подождать. Так и было сделано. Сталин пробыл на этот раз в комнате Владимира Ильича еще меньше, чем в первый раз, и, выйдя, сказал нам с Бухариным, что Владимир Ильич согласился подождать и что сообщение Сталина о его состоянии, со слов врачей, Владимира Ильича, по-видимому, обрадовало. А уверение Сталина, что, когда, мол, надежды действительно не будет, он выполнит свое обещание, успокоило несколько Владимира Ильича, хотя он не совсем поверил ему: «дипломатничаете, мол»

М. И. Ульянова. С. 239240

Ленин видел в Сталине единственного человека, способного выполнить трагическую просьбу, ибо непосредственно заинтересованного в ее исполнении. <...> Попутно он хотел, может быть, проверить Сталина: как именно мастер острых блюд поспешит воспользоваться открывающейся возможностью...

Л. Троцкий. С. 276

Они расстались и не виделись до тех пор, пока В. И. Ленин не стал поправляться... В это время Сталин бывал у него чаще других. Он приехал первым к В. И. Ильич встречал его дружески, шутил, смеялся, требовал, чтобы я угощала Сталина, принесла вина и пр.

М. И. Ульянова. Об отношении В. И. Ленина к Сталину.

Известия ЦК КПСС. № 12. 1989. С. 198199

Когда мне пришлось говорить с Рыковым, оказалось, что слух, будто Ленин просит яд, добежал и до него.»Интересно бы знать, — говорил Рыков, — кто, с какой целью, пустил и продолжает пускать эту пакостную болтовню. Никогда Ильич не пойдет на такое малодушие. Мы все, его знающие, уверены, что с болезнью и смертью он будет, как лев, бороться до самой последней секунды. Каждый лишний час жизни Ленина нужен нам, нужен партии, стране. Мы сделаем буквально все, чтобы Ильича снова поставить на ноги. Со всех концов света привезем самых знаменитых докторов, будем лечить его и вылечим».

Н. Валентинов [4]. С. 89

Но я задаю себе ныне другой, более далеко идущий вопрос: действительно ли Ленин обращался к Сталину за ядом? Не выдумал ли Сталин целиком эту версию, чтобы подготовить свое алиби? Опасаться проверки с нашей стороны у него не могло быть ни малейших оснований: никто из нас троих не мог расспрашивать больного Ленина, действительно ли он требовал у Сталина яду.

Л. Троцкий. С. 276

(Сталин только однажды разоткровенничался на эту тему, на одной из достаточно узких, камерных встреч с несколькими писателями на квартире у Максима Горького. — *Е. Г.*) Сталин тогда

говорил замечательно. Он рассказывал редкие, интимные вещи из жизни Ленина, о которых никто не знает.

— Ленин понимал, что умирает, — говорил Сталин, — и попросил меня однажды, когда мы были наедине, принести ему цианистого калия.

«Вы самый жестокий человек в партии, — сказал Ленин, — вы можете это сделать».

— Я ему сначала обещал, а потом не решился. Как это я могу дать Ильичу яд. Жалко человека. А потом, разве можно было знать, как пойдет болезнь. Так я и не дал. И вот раз поехали мы к Ильичу, а он и говорит, показывая на меня: «Обманул меня, шатается он». Никто тогда этой фразы понять не мог. Все удивились. Только я знал, на что он намекает: о просьбе Ленина я тогда же доложил на Политбюро. Ну, конечно, все отвергли его просьбу. Вот Гронский знает про это.

Сегодня, в присутствии беспартийных, Сталин не хочет повторять этот разговор...

К. Зелинский. Одна встреча у Горького // *Вопр. лит.* 1991. Май. С. 156

— В феврале 1923 года Ленину стало совсем плохо, и он попросил Сталина принести ему яд. Сталин обещал, но не принес. Потом он говорил, что, наверно, Ленин обиделся на него за это.»Как хотите, я не могу это сделать», — сказал Сталин. На Политбюро обсуждался этот вопрос.

В. Молотов. Цит. по: *Ф. И. Чуев.* С. 271

Во время второго заболевания Ленина, видимо, в феврале 1923 года, Сталин на собрании членов Политбюро (Зиновьева, Каменева и автора этих строк) после удаления секретаря сообщил, что Ильич вызвал его неожиданно к себе и потребовал доставить ему яду...

Л. Троцкий. С. 275

Строго секретно.

Членам Пол. Бюро.

В субботу 17 марта т. Ульянова (Н. К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном «просьбу Вл. Ильича Сталину» о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу

порцию цианистого калия. В беседе со мной Н. К. говорила, между прочим, что Вл. Ильич «переживает невероятные страдания», что «дальше жить так невыносимо», и упорно настаивала «не отказывать Ильичу в его просьбе». Ввиду особой настойчивости Н. К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В. И. дважды вызывал к себе Н. К. во время беседы со мной и с волнением требовал «согласия Сталина»), я не считал возможным ответить отказом, заявив: «Прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование». В. Ильич действительно успокоился. Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича, и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чем и довожу до сведения членов П. Бюро ЦК.

21 марта 1923 г. И. Сталин.

Записка в Политбюро

Не очень ясно, как Ленин, утративший возможность говорить, 17 марта 1923 года просил «порцию цианистого калия». Возможно, жестами.

Д. А. Волкогонов. Т. 2. С. 347

— Не может быть, разумеется, и речи о выполнении этой просьбы! — воскликнул я. — Гетье не теряет надежды. Ленин может поправиться.

— Я говорил ему все это, — не без досады возразил Сталин, — но он только отмахивается. Мучается старик. Хочет, говорит, иметь яд при себе... прибегнет к нему, если убедится в безнадежности своего положения.

— Все равно невозможно, — настаивал я, на этот раз, кажется, при поддержке Зиновьева. — Он может поддаться временному впечатлению и сделать безвозвратный шаг.

— Мучается старик, — повторял Сталин, глядя неопределенно мимо нас и не высказываясь по-прежнему ни в ту ни в другую сторону.

Л. Д. Троцкий [6]. С. 276

Читал. Полагаю, что «нерешительность» Сталина — правильна. Следовало бы в строгом составе членов Пол. Бюро обменяться

мнениями. Без секретарей (технич.).

Томский

Читал:

Г. Зиновьев Молотов

Читал:

Н. Бухарин

Троцкий

Л. Каменев

(Резолюции на записке Сталина)

Строго секретно.

Зин., Каменеву.

Только что вызвала меня Надежда Константиновна и сообщила в секретном порядке, что Ильич в «ужасном» состоянии, с ним припадки, «не хочет, не может дольше жить и требует цианистого калия, обязательно». Сообщила, что пробовала дать калий, но «не хватило выдержки», ввиду чего требует «поддержки Сталина».

Сталин.

Записка Сталина в политбюро.

В тот же день (?)

Помню, насколько необычным, загадочным, не отвечающим обстоятельствам показалось мне лицо Сталина. Просьба, которую он передавал, имела трагический характер, на лице его застыла полуулыбка, точно на маске. Несоответствие между выражением лица и речью приходилось наблюдать у него и прежде. На этот раз оно имело совершенно невыносимый характер. Жуть усиливалась еще тем, что Сталин не высказал по поводу просьбы Ленина никакого мнения, как бы выжидая, что скажут другие: хотел ли он уловить оттенки чужих откликов, не связывая себя? Или же у него была своя затаенная мысль?.. Вижу перед собой молчаливого и бледного Каменева <...> и растерянного, как во все острые моменты, Зиновьева. Знали ли они о просьбе Ленина еще до заседания? Или же Сталин подготовил неожиданность и для своих союзников по триумvirату?

Л. Д. Троцкий [6]. С. 275276

Нельзя этого никак. Ферстер дает надежды — как же можно? Да если бы и не было этого! Нельзя, нельзя, нельзя!

Г. Зиновьев, Л. Каменев.

Резолюция на записке Сталина

Я представляю себе ход дела так. Ленин потребовал яду — если он вообще требовал его — в конце февраля 1923 года. В начале марта он оказался уже снова парализован. Медицинский прогноз был в этот период осторожно-неблагоприятный. Почувствовав прилив неуверенности, Сталин действовал так, как если б Ленин уже был мертв. Но больной обманул его ожидания. Могучий организм, поддерживаемый непреклонной волей, взял свое. К зиме Ленин начал медленно поправляться, свободнее двигаться, слушал чтение и сам читал; начала восстанавливаться речь. Врачи давали все более обнадеживающие заключения. Выздоровление Ленина не могло бы, конечно, воспрепятствовать смене революции бюрократической реакцией. Недаром Крупская говорила в 1926 году: «Если б Володя был жив, он сидел бы сейчас в тюрьме».

Л. Д. Троцкий [6]. С. 277

...Могу подтвердить факт, что больной Ленин просил у Сталина принести яд. Это было, это было. Сталин ставил вопрос на Политбюро. А что он мог сделать? Ведь Политбюро ему поручило охранять Ленина. И он следил, чтобы Ленина никто не трогал, не нервировал, чтобы он был в изоляции от политики, чтобы не волновался. Сталин был, конечно, против, чтобы давать Ленину яд. Насчет яда теперь приплетают и Ягоду, чисто шерлоковская версия. А Ягода в то время, при Ленине, был еще маленьким человеком. Сталин даже его и не знал, даже не был тогда знаком с Ягодой. С ним Сталин был связан позднее, в 1924 году.

Л. М. Каганович. Цит. по: Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. М.: Былина, 1999. С. 80

Если у Сталина был замысел помочь работе смерти, то остается вопрос: зачем он сообщил о просьбе Ленина членам Политбюро, если он собирался так или иначе ее выполнить? Он, во всяком случае, не мог ждать поддержки или содействия с их

стороны, наоборот, он был уверен, что встретит отпор, прежде всего с моей стороны... Поведение Сталина в этом случае кажется загадочным, необъяснимым только на первый взгляд. В тот период Сталин был еще далек от власти. Он мог с основанием опасаться, что впоследствии в теле будет обнаружен яд и что будут искать отравителя. Гораздо осторожнее было при этих условиях сообщить Политбюро, что Ленин хочет отравиться. Политбюро решило вопрос о доставке ему яда отрицательно, но Ленин мог получить яд другим путем.

Политбюро отнимало у него возможность выполнить просьбу Ленина (действительную или мнимую) легально. Но в этом не было и нужды. Если Ленин обратился к нему, то не в официальном, а в личном порядке, рассчитывая, что эту услугу Сталин окажет ему охотно. Передать больному яд можно было разными путями через очень надежных людей в окружении. При Ленине были члены охраны, среди них люди Сталина. Могли дать яд при таких условиях, что никто не знал бы о характере передачи, кроме Ленина и его самого.

Никто никогда не узнал бы, кто именно оказал больному эту услугу. Сталин мог всегда сослаться на то, что ввиду его отказа по решению Политбюро, Ленин нашел, очевидно, какой-то иной источник. Это на случай открытия дела, вскрытия тела и обнаружения отравы преимущества предупреждения были поистине неоценимы: все члены Политбюро знали, что Ленин хотел достать яд, Сталин вполне легально предупредил об этом Политбюро. С этой стороны Сталин обеспечивал себя, таким образом, полностью... Опасности проверки не было ни малейшей: никому из нас не могло, разумеется, прийти в голову допрашивать Ленина, действительно ли он пытался через Сталина добыть яд. Зато в случае, если бы яд в трупе оказался обнаружен, объяснений искать не пришлось бы: Политбюро было в свое время извещено, что Ленин искал смерти, очевидно, несмотря на отказ Сталина в помощи, он сумел ее найти...

Л. Д. Троцкий. Сталин. Политическая биография: В 2 т. Нью-Йорк, 1985. Т. 2, С. 355

(Далее цит.: Л. Д. Троцкий [4])

После нового удара он (Ленин) в декабре под строгим секретом опять послал меня к Сталину за ядом. Я позвонила по телефону,

пришла к нему домой. Выслушав, Сталин сказал:

— Профессор Ферстер написал мне так: «У меня нет оснований полагать, что работоспособность не вернется к Владимиру Ильичу». И заявил, что дать яд после такого заключения не может.

Я вернулась к Владимиру Ильичу ни с чем. Рассказала о разговоре со Сталиным.

Владимир Ильич вспылел, раскричался. Во время болезни он часто вспыхивал даже по мелким поводам, например, испорчен лифт (он был вспыльчив смолоду, но боролся с этим).

— Ваш Ферстер шарлатан, — кричал он. — Укрывается за уклончивыми фразами.

И еще помню слова Ленина:

— Что он написал? Вы это сами видели?

— Нет, Владимир Ильич. Не видела.

И наконец, бросил мне:

— Идите вон!

Я ушла, но напоследок все же возразила:

— Ферстер не шарлатан, а всемирно известный ученый.

Несколько часов спустя Ленин меня позвал. Он успокоился, но был грустен.

— Извините меня, я погорячился. Конечно, Ферстер не шарлатан. Это я под горячую руку...

Л. А. Фотиева. Цит. по: Бек А. С. 8

Во время болезни Владимира Ильича его часто возили в кресле по парку. Иногда, как мне передавали близкие товарищи, он тихо насвистывал что-нибудь. Между прочим, слышали у него напев «Долины Дагестана» (романс М. А. Балакирева на стихотворение М. Ю. Лермонтова «Сон». — *Е. Г.*)

...Он насвистывал особенно, сквозь зубы, при едва открытом рте. Вероятно, многие помнят это насвистывание, чрезвычайно характерное у него.

Д. И. Ульянов. С. 151, 153

Дверь к больному не закрывалась, и он меня шепотом из своей комнаты звал: «Сестра! Сестра!» И все время мы так разговаривали с ним — шепотом...

Приехал к нему один старый товарищ. Владимир Ильич был очень доволен, очень оживленно беседовал с ним; потом выяснилось, что тот захватил с собой маленькую дочку. Тогда Владимир Ильич выискивает маленькие кукольные туфельки, — надо сказать, что ему присылали различные кустарные изделия, — и вот он вспомнил о них, отыскал и передал для маленькой девочки.

В. П. Осипов. С. 299

Имя «старого товарища» довольно неожиданно находим у Фельдберга: «К Владимиру Ильичу приехал недели за три до его смерти <...> Н. Н. Крестинский с женой и трехлетней дочкой. Владимир Ильич долго и внимательно слушал Н. Н. Крестинского, но, когда узнал, что с ним его дочка, Владимир Ильич просил сейчас же привести девочку, играл с ней и подарил ей на память игрушечные сапожки для куклы («Вечерняя Москва», 1924, 28 января)».

Н. Петренко. С. 262

Он стремился к тому, чтобы доставить окружающим его во время болезни возможно меньше труда и хлопот. Как на особенно характерный пример я укажу на один случай, когда в апреле 1923 года Владимир Ильич был в особенно тяжелом возбужденном состоянии и, находясь в постели, естественно, не мог лежать вполне спокойно. Я сидел тогда на его постели и всячески старался его несколько успокоить. Это мне почти не удавалось. Тогда, зная особую чуткость, проявляемую тов. Лениным к врачам, я сделал вид, как будто сам от утомления задремал. Моя хитрость удалась, и больной Владимир Ильич, очевидно еле сдерживая себя, но стараясь все-таки не потревожить мой сон, стал лежать почти спокойно.

Б. С. Вейсброд. Больной Ленин // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 251

Как-то он сравнил наш сестринский труд с трудом ломового. Я, конечно, удивилась и спрашиваю: «Что же тут общего, Владимир Ильич, почему вы так сравниваете?» Он отвечает: «Ломовой мешки ворочает, а вот вы меня ворочать должны. Разве это легче?»

Я не соглашалась: «Что вы, Владимир Ильич! Это совсем не тяжело. Ведь вы всегда сами мне помогаете (здоровой ногой он упирался в постель и помогал себя переворачивать), а в больницах нам помогают санитарки и няни...»

М. М. Петрашева. С. 268

Был какой-то кошмар, от которого проснулся, долго не мог уснуть. Утром неохотно об этом говорил, но упоминал о каких-то интригах, о железнодорожниках, а 24 июня, в беседе с Н. А. Семашко, говоря о каком-то конфликте в Народном комиссариате путей сообщения, сказал: «Этот конфликт необходимо уладить. У меня даже в начале болезни ночью кошмар был из-за него, а врачи думали, что это галлюцинация».

Л. Г. Левин. С. 260

Любопытно, что в 1923 году, может быть и раньше, к московским врачам попало и стало ходить по рукам письмо Ленина к Максиму Горькому о том, у каких врачей нужно лечиться. Горький в это время уже уехал из России, и вряд ли он пустил в обращение это письмо. Уверенно объяснить, каким образом это письмо всплыло, не могу, но, опираясь на тот факт, что на XIII съезде партии (в 1924 году) депутатам были даны для прочтения два письма Ленина к Горькому о религии, о «труположестве», написанные *в то же самое время*, что и письмо, которое сейчас буду цитировать, могу допустить, что оно, как и другие письма Ленина, хранилось в копиях в его архиве, из него взято и поступило в обращение...

Н. Валентинов [5]. С. 9091

...Известие о том, что Вас лечит новым способом «большевик», хотя и бывший, меня ей-ей обеспокоило. Упаси боже от врачей-товарищей вообще, врачей-большевиков в частности! Право же, в 99 случаях из 100 врачи — товарищи «ослы», как мне раз сказал один хороший врач. Уверяю Вас, что лечиться (кроме мелочных случаев) надо только у первоклассных знаменитостей. Пробовать на себе изобретения большевика — это ужасно!!

Ленин — М. Горькому. ПСС. Т. 48. С. 244

«Один хороший врач» — это Дюбуше. Услышав его оценку «товарищей-врачей», Ленин хохотал до слез и потом часто повторял злую характеристику французского профессора...

В. Е. Мельниченко [1]. С. 236

Действительно, для лечения Ленина приглашались отовсюду знаменитости, самые крупные иностранные доктора: профессора Форстер, Минковский, Борхард, Бумке, Клемперер, Штрюмпель, Нонне, Геншен, Даркшевич. Среди русских врачей, принимавших наибольшее участие в лечении Ленина, иногда по целым дня и ночам около него дежуривших, были Крамер, Гетье, Елистратов, Кожевников, Осипов. Кроме них в лечении и консилиумах участвовали: Россолимо, Розанов, Левин, Бехтерев, Кроль и чуть ли не десяток других докторов. Упоминалось имя доктора Обуха и доктора Семашко, комиссара Народного здоровья, подпись которого неизменно фигурировала в бюллетенях о состоянии здоровья Ленина. Но эти два доктора-коммуниста от лечения Ленина были отстранены, о том хорошо знали в Москве. Еще при первых приступах болезни в 1922 году Ленин категорически заявил, что не желает, чтобы его лечили доктора-коммунисты, медицинским познаниям которых он совершенно не доверяет: «Возможно, что они умеют написать прокламацию и произнести речь на митинге, но медицинских знаний у них, конечно, нет никаких. Откуда им быть у них, когда они их не приобретали, практики не имели, а занимались политикой. Я хочу иметь дело с настоящими врачами, специалистами, а не с невеждами».

Н. Валентинов [5]. С. 90

Был один инцидент между Лениным и Сталиным, о котором тов. Зиновьев упомянул в своей речи и который имел место незадолго до потери Ильичом речи (март 1923 г.), но он носил чисто личный характер и никакого отношения к политике не имел. Это тов. Зиновьев хорошо знает, и ссылаться на него было совершенно напрасно. Произошел этот инцидент благодаря тому, что Сталин, которому по требованию врачей было поручено пленумом ЦК следить за тем, чтобы Ильичу в этот тяжелый период его болезни не сообщали политических новостей, чтобы не взволновать его и не ухудшить его положения, отчитал его семейных за передачу такого рода новостей.

Ильич, который случайно узнал об этом, — а такого рода режим оберегания его вообще всегда волновал, — в свою очередь отчитал Сталина. Тов. Сталин извинился, и этим инцидент был исчерпан. Нечего и говорить, что, если бы Ильич не был в то время, как я указала, в очень тяжелом состоянии, он иначе реагировал бы на этот инцидент. Документы по поводу этого инцидента имеются, и я могу по первому требованию ЦК предъявить их.

М. И. Ульянова. Письмо в Президиум объединенного пленума ЦК и ЦКК

Сталин много говорил нам о Ленине. Он часто возмущался тем, что, когда Ленин лежал больной, а он повздорил с Крупской, Ленин потребовал, чтобы Сталин извинился перед ней. Я сейчас точно не могу припомнить, какой возник повод для ссоры. Вроде бы Сталин прорывался к Ленину, а Надежда Константиновна охраняла Ильича, чтобы его не перегружать и не волновать его, как рекомендовали врачи. Или что-то другое. Сталин сказал какую-то грубость Надежде Константиновне, а она передала Ленину. Ленин потребовал, чтобы Сталин извинился. Я не помню, как поступил Сталин: послушался ли Ленина или нет. Думаю, что в какой-то форме он все-таки извинился, потому что Ленин иначе с ним не помирился бы...

Н. С. Хрущев. Время. Люди. Власть: В 4 т. М.: ИИК «Московские новости», 1999. Т. 2. С. 120

В. И. очень ценил Сталина. Показательно, что весной 1922 г., когда с В. И. случился первый удар, а также во время второго удара в декабре 1922 г. В. И. вызывал к себе Сталина и обращался к нему с самыми интимными поручениями, поручениями такого рода, что с ними можно обратиться лишь к человеку, которому особенно доверяешь, которого знаешь как истинного революционера, как близкого товарища. И при этом Ильич подчеркивал, что хочет говорить именно со Сталиным, а не с кем-либо иным. Вообще за весь период его болезни, пока он имел возможность общаться с товарищами, он чаще всего вызывал к себе тов. Сталина, а в самые тяжелые моменты болезни вообще не вызывал никого из членов ЦК, кроме Сталина.

М. И. Ульянова. Письмо в Президиум объединенного пленума ЦК и ЦКК

В подготовке письма М. И. Ульяновой принял участие Н. И. Бухарин, о чем свидетельствует сохранившаяся в архиве ЦК КПСС записка, написанная его рукой на бланке ЦК РКП(б). «Ввиду систематических нападок на тов. Сталина со стороны оппозиционного меньшинства ЦК и непрекращающихся утверждений о чуть ли не полном разрыве со Сталиным со стороны Ленина, я считаю себя обязанной сказать несколько слов об отношении Ленина к Сталину, ибо все последнее время жизни В. И. я была с ним.

Влад. Ильич чрезвычайно ценил Сталина и притом настолько, что и во время первого удара, и во время второго удара В. И. обращался к Сталину с самыми интимными поручениями, подчеркивая при этом, что он обращается именно к Сталину.

Вообще в самые тяжелые моменты болезни В. И. не вызывал ни одного из членов ЦК и ни с кем не хотел видиться, вызывал лишь Сталина. Таким образом, спекуляция на том, что В. И. относился к Сталину хуже, чем к другим, является прямой противоположностью по отношению к истине».

Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 236

В своем заявлении на пленуме ЦК я написала, что В. И. ценил Сталина. Это, конечно, верно. Сталин — крупный работник, хороший организатор. Но несомненно и то, что в этом заявлении я не сказала всей правды о том, как В. И. относился к Сталину. Цель заявления, которое было написано по просьбе Бухарина и Сталина, было ссылкой на отношение к нему Ильича, выгородить его несколько от нападок оппозиции. Последняя спекулировала на последнем письме В. И. к Сталину, где ставился вопрос о разрыве отношений с ним. Непосредственной причиной этого был личный момент — возмущение В. И. тем, что Сталин позволил себе грубо обойтись с Н. К. Этот личный, только и преимущественно, как мне казалось тогда, мотив Зиновьев, Каменев и др. использовали в политических целях, в целях фракционных. Но в дальнейшем, взвешивая этот факт с рядом высказываний В. И., его политическим завещанием, а также всем поведением Сталина со времени, истекшем после смерти Ленина, его «политической» линией, я все больше стала выяснять себе

действительное отношение Ильича к Сталину в последнее время его жизни. Об этом я считаю своим долгом рассказать хотя бы кратко.

М. И. Ульянова. Письмо в Президиум объединенного пленума ЦК и ЦКК

Врачи запретили посещать Ленина, когда он болел, когда его положение ухудшилось. А Крупская разрешила. И на этом возник конфликт между Крупской и Сталиным. Сталин поддерживал решение ЦК — не допускать к Ленину никаких людей. Он был прав в данном случае. Если ЦК, даже Политбюро решило и возложило на Сталина наблюдение за выполнением этого решения...

В. Молотов. Цит. по: *Чуев Ф. И.* С. 271

Тут-то и присоединился тот конфликт, который повел за собой письмо В. И. к Сталину 5/III—23, которое я приведу ниже. Дело было так. Врачи настаивали, чтобы В. И. не говорили ничего о делах. Опасаться надо было больше всего того, чтобы В. И. не рассказала чего-либо Н. К., которая настолько привыкла делиться всем с ним, что иногда совершенно произвольно, не желая того, могла проговориться. Следить за тем, чтобы указанное запрещение врачей не нарушалось, ПБ поручило Сталину. И вот однажды, узнав, очевидно, о каком-то разговоре Н. К. с В. И. Сталин вызвал ее к телефону и в довольно резкой форме, рассчитывая, очевидно, что до В. И. это не дойдет, стал указывать ей, чтобы она не говорила с В. И. о делах, а то, мол, он ее в ЦКК потянет. Н. К. этот разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу и пр.

М. И. Ульянова. Письмо в Президиум объединенного пленума ЦК и ЦКК

Крупская невзлюбила Сталина за то, что он довольно бестактно с ней обошелся. Сталин провел решение секретариата, чтобы не пускать к Ленину Зиновьева и Каменева, раз врачи запретили. Они пожаловались Крупской. Та возмутилась, сказала Сталину, а Сталин ей ответил: «ЦК решил и врачи считают, что нельзя посещать Ленина». — «Но Ленин сам хочет этого!» — «Если ЦК решит, то мы и вас можем не допустить».

В. Молотов. Цит. по: Чуев Ф. И. С. 266

Его грубость дошла до того, что он предложил ОГПУ подслушивать телефонные разговоры Крупской с Троцким. Крупская долго терпела это, но однажды, когда Сталин позвонил к ней и в грубом тоне заявил, что, если она будет передавать больному Ленину жалобы Троцкого, он пришлет отряд ГПУ и выбросит ее из квартиры, а возле Ленина посадит сиделку. Крупская не выдержала и резко оборвала Сталина. В ответ она услышала по телефону резкое и грубое ругательство, какое встречается в самых низкопробных притонах.

Г. З. Беседовский. С. 355

Лев Давыдович, проф. Ферстер разрешил сегодня Владимиру Ильичу продиктовать письмо, и он продиктовал мне следующее письмо к вам: «Тов. Троцкий, как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление. В. Ленин.»

Н. Крупская — Л. Троцкому. 21 декабря 1922 г.

В то время как выздоравливавший Ленин жил еще в деревне, а я отсутствовал в Москве, Центральный Комитет единогласно принял в декабре 1922 г. решение, наносившее непоправимый удар монополии внешней торговли. И Ленин и я, независимо друг от друга, подняли тревогу, затем списались друг с другом и согласовали свои шаги. Уже через несколько недель Центральный Комитет столь же единогласно отменил свое решение, как единогласно вынес его. 21 декабря Ленин торжествующе писал мне: «Т. Троцкий, как будто удалось взять позицию без единого выстрела, простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление...» Совместное наше выступление против Центрального Комитета в начале 1923 г. обеспечило бы победу наверняка. Более того. Я не сомневаюсь, что, если б я выступил накануне XI съезда в духе блока «Ленина — Троцкого» против сталинского бюрократизма, я бы одержал победу и без прямого участия Ленина в борьбе.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 468

Это письмо каким-то образом дошло до Сталина, так как на другой день, 22 декабря, Сталин перешел в контрнаступление — против Крупской.

Л. Фишер. С. 937

Я не буду касаться здесь времени, предшествующего его болезни, относительно которого у меня есть ряд доказательств проявления самого трогательного отношения В. И. к Сталину, о чем члены ЦК знают не менее меня. (*Примеч. М. У.*)

М. И. Ульянова. Письмо в Президиум объединенного пленума ЦК и ЦКК

Лев Борисыч, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию, как более близким товарищам В. И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая и нервы напряжены у меня до крайности.

Н. Крупская — Л. Каменеву. 23 декабря 1922 г.

Сталин формально был прав, так как в это время еще действовало абсолютное запрещение врачей — отменено только 29 декабря. Но, конечно, права и Крупская, так как Ленин требовал. 21-го Ленин еще не имел стенографистки, записала сама Крупская.

Б. Николаевский — Н. Валентинову.

Париж. 23 февраля 1956 г.

— Сталин был раздражен: «Что я должен перед ней на задних лапках ходить? Спать с Лениным еще не значит разбираться в ленинизме!» Мне Сталин сказал примерно так: «Что же, из-за того, что она пользуется тем же нужником, что и Ленин, я должен так же ее ценить и признавать, как Ленина?»

В. Молотов. Цит. по: Чуев Ф. И. С. 266

Из того, что мы все много позднее узнали, например из воспоминаний Троцкого, следует, что Сталин был с Крупской до крайности груб... он потом просто послал ее «к черту» и всякие разговоры с ней прекратил.

Н. Валентинов [5]. С. 91

Легенда же гласит, что Сталин произнес: «Спать с вождем еще не значит знать вождя».

Н. А. Зенькович. С. 152

Мне было ее жалко. Сталин в узком кругу объяснял нам, что она вовсе не была женою Ленина. Он иной раз выражался о ней довольно свободно. Уже после смерти Крупской, когда он вспоминал об этом периоде, то говорил, что, если бы дальше так продолжалось, мы могли бы поставить под сомнение, что она являлась женою Ленина, говорил, что могли бы объявить, что другая женщина была женою Ленина, и называл довольно уважаемого в партии человека. Та женщина и сейчас жива, поэтому я не упоминаю ее имени. Я не могу быть судьей в таких вопросах, а просто считаю, что тут налицо одно из проявлений неуважения к Ленину. Это именно не клевета, а неуважение к Ленину.

Н. С. Хрущев. Т. 2. С. 123

...Он «шутливо» предупредил Крупскую: «Если будете раскольничать, мы дадим Ленину другую вдову».

Э. Радзинский. Сталин. М., 1997. С. 61

— Мы можем назначить Ленину другую жену, например, Стасову (старая большевичка, член КПСС с 1898 года, агент «Искры». — Е. Г.), сказал он.

Р. Сервис. С. 234

Об этом выговоре она рассказала В. И. через несколько дней, прибавив, что они со Сталиным уже помирились. Сталин, действительно, звонил ей перед этим и, очевидно, старался сгладить неприятное впечатление, произведенное на Н. К. его выговором и угрозой. Но об этом же крике Ст[алина] по телефону она рассказала Каменеву и Зиновьеву, упомянув, очевидно, и о кавк[азских] делах.

М. И. Ульянова. С. 240241

Ленин чувствовал, что в связи с его болезнью за его и за моей спиной плетутся пока еще почти неуловимые нити заговора...

Л. Д. Троцкий [5]. С. 149

До нас дошли свидетельства, что больной давал понять самым близким, что порывает личные отношения со Сталиным, намеревается «разгромить его политически», взорвав некую «бомбу» на съезде и т. д.

Н. Н. Яковлев. С. 167

Он со всех сторон обдумывал, как пойдет работа без него и после него. В это время у него складывался в голове тот документ, который получил впоследствии известность под именем «Завещание».

Л. Д. Троцкий [1]. С. 465

Видно, не случайно именно в эти дни Ленин попросил своего библиотекаря Шушанику Никитичну Манучарьянц оставить на полке книгу Энгельса «Политическое завещание».

Е. Я. Драбкина. С. 343

Владимир Ильич до крайности взволнован сталинской подготовкой предстоящего партийного съезда, особенно же в связи с его фракционными махинациями в Грузии. «Владимир Ильич готовит против Сталина на съезде бомбу». Это дословная фраза Фотиевой. Слово «бомба» принадлежит Ленину, а не ей.

Л. Д. Троцкий [5]. С. 154

Невозможность выступить на съезде очень тяжело повлияла на Владимира Ильича, и он, несмотря на свою исключительную

выдержку, не мог сдерживать горьких рыданий...

М. И. Ульянова. С. 263

«Вы знаете ведь Владимира Ильича, — с торжеством говорила Крупская Каменеву, — он бы никогда не пошел на разрыв личных отношений, если бы не считал необходимым разгромить Сталина политически». <...> Со своей стороны Крупская рассказывала мне о том глубоком недоверии, с каким Ленин относился к Сталину в последний период своей жизни. «Володя говорил: «У него (Крупская не назвала имени, а кивнула головой в сторону квартиры Сталина) нет элементарной честности, самой простой человеческой честности...»

Л. Д. Троцкий [6]. С. 274

Последние годы сложные были для Ленина. Нервные.

В. Молотов. Цит. по: Чуев Ф. И. С. 297

В приступе самобичевания он вдруг говорит: «... Мы сделали... огромное количество глупостей. Никто не может судить об этом лучше и видеть это нагляднее, чем я».

Р. Пейн. С. 572

В конце декабря 1922 года Владимир Ильич уже не выходил больше работать в свой кабинет.

М. А. Володичева. С. 216

21 и 22 декабря, несмотря на тяжелое состояние, Владимир Ильич продиктовал две короткие записки. В ночь на 23 декабря болезнь обострилась. Когда Владимир Ильич проснулся, то оказалось, что ни правой ногой, ни правой рукой он не может двигать. Вскоре Мария Ильинична сообщила нам горькую весть: болезнь Владимира Ильича распространилась дальше. Правая рука и правая нога поражены параличом. С этих пор Владимир Ильич больше не мог сам писать.

Л. А. Фотиева [1]. С. 187

Ему запрещена была всякая работа и даже встречи с товарищами, так как последние неизбежно влекли бы за собой деловые разговоры...

М. А. Володичева. С. 216

Никто из должностных лиц, кроме М. А. Володичевой, меня, М. И. Гляссер и медицинского персонала, у Владимира Ильича с 23 декабря не бывал.

Л. А. Фотиева [1]. С. 187

24 декабря на совещании врачей с членами Политбюро Сталиным, Бухариным и Каменевым было решено, что Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5—10 минут. Но это не должно носить характер переписки, и на эти записки Владимир Ильич не должен ожидать ответа. Свидания запрещались. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений. Для записи диктуемого Владимиру Ильичу предоставили право вызывать из своего секретариата М. А. Володичеву и меня.

Л. А. Фотиева. С. 188

Теперь лишь два раза в день по несколько минут он мог писать свой дневник, диктуя его или тов. Фотиевой, или мне.

М. А. Володичева. С. 216

Владимир Ильич сказал, что теперь он понимает, почему его стенографисты не удовлетворяли. Он привык видеть свою рукопись перед глазами, останавливаться, обдумывать в затруднительных случаях то место, в котором он «увязал», ходить по комнате, даже просто убегать куда-нибудь гулять; ему и теперь часто хочется схватить карандаш и писать или внести самому исправления.

Л. А. Фотиева [1]. С. 207

Обычно это (время диктовки) было днем, около 12 часов, и чаще вечером, около 6 часов. Половина шестого, без четверти шесть — у меня уже было напряженнейшее состояние.

М. А. Володичева. С. 216

Постепенно время для диктовки Владимира Ильича было увеличено до 20 минут в день, а затем до 40 минут в два приема, утром

и вечером.

Л. А. Фотиева. С. 187

В 6 часов заходила Мария Ильинична или из квартиры Владимира Ильича звонили в Секретариат, и я шла к Владимиру Ильичу.

М. А. Володичева. С. 216

Необходимость диктовать, а не писать самому сильно затрудняла Владимира Ильича. Он и до болезни не любил диктовать. Владимир Ильич говорил, что привык видеть перед глазами написанный текст. Его стесняло, что в минуты, когда, продиктовав фразу, он останавливался, обдумывая дальнейшее, стенографистка бездействовала, ожидая продолжения. Пытаясь приучить себя к диктовке, Владимир Ильич просил, чтобы стенографистка имела при себе какую-либо книгу для чтения в перерывах. Однако и это не помогло. Тогда стенографистку поместили в соседней комнате, дали ей наушники, и Владимир Ильич диктовал по телефону. Но к этому способу он прибегал редко и неохотно...

Диктуя свои последние письма и статьи, Владимир Ильич быстро, скороговоркой произносил сложившуюся в уме фразу и останавливался ненадолго, продумывая следующую. При этом Владимир Ильич никогда не повторял уже произнесенное предложение, и ни М. А. Володичева, ни я не осмеливались переспрашивать, боясь нарушить течение его мысли. М. А. Володичева рассказывала, что в то время когда Владимир Ильич, например, диктовал фразу: «Нашим Сухановым...» — на словах «и не снится» остановился и, пока обдумывал продолжение, шутливо сказал: «Вот какая память! Совершенно забыл, что я хотел сказать! Черт возьми, беспамятность удивительная!»... На словах «и чем круче эта революция» Владимир Ильич остановился, несколько раз повторил их, попросил прочитать ему предыдущее, засмеялся и сказал: «Тут я, кажется, завяз окончательно, так и отметьте — завяз на этом самом месте!»

На замечание Володичевой, что диктовка стенографистке — это неизбежное зло на короткий период времени и что скоро он сам сможет писать, Владимир Ильич усталым голосом сказал: «Ну, это когда еще будет!»

Л. А. Фотиева [1]. С. 189,200, 208

Таким образом, им были продиктованы все последние статьи, появившиеся в печати в 1923 году: «Странички из дневника», «О кооперации», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше».

М. А. Володичева. С. 216

23 декабря 1922 года мне сообщили, что меня вызывает к себе Ленин. Его беспокоит один важный вопрос, и он хочет продиктовать что-то стенографистке. Мне и раньше приходилось стенографировать выступления и письма Владимира Ильича. Записывала я его доклад на апрельской конференции, принимала его телефонограммы из Горок, а теперь мне предстояло вести запись у постели больного Ильича. Можете себе представить, как я волновалась! Помню, что в квартире Владимира Ильича я увидела Марию Ильиничну, Надежду Константиновну и группу врачей. Меня предупредили, что Ленину разрешено диктовать не более 5 минут. Надежда Константиновна провела меня в комнату, где на кровати лежал Ильич. Вид у него был болезненный. Он неловко подал мне левую руку, правая была парализована. Это меня сильно поразило. Я не предполагала, что ему до такой степени плохо. Когда мы остались одни, я села за стол рядом с кроватью. Ленин сказал: «Я хочу продиктовать письмо к съезду. Запишите!»... Надежда Константиновна не вводила меня в комнату. Они стояли (Мария Ильинична, Надежда Константиновна и врач) около той комнаты, в которой лежал Ильич. Меня никто не провожал. Они только расступились, пропуская меня. И я вошла. Ленин диктовал быстро. Видимо, все было продумано у него заранее. Чувствовалось его болезненное состояние. Диктовка давалась ему нелегко. Говорил он глухо, не жестикулируя как обычно. Закончил диктовку в отведенное время и немного повеселел. А я все еще не могла прийти в себя. Была как в тумане...

М. А. Володичева. Цит. по: Бек А. С. 8

После окончания диктовки записи тотчас же расшифровывались, переписывались на машинке и передавались Владимиру Ильичу. По его указанию продиктованное перепечатывалось на машинке в пяти

экземплярах: один — для него, три — для Надежды Константиновны, и один хранился в его секретариате... Владимир Ильич сказал Володичевой, чтобы особо секретные записи хранились в конвертах под сургучной печатью. На конвертах по указанию Ленина делалась надпись, что вскрыть их может лишь В. И. Ленин. Владимир Ильич добавлял еще: «А после его смерти — Надежда Константиновна». Но эти слова на конвертах не писались, о них знали только Надежда Константиновна и Мария Ильинична.

Л. А. Фотиева [1]. С. 189190

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно.

Ленин. Из так называемого «Политического завещания».

Запись от 24 декабря 1922 г.

ПСС. Т. 45. С. 345

...Ленин стремился придать своей оценке Сталина как можно менее обидное выражение. Но речь шла тем не менее о смещении Сталина с того единственного поста, который мог дать ему власть.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 274

4 я н в а р я он вызвал меня и продиктовал добавление к письму от 24 декабря, в котором дал резкую характеристику Сталину.

Л. А. Фотиева [1]. С. 199

Хотя невозможно точно сказать, сообщили ли Ленину именно в это время о выходе Сталина по отношению к Крупской и о ее письме

к Каменеву, есть все основания предположить, что к 4 января ему об этом инциденте стало известно, ибо в этот день он потребовал ту часть записок, которая была составлена 24 декабря, и продиктовал следующее добавление к ней: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношениях Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

Л. Фишер. С. 937

То, что Ленин написал о грубости Сталина, — это было не без влияния Крупской.

В. Молотов. Цит. по: Чуева Ф. И. С. 271

Тот, кто станет изучать документы, объясняющие причины принятия Лениным по данному вопросу столь жесткого решения, легко обнаружит ключ к разгадке в слове «грубость», которое означает не только оскорбительную речь, но и оскорбительные поступки. И в последних высказываниях Ленина о Сталине это слово играет весьма существенную роль. Свое письмо к Сталину от 5 марта с требованием извинений Ленин начал с упоминания грубости по отношению к Крупской. Вполне возможно, что Ленин узнал об инциденте в конце декабря или начале января, то есть вскоре после случившегося, и что грубость Сталина в отношении жены Ленина в какой-то степени повлияла на решение сделать уже упоминавшееся добавление...

Р. Такер. Сталин. Путь к власти. 1879-1929. История и личность. М.: Прогресс, 1990. С. 248-249

Был уже поздний час, когда я вернулась в секретариат. Я долго сидела там подавленная, стараясь осмыслить все услышанное у Ленина. Его письмо показалось мне очень тревожным. Я позвонила Лидии Александровне Фотиевой, сказала ей, что Ленин продиктовал мне чрезвычайно важное письмо очередному съезду партии, и спросила, что с ним делать, не показать ли кому-нибудь, может быть, Сталину. Упор нужно сделать не на то, что я была очень взволнована, просто я впервые видела его в таком состоянии. «Ну что же, покажите Сталину», — сказала Лидия Александровна. Так я и сделала... В квартире Сталина я увидела его самого, Надежду Сергеевну Аллилуеву, Орджоникидзе, Бухарина и Назаретяна. (А. Назаретян, член партии с 1905 года, с 1922 года работал в ЦК РКП(б). — *Е. Г.*) Сталин взял письмо и предложил Орджоникидзе и Бухарину пройти с ним в соседнюю комнату. Получилось так, что все произошло в молчании. <...> Примерно через четверть часа вышел Сталин. Шаги его были на этот раз тяжелыми, лицо озабоченно. Он пригласил меня в другую комнату, и Орджоникидзе спросил, как себя чувствует Ильич. <...> Повторяю: в квартире Сталина я увидела его самого, Аллилуеву, Орджоникидзе и Бухарина. Мне было важно довести до сведения Сталина, что хотя Владимир Ильич и прикован к постели, но бодр, речь его течет бодро и ясно. У меня создалось впечатление, что Сталин был склонен объяснить ленинское письмо съезду болезненным состоянием Ильича. «Сожгите письмо», — сказал он мне. Это распоряжение Сталина я выполнила. Сожгла копию письма, которую ему показывала, но не сказала, что 4 других экземпляра ленинского документа лежат в сейфе.

На следующий день я рассказала обо всем произошедшем Фотиевой и Гляссер. «Что ты наделала! — набросились они на меня. — Сейчас же возобнови копию!» Я тут же отпечатала пятую копию.

М. А. Володичева. Цит. по: Бек А. С. 8

После всего того, что произошло в предшествовавшие месяцы, Завещание не могло явиться для Сталина неожиданностью. Тем не менее, он воспринял его как жестокий удар. Когда он ознакомился впервые с текстом, который передала ему Крупская для будущего съезда партии, он в присутствии своего секретаря Мехлиса, ныне политического шефа Красной армии, и видного советского деятеля

Сырцова, ныне исчезнувшего со сцены, разразился по адресу Ленина площадной бранью, которая выражала тогдашние его подлинные чувства по отношению к «учителю».

Л. Д. Троцкий [4]. С. 275

Сталин, по свидетельству Троцкого, назвал ленинское «Завещание» запиской больного человека, находящегося под влиянием баб.

К. и Т. Енко. С. 133

Раз утром Сталин вызвал меня в кабинет В. И. Он имел очень расстроенный и огорченный вид.»Я сегодня всю ночь не спал», — сказал он мне. «За кого же Ильич меня считает, как он ко мне относится! Как к изменнику какому-то. Я же его всей душой люблю. Скажите ему это как-нибудь». Мне стало жаль Сталина. Мне казалось, что он так искренне огорчен.

Ильич позвал меня зачем-то, и я сказала ему, между прочим, что товарищи ему кланяются. «А», — возразил В. И. «И Сталин просил передать тебе горячий привет, просил сказать, что он так любит тебя». Ильич усмехнулся и промолчал. «Что же, — спросила я, — передать ему и от тебя привет?» — «Передай», — ответил Ильич довольно холодно. «Но, Володя, — продолжала я, — он все же умный, Сталин». — «Совсем он не умный», — ответил Ильич решительно и поморщившись. Но как В. И. ни был раздражен Сталиным, одно я могу сказать с полной убежденностью. Слова его о том, что Сталин «вовсе не умен», были сказаны В. И. абсолютно без всякого раздражения. Это было его мнение о нем — определенное и сложившееся, которое он и передал мне. Это мнение не противоречит тому, что В. И. ценил Сталина как практика, но считал необходимым, чтобы было какое-нибудь сдерживающее начало некоторым его замашкам и особенностям, в силу которых В. И. считал, что Сталин должен быть убран с поста генсека. Об этом он так определенно сказал в своем политическом завещании, в характеристиках ряда товарищей, которые он дал перед своей смертью и которые так и не дошли до партии. Но об этом в другой раз.

М. И. Ульянова // Известия ЦК КПСС. 1989. №12. С. 195

Уже при жизни Ленина Сталин вел через своих агентов слух, что Ленин умственный инвалид, не разбирается в положении и проч...

Л. Д. Троцкий [5]. С. 135

Узнал ли Ленин, что Сталин считает его окончательно выбывшим из строя? Да, узнал. *Так утверждал Владимиров(?)* в беседе со мной в декабре 1924 года. Ленина тогда уже не было в живых. На чем покоилось его утверждение, не знаю. Владимирова я о том не расспрашивал и по ряду причин *не мог* этого делать. По его словам, Ленин сказал: *«Я еще не умер, а они, со Сталиным во главе, меня уже похоронили»*.

Н. В. Валентинов [5]. С. 224

Сталин не мог более сомневаться, что возвращение Ленина к работе означало бы для генерального секретаря политическую смерть. И наоборот: только смерть Ленина могла расчистить перед Сталиным дорогу...

Л. Д. Троцкий [6]. С. 275

В феврале 1923 года, как вспоминал профессор В. В. Крамер, опять «отмечались сперва незначительные, а потом и более глубокие, но всегда только мимолетные нарушения в речи... Владимиру Ильичу было трудно вспомнить то слово, которое ему было нужно... Продиктованное им секретарше он не был в состоянии прочесть... Он начинал говорить нечто такое, что нельзя было совершенно понять».

Б. В. Соколов. С. 316

Уже после смерти Сталина в секретном отделе мы наши конверт, а в нем лежала записка, написанная рукою Ленина.

Н. С. Хрущев. Т. 2. С. 122

В 1955 году, похоронив идею музея Сталина, Хрущев решил передать дачу в Кунцево в собственность ЦК КПСС для создания здесь «Дома творчества», то есть изолированной резиденции, в которой группы сотрудников аппарата ЦК могли бы уединяться для подготовки разных докладов и аналитических записок для Политбюро. В связи с этим начали менять меблировку. Большую часть мебели самого

Сталина выносили в обширные подземные помещения, созданные перед началом войны и во время войны как бомбоубежища. Бывший помощник Хрущева А. В. Снегов, с которым мы были знакомы, рассказывал, что при выносе письменного стола из бывшего кабинета Сталина под газетой, постеленной самим Сталиным на дно одного из ящиков, были случайно обнаружены пять писем Сталину. Снегов запомнил три из них. Одно из писем было продиктовано Лениным 5 марта 1923 года. Это письмо, в котором Ленин требовал от Сталина извинений за грубое обращение с Н. К. Крупской, было вскоре прочитано как «новый документ» во время секретного доклада Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС в конце февраля 1956 года. Второе письмо было написано Бухариным, как предсмертное, перед самым расстрелом. Оно кончалось словами: «Коба, зачем тебе нужна моя смерть?» Третье из найденных случайно писем было написано маршалом Тито в 1950 году. Его текст был краток: «Сталин. Перестаньте посылать ко мне убийц. Мы уже поймали пятерых, одного с бомбой, другого с винтовкой... Если вы не перестанете присылать убийц, то я пришлю в Москву одного, и мне не придется присылать второго».

Ж. А. Медведев, Р. А. Медведев. Неизвестный Сталин. М.: Права человека, 2001. С. 8283

Ленин писал Сталину, что он нанес оскорбление Надежде Константиновне, которая является его другом, и требовал, чтобы тот извинился. Ленин писал, что если Сталин не извинится, то Ленин не будет считать его своим товарищем. Я был удивлен, что такая записка сохранилась. Наверное, Сталин забыл о ней. Сталин сильно не уважал Надежду Константиновну. Да он не уважал и Марию Ильиничну. Вообще очень плохо отзывался о них и не считал, что они представляли какую-то ценность для партии, что они сыграли какую-то роль в борьбе за дело партии, в достижении ею победы, какую одержала партия большевиков. Мне становилось очень не по себе, когда я слышал и видел, с каким неуважением относился Сталин к Надежде Константиновне еще при ее жизни.

Н. С. Хрущев. Т. 2. С. 122/23

Надежда Константиновна не всегда вела себя, как надо. Она могла бы проговориться Владимиру Ильичу. Она привыкла всем делиться с ним. И даже в тех случаях, когда этого делать нельзя было. <...> Например, зачем она рассказала Владимиру Ильичу, что Сталин выругал ее по телефону?..

Л. А. Фотиева. Цит. по: Бек А. С. 9

Сейчас, когда в некоторых публикациях все чаще стало упоминаться имя Надежды Константиновны Крупской и отношение к ней Сталина, я хочу рассказать о том, что мне доподлинно известно.

Почему В. И. Ленин, только через два месяца после грубого разговора Сталина с Надеждой Константиновной написал ему письмо, в котором потребовал, чтобы Сталин извинился перед ней?

Возможно, только я одна знаю, как это было в действительности, так как Надежда Константиновна часто рассказывала мне об этом. Было это в самом начале марта 1923 года. Надежда Константиновна и Владимир Ильич о чем-то беседовали. Зазвонил телефон. Надежда Константиновна пошла к телефону (телефон в квартире Ленина всегда стоял в коридоре). Когда она вернулась, Владимир Ильич спросил:

— Кто звонил?

— Это Сталин, мы с ним помирились.

— То есть как?

И пришлось Надежде Константиновне рассказать все, что произошло в декабре 1922 года, когда Сталин ей позвонил, очень грубо с ней разговаривал, грозил Контрольной комиссией. Надежда Константиновна просила Владимира Ильича не придавать этому значения, так как все уладилось и она забыла об этом. Но Владимир Ильич был непреклонен, он был глубоко оскорблен неуважительным отношением Сталина к Надежде Константиновне и продиктовал 5 марта 1923 года письмо Сталину с копией Зиновьеву и Каменеву, в котором потребовал, чтобы Сталин извинился.

Сталину пришлось извиниться, но он этого не забыл и не простил Надежде Константиновне, и это повлияло на его отношение к ней...

В. Дридзо, секретарь Крупской // Коммунист. 1989. №5

Секретарь Ленина Володичева также считала, что Ленин узнал о грубости Сталина ранее 5 марта: «Возможно, он знал это раньше. А

письмо написал 5 марта»

Ю. Фельштинский. С. 293

Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но, тем не менее, этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением Ленин.

В. И. Ленин — Сталину. 5 марта 1922 г.

Письмо это В. И. просил Володичеву отправить Сталину, не говоря о нем Н. К., а копию в запечатанном конверте передать мне.

Но, вернувшись домой, Н. К. по расстроенному виду В. И. поняла, что что-то неладно. И попросила Володичеву не посылать письма. Она, мол, сама поговорит со Сталиным и попросит его извиниться. Так передает Н. К. теперь, но мне сдается, что она не видала этого письма и оно было послано Сталину — так, как хотел В. И. Ответ Сталина несколько задержался, потом решили (должно быть, врачи с Н. К.) не передавать его В. И., так как ему стало хуже...

М. И. Ульянова // Известия ЦК КПСС. 1989. №12. С. 195

6 марта утром Владимир Ильич вызвал М. А. Володичеву. Прочитал свое письмо Сталину, продиктованное накануне, и поручил ей передать письмо лично из рук в руки Сталину и получить ответ.

Затем Владимир Ильич продиктовал телеграмму:

«Мдивани, Махарадзе и другим.

Дорогие товарищи... Готовлю для вас записку и речь. Ваш Ленин».

На этих строчках оборвалась деятельность В. И. Ленина.

С 6 марта началось резкое ухудшение здоровья Владимира Ильича. Он уже не мог больше работать.

Л. А. Фотиева [1]. С. 211

Передавала письмо из рук в руки. Я просила Сталина написать письмо Владимиру Ильичу, так как тот ожидает ответа, беспокоится. Сталин прочел письмо стоя, тут же при мне, лицо его оставалось спокойным. Помолчал, подумал и произнес медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, делая паузы между ними: «Это говорит не Ленин, это говорит его болезнь». И продолжал: «Я не медик, я — политик. Я Сталин. Если бы моя жена, член партии, поступила неправильно и ее наказали бы, я не счел бы себя вправе вмешиваться в это дело. А Крупская — член партии. Но раз Владимир Ильич настаивает, я готов извиниться перед Крупской за грубость».

М. А. Володичева. Цит. по: Бек А. С. 8

Сталин, получив письмо о фактическом разрыве отношений с Лениным, ведет себя со своим больным патроном почти дерзко. На трех страничках, вырванных из служебного блокнота со штампом «Секретарь Центрального Комитета И. В. Сталин», генсек 7 марта фактически дезавуирует сказанное Крупской...

Д. А. Волкогонов. С. 348

Т. Ленину от Сталина.

Только лично.

Т. Ленин!

Недель пять назад я имел беседу с т. Н. Константиновной, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: «Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем Вы, Надежда Константиновна, оказывается, нарушаете этот режим, нельзя играть жизнью Ильича» и пр.

Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предпринятое «против» Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрее Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения «отношений» я должен «взять назад» сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего, собственно, от меня хотят.

И. Сталин.

Сталин — В. И. Ленину. 7 марта 1923 г.

Ленин в своем письме, дважды обращаясь к Сталину, употребляет слово «уважаемый». Генсек обходится без этих эпитетов.

Д. А. Волкогонов. С. 343

6 марта Володичева записала в «Дневнике»: «Письмо Владимиру Ильичу еще не передано, т. к. он заболел». Это была последняя фраза «Дневника дежурных секретарей Ленина». «Нельзя сказать, знал ли Ленин об ответе Сталина, с точной достоверностью. Да, впоследствии, когда мы были на даче, когда ему стало лучше, это было возможно. Но возможно, а не точно!» — так завершила Володичева свой рассказ о последней борьбе Ленина.

Ю. Фельштинский. С. 313

...И так В. И. и не узнал его ответа, в котором Сталин извинялся.

М. И. Ульянова // Известия ЦК КПСС. 1989. №12. С. 195

Это было последнее письмо, продиктованное Лениным. Он пытался продиктовать Крупской еще одно письмо, в котором требовал немедленной отставки Сталина, но не успел: его поразили последний удар, который привел его в состояние полного паралича. Из этого состояния он больше до самой смерти не выходил. Грубость Сталина ускорила его смерть...

Г. З. Беседовский. С. 355356

Еще до этого я слышала о некотором недовольстве В. И. Сталиным. Мне рассказывали, что, узнав о болезни Мартова, В. И. просил Сталина послать ему денег.»Чтобы я стал тратить деньги на врага рабочего дела! Ищите себе для этого другого секретаря», — сказал ему Ст [алин]. В. И. был очень расстроен этим, очень рассержен

на Ст[алина]. Были ли другие поводы для недовольства им со стороны В. И. ? Очевидно, были.

М. И. Ульянова. Письмо в Президиум объединенного пленума ЦК и ЦКК

...Однажды, когда к нему пришли жаловаться на Сталина, Ленин с раздражением воскликнул:

«Я, конечно, знаю, что Сталин туп и груб, но, поймите же, не могу же я как гувернантка все время следить за ним! У меня есть дела и поважнее!» Другой раз, в беседе с Ногиным, Ленин выразился еще определеннее: «Несчастье Сталина в том, что он любит простые истины, не понимая того, что очень часто такие истины являются самыми сложными. Кроме того, он все перебарщивает и все пересаливает. Если бы судьба сделала его кашеваром в казарме, Сталин каждый день пересаливал бы солдатские щи и каждый день солдаты выливали бы ему эти щи на голову. Впрочем, даже такая экзекуция не сделала бы из Сталина хорошего кухаря».

Н. Валентинов [5]. С. 201

— Помните, вы рассказывали, что, когда Ленин начал характеризовать Сталина, вас потрясло одно слово, которым он характеризовал Сталина?

— Да, «держиморда».

— Это письмо по национальному вопросу?

— Где это было, в какой стенограмме, я не помню. Я просто сначала не разобралась, потом, когда разобралась, ужаснулась, ужаснувшись, перестала печатать.

— И так это слово и не вошло никуда?

— Не вошло...

М. А. Володичева. Цит. по: *Бек А. С. 8*

У В. И. было очень много выдержки. И он очень хорошо умел скрывать, не выявлять отношения к людям, когда считал это почему-либо более целесообразным. Я помню, как он скрывался в своей комнате, закрывал за собой дверь, когда в нашей квартире появлялся один служащий ВЦИКа, которого он не переваривал. Он точно боялся встретиться с ним, боялся, что ему не удастся сдержать себя и его

действительное отношение к этому человеку проявится в резкой форме.

Тем более сдерживался он по отношению к товарищам, с которыми протекала его работа. Дело было для него на первом плане, личное он умел подчинять интересам дела, и никогда это личное не выпирало и не превалировало у него.

Характерен в этом отношении случай с Троцким. На одном заседании ПБ Троцкий назвал Ильича «хулиганом». В. И. побледнел как мел, но сдержался. «Кажется, кое у кого тут нервы пошаливают», что-то вроде этого сказал он на эту грубость Троцкого, по словам товарищей, которые передавали мне об этом случае. Симпатии к Троцкому и помимо того он не чувствовал — слишком много у этого человека было черт, которые необычайно затрудняли коллективную работу с ним. Но он был большим работником, способным человеком, и В. И., для которого, повторяю, дело было на первом плане, старался сохранить его для этого дела, сделать возможным дальнейшую совместную работу с ним. Чего ему это стоило — вопрос другой. Крайне трудно было поддерживать равновесие между Троцким и другими членами ПБ, особенно между Троцким и Сталиным. Оба они — люди крайне честлюбивые и нетерпимые. Личный момент у них перевешивает над интересами дела. И каковы отношения были у них еще в первые годы Советской власти, видно из сохранившихся телеграмм Троцкого и Сталина с фронта к В. И.

М. И. Ульянова. Письмо в Президиум объединенного пленума ЦК и ЦКК

В 1922 году Ленин понимал, что такое Сталин. «Мария Акимовна, — спросил А. Бек секретаря Ленина Володичеву, — есть ли какие-нибудь шансы найти просто устные отзывы Ленина о Сталине?» «Ничего я не слышала. Даже намек нет, — ответила Володичева. — Ленин все-таки был тоже очень осторожный человек».

Ю. Фельштинский. С. 293

Стояли первые дни марта 1923 года. Ленин лежал в своей комнате, в большом здании судебных установлений.

Л. Д. Троцкий [5]. С. 154

С начала марта периодически обнаруживаются у Владимира Ильича припадки почти полной афазии: больной может произносить только несколько оставшихся в его речевом лексиконе фраз. Так, например, ночью 6/III, во время такого припадка, длившегося часа 3—4, больной в возбуждении мог только говорить короткие сочетания слов: «помогите, ах, черт, йод помог, если это йод».

С. М. Доброгаев. Болезнь речи В. И. Ленина и ее лечение // Наша искра. 1925. №1. С. 32

С марта наступает третий период заболевания, который выражается в тяжелом параличе правых конечностей и в резком поражении речи.

В. П. Осипов. С. 290

С 10 марта 1923 г. письмо как средство коммуникации окончательно перестало существовать для Ленина.

Н. Петренко. С. 152

Только для президиумов губкомов, обкомов и национальных ЦК. Политбюро считает необходимым поставить вас в известность о наступившем серьезном ухудшении в состоянии Владимира Ильича. С декабря прошлого года т. Ленин потерял способность двигать правой рукой и правой ногой, вследствие чего т. Ленин, не имея возможности писать, вынужден был диктовать свои статьи стенографам. Так как такие явления наблюдались время от времени и ранее, в первый период болезни, и затем проходили, то врачи выражали твердую надежду, что и на этот раз Владимир Ильич справится с болезнью в более или менее короткий срок. И действительно, улучшение, хотя и медленное, в состоянии Владимира Ильича наблюдалось до последних дней. Твердо рассчитывая на это улучшение, последний пленум ЦК постановил даже не опубликовывать пока некоторых резолюций к съезду, надеясь, что можно будет через неделю-две посоветоваться относительно их с Владимиром Ильичем. Между тем десятого марта наступило резкое ухудшение. Т. Ленин почти утратил способность речи при сохранении ясного и отчетливого сознания. Врачи признают положение тяжелым, не отказываясь, однако, от надежды на

улучшение. Ввиду глубокой серьезности положения с сегодняшнего дня начинается публикация врачебных бюллетеней.

В тревожные для партии и революции дни ЦК твердо рассчитывает на величайшую выдержку и сплоченность всех руководящих организаций партии. Более чем когда-либо губкомы должны быть в курсе настроений массы, чтобы не допустить никакого замешательства.

По поручению Политбюро секретарь ЦКИ. Сталин.

Телеграмма Сталина партийному активу от 10 марта 1923 г.

Цит. по: В. Е. Мельниченко [1]. С. 262263

Одним из последствий удара 10 марта 1923 явилось практически полное поражение произвольной речи. С этого времени словарь Ленина ограничивался словами: «вот», «иди», «идите», «вези», «веди», «аля-ля» и некоторыми другими, в том числе и на иностранных языках («гут морген»). Все эти речевые остатки произносились больным произвольно, никакой семантической нагрузки не несли, повторялись многократно вне связи с их лексическим содержанием. В последние три-четыре месяца жизни Ленин стал достаточно осознанно пользоваться междометием «вот-вот». Об этом завоевании упомянул посетивший его в конце осени О. А. Пятницкий: «...Ильич стал слушать внимательно и своим единственным словом, которым он хорошо владел: «вот-вот», стал делать замечания во время рассказа...»

Н. Петренко. С. 146

Тем временем записи в «Дневнике дежурного врача», заменившем «Дневник дежурных секретарей», вплоть до середины мая оптимизма не внушали. Так, 11 марта отмечалось: «Доктор Кожевников зашел к Владимиру Ильичу в 11 с четвертью часов. Цвет лица бледный, землистый, выражение лица и глаз грустное... Все время делает попытки что-то сказать, но раздаются негромкие, нечленораздельные звуки... Сегодня Владимир Ильич, в особенности к вечеру, стал хуже понимать то, что ему говорят, иногда он отвечает «нет», когда, по всем данным, ответ должен быть положительным».

Столь же безрадостная картина и на следующий день, когда прибыло срочно вызванное подкрепление из Германии: «Сегодня приехали проф. Минковски и Ферстер. С вокзала доктор Кожевников с

ними поехал на заседание Политбюро, а оттуда к Владимиру Ильичу... Со стороны нервной системы сознание ясное (по-видимому!), почти полная моторная афазия, сегодня Владимир Ильич ничего не может сказать... Владимир Ильич плохо понимает, что его просят сделать. Ему были поданы ручка, очки и резательный нож. По предложению дать очки Владимир Ильич их дал, по просьбе дать ручку Владимир Ильич снова дал очки (они ближе всего лежали к нему)... После посещения Владимира Ильича все врачи снова были в Политбюро...»

17 марта, когда Ленин просил у Крупской цианистый калий, в дневнике зафиксировано: «После врачебного визита Владимир Ильич хорошо пообедал. Через некоторое время он хотел высказать какую-то мысль или какое-то желание, но ни сестра, и Мария Ильинична, ни Надежда Константиновна совершенно не могли понять Владимира Ильича, он начал страшно волноваться, ему дали брома. Мария Ильинична позвонила доктору Кожевникову, он приехал...» Вероятно, именно мысль о самоубийстве так взволновала Ленина.

Б. В. Соколов. С. 326

По словам лечащего врача Ленина немца Ферстера, больного в 1923 году мучило чувство страха и обреченности. Оставшись наедине со своим уже замутненным сознанием, Ленин, возможно, переживал уже прожитое. Его необратимость, как и караулившая у изголовья смерть, сдавливали спазмами страха виски, голову, тело...

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 196

С 1893 г. и до весны 1923 г., когда отвердение мозговых артерий отняло у него язык и остановило его перо, Ленин написал приблизительно десять миллионов слов.

Л. Фишер. С. 39

Некоторые считают, что перед смертью Ленин одумался и унес с собой в могилу рецепты, которые могли бы спасти положение, страну. Это глубокое заблуждение. Ссылаются на введенный Лениным нэп. Но, Боже мой! Нэп — это жалкая пародия на обыкновенную, нормальную российскую дореволюционную действительность с бурной торговлей, с изобилием товаров, с восемнадцатью тысячами

ярмарок, с елисеевскими магазинами, филипповскими булочными, с чайными, трактирами, сенокосами, хоровами...

В. А. Солоухин. С. 191

Ленин, — сказал мне Стеклов, — произвел изумительный по смелости и решительности поворот политики. «Научитесь торговать!» — мне казалось, что я скорее губы себе обрежу, а такого лозунга не выкину. С принятием такой директивы нужно *целые главы марксизма от нас отрезать*. Давать руководящие принципы они нам уже не могут. А когда Варейкис бросил Ленину такое замечание, тот крикнул: «Пожалуйста, не обучайте меня, что взять или что откинуть от марксизма, яйца курицу не учат!»

Н. Валентинов [5]. С. 67

Кроме того, в письме Л. Б. Каменеву в марте 1922 года он пишет: «Величайшая ошибка думать, что НЭП положит конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому».

В. А. Солоухин. С. 191

В пятницу 23 марта 1923 г. в газете «Известия» был опубликован очередной «Бюллетень о состоянии здоровья В. И. Ульянова-Ленина». В нем говорилось: «21 марта 1923 года, в 2 часа дня, состоялась консультация с прибывшими из-за границы профессорами, причем после подробного обсуждения истории болезни и всестороннего обследования Владимира Ильича все нижеподписавшиеся пришли к следующему единогласному заключению: Болезнь Владимира Ильича, поведшая к расстройству речи и ослаблению правой руки и правой ноги, имеет в своей основе заболевание соответственных кровеносных сосудов. Признавая правильным применявшееся до сих пор лечение, консилиум находит, что болезнь эта, судя по течению и данным объективного обследования, принадлежит к числу тех, при которых возможно почти полное восстановление здоровья. В настоящее время проявления болезни постепенно уменьшаются. Однако процесс этот имеет неизбежно длительное течение. Ввиду этого бюллетени будут издаваться с сего числа только по мере надобности. Москва 22 марта 1923 г. 2 часа дня

Проф. Хеншен. Проф. Ад. Штрюмпелль. Проф. Минковски. Проф. Нонне. Проф. Ферстер. Проф. Бумке. Проф. Крамер. Д-р А. Кожевников. Наркомздрав Н. Семашко».

Цит. по: *М. Г. Штейн* [2]. С. 159

Около 22 июня начинается новое и последнее обострение болезни, которое продолжалось около месяца. У него было в то время состояние возбуждения, были иногда галлюцинации, он страдал бессонницей, лишился аппетита, ему трудно было спокойно лежать в постели, болела голова, и он только тогда несколько успокаивался, когда его в кресле возили по комнате... Во второй половине июля обострение затихло, здоровье снова стало улучшаться, и уже скоро Владимир Ильич мог выезжать в парк около дома, в котором он жил; восстановился сон, улучшился аппетит, он пополнил, чувствовал себя бодрым, появилось хорошее настроение, и, конечно, первое, чем он заинтересовался, — это снова речевые упражнения. Уход за ним был безукоризненный. Все хозяйственные заботы лежали на его сестре, Марии Ильиничне Ульяновой (неспособность Крупской к ведению домашнего хозяйства была хорошо известна. — *Б. С.*), а весь уход, так сказать, духовный приняла на себя Надежда Константиновна Крупская... Эти две женщины жертвовали для него всеми личными интересами и окружали его всевозможными удобствами... До этого обострения речевые упражнения производил врач, а здесь Владимир Ильич выразил жестами определенное желание, чтобы речевые упражнения вела Надежда Константиновна. Он, видимо, не хотел, чтобы этот его речевой недостаток видели другие, это было ему неприятно. Надежда Константиновна опытный педагог, но для этих занятий нужно иметь специальные знания. Поэтому мы каждый вечер собирались и давали ей определенную инструкцию, и таким образом под нашим руководством она проводила эти занятия, протекавшие весьма успешно.

В. П. Осипов. Цит. по: *Соколов Б. В.* С. 329330

Человек, который своим словом приводил в состояние экстаза массы и убеждал закаленных в дискуссиях борцов и вождей, человек, на слово которого уже так или иначе реагировал весь мир, — этот человек не мог выразить самой простой примитивной мысли,

касающейся самых насущных физиологических потребностей. Не мог сказать, но в состоянии был все понять. Это ужасно. На лице его было написано страдание и какой-то стыд, а глаза сияли радостью и благодарностью за каждую мысль, понятую без слов. Этот раздирающий душу благодарный взгляд испытал на себе и я, случайно угадавший одно его желание, которое не поняли окружающие.

М. И. Авербах. С. 276

Я, например, помню один случай, который развеселил окружающих: несколько санитаров дежурили около него с начала болезни и до конца; это были студенты-медики Московского университета, и среди них один молодой врач. Однажды он приезжает из Москвы, это было днем. Обыкновенно между 4 и 5 часами пили чай. Владимир Ильич сидит в столовой вместе с Надеждой Константиновной. Я часто заходил к ним в эти часы... И вот приезжает молодой санитар. На столе чай, самовар и больше ничего. Владимир Ильич начинает обнаруживать беспокойство, что-то показывает, его не понимают. Санитар подходит и спрашивает: «Может быть, вас повезти в кресле?» Владимир Ильич кивает утвердительно. Садится в кресло, санитар его везет. Владимир Ильич знаками показывает, куда его везти, проезжает коридор, приемную комнату и подъезжает к буфету; показывает на его содержимое, заставляет вынуть все и принести на стол. Владимир Ильич становится веселым, оживленным, поддразнивает Надежду Константиновну за ее недогадливость и угощает всех присутствующих.

В. П. Осипов. С. 297

Однажды он, указывая на газеты Надежде Константиновне, начал что-то объяснять. Она не поняла, позвала Марию Ильиничну. Ильич терпеливо жестами пояснял нам свое желание: согнул ладонь так, что между большим и указательным пальцами оставалось сантиметра два. Ходил по комнате и пытался подыскать подходящий предмет, который мог бы объяснить нам, что ему требовалось. Он показал на книгу — на одну, на другую. Нами предполагались различные решения, но неверные, потому что Владимир Ильич вначале смеялся, потом досадливо отмахивался и потом совсем махнул на нас рукой. Но предмет был ему, видимо, необходим, и он три дня пытался дать нам

понять, что ему нужно. Я предположил, что все это связано с газетами, и на следующий день сделал подборку за месяц. Радостный возглас: «Вот, вот, вот!» Спрашиваю (мелькнула мысль), может, надо сброшюровать в комплект? «Вот, вот, вот!» — подтвердил Владимир Ильич. Доволен, что поняли, наконец. Мария Ильинична — радостная, восклицает: «Ну, Володенька, это я сейчас сделаю!»

В. А. Рукавишников. Последний год Ильича. Из записок фельдшера // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 284

В воспоминаниях врача-логопеда С. М. Доброгаева, под руководством которого Н. К. Крупская вела с Лениным занятия чтением со второй половины июля по ноябрь (в мае июне С. М. Доброгаев вел занятия сам), категорически утверждается, что какой бы то ни было способности к самостоятельному чтению Ленин был лишен: «Остановлюсь, наконец, на том чтении Владимиром Ильичом газет, о котором так много говорилось в ежедневной прессе в последние месяцы его жизни. Не надо думать, что Владимир Ильич сам мог что бы то ни было прочесть в газете. Этого, по болезненному поражению речевых аппаратов в полушариях мозга, не было и быть не могло». С. М. Доброгаев настаивает на том, что ориентировался Ленин в газете исключительно по топографическим признакам печатного листа, по набору и т. д. «Сущность физиологической работы при этом состояла в том, — объясняет Доброгаев, — что газета подвергалась анализаторскому исследованию полушариями мозга не как лексико-графическое явление, а как объект более общего зрительно-анализаторского исследования. Так указывать правильно места печатания различных отделов газеты мог бы и человек неграмотный, но имеющий только общее понятие о составе газетного листа и общих особенностях печатного буквенного набора...»

Н. Петренко. С. 164

Живу только тем, что по утрам В. бывает мне рад, берет мою руку, да иногда говорим мы с ним без слов о разных вещах, которым все равно нет названия...

Н. К. Крупская — И. Арманд (дочери И. Ф. Арманд)

Цит. по: *Соколов Б. В.* С. 301

Вошла я в комнату... Сидит Надежда Константиновна у него на постели и держит его руку...

Е. И. Смирнова. С. 142

Только пройдет Мария Ильинична, сделает замечание, что кто-то шумит, что часто звонит телефон, что стучат сапогами и прочее. Обуваю валенки, чтобы неслышно ступать.

А. В. Бельмас. С. 130

Раз, в припадке отчаяния, что не могу догадаться, что он хочет сказать, я малодушно заплакала. Владимир Ильич посмотрел на меня, вынул из кармана носовой платок и подал мне.

Н. К. Крупская. С. 359

Мария Ильинична, как истинная Ульянова, не показывала своего горя. К изумлению ленинского телохранителя Петра Пакална, она ни разу не всхлипнула.

Р. Сервис. С. 541

Владимир Ильич твердо знал, что Надежда Константиновна после обеда должна отдыхать в своей комнате; она же, шутя, говорила: «Это время — так называемое я сплю». Как-то приходим мы к Владимиру Ильичу, желая устроить ему ручную ванну. Владимир Ильич указывает осторожно на соседнюю дверь — Надежда Константиновна спит, шуметь нельзя... Приносят воду, наливают в сосуд, приходится двигаться по комнате, и все время Владимир Ильич следит, чтобы не было шума, все время улыбается и грозит пальцем, и когда все это было сделано без шума, он был доволен и благодарил нас. Помню, как-то утром, в сырой день он сидит на террасе. Входит Надежда Константиновна. Он смотрит, есть ли на ней галоши, и когда видит, что нет, то сейчас же отправляет ее обратно.

В. П. Осипов. С. 298

Милые мои девочки, как вы живете? Хорошо ли отдыхаете? Часто думаю о вас и скучала без вас. Очень хотелось давно уже написать вам, приласкать вас, да все перо из рук валится. Очень трудно мне писать, а думаю о вас постоянно: самые вы близкие для меня. Прежде всего

напишу о В. Теперь бывают дни, когда я начинаю думать, что выздоровление возможно, хотя будет оно и нескоро. С ходьбой дело идет лучше всего, рука тоже стала понемногу поправляться. Спец по речи (С. М. Доброгаев. — Б. С.) уверяет, что и с речью лучше, но, по-моему, это не так. Общее состояние хорошо: хороший пульс, нормальная температура, хороший аппетит, сон тоже понемногу налаживается. Сидит, когда позволяет погода, подолгу на террасе, ездили иногда в сад. Настроение разное, иногда бывает хуже худого, иногда ничего. Все зависит от того, кто дежурит: какой врач, какая сиделка, какой санитар. В общем, устает он от постоянной толкотни. Врачей больше, чем надо. Слава богу, что из немцев остался один Ферстер. Ну, посмотрим, что из всей этой муки выйдет. Маня (М. И. Ульянова. — Б. С.) совсем извелась, кашляет и нервничает. Я по утрам все еще стараюсь работать, хотя это все хуже и хуже мне удастся, но, в общем, стала совершенно неработоспособна. Тоска дикая. Иногда реву белугой. Больше всего я люблю, когда дежурит Розанов (известный хирург. — Б. С.). Недавно мы говорили с ним много об Инессе, они ведь вместе работали в «Московском обществе по улучшению участи женщины». Кое-что он мне рассказал об этой работе... Вот и все. О многом я передумала за это время, многое поняла, чего не понимала раньше. Когда-то, Инночка родная, увижу я твоего дитюшу, очень бы его и тебя хотела повидать. Ты, пожалуйста, береги себя: не уставай, спи побольше, ешь вовремя, окна открывай и иногда думай обо мне. Это последнее, должно быть, тоже полезно будет для нашего дитюшки... Как ты думаешь?

Н. К. Крупская — В. и И. Арманд (дочери И. Ф. Арманд). 23 июня 1923 г.

Цит. по: Б. В. Соколов. С. 328329

Во время первого посещения, неделю спустя после Вашего отъезда, говорил и с Н. К. и М. И. очень подробно. Старик находился тогда в состоянии большого раздражения, продолжал гнать даже Ферстера и др., глотая только покорно хинин и йод, особенно раздражался при появлении Н. К., которая от этого была в отчаянии и, по-моему, совершенно зря, против желания. И все-таки к нему ходила.

Е. А. Преображенский — Н. И. Бухарину. 29 июля 1923 г.

Цит. по: Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 261

Ешь ты, девочка моя, побольше — надо это для ребеночка. О том, чтобы понянчить его, не приходится мечтать, а как хорошо бы было. Подумай, привык бы ко мне, ручонки протянул, улыбнулся. Так я хотела когда-то ребеночка иметь. Ну, карточку пришли. У меня очень бедное воображение, и я никак не могу вас себе представить в незнакомой мне обстановке.

Пиши почаще. Я совсем теперь одна на свете. К В. нельзя входить совершенно последние дни, он ужасно сердится, если кто входит. Последние две недели в настроении произошел перелом в худшую сторону. Вообще в какой-то момент кажется, что хуже ничего не может быть, а потом наступает еще хуже. Впрочем, сегодня я настроена очень мрачно и лишь зря вас расстраиваю. Доктора говорят, что это пройдет. Последние дни В. подхватил еще малярию, которая его очень ослабила. А погода отвратительная, как назло.

Так вот и живем. Я встаю, если удастся, чем раньше, часов в 5, и утром занимаюсь немного, а потом уже становлюсь ни на что не способной. Впрочем, бывает и полегче. Третьего дня, например, В. вывезли на солнышко, и он все улыбался, а когда заснул, я пошла за ягодами, набрала цветов полевых, свела знакомство с рабочими совхоза...

Н. К. Крупская — И. Арманд (дочери И. Ф. Арманд). 6 июля 1923 г.
Цит. по: Соколов Б. В. С. 329330

Милая моя, любимая моя, моя родная, обнимаю тебя и целую так крепко, так крепко. Глаза твои дорогие целую. Все мои мысли, все думы с тобой... Милая моя, родная, я знаю, утешить ведь нельзя, но все-таки ты думай о том, что ты не совсем одна, что у тебя есть еще твои девочки, как ты нас называешь...

И. А. Арманд — Н. К. Крупской.
Цит. по: В. Е. Мельниченко [1]. С. 204

...Потерявший речь, не способный жить без посторонней помощи, с часто меняющимся настроением вплоть до рыданий, он, конечно, по-человечески был труден для окружающих. Я представлял, сколько выдержала Крупская в этот период. Четко прослеживается трагедия Ленина в тот период и в том, что он чувствовал свою оторванность от

жизни, от решения политических вопросов, пытался что-то сделать, но ничего не мог.

Е. И. Чазов. Здоровье и власть. М., 1992. С. 161

Он обращает внимание на ногу, делает попытки двигать ею. Ему запрещают, но он настаивает...

В. А. Рукавишников. С. 284

Как-то, выехав в обычное время на прогулку, Владимир Ильич направил свое кресло к маленькому двухэтажному флигелю, вошел в одну из небольших комнат и там остался. Никакие уговоры не могли заставить Владимира Ильича выйти из этой комнаты, туда в свое время принесли обед, затем ужин, там Владимир Ильич и заночевал при всеобщем волнении окружающих...

В. П. Осипов. С. 278

В этом флигеле, который занимал А. А. Преображенский, Ленин пробыл три дня, 23 июля вернулся в Большой дом. С учетом физических возможностей Ленина, этот эпизод мог бы быть уподоблен уходу Л. Н. Толстого из Ясной Поляны.

Н. Петренко. С. 278

Однажды М. И. сообщила, что В. И. очень раздражен и она не знает, чем его успокоить. Войдя в столовую, я увидел, что Владимир Ильич с недовольным видом сидит за столом, на столе завтрак и мензурка с хинином. Увидев меня, больной сильно покраснел, показал на мензурку, показал мне кулак, начал голосом выражать недовольство, обнаружил гневную вспышку. Подойдя к больному, я сказал ему: «Не хотите принимать лекарство? Не надо, я вовсе не хочу вас уговаривать и принуждать». Гневная реакция моментально исчезла, сменилась смехом и очень довольным выражением лица...

В. П. Осипов // Красная летопись. 1927. № 2. С. 241

Не только гнев сопровождал Ленина во время болезни. «Иногда часами он сидел, задумавшись, даже в присутствии посторонних временами погружался в свои мысли. Иногда на глаза его навертывались слезы, особенно, если он оставался один».

Н. Петренко. С. 279

Однажды я был невольным свидетелем и такого: Ильич сидит с Надеждой Константиновной. Она читает, он внимательно слушает. Иногда требует перечитать то или другое место. Настроение, кажется, у обоих прекрасное. Но вот она вышла. Ильич уселся, закрыв несколько лицо рукой, облокотившись на стол в задумчивой позе... И вдруг из-под руки катятся слезы... Чу, шорох. Шаги. Кто-то идет. Ильич выпрямился. Смахнул слезы. Взялся за книжку, как будто ничего не было...

В. А. Рукавишников. С. 285

И вы представляете себе положение такого человека, который всего достигал своей упорной деятельностью, своим словом, которое все ценили на вес золота — его партийные товарищи, члены правительства, для которых слово Ленина было законом, — и вдруг этот человек лишился способности говорить. И ведь это продолжалось не неделю, не две, а много месяцев — с марта 1922 года, в течение 11 месяцев продолжалось такое состояние...

В. П. Осипов. С. 300

Видно было, что он все время думает, думает без конца. Смотрит, прищурясь, куда-то в пространство — будто задачу какую решает. Изголовье у него было высокое. Он почти сидел.

М. М. Петрашева. С. 268

Подойдете и видите, что он не с вами, где-то витает, не обращая внимания на окружающих, в эти моменты иногда вдруг на глазах Владимира Ильича появлялись слезы...

В. П. Осипов. С. 299

...У Владимира Ильича ко всем нам, лечившим его врачам, обычно устанавливалась отрицательная реакция. Он настойчиво, иногда с эмотивным возбуждением удалял от себя каждого из нас, более или менее вскоре после вступления в коллегияу лечивших его врачей. И всем нам приходилось производить свои наблюдения в известной мере скрытно, наблюдая больного из соседней комнаты или

же расспрашивая о состоянии здоровья его Надежду Константиновну, Марию Ильиничну или ухаживавших за больным сестер милосердия и санитаров. Только один из врачей — Ф. А. Гетье не вызывал против себя этой отрицательной реакции больного, и это делало возможным осуществление более непосредственного, систематического врачебного наблюдения за больным.

С. М. Доброгаев // Наша искра. 1925. №3. С. 3435

Свою беспомощность и прежде всего отсутствие речи при полной ясности сознания Ленин не мог не ощущать как невыносимое унижение. Он уже не терпел врачей, их покровительственного тона, их банальных шуточек, их фальшивых обнадеживаний.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 248

Все в том же конце июля Ленин «заявил решительный протест против сестринского ухода за собою, жестами, гневными движениями и головою не допуская сестер входить в свою комнату...»

Н. Петренко. С. 187

По поводу нежелания Владимира Ильича встречаться с врачами, дошедшего в последнее время до чего-то болезненно-настойчивого, было много предположений.

М. И. Авербах. С. 276

Очевидно, что Ленин, тяжело парализованный и страдающий в связи со своей неполноценностью, стеснялся ухаживающих за ним женщин и потому отказался принимать их услуги. Вероятно, подобного рода комплекс лежал отчасти в основе неприятия Лениным окружавших его врачей.

Н. Петренко. С. 187

1 августа, гуляя с Надеждой Константиновной в саду, Владимир Ильич стал что-то требовать, произнося звуки «а», «о», «и», «у». Это было требование изучать азбуку.

В. А. Рукавишников. С. 284

Я только что сошел вниз с Беленьким (охранник. — *Е. Г.*), как в комнате справа от входа Беленький мне показал рукой в окно, сказал: «Вон его везут». Я подошел к закрытому окну и стал смотреть. На расстоянии шагов 25-ти вдруг он меня заметил, к нашему ужасу, стал прижимать руку к груди и кричать: «Вот, вот», требовал меня. Я только что приехал и еще не видел М. И. и Н. К. Они прибежали, М. И., взволнованная, говорит: «Раз заметил, надо идти». Я пошел, не зная точно, как себя держать и кого я, в сущности, увижу. Решил все время держаться с веселым, радостным лицом. Подошел. Он крепко мне жал руку, я инстинктивно поцеловал его в голову. Но лицо! Мне стоило огромных усилий, чтоб сохранить взятую мину и не заплакать, как ребенку. В нем столько страдания, но не столько страдания в данный момент. На его лице как бы сфотографировались и застыли все перенесенные им страдания за последнее время. М. И. мигнула мне, когда надо было уходить, и его провезли дальше...

Е. А. Преображенский — Н. И. Бухарину. 29 июля 1923 г.

Цит. по: Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 261262

2 сентября 1923 года Крупская писала Инессе Арманд: «Милая моя Инночка, не писала тебе целую вечность, хотя каждодневно думала о тебе. Но дело в том, что сейчас я целые дни провожу с В., который быстро поправляется, а по вечерам я впадаю в очумение и неспособна уже на писание писем. Поправка идет здоровая — спит все время великолепно, желудок тоже, настроение ровное, ходит теперь (с помощью) много и самостоятельно, опираясь на перила, поднимается и спускается с лестницы. Руке делают ванны и массаж, и она тоже стала поправляться. С речью тоже прогресс большой — Ферстер и другие невропатологи говорят, что теперь речь восстановится наверняка, то, что достигнуто за последний месяц, обычно достигается месяцами. Настроение у него очень хорошее, теперь и он видит уже, что выздоравливает, — я уж в личные секретари к нему прошусь и собираюсь стенографию изучать. Каждый день я читаю ему газетку, каждый день мы подолгу гуляем и занимаемся...»

Цит. по: *Соколов Б. В.* С. 329330

19 о к т я б р я Владимир Ильич последний раз приезжал в Москву.

Л. А. Фотиева [1]. С. 213

Мы поехали вместе. Машины въехали в Кремль. Владимир Ильич прошел в свой кабинет, сел за стол, обвел взглядом книжные шкафы...

Н. Н. Приоров. С. 280

Он был перевезен со всеми мерами предосторожности в автомобиле, шины которого, для устранения тряски, были насыпаны песком.

В. П. Осипов. С. 290

Это одна версия. По другой, вместе с ним едет один из докторов, постоянно находившихся в Горках. Всю дорогу Ленин подгоняет шофера: «Скорей, скорей!», чего прежде он никогда не делал. Из заметки Фотиевой следует, что Ленин сначала поехал в Кремль, а потом на Сельскохозяйственную выставку. Но если Ленину так хотелось посмотреть выставку, зачем ему было ехать сначала в Кремль, когда выставка находилась на пути к Кремлю? Из Горок дорога приводила к предместью Москвы, к так называемым «Котлам», потом к Шаболовской улице, проехав по которой автомобиль выезжал к улице налево — Крымский Вал — находящейся уже на территории самой выставки, перерезающей ее. При взгляде на план Москвы (кстати сказать, переставший, как было при Сталине, быть секретом) будет совершенно ясно, что, желая в первую очередь взглянуть на выставку, Ленину никак не нужно было ехать сначала в Кремль, то есть мимо нее.

Н. Валентинов [5]. С. 109

По приезде Владимир Ильич отдохнул, сидя в кресле, осмотрел подробно квартиру, заглянул в книжные шкафы... На другой день после обеда вторично направился в свой кабинет, но на сей раз не удовлетворился его осмотром, а повернул в дверь, ведущую из его кабинета в зал заседаний Совнаркома. Зал был пуст: ввиду приезда Владимира Ильича заседания были отменены. Ильич покачал головой. Мне кажется, что он рассчитывал увидеть здесь многих из своих товарищей. После набега на Совнарком отправился гулять по Кремлю. Маленький эпизод, который на меня произвел очень сильное

впечатление. Ильич едет в машине. Из-за угла вывертывается взвод красноармейцев. Вот они поравнялись с Ильичом. Взводный: «Равнение направо!» Красноармейцы оборачиваются к Ильичу. Взводный, подтянувшись, отдает честь...

В. А. Рукавишников. С. 286

Приехал в Москву 18 октября после обеда. Переночевал в своей квартире...

Л. А. Фотиева. Из жизни Ленина. М., 1968. С. 463

Сведения, которыми я располагаю, эту поездку изображают в ином виде. В сообщении Фотиевой многого недостает. Не верится, что она об этом важном не знала. Пользуясь данными, полученными мною из одного и того же источника (я потом укажу его), но в несколько противоречивых версиях, я попробую, устраняя противоречия, рассказать возможно полнее, что произошло 19 октября.

Н. Валентинов [5]. С. 106

Думается мне часто: не прощаться ли с Москвой, с Кремлем — боевым политическим и культурным центром страны — ездил Владимир Ильич?..

Т. М. Белякова. С. 249

Это была последняя поездка Владимира Ильича в Москву. Прощальная поездка...

В. А. Рукавишников. С. 286

Что делал Ленин, приехав в Кремль? По словам Фотиевой, он зашел сначала к себе на квартиру, а потом в зал заседаний и свой кабинет Совнаркома. У меня другие сведения, как раз обратные. После зала заседаний Ленин пришел в свою квартиру и там *долго* искал какую-то вещь, написанную им до третьего удара и оставшуюся в его кремлевской квартире, когда его на носилках перевезли в Горки. Хранимые им бумаги Ленин никому не позволял трогать. В 1922 г., уехав в Горки, он потребовал от Фотиевой (она о том пишет) «запереть ящики его стола в кабинете и ничего там не разбирать». Такие же порядки он установил и в своей квартире. Никто, в том числе и

Крупская, не должен ни брать, ни перекладывать его заметки и всякие другие документы. Он говорил, что только при этом условии он всегда легко и быстро находит нужные ему вещи в грудe всяких им хранимых бумаг и документов. О существовании у Ленина такого правила я знал еще в 1904 г. в Женеве. Приехав из Горок в Кремль, Ленин нашел, что установленный им порядок кем-то нарушен. Искомая им вещь там, где он рассчитывал ее найти, не оказалась. Ленин пришел от этого в сильное раздражение, начал хрипеть, у него появились конвульсии. Испуганные Крупская и Ульянова, может быть с чьей-то помощью, свели его вниз, посадили в автомобиль и привезли в Горки. После этого несколько дней он находился в самом тяжелом болезненном состоянии. Восстанавливающаяся способность речи снова исчезла (правда, ненадолго). Врачи изумлялись — почему прервалось выздоровление, которое до 19 октября шло так успешно? Что случилось 19 октября? Произошло ли ухудшение от самой поездки в Москву, от волнения при посещении выставки или от чего-то другого? М. И. Ульянова, — я уже говорил, — не была лживой, искусством скрытничать совсем не обладала. Докторам или доктору, поставившему ей только что указанные вопросы, она откровенно рассказала, что все шло как будто хорошо до того момента, когда, начав искать нужную ему вещь, Ленин, не находя ее, стал волноваться, раздражаться, а потом вдруг объявил, что вещь у него украдена. Это тогда его стали передергивать конвульсии и он стал совсем терять способность речи. Как фамилия докторов или доктора, с которым говорила М. И. Ульянова? Это мог быть доктор Осипов, доктор Елистратов, Кожевников, Крамер. Докторов при Ленине и его посещавших было много. Я думаю (об этом ниже), что это был Крамер, подписывавший бюллетени о болезни Ленина, очень к нему, как то знали Крупская и М. И. Ульянова, расположенный и превосходно осведомленный о всем, что происходило с Лениным и около него. И вот что интересно: через несколько дней после разговора с ним М. И. Ульяновой Крупская вызвала его к себе и очень недовольным тоном заявила, что М. И. неверно передала ему о случившемся.

«Владимир Ильич болен, он может несколько в искаженном виде представлять себе некоторые явления. На слова его в этом состоянии полагаться нельзя. Я не хочу, чтобы разнесся слух, будто какие-то

документы, рукописи, письма у Владимира Ильича украдены. Такой слух может принести только *большие неприятности* и создать совершенно ненужные разговоры и подозрения. Очень прошу забыть все то, что вам говорила Мария Ильинишна. Она, с своей стороны, вас тоже об этом просит и потому возобновлять с ней разговор на эту тему не нужно».

Н. Валентинов [5]. С. 109110

Встает вопрос — что это за документы, исчезнувшие у Ленина? Может быть, никакой кражи на самом деле не было, а ее, по словам Крупской, создало воображение больного Ленина?

Вот ответ.

Летом 1930 года, я был тогда редактором органа торгового представительства СССР в Париже «*La vie Economique des Soviets*», ко мне пришел Икс, неожиданно приехавший на короткое время во Францию. Само собою разумеется, у нас начался многочасовой разговор о том, что делается в России. Власть тогда уже полностью попала в руки Сталина. Шла бешеная ставка на сверхиндустриализацию, уже проводилась ужасная насильственная коллективизация деревни, интеллигенция была придушена и терроризирована. Мы с Иксом с горечью вспоминали наши беседы в «Лиге наблюдателей», наши оптимистические расчеты, наши надежды на здоровую эволюцию советского государства. Все оказалось битым, все — только иллюзией. Икс, с мрачным предчувствием надвигающегося на Россию кошмара, уезжал туда обратно, а я после разговора с ним в первый раз подумал о переходе в эмиграцию. Конечно, я расспрашивал Икса, что случилось вообще с нашими знакомыми и, в частности, какую позицию в отношении Сталина занимают знакомые мне коммунисты. Спросил и о Крупской, вдове Ленина, как она себя ведет при диктатуре того самого Сталина, которого Ленин требовал удалить с поста Генерального секретаря.

— Что делает Крупская? — бросил мне в ответ Икс. — Молчит, унижается. Ни одного слова протеста, хотя то, что делает Сталин, совершенно расходится с тем, чему в последнее время поучал Ленин. Но что можете ожидать от Крупской, этой скверной особы. *Вы же знаете*, я вам рассказывал, что Сталин выкрал из квартиры Ленина весьма неприятную вещь, написанную о нем Лениным, а Крупская,

боясь мести Сталина, сделала все, чтобы замять, похоронить эту историю, чтобы никто и никогда о ней не говорил. Сталин за это сделал ее членом Центрального Комитета партии. *Вы же знаете.*

В том-то и дело, что я теперь не могу сказать, что знаю все. Весьма возможно, даже вероятно, Икс мне подробно рассказывал об этом деле, но, по тем или иным причинам, на часть я не обратил внимания, а кое-что просто забыл и никакими усилиями памяти это забытое поднять не могу. Во всяком случае, последняя поездка Ленина в Москву не является столь простой, какой она представляется в рассказе Фотиевой.

Вот что нужно добавить к сказанному. Из письма Крупской, которое цитировал в своем секретном докладе Хрущев и на которое я ссылался выше, видно, что Сталин не только ругал Крупскую, но ей *чем-то угрожал*. Умоляя Каменева и Зиновьева, стоявших тогда на самом верху власти, защитить ее от Сталина, Крупская явно боялась Сталина. В октябре 1923 г. она, конечно, превосходно знала, что какой-то документ, какая-то вещь исчезла из кабинета Ленина. У нее были веские основания подозревать, что эта кража сделана кем-то по указанию Сталина или им самим. Но, страшась его, она сделала все, чтобы замять эту историю с кражей.

Н. Валентинов [5]. С. 111113

Ленин любил прогулки, летом гуляли в парке, а чаще уезжали на машинах в лес. Любил он собирать грибы, вернее, смотреть и указывать, если кто мимо них проходил. Приезжали в лес, выбирали подходящее место, Ильича переносили из машины в плетеную коляску, и кто-нибудь из нас — охраны — возил коляску, а чаще всего — П. П. Пакалн (начальник охраны). Он очень любил Ленина, и сам переносил его на руках в коляску. Ленин очень хорошо к нему относился...

А. В. Бельмас. С. 129

Ильич обладал острым зрением, часто раньше всех видел грибы, указывал нам, частенько посмеивался над нашей слепотой и особенно над Надеждой Константиновной, которая в связи с близорукостью очень часто пропускала грибы.

В. А. Рукавишников. С. 284

В очередное утро, когда Ленин выехал на прогулку, он вдруг увидел парк, пестревший грибами. Владимир Ильич сразу что-то заподозрил и попросил «сорвать» ближайший гриб. Когда поднесли его Ленину, он не стал смотреть на шляпку, а лишь взглянул на ножку и сразу заметил, что она срезана. По лицу Ленина скользнуло выражение недовольства, и поднятой рукой он дал знак вернуться домой... На следующее утро он отказался поехать на прогулку. То же повторилось и в ближайшие дни...

П. С. Виноградская. Годы и люди. М., 1972. С. 7273

Когда ездил на прогулку за пределы сада, Владимир Ильич особенно как-то старательно кланялся встречавшимся крестьянам, рабочим малярам, красившим в совхозе крышу...

Н. К. Крупская. С. 360

...Он снимал здоровой рукой с головы свою кепку, здороваясь С... товарищами из охраны.

Г. Е. Зиновьев. Шесть дней, которых не забудет Россия // Правда. 1924. 30 янв.

Ленин обычной своей улыбкой приветствовал меня, сняв несколько раз торопливо левой здоровой рукой свою кепку...

Курсант Михайловский // Красный журнал. 1925. № 12. С. 19

Восстановление речи, чтения и письма в последние месяцы его жизни было его главной целью, и на пути к этой цели он достиг таких успехов, которые трудно согласовать с точки зрения всех до сих пор бывших научных исследований, с теми тяжелыми разрушениями, которые были обнаружены при вскрытии в его мозгу. Это было возможно только благодаря воле Ленина...

Проф. О. Ферстер.

Цит. по: Драбкина Е. Я. С. 258

Дорогой Лев Давидович! Я пишу, чтобы рассказать Вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая Вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где Вы даете

характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечесть это место, слушал очень внимательно, потом еще раз просматривал сам.

Н. К. Крупская. Цит. по: Л. Д. Троцкий [1]. С. 251

Здесь имелось в виду следующее место из статьи Троцкого «О пятидесятилетнем (Национальное в Ленине)», написанной в 1920 году; «Ленин отражает собой рабочий класс не только в его пролетарском настоящем, но и в его столь еще свежем крестьянском прошлом. У этого самого бесспорного из вождей пролетариата не только мужицкая внешность, но и крепкая мужицкая подоплека. Перед Смольным стоит памятник другому большому человеку мирового пролетариата: Маркс на камне, в черном сюртуке... Ленина даже мысленно никак не оденешь в черный сюртук. На некоторых портретах Маркс изображен с широко открытой крахмальной манишкой, на которой болтается что-то вроде монокля... Маркс родился и вырос на иной национально-культурной почве, дышал иной атмосферой, как и верхи немецкого рабочего класса своими корнями уходят не в мужицкую деревню, а в цеховое ремесло и в сложную городскую культуру средних веков». Вероятно, Ленину в конце жизни лестно было сознавать, что он стоит вровень с Марксом, да еще и ближе по духу, чем основоположник учения, к простому народу.

Б. В. Соколов. С. 329330

Легенды о Ленине меняют легенды о Марксе. В самом деле: Маркс — он только создал учение, Ленин же создал дело. Пусть ошибался Ленин, но он ошибался, искренне веря и лично принося этой вере жертвы, которые редко кто приносил. Маркс — это Иоанн, создавший учение Христа, но Ленин — это сам Христос, который был распят на кресте... Он до сих пор еще жив, этот гипноз...

А. Н. Потресов. Ленин // Дни. Париж, 1927. 10 дек.

В книжке Гильбо он [Ленин] нашел ссылку на Вашу статью о Ленине от 18-го года, помещенную в «Коммунистическом Интернационале», и попросил перечесть ему эту статью. Когда я читала ему ее — он слушал ее с глубоким вниманием...

Н. К. Крупская — М. Горькому. 18 мая 1930 г.

И все вспоминалось мне, — я раз уже писала Вам об этом, — как Ильич в последний месяц своей жизни отыскивал книгу, где Вы писали о нем, и велел мне вслух читать Вашу статью. Стоит у меня перед глазами лицо Ильича, как он слушал и смотрел в окно куда-то вдаль — итоги жизни подводил и о Вас думал.

Н. К. Крупская — М. Горькому. 25 мая 1930

Педагогические сочинения. Т. 11. М., 1963. С. 246374

Что вновь привлекло внимание Ленина к статье Горького «Владимир Ильич Ленин», которую он в 1920, в момент публикации, резко осудил, пожалел о невозможности конфисковать соответствующий номер журнала, внес в Политбюро следующий проект решения: «Политбюро Цека признает крайне неуместным помещение в № 12 «Коммунистического Интернационала» *статей* Горького, особенно передовой, ибо в этих статьях не только нет *ничего* коммунистического, но много антикоммунистического». В передовой журнала Горький развивал свою идею периода «Новой жизни», что «для Ленина Россия — только материал для опыта, начатого в размерах всемирных, планетарных», что в грандиозных планах Ленина — социального реформатора, вивисектора, народ России выполняет роль подопытного кролика, на которую, впрочем, он и обречен «по логике бездарной истории своей». Как бы ни относился Ленин к подобной трактовке русской революции и народа, концепция Горького тактически была абсолютно вредна и заслуживала осуждения — в рамках 1920. В конце 1923, когда вопрос о тактике был уже снят Лениным с повестки дня, в этой же концепции Ленин, вероятно, искал и должен был найти оправдание своей деятельности, покой. К тому же в статье отмечалась выдающаяся роль Ленина в развитии истории, человечества: «Сторонник теории, утверждающей, что роль личности в процессе развития культуры — ничтожна, В. И. Ленин — источник энергии, без которой русская революция не могла бы принять форму, принятую ею». Уже не существенно было, что статья Горького по всем фронтам не укладывалась в марксизм, в ней могли теперь отыскаться другие достоинства.

Н. Петренко. С. 281282

Я хорошо помню в это время его первые попытки встать около кровати: вот он привстал, постоял и опять ложится...

В. А. Рукавишников. С. 284

В первый раз, когда Владимир Ильич решился пройти сам, он выгнал из комнаты решительно всех, а потом показал со сконфуженной и счастливой улыбкой Надежде Константиновне, что он может ходить...

А. В. Луначарский. Из неизданных воспоминаний о В. И. Ленине // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 360

(Далее цит.: А. В. Луначарский [2])

В последующие дни он делает попытки шагать, увеличивает число шагов. Далее он усложняет, прибавляет и придумывает другие упражнения для мышц. Из комнаты на террасу — две ступеньки, он и их использует для упражнения. И так с каждым днем становится крепче и независимее. В конце июля решают, что сестер можно отпустить. С ногой дело, кажется, налаживается. Теперь все его внимание переносится на речь...

В. А. Рукавишников. С. 284

А вокруг него партийная директория шумела и спорила. Был один из ответственных моментов мировой истории, осень 1923 года...

Г. З. Беседовский. С. 356

Бажанов, бывший секретарь Сталина, описывает заседание ЦК, где Каменев впервые оглашал Завещание. «Тяжкое смущение парализовало всех присутствующих. Сталин, сидя на ступеньках трибуны президиума, чувствовал себя маленьким и жалким. Я глядел на него внимательно; несмотря на его самообладание и мнимое спокойствие, ясно можно было различить, что дело идет о его судьбе...» Радек, сидевший на этом памятном заседании возле меня, нагнулся ко мне со словами:

— Теперь они не посмеют идти против вас...

Л. Д. Троцкий [6]. С. 275

Многие посторонние люди задавались вопросом, почему в своем «завещании» Ленин упомянул как недостаток такое качество Сталина, как грубость, которое для пролетарского революционера может считаться достоинством. Это происходило потому, что они не могли себе представить, до какой степени грубости мог дойти Сталин в своем неуважении к товарищам. Хорошим примером может служить его замечание, которое он сделал, ознакомившись с «завещанием» Ленина, но я, к сожалению, не могу привести его в этой книге.

А. Г. Бармин. Соколы Троцкого / Пер. с англ. М.: Современник, 1997. С. 306307

Был и другой эпизод, когда Сталин под давлением оппозиции оказался вынужденным огласить перед широкой аудиторией запретный текст ленинского завещания. Сталин редко выходит из себя, редко повышает голос или употребляет жестикуляцию. Только по грубости выражений, по цинизму обвинений, да еще по глухому тембру голоса можно подметить душащую его злобу. Именно таким тоном он читал завещание Ленина. В отместку он прочитал некоторые старые документы, которые могли повредить членам оппозиции. Он читал с намеренными искажениями, предназначенными для протокола. Его прерывали, поправляли, уличали. На возгласы с мест он не находил ответа. Полемическая находчивость не свойственна его неповоротливому уму. В конце концов он совершенно потерял равновесие и, приподнявшись на цыпочках, форсируя свой голос, с поднятой вверх рукой стал хрипло кричать бешеные обвинения и угрозы, вызвавшие оторопь во всем зале. Ни раньше, ни позже я не видел его в таком состоянии иступления.

Л. Д. Троцкий [4]. С. 337

При чтении завещания в зале вдруг раздалась чья-то громкая реплика:

— Ничего, нас грубостью не испугаешь, вся наша партия грубая, пролетарская...

В. Брусенцов. С. 154

Впрочем, Сталин очень хорошо умел владеть собой и был груб, лишь когда не считал нужным быть вежливым.

Б. Бажанов. Кремль. Год 1920. Париж, 1931. С. 171

С половины октября вновь начались легкие припадки в виде кратковременной потери сознания, которая продолжалась 1520 секунд. Сначала они были редкими, раз в три-четыре недели, потом участились, причем был один припадок, который сопровождался судорогами. Это являлось указанием на то, что в коре мозга временно возникало состояние раздражения, которое бывает при этой болезни.

В. П. Осипов. С. 293294

В декабре 1923 года Лев Борисович Каменев (тогда — председатель московского Совета), впоследствии расстрелянный Сталиным, предложил мне поехать в местечко Горки (в 35 верстах от Москвы), куда, ввиду болезни, укрылся Ленин со своей женой. Я вижу, как сейчас, уютнейший барский (а не «рабоче-крестьянский») желтоватый особнячок, в стиле русского ампира, с шестью белыми колоннами, возвышавшимися над голубым декабрьским снегом двора и сада.

Каменев хотел, чтобы я сделал последний набросок с Ленина. Нас встретила Крупская. Она сказала, что о портрете и думать нельзя. Действительно, полулежавший в шезлонге, укутанный одеялом и смотревший мимо нас с беспомощной, искривленной младенческой улыбкой человека, впавшего в детство, Ленин мог служить только моделью для иллюстрации его страшной болезни, но не для портрета Ленина.

Я не хочу вспоминать об этой поездке в Горки, но и не могу забыть о ней. Это была моя последняя встреча с Лениным.

Ю. Анненков. Т. 2. С. 271

А лицо, все сеченное морщинами, словно кусок, выбитый из каменоломни.

А. Я. Аросев. С. 138

В последнее время (Ленин) стал читать и беллетристику. Ему принесли большую грудку книг, и он отобрал себе исключительно вещи Джека Лондона, которые и просил читать ему вслух.

А. В. Луначарский [2]. С. 360

Восемнадцатого января 1924 г., за три дня до смерти Ленина, Крупская читала ему рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни». Содержание его многим известно. Через снежную пустыню, куда нога человеческая еще не ступала, пробирается к пристани реки больной, умирающий с голода человек. Он уже не может идти, он ползет. А недалеко от него ползет, тоже умирающий с голода, волк. Волк угрожает человеку, набрасывается на него, между ними начинается борьба, в которой и волк, и человек теряют последние остатки своих сил. Человек все-таки побеждает и полумертвый, полубезумный доползает до цели.

Н. Валентинов [5]. С. 141

Он снова окинул взглядом тот круг вселенной, в котором остался теперь один. Картина была невеселая... Ничего, кроме беспредельной и страшной пустыни, — и в его глазах появилось выражение страха...

Д. Лондон. Жажда жизни // Собрание сочинений: В 7 т. М.: Госиздат, 1955. Т. 4. С. 456

20 января в 6 часов 30 минут я сменил Н. Попова и получил от него сведения обо всем, что происходило в его дежурство. Он сказал кратко, что обозначились какие-то неопределенные симптомы, беспокоившие его: Владимир Ильич был слабее обычного, был вял и жаловался на глаза — как будто по временам плохо видел. Из Москвы вызвали профессора Авербаха для осмотра зрения Владимира Ильича.

В. А. Рукавишников. С. 286287

Исследование глаз имеет очень важное значение при болезнях мозга. Глаз тесно связан с мозгом, и застойные явления или недостаток крови в мозгу тотчас же выражаются изменением наполнения кровью глазного дна. Проф. Авербаха больной встретил очень приветливо и был доволен тем, что, когда исследовалось его зрение при помощи стенных таблиц, он мог самостоятельно называть вслух буквы, что доставляло ему большое удовольствие. Проф. Авербах самым тщательным образом исследовал состояние глазного дна и ничего болезненного там не обнаружил.

В. П. Осипов. С. 294

Он умирал от болезни мозга. Еще в 1920 году Герберт Уэллс, оставляя нам словесный портрет Ленина, пишет: «...Слушая собеседника, он щурит один глаз. Возможно, это привычка, вызванная каким-то дефектом зрения». Но, оказывается, боль в глазах — верный признак болезни мозга. Незадолго до смерти Ленин жалуется на боль в глазах. Из Москвы в Горки доставлен глазной специалист, профессор Авербах. Он обследовал больного и высказал заключение: «Никаких болезненных изменений в глазах нет». Этот отзыв специалиста, сам по себе как будто благоприятный и обнадеживающий, прозвучал как приговор трибунала. Ведь если дело не в глазах, значит — мозг. А глаза болят в особенности перед очередным, с каждым разом все более жестоким приступом болезни под названием «прогрессивный паралич», первый зафиксированный приступ которого произошел 25 мая 1922 года.

В. А. Солоухин. С. 184

Еще в субботу ездил он в лес, но, видимо, устал, и когда мы сидели с ним на балконе, он утомленно закрыл глаза, был очень бледен и все засыпал, сидя в кресле. Последние месяцы он не спал совершенно днем и даже старался сидеть не на кресле, а на стуле. Вообще, начиная с четверга, стало чувствоваться, что что-то надвигается: вид стал у Вл. Ильича ужасным, усталый, измученный. Он часто закрывал глаза, как-то побледнел и, главное, у него как-то изменилось выражение лица, стал какой-то другой взгляд, точно слепой...

Н. К. Крупская. Цит. по: Волкова В. Ленин в Горках. М., 1963. С. 99

Конечно, нравы были проще. Например, Семашко, рассказывая о последней ленинской ночи, дорожа чуть ли не каждой подробностью ленинской жизни, писал: «Ввиду того, что у него не действовал давно желудок, врачи дали ему слабительное (касторку). Ночью Владимира Ильича прослабило хорошо несколько раз». Немногие газеты сохранили эту домашнюю деталь, большинство из соображений политеса предпочло ее опустить...

Н. Петренко. С. 202203

На следующий день это состояние вялости продолжалось, больной оставался в постели. Около 4 часов мы с проф. Ферстером (немецкий профессор из Бреслава, который был приглашен еще в марте 1922 года) пошли к Владимиру Ильичу посмотреть, в каком он состоянии. Мы навещали его утром, днем и вечером, по мере надобности. Выяснилось, что у больного появился аппетит, он захотел поесть, разрешено было дать ему бульон. В 6 часов недомогание усилилось, утратилось сознание, и появились судорожные движения в руках и ногах, особенно в правой стороне. Правые конечности были напряжены до того, что нельзя было согнуть ногу в колене, судороги были также и в левой стороне тела. Этот припадок сопровождался резким учащением дыхания и сердечной деятельности. Число дыханий поднялось до 36, а число сердечных сокращений достигло 120130 в минуту, и появился один очень угрожающий симптом, который заключается в нарушении правильности дыхательного ритма (тип чейн-стокса); это мозговой тип дыхания, очень опасный, почти всегда указывающий на приближение рокового конца. Конечно, морфий, камфара и все, что могло понадобиться, было приготовлено...

В. П. Осипов. С. 294

За последние три часа жизни около постели больного проведено три консилиума, температура 42,3.

В. А. Солоухин. С. 185

Владимир Александрович [Рукавишников] и Петр Петрович [Пакалн] держали его почти на весу на руках, временами он глухо стонал, судорога пробегала по телу, я держала его сначала за горячую мокрую руку, потом только смотрела, как кровью окрасился платок, как печать смерти ложилась на мертвенно побледневшее лицо.

Н. К. Крупская. С. 360

6 часов вечера (21 января 1923). Я был в маленьком домике, когда пришел кто-то от Марии Ильиничны с просьбой прислать камфару. Я не знал, для чего вообще существует камфара, и спросил об этом. Мне шепотом ответили, что камфара нужна для усиления деятельности сердца, когда сердце ослабевает.

Около 6 часов у Владимира Ильича начался припадок, судороги сводили все тело. Профессор Ферстер и профессор Осипов не отходили ни на минуту, следили за деятельностью сердца и пульса, а я держал компресс на голове Владимира Ильича.

В. А. Рукавишников. С. 288

Судорожное состояние начало ослабевать, и мы уже начали питать некоторую надежду, что припадок закончится благополучно, но ровно в 6 часов 50 минут вдруг наступил резкий прилив крови к лицу, лицо покраснело до багрового цвета, затем последовал глубокий вздох и моментальная смерть.

В. П. Осипов. С. 294

В 6 часов 35 минут я заметил, что температура вдруг поднялась. Я сказал об этом профессору Осипову, и сейчас же поставили термометр. Без 13 минут 7 я вынул термометр и был ошеломлен — 42,3°. Профессор Осипов и профессор Ферстер сразу даже не поверили этому и сказали, что это ошибка.

В. А. Рукавишников. С. 288

...Ртуть поднялась настолько, что дальше в термометре не было места.

В. П. Осипов. С. 294

Но это не было ошибкой — через 3 минуты Владимира Ильича не стало.

В. А. Рукавишников. С. 288

Когда у Владимира Ильича развился тяжелый припадок, продолжавшийся 50 минут, сопровождавшийся сильным приливом крови к голове, то наступил момент, когда кровь не могла продвинуться дальше, питание продолговатого мозга прекратилось, и работа его выпала. Это и был момент паралича дыхания и сердца, вызвавшего смерть.

В. П. Осипов. С. 295

Эта картина не накладывается на отравление цианистым калием.

В. А. Солоухин. С. 185

Вдруг резко, с размаху хлопнула дверь вниз. Все бросились к лестнице. И через секунду, не успел я выбежать на площадку, как раздался чей-то ужасный, ни с чем не сравнимый крик, который без слов говорил о том, что в Большом доме случилось что-то непоправимое...

В. Г. Сорин. С. 125

Спросили у меня горячие бутылки. Пока их наливали да принесли — они уже не нужны ему были...

Е. И. Смирнова. С. 142

Было применено искусственное дыхание, которое продолжалось 25 минут, но оно ни к каким положительным результатам не привело. Смерть наступила от паралича дыхания и сердца, центры которых находятся в продолговатом мозгу.

В. П. Осипов. С. 295

Когда я вбежал в комнату Ильича, переполненную докторами и заставленную лекарствами, Ильич испускал последний вздох. Голова откинулась назад, лицо страшно побелело. Он захрипел, руки упали. Ильич... Ильича больше не было.

Н. И. Бухарин // Правда. 1924. 21 янв.

Вечером 21 января 1924 года Ленин умер от последствий четвертого инсульта.

А. Ноймайр. Диктаторы в зеркале медицины / Пер. с нем. Ростов н/Д: Феникс, 1997. С. 355

Я стоял у своего стола, подошла Н. К. Крупская, подавленная горем, не узнать ее, что-то говорит, губы шевелятся, а звука нет.

А. В. Бельмас. С. 130

...Мария Ильинична подошла ко мне обняла и горестно прошептала:

— Осиротели мы, Таиса...

И кому-то по телефону только и могла произнести два слова: «Ленин умер...»

Т. М. Белякова. С. 250

Этот трагический день — 21 января 1924 года — навсегда запечатлелся в памяти... Помню, 21 января, во второй половине дня, я зашел на квартиру к Сталину... Не прошло и 3040 минут нашей беседы, как вдруг неожиданно в комнату ворвался крайне взволнованный Бухарин и не сказал, а как-то выкрикнул, что из Горок позвонила Мария Ильинична и сказала: «Только что, в 6 часов 50 минут, скончался Ленин». Это было так неожиданно! Мы были потрясены. Наступило минутное молчание. Потом мы все мгновенно оделись и поехали на аэросанях в Горки.

А. И. Микоян. В начале двадцатых... М., 1975. С. 375

Большая комната, посредине стол, утопающий в цветах и зелени, зеркала завешаны, холодно — открыт балкон... Горят электрические люстры, и посреди стола, чистенько одетый... Владимир Ильич... Немного похудевший, без признака страдания... Правая рука крепко стиснута; маленький кровоподтек на правом ухе серым пятнышком приковывает к себе наш взор...

В. Д. Бонч-Бруевич. Смерть и похороны Владимира Ильича // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 309

(Далее цит.: В. Д. Бонч-Бруевич [2])

Когда пришел трагический конец Владимира Ильича, то весть об этом тотчас же разнеслась, и дом, в котором жил Ленин, наполнился людьми.

В. П. Осипов. С. 299

— Не верьте, что он умер... Он жив... Он дышит... — чуть слышно, еле внятно шепчет Надежда Константиновна...

В. Д. Бонч-Бруевич [2]. С. 309

Круглые сутки ходило окрестное население поклониться телу покойного.

В. П. Осипов. С. 299

Его руки были вытянуты вдоль тела, кулаки сжаты. «Сегодня он хороший», — сказал какой-то крестьянин и тут же умолк.

Р. Пейн. С. 614

Вот впереди всех Сталин. Он не идет, как все. Походка его принадлежит ему одному... Подавая то левым, то правым плечом вперед, круто поворачивая при каждом шаге корпус тела, он идет грузно, тяжело, решительно, держа правую руку за бортом своей полувоенной куртки... Лицо его бледно, сурово, сосредоточенно...

— Да, да, вот оно что... Вот оно что... — первый проронил слова Сталин... И стал обходить Владимира Ильича своим размеренным шагом, все так же поворачивая то левое, то правое плечо, словно не веря, что смерть совершила свою неумолимую работу, и как бы желая убедиться, что эта роковая работа непоправима, неизменна...

За Сталиным пошли и другие и так прошли все, безмолвно, понуро, тихо... Прошли и вышли.

Порывисто, страстно вдруг подошел Сталин к изголовью.

— Прощай, прощай, Владимир Ильич... Прощай! — И он, бледный, схватил обеими руками голову Владимира Ильича, приподнял, нагнул, почти прижал к своей груди, к самому сердцу и крепко, крепко поцеловал его и в щеки, и в лоб своим огненным вековечным поцелуем... Махнул рукой и отошел резко, словно отрубил прошлое от настоящего...

В. Д. Бонч-Бруевич [2]. С. 310

На следующий день было произведено бальзамирование тела Владимира Ильича. Бальзамирование производится введением в кровеносную систему, через аорту, дезинфицирующей жидкости, которая состоит из спирта, формалина и некоторых примесей.

В. П. Осипов. С. 295

Как отнеслось население к смерти Ленина? — Совсем не так, как изображала иностранная печать. Мой антикоммунизм ни при каких

условиях не может сделать из меня лжесвидетеля. Я должен сказать, что, если взять, например, Москву, огромная часть ее населения к смерти Ленина отнеслась несомненно с печалью, с чувством какой-то важной утраты. Я не говорю о Коммунистической партии. Она всем обязана Ленину и без него не существовала бы. Масса лиц, бывших ничем, благодаря Ленину и сделанной им революции, стала чем-то, подошла к власти, вступила в господствующий класс, и вполне понятно, что эти лица искренно, горько оплакивали того, кто вытащил их из политического небытия, состояния ничтожества. Но печаль, а в причины и мотивы ее здесь не вхожу (это сложный вопрос), чувствовалась в рабочей среде, среди мелких служащих и части беспартийной интеллигенции, с введением НЭПа ставшей активно работать в советском аппарате. НЭП, новая экономическая политика, удалившая удушающие страну порядки военного коммунизма, создала симпатию к Ленину в слоях, далеко стоящих от какой-либо политики. В доме, где я жил, дворником служил безграмотный, в минимальной степени развитой Степан Антонович, после многих лет жизни в столице, в Москве, сохранивший душу крестьянина самого отсталого сельского захолустья. Попав во время войны в плен в Австрии, он пробыл там три года и из всего, что там видел (он был недалеко от Вены), он вынес только два наблюдения и заключения: «Чудной народ! Взвешивают они не по-нашему, на пуды и фунты, а на кило («на килу», как он говорил), и все австрийцы — кулаки, все носят сапоги или кожаную обувь».

Этот самый Степан Антонович мне поведал, что ему очень, очень жалко, что «Ленин помер». Когда я спросил: почему же он так жалеет Ленина, он мне ответил: «Да ведь это Ленин приказал открыть рынки и лавки, позволил торговать тем, что нужно. Это после его приказа появился и ситный (белый) хлеб, и настоящий ржаной, и картошка, и сахар. Не сделай этого Ленин, мы бы и по сей день стояли бы голодными в очередях».

Н. Валентинов [5]. С. 143144

И не торопясь, проверив несколько раз, я снял с Владимира Ильича его размеры, дабы приготовить ему домовину теперь, увы! не для жизни, а на смерть, на долгие, долгие годы...

— Извольте посмотреть сами, все в порядке, в наилучшем виде...
— торопливо, скороговоркой говорил мне гробовщик, радостно захлебываясь от удачной работы для такого редкого покойника.

— Вот и подушечка!.. Не извольте беспокоиться... Лежать будет удобно, мягко...

— Длина оче-е-ень хороша... Как видите, все прилично... Везде все красное, в каемочку... в ленточку... И сверху чехол красный... Окошечко есть, чтобы посмотреть... Очень даже хорошо... — продолжал нахваливать гробовщик, журча, словно ручеек, своим переливным голосом...

— Смотрите-с, стенки!.. — Атласа не пожалели... — и он умиленно, молитвенно складывал руки, зорко смотря за мастером, прибавившим последнюю массивную золотую кисть, и словно готовый на радостях сам лечь в этот маленький гробик, столь уютно сделанный им для великого покойника.

В. Д. Бонч-Бруевич [2]. С. 313314

Произведенное вслед за бальзамированием вскрытие обнаружило распространенное заболевание сосудов тела, именно артерий. Оно заключалось в развитии артериосклероза.

В. П. Осипов. С. 295

22 января в Горках профессором Абрикосовым, в присутствии целого синклита врачей, произведено вскрытие тела, продолжавшееся почти пять часов. В результате его появился отчет (акт) о патолого-анатомическом состоянии умершего. Немедленно опубликованный в газетах, он произвел на многих, в том числе и на меня, шокирующее впечатление. Этот акт говорит решительно обо всем, что в болезненном или здоровом состоянии находилось внутри Ленина. Все было вскрыто. Ничто не оставлено без анализа. О всем и всех изъянах дан самый детальный отчет — о головном мозге, покрове черепа, сердце, легких, брюшной полости, селезенке, почках, мышечной системе. Кажется, никогда еще и нигде в мире не представляли умерших правителей страны, царей, королей и т. д. в таком обнаженном до последней, до крайней анатомической степени виде. Никаких анатомических секретов, все показано. В нашем кружке «Лиге наблюдателей» тот участник его, которого я назвал Юристом,

позднее говорил, что в публикации акта детального вскрытия тела Ленина проявилось свойственное большевикам грубо-материалистическо-анатомическое отношение к человеку.

Н. Валентинов [5]. С. 142

Когда я спрашивал врачей в Москве о непосредственных причинах смерти, которой они не ждали, они неопределенно разводили руками. Вскрытие тела, разумеется, было произведено с соблюдением всех необходимых обрядностей: об этом Сталин в качестве генерального секретаря позаботился прежде всего! Но яду врачи не искали, даже если более проницательные допускали возможность самоубийства. Чего-либо другого они, наверное, не подозревали. Во всяком случае, у них не могло быть побуждений слишком утончать вопрос. Они понимали, что политика стоит над медициной. Крупская написала мне в Сухум очень горячее письмо, я не беспокоил расспросами на эту тему. С Зиновьевым и Каменевым я возобновил личные отношения только через два года, когда они порвали со Сталиным. Они явно избегали разговоров об обстоятельствах смерти Ленина, отвечали односложно, отводя глаза в сторону. Знали ли они что-нибудь или только подозревали? Во всяком случае, они были слишком тесно связаны со Сталиным в предшествующие три года и не могли не опасаться, что тень подозрения ляжет и на них. Точно свинцовая туча окутывала историю смерти Ленина. Все избегали разговора об ней, как если бы боялись прислушаться к собственной тревоге. Только экспансивный и разговорчивый Бухарин делал иногда с глазу на глаз неожиданные и странные намеки.

— О, вы не знаете Кобы, — говорил он со своей испуганной улыбкой. — Коба на все способен.

Л. Д. Троцкий [6]. С. 278

В своей статье Троцкий рассказывает, как Сталин нарочно телеграфировал ему на Кавказ неверную дату похорон Ленина. «Было во всех отношениях безопаснее держать меня вдалеке, пока тело не было набальзамировано, а внутренности кремированы». Но если Троцкий хоть сколько-нибудь верил сообщению, что Ленин просил у Сталина яду, то почему он сейчас же не вернулся из Тифлиса в Москву

и не потребовал расследования? Ведь тело Ленина еще долгое время оставалось ненабальзамированным.

Л. Фишер. С. 977

[После смерти Ленина] Сталин <...> мог бояться, что я свяжу смерть Ленина с прошлогодней беседой о яде, поставлю перед врачами вопрос, не было ли отравления, потребую специального анализа. Во всех отношениях было поэтому безопаснее удержать меня подальше до того дня, когда оболочка тела будет бальзамирована, внутренности сожжены, и никакая экспертиза не будет более возможна.

Л. Д. Троцкий [6]. С. 277

Настоящий вопрос заключается вот в чем: почему Троцкий хранил эту «тайну» до 1939 года? Его выслали из СССР в 1929 году. За эти 10 лет он написал несколько книг и десятки статей. Сталин был его политическим врагом, и он не щадил обвинений по его адресу. Самым худшим обвинением могло быть обвинение в убийстве Ленина. Но целое десятилетие Троцкий ни словом не упомянул об этом, не позволил себе и намека на что-нибудь подобное.

Л. Фишер. С. 977

Хотя паралич и смерть Ленина явились для Сталина политическим спасением, нет никаких свидетельств, что Сталин что-то предпринимал, чтобы ускорить подобный исход.

Р. Такер. С. 253

В истории болезни Ленина за последний год его жизни, с февраля 1923 года по январь 1924, ничто не подтверждает сенсационного подозрения, будто Ленина отравил Сталин.

Л. Фишер. С. 977

Вскрытие тела Владимира Ильича подтвердило в точности те предположения, которые делали врачи при жизни, разве только с одной поправкой: болезненный процесс пошел гораздо дальше, чем предполагалось раньше.

Н. А. Семашко [2]. С. 300

На вскрытии, подробный протокол которого опубликован, оказалось, как всегда констатировалось и при клиническом, прижизненном исследовании Владимира Ильича, что периферические сосуды и самое сердце были почти нормальными... Пораженными до чрезмерных, можно без преувеличения сказать, до чудовищных размеров оказались преимущественно сосуды мозга, того органа, в котором, как в фокусе, сосредоточивалась вся жизнь, вся работа...

Л. Г. Левин. С. 252

Распространенный атеросклероз артерий с резко выраженным поражением артерий головного мозга. Атеросклероз нисходящей части аорты. Гипертрофия левого желудочка сердца, множественные очаги желтого размягчения (на почве склероза сосудов) в левом полушарии головного мозга в периоде рассасывания и превращения в кисты. Свежее кровоизлияние в сосудистое сплетение мозга над четверохолмием. Костная мозоль плечевой кости. Инкапсулированная пуля в мягких тканях верхней части левого плеча.

Анатомический диагноз.

Цит. по: *Арутюнов А. А. С. 506*

С возрастом развивается процесс отложения извести в стенках сосудов, которые утрачивают от этого свою эластичность. Но в пожилом возрасте это бывает в легкой степени, сильный склероз развивается уже в старческие годы, а Владимиру Ильичу было всего 53 года, следовательно, этот склероз был у него преждевременным, болезненным, и резче всего он оказался выраженным в сосудах головного мозга.

В. П. Осипов. С. 295

Пожилой мужчина, правильного телосложения, удовлетворительного питания. На коже переднего конца правой ключицы линейный рубец, длиной 2 сантиметра. На наружной поверхности левого плеча еще один рубец неправильного очертания 2х1 сантиметр (первый след пули). На коже спины под углом левой лопатки кругловатый рубец 1 сантиметр (след второй пули). На границе нижней и средней части плечевой кости ощупывается костная

мозоль. Выше этого места на плече прощупывается в мягких тканях первая пуля, окруженная соединительной оболочкой.

Череп — по вскрытии — твердая мозговая оболочка утолщена по ходу продольного синуса, тусклая, бледная. В левой височной и частично лобной области имеется пигментация желтого цвета. Передняя часть левого полушария, по сравнению с правой, несколько запавшая. Сращение мягкой и твердой мозговых оболочек у левой Сильвестровой борозды.

Головной мозг — без твердой мозговой оболочки — весит 1340 граммов. В левом полушарии, в области процентральных извилин, теменной и затылочной долях, парацентральной щели и височных извилин — участки сильного западения поверхности мозга. Мягкая мозговая оболочка в этих местах мутная, белесоватая, с желтым оттенком.

Сосуды основания мозга. Обе позвоночные артерии утолщены, не спадаются, стенки их плотные, просвет на разрезе резко сужен (щель). Такие же изменения в задних мозговых артериях. Внутренние сонные артерии, а также передние артерии мозга плотные, с неравномерным утолщением стенок; значительно сужен их просвет.

Левая внутренняя сонная артерия в ее внутричерепной части просвета не имеет и на разрезе представляется в виде сплошного плотного, белесоватого тяжа. Левая Сильвиева артерия очень тонка, уплотнена, но на разрезе сохраняет небольшой щелевидный просвет...

При разрезе мозга желудочки его расширены, особенно левый, содержит жидкость. В местах западений — размягчение ткани мозга с множеством кистозных полостей. Очаги свежего кровоизлияния в области сосудистого сплетения, покрывающего четверохолмие...

Внутренние органы. Имеются спайки в плевральных полостях. Сердце увеличено в размерах, отмечается утолщение полулунных и двухстворчатых клапанов. В восходящей аорте небольшое количество выбухающих желтоватых бляшек. Венечные артерии сильно уплотнены, просвет их зияет, ясно сужен.

На внутренней поверхности нисходящей аорты, а также и более крупных артерий брюшной полости — многочисленные, сильно выбухающие желтоватые бляшки, часть которых изъязвлена, петрифицирована.

Легкие. В верхней части левого легкого имеется рубец, на 1 сантиметр проникающий в глубину легкого (след пули). Вверху фиброзное утолщение плевры.

Селезенка, желудок, печень, кишечник, поджелудочная железа, органы внутренней секреции почти без видимых особенностей.

Протокол патологоанатомического исследования.

Цит. по: Арутюнов А. А. С. 505506

Я помню, как в редакции «Торгово-промышленной газеты» один из наших сотрудников, Штромберг, говорил со мною на ту же тему.

«Мы знали Ленина как вождя революции, законодателя, правителя страны, если хотите — диктатора, заменившего династию царей. Можем ему симпатизировать или не симпатизировать, это дело наших убеждений. Но Ленин — человек, это *психика*, а нам его потрошат, выворачивают наружу и этим как бы внушают: Ленин только *материя*, только собрание такого-то характера и состояния полушарий головного мозга, кишок, брюшной полости, сердца, почек, селезенки. В этом есть нечто шокирующее».

Н. Валентинов [5]. С. 142143

Основой болезни умершего является распространенный артериосклероз сосудов на почве преждевременного их изнашивания (Abnutzungsclerose). Вследствие сужения просвета артерий мозга и нарушения его питания от недостаточности подтока крови наступали очаговые размягчения ткани, объясняющие все предшествовавшие симптомы болезни (параличи, расстройства речи). Непосредственной причиной смерти явилось 1) усиление нарушения кровообращения в головном мозгу и 2) кровоизлияние в мягкую мозговую оболочку области четверохолмия.

Горки, 22 января 1924 года».

Протокол патологоанатомического исследования (вскрытия) подписали: А. И. Абрикосов, В. В. Бунак, Б. В. Вейсброд, Ф. А. Гетье, А. А. Дешин, П. И. Елистратов, В. П. Осипов, В. Н. Розанов, Н. А. Семашко (нарком здравоохранения), О. Ферстер. Двое из них (А. И. Абрикосов и А. А. Дешин) в лечении Ленина не принимали участия.

Всего же в лечении Ленина и консилиумах приняли участие 8 иностранных и 19 советских врачей.

Советские врачи

1. М. И. Авербах 11. М. Б. Кроль
2. В. М. Бехтерев 12. Л. Г. Левин
3. В. В. Бунак 13. В. А. Обух
4. Б. В. Вейсборд 14. В. П. Осипов
5. Ф. А. Гетье 15. В. Ф. Попов
6. С. М. Доброгаев 16. В. Н. Розанов
7. С. П. Даршкевич 17. Г. И. Россолимо
8. П. И. Елистратов 18. Н. А. Семашко
9. А. М. Кожевников 19. Д. В. Фельберг
10. В. В. Крамер

Иностранные врачи

1. Ю. Борхард 5. О. Минковски
2. О. Бумке 6. П. Нонне
3. Е. Геншен 7. О. Ферстер
4. Г. Клемперер 8. А. Штрюмпель

Цит. по: *Арутюнов А. А. С. 506507*

Вскрытие длилось почти четыре с половиной часа. Мы работали, не прерываясь даже для того, чтобы перекусить. Как народный комиссар здравоохранения, я, разумеется, должен был при всем этом присутствовать. Говоря откровенно, я был от этого не в восторге. То, что столь беззащитно было распростерто перед нами, было не просто мертвое тело. К моему облегчению, врачи, все как один, казалось, осознавали значительность момента. По отдельным данным вскрытия обошлось почти без дискуссий, протокол был подписан всеми коллегами без уклончивых дополнительных приписок. Что касается меня, я был ошеломлен состоянием мозгового органа. Никогда еще не доводилось мне видеть столь глубокие извилины. Оба полушария обнаруживали необычайно развитые центры разжигания. Испугал меня и цвет мозговой жидкости: то, что обычно имело серую или белесую окраску, отливало на этот раз желто-оранжевым, похожим на цвет спелой айвы. Один из врачей справедливо заметил: «Удивительно, что с таким небольшим объемом он мог мыслить столь глубоко». Заметил он это с большим уважением. Я собственноручно опечатал стеклянный сосуд с мозгом, прекрасно понимая, за какое сокровище несу теперь ответственность.

Внешний вид этого органа на самом деле может вызывать сочувствие. По нему ни за что нельзя было бы сделать вывода об историческом величии его прежнего хозяина. После трезвого размышления я решил доверить обработку органа Оскару Фогту из Берлина. Фогт разделит мозг на такие мелкие части, что общей картины восстановить уже будет невозможно. Фогт был также единственным, кто мог бы распознать и описать гениальность в этих клетках. Ведь говорит же он о себе: «Я вижу шире и глубже». На данном объекте у него будет возможность доказать это. В любом случае, представить мозг в столь изуродованном виде общественности решительно невозможно. Тем более — в нашем пантеоне. Соответствующие предложения я вынесу на рассмотрение товарищей. Следует только постоянно держать под контролем исследования Фогта. Это — работа «соседей». Мысль, в сущности, забавная: поручить тайной службе наблюдение за мозговой операцией. Прикладной материализм, совсем в духе Ильича. Был бы он еще жив, это обязательно бы его развеселило...

Н. А. Семашко. Цит. по: Шпенглер Т. С. 265

24 января 1924 г. врачи, лечившие В. И. и производившие вскрытие, сделали для печати сообщение, которое было опубликовано на следующий день. В нем, в частности, говорилось: «Мозг Ленина, как следовало ожидать, под влиянием тяжелого недуга претерпел значительные изменения, в сильной степени повлиявшие на внешний вид мозга и уменьшившие его вес, возможно, на несколько сот граммов. Тем не менее и в настоящем виде мозг Ленина весит 1340 граммов; извилины мозга в тех случаях, где они сохранились, выражены очень хорошо, как это обычно соответствует индивидууму с крупным интеллектом.

Изучением строения мозга Ленина тщательно займутся крупнейшие специалисты медицины. В ближайшее время под их руководством будут изданы все материалы о болезни и все данные вскрытия покойного».

М. Г. Штейн [2]. С. 168

...В момент вскрытия мозг предстал перед присутствовавшими на нем врачами в обезображенном виде с рубцами, извратившими

очертания наиболее благородных в функциональном отношении извилин его.

Н. Ф. Мельников-Разведенков. О механизме происхождения анатомических изменений мозга В. И. Ленина // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 303

В акте вскрытия мои знакомые коммунисты обращали больше всего внимания не на это, а на другое: головной мозг Ленина весит — 1340 граммов. Коммунист Ходоров, давший одновременно для «Правды» и для «Торгово-промышленной газеты» поминальную статью о роли Ленина в китайских делах, плача, скорбя о его смерти, уверял меня, что ленинская гениальность находится в прямой связи с весом, величиной его мозга. Якобы такой величины у людей обычного габарита не бывает. По наведенным некоторыми сотрудниками «Торгово-промышленной газеты» справкам оказалось, что вес мозга у мужчин вообще колеблется от 1100 до 1400 граммов, часто достигая 2000 граммов, и с этой точки зрения мозг Ленина ничего экстраординарного не представляет. Вдобавок, врачи нам объяснили, что если уже искать причины образования «гениального мозга», важность приобретает совсем не вес, не обширность мозга, а его серое вещество. Я сообщаю, что тогда говорилось, а верно это или нет — не знаю.

Н. Валентинов [5]. С. 143

Вес мозга оказался 1340 граммов, но это вес не полный, так как часть мозга была уничтожена болезнью; он ниже нормы. Средний вес человеческого мозга 1300—1400 граммов.

В. П. Осипов. С. 296

Общее строение мозговой коры в целом обладает в мозгу Ленина отличиями от мозга людей со средним уровнем и указывающих на принадлежность мозга Ленина к высшему типу строения. Одаренность Ленина отнюдь не была односторонней. Многогранность его гения подтвердилась и при микроскопических исследованиях его мозга...

О. Фогт. Цит. по: М. Г. Штейн [2]. С. 171172

Исследуя мозг Ленина, профессор Фогт на основе анатомического анализа выдвинул механистическую теорию гениальности. Суть этой теории аргументировалась наличием в мозге большого числа и своеобразно расположенных пирамидальных клеток. От этой теории в Кремле были в восторге. Но их радость и ликование были непродолжительными. Дело в том, что вскоре после сенсационного «открытия» профессора Фогта в немецкой Энциклопедии душевных болезней и в других изданиях выступил профессор Шпильмейер с утверждением, что такого рода большое число пирамидальных клеток имеются и у... слабоумных.

А. А. Арутюнов. С. 516

Химики из Института мозга всего этого на своих срезах, конечно, не заметили. Но вскрытие открыло причину его смерти. Д-р Розанов писал: «Тяжелое, даже для врачей, вскрытие. Колоссальный склероз мозговых сосудов, и только склероз. Приходилось дивиться не тому, что мысль у него работала в таком измененном склерозом мозгу, а тому, что он так долго мог жить с таким мозгом».

Л. Фишер. С. 907

И вообще при той степени поражения, которая была, нужно удивляться, как его мозг работал в этом состоянии, и надо полагать, что другой больной на его месте уже давно был бы не таким, каким был Владимир Ильич во время своей тяжелой болезни.

В. П. Осипов. С. 296

Первичный склероз сосудов вызвал вторично в мозгу большие разрушения. Краса его — извилины — запали; пострадало серое и белое вещество, окраска изменилась в оранжевую; образовались кисты и очаги размягчения. Дивно художественная картина строения мозга оказалась нарушенной болезненным процессом.

Н. Ф. Мельников-Разведенков. С. 303

«Другие пациенты, — говорили врачи, — с такими поражениями мозга бывают совершенно неспособны ни к какой умственной работе».

Н. А. Семашко [2]. С. 302

Жуткое чувство охватывает, когда читаешь протокол с длинным перечислением в нем изменений почти во всех долях обоих полушарий, преимущественно в левом, там, где заложены центры речи и иннервации правой половины тела. Разрушения в мозгу настолько обширны, что уму непостижимо, как можно было жить с ними.

Н. Ф. Мельников-Разведенков. С. 303

С такими сосудами мозга жить нельзя.

Н. А. Семашко [2]. С. 302

Склероз сосудов выражается не только в том, что стенки плотнеют, он также уменьшает просвет сосудов, и, следовательно, кровь в меньшем количестве притекает к участкам тела. От отложения извести появляются шероховатости на внутренней гладкой поверхности сосудов, а раз там появляются шероховатости, — происходит свертывание крови, образуются свертки, и просвет сосуда суживается. Явления склероза сосудов были особенно резко выражены в мозгу. Одним из самых важных сосудов, питающих мозговые полушария, является артерия Сильвиевой ямки, и вот представьте себе, что закупоривается просвет артерии на уровне ее общего ствола, — тогда все, что питается этой артерией, страдает, начинается явление размягчения мозга; но склероз может захватывать отдельные веточки, тогда будут выпадать из работы отдельные участки мозга. У Владимира Ильича мы должны представить обширную закупорку ветвей, питающих участки, которые были у него поражены. Вскрытие показало, что в этой области была большая киста, то есть пузырь, наполненный жидкостью. Когда размягчается соответственный участок мозга, то погибающая нервная ткань заполняется соединительной, а то, что не заполняется ею, заполняется жидкостью. Поверхность кисты образуется оболочкой, которой покрыт весь мозг. Другие участки оказались просто размягченными. Артерия основания мозга, которая дает ветви для питания продолговатого мозга, оказалась тоже закупоренной настолько, что оставался просвет лишь с толщину булавки.

В. П. Осипов. С. 295

На всем левом полушарии мозга оказались кисты, то есть размягченные участки мозга; закупоренные сосуды не доставляли к этим участкам крови, питание их нарушалось, происходило размягчение и распадение мозговой ткани. Такая же киста констатирована была и в правом полушарии.

Н. А. Семашко [2]. С. 301

Выяснилось, что питание правого полушария тоже было недостаточным. Общий ствол левой сонной артерии был до того закупорен, что можно было в просвет его пропустить только щетину. Через такой суженный просвет сосуда шла кровь для этого полушария.

В. П. Осипов. С. 295

Основой болезни Владимира Ильича считали затвердение стенок сосудов (артериосклероз). Вскрытие подтвердило, что это была основная причина болезни и смерти Владимира Ильича. Основная артерия, которая питает примерно 3/4 всего мозга — «внутренняя сонная артерия» (*art carotis interna*), при самом входе в череп оказалась настолько затверделой, что стенки ее при поперечном перерезе не спадались, значительно закрывали просвет, а в некоторых местах настолько были пропитаны известью, что пинцетом ударяли по ним, как по кости. Если уже основная артерия, при самом своем выходе в череп, так изменилась, то становится понятным, каково было питание всего мозга и каково было состояние других мозговых артерий, ее веточек: они тоже были поражены, одни больше, другие меньше. Например, отдельные веточки артерий, питающие особенно важные центры движения, речи, в левом полушарии оказались настолько измененными, что представляли собою не трубочки, а шнурки: стенки настолько утолстились, что закрыли совсем просвет. Перебирали каждую артерию, которую клиницисты предполагали измененной, и находили ее или совсем не пропускавшей кровь, или едва пропускавшей.

Н. А. Семашко [2]. С. 301

Таким образом, Семашко, напустив сначала туману насчет склеротических сосудов, сумел даже тогда, через 4 дня после смерти пациента, в «Известиях» сказать правду. Дело не просто в сосудах, а в

поражении мозга, в «западении» левого полушария и в том, что, как где-то потом обмолвится Семашко, мозг Ленина превратился в зеленоватую жижу. Налицо противоречие. Ни сифилис, ни склероз не могли поразить мозг Ульянова с молодости, если еще не с детства. Значит, наследственность? Скорее всего. Либо самый простой вариант: плохая наследственность, на которую наложилось дополнительно заболевание сифилисом и атеросклерозом. И в том и в другом случае приходится признать, что пролил море крови в нашей стране, требуя расстрелов и расстрелов, что принял решение убить и изрубить на куски царскую семью, все русские памятники заменить памятниками Марату, Робеспьеру и Парижской коммуне, провел в России чудовищный, целенаправленный геноцид человек с больным, пораженным мозгом, а значит (это вам скажет любой начинающий врач), и с больной психикой.

В. А. Солоухин. С. 187

Ленин умер 21 января 1924 года. Это разнеслось по всему миру. Виктор Серж писал в своем «*Tournant obscur*»: «Я путешествовал в окрестностях Вены в один из январских дней 1924-го года... В купе вагона, заполненном ожиревшими пожилыми пассажирами, кто-то развернул газету, в которой прочел заголовок: «Смерть Ленина»... Потом эти люди заговорили об этой смерти. Я слушал. Среди них — ни одного коммуниста, но каждый произносил свои слова с особой серьезностью, сознанием, что ушел кто-то единственный в своем роде и очень большой, унеся с собой в могилу множество надежд того времени. Я смотрел на лица этих людей другой страны, другого мира, мелких австрийских буржуа, чуждых всякой революции, всякому обновлению: они, каждый по-своему, выражали сожаление по поводу смерти революционера».

Ю. Анненков. Т. 2. С. 276

Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек — и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет? На своем кровавом престоле он стоял уже на четвереньках; когда английские

фотографы снимали его, он поминутно высовывал язык: ничего не значит, спорят! Сам Семашко брякнул сдуру во всеуслышание, что в черепе этого нового Навуходоносора нашли зеленую жижу вместо мозга; на смертном одре, в своем красном гробу, он лежал, как пишут в газетах, с ужаснейшей гримасой на серо-желтом лице: ничего не значит, спорят. А соратники его, так те прямо пишут: «Умер новый Бог, создатель Нового Мира, Демиург!» Московские поэты, эти содержанцы московской красной блудницы, будто бы родящие новую русскую поэзию, уже давно пели:

Иисуса на крест, а Варраву —

Под руки и по Тверскому...

Кометой по миру вытяну язык,

До Египта раскорячу ноги...

Богу выщиплю бороду,

Молюсь ему матерщиной...

И если все это соединить в одно — и эту матерщину, и шестилетнюю державу бешеного и хитрого маньяка, и его высовывающийся язык, и его красный гроб, и то, что Эйфелева башня принимает радио уже о похоронах не просто Ленина, а нового Демиурга и о том, что Град Святого Петра переименовывается в Ленинград, то охватывает поистине библейский страх не только за Россию, но и за Европу: ведь ноги-то раскорячиваются действительно очень далеко и очень смело. В свое время непременно падет на все это Божий гнев, — так всегда бывало. «Се аз восстану на тя, Тир и Сидон, и низведу тя в пучину моря...» И на Садом и Гоморру, на все эти Ленинграды падет снег и сера, а Сион, Селим, Божий Град Мира, пребудет во веки...

И. А. Бунин. Окаянные дни. М.: Сов. писатель, 1990. С. 354-355

Болезнь и смерть избавили Ленина от печальной участи до конца расхлебать эту кашу, заваренную им. Заваренную им не по Марксу, а именно во славу того аморализма, который представлялся ему таким практически целесообразным и который оказался, в конце концов, несмотря на временные головокружительные успехи, таким непрактичным и страшным по своим последствиям.

А. Н. Потресов. С. 285

Представление о Ленине как правителе-избавителе от тяжких бед и грабежа было, несомненно, распространено среди крестьянства. О большом почтении к нему среди крестьян я впервые узнал в 1922 г., попав в село Васильевское в 60 верстах от Москвы. Один тамошний крестьянин мне весьма подробно стал объяснять, что «Ленин русский человек, крестьян он уважает и не позволяет их грабить, загонять в колхоз, а вот другой правитель — Троцкий — тот еврей, тому на крестьян наплевать, труд и жизнь их он не знает, не ценит и знать не желает».

Н. Валентинов [5]. С. 144

В 1923 году беспартийные рабочие и служащие Московского депо Рязано-Уральской железной дороги накануне 6-летнего юбилея ячейки РКП(б) железнодорожной станции Москва в неурочное время отремонтировали паровоз серии У № 127. На передней части прикрепили надпись: «Беспартийные — коммунистам».

Паровоз передали Владимиру Ильичу со следующим письмом: «20-го мая, собравшись на празднование юбилея, рабочие и служащие депо Москва, передавая паровоз № 127 ячейке, единогласно постановили избрать тебя, дорогой Владимир Ильич, почетным машинистом. Вручая тебе паровоз, рабочие и служащие не сомневаются, что ты, Владимир Ильич, как опытный машинист, привезешь нас в светлое будущее.

Со дня избрания тебя, дорогой товарищ Владимир Ильич, почетным машинистом зачисляем тебя по штату машинистов по 14-му разряду 24-й разрядной тарифной сетки, — в связи с чем при сем прилагаем расчетную рабочую книжку».

Этот самый паровоз повез траурный поезд, в котором был гроб с телом Владимира Ильича, из Горок в Москву.

Л. А. Фотиева [1]. С. 213214

— Могилу готовьте вы... — сказал мне Л. Б. Каменев еще вчера, возвращаясь в Москву.

— Могилу поручить ему... — сказали товарищи в Доме Союзов.

И я поехал с товарищем Сафроновым, которому тоже поручили это дело.

В. Д. Бонч-Бруевич [2]. С. 315

Тело доставили во Дворец профсоюзов в Москву. По-видимому, были разногласия по поводу того, как поступить дальше. Кажется, дело дошло даже до открытых столкновений из-за того, кто является законным наследником тела покойного — родственники, государство или коммунистическая партия. В результате к работам по бальзамированию приступили лишь тогда, когда появились признаки разложения необратимого характера. Я случайно стала свидетельницей того, как тайная полиция — в Москве их тогда называли «соседями» — сопровождала мозг Ленина, который был доставлен из Горок в Москву отдельно от прочих бранных останков. На этот мозг претендовал нарком Семашко для своего института мозга. Вечером 24 января в английском лимузине, перед которым следовало восемь мотоциклистов, орган был перевезен из Дворца профсоюзов в институт. Я стояла у окна выделенной мне квартиры, когда эскорт промчался мимо. Синие и красные блики сигнальных огней трепетали на уличной грязи. Они отражались в льдинках и напоминали светлячков. Больше я не стала смотреть, подумав: «Опять какой-нибудь высокий гость, из-за которого солдат на мороз выгнали». Лишь спустя два дня я узнала, кого — или что — провезли под моими окнами.

Донесение в Стокгольм патологоанатома Н.

Цит. по: *Шпенглер Т. С.* 265

...Приехав в Москву недели через три, я был немедленно вызван в Высший Военный Редакционный Совет, где мне предложили отправиться в основанный в Москве Институт В. И. Ленина, для ознакомления с фотографической документацией, ввиду предполагавшихся иллюстраций для книг, посвященных Ленину.

«Ознакомление с документацией» продолжалось около двух недель. В облупившемся снаружи и неотопленном внутри «Институте В. И. Ленина» (не путать с менее облупившимся, но столь же неотопленным в те годы московским «Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса»), меня прежде всего поразила стеклянная банка, в которой лежал заспиртованный ленинский мозг, извлеченный из черепа во время бальзамирования трупа: одно полушарие было здоровым и полновесным, с отчетливыми извилинами; другое, как бы подвешенное к первому на тесемочке, — сморщено, скомкано, смято и

величиной не более грецкого ореха. Через несколько дней эта страшная банка исчезла из Института и, надо думать, навсегда. Мне говорили в Кремле, что банка была изъята по просьбе Крупской, что более чем понятно. Впрочем, слышал несколько лет спустя, будто бы ленинский мозг был перевезен для медицинского исследования куда-то в Берлин.

Ю. Анненков. Т. 2. С. 276277

23 января гроб с прахом Ленина был из Горок перевезен в Москву и водружен в великолепном Колонном зале Дома профессиональных союзов. Мимоходом замечу, это здание, построенное еще в 1784 г., называлось до войны Благородным Дворянским Собранием, в нем устраивались приемы царей, дворянские собрания, благотворительные вечера и концерты. В течение трех дней сотни тысяч людей непрерывным потоком шли к гробу «проститься с Лениным». Шли и днем и ночью. Холод, мороз стоял нестерпимый, люди зябли, простуживались и все-таки стойко целыми часами дожидались очереди пройти к гробу. Мне кажется, что у русского народа есть гораздо большее, чем у других народов, особое мистическое любопытство, какая-то тяга посмотреть вообще на труп, на покойника, на умершего, в особенности, если покойник тем или иным выделялся из общего ранга. В паломничестве к гробу Ленина было и это любопытство, но, несомненно, было и другое чувство: засвидетельствовать перед покойником свое к нему уважение, любовь, признательность или благодарность. Пошла туда и наша редакция «Торгово-промышленной газеты», получившая от комиссии по организации похорон возможность пройти к гробу без долгих часов стояния в очереди. Без этого мы не могли бы своевременно выпустить газету. Отправился и я вместе с другими моими сотрудниками. Не идти я и не мог бы. В глазах мне подчиненных людей и моего начальства в ВСНХ это было бы большой и немедленно всеми замеченной демонстрацией. А делать ее у меня никаких мотивов не было. У меня, наоборот, были мотивы за то, чтобы идти. Во-первых, я действительно хотел взглянуть в последний раз, назовем это «проститься» с тем, чье большое политическое влияние я испытывал в годы моей молодости, двадцать лет перед этим, в течение 1901-1904 гг. Во-вторых, Ленин последнее время был для меня больше всего смелым зачинателем

НЭПа, человеком 1921 г., а не человеком 1917 г., захватившим власть, разогнавшим Учредительное собрание, ставшим осуществлять те идеи, провал которых наш кружок («Лига наблюдателей») с большим удовлетворением установил в своей памятке «Судьба основных идей Октябрьской революции».

Н. Валентинов [5]. С. 144145

Стужа невероятная, но люди идут без шапок.

А. В. Бельмас. С. 130

Гроб Ленина в Колонном зале был поставлен столь высоко, окружен таким количеством палм, венков, цветов, прохождение около гроба должно было совершаться с такой быстротой, что, в сущности, умершего Ленина я и не увидел. Три или четыре года спустя, в 1927 или 1928 г., проходя по Красной площади, я решил зайти в Мавзолей Ленина. От того, что я там увидел, впечатление осталось удручающее, отвратительное. Под стеклянным колпаком лежала небольшая лакированная кукла с желтенькими усами. Каким-то лаком было покрыто ее лицо. Ничего, ну, абсолютно ничего сколько-нибудь схожего с человеком, которого я знал. Лет двенадцать перед этим, будучи в Париже, я зашел в музей Гревэн на бульваре Монмартр. Там из воска и разного материала специалисты делают с большим искусством точные «портреты»-фигуры в натуральную величину персон, по тем или иным причинам попадающим в поле большой актуальности, в поле обостренного внимания публики. Таковым может быть и король, и какой-нибудь генерал, ученый, политический деятель, артист или кровавый преступник-убийца. Фигуры из воска музея Гревэн — верх совершенства в сравнении с грубой фабрикацией, под наименованием «Ленин», находившейся под колпаком в Мавзолее. Мощи Ильича мне показались величайшей насмешкой над живым Лениным. Откуда, как, у кого появилась мысль выпотрошить все внутренности из трупа Ленина и из чего-то немногого после этого оставшегося создать подобие человека, — мумию? У кого родилась идея под видом останков Ленина сохранить эту штуку в особом Мавзолее?

Н. Валентинов [5]. С. 145146

Люди несли большие транспаранты с абсурдными и глупыми надписями. Вот содержание одной из них:

Могила Ленина

Колыбель человечества

А. А. Арутюнов. С. 500

Троцкий в своей автобиографии писал, что «на Красной площади воздвигнут был при моих протестах недостойный и оскорбительный для революционного сознания Мавзолей». Когда Троцкий протестовал? Конечно, не тогда, когда Мавзолей с бальзамированным трупом Ленина уже появился. Тогда протестовать было поздно и невозможно, да и во время появления Мавзолея Троцкий был не в Москве, а в Сухуме. Протестовал Троцкий задолго до этого, и досадно, что нигде в своих воспоминаниях он об этом не рассказывает.

Н. Валентинов [5]. С. 146

В темноте морозной ночи засветились факельные огни. С разных сторон поднялись люди. Еще и еще идут и едут. Развели огромные костры, и красное пламя, мешаясь с сизым и черным дымом, озарило сумрак, окинуло языками Кремлевскую стену, исполосовав небо причудливыми тенями...

Ходят в тулупах. Укутаны в башлыки, одеты в полушубки, в валенки, в огромные рукавицы, ходят и постукивают ломами об оттаявшую землю.

— Крепка земля... Лом тупится...

— Да, крепка, что и говорить... Мороз-то больно лют...

— Крепчает, дерет...

И вспыхивают костры, подымая огни от земли и до неба.

Стучат кирки, звенят ломы, скребут лопаты... Не поддается земля... Крепка и камениста... Подвалили еще дров, саженьями измерили костры; горят, трещат, валит дым, рассыпаются искры... Как тени ада бродят люди... Упруга и тверда земля... Нет сил добраться вглубь...

В. Д. Бонч-Бруевич [2]. С. 315316

Вот что можно установить из рассказов Бухарина.

Вероятно, в последних числах октября 1923 г. сошлись шесть лиц из Политбюро — Троцкий, Бухарин, Каменев, Калинин, Сталин, Рыков. Это не было заседанием Политбюро. Зиновьев и Томский на нем не присутствовали, не было ни записи происходившего разговора, ни какого-либо зафиксированного решения. Это было только беседой. Сталин сообщил, что по полученным им сведениям состояние здоровья Ленина внезапно столь ухудшилось, что можно опасаться смертельного исхода. Ряд соображений подсказывает, что Сталин имел в виду резкое ухудшение положения Ленина после его поездки 19 октября из Горок в Москву. Отсюда я и вывожу, что совещание происходило в последних числах октября или в начале ноября.

Отзываясь на сообщение Сталина, Калинин указал, что надвигающаяся смерть Ленина ставит перед партией важнейший вопрос о его похоронах. «Нужно обдумать все к ним относящееся. Это страшное событие не должно нас застигнуть врасплох. Если будем хоронить Владимира Ильича, похороны должны быть такими величественными, каких мир еще никогда не видывал». Сталин вполне поддерживал Калинина: «Нужно действительно все обдумать заранее, чтобы не было никакой растерянности, незнания, что делать в часы великой скорби. Этот вопрос, как мне стало известно, очень волнует и некоторых наших товарищей в провинции. Они говорят, что Ленин *русский человек и соответственно тому и должен быть похоронен*. Они, например, категорически против кремации, сжигания тела Ленина. По их мнению, сожжение тела совершенно не согласуется с русским пониманием любви и преклонения пред усопшим. Оно может показаться даже оскорбительным для памяти его. В сожжении, уничтожении, рассеянии праха русская мысль всегда видела как бы последний высший суд над теми, кто подлежал казни. Некоторые товарищи полагают, что современная наука имеет возможность с помощью бальзамирования надолго сохранить тело усопшего, во всяком случае достаточно долгое время, чтобы позволить нашему сознанию привыкнуть к мысли, что Ленина среди нас все-таки нет».

Речь Сталина была длинная, верткая, но что я верно передаю ее смысл и направление, можно судить по ответу на нее, который с величайшим возмущением сделал Троцкий: «Когда тов. Сталин договорил до конца свою речь, тогда только мне стало понятным, куда клонят эти сначала непонятные рассуждения и указания, что Ленин —

русский человек и его нужно хоронить по-русски. По-русски, по канонам русской православной церкви, угодники делались мощами. По-видимому нам, партии революционного марксизма, советуют идти в ту же сторону — сохранить тело Ленина. Прежде были мощи Сергия Радонежского и Серафима Саровского, теперь хотят их заменить мощами Владимира Ильича. Я очень хотел бы знать, кто эти товарищи в провинции, которые, по словам Сталина, предлагают с помощью современной науки бальзамировать останки Ленина, создать из них мощи. Я бы им сказал, что с наукой марксизма они не имеют абсолютно ничего общего».

В полном согласии с Троцким и с таким же возмущением говорил Бухарин. Превращение в бальзамированную мумию останков Ленина, по его мнению, до такой степени оскорбительно для его памяти, до такой степени противоречит, не вяжется со всем его материалистическим, диалектическим мировоззрением, что об этом не может быть и речи.

«Я замечая, что где-то в партии, из каких-то щелей несет странным духом. Хотят возвеличить физический прах в ущерб идейному возвышению. Говорят, например, о переносе из Англии к нам в Москву праха Маркса. Приходилось даже слышать, что сей прах, похороненный около Кремлевской стены, как бы прибавит «святости», значения всему этому месту, всем погребенным в братском кладбище. Это черт знает что!»

В таком же духе возражал Сталину и Каменев. Он указал, что существует предложение (его особенно поддерживает Зиновьев) переименовать Петроград в Ленинград. Такой акт, отмечающий грандиозное значение Ленина в истории Октябрьской революции, вместе с изданием в десятках миллионов экземпляров его сочинений, явится действительным почитанием памяти Ленина. Что же касается сохранения тела Ленина, он, Каменев, видит в этом своеобразный и странный отголосок того «поповства», которое бичевал Ленин в своей философской книге.

Н. Валентинов [5]. С. 146148

...У Надежды Константиновны был подавленный вид... Со дня кончины Владимира Ильича она очень изменилась, состарилась. Она долго молчала, затем тихим голосом заговорила: «Надругается Сталин

над Владимиром Ильичем. 6 марта (1923), когда у Володи случился рецидив и состояние его здоровья резко ухудшилось, он обратился ко мне с просьбой. «Надюша, — сказал он, — очень прошу, постарайтесь с Маняшей сделать все, чтобы меня похоронили рядом с мамой».

Когда Володю перевезли из Горок в Москву, я передала его просьбу Сталину. А он дернул несколько раз за правый ус и сказал: «Владимир Ильич больше принадлежал партии, ей и решать, как с ним поступить». Я ничего не смогла ответить этому человеку».

М. В. Фофанова. С. 516

Наутро так же мало, как и ночью, прошли вперед работы...
— Что делать? — В землю идти не хочет Владимир Ильич, — говорят рабочие.

В. Д. Бонч-Бруевич [2]. С. 316

Наконец, Сталин, Молотов, Калинин и Дзержинский вносят гроб с телом Ленина в склеп.

Ю. М. Лопухин. С. 66

День похорон. На Большом доме вывешен черный флаг. Товарищи из военной охраны Владимира Ильича, шесть-семь человек, молча выстроились перед террасой, лицом к деревушке Горки. 4 часа. Далеко-далеко из-под Москвы доносится глухой и протяжный гул. Потом еще и еще... Это пушечные залпы — артиллерийский салют слышен в Горках. Тогда товарищи из военной охраны в свою очередь подняли ружья и трижды выстрелили в память Владимира Ильича. Потом постояли немного, задумчивые и сосредоточенные, и один из них тихо сказал: «Вот нам и некого теперь больше охранять»...

В. Г. Сорин. С. 125

В этот момент по радио и всем телеграфным аппаратам СССР был передан сигнал: «Встаньте, товарищи, Ильича опускают в могилу!»

А. А. Арутюнов. С. 500

Милая, родная моя Инночка, хоронили мы Владимира Ильича вчера. Хворал он недолго в последний раз. Еще в воскресенье мы с ним занимались, читала я ему о партконференции и о съезде Советов.

Доктора совсем не ожидали смерти и еще не верили, когда началась уже агония. Говорят, он был в бессознательном состоянии, но теперь я твердо знаю, что доктора ничего не понимают. Вскрытие обнаружило колоссальный склероз. Могло быть много хуже — могли бы быть новые параличи... Каждый новый припадок заставлял холодеть. Сейчас гроб еще не заделали и можно будет поглядеть на Ильича еще. Лицо у него спокойное, спокойное. Стоял он в Доме Союзов, было там все очень хорошо и торжественно и необычно... Все товарищи очень внимательны и ласковы к нам. Жили мы все эти дни в Доме Союзов, это было очень удобно...

Н. К. Крупская — И. А. Арманд. 28 января. 1924 г.

Цит. по: *Петренко Н. С. 270*

Здесь уместно вспомнить похороны основоположника русской социал-демократии Г. В. Плеханова 9 июня 1918 года и отношение Ленина к этому печальному событию. У Казанского собора в Петрограде гроб Георгия Валентиновича несли члены группы «Освобождение труда» П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Е. К. Брешко-Брешковская, Л. Г. Дейч, ближайшие соратники и друзья, представители рабочих от фабрик и заводов, русской интеллигенции. На похоронной процессии отсутствовал Ленин. От него не было даже венка. Узнав о кончине Г. В. Плеханова, Ленин уехал из Москвы. Именно в эти траурные дни он вместе с Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой отдыхал на берегу Клязьмы в Мальце-Бродове Богородского уезда Московской губернии. Печальное известие не задело «самого человеческого».

А. А. Арутюнов. С. 541

В первые дни после кончины Ильича Инна Арманд написала Надежде Константиновне проникновенное письмо: «Милая моя, любимая моя, моя родная, обнимаю тебя и целую так крепко, так крепко. Глаза твои дорогие целую. Все мои мысли, все думы с тобой... Милая моя, родная, я знаю, утешить ведь нельзя, но все-таки ты думай о том, что ты не совсем одна, что у тебя есть еще твои девочки, как ты нас называешь, и что мы тебя крепко, крепко любим и вместе с тобой ужасно горюем о Владимире Ильиче. Он ведь такой дорогой, любимый, я все не хотела верить. Как же это может быть? Здесь

(Инесса вместе с мужем, немецким коммунистом Гуго Эберлейном, работала в советском торгпредстве в Германии. — *Б. С.*) все товарищи так тяжело переживают это общее горе. Вчера была ячейка, так никто не мог хорошенько говорить, так все плакали. Если бы я могла к тебе приехать, обнять тебя, с тобой вместе быть все время. Ты бы, может быть, на ясные глазенки моей девочки немножко бы порадовалась. Я буду тебе писать, моя дорогая, любимая моя. И ты, когда сможешь, когда будет легче, напиши мне, мне ведь так тяжело и одиноко здесь стало, что прямо ужас. Там у вас, я знаю, все товарищи подтянутся, сомкнутся теснее, будут дружнее работать. Так бы хотелось быть с вами, вместе горевать и вместе, сжав зубы, начать упорнее и лучше дальше работать. Целую тебя много раз, моя родная, любимая, беспрестанно думаю о тебе и о нашем дорогом Ильиче. Гуго крепко, крепко жмет тебе руку. Твоя Инна. Как только будет малейшая возможность, приеду к тебе обязательно, моя родная...»

Цит. по: *Соколов Б. В. С. 329330*

Не прислать ли тебе, Инночка, собрание Сочинений Ильича? У меня есть. Снимки в гробу вышли хорошие, я пошлю их тебе...

Н. К. Крупская — И. А. Арманд. 28 января 1924

Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 102

Стоит напомнить, что строившийся втайне, впопыхах и с огромной скоростью склеп немедленно после переноса в него останков Ленина был закрыт и доступ туда запрещен. Официально это мотивировалось тем, что не окончены работы по оборудованию внутри склепа, на самом же деле была другая, более важная, причина: труп Ленина стал быстро разлагаться, его нужно было по-новому препарировать, а потом все последующие годы поддерживать особым туалетом.

Н. Валентинов [5]. С. 150

В трескучие морозы января 1924 г. рабочие заступами и ломом копали котлован под временный мавзолей. Ломом была пробита канализационная труба, но пробойна, схваченная морозом, не была замечена. В первую же оттепель труба лопнула, залив своим

содержанием мавзолеей. Узнав об этом, томившийся под домашним арестом патриарх Тихон скорбно заметил: «По мощам и елей».

И. Бунич. С. 95

Нынче в православном народе ходит любопытнейший рассказ, разительно напоминающий притчу из древнего патерика о том, как один праведный монах дерзнул молиться за спасение самого сатаны. Так вот, благочестивая московская старушка стала поминать в своих молитвах Ленина. И через какое-то время ей было видение: ночью явился его призрак и сказал: «Я пришел к тебе не по своей воле. Не молись за меня — мне уже ничто не поможет».

П. Паламарчук. Неотпетый злодей // Вече. 1989. № 35

Спешно сделанный деревянный мавзолей заменен в 1929 г. другим, солидным, из гранита.

При приближении немцев к Москве мумия Ленина была куда-то увезена. Я слышал, что вместо прежней мумии Ленина была сделана другая, вся новая и более на него похожая. Так ли это — не знаю. Место недалеко от Мавзолея продолжает быть кладбищем высокостоящих персон коммунистического режима. По непонятным мне причинам, трупы одних подвергаются сожжению и прах их хранится в урнах; такой операции подверглись, например, тела М. Горького, Крупской, Куйбышева, Щербакова. Другие, как все до начала тридцатых годов, погребаются без сожжения в гробах — Калинин, Жданов.

Н. Валентинов [5]. С. 150151

А. Куманев: Была ли, когда не стало Ленина, альтернативная фигура Сталину?

Л. М. Каганович: После Ленина никто не мог его достойно заменить. Это бесспорно. Все эти оперативные кандидатуры, которые сейчас называются, — все это чепуха. Я могу по каждому из них рассказать, почему они не подходили и не могли подходить. Единственный человек, который мог возглавить нашу страну при всех его недостатках, при всех ошибках, которые были (а они были, я их не отрицаю), — это Сталин.

Г. А. Куманев. С. 80

Тут я должен вернуться к рассказу о Кагановиче. Больше всего меня возмущало, да и не только меня, но и других, поведение Кагановича. Это был холуй. У него сразу поднимались ушки на макушке, и тут он начинал подличать. Бывало, встанет, горло у него зычное, сам мощный, тучный, и рокошет: «Товарищи, пора нам сказать правду. Вот в партии все говорят: Ленин, ленинизм. А надо говорить так, как оно есть, какая существует ныне действительность. Ленин умер в 1924 году. Сколько лет он проработал? Что при нем было сделано? И что сделано при Сталине? Сейчас настало время дать всем лозунг не ленинизма, а сталинизма». Когда он об этом распространялся, мы молчали. Стояла тишина.

Сталин первым вступал в полемику с Кагановичем: «Вы что говорите? Как вы смеее так говорить?» Но произносилось это тоном, поощряющим как бы возражения Сталину. В народе хорошо известен этот прием. Когда мать идет в другую деревню в гости и хочет, чтобы ее девочка или мальчонка пошли с ней, чтобы их там покормили, она кричит; «Не ходи, не ходи, чертенок!» и грозит ему пальцем. А когда никто не видит, манит его: «Иди за мной, иди». Он и бежит за ней. Я сам наблюдал такие картины в деревне. Сталин тоже начинал разносить Кагановича, что это он такое себе позволяет. Но видно было, что сказанное ему нравится. Сталин обычно возражал Кагановичу такими словами: «Что такое Ленин? Каланча. Что такое Сталин? Палец». А иной раз приводил такие сравнения, которые ни в какие записи не вменяются!

Я много раз слышал повторение таких сравнений и бурное реагирование на сталинские утверждения со стороны Кагановича, которого это еще больше подогревало, и он настойчиво повторял свое, потому что видел, что у Сталина явно ложное возмущение.

Н. С. Хрущев. *Т. 2. С. 123*

Вы не понимаете того времени. Не понимаете, какое значение имел Сталин. Большой Сталин... Мария Ильинична еще при жизни Владимира Ильича сказала мне: «После Ленина в партии самый умный человек Сталин». <...> Сталин был для нас авторитет. Мы Сталина любили. Это большой человек. Он же не раз говорил: я только ученик Ленина.

Л. А. Фотиева Цит. по: *Бек А. С.* 8

Крупская однажды сказала в 1927 году, что если б жив был Ленин, то, вероятно, уже сидел бы в сталинской тюрьме.

Л. Д. Троцкий [4]. С. 153

В книге «Встречи с Лениным» в 1904 г. в Женеве мне пришлось писать и о супруге его — Крупской. Кое-кто потом меня упрекал, что я говорил о ней без должной симпатии. Это верно! Симпатизировать Крупской, кстати сказать, после периода благожелательства меня возненавидевшей, у меня не было никакого основания. А позднее исчезло даже малейшее к ней уважение. После смерти Ленина она прожила 15 лет (она умерла в феврале 1939 г.), показав за это время огромную способность прислужничать и унижаться. Два дня после смерти Ленина, — он еще не был похоронен, — председатель Центральной Контрольной Комиссии, Куйбышев, известный тем, что с рабской покорностью выполнял все требования, даже намеки Сталина, опубликовал на страницах «Правды» приглашение Крупской стать членом ЦКК, о реорганизации которой Ленин писал в одной из последних предсмертных статей. Мы хотим создать из ЦКК, писал Куйбышев, «твердокаменный орган твердокаменной партии, и нам много легче будет делать, когда среди нас будете вы. При вас зарождались мысли Ленина, зрели и развивались. Вы можете больше чем кто-либо помочь нам своими указаниями: правильно ли мы понимаем то, что успел нам сказать Владимир Ильич».

Подкупленная этой лестью, Крупская делается членом Центральной Контрольной Комиссии, того самого учреждения, которое скоро будет апробировать отправку в ссылку и исключение из партии старых товарищей Ленина. В 1927 г. Сталин делает ее членом Центрального Комитета партии. По воле диктатора, она награждается орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. На ее глазах происходит истребление почти всей старой ленинской гвардии, друзей Ленина. Она молчит, хотя протест именно ее, как жены, долголетнего спутника жизни творца Октябрьской революции и большевистской партии, имел бы огромное значение и вес. Какой шум поднялся бы всюду, если бы свет узнал, что за свой протест Крупская ввержена Сталиным в изолятор или даже расстреляна. Она, так любившая

воспевать жертвенность, казалось, должна была показать пример этой жертвы. Она предпочла другое — мирно дожить до 70 лет и, в качестве заместителя народного комиссара просвещения, сугубо развивать «пионерское движение», которое при Сталине могло быть наполнено только его духом. Троцкий в автобиографии говорит, что Крупская в 1927 г. будто бы сказала: «Будь Ленин жив, он при Сталине сидел бы в тюрьме». Не верю, что эту фразу она сказала. Ведь в 1927 г. за благонравное поведение ее ввели в Центральный Комитет. Но если бы даже эту фразу она сболтнула, потом трижды отреклась бы от нее.

Н. Валентинов [5]. С. 128129

В конце концов вспомнилась мне и биография самой Надежды Константиновны Крупской. До 20 лет она была глубоко верующей, считала своим долгом обучить грамоте неграмотных. Но Ленин высмеял ее усердие в обучении грамоте народа. И Ленин же внушил ей новый взгляд на такого философа, как Платон: «Философы-идеалисты — народ вредный, что и говорить»... Теперь процитируем письмо Максима Горького Владиславу Ходасевичу: «Из новостей ошеломляющих разум, могу сообщить, что... в России Надеждой Крупской и каким-то М. Сперанским запрещены для чтения: Платон, Кант, Шопенгауэр, Вл. Соловьев, Тэн, Рескин, Ницше, Л. Толстой, Лесков, Ясинский (!) и еще многие подобные еретики. И сказано: «Отдел религии должен содержать только антирелигиозные книги». Все сие будто не анекдот, а напечатано в книге, именуемой: «Указатель об изъятии антихудожественной и контрреволюционной литературы из библиотек, обслуживающих массового читателя».

...Это странное дерево «незнания» посажено было Крупской по совету и под наблюдением Ленина. После смерти Ленина Крупская продолжала его растить «в духе Ленина». Сталин и его приспешники поставили это дерево в центре своего Эдема.

Бертрам Д. Вульф. Крупская чистит библиотеки // Новый журнал. Нью-Йорк, № 99. С. 237

Зимою в парке стоял глубокий снег. А весною, когда снег сошел, на узкой дорожке, ведущей от Большого дома в глубь парка, ясно, ясно проступили борозды и колеи, оставшиеся от кресла, в котором возили по парку больного Ильича...

В. Г. Сорин. С. 126

На вечере памяти царственных новомучеников выступал священник, который... передал слова современного юродивого, который обмолвился так: «Ульянова нужно отпеть, а Ленина предать анафеме!».

П. Паламарчук // Вече. Мюнхен, 1989. № 35

А кощунственные мощи Ленина разлагаются и гниют...

Г. А. Соломон [1]. С. 54

РАЗГОВОРЫ С ЛЕНИНЫМ

...На другой же день после назначения Красина наркомпутем, т. е. на пост, на который он, несмотря на все свои достоинства, совершенно не годится, мне пришлось уезжать и перед отъездом быть у Владимира Ильича. В разговоре последний меня спросил, когда я еду. Я ответил, что не знаю, когда идет поезд.

— Так Вы позвоните Красину, — сказал мне Владимир Ильич.

В его представлении наркомпуть должен знать все, в том числе и расписание поездов, и это несмотря на то даже, что он ведь только вчера назначен и до сего железнодорожным делом никогда не занимался. И так во всем.

А. А. Иоффе — Л. Д. Троцкому.

Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Кн. 1. С. 302

...Когда произошла казнь бывшего царя Николая Романова и его семьи, я находился в Берлине. Мне официально было сообщено лишь о казни Николая II, я ничего не знал о его жене и детях и думал, что они живы. Когда ко мне с различными запросами о судьбе Александры Федоровны (принцессы Алисы Гессенской) и ее детей являлись представители и от Вильгельма II, и от брата бывшей царицы герцога Гессен-Дармштадского, и от других принцев, — я всегда сообщал то, что сам знал и чему верил. Но в конце концов я стал сомневаться в правильности своей информации, ибо до меня все же доходили различные слухи. Несмотря, однако, на все мои запросы в Москву, я по этому вопросу не мог добиться никакого толку. Наконец, когда — проездом в Швейцарию — в Берлине (инкогнито) был покойный Ф. Э. Дзержинский, я пристал к нему и от него узнал всю правду, причем он мне рассказал, как Владимир Ильич категорически запретил кому бы то ни было сообщать мне об этом.

— Пусть Иоффе ничего не знает, — говорил, по словам Дзержинского, Владимир Ильич, — ему там, в Берлине, легче врать будет...

А. А. Иоффе.

Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Кн. 1. С. 302

— Я, знаете, в искусстве не силен, — сказал Ленин, вероятно, позабыв о своей статье и о фразе Карла Маркса, — искусство для меня, это... что-то вроде интеллектуальной слепой кишки, и когда его пропагандная роль, необходимая нам, будет сыграна, мы его — дзык, дзык! вырежем. За ненужностью. Впрочем, — добавил Ленин, улыбнувшись, — вы уже об этом поговорите с Луначарским: большой специалист. У него там даже какие-то идейки...

Ю. Анненков. С. 269

В 1919 году Троцкий пожаловался Ленину, что Сталин пьет вино из царских подвалов в Кремле. Сталин был вызван на очную ставку с Троцким по поводу этого обвинения. «Если на фронт дойдет слух, что в Кремле идет пьянство, это произведет дурное впечатление», — утверждал Троцкий. Продажа алкогольных напитков в это время была в России запрещена. Сталин запротестовал, говоря, что кавказцы не могут обойтись без вина. «Вот видите, — сказал Ленин, — грузины не могут жить без вина». На этом дискуссия окончилась. «Я капитулировал без борьбы», — вспоминал об этом Троцкий в статье, напечатанной 2 октября 1939 года в американском журнале *Лайф*.

Л. Фишер. С. 646

Ленин снова углубился в исписанные листы бумаги, но потом, обернувшись ко мне, произнес:

— Вообще, к интеллигенции, как вы, наверное, знаете, я большой симпатии не питаю, и наш лозунг «ликвидировать безграмотность» отнюдь не следует толковать, как стремление к народжению новой интеллигенции.»Ликвидировать безграмотность» следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи, читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель — вполне практическая. Только и всего.

Ю. Анненков. С. 270

В комнату тем временем вошла Крупская и спросила меня, не хочу ли я «глотнуть чайку»? Я отказался и, поблагодарив, поцеловал ее руку.

— Ишь ты! — воскликнул Ленин, засмеявшись, — вы, часом, не из дворян?

— Из дворян.

— Ах, вот оно что... Впрочем, я — тоже.

Ю. Анненков. С. 270

Сидя на вращающемся стенде, Ленин сказал Шеридан (скульптор Клэр Консуэло Шеридан, кузина Уинстона Черчилля, лепившая бюст Ленина в октябре 1920 г. — *Е. Г.*), что «никогда еще так высоко не сидел». Став перед ним на колени, чтобы посмотреть на него в другом ракурсе, она спросила, смеясь, привычно ли ему такое отношение женщин. Вошедшая секретарша помешала Ленину ответить. «Они быстро заговорили по-русски и над чем-то смеялись».

Л. Фишер. С. 605

При следующей встрече Ленин ознакомился с фотографиями работ Клэр и выступил в роли их сурового критика: «Хотя он и говорил, что ничего не смыслит в искусстве, однако весьма определенно охарактеризовал «буржуазное искусство», которое, как он сказал, всегда стремится к красивости. Он относится отрицательно к красоте как к абстрактному идеалу. Он заявил, что считает неоправданной красоту, которой я наделила свою «Победу»: «Милитаризм и война безобразны и могут вызвать только ненависть, и даже самопожертвование и героизм не могут придать им красоты. Порок буржуазного искусства в том, что оно всегда приукрашивает». Затем Ленин взглянул на фотографию скульптуры «Головка Дика» (сына Клэр. — *Б. С.*), и выражение нежности промелькнуло на его лице. Я спросила: «Это тоже приукрашено?» Он покачал головой и улыбнулся».

Б. В. Соколов. С. 293

Известный социолог К. М. Тохтарев в девяностых годах принимавший участие в социал-демократическом движении и друживший с Лениным, после его смерти рассказал о разговоре, который был у него с Лениным еще в эпоху «Искры». Разговор этот был о П. Б. Струве. Ленин тогда в «Искре» называл Струве «изменником» и «ренегатом».

«Я не считал это название подходящим для определения Струве. Я сказал ему:

— А что, если кто-либо из рабочих, фанатически преданных ему, под влиянием травли Струве на страницах «Искры», вдруг решится расправиться с ним или даже убьет его, как изменника и ренегата?

«Его и надо убить» — ответил мне Владимир Ильич».

Д. Шуб. С. 265

Я выше говорил, что незадолго до его приезда в Брюсселе же читал доклад покойный Юлий Осипович Мартов. И вот, говоря о нем, Ленин с обычными своими ужимками и лукавым видом, сказал мне:

— Хотя Ю. О., как известно, мой большой друг... вернее, бывший друг, но, к сожалению, он великий талмудист мысли, и что к чему, — это ему не дано...

Г. А. Соломон [1]. С. 33

В Брюсселе Луначарский отметился гомерическим пьянством. Так, помню, после одного угощения (пьянство и пр.), данного ему его поклонниками, мне пришлось в четыре часа утра увозить его к себе домой грязного, пьяного, скверно ругавшегося и все время лезшего в драку, бившего посуду...

Скажу прямо, — говорил о нем Ленин, — это совершенно грязный тип, кутила и выпивоха, и развратник, на Бога поглядывает, а по земле пошаривает, моральный альфонс, а, впрочем, черт его знает, может быть, не только моральный... Подделался к Горькому, поет ему самые пошлые дифирамбы, а того ведь хлебом не корми, лишь пой ему славославие... ну и живет у них на Капри и на их счет...

И тут же, придравшись к этому случаю, Ленин посвятил несколько слов и «великому Горькому».

— Это, доложу я вам, тоже птица... Очень себе на уме, любит деньгу. Ловко сумел воспользоваться добрым Короленкой (В. Г. Короленко, известный русский писатель. — *Е. Г.*) и др., благодаря им взобрался на литературный Олимп, на котором и кочевряжится и с высоты которого ругает направо и налево и грубо оплевывает всех и вся... И подобно Анатолию Луначарскому, которого он пригрел и возложил на лоно, тоже великий фигляр и фарисей, по русской поговорке «спереди благ муж, а сзади всякую шаташеся»... Впрочем,

человек он полезный, ибо, правда, из тщеславия дает деньги на революцию и считает себя, так же как и Шаляпин «преужаснейшим» большевиком.

Г. А. Соломон [1]. С. 3435

— А знаете вы его жену, Андрееву? — перебив сам себя, спросил он вдруг меня, и на мой утвердительный ответ сказал: «Знаете, у Горького есть один рассказ, где какой-то из его героев, говоря своему товарищу о лешем, так характеризует его: «Леший, вишь, вон он какой — одна тебе ноздря...» — Как ноздря? — спрашивает удивленный собеседник. — «Да так... просто ноздря и больше ничего, — вот он каков, леший-то»... Так вот Мария Федоровна похожа именно на горьковского лешего, ха-ха-ха! — и Ленин весело расхохотался, довольный своим, по-моему, действительно метким сравнением.

Г. А. Соломон [1]. С. 35

Очень зло отзывался Ленин и о Троцком, который в те времена мирно прозябал среди меньшевиков, все время, — это уже у него было от молодых ногтей, — крикливо позируя и фиглярничая. Характеристика, сделанная Лениным, была не только зла, но и глубоко верна. Мне она вспомнилась впоследствии, уже в Москве, когда «маршал» Троцкий стал во главе Красной армии и одерживал одну за другой победы, выступая с крикливыми речами «а ля Наполеон», причем за спиной его стоял никто иной, как Сталин, в качестве политического комиссара (не называясь официально им), неумный, но напористый и лично, по отзывам всех, знающих его, до самозабвения решительный и отважный человек.

— Чтобы охарактеризовать вам Троцкого, — говорил Ленин, хитро щуря свои глазки с выражением непередаваемого злого лукавства, — я вам расскажу один еврейский анекдот... Богатая еврейка рождает. Богатство сделало ее томной дамой, она кое-как лопочет по-французски. Ну, само собой, для родов приглашен самый знаменитый врач. Роженица лежит и по временам, томно закатывая глаза, стонет, но на французский манер: «о, мон Дье!» (О, мой Бог). Муж ее сидит с доктором в соседней комнате и при каждом стоне тревожно говорит диктору: «Ради Бога, доктор, идите к ней, она так мучается...» Но врач курит сигару и успокаивает, говоря, что он знает,

когда он должен вмешаться в дело природы... Это тянется долго. Вдруг из спальни доносится: «ой, вай мир, гевальт!» (Боже мой). Тогда доктор, сказав «ну, теперь пора», направился в спальную... Вот вспомните мои слова, что, как революционер, Троцкий — страшный трус, и мне так и кажется, что в решительную минуту его прорвет и он заорет на своем языке «гевальт»...

Г. А. Соломон [1]. С. 35

Я упомянул в беседе что на ссыльных большое впечатление произвело то огромное количество статистических материалов, которое разработано в книге Ленина о русском капитализме. «Так ведь это же делалось не сразу...» — ответил Владимир Ильич с некоторым смущением.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 148

Наша беседа происходила с В. И. на квартире тов. Сталина. Во время нашей беседы тов. Сталин ходил по комнате и курил все время трубку. Владимир Ильич, посмотрев на тов. Сталина, сказал: вот азиатище — только сосет! Тов. Сталин выколотил трубку.

Н. А. Угланов. О Владимире Ильиче Ленине // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 72

В 1907 году среди деятелей петербургского нелегального Совета безработных, в котором преобладали анархисты и большевики, возникла мысль бросить бомбу в заседание петербургской Городской Думы с расчетом, чтобы взорвать и перебить главных врагов общественных работ на глазах остальных гласных. У Владимира Войтинского, бывшего в то время видным большевиком и членом исполнительного комитета Совета безработных, были большие сомнения насчет допустимости такой тактики, и он решил обратиться за разъяснением этих сомнений к Ленину. «Поехал к нему в Кокушкино, — пишет в своих воспоминаниях Войтинский, — и рассказал о настроениях среди безработных, о «мстителях», о их намерениях бросить бомбу в заседание Городской Думы. Ленин слушал чрезвычайно внимательно, вставляя время от времени: «Вот как? Это крайне интересно». Затем начал спрашивать:

— Вы думаете, люди у них найдутся?

— Несомненно.

— Надежные?

— Вполне.

Тогда Ленин сказал раздумчиво:

— А, может быть, это было бы недурно. Встряхнуло бы...

Д. Шуб. С. 263

...Я ему говорю: «Владимир Ильич, да приди вы к власти, вы на следующий день меньшевиков вешать станете!». А он поглядел на меня и говорит: «Первого меньшевика мы повесим после последнего эсера», — прищурился и засмеялся.

В. Чернов. Ленин // Огонек. 1989. № 10. С. 9

Ленин потащил меня с собой на заседание Бюро II Интернационала. Кое-кого из членов его я знал. Помню, между прочим, что тут же Ленин познакомил меня с Карлом Каутским. В отношении русского революционного движения Каутский, как и многие другие западноевропейские социалисты (например, Дебрукер) стоял тогда на большевистской позиции, принимая тактику большевиков, как единственно правильную, ибо она гарантирует наибольшую необходимую конспиративность и активность.

Однако, помню, Ленин был чем-то раздражен в отношении Каутского и, говоря со мной о нем грубо и зло, назвал его «старым грибом»...

Г. А. Соломон [1]. С. 41

Чтобы покончить с характеристиками остальных членов семьи Ульяновых отмечу, что брат Ленина, Дмитрий, был, безо всякого давления со стороны его, назначен на какой-то весьма высокий пост в Крыму. И по этому поводу, как мне передавал Красин, Ленин в разговоре с ним так отозвался о своем брате:

— Эти идиоты, по-видимому, хотели угодить мне, назначив Митю... они не заметили, что хотя мы с ним носим одну и ту же фамилию, но он просто обыкновенный дурак, которому впору только печатные пряники жевать...

Г. А. Соломон [1]. С. 15

Младшая сестра Ленина, Мария Ильинична Ульянова, с давних пор состоящая на посту секретаря коммунистической «Правды», всегда в своей собственной семье считалась «дурочкой», и мне вспоминается, как Анна Ильинична относилась к ней со снисходительным, но нежным презрением. Но сам Ленин отзывался о ней вполне определенно... Так, когда мы с ним встретились в Брюсселе — я подробно останавлиюсь на наших встречах с ним ниже, — говоря о своей семье и упомянув имя Марии Ильиничны, он, лукаво сощутив глаза, сказал:

— Ну, что касается Мани, она пороку не выдумывает, она... помните в сказке «Конек Горбунок» Ершов так характеризует второго и третьего братьев:

«Средний был и так и сяк,
Третий просто был дурак...»

И тем не менее М. И. Ульянова, по инициативе самого Ленина, еще в добольшевистские времена была назначена секретарем «Правды». Впрочем, она является на этом «посту» лицом без речей, но, как сестра «самого», она все-таки окружена известным ореолом. Так, имеются несколько приютов «имени М. И. Ульяновой».

Г. А. Соломон [1]. С. 15

В дополнение к тому, что я уже сказал об Анне Ильиничне, не могу не привести любопытного мнения о ней самого Ленина. Это мнение было высказано им тоже в Брюсселе.

— Ну, это башкистая баба, — сказал он мне, — знаете, как в деревне говорят «мужик-баба» или «король-баба»... Но она сделала непростительную глупость, выйдя замуж за этого «недотепу» Марка, который, конечно, у нее под башмаком...

Г. А. Соломон [1]. С. 14

После разгрома эсеров в Трехсвятительском переулке Ильичу захотелось поехать посмотреть особняк, ставший на время штаб-квартирой восставших эсеров. Он вызвал автомобиль, и мы поехали с ним в открытой машине. Когда мы проезжали на машине мимо Октябрьского вокзала, из-за угла закричали: «Стой!» Так как не видно было, кто кричит, шофер Гиль продолжал ехать. Ильич его остановил. Тем временем из-за угла стали палить из револьвера, выбежала группа

вооруженных людей и подбежала к автомобилю. Это были свои. Ильич стал им выговаривать: «Нельзя так, товарищи, зря палить из-за угла, не видя, в кого палишь». Публика сконфузилась.

Н. К. Крупская. С. 312

Как-то раз в первые дни после революции идет Ильич по лестнице, видит, она (уборщица Короткова) моет лестницу, устала, стоит, опершись на перила, Ильич с ней заговорил. Она тогда не знала еще, кто это. Ильич ее спросил: «Ну что, товарищ, как теперь, по-вашему, лучше при Советской власти, чем при старом правительстве жить?» А она ему ответила: «А мне что, платили бы только за работу».

Н. К. Крупская. С. 270

Как-то, уже став главою советского правительства, Ленин с недоумением сказал Горькому: «А вот негодяя Малиновского не мог раскусить. Очень темное это дело, Малиновский...»

Л. Фишер. С. 126

Малиновский был наймитом царской полиции. А кто определял «революционную линию большевизма в 1914 году»? Иуда-Малиновский. А кто в мае того же года, отказываясь от надлежащего расследования, защищал Иуду, шельмовал грязными клеветниками предостерегающих и печатно уверял в «политической честности Малиновского»? Ведь это был Ленин, это была «Правда», это был большевистский Центральный Комитет... Миллионы газетных номеров разносили все это ежедневно среди обывательских, рабочих, солдатских, крестьянских масс.

Н. Н. Суханов Т. 2. С. 42

«Морали в политике нет. Есть только целесообразность», — учил Ленин своих учеников.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 106

Я знал Ленина. Знал, что он не был институткой. Помню, как однажды в Брюсселе в разговоре со мной он заметил: «Да, Георгий Александрович, политика грязное (он несколько картавил) дело».

Соломон [1]. С. 57

— В Ленинграде, — говорю, — хранится весь архив Французской революции. Когда французы у себя все переворачивали, книги выбрасывали, приехали два русских князька, книжники, нагрузили два фургона больших и привезли в Россию.

— Это молодцы!

— Сначала у себя держали, потом передали царю. Царь это дело определил на хранение. Французы не раз просили передать или продать. Пишут Ленину: мы вас, мол, поздравляем, у вас, как и у нас, теперь Республика, просим вернуть нам рукописи. Ленин ответил, что, конечно, эти документы — достояние Франции и, безусловно, должны находиться на родине и будут возвращены на другой же день после установления Советской власти во Франции.

В. М. Молотов. Цит. по: Чуев Ф. И. С. 295

Он любил повторять слова Наполеона: «on s'engage, et puis on voit» (главное ввязаться, а там посмотрим. — *фр.*). Надо в социальном творчестве смело начать с чего-нибудь, а лучше всего сразу с нескольких пунктов, чтобы неудача в одном не остановила дела; а там уж действовать, смотря по обстоятельствам, как подскажут опыт и практика.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

ЛИЧНОСТЬ: СВИДЕТЕЛЬСТВА БЕЗ КУПЮР

Я думаю, что в лице Ленина сошел в могилу самый крупный характер из выдвинутых русской революцией.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

Почему именно «Ленин»? По этому поводу было выдвинуто множество псевдопсихологических гипотез. Ленин — от сибирской реки Лены? От имени девушки Лены, в которую Ленин был влюблен в юности? От русского слова «лень»; может быть, Владимир Ульянов, как облаченный во власяницу средневековый монах, хотел постоянно напоминать себе о необходимости неустанно трудиться?

Р. Сервис. С. 158

Предполагалось, что эта фамилия, впервые им использованная в декабре 1901 г., была выведена из имени знакомой гимназистки Лены.

Л. Фишер. С. 14

Я не знаю, почему Владимир Ильич взял себе псевдоним «Ленин», никогда его об этом не спрашивала. Мать его звали Мария Александровна. Умершую сестру звали Ольгой. Ленские события были уже после того, как он взял себе этот псевдоним. На Лене в ссылке он не был. Вероятно, псевдоним выбран случайно, вроде того, как Плеханов писал однажды под псевдонимом «Волгин»...

Н. К. Крупская // Комячейка. 1924. 16 мая

Известный петербургский журналист Б. Г. Метлицкий рассказывал мне, что, изучая псевдонимы русских социал-демократов, он обратил внимание на любопытный факт: многие из них имели псевдонимы, произведенные от женских имен. Что ж, псевдоним «Ленин» вписывается и в эту версию.

Тем более, что Н. Валентинов (Н. В. Вольский) в своей книге «Встречи с Лениным», вспоминая пение С. И. Гусева на раутах,

еженедельно происходивших у В. И. с целью укрепления связи между большевиками Женева, особо обратил внимание читателя на реакцию Владимира Ильича при исполнении элегического романса П. И. Чайковского на стихи К. Р. (великого князя Константина Константиновича):

«Растворил я окно, стало душно невмочь,
Опустился пред ним на колени,
И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благовонным дыханием сирени.
А вдали где-то чудно запел соловей,
Я внимал ему с грустью глубокой...»

По мнению Н. Валентинова, с этим романсом у В. И. были связаны какие-то глубокие переживания. «Он, конечно, никому бы об этом не сказал, — пишет Н. Валентинов. — Романс Чайковского, очевидно, ему говорил что-то многое. Он бледнел, слушал, не двигался, точно прикованный, смотря куда-то поверх головы Гусева, и постоянно просил Гусева повторить. Однажды Гусев, принимаясь за вторичное исполнение, захотел немного подурачиться и, дойдя до слов «опустился пред ним на колени», действительно стал на колени и в таком положении, повернувшись к окну, продолжал петь. Все присутствующие рассмеялись. Ленин же сердито цыкнул на нас: «Тсс! Не мешайте!» После одного такого раута я сказал Гусеву: «Заметили ли вы, какое впечатление производит на Ленина ваш романс! Он уходит в какое-то далекое воспоминание. Уверен — *«chercher la femme»* (ищите женщину (фр.)). — *М. Ш. }*. Гусев засмеялся: «Я тоже предполагаю. Думали ли вы когда-нибудь, откуда происходит псевдоним Ленина? Нет ли тут какой-то Лены, Елены?» Я спросил Ильича — почему он выбрал этот псевдоним, что он означает? Ильич посмотрел на меня и насмешливо ответил: «Много будете знать — скоро состаритесь».

М. Г. Штейн [2]. С. 178

Ни отталкивающего, ни величественного, ни глубокомысленного нет в наружности Ленина. Есть скуластость и разрез глаз вверх, но эти черточки не слишком монгольские; таких лиц очень много среди «русских американцев», расторопных выходцев из Люимовского уезда Ярославской губ. Купол черепа обширен и высок, но далеко не так

преувеличен, как это выходит в фотографических ракурсах. Впрочем, на фотографиях удаются правдоподобно только английские министры, опереточные дивы и лошади.

А. И. Куприн. Ленин. Моментальная фотография // Общее дело. Париж, 1921. № 221.

(Далее цит.: А. И. Куприн [1])

Он не очень похож на свои фотографии, потому что он один из тех людей, у которых смена выражения гораздо существеннее, чем самые черты лица; во время разговора он слегка жестикулировал, протягивая руки над лежавшими на его столе бумагами; говорил быстро, с увлечением, совершенно откровенно и прямо, без всякой позы, как разговаривают настоящие ученые.

Г. Уэллс. Кремлевский мечтатель // Россия во мгле. М.: Госполитиздат, 1958. С. 13

Их вождь поначалу не произвел на нас впечатления сильного Человека.

А. Р. Вильямс. С. 33

Он очень доброжелателен и держится с видимой простотой, без малейшего намека на высокомерие. При встрече с ним, не зная кто он, трудно догадаться, что он наделен огромной властью или вообще в каком-нибудь смысле является знаменитым. Мне никогда не приходилось встречать выдающейся личности, столь лишенной чувства собственной значимости.

Б. Рассел. Практика и теория большевизма. М.: Панорама, 1998. С. 27

Личность Ленина ставила нас в тупик: человек абсолютной непринужденности, он был в то же время начисто лишен того, что называют внушительностью.

А. Р. Вильямс. С. 144

Я говорю о Ленине. Ему ничего не нужно. Он умерен в пище, трезв, ему все равно, где жить и на чем спать, он не женолюбец, он даже равнодушно хороший семьянин, ему нельзя предложить в дар

чистейший бриллиант в тридцать каратов, не навлекая на себя самой язвительной насмешки.

А. И. Куприн // Общее дело. Париж, 1920. № 87

Самым внимательным образом вглядываясь в фотографии Ленина, появившиеся после 1917 г., с трудом поверил бы, что это тот самый человек, которого впервые увидел 5 января 1904 г. Подавляющая часть этих фотографий просто лжива. Особенно же фальшива одна распространенная, канонизированная, на которой Ленин представлен в виде какого-то гордого, красивого брюнета.

Н. Валентинов [1]. С. 20

У Ленина приятное смугловатое лицо с быстро меняющимся выражением; живая улыбка; слушая собеседника, он щурит один глаз (возможно, эта привычка вызвана каким-то дефектом зрения).

Г. Уэллс. С. 13

Приходилось позднее много раз слышать и читать о ярко выраженном монгольско-татарском обличье Ленина. Это неоспоримо, однако при первой встрече, да и всех последующих, я на «антропологию» Ленина не обратил и не обращал никакого внимания. Его лицо казалось совершенно таким же, как у множества других русских, особенно в районе средней и нижней Волги. Пожалуй, немного косят глаза, да и то не оба, а скорее только правый.

Н. Валентинов [1]. С. 20

Помню, когда я встретился с ним в первый раз, то был разочарован, так как увидел далеко не романтическую фигуру. Это было самое обыкновенное русское, несколько калмыцкое лицо. Мы его определили тогда: «Похож на сапожника». Единственно, что поражало в нем, — это глаза. Мимо его глаз пройти было невозможно. Они были чрезвычайно проницательны.

Н. Мещеряков. Цит. по: В. Е. Мельниченко [1]. С. 1011

Теперь мы видели его очень хорошо, и наши сердца упали. Внешность его оказалась почти противоположной той, какую создало наше воображение. Мы ожидали увидеть человека огромного роста,

производящего впечатление одной своей внешностью. На самом же деле перед нами стоял человек небольшого роста, коренастый, с лысиной и взъерошенной бородкой.

А. Р. Вильямс. С. 33

При первой встрече с ним он скорее напоминал мелкого чиновника. Всегда какой-то неказистый, плохо одетый, ссутулившийся. Невозможно было себе представить, что этот лысый человечек с непроницаемым лицом, в котором было что-то монгольское, медлительный и скованный в движениях, — и есть самый бесстрашный, ловкий и целеустремленный человек нашего времени.

Н. Минский (Виленкин).

Цит. по: *Пейн Р. С. 204205*

Ленин был небольшого роста, бесцветное лицо с хитровато прищуренными глазами, Типичный облик мелкого мещанина, хотя Ленин (Ульянов) и был дворянин.

Ю. П. Анненков. Т. 2. С. 256

Лысина, косые глаза, широкий нос, довольно толстые губы и нечесаная рыжеватая с проседью борода делают Ленина решительно некрасивым, чтобы не сказать — уродливым. Но это некрасивость бульдога — в ней нет ничего нездорового или отталкивающего. К тому же широкий и несколько выпуклый лоб мыслителя избавляет это лицо от тяжелого, почти животной-грубого выражения, которым бы оно иначе обладало.

Л. Айр. Цит. по: Фишер Л. С. 604605

...Высокий, покатый, слегка асимметричный лоб.

Г. Уэллс. С. 13

Меня поразила его голова. Я вспомнил об этом пятнадцать лет спустя, когда увидел Ленина в гробу. Я долго глядел на этот изумительный череп: он заставлял думать не об анатомии, но об архитектуре.

И. Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь. М.: Сов. писатель, 1961. Кн. 1, С. 98

Он стоит передо мной, как живой, со своей коренастой фигурой, со своими эластичными движениями, со своим великолепным, закругленным, как своды мощного здания, черепом; из его глаз, которые то широко раскрыты и глядят спокойно и ясно, то полуприщурены, как будто бы для того, чтобы лучше и точнее взять мир на прицел...

Проф. О. Ферстер.

Цит. по: *Драбкина Е. Я. С. 258*

Тут уж и я заметил в его внешнем облике нечто соответствующее внутреннему представлению о нем, и притом существенным, а не поверхностным чертам этого представления. Впоследствии я убедился, что внешняя оболочка Ленина в высшей степени характерным образом отражает его духовную сущность.

Разговаривая с Лениным с глазу на глаз, вы видите перед собой невысокого человека, который производит впечатление замечательного крепыша (каковым он в действительности и является и благодаря чему только он смог, неся в своем теле пули Фанни Каплан и истекая кровью, сам дойти до автомобиля, доехать домой и подняться по лестнице на третий этаж). Голова его, гладкая, словно полированная, сидит на крепком туловище, одетом в темный, непритязательный гладкий костюм. Рыжеватые, отнюдь не гладкие усы и борода, лицо с резкими чертами и блещущие от времени до времени небольшие глаза создают какое-то противоречие к остальному, и невольно наворачивается сравнение — отполированный, блестящий стальной снаряд, начиненный взрывчатым веществом колоссальной силы.

Н. Осинский. Ленин // Воспоминания о В. И. Ленине. № 4. С. 269

Однако Ленин всего этого, по-видимому, абсолютно не сознавал, и я начинал испытывать смутное чувство раздражения и недовольства. Мне казалось, ему недостает соответствующей его роли *величественности*...

А. Р. Вильямс. С. 141

Ленин совсем лыс. Но остатки волос на висках, а также борода и усы до сих пор свидетельствуют, что в молодости он был отчаянно,

огненно-красно-рыж. Об этом же говорят пурпурные родинки на его щеках, твердых, совсем молодых и таких румяных, как будто бы они только что вымыты холодной водой и крепко-накрепко вытерты. Какое великолепное здоровье!

А. И. Куприн // Общее дело. Париж, 1921. № 221

На вид диктатор был простым и крепким человеком, ниже среднего роста, чисто славянской внешности, с пронизательными глазами и мощным лбом. Он пожал нам руки: его манеры не были ни любезными, ни откровенно враждебными, в них ощущалась полная безразличность.

Дж. Хилл. С. 132

В 1921-м году советская власть заказала мне портрет Ленина, и мне пришлось явиться в Кремль. Когда все очень несложные формальности были исполнены, меня привели в кабинет Ленина. То, чего я инстинктивно ожидал, не произошло: Ленин не сидел за столом, углубившись в бумаги. Ленин не сделал обычной в таких случаях паузы, как бы с трудом отрываясь от дел и почти случайно заметив вошедшего. Напротив: как только я показался в дверях кабинета, Ленин быстро и учтиво встал с кресла, направляясь ко мне навстречу.

— Странно, — сказал он, гостеприимно улыбнувшись, — я думал почему-то, что вы — гораздо старше... Садитесь, пожалуйста, будьте, как дома.

Ю. П. Анненков. Т. 2. С. 268

Я собрался уходить и в волнении не заметил, что, вставая со стула, уронил шляпу. Ленин быстро наклонился, поднял ее и отдал мне. И никто не увидел бы ничего необычного в том, что премьер-министр поднял шляпу, которую уронил неуклюжий корреспондент.

А. Р. Вильямс. С. 259

Обстановка кабинета Ленина очень проста: в нем большой рабочий стол, несколько карт на стенах, два книжных шкафа и одно удобное кресло для посетителей в дополнение к двум или трем жестким стульям. Очевидно, что он не испытывает любви к роскоши и даже к комфорту.

Б. Рассел. С. 27

Кабинет был святилищем Ленина, он не разделял его ни с секретарями, ни с помощниками.

Л. Фишер. С. 681

Просторный и такой же мрачный и пустой, как и передняя, в темных обоях кабинет. Три черных кожаных кресла и огромный письменный стол, на котором соблюден чрезвычайный порядок. Из-за стола поднимается Ленин и делает навстречу несколько шагов. У него странная походка: он так переваливается с боку на бок, как будто хромот на обе ноги, так ходят кривоногие прирожденные всадники. В то же время во всех его движениях есть что-то «облическое» (обходное, не фронтальное), что-то крабье. Но эта наружная неуклюжесть не неприятна: такая же согласованная ловкая неуклюжесть чувствуется в движениях некоторых зверей, например медведей и слонов. Он маленького роста, широкоплеч и сухощав. На нем скромный темно-синий костюм, очень опрятный, но не щегольской, белый отложной мягкий воротничок, темный, узкий, длинный галстук. И весь он сразу производит впечатление телесной чистоты, свежести и, по-видимому, замечательного равновесия в сне и аппетите.

А. И. Куприн // Общее дело. Париж, 1921. № 221

Наконец мы попали в кабинет Ленина, светлую комнату с окнами на кремлевскую площадь; Ленин сидел за огромным письменным столом, заваленным книгами и бумагами. Я сел справа от стола, и невысокий человек, сидевший в кресле так, что ноги его едва касались пола, повернулся ко мне, облокотившись на кипу бумаг. Он превосходно говорил по-английски, но г. Ротштейн следил за нашей беседой, вставляя замечания и пояснения, и это показалось мне весьма характерным для теперешнего положения вещей в России. Тем временем американец взялся за свой фотоаппарат и, стараясь не мешать, начал усердно снимать нас. Беседа была настолько интересной, что все это щелканье и хождение не вызывало досады.

Г. Уэллс. С. 12

Вскоре после моего прибытия в Москву я имел часовую беседу с Лениным на английском языке, которым он прекрасно владеет. Присутствовал переводчик, но его услуги практически не потребовались.

Б. Рассел. С. 27

Ленин говорит по-английски медленно, но очень чисто... На все поднятые вопросы он отвечал без запинки, как человек, хорошо продумавший все свои идеи...

Л. Айр. Цит. по: Фишер Л. С. 604605

Это была не только моя первая встреча. Я видел его вообще впервые. В его внешнем виде не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего сверхчеловека. Невысокий, довольно полный, с короткой толстой шеей, широкими плечами, круглым красным лицом, высоким умным лбом, слегка вздернутым носом, каштановыми усами и короткой щетинистой бородкой, он казался на первый взгляд похожим скорее на провинциального лавочника, чем на вождя человечества. Что-то было, однако, в его стальных глазах, что привлекало внимание, было что-то в его насмешливом, наполовину презрительном, наполовину улыбающемся взгляде, что говорило о безграничной уверенности в себе и сознании собственного превосходства.

Брюс Р. Г. Локкарт. История изнутри // Мемуары британского агента / Пер. с англ. М.: Изд-во «Новости», 1991. С. 218

Мягких кресел Ленин не любил. Он сидел за столом в простом деревянном кресле, с плетеной спинкой и сиденьем. На столе стояла маленькая электрическая лампа с зеленым стеклянным абажуром. Работая один, он никогда не зажигал люстры и никогда не выходил из кабинета, не выключив свет. У двери, ведущей в коридор, на маленьком столе лежали атласы и карты. Ленин любил их изучать. Фотиева пишет о маленькой карте границ России с Персией и Турцией, собственноручно наклеенной Лениным на кафелях голландской печки: «Мне казалось, что она ни к чему не нужна, однако В. И. не разрешал ее снять: он говорил, что привык к тому, что она висит здесь. В. И. вообще любил обстановку привычную, не меняющуюся. Как будто в

этом покое комнаты и вещей, которые всегда одни и те же и всегда на старых привычных местах, он находил отдых от богатой разнообразными событиями жизни». Это объяснение звучит правдоподобно. Ленин был разборчив и консервативен.

Л. Фишер. С. 681

Реплики в разговоре всегда носят иронический, снисходительный, пренебрежительный оттенок — давняя привычка, приобретенная в бесчисленных словесных битвах. «Все что ты скажешь, я заранее знаю и легко опровергну, как здание, возведенное из песка ребенком». Но это только манера, за нею полнейшее спокойствие, равнодушие ко всякой личности.

А. И. Куприн // Общее дело. Париж, 1921. № 221

Между прочим, помню я следующий эпизод. С явкой от Ленина в Брюссель перебрался на жительство туда же и В. Р. Менжинский (будущий начальник ГПУ. — *Е. Г.*), с которым у меня вскоре установились очень близкие дружеские отношения. Когда он приехал, он был очень болен, весь какой-то распухший от болезни почек. В день прибытия Ленина Менжинский вызвался встретить его на вокзале и проводить в небольшой ресторан, где я всегда обедал и где должен был ждать их обоих, — час был обеденный.

Я встречал Ленина до сего только один раз. Это было в Самаре, когда я ехал на голод (1891—1892 гг.), где я остановился по дороге, чтобы познакомиться с новым тогда для меня делом постановки столовых для голодающих и пр. И вот здесь-то я встретил В. И. Ульянова, тогда молодого студента, если не ошибаюсь, Казанского университета, из которого он за что-то был уволен. Он тоже работал на голоде в одной из самарских столовых. Меня познакомили с ним, как с братом безвременно погибшего Александра Ульянова. Я смутно вспоминаю его, как довольно бесцветного юношу, представлявшего собою интерес только в качестве брата знаменитости.

И вот встретившись с ним в ресторане через много лет, я, конечно, не узнал в этом невысокого роста, с неприятным, прямо отталкивающим выражением лица, довольно широкоплечем человеке, обладающем уверенными манерами, того Владимира Ульянова, которого я мельком видел в Самаре.

Я сидел в ожидании Ленина и Менжинского за столиком... Они пришли. Я увидел сперва болезненно согнутого Менжинского, а за ним увидел Ленина. Мне бросилось в глаза одно обстоятельство, и я даже вскочил... Как я выше говорил, Менжинский был очень болен. Его отпустили из Парижа всего распухшего от болезни почек, почти без денег... Мне удалось кое-как и кое-что устроить для него: найти своего врача и пр. и спустя некоторое время он стал поправляться, но все еще имел ужасный вид с набалдашниками под глазами, распухшими ногами... И вот при виде их обоих, пышущего здоровьем, самодовольного Ленина и всего расслабленного Менжинского, меня поразило то, что последний, весь дрожащий еще от своей болезни и обливающийся потом, нес (как оказалось) от самого трамвая громадный, тяжелый чемодан Ленина, который шел налегке за ним, неся на руке только зонтик...

Я вскочил и вместо приветов прибывшему бросился скорее к Менжинскому, выхватил у него из рук вываливающийся из них чемодан и, зная, как ему вредно таскать тяжести, накинулся на Ленина с упреками. Менжинский улыбался своею милой, мягкой улыбкой. Он растерянно стоял передо мной, осыпаясь моими дружескими укоризнами. Я поторопился усадить его и первыми словами, обращенными мною к Ленину, были негодующие упреки:

— Как вы могли, Владимир Ильич, позволить ему тащить чемоданище? Ведь посмотрите, человек еле-еле дышит!..

— А что с ним? — весело-равнодушно спросил Ленин, — разве он болен? А я и не знал... ну, ничего, поправится...

Меня резанул этот равнодушный тон...

Г. А. Соломон [1]. С. 1718

...От него веяло холодком.

А. В. Луначарский. Ленин как ученый и публицист // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 13

(Далее цит.: А. В. Луначарский [3])

Так возобновилось наше знакомство, если не считать началом его нашу деловую переписку. Сцена с чемоданом произвела на меня самое тяжелое впечатление. Но Ленин был моим гостем и притом близким товарищем, и я, с трудом подавив в себе раздражение, перешел на

мирный тон приветствий и пр. Когда мы, пообедав, поднялись из-за стола, чтобы идти ко мне — Ленин остановился у меня, в моей единственной комнате, — Менжинский снова схватился, было, за чемодан Ленина. После долгих препирательств с ним, я вырвал у него злосчастный чемодан и с шуткой, но настоятельно всучил его Ленину, который покорно и легко понес его. В моей памяти невольно зарегистрировалась эта черта характера Ленина: он никогда не обращал внимания на страдания других, он их просто не замечал и оставался к ним совершенно равнодушным...

Г. А. Соломон [1]. С. 1819

Ленин спокоен и властен, он чужд всякого страха и совершенно лишен какого-либо своекорыстия, он олицетворение теории. Чувствуется, что материалистическое понимание истории вошло в его плоть и кровь. Он напоминает профессора желанием сделать свою теорию понятной и яростью по отношению к тем, кто не понимает ее или не согласен с ней, а также своей склонностью к разъяснениям.

Б. Рассел. С. 27

Я ожидал встретить марксистского начетчика, с которым мне придется вступить в схватку, но ничего подобного не произошло. Мне говорили, что Ленин любит поучать людей, но он, безусловно, не занимался этим во время нашей беседы.

Г. Уэллс. С. 12

Ленин умел слушать.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 148

Все возражения Владимир Ильич слушал спокойно, но без особого интереса, как бы заранее зная все мысли и соображения выступавших...

Е. Б. Бош. Встречи и беседы с Владимиром Ильичем (1915-1917 годы) // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 4. С. 80

Его меньше всего, должно быть, занимало, что о нем подумают и как истолкуют тот или иной его поступок.

М. Д. Бонч-Бруевич. Вся власть Советам Воспоминания. М.: Воениздат, 1958. С. 279

...Чрезвычайно редко из его уст не только в порядке официальном и публичном, но даже интимном, замкнутом слышались какие-нибудь фразы, имеющие моральный смысл, говорящие о любви к людям.

А. В. Луначарский [3]. С. 13

Ум у Ленина был энергический, но холодный. Я бы сказал даже — это был прежде всего насмешливый, язвительный, цинический ум. Для Ленина не могло быть ничего хуже сентиментальности. А сентиментальностью для него было всякое вмешивание в вопросы политики морального, этического элемента. Все это было для него пустяками, ложью, «светским поповством». В политике есть лишь расчет. В политике есть лишь одна заповедь: добиться победы.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

У меня сложилось впечатление, что он презирует очень многих людей и в интеллектуальном отношении является аристократом.

Б. Рассел. С. 27

Но «почестей» Ленин не любил, и пышность, и парадность не радовали его глаз; плебей по привычкам и натуре, он оставался прост и натурален в своем быту после октябрьского торжества так же, как и до него.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

Позднее я проникся большим уважением к его умственным способностям, но в тот момент гораздо большее впечатление произвела на меня его потрясающая сила воли, непреклонная решимость и полное отсутствие эмоций. Он представлял полную противоположность Троцкому, который, странно-молчаливый, тоже присутствовал при нашей беседе. Троцкий был весь темперамент — индивидуалист и художник, на тщеславии которого я мог не без успеха играть. Ленин был безличен и почти бесчеловечен. Его тщеславие не поддавалось лести.

Брюс Р. Г. Локкарт. С. 219

Разговаривая, он делает руками близко к лицу короткие тыкающие жесты.

А. И. Куприн // Общее дело. Париж, 1921. № 221

Излюбленные жесты и привычные движения — движения правой рукой во время речи вперед и вправо. Недавно видела изображение Ильича с правой рукой (во время речи): предплечьем вперед, но плечо прижато к туловищу — это неверно, так он не делал, — рука шла вперед, вытягивалась или закругленным движением и отходила от туловища.

Н. К. Крупская. С. 368

Руки у него большие и очень неприятные: духовного выражения их мне так и не удалось поймать.

А. И. Куприн // Общее дело. Париж, 1921. № 221

В первые же минуты визита к Ленину я познакомился с одним только ему принадлежащим жестом. Говоря или споря, Ленин как бы приседал, делал большой шаг назад, одновременно запуская большие пальцы за борт жилета около подмышек и держа руки сжатыми в кулаки. Прихлопывая правой ногой, он делал затем небольшой, быстрый шаг вперед и, продолжая держать большие пальцы за бортами жилетки, распускал кулаки, так что ладони с четырьмя пальцами изображали растопыренные рыбы плавники. В публичных выступлениях такая жестикуляция имела место сравнительно редко. При разговорах же, особенно если Ленин вдалбливал своим слушателям какую-нибудь мысль, а в каждый данный момент он всегда бил словом только в одну мысль, эта жестикуляция, этот шаг вперед и шаг назад, игра сжатым и разжатым кулаком — происходили постоянно. Постоянно попадая в поле зрения собеседников, ленинская жестикуляция настолько их заражала, что некоторые из них, например, Красилов и Гусев, тоже начинали запускать пальцы за жилетку. Ленин гипнотизировал и этим...

Н. Валентинов [1]. С. 2021

Разговаривая с все возрастающей быстротой, Ленин все больше и больше приближал ко мне лицо. Подаюсь чуточку назад, но, увлеченный разговором, он продолжает все больше и больше наклоняться ко мне. Сначала, может быть, двадцать, пятнадцать сантиметров, отделяющих наши лица, быстро сокращаются до десяти, девяти, восьми... Его глаза на таком близком расстоянии приняли более тусклый оттенок. В них уже нет больше ни блеска, ни лукавства — только напряженная мысль застыла в них. Он спешит мне ее передать, и чем ближе к развязке, тем более сужается у него взгляд, напряжение падает, снова появляется блеск, улыбка, опускаются медленно веки, заостряются скулы...

Ф. Мизиано.

Цит. по: *В. Е. Мельниченко [1]. С. 20*

Все свое внимание он сосредоточивал только на вас, что иногда могло даже поставить в затруднительное положение. Вежливо поздоровавшись, он подвигался как можно ближе, почти вплотную. Во время разговора он часто подавался вперед, не переставая смотреть вам в глаза...

А. Р. Вильямс. С. 44

Его мимика отличалась сказочной живостью, всякая его черта выдавала постоянную и интенсивную умственную деятельность, а также глубочайшее внутреннее переживание.

Проф. О. Ферстер.

Цит. по: *Драбкина Е. Я. С. 258*

Нам часто приходилось встречать одного социалиста, который в 1905 году принимал участие в московском восстании и даже отличился, сражаясь на баррикадах. Карьера и обеспеченная жизнь заставили его забыть о пылких увлечениях молодости. Теперь он выглядел преуспевающим джентльменом, работая корреспондентом какого-то английского газетного синдиката и плехановского «Единства».

Встречаться с буржуазными писателями Ленин считал расточительством времени, однако этот человек, используя свое революционное прошлое, сумел добиться свидания с Лениным. На

встречу с Лениным он отправлялся в прекраснейшем настроении. Несколько часов позже я увидел его в состоянии полного смятения. Он рассказал мне следующее: «Войдя в кабинет Ленина, я упомянул о своем участии в революции 1905 года. Ленин подошел ко мне и сказал:

— Это так, товарищ, но что вы делаете для этой революции? — Лицо его было в каких-нибудь 15 сантиметрах от моего, он смотрел мне прямо в глаза. Я заговорил о том, что когда-то сражался на баррикадах, и сделал шаг назад. Но Ленин сделал шаг вперед и, неотрывно смотря мне в глаза, повторил:

— Это так, товарищ, но что вы делаете для этой революции... — Я пытался заговорить. Но тщетно. Пришлось просто уйти».

А. Р. Вильямс. С. 44

Таких жестов, как битье кулаком по столу или угроза пальцем, никогда не было.

Н. К. Крупская. С. 368

Он нервно заносил отдельные места речи в книжку, поглаживая при этом свою голову.

Ф. Н. Ильин. Отрывок из воспоминаний // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 4. С. 73

Дома, если какой-либо вопрос его сильно волновал, всегда говорил шепотком.

Н. К. Крупская. С. 369

— Ленин выражался крепко?

— Ленин матом не ругался. Ворошилов — матерщинник. И Сталин не прочь был. Да, мог. Были такие случаи. Жданов мог иногда так, под веселую руку. От души. Душу отвести умеют люди именно таким образом. Но это так, не зло.

В. М. Молотов. Цит. по: Чуев Ф. И. С. 283

Бывало часто — он очень эмоционален был, — готовясь к выступлению, ходит по комнате и шепотком говорит — статью, например, которую готовится написать.

Н. К. Крупская. С. 369

Вот, наконец, зал стих, и Ленин начинает голосом отчетливым и размеренным, хотя с некоторым ударением в нос и как будто пришептыванием, особенно в тех местах, где речь доставляет удовольствие ему самому.

Н. Осинский. С. 271

Голос у него приятный, слишком мужественный для маленького роста и с тем сдержанным запасом силы, который неocenим для трибуны.

А. И. Куприн // Общее дело. Париж, 1921. № 221

Голос был громкий, но не крикливый, грудной. Баритон... Голос выразительный, не монотонный. Особенно выразительны и в отношении модуляции были его «zwischenrufe (возгласы с места)». Я их как сейчас слышу. Говорил быстро. Стенографисты плохо записывали.

Н. К. Крупская. С. 368

Несколько раз я слышал Ленина на собраниях; говорил он спокойно, без пафоса, без красноречия; слегка картавил; иногда усмехался. Его речи походили на спираль: боясь, что его не поймут, он возвращался к уже высказанной мысли, но никогда не повторял ее, а прибавлял нечто новое. (Некоторые из подражавших впоследствии этой манере говорить, забывали, что спираль похожа на круг и не похожа — спираль идет дальше.)

И. Г. Эренбург. С. 9899

Ленину не хватало редчайшего товара — времени. В России любят говорить много. Я один раз слышал четырехчасовую речь Зиновьева, произнесенную тонким, высоким голосом. Но Ленин ценил время. Он приходил точно перед началом заседания и председательствовал, положив перед собою часы с секундомером. Регламент для выступлений в ЦК и СТО был 3—5 минут, его придерживался и сам Ленин. Если говоривший выходил из положенных пределов, Ленин показывал на часы.

Ленин ходил по трибуне из угла в угол и, сильно картавя на «р», говорил резко, отчетливо, ясно. Это была не митинговая речь... У Ленина была даже не речь. Ленин не был оратором, как, например, Плеханов, говоривший в французской манере с повышениями и понижениями голоса, с жестами рук. Ленин не обладал искусством речи. Ленин был только логик. Говоря ясно, резко, со всеми точками над *i*, он с огромной самоуверенностью расхаживал на трибуне и говорил обо всем таким тоном, что в истинности всего им высказываемого вообще не могло быть никаких сомнений...

А. Д. Нагловский. Ленин // Новая жизнь. 1967. № 88. С. 175

Меня пленила та непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует ее и потом берет ее в плен, как говорят, без остатка.

И. В. Сталин // Правда, 1924. № 34

Как человек «с истиной в кармане», он не ценил творческих исканий истины, не уважал чужих убеждений, не был проникнут пафосом свободы, свойственным всякому индивидуальному духовному творчеству. Напротив, здесь он был доступен чисто азиатской идее — сделать печать, слово, трибуну, даже мысль монополией одной партии, возведенной в ранг управляющей касты. Здесь он походил на того древнего мусульманского деспота, который произнес приговор над сокровищами Александрийской библиотеки: если там сказано то же, что и в Коране, то они лишни, а если другое, то они вредны.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

Ленин говорил без всякого стремления блеснуть красноречием, скорее, резковато и сухо. Засунув большие пальцы в вырезы жилета, он покачивался взад и вперед. В течение часа вслушивались мы в его речь, стремясь уловить в ней ту скрытую притягательную силу, которая объяснила бы нам его огромное влияние на этих свободных, молодых и сильных людей. Но тщетно.

Мы были разочарованы.
А. Р. Вильямс. С. 33

Ленин был прежде всего фехтовальщик. А фехтовальщику не нужно провидений, не нужно слишком сложных идей, может быть, вообще не следует чересчур задумываться, но надо уметь сосредоточить на одном все внимание и все силы, приковать свой взгляд ко всем движениям противника, обладать чисто инстинктивной находчивостью и приспособленностью всех рефлексов, чтобы в должный момент на каждое данное действие врага найти без малейшего промедления самый удачный ответ.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

Ленин вообще очень хороший оратор — не оратор законченной, круглой фразы, или яркого образа, или захватывающего пафоса, или острого словца, но оратор огромного напора, силы, разлагающий тут же, на глазах слушателя, сложные системы на простейшие, общедоступные элементы и долбящий ими, долбящий, долбящий по головам слушателей до бесчувствия, до приведения их к покорности, до взятия в плен.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 11

Разговаривая с Лениным с глазу на глаз, вы получаете иногда другое странное впечатление. Ничего «особенного», «замечательного», «глубокого» он вам не скажет. Скажет не только вещи простые, но, пожалуй, уж и слишком обыкновенные.

Н. Осинский. С. 270

Ум Ленина был не широкий, но интенсивный; не творческий, но изворотливый и в этом смысле изобретательный.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

Отмечу одно обстоятельство, которое, наверное, удивит читателя, не знавшего и не слыхавшего Ленина, как оратора на публичных собраниях. Он был очень плохой оратор, без искры таланта: говорил он, хотя всегда плавно и связно и не ища слов, но был тускл, страдал полным отсутствием подъема и не захватывал слушателя. И если тем

не менее, как это было в России и до большевистского переворота и после него, толпы людей слушали его внимательно и подпадали под влияние его речей, то это объяснялось только тем, что он говорил всегда умно, а главное тем, что он говорил всегда на темы, сами по себе захватывающие его аудиторию. Так, например, выступая еще в период временного правительства и говоря толпе с балкона Кшесинской, он касался жгучих самих по себе для того момента тем: о немедленном мире, о переходе всей земли в руки крестьян, заводов и фабрик в руки рабочих, необходимости немедленного созыва Учредительного Собрания и пр. Естественно, что толпы, состоявшие из крестьян, рабочих, солдат, бежавших с фронтов, и матросов, впитывали в себя его слова с восторгом. Конечно, он был большим демагогом, и его речи на указанные темы и в духе, столь угодном толпе или толпам, вызывали целые бури и ликование, и толпа окружала его непобедимым ореолом.

Нечего и говорить, что Ленин был очень интересным собеседником в небольших собраниях, когда он не стоял на кафедре и не распускал себя, поддаваясь свойственной ему манере резать, прибегая даже к недостойным приемам оскорблений своего противника: перед вами был умный, с большой эрудицией, широко образованный человек, отличающийся изрядной находчивостью. Правда, при более близком знакомстве с ним вы легко подмечали и его слабые, и скажу прямо, просто отвратительные стороны. Прежде всего отталкивала его грубость, смешанная с непроходимым самодовольством, презрением к собеседнику и каким-то нарочитым (не нахожу другого слова) «наплеви́змом» на собеседника, особенно инакомыслящего и не соглашавшегося с ним и притом на противника слабого, не находчивого, не бойкого... Он не стеснялся в споре быть не только дерзким и грубым, но и позволять себе резкие личные выпады по адресу противника, доходя часто даже до форменной ругани. Поэтому, сколько я помню, у Ленина не было близких, закадычных, интимных друзей. У него были товарищи, были поклонники — их была масса, боготворившие его чуть не по-институтски и все ему прощавшие. Их кадры состояли из людей, главным образом духовно и умственно слабых, заражавшихся «ленинским» духом до потери своего собственного лица. Как на яркий пример этого слепого поклонения и восхищения умом Ленина укажу на известную

Александру Михайловну Коллонтай, которая вся насквозь была пропитана Лениным, что и дало повод одной известной писательнице зло прозвать ее «Трильби (шляпа) Ленина». Но наряду с такими «без лести преданными» были и многочисленные лица совершенно, как-то органически, не выносившие всего Ленина в целом, до проявления какой-то идиосинкразии (инстинктивного болезненного отвращения. — *Е. Г.*) к нему. Так, мне вспоминается покойный П. Б. Аксельрод, не выносивший Ленина, как лошадь не выносит вида верблюда. Он мне лично в Стокгольме определял свое отвращение к нему. П. Б. Струве в своей статье-рецензии по поводу моих воспоминаний упоминает имя покойной В. И. Засулич, которая питала к Ленину чисто физическое отвращение. Могу упомянуть, что знавшая хорошо Ленина моя покойная сестра В. А. Тихвинская, несмотря на близкие товарищеские отношения с Лениным, относилась к нему с какой-то глубокой внутренней неприязнью. Она часто говорила мне, как ей бывало тяжело, когда Ленин гостил у них (в Киеве) и как ей было трудно сохранять вид гостеприимной хозяйки... Ее муж, известный проф. М. М. Тихвинский, старый товарищ Ленина и приятель его, тоже «классический» большевик (не «ленинец») был расстрелян по делу Таганцева...

Г. А. Соломон [1]. С. 2021

Он никогда не был блестящим фейерверком слов и образов. Это не было «красноречие» в собственном смысле: говорил он вовсе не красно. Он бывал и неуклюж, и грубоват, особенно в полемике, он часто повторялся, «одно и то же твердословил». Но в этих повторениях и в грубоватости, и в простоте была своя система и своя сила. Сквозь разжевывания и неуклюже-сильные взмахи, сквозь топорность выходок и вылазок пробивалась живая, неутомимая, волевая стихия, твердо шедшая к намеченной цели. Эта стихия, раз захватив, уже не выпускала, не ослабляла своего напора; ее монотонная приподнятость гипнотизировала; несколько разных словесных вариаций одной и той же мысли пробивали себе дорогу в чужое сознание не в той, так в другой форме; как капля, долбящая камень, затверженное втеснялось в ум и навязывало себя памяти.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

Во время своей речи Ленин ходил туда-сюда, иногда оборачиваясь к аудитории, иногда прямо обращаясь к ней, в зависимости от эффекта, который он хотел произвести. Иногда он пересекал сцену по всей длине, не переставая говорить. Этот трюк гипнотизировал слушателей и заставлял их ловить каждое слово, которое произносил оратор.

Дж. Хилл. С. 225

И наконец, Ленин умел ощущать свою аудиторию, — умел возвышаться над ней не больше, чем нужно, умел даже вовремя вернуться к ней, даже принизиться к ней так, чтобы не создалось нарушающего гипноза отрыва, так, чтобы произвести в данный момент наибольшее давление на волевое состояние аудитории. И в то же время он лучше, чем кто-либо, знал, что толпа — словно конь, любящий шпоры и узду седока, что толпа любит поработиться, и он умел, когда надо, взять с нею тон властный, требовательный, обличающий, даже бичующий. «Это не оратор, но это, пожалуй, побольше оратора», — сказал про Ленина кто-то, и сказал метко.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

Надо отметить и то, что, как я выше упомянул, Ленин был особенно груб и беспощаден со слабыми противниками: его «наплевизм» в самую душу человека был в отношении таких оппонентов особенно нагл и отвратителен. Он мелко наслаждался беспомощностью своего противника и злорадно, и демонстративно торжествовал над ним свою победу, если можно так выразиться, «пережевывая» его и «перебрасывая его со щеки на щеку». В нем не было ни внимательного отношения к мнению противника, ни обязательного джентльменства. Кстати, этим же качеством отличается и знаменитый Троцкий... Но сколько-нибудь сильных, неподдающихся ему противников Ленин просто не выносил, был в отношении их злопамятен и крайне мстителен, особенно, если такой противник раз «посадил его в калошу»... Он этого никогда не забывал и был мелочно мстителен...

Г. А. Соломон [1]. С. 21

После споров, дискуссий, когда возвращались домой, был часто сумрачен, молчалив, расстроен.

Эти его грубые и в сущности плоские личные выпады, наконец, мне надоели. Я долго не обращал, или, вернее, старался не обращать на них внимания, понимая, что они являются следствием сознания беспомощности той позиции, которую он защищал... На самом деле он просто ругался и сыпал на мою голову выражения «дубовые головы», «умственные недоноски», «митрофаны», — словом аргументировал целым набором оскорбительных выражений. Я никогда не любил споров из-за споров и органически не выношу, когда спор превращается в личную распрю и взаимные оскорбления: для меня спор тогда теряет всякий интерес, и мне становится просто непроходимо скучно. Так было и на этот раз.

— Ну, Владимир Ильич, вы бы брали легче на поворотах, — внешне спокойно, но внушительным тоном сказал я. — Ведь, если и я применю вашу манеру оппонировать, так, следуя ей, и я могу «обложить» вас всякими ругательствами, благо русский язык очень богат ими, и тогда получится просто рыночная сцена... Но я помню, что, к сожалению, вы мой гость...

Надо отдать справедливость, мой отпор подействовал на Ленина. Он вскочил, стал хлопать меня по плечам, полуобнимая, хихикая и все время повторяя «дорогой мой» и уверяя меня, что, увлеченный спором, самой темой его, забылся и что эти выражения ни в коей мере не должно принимать, как желание меня оскорбить...

Г. А. Соломон [1]. С. 32

Ленина охотно представляли себе бессердечным, фанатичным «сухарем», но его бессердечие было чисто головное, рассудочное, направленное на «дальних», на врагов его дела, его партии. С «ближними» же он был приветлив, добродушно-весел и обходителен, как простой хороший товарищ; и недаром любовно-фамильярнее «Ильич» получило такое распространение среди рядовых большевиков. Да, Ленин был добродушен. Но добродушие и доброта — не одно и то же. Подмечено, что все физически очень сильные люди обычно бывают добродушны. Это добродушие есть просто побочный продукт благодушной уверенности, происходящей от сознания силы. Таким же добродушием большого сенбернара по отношению к

маленьким дворнягам был полон и Ленин по отношению к своим «ближним». Что же касается настоящей внутренней доброты, то ее Ленин, вероятно, считал одной из ненужных и мешающих людских слабостей. По крайней мере, когда он хотел возможно презрительнее третировать кого-нибудь из своих противников-социалистов, то к его имени он прибавлял эпитет «добренький». Этим было все сказано: значит, мягкотелость, размазня, слякоть.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

Как-то перед одним из своих докладов Ленин, собираясь вместе со мной идти в «Мэзон дю Пепль» (Дом Народов в Брюсселе — *Е. Г.*), в одной из аудиторий которого должно было состояться собрание, вынув свою записную книжку, порывшись в ней, попросил меня познакомить его с одним из эмигрантов, известным под именем «товарищ Митя». Он был наборщиком и жил в Брюсселе с молодой женой и очень нуждался. Как секретарь группы, я располагал спорадически небольшими средствами, из которых, с разрешения Бюро группы, оказывал ему посильную помощь.

— Вы не знаете, Георгий Александрович, он очень нуждается? — спросил Ленин.

Я подтвердил и иллюстрировал его нужду.

— Дело в том, — сказал Ленин, — что он писал мне и просил помочь. Я могу в качестве члена Интернационального Бюро выхлопотать ему то или иное пособие... Сколько вы думаете надо ему выдать?

Я указал, как на минимальную сумму пособия, на пятьдесят франков: в то время в Бельгии можно было на эту сумму одному человеку прожить полмесяца.

— Что вы? что вы? — сказал Ленин, и во взгляде его я прочитал выражение какой-то теплоты. — Он, видите ли, пишет, что через некоторое время, счастливец (вдохнул он) его жена ждет ребенка... Так что 50 будет маловато, а? как вы думаете?

Тогда я удвоил сумму пособия. Но Ленин, согласившись со мной, просил меня уведомить его, когда наступит минута родов, чтобы устроить Мите еще одно пособие, что я, конечно, и исполнил.

В «Мэзон дю Пэпль» мы пошли с ним к Гюйсману, секретарю Интернационального Бюро, и Ленин попросил его выдать сто франков

для Мити. Отмечу, что, когда Митя, пораженный таким крупным пособием (по современному индексу это составляло не менее тысячи франков), благодарил Ленина, тот страшно сконфузился и стал валить «вину» на меня.

Г. А. Соломон [1]. С. 2728

Мы знаем Владимира Ильича Ленина, какой это был железный большевик... Но мы видим, по рассказу Лядова (М. Лядов. «Мои встречи с Лениным», 1924), как Владимир Ильич в Женеве был на спектакле «Дама с камелиями», и когда Лядов обернулся к Владимиру Ильичу, то увидел, как он платочком вытирал слезы. (Стенограмма «беседы» В. Мейерхольда с самодеятельными художественными коллективами завода «Шарикоподшипник», 27 мая 1936-го года, в Москве.)

Цит. по: *Ю. Анненков. С. 264265*

Описанный выше случай, когда Ленин обнаружил такую растрогавшую меня чисто товарищескую теплоту, был единственный, по крайней мере из известных мне. Возможно, что именно потому-то так врезалось мне в память и так меня растрогало, что это было так непохоже на Ленина, было так необычно для него и напоминало какое-то чудо, вроде летающей собаки. И рядом с этим встает воспоминание об его грубом отношении к близкому ему товарищу Менжинскому. И невольно копошится подозрительное сомнение, да не было ли это его теплое внимательное отношение к мало знакомому ему Мите, притом рабочему, лишь демагогическим жестом, позой для привлечения сердец?

Г. А. Соломон [1]. С. 28

Заботы Владимира Ильича о заболевших товарищах были поистине поразительны. Время от времени я получал от него предписание осмотреть того или другого больного, назначить ему соответствующий режим, указать в точности, сколько часов в день он может работать, или не нужно ли ему на время совсем бросить работу, не нужно ли изменить характер работы, не нужно ли уехать в какой-нибудь курорт или за границу и т. д. Поражал меня всегда не самый факт заботливости о больных товарищах, а то, как это делалось.

Владимир Ильич никогда не успокаивался на том, что просил посмотреть больного. Он вникал всегда во все подробности, во все мелочи, входил нередко в обсуждение плана лечения и т. д. Он следил далее за тем, выполняются ли предписания врача, выехал ли больной на курорт, указанный врачом, или за границу.

Л. Г. Левин. С. 254255

Но, раз я коснулся этой стороны, не могу не сопоставить с этим его отношение к посторонним, неизвестным ему товарищам, его отношение к Менжинскому, его старому товарищу и другу, о чем я выше уже говорил. В течение этого пребывания Ленина у меня я несколько раз говорил ему о тяжелом положении Менжинского, человека крайне застенчивого, который сам лично предпочел бы умереть (я его застал умирающим от своей болезни, в крайней бедности, но он никому не говорил о своем положении), но ни за что не обратился бы к своим друзьям или товарищам. Но Ленин относился к моим указаниям совершенно равнодушно и даже жестко холодно. Он ничего не сделал для него...

Г. А. Соломон [1]. С. 28

В начале двадцатых годов здоровье Сталина подверглось серьезной опасности. У него начался гнойный перитонит. Предстояла операция. Сталина, по настоянию Ленина, перевели в Москву, в Солдатенковскую знаменитую больницу.

«Владимир Ильич, — рассказывает лечивший Сталина доктор Розанов, — ежедневно два раза, утром и вечером, звонил ко мне по прямому проводу и не только спрашивался о его здоровье, потребовал самого тщательного и обстоятельного доклада. Операция т. Сталина была очень тяжелая: помимо удаления аппендикса, пришлось сделать широкую резекцию слепой кишки, и за исход ручаться было трудно. Владимир Ильич, видно, очень беспокоился и сказал мне:

— Если что, звоните мне во всякое время дня и ночи...

Когда на четвертый или пятый день после операции всякая опасность миновала, и я сказал ему об этом, у него, видно, от души вырвалось:

— Вот спасибо-то!.. Но я все-таки буду звонить вам каждый день...

Навещая т. Сталина у него уже на квартире, я как-то встретил там Владимира Ильича. Встретил он меня очень приветливым образом. Отозвал в сторону, опять расспросил, что было со Сталиным. Я сказал, что его необходимо отправить куда-нибудь отдохнуть после тяжелой операции. На это он:

— Вот и я говорю то же самое, а он упирается. Ну, да я устрою, только не в санаторий, сейчас говорят, что они хороши, а еще ничего хорошего нет...

Я говорю:

— Да пусть едет прямо в родные горы.

Владимир Ильич:

— Вот и правильно, да подальше, чтобы никто к нему не приставал, надо об этом позаботиться».

В. Брусенцов. С. 174

Решились оперировать под местным наркозом из-за слабости больного. Но боль заставила прекратить операцию, дали хлороформу... Потом он лежал худой и бледный как смерть, прозрачный, с отпечатком страшной слабости.

В. Ф. Аллилуев. Хроника одной семьи: Аллилуевы — Сталин. М.: Мол. гвардия, 1995. С. 134

Возможно именно в это время Сталин сильно удивил Ленина. Ленин, полушутя-полусерьезно, на правах заботливого брата посоветовал ему жениться на своей сестре «Маняше» — Марии Ильиничне. Оказалось, что Сталин уже женат. И не на ком-нибудь, а на своей секретарше. Как известно, ею была Надежда Аллилуева...

Н. Валентинов [3]. С. 123

Ленин действительно по-своему любил тех, кого ценил как слуг «дела»; он легко им прощал ошибки, даже их измены, хотя порой задавал им хорошие головоломки, чтобы их возвратить «на путь истинный»; злопамятства, злобности в нем не было; но зато враги его дела для него были не живыми людьми, а подлежащими уничтожению абстрактными величинами; он ими не интересовался; они были для него лишь математическими точками приложения силы его ударов, мишенью для постоянного, беспощадного обстрела. За простую

идейную оппозицию партии в критический для нее момент он способен был, не моргнув глазом, обречь на расстрел десятки и сотни людей; а сам он любил беззаботно хохотать с детьми, любовно возиться со щенками и котятами.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

Может быть, мы все мало знали Ленина и, имея с ним общение исключительно деловое, не обращали внимания на эти черты его характера? Может быть, в нем тлели и обыкновенные чувства?. . Так хотелось бы верить!. . Напомню об его отношении к матери...

Г. А. Соломон [1]. С. 28

Владимир Ильич вообще очень любил кошек и собак. Когда он был уже больной, ему кто-то достал маленького щенка, ирландского сеттера. Одного достали — заболел чумой и погиб.

М. И. Ульянова. С. 217

Вспомнился даже рассказ екатеринославского делегата, возвратившегося с партийной конференции в начале 1912 года, как тов. Ленин обеспокоился тем, что этот делегат потерял на границе свое одеяло и подушку, и как его растрогало и смутило, когда вдруг, перед самым отъездом, Владимир Ильич пришел с пакетом и, извиняясь, что чуть было не опоздал, принес ему и одеяло, и подушечку.

Е. Б. Бош. С. 82

Хотел бы поговорить насчет Бухарчика. Смилга рассказал мне, что ведет он себя безобразно. Не лечится толком. Нервничает. Слухи о покушении (готовящемся) на него выводят его из себя и т[ак] д[алее].

Ленин — Н. Н. Крестинскому. 26 апреля 1922 г.

Неизвестные документы. С. 536

И на меня, и на жену, и на других Алексей Иванович (Рыков) производит впечатление совсем больного человека. Через силу ходит на конференции. Из письма его ко мне сегодня видно, что врачи настаивают на серьезном лечении.

Да это видно и не врачу.

Переустал до чертиков, почти надорвался.

А не лечится толком. Это безобразие. Хищение казенного имущества совершенно недопустимое.

Ленин — Н. С. Рыковой. 26 мая 1921 г.

Неизвестные документы. С. 441442

Не выпускайте Рыкова пока не достигнет 70 кило. Исполнение телеграфируйте.

Ленин — Н. Н. Крестинскому. 1 марта 1922 г.

Неизвестные документы. С. 536

Это был далеко не единственный случай доброты Ленина по отношению к товарищам. Многие свидетельствуют, что он любил детей — и кошек. В Женеве у него была рыжая кошка. Придя в гости к Ленину в Горках после покушения на его жизнь, Анжелика Балабанова видела у него в доме двух кошек. Линкольн Айр, американский журналист, побывавший в квартире Ленина в Кремле, заметил любовь диктатора к его многочисленным котам.

Л. Фишер. С. 538

Однажды, будучи в хорошем настроении, Горький со смешком рассказал мне его первую встречу с Лениным в Лондоне в 1907 г., т. е. когда Горький в виде почетного гостя был приглашен на съезд партии. Ленин пришел к Горькому в отель и после первого рукопожатия и нескольких приветственных слов быстро подошел к кровати и начал молча шарить рукой под одеялами и подушками.

«Я стоял, — передавал Горький, — чурбаном, абсолютно не понимая, что делает и для чего это делает Ленин. В моей голове пронеслась даже дикая мысль: не с ума ли он сошел? Слава Аллаху, мое смущение и недоумение быстро окончилось, потому что Ленин, подойдя ко мне, объяснил: в Лондоне климат сырой и нужно тщательно следить, чтобы постельное белье не было влажным. Это очень вредно и опасно для лиц, как я, с больными легкими. А мне-де нужно особенно беречься, потому что я только что написал роман «Мать» — вещь будто полезную для русского рабочего и призывающую его на борьбу с самодержавием. За такой комплимент я, конечно, Ленина поблагодарил, только, сознаюсь, несколько досадно стало. Хорош или худ этот роман — не мне судить. Кончая писать, я

почти всегда тем, что написал, остаюсь недоволен, но сводить мою работу, как то сделал Ленин, к чему-то вроде комитетской прокламации, призывающей на штурм самодержавия, все-таки не годится. Я ведь пытался в моей вещи подойти к нескольким большим, очень б-о-л-ь-ш-и-м проблемам. Оправдание террора, убийств, казни во время революции — это ведь большущая моральная проблема, ведь нельзя легко уйти от мысли марать убийством священное дело».

Горький, как видим, недостаточно тогда проник в Ленина. Той проблемы, которую он считал морально тяжелой и «очень большой», для Ленина не существовало.

Н. Валентинов [4]. С. 179180

Горький об этой встрече рассказывал многим лицам, и тон его рассказа менялся: в нем то появлялась, то исчезала насмешка в зависимости от того, как в данный момент он относился к Ленину.

Н. Валентинов [1]. С. 71

Ленин питал к Горькому особое уважение и обычно принимал его дома. Если же Горький должен был посетить его в Совнарком, то Ленин приходил в свой кабинет раньше обычного и напоминал секретарю: «Не забыли ли сказать в будку у кремлевских ворот, не задержат ли там Горького?» Через полчаса он звонил из кабинета: послали ли за Горьким машину. Обычно Горькому не приходилось ждать в приемной, Ленин принимал его без очереди.

Л. Фишер. С. 478

Ультрапрактический человек, с обостренным убеждением, что для «дела» нужно иметь и приумножать «финансы», Ленин и по другим мотивам находил нужным быть ласковым с Горьким: его связи, его имя, его мастерство добывать деньги — представляли в глазах Ленина огромную важность. В 1907 году при встрече с Горьким, на партийном съезде в Лондоне, Ленин «использовал» его имя при заключении займа, сделанного у владельца мыловаренных предприятий Ж. Фельца для покрытия расходов, связанных с созывом съезда. Ходатайство о займе поддерживал М. Горький и английский социалист Ленсбери, и так как оба эти имени импонировали Фельцу, он согласился дать

деньги, но поставил условие, чтобы их ему возвратили к 1 января 1908 года.

Стоит напомнить, что Большевицкий Центр, имевший в руках капитал Шмита, и не подумал о возврате долга. 29 января 1908 года Ленин писал в Лондон Ротштейну, русскому социал-демократу, члену английской социал-демократической партии: «Следовало бы объяснить это англичанину, втолковать ему, что условия эпохи II Думы, когда заключался заем, были совсем иные, партия, конечно, заплатит свои долги, но требовать их теперь невозможно, немыслимо, что это было бы ростовщичеством и т. д.». Долг был уплачен лишь 1923 году по настоянию Красина, тогдашнего полпреда в Англии.

Н. Валентинов [1]. С. 7273

Лепешинский пишет, что тот «не очень-то долюблял маленьких детей», оговариваясь, что это личное впечатление, быть может, не соответствующее действительности. «Он всегда любил эту сумму загадочных потенциальных возможностей грядущего уклада человеческой жизни, — пишет Лепешинский, — но конкретные Митьки, Вальки и Машки не вызывали в нем положительной реакции. Мне кажется, если бы его привели в школу, где резвятся восьмилетние малыши, он не знал бы, что с ними делать и стал бы искать жадными глазами свою шапку. Поскольку его всегда тянуло поиграть с красивым пушистым котенком (кошки это его слабость), постольку у него не было ни малейшего аппетита на возню с двуногим «сопляком» (извините за не совсем изящное выражение)...»

М. Г. Штейн [2]. С. 179180

Не помню точно, в каких-то воспоминаниях об Ильиче, кажется у Лепешинского, я как-то встретил указание на то, что Владимир Ильич не любил маленьких детей. Это неверно: не было случая, чтобы Владимир Ильич, придя к нам, очень нежно и ласково не повозился бы с нашей дочуркой. А когда наступил день ее рождения, Владимир Ильич, своевременно осведомившись об этом, сам вместе с Надеждой Константиновной отправился в магазин и купил ей в подарок игрушку — маленькую собачку, которую мы храним очень бережно, памятуя, что Владимир Ильич сам ходил ее покупать.

М. М. Харитонов. С. 5657

Нередко мы заставляли рядом с ним детей. Он очень любил ребят и как-то умел завоевать их доверие.

Н. Н. Приоров. С. 280

Работая в охране Ленина, я имел возможность наблюдать, с какой особой любовью Ильич относился к детям. Поехав в 1922 году отдыхать в Горки, он попросил Анну Ильиничну привезти ребят. Все лето у Владимира Ильича гостили племянник Витя и дочка одной московской работницы Вера. Хорошо известна фотография этого периода, запечатлевшая Владимира Ильича и Надежду Константиновну с Витей и Верой.

Живя летом 1922 года в Горках, Владимир Ильич много занимался с Витей и Верой: гулял с ними в парке, играл, шутил, катал их на машине. Если дети, играя в аллеях парка, сооружали что-то из песка, то Ильич очень бережно относился к этому сооружению, не позволял его разрушать.

С. Н. Аликин. Вечно живой // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 133

Он никогда не уставал лазить под кровать и диван за мячом для Степы (речь идет о маленьком сыне Г. Е. Зиновьева. — *Е. Г.*) Он носил Степу на плечах, бегал с ним взапуски и исполнял все его повеления. Иногда В. И. и Степа переворачивали все вверх дном в комнате. Когда становилось особенно уж шумно, я пыталась их останавливать, но Ильич неизменно заявлял — не мешайте, мы играем. Однажды мы шли с В. И. по дороге к ним домой. Степа бежал впереди нас. Вдруг В. И. произнес: «Эх, жаль, что у нас нет такого Степы»...

З. И. Лилина (жена Г. Е. Зиновьева). Цит. по: М. Г. Штейн [2]. С. 180

Он часто перехватывал наших мальчиков в коридоре и возился с ними.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 346

Стоило Владимиру Ильичу во время выездов на охоту появиться в какой-либо деревне, как навстречу гурьбой неслись деревенские

ребятишки.

— Дяденька, покатай, — кричали они. Ильич никогда не отказывал. Просит шофера остановить машину, насажает до отказа.

С. Н. Аликин. С. 133

Однажды я прихожу и застаю его за игрой и возней с одиннадцатилетним мальчиком, моим воспитанником, который чрезвычайно привязался к Владимиру Ильичу. Владимир Ильич очень любил детей и умел подходить к ним. И вот Владимир Ильич стал бегать за этим мальчиком вокруг столового стола, мальчик был увертливый, и Владимиру Ильичу не удавалось догнать его. Тогда он протянул руку через стол, чтобы схватить его. Движение было настолько энергичное, что стол опрокинулся, полетел графин, что-то перевернулось, разбилось. Я это рассказала для того, чтобы показать, как он мог наряду с серьезным делом увлекаться игрой.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 79

Мне попало в воспоминаниях Анны Никифоровой, совсем молодой прибывшей в Поронин по партийному заданию, место, где она рассказала о встрече с Крупской. Та сразу решила оставить ее жить у себя: «У нас с Владимиром Ильичем нет детей — вот и поживете вместо дочки». Потом, когда девушка возвращалась в Россию, за ней закрепили кличку «Дочка». В одном из писем Крупской из Кракова также есть теплое упоминание о такой же временной гостье: «Знакомых почти никого нет, последнее время приручилась было одна молоденькая девчурочка... да на днях уехала в Россию». Даже после смерти Ленина, уже в возрасте 56 лет, Крупская признавалась: «Я всегда очень жалела, что у меня не было ребят» (т. е. детей. — *В. М.*). Во всем этом слышится хроническая тоска по собственному ребенку...

В. Е. Мельниченко [1]. С. 205

Заслуженная артистка московского Малого театра Н. Никулина 3 сентября 1920 года обратилась к Ленину с письмом: «Только безвыходное положение заставляет меня беспокоить Вас покорнейшей просьбой. Мне 74 года, из них 51 год по мере сил и умения я служила дорогой мне Москве... Зная, как тесно живет население, я сама

охотно пошла навстречу и отдала несколько комнат в своем домике. Остались только необходимые мне или неудобные для жилья холодные проходные. Теперь мне угрожают отнятием у меня и этих комнат. Умоляю Вас, помогите мне... Несколько слов, написанных по Вашему приказанию, будут достаточной гарантией для меня».

Ленин оставил на полях письма пометку: «Проверьте и созвонитесь: оставить ее в покое».

Это был человеческий поступок. Но было бы куда человечнее, если бы советское правительство провело законы или установило правила, предотвратившие бы миллионы подобных несправедливостей, которые стали постоянными при коммунистическом режиме.

Л. Фишер. С. 629630

Он любил гулять и предпочитал ветреную погоду.

М. И. Ульянова. С. 204

Ориентировался в незнакомой местности хорошо. Расстояния и направления по слуху тоже определял хорошо.

Н. К. Крупская. С. 370

Кроме того, Владимир Ильич очень не любил комаров. Один комар укусит, он сразу же: «Фу, комары кусаются». Терпеть не мог тех мест, где есть комары.

Д. И. Ульянов. С. 184

Ходил быстро. При ходьбе не покачивался и руками особенно не размахивал.

Н. К. Крупская. С. 367

Помню, что как-то встал вопрос о том, куда ехать: на Кавказ или на Урал. Он спрашивал о том, какие места, и, как всегда, задавал специальный вопрос: «А комаров много?» — и, если оказывалось, что много, говорил: «Ну, если комаров много, не поеду». И не потому не любил комаров, что они прививают малярию, — ему скажешь:

«Это ведь безвредный комар, это кулекс». — «А мне все равно — кулекс или нет, все равно кусаются, окаянные, и мешают».

Д. И. Ульянов. С. 184

На прогулках не очень быстро утомлялся. Был подвижной. Ходить предпочитал. Дома постоянно ходил по комнате, быстро из угла в угол, иногда на цыпочках «из угла в угол».

Н. К. Крупская. С. 367

Очень он любил ездить на велосипеде. Эту возможность он получил только за границей. Там он выучился и делал огромные прогулки. Раз чуть не пострадал: какой-то виконт налетел на него на своем автомобиле, Владимир Ильич успел отскочить, но велосипед совершенно сломался.

М. И. Ульянова. С. 217

Одевался и раздевался быстро.

Н. К. Крупская. С. 368

— Ленина вижу сейчас как живого. Между прочим, он смеялся очень ярко иногда. Как колокольчик. Ха-ха-ха-ха-ха! Раскатисто. Если в хорошем настроении... Раскатисто очень, да. Он человек был ну не то что веселый, но не надутый, чувство юмора у него было... Простой.

В. М. Молотов. Цит. по: Чуев Ф. И. С. 293

Веселый и шутливый.

Н. К. Крупская. С. 372

Он много смеется; поначалу его смех кажется дружелюбным и веселым, но постепенно мне стало как-то не по себе.

Б. Рассел. С. 27

Когда описывают Ленина, уделяют много внимания его смеху, будто бы приятному вначале, но затем принимающему оттенок цинизма; я не слышал такого смеха.

Г. Уэллс. С. 12

Ух, как умел хохотать. До слез. Отбрасывался назад при хохоте.

Н. К. Крупская. С. 368

Бросался в глаза его мрачноватый юмор. Он часто смеялся, обычно в ответ на иронические замечания, которые он так ценит. Чувствовались та быстрота умственных реакций, то электрическое проворство ума, которые составляют, быть может, наиболее характерное его свойство...

Не менее удивительно было веселье, охватывавшее Ленина, когда он замечал что-нибудь смешное в себе самом или в своих посетителях. Особенно, когда ему удавалось поставить посетителя в неудобное положение, великий Ленин так трясся от хохота, что невольно приходилось смеяться с ним вместе...

Э. Гольдман. Цит. по: Фишер Л. С. 600, 604

Единственное, к чему можно было в нем апеллировать, был сардонический юмор, высоко развитый у него.

Брюс Р. Г. Локкарт. С. 219

— Ленину, я бы сказал даже, не столько чувство юмора было присуще, сколько присуще понимание веселости, да и юмора. Он сам реагировал очень вспыльчиво, можно сказать. От души. Мне запомнился какой-то раскатистый, хороший такой его смех. Человек колоссальной энергии, мало пожил.

В. М. Молотов. Цит. по: Чуев Ф. И. С. 294

Помню, как смеялся Ильич над одним фельетоном, помещенным в какой-то буржуазной газете, — они выходили тогда свободно. Однажды Пушкин (речь шла о памятнике Пушкину) услышал, что в Кремле что-то неладное, решил посмотреть сам, сошел с пьедестала и направился к Кремлю. Подходит к «Кутафье» (Троицкие ворота), видит — сидит кучка солдат и о чем-то говорят между собою. Пушкин хотел пройти в Кремль. Тогда на него закричал один из красноармейцев: «Куда прешь, товарищ?» Пушкин остановился в недоумении. «Да ты кто?» — спросил красноармеец. «Я, — отвечал Пушкин, — я... камер-юнкер». «Юнкер!» — вскричали повскакавшие красноармейцы и направили штыки на Пушкина».

Н. К. Крупская. С. 297

От моих куоккальских встреч с Лениным в моей памяти не сохранилось ни одной фразы, кроме следующей: раскачиваясь в саду на деревенских дощатых качелях, Ленин, посмеиваясь, произнес:

— Какое вредное развлечение: вперед — назад, вперед — назад! Гораздо полезнее было бы «вперед — вперед! Всегда — вперед!»

Все смеялись вместе с Лениным...

Ю. П. Анненков. Т. 2. С. 256

Я принес с собой и мог показать ему уже отпечатанные чистые листы моего сборника писем Маркса и Энгельса. Владимир Ильич заглянул в него и смеялся по поводу помещенного в конце вводной статьи письма Энгельса Марксу, где Энгельс советует Марксу пить вино, чтобы сохранить свой пыл.

В. В. Адоратский. За восемнадцать лет // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 8. С. 5

Помню учредительное собрание нашей редакции и издательства, происходившее в лесу. Владимир Ильич вел собрание ускоренным темпом, добивался четких решений, не упускал ни малейших деталей и вместе с тем меткими замечаниями, тонкими юмористическими шутками и заразительным, тихим смехом сглаживал сухой, деловой тон обсуждений и создавал теплую, товарищескую обстановку дружеской беседы.

В трудные моменты, когда в тоне возражавших товарищей начинали звучать нотки раздражения, Владимир Ильич с добродушной улыбкой прерывал оратора: «Молодым пора в кусты! В кусты!..» И настроение сразу менялось.

Е. Б. Бош. С. 8283

Валентинов оставил интересное описание пикника в горах втроем, когда Крупская, по настоянию Ленина, взяла с собой колбасу, крутые яйца, хлеб и печенье. Соль взять забыла, за что получила «выговор» от Ильича.

Вот что рассказывал Валентинов:

— Во время пикников, прогулок, когда нет стола, тарелок, вилок и т. д., — как с пищевым добром управляются люди? Полагаю, со мною согласятся, если скажу, что поступают следующим образом: отрезают

кусочек хлеба, кладут на него кусочек колбасы и, сделанный таким образом сандвич, откусывают. Ленин поступал по-другому. Острым перочинным ножиком он отрезал кусочек колбасы, быстро клал его в рот и, немедленно отрезав кусочек хлеба, подкидывал его вдогонку за колбасой. Такой же прием он применял и с яйцами. Каждый кусочек порознь, один за другим, Ленин направлял, лучше сказать, подбрасывал в рот какими-то ловкими, очень быстрыми, аккуратными, спорыми движениями. Я с любопытством смотрел на эту «пищевую гимнастику», и вдруг в голову мне пришел образ Платона Каратаева из «Войны и мира». Он все делал ловко, он и онучки свои свертывал и развертывал, как говорит Толстой, приятными, успокоительными, круглыми движениями. Ленин обращался с колбасой, как Каратаев с онучками. Кусая сандвич, я эту чепуху и выпалил Ленину. Это не умно? Но каждый из нас, лишь бы то не повторялось слишком часто, имеет право изрекать и делать глупости...

Реакцию Владимира Ильича Валентинов описал довольно подробно:

— До этого мне не приходилось слышать Ленина громко хохочущим. Более того, мне посчастливилось видеть его буквально изгибающимся от хохота. Он отбросил в сторону перочинный ножик, хлеб, колбасу и хохотал до слез. Несколько раз он пытался произнести «Каратаев», «ем, как онучки он свертывает» и не мог закончить фразу, сотрясаясь от смеха. Его смех был так заразителен, что, глядя на него, стала хохотать Крупская, а за нею я. В этот момент «Старику Ильичу» и всем нам было не более 12 лет.

Валентинов писал, что никогда не видал, чтобы Ленин кого-нибудь хлопал по плечу, что-либо подобное проделать с ленинским плечом, даже почтительно, никто тоже не осмелился бы. Но в этот день, когда они спускались с горы, Ленин, вопреки своим правилам, дружески хлопнул Валентинова по спине: «Ну, Самсоныч (партийная кличка Валентинова. — *Е. Г.*), осрамили же вы меня каратаевскими онучками».

В. Е. Мельниченко [1]. С. 128129

Ленин не сумел обогатить мировой сокровищницы шуток и анекдотов. Эверест Ленинианы содержит только одну ленинскую

шутку: «Какое самое большое наказание за двоеженство? — Две тещи». Этот старинный анекдот Ленин рассказывал матери Крупской.

Л. Фишер. С. 590

— Говорят, у Ленина было такое сильное ругательство: «Три тещи вам за это!»

— Возможно, в свое время чем-то допекла его теща...

В. М. Молотов. Цит. по: Чуев Ф. И. С. 283

Владимир Ильич, естественно, хорошо знал все слабости Надежды Константиновны и, бывало, не упускал случая подтрунить над ними, даже во время болезни в Горках. Это коснулось, в частности, привычки Крупской носить одну и ту же одежду так долго, что «та приобретала совершенно прозрачный из-за дыр и поэтому малоприличный вид» (М. Ульянова).

Как-то английский корреспондент, побывавший у Крупской в Наркомпросе, упомянул об ее более чем скромном костюме в статье под названием «Первая дама». Но Владимир Ильич, который немало потешался, читая это... заявил, что правильнее было бы озаглавить публикацию иначе, а именно: «Первая оборванка». Так это прозвище и осталось некоторое время за Крупской.

В. Е. Мельниченко [1]. С. 207

Когда нам не удавалось сговориться заранее, мы обменивались во время заседания записочками. Если при этом обнаруживалось расхождение, Ленин направлял прения к отсрочке вопроса. Записочка о несогласии с ним бывала иногда написана в шутливом тоне, и тогда Ленин при чтении ее как-то вскидывался всем телом. Он был очень смешлив, особенно когда уставал...

Я с торжеством наблюдал, как он забавно борется с приступом смеха, продолжая строго председательствовать. Его скулы выдавались тогда от напряжения еще более.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 349

Вспоминая о зубах В. И. Ленина, у меня появилась мысль, нельзя ли по конфигурации зубов судить о характере человека... И если, в частности, говорить о зубах В. И., то его зубы, крепкие по

конструкции, желтого цвета (по расцветке Аша F5), в общем правильные по форме, расположению и смыканию. Верхние резцы — широкие (ширина режущего края почти равна длине коронки зуба) с сильно развитым режущим краем, загнутым внутрь (к небу), — и зубы его, без сомнения, прекрасно гармонировали с общим впечатлением прямоты, твердости и силы характера...

В. С. Юделевич. Воспоминания о Ленине // Журнал одонтологии и стоматологии. 1924. № 3. С. 86

Хорошо слышал на оба уха. Хорошо слышал шепотную речь.

Н. К. Крупская. С. 370

Лицо не выхоленное, а простое.

М. М. Петрашева. С. 264

Но на глаза его я засмотрелся. Другие такие глаза я увидел только раз, гораздо позднее.

От природы они узки, кроме того, у Ленина есть привычка щуриться, должно быть, вследствие скрываемой близорукости, и это, вместе с быстрыми взглядами исподлобья, придает им выражение минутной раскосости и, пожалуй, хитрости. Но не эта особенность меня поразила в них, а цвет их райков. Подыскивая сравнения к этому густо и ярко-оранжевому цвету, я раньше останавливался на зрелой ягоде шиповника. Но это сравнение не удовлетворяет меня. Лишь прошлым летом в Парижском зоологическом саду, увидев золото-красные глаза обезьяны-лемура, я сказал себе удовлетворительно: «Вот, наконец-то я нашел цвет ленинских глаз!» Разница оказывается только в том, что у лемура зрачки большие, беспокойные, а у Ленина они — точно проколы, сделанные тоненькой иглой, и из них точно выскакивают синие искры.

А. И. Куприн // Общее дело. Париж, 1921. № 221

— У Ленина какого цвета глаза были?

— Не помню. Совершенно новый такой вопрос. Я думаю, карие. Голубые запоминаются. А это обычные, видимо. Хорошо его помню, а это не запомнил. Да, я не помню... Новый момент...

В. М. Молотов. Цит. по: Чуев Ф. И. С. 293

Глаза карие, прищуренные...
М. М. Петрашева. С. 264

Цвета и оттенки он различал очень хорошо и правильно.
Н. К. Крупская. С. 370

Он пристально смотрит на своих посетителей, прищурив один глаз, что, кажется, усиливает проницательную силу другого глаза.
Б. Рассел. С. 27

...Слушая собеседника, он щурит один глаз (возможно, эта привычка вызвана каким-то дефектом зрения).
Г. Уэллс. С. 13

Глаза были темные, маленькие, очень некрасивые. Но в глазах остро светился ум, и лицо было очень подвижно, часто меняя выражение: настороженная внимательность, раздумье, насмешка, колючее презрение, непроницаемый холод, глубочайшая злость. В этом случае глаза Ленина делались похожими на глаза — грубое сравнение — злого кабана.

Н. Валентинов [1]. С. 20

Злой человек был Ленин. И глаза у него волчьи, злые...
А. Тыркова-Вильямс. На путях к свободе. Лондон, 1953. С. 400

Он с детства в целом отличался неплохим здоровьем, но родителей беспокоило его косоглазие на левый глаз. В Казани мальчика осмотрел врач-окулист, профессор Адамюк. Диагноз был неутешительным: косоглазие неустранимое, мальчику придется смотреть одним глазом — правым.

Р. Сервис. С. 47

С чисто же окулистической стороны глаза представляли кое-какие явления, оказавшиеся для Владимира Ильича сюрпризом и доставившие ему, как человеку непосвященному, немало удовольствия. Дело в том, что когда Владимир Ильич был еще ребенком, его возили к

одному из лучших русских окулистов, гремевшему тогда на всем Поволжье, казанскому профессору Адамюку (старшему). Не имея, очевидно, возможности точно исследовать мальчика и видя объективно на дне его левого глаза кое-какие изменения, главным образом врожденного характера (врожденная щель зрительного нерва и задний конус), проф. Адамюк принял этот глаз за плохо видящий от рождения (так называемая врожденная амблиопия). Действительно, этот глаз очень плохо видел вдаль. Матери ребенка было сказано, что левый глаз никуда не годится от рождения и помочь этому горю нельзя. Таким образом, Владимир Ильич прожил всю жизнь с мыслью, что он левым глазом ничего не видит и существует только одним правым. Только в самые последние годы он замечал маленькую странность, что все его сверстники стали отдалять книжку при занятиях, а он, напротив, стал держать книгу ближе обыкновенного, что многие сверстники стали читать в очках, а он в них как будто совершенно не нуждается. Мало интересуясь своим здоровьем вообще, он не задумался и над этим фактом и не искал случая его объяснить. Да и в самом деле, зачем серьезному, занятому человеку нужно было это проверять, если зрения хватает на все надобности — и на охоту пойти можно, и читать можно сколько угодно. Каково же было его удивление, когда при моем исследовании оказалось, что левый, «похороненный» глаз просто близорук (в 4—4,5 диоптрии) и на расстоянии 20—25 см прекрасно видит — этим глазом Владимир Ильич и читал, — а правый глаз, хорошо видящий вдаль, оказался ко времени моего исследования уже страдающим старческим зрением и на близком расстоянии ничего не видел. Но стоило к этому глазу приставить соответствующее стекло, какое надевают все хорошо видящие пожилые люди, и глаз этот прекрасно читал. Этот двойной сюрприз очень заинтриговал и развеселил Владимира Ильича, но внимания к своей персоне он проявлял так мало, что к следующему нашему свиданию уже позабыл о тех «фокусах», которые я проделывал с его глазами.

М. И. Авербах. С. 273274

Исследование глаз имеет очень важное значение при болезнях мозга. Глаз тесно связан с мозгом, и застойные явления или недостаток крови в мозгу тотчас же выражаются изменением наполнения кровью глазного дна.

В. П. Осипов. С. 294

На (посмертном) вскрытии Ленина, как мы помним, врачи к великому ужасу своему обнаружили, что одно полушарие ленинского мозга не работало с рождения. Второе полушарие было покрыто известковыми образованиями в такой степени, что было совершенно непонятно, как вождь мирового пролетариата жил не только последние годы, но и вообще, поскольку должен был умереть еще в детстве. Врачи считали, что с таким мозгом человек жить не может. Так был ли это человек?

И. Бунич. С. 75

Глазомер у него был хороший — стрелял хорошо и в городки играл недурно.

Н. К. Крупская. С. 370

...Мы отправились играть в городки. Играли мы в районе расположения дач, где впоследствии был санаторий. Место, где была площадка, находится между первой и второй дачей. Владимир Ильич тогда любил играть в городки, но вообще он играл неважно.

Помню, наша команда стала брать верх над его командой. Кроме него играли еще двое, в числе их был В. Г. Сорин, который, как известно, близорук и ходит в очках, а другой товарищ в компании Владимира Ильича был хромой. Владимир Ильич говорит, обращаясь к Сорину: «Ну, бейте как следует. Они на полдистанции бьют, а мы на всю дистанцию. Выбейте что-нибудь». Тогда Сорин берет палку, бросает и не попадает. Владимир Ильич говорит: «Что же вы как плохо?» «Владимир Ильич, я же плохо вижу, я близорукий», — отвечает Сорин и показывает на очки. Владимир Ильич обращается к нам: «Черт знает кого вы мне дали — одного хромого, другого слепого».

Д. И. Ульянов. С. 172

Вдаль видел хорошо. Они с мамой (моей) часто соревновались в этом деле.

Н. К. Крупская. С. 370

Ленин любил пугать: если будем делать ошибки — полетим и т. п.
Г. Е. Зиновьев. Цит. по: Волкогонов Д. А. Кн. 2. С. 427

Вообще очень эмоционален. Все переживания были эмоциональны.

Н. К. Крупская. С. 372

Например, Ленин, услышав о мятеже на «Потемкине», немедленно вызвал к себе одного из своих соратников, Михаила Васильева, незадолго до этого прибывшего из России. Ленин ему сказал:

— По постановлению Центрального Комитета вы, товарищ, должны возможно скорее, лучше всего завтра же, выехать в Одессу.

— Готов ехать хоть сегодня! А какие задания?

— Задания очень серьезные. Вам известно, что броненосец «Потемкин» находится в Одессе. Есть опасения, что одесские товарищи не сумеют как следует использовать вспыхнувшее на нем восстание. Постарайтесь во что бы то ни стало попасть на броненосец, убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. На эту работу бросьте возможно больше наличных сил одесской организации. В прокламациях и устно зовите крестьян захватывать помещичьи земли и соединяться с рабочими для общей борьбы. Союзу рабочих и крестьян в начавшейся борьбе я придаю огромное, исключительное значение.

Передавая этот разговор с Лениным в своих воспоминаниях, Васильев пишет, что Ленин был в страшном волнении, когда втолковывал ему свои планы. Получалось, что он посылал молодого, двадцатидевятилетнего Васильева в одиночку совершить революцию. Но на этом его замыслы не кончались.

— ...Дальше необходимо сделать все, чтобы захватить в наши руки остальной флот. Я уверен, что большинство судов примкнут к «Потемкину». Нужно только действовать решительно, смело и быстро. Тогда немедленно посылайте за мной миноносец. Я выеду в Румынию.

— Вы серьезно считаете все это возможным? — невольно сорвалось у меня.

— Разумеется, да! Нужно только действовать решительно и быстро. Но, конечно, сообразуясь с положением, — уверенно и твердо повторил он.

Р. Пейн. С. 200201

Очень хорошо запоминал и очень хорошо удерживал в памяти слышанное. Передавал всегда точно, уверенно и свободно. Думаю, что зрительная и слуховая память у него были приблизительно равны по степени развития.

Н. К. Крупская. С. 370

В «нормальном» состоянии Ленин тяготел к размеренной, упорядоченной жизни без всяких эксцессов. Он хотел, чтобы она была регулярной, с точно установленными часами пищи, сна, работы, отдыха. Он не курил, не выносил алкоголя, заботился о своем здоровье, для этого ежедневно занимался гимнастикой. Он — воплощение порядка и аккуратности. Каждое утро, перед тем как начать читать газеты, писать, работать, Ленин, с тряпкой в руках, наводил порядок на своем письменном столе среди своих книг. Плохо держащуюся пуговицу пиджака или брюк укреплял собственноручно, не обращаясь к Крупской. Пятно на костюме старался вывести немедленно бензином. Свой велосипед держал в такой чистоте, словно это был хирургический инструмент. В этом «нормальном» состоянии Ленин представляется наблюдателю трезвейшим, уравновешенным, «благонравным», без каких-либо страстей человеком, которому претит беспорядочная жизнь, особенно жизнь богемы. В такие моменты ему нравится покойная жизнь, напоминающая Симбирск. «Я уже привык, — писал он родным в 1913 г., — к обиходу краковской жизни, узкой, тихой, сонной. Как ни глух здешний город, а я все же больше доволен здесь, чем в Париже».

Н. Валентинов [1]. С. 4344

Здесь уместно будет сказать об одной черте Владимира Ильича, связанной с материальными отношениями. У русской интеллигенции была, и теперь еще сохранилась, скверная особенность:

пренебрежительное отношение к денежным обязательствам. Взять денег в долг и «забыть», одолжить книгу и «зачитать», задолжать в библиотеку и т. п. — самое обычное дело в интеллигентской среде. Возвращать долги, книги и т. д. считается своего рода «буржуазным предрассудком», «мещанством» и т. п. Такого человека называют «мелочным», «педантом» и пр. А вот когда у человека сегодня полны карманы денег, а завтра «нет ни копейки» и он у всех просит займы (чтобы не отдать, конечно), это называется — «широкая русская натура», не придающая значения таким мелочам, как «презренный металл». Надо признаться, Владимир Ильич был в данном случае самым «щепетильным», «мелочным», «педантичным» человеком. Он непременно образом платил долги, возвращал взятые для прочтения книги, выполнял данные обещания и т. д.

В. А. Карпинский. С. 41

Осенью 1916 года, находясь в Цюрихе, Ленин отправил Инессе Арманд в Кларан (Швейцария) какую-то библиотечную книгу. Сделал он это в нарушение правил библиотеки, не позволяющих отсылку литературы почтой. Узнав, что Арманд собирается уехать на какое-то время из Кларана, Владимир Ильич не на шутку всполошился: «Что если библиотекарь потребует книгу? Риск, конечно, небольшой, но все-таки он должен быть абсолютно гарантирован, что в случае требования вернет книгу на следующий день. Ибо иначе его уличат в отсылке книг из Цюриха... Это будет невозможный скандал!»

Поняв, что не успокоится, пока не примет меры предосторожности, Владимир Ильич, который всего через годик после этого взвалит на свои плечи целое государство, со всей тщательностью разрабатывает детальный план упреждения возможного бытового «скандала» и посвящает в него Арманд. «...Когда будете уезжать из Кларана, — писал он ей, — оставляйте и на почте, и на телеграфе свой новый адрес (чтобы телеграмму переслали Вам тотчас) и берите библиотечную книгу (с бумагой оберточной и бечевкой) с собой. По телеграмме «Пришлите книгу» шлите ее первой почтой без единого часа промедления».

В. Е. Мельниченко [1]. С. 106

Крупская признавалась, что «хозяйка я была плохая... люди, привыкшие к заправскому хозяйству, весьма критически относились к моим упрощенным подходам». Она щеголяла своим отвращением к домашнему хозяйству и неумению его вести. Еду, ею изготавливаемую, она презрительно называла «мурой» и говорила, что умеет «стряпать только горчицу». Ленин, относившийся отрицательно ко всем видам неумения, все-таки не осуждал Крупскую, ведь освобождение женщин от кухонных дел стояло в его программе, но тем благосклоннее он относился к присутствию ее матери, Елизаветы Васильевны, в течение многих лет, начиная с жизни в Шушенском, умело ведшей их хозяйство, хотя совместная жизнь с нею нарушала его некоторые привычки и вынуждала иметь жилье с лишней комнатой.

Н. Валентинов [1]. С. 28

Шум вообще не любил (я говорю не о шуме людной улицы, толпы, большого города). Но вот в квартире не любил шуму.

Н. К. Крупская. С. 371

Это равновесие, это «нормальное» состояние бывало только полосами, иногда очень кратковременными. Он всегда уходил из него, бросаясь в целиком его захватывающие «увлечения». Они окрашены совершенно особым аффектом. В них всегда элемент неистовства, потери меры, азарта. Крупская крайне метко назвала их ражем (как она говорила — «ражью»). В течение его ссылки в Сибири можно хорошо проследить чередование разных видов ленинского ража. Купив в Минусинске коньки, он и утром и вечером бежит на реку кататься, «поражает» (слова Крупской) жителей села Шушенского «разными гигантскими шагами и испанскими прыжками». Он любил с нами состязаться, пишет Лепешинский. «Кто со мною вперегонки?» И впереди всех несется Ильич, напрягающий всю свою волю, все свои мышцы, лишь бы победить во что бы то ни стало и каким угодно напряжением сил. Другой раж — охотничий. Ленин обзавелся ружьем, собакой и до изнеможения рыщет по лесам, полям, оврагам, отыскивая дичь. Он отдавался охоте, говорит тот же Лепешинский, с таким «пылом страсти», что в поисках дичи был способен пробегать в день «по кочкам и болотам сорок верст». Шахматы — третий раж. Он мог сидеть за шахматами с утра до поздней ночи, и игра до такой степени

заполняла его мозг, что он бредил во сне... Крупская слышала, как во сне он вскрикивал: если он конем пойдет сюда, я отвечу турой. Можно указать и четвертый раж. «Ильич, — писала родным Крупская, — заявлял, что не любит и не умеет собирать грибы, а теперь его из леса не вытащишь, приходит в настоящую грибную ражь». Эта «ражь» неоднократно на него находила. Летом 1916 г. Ленин и Крупская из дома отдыха Чудивизе (недалеко от Цюриха) спешили по горным тропинкам на поезд. Накапывал дождик, скоро превратившийся в ливень. В лесу Ленин увидел белые грибы, немедленно впал в азарт и, несмотря на ливень, бросился их собирать. «Мы вымокли до костей, опоздали, конечно, на поезд», все-таки грибной раж свой Ленин удовлетворил вполне: бросил собирать грибы только тогда, когда наполнил ими целый мешок.

Н. Валентинов [1]. С. 4445

Кстати, люди близко знавшие Ленина, отмечают в его характере приступы внезапного бешенства, злобу, беспощадность, беспринципность и, как пишет Валентинов, «дикую нетерпимость, не допускающую ни малейшего отклонения от его, Ленина, мыслей и убеждений». «Для терпимости существуют отдельные дома», говорил Ленин. В той же книге «Встречи с Лениным» Валентинов рассказывает, что известный большевик и писатель А. А. Богданов, по профессии врач (Бердяев в «Самопознании» пишет — врач-психиатр) в 1927 году говорил Валентинову: «Наблюдая в течение нескольких лет некоторые реакции Ленина, я, как врач, пришел к убеждению, что у Ленина бывали иногда психические состояния с явными признаками ненормальности».

Гуль Р. Ленин // Новый журнал. Нью-Йорк, 1974. № 96. С. 224

Он постоянно страдал от нервного истощения и был подвержен приступам помрачения сознания, и в такие моменты он был словно одержим духом разрушения.

Р. Пейн. С. 11

Прежде всего — в этом не может быть никаких сомнений — Ленин есть явление чрезвычайное. Это человек совершенно особенной духовной силы. По своему калибру — это первоклассная мировая

величина. Тип же этого деятеля представляет собой исключительно счастливую комбинацию теоретика движения и народного вождя... Если бы понадобились еще иные термины и эпитеты, то я не задумался бы назвать Ленина человеком гениальным, памятуя о том, что заключает в себе понятие гения. Гений — это, как известно, «ненормальный» человек, у которого голова «не в порядке». Говоря конкретнее, это сплошь и рядом человек с крайне ограниченной сферой головной работы, в каковой сфере эта работа производится с необычайной силой и продуктивностью. Сплошь и рядом гениальный человек — это человек до крайности узкий, шовинист до мозга костей, не понимающий, не приемлющий, не способный взять в толк самые простые и общедоступные вещи. Таков был хотя бы общепризнанный гений Лев Толстой, который, по удачному (пусть неточному) выражению Мережковского, был просто «недостаточно умен для своего гения». Таков, несомненно, и Ленин, психике которого недоступны многие элементарные истины — даже в области общественного движения. Отсюда проистекал бесконечный ряд элементарнейших ошибок Ленина как в эпоху его агитации и демагогии, так и в период его диктатуры. Но зато в известной сфере идей — немногих, «навязчивых идей» — Ленин проявлял такую изумительную силу, такой сверхчеловеческий натиск, что его колоссальное влияние в среде социалистов и революционеров уже достаточно обеспечивается самими свойствами его натуры.

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 21

Плеханов по сравнению с ним куда более блистал своей даровитостью, куда был шире по образованию, куда был более значителен по уму, способному творчески преодолевать самые сложные вопросы теории. И не только Плеханов, этот основоположник русского марксизма, но и Мартов имел все основания с успехом оспаривать у Ленина его влияние на слагающуюся партию. И, пожалуй, Мартов еще больше, чем Плеханов. Ибо по направлению своих способностей, сосредоточенных на злободневных задачах политики, на нуждах движения, он был более доступен и близок людям, чем теоретичный Плеханов. Бесподобный публицист и многоопытный практик, с 18-летнего возраста окунувшийся в самую гущу борьбы, он чрезвычайно ценился Лениным, и я помню отзыв

Ленина в особенности в 1901 г., когда этот не склонный к чувствительности человек говорил о Мартове с нескрываемым чувством почти восхищения. В партийно же организованной среде трудно было найти другого, более популярного деятеля. К тому же, если Ленин нередко тяготился слишком долгими разговорами даже со своими ближайшими товарищами и искал уединения, то Мартов был положительно неутомим в своем общении с людьми, всегда готовый расточительной рукой сыпать блески своей вдумчивой и впечатлительной мысли. Он был точно рожден стать средоточием партии, ее воистину излюбленным представителем. И однако, ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал, господства над ними. Плеханова почитали, Мартова любили, но только за Лениным беспрекословно шли как за единственным бесспорным вождем. Ибо только Ленин представлял собою, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатическую веру в движение, в дело с неменьшей верой в себя. Если когда французский король Людовик XIV мог говорить: государство — это я, то Ленин без излишних слов неизменно чувствовал, что партия — это он, что он концентрированная в одном человеке воля движения. И соответственно этому действовал.

А. Н. Потресов. С. 283284

Это был отличный революционер и государственный деловик, но исторический провидец это был просто никакой. Его «малый политический разум» был блестящ; его «большой политический разум» был перманентным банкротом.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

Не могу окончить эту главу воспоминаний, не дав дополнительных, более подробных сведений о двух особых психологических состояниях Ленина, столь бросившихся мне в глаза во время прогулок с ним, когда он писал «Шаги» («Шаг вперед, два шага назад», книга написана Лениным в 1904 г. — *Е. Г.*). Это состояние ража, бешенства, неистовства, крайнего нервного напряжения и следующее за ним состояние изнеможения, упадка сил,

явного увядания и депрессии. Все, что позднее, после смерти Ленина, удалось узнать и собрать о нем, с полной неоспоримостью показывает, что именно эти перемежающиеся состояния были характерными чертами его психологической структуры.

Н. Валентинов [1]. С. 43

Еще до 1917 года ленинские вспышки гнева были настоящей «притчей во языцех» среди членов партии, а незадолго до смерти они стали столь острыми, что окружающие всерьез задумывались о его душевном равновесии и даже психическом здоровье.

Р. Сервис. С. 19

Подобного рода раж, но еще с большим неистовством, он вносил и в свою общественную, революционную и интеллектуальную деятельность. В 1916 г. он писал Инессе Арманд:

«Вот она судьба моя! Одна боевая кампания за другой. И это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, я все же не променял бы сей судьбы на мир с пошляками».

Н. Валентинов [1]. С. 45

Воля же Ленина поистине была из ряда вон выходящей психоэнергетической величиной.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

Шепотом при чтении иногда говорил, что думал в связи с чтением.

Н. К. Крупская. С. 370

Поразила меня только его манера, что-нибудь читая, как будто всовывать голову в вороха бумаг, точно нюхая поверхность бумажного моря, и одновременно прямо-таки рассыпать искры из блестящих глаз по бумаге: он точно парил низко над этим материалом, сразу видя все его концы и готовый сразу ястребом низвергнуться в замеченную точку.

Н. Осинский. С. 269

Обращаю на это внимание по следующим соображениям. Насколько я знаю, Ленин с самого утра принимался за писание и писал до завтрака (по-русски до обеда). После него он снова садился писать до 4 часов, когда выходил гулять. Однако на прогулках, хотя он выходил для отдыха, работа над книгой (переход от «шепота» к «говорению»), в сущности, продолжалась, трата умственной энергии не прекращалась. Возвратясь домой, он иногда до позднего часа продолжал писать.

Н. Валентинов [1]. С. 42

Когда очень волновался, брал словарь (например, Макарова) и мог часами его читать.

Н. К. Крупская. С. 372

Боевая кампания! Лучше и не скажешь. Боевая кампания против народников, кампания за организацию партии, установление в ней централизма, железной дисциплины, кампания за бойкот Государственной думы, за вооруженное восстание, кампания против «ликвидаторов» — меньшевиков, кампания за идеологическое истребление всех, не разделяющих воззрения диалектического материализма, кампания за поражение России в войну 1914-1917 гг., кампания за свержение Временного правительства, за захват власти, чтобы «или погибнуть, или на всех парах устремиться вперед». Жизнь Ленина действительно прошла в виде кампаний, войны, для которой мобилизовались все его интеллектуальные и физические силы.

Что происходило с Лениным во всех этих «кампаниях», могу ясно себе представить по его состоянию во время работы над «Шагом вперед». Чтобы осуществить свою мысль, свое желание, намеченную им цель очередной кампании, заставить членов его партии безоговорочно ей подчиниться, Ленин, как заведенный мотор, развивал невероятную энергию. Он делал это с непоколебимой верой, что только он имеет право на «дирижерскую палочку». В своих атаках, Ленин сам в том признавался, он делался «бешеным». Охватившая его в данный момент мысль, идея, властно, остро заполняла весь его мозг, делала его одержимым. Остальные секторы психической жизни, другие интересы и желания в это время как бы свертывались и исчезали. В полосу одержимости перед глазами Ленина — только одна

идея, ничего иного, одна в темноте ярко светящаяся точка, а перед нею запертая дверь, и в нее он ожесточенно, исступленно колотит, чтобы открыть или сломать. В его боевых кампаниях врагом мог быть вождь народников Михайловский, меньшевик Аксельрод, партийный товарищ Богданов, давно умерший, никакого отношения к политике не имеющий цюрихский философ Р. Авенариус. Он бешено их всех ненавидит, хочет им «дать в морду», налепить «бубновый туз», оскорбить, затоптать, оплевать. С таким ражем он сделал и Октябрьскую революцию, а чтобы склонить к захвату власти колеблющуюся партию, не стеснялся называть ее руководящие верхи трусами, изменниками и идиотами.

Н. Валентинов [1]. С. 4546

И еще менее способен был Ленин признавать рядом с его собственной организацией какую бы то ни было другую. В пределах социал-демократии или за ее пределами, в рядах всего общественного движения, направленного против режима самодержавия, Ленин знал лишь две категории людей и явлений: свои и чужие. Свои, так или иначе входящие в сферу влияния его организации, и чужие, в эту сферу не входящие, и, стало быть, уже в силу этого одного трактуемые им как враги. Между этими полярными противоположностями, между товарищем-другом и инакомыслящим врагом для Ленина не существовало всей промежуточной гаммы общественных и индивидуально человеческих взаимоотношений, и поэтому политический тезис о возможных совместных действиях с другими партиями и группами в борьбе против общего врага, хотя им поневоле и не отрицался тогда теоретически, но практически оставался пустой фиктивной формулой, которую он не был бы в силах даже и при желании наполнить реальным содержанием...

А. Н. Потресов. С. 282

В этой необыкновенной целостности натуры заключался и в значительной доле секрет умения Ленина импонировать своим сторонникам. Его ничем не преборимый, действенный оптимизм, даже в такие моменты, когда все дело казалось погибшим и все готовы были потерять голову, не раз оправдывался просто потому, что Ленина вовремя спасали ошибки врагов. Это бывал просто слепой дар судьбы,

удача, но удача венчает лишь тех, кто умеет держаться до конца даже в явно безнадежном положении. Большинство сдается, не дождавшись этого конца — не хочет даром тратить силы, не хочет явно ненужных и бесполезных жертв. И по-своему они правы и благоразумны; только именно их благоразумие часто и не позволяет случайной удаче их выручить. Вот почему есть некое высшее благоразумие в неблагоразумии человека, готового истощить до конца последнюю каплю сопротивляемости вопреки всему, вопреки стихии, логике, судьбе, року. Такого благоразумного неблагоразумия природа отпустила Ленину необыкновенно много — быть может, чересчур много. Зато для окружающих, для друзей, для приверженцев, для массы — факт, что Ленин не раз выводил партию из самых отчаянных ситуаций, превращался в какое-то чудо и, разумеется, приписывался его гениальной прозорливости, то есть как раз тому качеству, которого у него в большом, историческом масштабе совершенно не было.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становился ясновидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их, как на ладони. Недаром говорится в наших партийных кругах, «Ильич умеет плавать в волнах революции, как рыба в воде».

И. В. Сталин. О Ленине // Правда. 1924. № 34

Опыты 1908-1914 годов, да и позднейшие, вполне подтвердили его убеждение. Метод «мордобития» и «шельмования» он применил ко всем против него бунтующим: к группе Капри у М. Горького, к группе школы в Болонье, к группе «Вперед» в Париже и т. д., и все эти большевистские группы с «уклонами» под его ударами в конце концов разваливались, и их участники, за исключением очень немногих (непокоренным из видных большевиков оказался лишь Богданов) возвращались в «отчий дом», где Ленин радушно принимал покаявшихся, предавая полному забвению их бунт, и, точно ничего не произошло, восстанавливал с ними нормальные личные отношения.

Н. Валентинов [1]. С. 45

Его волевой темперамент был как стальная пружина, которая тем сильнее «отдает», чем сильнее на нее нажимают.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

Бледнел, когда волновался.

Н. К. Крупская. С. 372

Ленин был бурный, страстный и пристрастный человек. Его разговоры, речи во время прогулок о Бунде, Акимове, Аксельроде, Мартове, борьбе на съезде, где, по его признанию, он «бешено хлопал дверями», были злой, ругательской, не стесняющейся в выражениях полемикой. Он буквально исходил желчью, говоря о меньшевиках. Моментами он останавливался посередине тротуара и, запустив пальцы под отворот жилетки (даже когда был в пальто), то откидываясь назад, то подсакивая вперед, громил своих врагов, не обращая никакого внимания, что на его жестикуляцию с некоторым удивлением смотрят прохожие.

Н. Валентинов [1]. С. 42

Полемизируя в печати со своими политическими противниками и оппонентами, Ленин часто употреблял ругательные слова, за что не раз получал замечания от издателей и вынужден был их «смягчать, а равно и неприличные выражения». Но, захватив власть, он беззастенчиво выплеснул на страницы печати всю свою «культуру».

Читателю небезынтересно будет познакомиться с лексикой Ульянова-Ленина. Вот краткий перечень любимых определений, составленный на основе всего лишь трех томов его собраний сочинений: «балбес», «банда», «болтун», «вор», «говно», «гад», «гадкий», «горлопан», «глупый», «гнилое яйцо», «грязный натурашка», «дурачки», «жулик», «зад», «зверь», «зверек», «идiotы», «иуда», «клеветник», «кляузник», «лакей буржуазный», «лиса», «лошадиный барышник», «лжец», «мародер», «мерзавец», «мещанская сволочь», «мошенник», «мракобес», «моськи», «негодяй», «навозные кучи», «олух», «осел», «оппортунист», «палач», «пакостник», «паскуда», «паразит», «помойная яма», «поганое стойло», «подонки», «пошлый болтун», «пошляк», «презренные дурачки», «проститутки», «прохвост», «прихвостень», «ренегат», «самодур», «свинья», «собака»,

«сволочь», «спекулянт», «старые бабы», «торгаш», «труп», «трус», «тупица», «тупоум», «ученые дураки», «филистер», «хам», «шалопаи», «шарлатан», «шантажист», «шайка», «шовинист», «штрейкбрехер», «шуты гороховые», «щенок»... Вот каков лексикон литератора...

Собственно, он и не скрывал свои «интеллигентные» привычки. Так, в письме Горькому от марта 1908 года Ленин писал: «Дорогой А. М. ...газету я забрасываю из-за своего философского запоя: сегодня прочту одного эмпириокритика и *ругаюсь площадными словами*, завтра другого и *ругаюсь матерными...*» (Выделено мной. — А. А.).

А. А. Арутюнов. С. 533

Обычное, преобладающее настроение — напряженная сосредоточенность.

Н. К. Крупская. С. 372

С подобным проявлением страсти ведущееся «говорение» — и не один день, а в течение многих дней, — несомненно, должно было изнашивать его, утомлять, отымать у него часть запаса энергии, а она после приступа ража была у него в отлив, подсекалась колебанием и сомнениями.

Н. Валентинов [1]. С. 42

Эта практика выковала в нем изумительное хладнокровие, способность в самых опасных положениях не теряться, сохранять присутствие духа и надежду как-нибудь «вывернуться». Счастливая целостность его натуры и сильный жизненный инстинкт облегчали ему здесь его внутреннее «credo, quia absur-dum» (верю — ибо абсурдно) и делали из него какого-то духовного «Ваньку-встаньку».

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

Грандиозные затраты энергии, требуемые каждой затеваемой Лениным кампанией, вызывая самопогоняние и беспощадное погоняние, подхлестывание других, его изнуряли, опустошали. За известным пределом иступленного напряжения его волевой мотор отказывался работать. Топлива в организме для него уже не хватало. После взлета или целого ряда взлетов ража начиналось падение энергии, наступала психическая реакция, атония, упадок сил,

сбивающая с ног усталость. Ленин переставал есть и спать. Мучили головные боли. Лицо делалось буро-желтым, даже чернело, маленькие острые монгольские глаза потухали. Я видел его в таком состоянии. Он был неузнаваем. Спасаясь от тяжелой депрессии, Ленин убегал отдыхать в какое-нибудь тихое, безлюдное место, чтобы выбросить из мозга, хотя бы на время, вошедшую в него, как заноза, мысль; ни о чем не думать, главное — никого не видеть, ни с кем не разговаривать. Так, после окончания «Шага вперед», Ленин с Крупской на несколько недель ушли бродить в горы. «Мы выбирали, — вспоминала Крупская, — самые дикие тропинки, забирались в самую глушь, подальше от людей».

Н. Валентинов [1]. С. 46

Безлюдье и безделье для меня лучше всего...

Ленин (в передаче М. И. Ульяновой) // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 244

С подобным же состоянием Ленина мы знакомимся в июне 1907 г. Раж, с которым Ленин поносил либералов, ка-де, призывал к вооруженному восстанию, боролся с меньшевиками, столь истощил его силы, что после лондонского съезда партии он возвратился в Куоккала, в Финляндию, полутрупом. Крупская немедленно увезла его подальше от людей, в глубь Финляндии, в тишайшее местечко Стирсудден на дачу Книповича. Он точно потерял способность ходить, всякое желание говорить, почти весь день проводил с закрытыми глазами. Он все время засыпал. Доберется до леса, «сядет под ель и через минуту уже спит». Дети с соседней дачи называли его «дрыхалкой». Крайне характерно то, что, начав оживать, Ленин писал матери из Стирсуддена: «Здесь отдых чудесный... безлюдие, безделье»... Это Ленин без боевых доспехов. В состоянии полной потери сил он был и в Париже в 1909 г. после очередной партийной склоки и изнурительной кампании против Богданова, эмпириокритиков, «впередовцев» и т. д. Он убежал в деревушку Вон Вон в департаменте Сэн и Марн, никого не желая видеть, слышать, и только после трех недель «жизни на травке» превозмог охватившую его депрессию. Опустошенным возвратился он и с циммервальдовской конференции в 1915 г., где неистово сражался за превращение

империалистической войны в войну гражданскую. Он искал отдыха в укромном местечке Соренберг, недалеко от Берна, у подножия горы Ротхорн. По приезде забирается на гору и здесь «вдруг ложится на землю», вернее, точно подкошенный, падает «очень неудобно чуть не на снег, засыпает и спит как убитый». Крупская, уже достаточно привыкшая к чередованию у Ленина высочайших взлетов и тяжелого духовного и физического изнеможения, меланхолично писала: «Циммервальдовская конференция, видно, здорово ему нервы потрепала, отняла порядочно сил». В июле 1921 г. Ленин писал Горькому: «Я устал так, что уже ничегошеньки не могу». Стоило бы показать — как с октября 1917 г. то взлетал, то исчезал ленинский «раж», чтобы, в конце концов, превратить этого бурного человека в паралитика, потерявшего способность речи, с омертвелой рукой и ногой.

Н. Валентинов [1]. С. 4647

После всех неудач, ударов судьбы, поражений, даже стыда и позора, он умел духовно выпрямиться и «начинать сначала».

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

Таков был Ленин. Состояние его психики никак не может быть «графически» представлено более или менее плавной линией. Линия, перпендикулярно вздымающаяся вверх, линия, перпендикулярно свергающаяся до самого крайнего предела вниз, — вот его психический график. Думается, что люди с таким устройством, с такими прыжками мозговой системы должны, как Ленин, умирать от кровоизлияния в мозг...

Н. Валентинов [1]. С. 47

В расколах, во фракционной борьбе протекала вся жизнь Ленина. В ней и развилась его несравненная мускулатура гладиатора, профессионала-борца, ежедневно практикующегося, ежедневно изобретающего новые трюки и уловки, чтобы положить противника на обе лопатки.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

Ленин — воплощение порядка, аккуратности, изумительного прилежания и усидчивости в работе. У него нет ничего от бестолкового образа жизни прежней российской интеллигенции и ничего от богемы. Ему, как будто, чужды всякие эксцессы. Его нельзя вообразить выпивающим лишнюю кружку пива или вина. Его нельзя себе представить пьяным. Вид одного пьяного товарища (Шулятикова) в Париже вызвал у него содрогание и отвращение. Из эмигрантских собраний, где пахло начинающейся дракой, Ленин стремглав убежал. В Париже в 1911 году в кафе на авеню д'Орлеан между двумя фракциями большевиков — группой «Вперед» и той, что стояла за Ленина, была готова разразиться драка. Опытный по этой части хозяин кафе потушил электричество, оставив в темноте антагонистов. Ленин выскочил из кафе и, как передает Крупская, «долго после этого, чуть не всю ночь, бродил Ильич по улицам Парижа, а вернувшись домой, не мог заснуть до утра».

Н. Валентинов [1]. С. 2930

Личная его храбрость всегда оставалась под большим сомнением.

А. И. Куприн // Общее дело. Париж, 1920. № 87

Очевидно, на почве чрезмерной трусости Ленин много уделял внимания конспирации своей личности. Исследователи насчитали у него около 150 псевдонимов: Базиль, Большевик, Дядя, Иванов, Ивановский, Ильин, Карич, Карпов, Константинов, Куприянов, Ленин, Ленивцын, Мейер, Мирянин, Наблюдатель, Осипов, Петров, Пирючев, Посторонний, Постоянный, Правдист, Рихтер, Силин, Старик, Статистик, Тулин, Фрей, Читатель... Но один из них, Ленин, прочно вошел в его биографию. Любопытна история с этим псевдонимом. Исторiku М. Г. Штейну удалось найти концы этой криминальной истории. Оказывается, дочь коллежского секретаря потомственного дворянина Николая Егоровича Ленина, Ольга Николаевна, выполняя просьбу подруги — Н. К. Крупской, уговорила своего брата Сергея взять паспорт у тяжело больного отца и передать его Владимиру Ульянову. Что и было сделано. С этим паспортом Владимир Ильич 16 июля 1900 года уезжает за границу. С этой фальшивой фамилией Владимир Ульянов в октябре 1917 года вступает на российский

престол. С ней он ушел из жизни. Фальшивым именем назван и Мавзолей.

А. А. Арутюнов. С. 531532

Восприняв марксистскую доктрину с ее безличным методом, мы все-таки искали в вожде человека, в котором были бы соединены темперамент Бакунина, удаль Стеньки Разина и мятежность горьковского Буревестника. Такой живой фигуры не было перед нами, но мы хотели олицетворить ее в лице Ленина. И когда я увидела его впервые в 1906 году на одном из загородных митингов в Петербурге, я была страшно не удовлетворена. Меня удивила не его наружность... — а то, что, когда раздался крик: «Казачи!» — он первый бросился бежать. Я смотрела ему вслед. Он перепрыгнул через барьер, котелок упал у него с головы... С падением этого нелепого котелка в моем воображении упал сам Ленин. Почему? Не знаю!.. Его бегство с упавшим котелком как-то не вяжется с Буревестником и Стенькой Разиным. Остальные участники митинга не последовали примеру Ленина. Оставаясь на местах, они, как было принято в подобных случаях, вступили в переговоры с казаками. Бежал один Ленин...

Т. И. Алексинская // Родная земля. Париж, 1926. № 1. 1 апр. С. 6

В народе говорят, что жестокими и злыми людьми, как правило, бывают трусы. Если судить по характеристике Т. И. Алексинской, то Ленин действительно был архитрусливым человеком. И в самом деле. Взять хотя бы такой пример: он ни разу не сделал попытки бежать из ссылки, как это делали, скажем, такие ссыльные, как В. Акимов, М. Владимиров, Н. Алексеев, Ф. Дан (дважды), И. Дубровинский, Ф. Ильин, В. Курнатовский, И. Полонин, И. Присягин, С. Райчин, И. Сталин, М. Сычев, И. Смидович и многие другие.

А. А. Арутюнов. С. 531

Хотя Ленин давал самые детальные советы и даже директивы, как драться с царской полицией, бить шпионов, поджигать полицейские участки (см. его письмо от 29 октября 1905 года в Боевой Комитет при Петербургском Комитете), никак нельзя себе представить, что лично он может все это проделывать. Этого величайшего революционера

нельзя себе представить идущим во главе демонстрантов на бой с полицией или стоящим в первых рядах на баррикаде.

Н. Валентинов [1]. С. 30

Зряшного риска — ради риска — нет. В воду бросался первый. Ни пугливости, ни боязливости.

Н. К. Крупская. С. 372

М. В. Фофанова однажды рассказала про один курьезный случай, связанный с Лениным. Днем второго дня после переезда Ленина к ней на квартиру раздался тихий стук в дверь. Стук не был условным. Владимир Ильич весь побледнел и, не дав ей подойти к двери, побежал в комнату, чтобы попытаться по водосточной трубе или другим способом опуститься во двор. Маргарита Васильевна вовремя его остановила. Оказалось, что соседский мальчик, играя со сверстниками, случайно задел палкой в дверь.

А. А. Арутюнов. С. 531

...Однажды, перед отъездом в Париж, Владимир Ильич пригласил меня в ресторан. Мы заказали какое-то вино. Лицо у Ленина было мрачнее тучи. Он начал говорить об неудавшейся российской революции и вдруг взорвался:

— Рабочий класс у нас еще гнилой, говно. Дальше своего носа ничего не видит.

— Всею свое время, — пожал я плечами, не имея особого желания сейчас о чем-либо спорить.

— А впрочем, — продолжал Ленин, кажется, не услышав моих слов, — оно и не нужно, чтобы он пытался смотреть далеко. На данном этапе. Иначе получится то, что получилось с нашей партией.

Очевидно, Владимир Ильич болезненно переживал бесконечные споры, разборки среди большевиков, причиной которых он нередко сам являлся.

Несколько бокалов вина возбудили Ленина, и он стал говорить непозволительно громко, размахивая руками.

Вдруг откуда-то появился полицейский и потребовал наши документы. Ленин весь как-то съежился, побелел и полез в карман. Я проделал то же.

Полицейский внимательно рассмотрел наши документы и вернул обратно.

— Прошу не кричать, — сказал он на прощанье и на несколько секунд задержал свой пристальный, колющий взгляд на лице Ленина.

Когда полицейский наконец ретировался, Владимир Ильич зашелся приглушенным смехом.

— Не так-то просто голыми руками этим блядам взять большевиков, а, батенька?!

На его лице уже не было и тени страха. Он опять потянулся за уже почти пустой бутылкой...

А. Парвус (Гельфанд).

Цит. по: *Орса-Койдановская Б. С. 233234*

Может быть, он дорожил собою, как движущей силой, как самой тонкой частью революционной динамо-машины?

А. И. Куприн // Общее дело. Париж, 1920. № 87

Этой в высшей степени заботой охранить в своем лице от какого-либо риска «неприкосновенность руководства», нужно думать, объясняется, например, и то происшествие с Лениным в январе 1919 года, в котором он, по мнению многих, обнаружил «поразительную трусость». Ленин со своей сестрой Марией Ильиничной выехал вечером 19 января [1919] на автомобиле из Кремля, чтобы навестить в Сокольниках Крупскую, которая после болезни отдыхала там, в доме лесной школы, и принять там участие в детском празднике «Новогодней елки». В пути на них — это было тогда в Москве почти обычным, бытовым явлением — напали бандиты. Ленина сопровождал телохранитель в лице чекиста Чебанова. Но сей муж так растерялся, что не оказал бандитам ни малейшего сопротивления. Никакого мужества не проявил и Ленин, хотя в кармане его пальто под рукой находился заряженный револьвер. Рисковать собою Ленин не пожелал. Он беспрекословно вышел из автомобиля, дал себя обыскать, ни слова не говоря, отдал бандитам паспорт, деньги, револьвер и в придачу автомобиль, на котором бандиты укатили.

Н. Валентинов [1]. С. 30

Поехали мы, помнится, около шести часов вечера. По случаю праздничного дня на улицах было довольно много народу. Много гуляющих было и на Сокольническом шоссе, по которому мы направлялись в Сокольники. На одном из поворотов вдали вдруг раздался свист, на который Владимир Ильич обратил внимание. Мы продолжали, однако, путь, не придав этому особого значения. Но когда мы были почти у железнодорожного моста, раздался вдруг крик: «Стой!» Кричали несколько человек, которые стояли у самой дороги. Думая, что мы имеем дело с милиционерами, которые хотят проверить наши документы, и опасаясь, что, если не остановить сразу машину, можно подвергнуться обстрелу со стороны милиции, мы попросили шофера остановиться. Машина остановилась. Но каково же было наше изумление, когда остановившие наш автомобиль люди (помнится, их было трое) моментально высадили нас всех из автомобиля и, не удовлетворившись пропуском, который показал им Владимир Ильич, стали обыскивать его карманы, приставив к его вискам дула револьверов, забрали браунинг и кремлевский пропуск.

— Моя фамилия Ленин, — сказал им Владимир Ильич. Но они не обратили на это внимания. Не понимая, что происходит и с кем мы имеем дело — формы у милиции тогда еще не было, — я бросилась к одному из остановивших нас, который продолжал держать дуло револьвера у виска Владимира Ильича. Это был высокий блондин в короткой теплой куртке, с серой меховой папахой на голове, с очень спокойным и невозмутимым лицом.

— Что вы делаете, — сказала я ему, — ведь это же товарищ Ленин! Вы-то кто? Покажите ваши мандаты.

— Уголовным никаких мандатов не надо, — спокойно ответил он мне с усмешкой.

М. И. Ульянова. С. 248249

Гиль, остававшийся за рулем, не посмел стрелять, чтобы в перестрелке не убили Ленина. Налетчики приказали Гиллю тоже выйти из автомобиля. Он повиновался. Бандиты уселись в машину и укатили.

— «Да, ловко, — произнес Владимир Ильич, — вооруженные люди и отдали машину. Вот позор! — вспоминает Гиль. — Я понял, что Ильич метит в мой огород, и стал объяснять, что в ответ на мой выстрел бандиты открыли бы огонь... Владимир Ильич, подумав с

минуту, ответил: — Да, товарищ Гиль, вы правы. Тут силой мы ничего не сделали бы. Очевидно, мы уцелели только благодаря тому, что не сопротивлялись».

Л. Фишер. С. 475

Бандиты вскочили в автомобиль, направили на нас револьверы (особенно энергично действовал один из них, черный, с довольно-таки разбойничьей физиономией) и пустились во весь опор по направлению к Сокольникам.

М. И. Ульянова. С. 249

Они смутились, узнав, что напали на Ильича. Высадили из машины Ильича и Марию Ильиничну, а также шофера тов. Гиля и сопровождавшего Ильича товарища из охраны, руки которого были заняты кувшином с молоком, и угнали автомобиль.

Н. К. Крупская. С. 324

Надо отдать им справедливость, что вся эта операция была проделана так артистически ловко и необыкновенно быстро, что даже не обратила на себя внимания прохожих. Думаю, что бандиты поняли, что перед ними Ленин, потому что на лице одного из них было заметно какое-то замешательство, когда он посмотрел пропуск Владимира Ильича. Они почувствовали, вероятно, что попали в серьезную историю и что вся Москва (как и произошло на самом деле) будет поставлена на ноги для их поимки. Но рассуждать было уже поздно, и они, повторяю, во весь опор пустились наутек. А мы остались на дороге, не сразу придя в себя от неожиданности и от быстроты, с которой вся эта история произошла, а потом громко расхохотались, увидав, что товарищ Чебанов стоит с бидоном молока (мы везли молоко Надежде Константиновне). Несмотря на трагичность положения, он не забыл вынуть этот бидон и теперь держал его в руке, как большую драгоценность. Посыпались рассказы, как все произошло, у кого отобрали револьвер (у меня он остался в кармане, так как на меня вообще бандиты не обратили внимания, шофер Гиль спрятал свой револьвер под подушку сиденья). Товарищ Гиль заявил, что он не решился стрелять, так как это привело бы лишь к выстрелам со стороны бандитов, и в этом он был, конечно, прав. Не мог стрелять

и товарищ Чебанов, видя, что на Владимира Ильича наведены револьверы.

М. И. Ульянова. С. 249

Товарищи Ленина, из его же рассказов видевшие, что он имел полную возможность стрелять и одним выстрелом разогнать нападающих, удивлялись, почему же он не стрелял? Ленину эти вопросы и удивления так надоели, что в одну из своих статей он вставил следующий пассаж...

Н. Валентинов [1]. С. 30

Представьте себе, что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даете им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами. Компромисс налицо, несомненно. «Do ut des» («даю» тебе деньги, оружие, автомобиль, «чтобы ты дал» мне возможность уйти подобру-поздорову). Но трудно найти не сошедшего с ума человека, который объявил бы подобный компромисс «принципиально недопустимым» или объявил лицо, заключившее такой компромисс, соучастником бандитов (хотя бандиты, сев на автомобиль, могли использовать его и оружие для новых разбоев). Наш компромисс с бандитами германского империализма был подобен такому компромиссу.

Ленин. Детская болезнь левизны в коммунизме // ПСС. Т. 41. С. 19

Путники отправились в Сокольнический совет, здание которого стояло тут же рядом, позвонить в Кремль. Часовой не пустил их, потребовав пропуск. Ленин назвал себя и объяснил, что пропуска у него нет, потому что его ограбили. Часовой продолжал сомневаться. Наконец, Гиль показал свои документы, и по ним всю компанию пропустили в здание. В Совете никого не было. В коммутаторной разбудили сонного телефониста. Позвонили в Кремль, ВЧК. За нами прислали машину. Ленин приказал разыскать украденный автомобиль. Дороги из города были завалены снегом, а в Москве большую машину негде было скрыть. В ЧК и уголовном розыске все было поставлено на ноги, и в ту же ночь машина была найдена. Возле машины лежали убитые милиционер и красноармеец. Налетчики скрылись, но в эту ночь было схвачено много преступников.

...В ВЧК и уголовном розыске происшествие это вызвало переполох, все было поставлено на ноги... Как выяснилось потом, в Москве были в этот вечер убиты бандитами 22 постовых милиционера. Бандиты, совершившие налет на автомобиль Владимира Ильича, были арестованы (часть из них была расстреляна при вооруженном сопротивлении) лишь через довольно продолжительное время. Это оказались матерые бандиты, мастера своего дела, имевшие за собой «богатое» прошлое по части грабежей и убийств. Кто-то из них рассказывал потом на допросе, что они якобы не поняли сначала «спяна», что имеют дело с Лениным (им показалось, что была произнесена фамилия Левин) и что когда они рассмотрели хорошенько его документ, то повернули обратно, чтобы его убить. «Что мы сделали, — говорил якобы один из главарей этой шайки, Яков Кошельков, — ведь это ехал Ленин; если мы догоним и убьем его, то на нас не подумают, а подумают на контрреволюционеров, и может быть переворот».

Но едва ли они решились бы ехать обратно на поиски Ленина. Задачей их было в первую голову замести следы, а затем использовать автомобиль для налетов, что бандиты нередко тогда практиковали.

М. И. Ульянова. С. 250

25 января 1919 года, газеты опубликовали предписание Ленина: «Заместителю председателя ВЧК товарищу Петерсу. Ввиду того, что налеты бандитов в Москве все более учащаются и каждый день бандиты отбивают по несколько автомобилей, производят грабежи и убивают милиционеров, предписывается ВЧК принять самые срочные и беспощадные меры по борьбе с бандитами».

М. Кубеев. Налетчики. М.: Детектив-пресс, 2000. С. 6

На следствии выяснилось, что эта шайка совершила огромное количество грабежей и убийств. Наглость их доходила до того, что с документами агентов МЧК они произвели однажды «обыск» на Афинерном заводе. «Обыск» этот происходил в присутствии большого количества рабочих; бандиты вызвали даже представителей заводского комитета для присутствия на нем, а в результате забрали около 3

фунтов золота в слитках, около 3 1/2 фунта платиновой проволоки и 25 000 рублей и скрылись. На этом же следствии выяснилось, что главарь этой шайки Яков Кошельков писал своей невесте (сохраняем орфографию письма): «За мной охотятся, как за зверем, не какого не пощадят. Что же они хотят от меня? Я дал жизнь Ленину». И как ни ловок он был, но чувствовал, что от ареста ему не уйти, и убивал последнее время на улице каждого встречного, если ему казалось только, что тот подозрительно на него смотрит.

М. И. Ульянова. С. 250251

Настоящая фамилия Кошелькова была Кузнецов, прозвище Янька или Кошелек, родом из Сибири, выходец из семьи каторжника Кузнецова, осужденного в вечную ссылку за разбойные нападения.

М. Кубеев. С. 6

Через полгода, в июне 1919 года, Кошельков попал в чекистскую засаду и был смертельно ранен. У погибшего нашли ленинский «браунинг» и вернули владельцу. Удостоверение же Председателя Совнаркома так и не нашли. Возможно, Кошельков его за ненужностью выбросил.

Б. В. Соколов. С. 235

Прошел год. И вот что рассказывает Н. А. Угланов: «Это было в Ленинграде в 1920 г. в июле месяце, во время открытия 2-го конгресса Коминтерна. Я был назначен руководить всей внутренней и наружной охраной конгресса, в помощь ЧК было выделено 300 человек отборных рабочих. Владимир Ильич не приехал вместе с конгрессом, мы его ждали. Пришел почтовый поезд из Москвы, мы бросились к вагонам искать В. И., а он выскочил из заднего вагона, на ходу натягивая на себя пальто. Пальто его обращало действительно на себя внимание. Старое, изношенное, разорванное около воротника и вдобавок ватное, а ведь дело-то было в июле, стояла жара. Быстро усадив В. И. и приехавшую с ним Марию Ильиничну в закрытую машину, мы на нескольких машинах приехали незамеченными в Таврический дворец. Делегатов конгресса там еще не было. Они были в Смольном. Владимир Ильич сказал: «Едемте в Смольный». Выходя из подъезда Таврического, В. И. быстро снял с головы черную кепку и

одновременно вытащил из кармана — надел белую. Все это он проделал в один момент. Мало кто заметил. Тут я подумал, вот конспиратор»...

Возникает вопрос: от кого же мог «конспирироваться» глава правительства? Через три года после победы Октябрьской революции, в ее колыбели — рабочем Питере? Автор даже не пытается анализировать этот нелепый факт.

«Приехав к Троицкому мосту, мы пешком двинулись на Марсово поле к братским могилам... По обеим сторонам пути стояли шпалерами в почетном карауле моряки. Мы шли между шпалерами. В. И., натянув кепку на глаза, шел согнувшись, его сначала не узнали. У входа в братские могилы нас остановил часовой матрос и потребовал пропуска. С конгресса мы двинулись на площадь у Зимнего Дворца. Площадь была запружена народом, сотня тысяч народа гудела. Тов. Зиновьев начал уговаривать В. И. сказать с полчасика речь. Владимир Ильич ответил: нет, батенька мой, и так минут на 25 поезд задержим. Вот если хотите 3 минуты — скажу. Обращаясь ко мне, Владимир Ильич сказал: «Давайте машину, т. Угланов». Я побежал за машиной, а В. И. начал говорить речь... Не успел я завернуть машину, смотрю бежит питерский рабочий Яков Шохов и кричит: «Давай скорей машину, Владимир Ильич уже кончил говорить». А дальше — смотрю: на рельсах трамвая стоит В. И., машет мне кепкой и кричит: «Давай сюда, т. Угланов». Никого около него не было из товарищей, с трибуны он убежал тихонько, никто и не заметил... На вокзале никого не было, только поджидали железнодорожники...»

Е. Данилов. С. 23

Рабочий день Ленина был долог и полон напряженного труда. Его кабинет на третьем этаже был обставлен просто, в соответствии со вкусом обитателя. Вся обстановка, оставшаяся от царского времени, была функциональна, за исключением старых стенных часов, которые отставали на 1 минуту, а иногда и на 15, в сутки. Постоянные починки не помогали, но Ленин не хотел заменить часы другими: «Другие будут такими же», — говорил он. В конце концов они все-таки были заменены.

Л. Фишер. С. 679

Он принял меня в маленькой комнате в том же этаже, где был кабинет Троцкого. Комната была грязноватая и лишенная всякой мебели, если не считать письменного стола и нескольких простых стульев.

Брюс Р. Г. Локкарт. С. 218

Фотиева пишет, что, хотя двери и окна в кабинете были без драпировок, Ленин «никогда не позволял спускать штор, как будто ему тесно и душно было в отделенной от внешнего мира спущенными шторами комнате». «Температура в кабинете не должна была превышать 14°. Температуру выше хотя бы на один градус Владимир Ильич переносил плохо...»

Л. Фишер. С. 679

Температура в его комнате поддерживалась в 12° R (15 градусов по Цельсию. — *Е. Г.*) — более высокой температуры Владимир Ильич не любил.

В. П. Осипов. С. 298

Особенно мучительно для его коллег было то, что курить в его присутствии воспрещалось, а русские, особенно в моменты напряжения, редко обходятся без папиросы. Поэтому курильщики уходили в залу и слушали выступления оттуда. «В этих случаях Ленин ворчал и требовал возвращения курильщиков на места».

Л. Фишер. С. 676

После ранения Владимира Ильича в 1918 году врачи запретили ему работать в накуренной комнате, поэтому курить в зале заседаний категорически воспрещалось, и ни один из товарищей не позволял себе нарушить этот порядок. Курили за печкой, по очереди, выпуская дым в отдушину. В зале заседаний железной рукой неумоимого председателя поддерживалась строжайшая тишина. Замечая разговаривающих в зале заседания, Владимир Ильич обычно предлагал им обмениваться друг с другом записками, а ни в коем случае не нарушать порядка и тишины. Нарушавших этот порядок он обрывал. Не раз раздавался его сердитый голос в напряженной тишине

зала заседаний: «Нарушителей порядка я буду беспощадно удалять из зала заседаний».

Г. М. Леплевский. О работе В. И. Ленина в Совнаркоме // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 7. С. 59

Когда один раз в его кабинете накурили во время заседания, несмотря на распоряжение «Курить воспрещается», висевшее на печке, он приказал секретарю снять надпись, «чтобы не компрометировать распоряжения».

Л. Фишер. С. 677

— Немецкого в нем было мало, нет, но аккуратность, организованность — чертовская. Чертовская организованность! Но больше он русский был, конечно, безусловно.

В. М. Молотов. Цит. по: Чуев Ф. И. С. 294

В кабинете было несколько шведских книжных шкафов и вертящихся этажерок, уставленных и тонкими русскими брошюрами, и толстыми словарями, и справочниками. Книг, по словам Фотиевой, было около 2000. Ленин предупреждал сотрудников, чтобы они следили за книгами, «так как товарищи не считают за большой грех стащить интересующую их книгу». Самые ценные тома он подписывал: «Экземпляр Ленина». Тут же на этажерках лежали комплекты русских и иностранных газет.

Л. Фишер. С. 681

Ленин был довольно равнодушен ко всякого рода механизмам, но телефон приводил его в восхищение.

Р. Пейн. С. 481

У него на небольшом письменном столе (от большого стола он отказался) стояли три телефона, которыми он часто пользовался.

Л. Фишер. С. 680

Толстой предупреждал: «Берегитесь, вот придет Чингисхан и будет управлять по телефону». Сбылось, но в распоряжении «Чингисхана» был уже не один телефон, а целая батарея.

Ни в кабинете В. И., ни в одной из комнат Совнаркома, куда бы мог зайти В. И., не было его портретов. Он их с негодованием убирал, когда они попадались ему на глаза, и только необходимость, а также энергия фотографов заставляли его сниматься. Страна хотела видеть его, а он почти никуда не выезжал. Не любил он и позировать художникам и скульпторам, но позволил лепить себя Натану Альтману, сделавшему его бюст, и Клэйр Шеридан. На полке над диваном у него стоял портрет Маркса и барельеф Халтурина работы Альтмана.

Л. Фишер. С. 681

При этом он совершенно не выносил своих портретов в газетах. Они его ужасали.

Р. Пейн. С. 486

На столе слева обыкновенно лежали папки с бумагами. На протяжении нескольких лет работы у В. И. я по его указаниям и по своей инициативе пыталась приспособить эти папки наиболее целесообразным для работы В. И. образом, но это мне так и не удалось, — вспоминает Фотиева. — В. И. поручал завести ему папки для бумаг спешных, неспешных, важных, менее важных, просмотренных, несмотренных и т. д. Эти папки заводились, бумаги в них раскладывались в соответствующем порядке, к каждой бумаге прикреплялась записка с кратким изложением сути дела, в начале каждой папки прилагалась краткая опись бумаг, папки раскладывались на столе в самом «убедительном» порядке и... лежали себе спокойно и мирно, а нужные ему бумаги В. И. загребал на середину стола и, уходя, клал на них большие ножницы. Это означало «трогать не смей». Или же складывал все нужные ему бумаги в одну совершенно постороннюю папку и уносил с собой. Эта папка жила живой жизнью, над ней работал В. И. Но, наконец, она разбухла, так как все новые бумаги, которые почему-либо обращали на себя его внимание, он складывал в эту папку, и некоторое время их никто, кроме него, не трогал. Получивши разрешение В. И., я разбирала их и раскладывала по соответствующим папкам.

Л. А. Фотиева. Цит. по: Фишер Л. С. 680

Принято считать, что Ленин обладал холодным, четким и логическим умом. Но на работе с документами это никак не сказывалось. У него постоянно пропадали бумаги. Однажды случилось так. Ему на стол положили отчеты о состоянии дел в сельском хозяйстве. Часом позже они загадочным образом пропали, точно их ветром сдуло. Они были найдены три недели спустя в папке с документами, предназначенными для ЧК.

Р. Пейн. С. 482

Ящики его стола были всегда заперты, за исключением верхнего левого, в котором он складывал все бумаги со своими распоряжениями. Отсюда мы вынимали их по несколько раз в день для немедленного исполнения.

Л. А. Фотиева. Цит. по: Фишер Л. С. 680

Поражало огромное количество ручек и карандашей, усердно отточенных и острых, как пики. Были тут два перекидных календаря, две пары больших ножниц, перламутровый нож для разрезания бумаги, клей в пузырьках с резиновыми пробками, чернильница затейливой работы и пепельница в форме морской раковины. И, кроме того, коллекция разнообразных подарков, которые подносили Ленину. Среди них заслуживает упоминания большая статуэтка чугунного литья, изображающая обезьяну, сидящую на гряде книг, которая сосредоточенно разглядывает человеческий череп. Эта композиция стояла на самом видном месте, преобладая над прочими вещами, и производила жутковатое впечатление.

Р. Пейн. С. 483

А как одевался Владимир Ильич! Боюсь, что у него был всего один костюм. Очень чистый, опрятный, всегда аккуратно выглаженный (Владимир Ильич вообще не терпел никакой неопрятности, распушенности), но уже изрядно поношенный и, что ни говори, всего один. От силы два, не больше...

П. Д. Мальков. Цит. по: В. Е. Мельниченко [1]. С. 17

...Костюм на нем, как правило, поношенный, но чистый.

А. В. Бельмас. С. 127

На свою одежду обращал внимания мало. Думаю, что цвет его галстука был ему безразличен. Да и к галстуку относился как к неудобной необходимости.

Н. К. Крупская. С. 370

Одежду Ленина, как писал в газете *Нью-Йорк Уорлд* от 21 февраля 1920 г. Линкольн Айр, «трудно описать: грязноватый мягкий белый воротничок (даже грязные белые воротнички стали редкостью в России), черный галстук, коричневый костюм, брюки заправлены в валенки — самый теплый вид обуви».

Л. Фишер. С. 604

Одевался Владимир Ильич, так же как и его семья, более чем скромно. При всем своем старании я никак не могу припомнить, видела ли я за время своей работы в СНК на Ленине новый костюм или пальто. Нет человека в нашей стране, который бы не знал фотографии Ленина в зимнем пальто с каракулевым воротником и в каракулевой шапке-ушанке; они были несменяемы. К вещам Ленин относился очень бережно и аккуратно...

Сотрудница аппарата Совнаркома Бричкина.

Цит. по: В. Е. Мельниченко [1]. С. 17

Однажды после ухода бухарской делегации, в тот час, когда В. И. обыкновенно уходил домой обедать, дверь в кабинет из залы заседания оказалась запертой изнутри. Предположив, что ее запер сотрудник ВЧК, охранявший другую дверь, и обеспокоенные тем, что поручения В. И. останутся невыполненными, мы подняли отчаянный стук в дверь. Через несколько минут ее открыл улыбающийся В. И. Он был в национальном бухарском халате, который ему подарили бухарцы и который ему вздумалось примерить.

Л. А. Фотиева. Цит. по: Фишер Л. С. 680

Ленин не переносил жизни скопом, в «коммуне», в доме, «где все окна и двери никогда не запираются, постоянно открыты на улицу, и всякий проходящий считает нужным посмотреть, что вы делаете». Он

был скрытен. Он не любил, чтобы заглядывали, как он живет. Идя на дополнительный расход, он всегда искал отдельной квартиры, в крайнем случае, изолированных комнат, где мог бы быть *chez soi*, в привычной для него обстановке, со всеми нужными ему книгами. Во время первой революции, приехав нелегально в Петербург, он страдальчески чувствовал, что выбит из усвоенного им порядка жизни. Ему приходилось жить у разных лиц, обычно в хороших, комфортабельных квартирах, хозяева которых предоставляли ему все, что нужно, и тщательно избегали какого-либо вмешательства в жизнь их гостя. И все-таки всюду в этих чужих квартирах он чувствовал себя скованным, обузой для других. Этот человек, свергавший буржуазную планету, был очень «стесняющимся», боящимся стеснить других. М. П. Голубева рассказывает: «В 1906 году у меня была штаб-квартира для свиданий Владимира Ильича с членами Центрального и Петербургского Комитета. Владимир Ильич всегда приходил первым, ни разу не опоздал. Зная, что каждый из нас считает за честь предоставить в его распоряжение свою квартиру, зная мое личное хорошее отношение к нему, Владимир Ильич, тем не менее, всякий раз извинялся и говорил: «Вот опять часа на два придется занять вашу квартиру». В местечке Огльбю, близ Гельсингфорса, в конце 1907 года, прежде чем бежать снова в Женеву, Ленину пришлось прожить некоторое время у двух сестер-финок «в изумительно чистенькой и холодной, по-фински уютной, с кружевными занавесками комнате... где за стеною все время шел смех, игра на рояле и болтовня на финском языке», — рассказывает в своих «Воспоминаниях» Крупская. Ленин писал тогда об аграрной программе социал-демократии в революции 1905—1907 годов и по обыкновению ходил по комнате. Не желая беспокоить хозяек стуком шагов, он «часами ходил из угла в угол на цыпочках».

Н. Валентинов [1]. С. 2627

Под разговор писать не мог (не любил), нужна была тишина абсолютная.

Н. К. Крупская. С. 371

Ленин не только был способен «стесняться», но у себя, в семейной обстановке, он мог предаваться и некоторым

сентиментальным реминисценциям. Например, живя в эмиграции, он любил по вечерам подолгу рассматривать альбом с фотографиями всех своих родных. Уехав из Пскова за границу, он из предосторожности (в альбоме была и карточка повешенного брата) не взял его с собой, но очень скоро попросил мать при первой возможности этот альбом ему выслать: «Дорогая мамочка!... Я уже успел соскучиться по карточкам и непременно буду просить Надю привезти мой альбом, а если будут у вас новые карточки, то присылайте» (письмо от 27 января 1901 года).

Н. Валентинов [1]. С. 27

Здесь мне хочется рассказать такой курьезный случай. Однажды Владимир Ильич, зайдя к нам, неожиданно застал у нас за чаем типичнейшую буржуазную даму, в шелках и бриллиантах (одно из эмигрантских «денежных» знакомств). Признаться, мы несколько смутились. Последовало обычное представление друг другу новых знакомых, и, к нашему немалому удивлению, Владимир Ильич галантно расшаркался, присел к столу и за чашкой чая затеял с этой дамой самый непринужденный разговор. К сожалению, тема разговора не запомнилась. А после дама спрашивала нас: «Кто этот милый интересный господин?» Изумлению ее не было границ, когда она узнала, кто это был.

В. А. Карпинский. С. 44

— В общении русский он был человек. Ну и пустых разговоров с ним я не знаю. У него и роль была такая в жизни. Но вместе с тем он простой, душевный человек.

В. М. Молотов. Цит. по: Чуев Ф. И. С. 293

Бросается в глаза его стремление вести свою жизнь по раз навсегда твердо заведенному порядку. В этой области он был консервативен до крайности. Под давлением обстоятельств ему приходилось выбиваться из начертанной колеи, но при первой же возможности он спешил к ней возвратиться. Его идеалом было точное расписание дня — время сна, работы, еды, отдыха, прогулок. Обязанности редактора, политического руководителя принуждали его к постоянным встречам и разговорам со множеством людей. Они для него были и нужны, и интересны, но он и в них хотел внести порядок.

Быть целый день на людях, часами и часами говорить с ними, как это делал его товарищ по редакции Мартов, было вне его сил. Он без насмешки, серьезно, с каким-то ужасом говорил: «Мартов может одновременно писать, курить, есть и не переставать разговаривать хотя бы с десятком людей». В первые годы эмиграции Ленин так уставал от разных деловых и неделовых разговоров, что делался от них совершенно больным и неработоспособным. В Мюнхене, пресекая визиты к себе и разговоры в неположенное время, он отправил Крупскую просить Мартова больше не ходить к нему. «Условились, — сообщает Крупская, — что я буду ходить к Мартову, рассказывать ему о получаемых (для редакции) письмах, договариваться с ним». Суতোлока отягощала Ленина.

Н. Валентинов [1]. С. 26

Меланхолии, апатии не было. Смены настроения всегда вообще имели явную причину и были адекватны.

Н. К. Крупская. С. 372

Когда Владимир Ильич незадолго до своей роковой болезни поехал в Костино, он в один из последующих дней по приезде направился к скотному двору, чтобы осмотреть его. Служащие совхоза «Костино» еще не знали Владимира Ильича, и, так как вход на скотный двор для посторонних был запрещен, сторож не пропустил Ленина. Владимир Ильич спокойно повернул вспять, не сказав ни слова.

М. И. Ульянова. С. 260

Ленин был страстный охотник, но охотился редко. На охоте горячился, несмотря на большую выдержку в больших делах. Так же как великие стратеги бывают обычно плохими шахматистами, люди с гениальным политическим прицелом могут быть посредственными охотниками. Помню, с каким прямо-таки отчаянием, в сознании чего-то навсегда непоправимого Ленин жаловался мне, как он промазал на облаве по лисице в 25 шагах. Я понимал его, и сердце мое наливалось сочувствием.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 484

Как-то мы разместились на опушке большого леса. Егерь начал подманивать. Солнце сильно пригрело, и меня потянуло к дремоте. Внезапно около Владимира Ильича с резким шумом поднялась тетерка. Он громко крикнул: «Тетерев!» Егерь на это сердито передразнил: «Тетерев! Конечно, тетерев. Это же матка. Отчего не стрелял?» Ильич на это также сердито крикнул:

«А сам отчего не стрелял?» Егерь в свою очередь: «Я подманиваю, мне стрелять не полагается. Вы должны были стрелять» — и как-то выругался. Кто-то из охотников дернул его и прошипел: «Не ругайся, это же сам Ленин!» Егерь присел: «Что же ты мне раньше не сказал, что это Ленин, а болтаете — слесарь. Эх, мать честная! Это, выходит, я самого Владимира Ильича обругал! Ей-богу, не знал. Извините, пожалуйста».

Охота оборвалась. А бедный Плешаков долго еще ворчал и бурчал себе под нос: «Вот те раз! Как же это я так... Не знал, сказали — слесарь, а то бы разве я?» — и т. п.

Д. И. Ульянов. С. 185

Привлекательность охоты состоит в том, что она действует на сознание, как оттяжной пластырь на больное место...

Л. Д. Троцкий [4]. С. 145

Когда Ленин оправился от первого удара, он настойчиво боролся за право охоты. В конце концов врачи уступили ему под условием не утомляться. На каком-то, кажется агрономическом, совещании Ленин подсел к Муралову. «Вы с Троцким частенько охотитесь?» — «Бывает». — «Ну и как, удачно?» — «Случается и это». — «Возьмите меня с собой, а?» — «А вам можно?» — спрашивает осторожно Муралов. «Можно, можно, разрешили... так возьмете?» — «Как же вас не взять, Владимир Ильич?» — «Так я звякну, а?» — «Будем ждать». Но Ильич не звякнул. Звякнула вторично болезнь. А потом звякнула смерть.

Л. Д. Троцкий [1]. С. 484

Охотничье ружье В. И. Ленина, с которым он охотился в Московской области с 1918 года... Получено им из складов ВЧК в 1918 году. Двустволка бескурковая. Фирма бельгийская, Defourny Sevirna

Liege. Сделано по заказу варшавской фирмы «Роберт Циглер», № 3559.
В желтом потертом кожаном чехле.

Д. И. Ульянов. С. 172

Ненарушимый, правильный порядок жизни всегда, сказали мы, был стремлением Ленина. Он считал за правило каждый год летом бросать работу и ехать с женой отдыхать в горы, к морю, в деревню. Это правило ведет свое происхождение еще со времен выезда на лето в имение Кокушкино и позднее в Алакаевку. Каждый день между работой или после работы Ленин считал нужным выйти погулять или прокатиться на велосипеде. В эти интервалы его дня он любил иметь компаньона. По воскресеньям выходы часто превращались в большие прогулки за город. Утром, проснувшись, полуголый Ленин, в одних кальсонах, в течение 1015 минут усердно проделывал установленную им самим порцию и систему гимнастики: приседал, разводил руки, сгибал корпус. Но если, нарушая правильный образ жизни, что часто с ним случалось, Ленин читал или писал до поздней ночи, гимнастика отменялась: «В этом случае, как показал опыт, гимнастика не рассеивает усталость, а ее увеличивает», — поведал мне он в одной из наших бесед.

Н. Валентинов [1]. С. 29

— Ленин чай любил?

— Ну, как сказать...

— А вино пил?

— Немного. Этим делом особенно не увлекался. Он компанейский человек.

В. М. Молотов. Цит. по: Чуев Ф. И. С. 235

Если бы заснять фильм из повседневной жизни эмигранта Ленина в пределах его, только что отмеченных правил, привычек, склонностей, — получилась бы картина трудолюбивого, уравновешенного, очень хитрого, осторожного, без большого мужества, трезвейшего, без малейших эксцессов мелкого буржуа....

Н. Валентинов [1]. С. 31

Большевистская группа собиралась в кафе на авеню д'Орлеан, неподалеку от Бельфорского льва. На втором этаже имелась небольшая зала; как то принято в Париже, ее предоставляли безвозмездно — посетители должны были оплачивать только кофе или пиво. Мы пришли одними из первых. Я спросил Савченко, что мне заказать; она ответила: «Гренадин. Все наши пьют гренадин...» Действительно, всем приносили ярко-красный приторный сироп, к которому добавляли сельтерскую воду. Только Ленин заказал кружку пива.

И. Г. Эренбург. С. 97

В воспоминаниях Попова есть забавное подтверждение ленинского увлечения пивом:

— Знаете, как я люблю мюнхенское пиво? — говорил Ильич. — Во время конференции в Поронине (речь шла о Поронинском совещании ЦК РСДРП осенью 1913 года. — *В. М.*) я узнал, что верстах в четырех-пяти, в одной деревушке, в пивной появилось настоящее мюнхенское. И вот, бывало, вечерами после заседаний конференции и комиссий начинаю подбивать компанию идти пешком за пять верст выпить по кружке пива. И хаживал, бывало, по ночному холодку налегке, наскоро.

В. Е. Мельниченко [1]. С. 85

...Я сама неоднократно выпивала с Владимиром Ильичем в мюнхенских кафе по кружке пива, которое он любил.

М. И. Ульянова. С. 287

Довольно покорно ел все, что дадут. Некоторое время ели каждый день конину. Они с Иннокентием (?) находили, что очень вкусно.

Н. К. Крупская. С. 371

И Ленин, и Крупская обладали, по ее выражению, «в достаточной мере поедательными способностями», хорошим аппетитом, и, удовлетворяя его, Ленин хотел иметь у себя дома излюбленные им простые, но очень сытные блюда. Особенно Ленин любил всякие «волжские продукты»: балыки, семгу, икру, которые в Париж и Краков ему посылала мать иногда в «гигантском количестве». «Ну уж и балуете вы нас в этом году посылками! — писала Крупская сестре

Ленина Анне 9 марта 1912 года. — Володя даже по этому случаю выучился сам в шкаф ходить и есть вне абонемент, т. е. не в положенные часы. Придет откуда-нибудь и закусывает».

Н. Валентинов [1]. С. 28

Выяснив условия посылок съестного из России за границу, я посылала ему в Париж мясное (ветчину, колбасу). По поводу домашней запеченной ветчины он выразился в одном несохранившемся письме, что это «превосходная снедь», из чего можно было заключить о разнице между этим мясом и тем, которым ему приходилось питаться в Париже. В Австрию пересылка мясного не разрешалась, и поэтому по переезде его в Краков я посылала ему рыбное (икру, балык, сельди и т. п.) и сладкое, которое он сам, конспиративно от Нади, просил послать ей.

А. И. Ульянова-Елизарова [1]. С. 109110

С наслаждением ел простоквашу. Вкус и обоняние вообще были слабо развиты. Запахи он различал, конечно, но никакой склонности и к ним вообще, и к особым не было.

Н. К. Крупская. С. 371

На даче у Молотова, на небольшом огороде стоит очень смешное пугало из разрезанных газет.

— А говорят, что я не разбираюсь в сельском хозяйстве! — смеется Молотов. — Крупская говорила Ленину: «Ты ведь не знаешь, как хлеб растет, ты видишь, как он булками на стол поступает, и думаешь, что он таким и родится!»

В. М. Молотов. Цит. по: Чуев Ф. И. С. 286

Вспоминая о Париже, Зиновьев рассказал, как Ленин, по вечерам, «бегал на перекресток» за последним выпуском вечерних газет, а ранним утром — в булочную за горячими подковками.

— Его супружница, — добавил Зиновьев, — предпочитала, между нами говоря, бриоши, но старик был немного скуповат.

Но я никогда не забуду зиновьевской фразы (не имеющей впрочем, отношения к Ленину):

— Революция, Интернационал — все это, конечно, великие события. Но я разревусь, если они коснутся Парижа!

Часа в 4 утра Зиновьев неожиданно воскликнул:

— Жратва!

Ю. Анненков. Т. 2. С. 273

Бывало, если (Ленин) увидит, что хлеб на столе не покрыт и на него садятся мухи, он всегда обращал на это внимание и напоминал, что от мух непременно надо все закрывать.

А. М. Сысоева, домашняя работница Лениных.

Цит. по: *Фишер Л. С. 473*

К столу приглашали только избранных. Среди таковых за границей, например, наиболее частыми гостями были Мартов и Зиновьев. Позже очевидцы вспоминали, что Мартов терпеть не мог мыть посуду, а Ленин, наоборот, получал от этой процедуры огромное удовольствие. Мартов мечтал о времени, когда наконец изобретут электрическую чудо-машину, которая будет мыть тарелки и чашки. Ленин на это замечал: «Да, но пока мы должны смириться с прискорбным отставанием в развитии науки и пользоваться единственными доступными для нас средствами, а именно, нашими собственными руками».

Р. Пейн. С. 246

Помню, я его заставляла за таким занятием — подливал в 1922 г. теплую воду в кувшин, в который мы поставили ветки с набухшими почками (весной дело было).

Н. К. Крупская. С. 371

Бухарин писал, что как-то видел в Горках суемящегося Ленина, который спрашивал садовые ножницы. Потом побежал к кустам сирени и стал возиться возле них, аккуратно обрезая ветки.

— Вот видите, — указал на изломанный по живому куст, — больно, знаете, смотреть.

В. Е. Мельниченко [1]. С. 116

Стоит немного поговорить о пальме, той самой высокой пальме с блестящими зелеными листьями, которая стояла в кадке у окна. И с ней у Ленина была большая внутренняя связь. Каждый божий день он собственноручно промывал водой ее листья и следил за тем, чтобы на них не появилось ни единого больного пятнышка.

Р. Пейн. С. 651

В один из морозных вечеров января 1918 года А. М. Коллонтай застала Владимира Ильича неподвижно стоящего у окна спиной к двери. В кабинете Смольного было тихо-тихо.

Неожиданно голос Ильича прервал эту тишину.

— Звезды, — мечтательно говорит он. — Какие звезды сегодня. Очевидно, мороз покрепчал.

И вдруг, повернувшись в сторону Коллонтай, спросил:

— А вы когда-нибудь смотрите на звездное небо?

— Когда бываю в океане или в деревне, — ответила Александра Михайловна.

— В океане? — встрепнулся Ленин. — Ах, да, ведь вы были в Америке! А я в ранней юности очень хорошо знал все созвездия, теперь начинаю забывать...

В. Е. Мельниченко [1]. С. 117

Хорошим способом узнать побольше о Ленине мне казался разговор о художественной литературе. Какие произведения он любил, какие люди ему в них интересны, что в них нравится или не нравится? Я сказал об этом В. В. Воровскому — до отъезда в Россию он часто со мною вел разговор на самые разнообразные темы. С ним можно было говорить о многом: о дифференциалах, интегралах, механике и художественной литературе. Воровский улыбнулся.

— Поисследовать Ленина хотите, ну что же — попробуйте. Он всех нас исследует, займемся и мы им. Я тоже этим делом занимался. Но предупреждаю — Ильич очень часто любит делать «глухое ухо». Я хотел однажды узнать — читал ли он Шекспира, Байрона, Мольера, Шиллера. В ответ ни да ни нет не получил, все же понял, что никого из них он не читал и дальше того, что слышал в гимназии, не пошел. Изучая в Сибири немецкий язык, он прочитал в подлиннике «Фауста» Гете, даже выучил наизусть несколько тирад Мефистофеля. Вы здесь

недавно, поживете подольше — непременно услышите, как в полемике с кем-нибудь Ленин пустит стрелу:

Ich salutiere den gelehrten Herrn

Irr habt mich weidlich Scwitzen machen.

Но, кроме «Фауста», ни одну другую вещь Гете не знает, он делит литературу на нужную ему и ненужную, а какими критериями пользуется при этом различии — мне неясно. Для чтения всех сборников «Знания» он, видите ли, нашел время, а вот Достоевского сознательно игнорировал. «На эту дрянь у меня нет свободного времени». Прочитав «Записки из Мертвого дома» и «Преступление и наказание», он «Бесы» и «Братьев Карамазовых» читать не пожелал. «Содержание сих обоих пахучих произведений, — заявил он, — мне известно, для меня этого предостаточно». «Братьев Карамазовых» начал было читать и бросил: от сцен в монастыре стошнило. Что же касается «Бесов» — это явно реакционная гадость, подобная «Панургову стаду» Крестовского, терять на нее время у меня абсолютно никакой охоты нет. Перелистал книгу и швырнул в сторону. Такая литература мне не нужна — что она мне может дать?»

Н. Валентинов [1]. С. 2223

Хочется отметить одну особенность Владимира Ильича. Он еле переносил посещение музеев и выставок.

М. Эссен. Цит. по: Фишер Л. С. 54

Очень любил слушать музыку. Но страшно уставал при этом. Слушал серьезно. Очень любил Вагнера. Как правило, уходил после первого действия как больной.

Н. К. Крупская. С. 371

Как-то он собрался в Колонный зал, где предстоял вечер с концертным отделением при участии Шаляпина. Владимир Ильич не собирался выступать, а поехал с единственной целью — встряхнуться. Однако, несмотря на то, что программу изменили и Шаляпина пустили первым, Владимир Ильич не дождался конца его пения и уехал домой.

Д. И. Ульянов. С. 153

После того, что услышал от Воровского, желание «поисследовать» Ленина с помощью его отзывов о художественной литературе не уменьшилось, а скорее увеличилось. Как к этому приступить? Ведь было бы смешно ни с того ни с другого спрашивать: Владимир Ильич, сочинения какого автора и почему вы больше всего любите? То, что я мог в этой области получить, могло бы быть только случайным и при случайно возникшем разговоре. Так, случайно я узнал, что Ленин любит «Войну и мир» Толстого, а морально-философские размышления, которые вклеены в роман, считает глупостью. Это ничего не давало. Я не встречал еще ни одного русского человека, заявившего, что он не ценит и не любит это произведение.

Мимолетный разговор был о романах Гончарова. «Обрыв» Ленин совсем не ценил. Главного героя романа Райского назвал «никчемным болтуном» и другим, уже непечатным словом, а в поднадзорном Марке Волохове видел «скверную карикатуру на революционеров». Отношение к «Обломову» Гончарова у него было иным и весьма оригинальным.

— Я бы взял не кое-кого, а даже многих из наших партийных товарищей, запер бы их на ключ в комнате и заставил читать «Обломова». Прочитали? А ну-ка еще раз. Прочитали? А ну-ка еще раз. А когда взмолятся, больше, мол, не можем, тогда следует приступить к допросу: а поняли ли вы, в чем суть обломовщины? Почувствовали ли, что она и в вас сидит? Решили ли твердо от этой болезни избавиться?

Н. Валентинов [1]. С. 2324

Никак и никогда ничего не рисовал.

Н. К. Крупская. С. 370

Более основательным был у меня разговор с Лениным о Некрасове. Ленин его превосходно знал и, конечно, любил. Ничего удивительного в том нет. На иконостасе нескольких революционных поколений Некрасов неизменно и по праву занимал место любимой иконы. Если что мне и показалось странноватым, так это почти нежное сочувствие Ленина крестьянофильским пассажам в стихотворениях Некрасова и особенно в «Кому на Руси жить хорошо». В моих глазах это плохо увязывалось с марксистской любовью Ленина к

пролетариату — ведь обычно его мыслили как антипода крестьянства. Говоря о Некрасове, я заметил (знаю теперь — ошибочно), что, хотя он много писал о деревне, — у него нет особо хороших описаний природы.

— Ошибаетесь, глубоко ошибаетесь! — воскликнул Ленин. — А ну-ка попробуйте найти лучшее, чем у Некрасова, описание ранней весны.

И, картавя, катая «р», он продекламировал:

Идет, гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний Шум,
Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят.
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса.

А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березынька
С зеленою косою.

Ленин после этого два раза, точно вталкивая в меня, чтобы я это понял, повторил:

И липа бледнолистая,
И белая березынька
С зеленою косою.

— А вы любите липу? — спросил я.

— Это самое, самое любимое мною дерево!

С большим жаром продекламированный «Зеленый Шум» и то, что мимоходом уже приходилось слышать от него, — мне показали, что Ленин действительно любит природу, хотя об этом нельзя предположить, судя, например, по тем невероятно, до дикости грубым строкам, которые изредка он посвящал искусству и литературе. «Поэтическая» любовь к природе у человека столь мало поэтического, как Ленин, конечно, вызвала у меня удивление, а через несколько дней мне пришлось испытать и другое удивление.

Н. Валентинов [1]. С. 2526

Зрительная память прекрасная. Лица, страницы, строчки запоминал очень хорошо. Хорошо удерживал в памяти и надолго читанное, виденное и подробности виденного.

Н. К. Крупская. С. 370

Некая дама приехала в Женеву со специальной целью познакомиться с Лениным. У нее от Калмыковой (*persona grata*, дававшая в 1901—1903 гг. деньги на «Искру») было письмо к Ленину. Имея его, она была уверена, что будет им принята с должным вниманием и почтением. После свидания дама жаловалась всем, что Ленин принял ее с «невероятной грубостью», почти «выгнал» ее. Гусев передал об ее сетованиях Ленину, и тот пришел в величайшее раздражение:

— Эта дура сидела у меня два часа, отняла меня от работы, своими расспросами и разговорами довела до головной боли. И она еще жалуется. Неужели она думала, что я за ней буду ухаживать. Ухажерством я занимался, когда был гимназистом, на это теперь нет ни времени, ни охоты. И за кем ухаживать? Эта дура — подлинный двойник Матрены Семеновны, а с Матреной Семеновной я никаких дел иметь не желаю.

— Какая Матрена Семеновна? — с недоумением спросил Гусев.

— Матрена Семеновна Суханчикова из «Дыма» Тургенева. Стыдно не знать Тургенева.

С этого дня, к величайшему моему удивлению и особому удовольствию (Тургенева я очень любил), я узнал, что Ленин великолепно знает Тургенева, намного лучше меня. Он помнил и главные его романы, и рассказы, и даже крошечные вещицы, названные Тургеневым «Стихотворения в прозе». Он, очевидно, читал Тургенева очень часто и усердно, и некоторые слова, выражения Тургенева, например, из «Нови», «Рудина», «Дыма», ввелись в его лексикон. Кроме Воровского и меня, этого никто не замечал. Так, по поводу самоубийства в Сибири Федосеева он сказал: «Однако Федосеев не был барчуком и хлюпиком вроде Нежданова» (персонаж из «Нови»). Другой раз от Ленина можно было услышать: «Это не человек, а китайский болванчик, слова, слова, а дел нет» (лишь немножко измененная фраза из «Рудина»). Он очень часто пользовался

ненавистным ему образом Ворошилова из романа «Дым» Тургенева. Представление о нем у Ленина обычно сопровождалось накатом жгучего презрения. Обозвать кого-нибудь из пишущей братии Ворошиловым он считал одним из сильнейших оскорблений, и из произведений Ленина мы знаем, что таким эпитетом немилосердно злоупотреблял. Например, в статье «Аграрный вопрос и критика Маркса», напечатанной в «Заре» (№ 2—3, 1901 г.), полемизируя с В. М. Черновым, Ленин 14 раз именует его Ворошиловым, делая к этому добавления вроде: «Ворошилов извращает», «Ворошилов безбожно путает», «Ворошилов хвастается», «За Ворошиловым не угнаться» и т. д. Явно наслаждаясь, что нашел наименование достаточно ругательное, он в той же статье называет Ворошиловым проф. С. Н. Булгакова (за большую работу последнего «Капитализм и земледелие»), австрийского социалиста Герца, писавшего на ту же тему, сотрудников журнала «Sozialistische Monatshefte», чтобы, в конце концов, заявить, что Ворошиловы, «критикующие взгляды Маркса на аграрный вопрос» — «везде одинаковы: и в России, и в Австрии».

К бежавшему в 1902 г. из ссылки молодому Троцкому Ленин одно время относился с большим благоволением, но после съезда Троцкий оказался в рядах меньшевиков, и Ленин иначе как Ворошиловым его уже не называл, причем для большего клеймения к Ворошилову присоединил эпитет «Балалайкин» (Щедрин). Помню — 1 мая 1904 г. в Женеве Троцкий на митинге эмигрантов произнес излишне цветистую, все же эффектную речь. Когда я передал Ленину мое впечатление об этом выступлении, в глазах его пробежал насмешливый огонек: «С печалью констатирую — вам нравятся речи Ворошиловых-Балалайкиных».

— Но вы не можете отрицать, что Троцкий превосходный оратор?

— Все Ворошиловы-Балалайкины — ораторы. В эту категорию входят недоучившиеся краснобаи-семинаристы, болтающие о марксизме приват-доценты и паскудничающие адвокаты. У Троцкого есть частицы от всех этих категорий.

Через полтора месяца в категорию Ворошиловых попаду и я!

Н. Валентинов [1]. С. 2628

В марте 1918 года секретарь Совнаркома Н. П. Горбунов по соглашению с Бонч-Бруевичем поднял жалование Ленина с 500 до 800

руб. в месяц. Ленин потребовал объяснений. Их не последовало. В официальной бумаге, датированной 23 мая 1918 года, Ленин поставил на вид «незаконность этого повышения... в прямое нарушение декрета СНК» и объявил Горбунову «строгий выговор». «Следует отметить, — вспоминал Горбунов, — что за несколько дней до этого Владимир Ильич дал мне поручение принять меры к повышению жалованья по отдельным наркоматам, в частности по Наркомфину т. Гуковскому, до 2 000 рублей».

Л. Фишер. С. 538

Доход мой в 1918 году состоял из двух статей:

(§ 4) жалованье председателя Совета Народных Комиссаров.

Так как жалованье менялось по размерам в течение года, то я поручил Управлению делами С[овета] Н[ародных] К[омиссаров] составить выписку из книг о точном размере полученного за 1918 год жалованья. При сем прилагается.

(§ 5) Литературный заработок: он получался мной периодически в разных суммах от Вл[адимира] Дм[итриевича] Бонч-Бруевича, заведующего партийным издательством и расчетом с авторами. При сем прилагается справка из документов об общей сумме, полученной за 1918 год, удостоверенная соответствующими подписями.

Доб[авление] к § 4. Натурой получалась квартира в начале года в Смольном (Петроград), затем, со времени переезда правительства в Москву, — в Кремле (Москва), размером 4 комнаты, кухня, комната для прислуги (семья — 3 чел[овека], плюс 1 прислуга). Стоимость квартиры по местным ценам мне неизвестна. Пр[едседатель] С[овета] Н[ародных] К[омиссаров]

В. Ульянов (Ленин). Москва. Кремль. [20] сент[ября] 1919 г.

Ленин. Объяснение к заявлению о доходах 1918 г. 20 сентября 1919 г.

Неизвестные документы. С. 301

13 сентября 1919 г. В. И. Ленин получил бланк заявления от Московского участкового по подоходному налогу присутствия для представления сведений о доходах в 1918 году. На сопроводительной записке к бланку Ленин пометил: «Получил 13 сентября 1919 г. В. Ульянов (Ленин)» (Ленинский сборник XXIV. С. 309). В тот же день

Ленин переслал бланк управделами СНК В. Д. Бонч-Бруевичу с просьбой распорядиться сделать выписки из ведомостей о жаловании и литературных гонорарах в 1918 году. На обороте записки Ленина Н. К. Крупская обратилась с просьбой к Бонч-Бруевичу прислать справку и о ее гонорарах (там же, С. 309310). Выписки не найдены.

Доход Ленина в 1918 году составил 24 683 рубля 33 копейки и сложился из двух статей поступления: заработная плата председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР — 9683 руб. 33 коп. и гонорары Ленина как журналиста — 15 000 руб.; о других доходах (от денежных капиталов, недвижимых имуществ, торговли и промыслов и от прав на всякого рода периодические получения и выгоды) ответы в заявлении в 1 Московское участковое по подоходному налогу присутствие отрицательные («нет»). Заявление подписано Лениным 20 сентября 1919 г.

Неизвестные документы. С. 301302

Не может не удивить читателя ответ Ленина на вопрос тогдашней анкеты. Оказывается, 51-летняя жена Надежда Константиновна, 45-летний брат Дмитрий Ильич и 44-летняя сестра Мария Ильинична находились у него на иждивении. Не странно ли, что эти взрослые люди не работали, жили за счет Ленина?

А. А. Арутюнов. С. 523

Ленин никогда не смотрелся в зеркало. В течение последних десяти лет своей жизни не видел он лица своего. Осмотрите все комнаты, в которых жил Ленин в последние годы — ни в одной из них зеркала нет.

В. Милютин. О Ленине // Прожектор. 1924. №8. С. 12

У дверей его квартиры, как ведущей к Совнаркому, так и выходящей во двор, стояли часовые. На стенке около постов был вывешен список, кого можно пускать в квартиру; там было указано 5—6 лиц (Надежда Константиновна, Мария Ильинична, Дмитрий Ильич, Анна Ильинична и А. Сысоева, помогавшая по хозяйству). При посещении квартиры другими лицами часовой звонил, и кто-либо из вышедших давал разрешение на вход. При выходе Владимира Ильича из квартиры часовые давали сигналы к другим постам и к караульному

начальнику, причем, если Владимир Ильич выходил совсем из здания (к автомобилю или на прогулку), за ним следовали на известном расстоянии охраняющие его товарищи.

Д. И. Ульянов. С. 182

Один из курсантов Кремлевских курсов Ваня Троицкий, дежуривший на посту у квартиры Ленина в Кремле в 1919 году, рассказал такой случай: «Однажды, когда я поздно дежурил на посту у квартиры Ленина в Кремле, Владимир Ильич попросил меня, как только я услышу внизу на лестнице шаги Надежды Константиновны, задержавшейся на каком-то заседании, постучать в дверь и позвать его.

Я вслушивался в ночную тишину. Все было тихо. Но вдруг растворилась дверь квартиры и быстро вышел Владимир Ильич.

— Никого нет, — сказал я.

Владимир Ильич сделал мне знак молчать.

— Идет, — прошептал он заговорщически и сбегал вниз по лестнице, чтобы встретить Надежду Константиновну.

Она шла, ступая совсем тихо, но он все же слышал... «Значит, любит, — подумал я, — любит не только мировую революцию, но и Надежду Константиновну».

К. и Т. Енко. С. 910

Как явствует из письма Ленину сотрудника ВЧК спецназначения (подпись неразборчива), вождя всегда охраняла группа особо проверенных лиц. По настоянию Сталина число спецсотрудников было увеличено.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 224

Помню, как-то я спросил Владимира Ильича (это было в Москве): «У тебя есть револьвер?» «Есть», — говорит. «А где?» Он посмотрел в письменном столе, оказалось, что браунинг лежит там, но в неопрятном состоянии, так как Владимир Ильич с оружием мало обращался. Я взял его револьвер и привел в надлежащий порядок, кажется, дал кому-то из охраны.

Этот револьвер всегда лежал в ящике его письменного стола, и он, как правило, никогда и никуда его не брал. Номера его револьвера я не помню, а документов никаких не было.

Д. И. Ульянов. С. 175176

Манерности, вычурности, странностей, театральности, рисовки в движениях не было.

Н. К. Крупская. С. 368

Странности Владимира Ильича современники обычно пытались выдать за признаки необыкновенной натуры. Вот что осталось в памяти А. М. Горького:

«Гиль (шофер Ленина. — *Е. Д.*), много испытанный человек, говорил: «Ленин — особенный. Таких — нет. Я везу его по Мясницкой, большое движение, едва еду, боюсь — изломают машину, даю гудки, очень волнуюсь. Он открыл дверь, добрался ко мне по подножке, рискуя, что его сшибут, уговаривает:

«Пожалуйста, не волнуйтесь, Гиль, поезжайте, как все». Я — старый шофер, я знаю — так никто не сделает».

Обыкновенный (нормальный) человек так действительно не сделает. Он просто наклонится к шоферу и скажет все, что думает.

Е. Данилов. С. 2

Высоты не боялся — в горах ходил «по самому краю». Быструю езду любил.

Н. К. Крупская. С. 371

...Очень часто он говорил (он любил быструю езду): «Скажи Гилю, чего он едет так, что перед каждой курицей реверанс делает», — а тот действительно осторожно ездил. Шоферу с хорошей репутацией, довольно квалифицированному, давить кур иногда бывало грех, а Владимир Ильич говорил: «Чего он каждой курице реверанс делает, скажи, чтобы он ехал скорее».

Д. И. Ульянов. С. 179

Когда какой-нибудь работник не выполнял распоряжения правительства, Ленин тут же приказывал «арестовать виновного на 2 или 3 дня, и при этом прибавлял: арестовать по праздникам, а на рабочие дни освободить, чтобы не страдала работа»...

Л. Фишер. С. 631

— Ленин советовал, когда идете с просьбой к начальнику, непременно идите с бумагой, чтоб он мог написать резолюцию, иначе потом забудется.

В. М. Молотов. Цит. по: *Чуев Ф. И.* С. 245

14 июня 1920 года, узнав от трех товарищей, что по распоряжению заведующего санаторией в Горках тов. Вевера срублена в парке санатории 14 июня 1920 года «совершенно здоровая ель», Ленин письменно постановил: подвергнуть Вевера аресту на 1 месяц, «причем если будет обнаружено, что т. Вевер взысканиям раньше не подвергался, то по истечении недели ареста освободить его условно с предупреждением, что в случае нового допущения неправильной рубки парка, аллеи, леса или иной порчи советского имущества, он будет не только подвергнут, сверх нового наказания, аресту на 3 недели, но и удален с занимаемой должности... следующее подобное нарушение повлечет наказание всех рабочих и служащих, а не только заведующего». Вевера не выслушали. Ленин сам был и прокурором, и присяжными, и судьей. Назначил он сам себя. Приговор был вынесен в тот же день, когда было совершено преступление...

Л. Фишер. С. 677

— Кто был более суровым, Ленин или Сталин?

— Конечно, Ленин. Строгий был. В некоторых вещах строже Сталина. Почитайте его записки Дзержинскому. Он нередко прибегал к самым крайним мерам, когда это было необходимо. Тамбовское восстание приказал подавить, сжигать все. Я как раз был на обсуждении. Он никакую оппозицию терпеть не стал бы, если б была такая возможность. Помню, как он упрекал Сталина в мягкотелости и либерализме. «Какая у нас диктатура? У нас же кисельная власть, а не диктатура!»

— А где написано о том, что он упрекал Сталина?

— Это было в узком кругу, в нашей среде.

В. М. Молотов. Цит. по: *Чуев Ф. И.* С. 243

Он был строг и с самим собою и не хотел пользоваться личными привилегиями. В 1918-1919 годах у него под письменным столом лежал

войлок, чтобы не мерзли ноги. Позже кто-то заменил войлок шкурой белого медведя. Ленин рассердился и сказал, что «это — непомерная роскошь в нашей нищей и разоренной стране и ни к чему не нужная реформа».

Л. Фишер. С. 678

Люди без воображения не могут не только представить себе, но и поверить на слово, что есть другой соблазн, сильнее, чем все вещественные соблазны мира, — соблазн власти. Ради власти совершались самые ужасные преступления, и это о власти сказано, что она подобна морской воде: чем больше ее пить, тем больше хочется пить. Вот приманка, достойная Ленина.

А. И. Куприн // Общее дело. Париж, 1920. № 87

По своей природе Ленин был насильник, маньяк самовластья, маньяк именно его неограниченной власти. До революции в большевистской партии он был мало того, что диктатор, он был «непогрешим». И когда пришла революция, Ленин в Октябре полез напролом к власти *своей* партии, то есть к *его* власти уже во всей стране. И он захватил эту власть, подмяв под себя немногих из своих еще колебавшихся «не социалистов, а мошенников», как их гениально определил Достоевский в «Бесах». Знаменательно, что основоположник русского марксизма и в этом отношении «учитель» Ленина, Георгий Валентинович Плеханов при известии о захвате Лениным власти в отчаянии сказал: «Пропала Россия, погибла Россия!» Плеханов, как никто знал Ленина.

Р. Гуль. С. 231

Ленина охотно считали честолубцем и властолюбцем; но он был лишь естественно, органично властен, он не мог не навязать своей воли, потому что был сам «заряжен двойным зарядом» ее и потому что подчинять себе других для него было столь же естественно, как центральному светилу естественно притягивать в свою орбиту и заставлять вращаться вокруг себя меньшие по размеру планеты — и, как им, естественно светить не своим светом, а отраженным солнечным.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

Один Пушкин из всех мировых поэтов понял, что такое сгущенность, апогей власти, когда он создал скупого Рыцаря. Властвовать, оставаясь по внешности безвластным, хранить в подвалах или в душе неиспользованную, не захваченную толпой и историей потенцию власти, как хотел бы гениальный изобретатель (хранить) в платиновом сосуде кусочек вещества, способного взорвать весь мир; знать, что могу, и гордо думать: не хочу... Нет, право, такая власть — великое лакомство, и оно не для хамов.

И в Ленине, — не в моем воображении, а в настоящем, живом Ленине — есть, они проскальзывают, эти героические черты. Так, одно время он усиленно готовил на кресло президента РСФСР тупого, заурядного человека Калинина, с лицом старообрядческого начетчика и с простой тверской душой, — свою марионетку под видом всероссийского старосты. Так он присутствовал на своем собственном пятидесятилетнем юбилее. Его не было, — он почивал на облаках, пока товарищ Луначарский и т. Ногин равняли его с Марксом, а т. Горький со слезами на глазах заявил, что Петр Великий — это лишь малюсенький Ленин, который и гениальнее, и всемирное варвара-царя. Но когда у агитаторов заболели от усердия челюсти, он вышел, как всегда скромно, беспритязательно и опрятно одетый, улыбнулся своей язвительной улыбкой и сказал: «Благодарю вас за то, что вы избавили меня от необходимости слушать ваши речи. Да и вам советовал бы в другой раз не тратить столько времени на пустое словоизвержение...»

Властвовать, не будучи видимым, заставлять плясать весь мир, сваливая музыку на всемирный пролетариат, да, вероятно, радостно и щекотно об этом подумать, когда ты один лежишь в своей постели и знаешь, что твоих мыслей никто не подслушивает.

И моему пониманию очень ясен и доказательно дорог такой маленький анекдотический штришок.

Ленин выходит из своего скромного помещения (в комендантском крыле Кремлевского Дворца) в зал заседаний. Раболепная толпа... Никаких поклонов нет, но есть потные рукопожатия и собачьи, преданные улыбки. Слова «товарищ Ленин» звучат глубже, чем прежде «Ваше Величество»...

— Товарищ Ленин, если говорить по правде, то ведь только два человека решают сейчас судьбы мира... Вы и Вильсон (Томас Вудро

Вильсон — тогдашний президент США. — *Е. Г.*).

И Ленин, торопливо проходя мимо, рассеянно и небрежно:

— Да, но при чем же здесь Вильсон?

А. И. Куприн // Общее дело. Париж, 1920. № 87

— А Ленина называли Владимир Ильич?

— Нет. Товарищ Ленин, — говорит Молотов. — Владимир Ильич — очень редко называли. Это только его близкие друзья по молодым годам, такие, как Кржижановский, называли его Владимир Ильич, а так все — Ленин, Ленин... Может быть, Цюрупа называл его Владимир Ильич.

В. М. Молотов. Цит. по: *Чуев Ф. И.* С. 288

Что и говорить, Ленин был превосходный организатор, но организатор на особый лад. Он умел подбирать вокруг себя расторопных, способных, энергичных, подобно ему волевых людей, людей, безгранично в него верящих и беспрекословно ему повинующихся, но людей без самостоятельной индивидуальности, без решимости и способности иметь свое особое мнение, отличное от мнения Ленина, и тем более способности отстаивать перед Лениным это особое мнение. Естественная и законная во всякой организованной партии дисциплина переходила здесь в полувоенную субординацию. Формировались не кадры социал-демократических деятелей массового движения, а командный состав из агентов партийного центра, диктующий сверху свою волю послушному большинству. Формировался персонал «революционного меньшинства», которому предстояло при счастливой исторической конъюнктуре захватывать власть и быть, во всяком случае, готовым ко всякой аванюре.

А. Н. Потресов. С. 284

Это был сильный и крепкий партийный и политический боец, как раз такой, какие нужны, чтобы создавать и поддерживать в своих сторонниках подъем духа, и чтобы при неудаче предупреждать зарождение среди них паники, ободряя их силою личного примера и внушением неограниченной веры в себя, и чтобы одергивать их в моменты удачи, когда так легко и так опасно превратиться, выражаясь

словами Ленина, в «зазнавшуюся партию», способную почить на лаврах и проглядеть будущие опасности.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

Ленину нужны были соучастники, а не соратники. Верность означала для него абсолютную уверенность в том, что человек выполнит все приказы, даже те, которые находятся в противоречии с человеческой совестью... Ленин никогда не отрицал тех действий и поступков, за которые он нес ответственность, так же как не пытался он уменьшить тяжесть их последствий, потому что он всегда действовал с самонадеянностью в правоте своего дела и был пропитан уверенностью, что только его теория — большевизм — сможет восторжествовать... Он был нетерпимым, упрямым, жестоким и несправедливым в общении со своими оппонентами (оппонентами большевизма и никогда — личными врагами)...

А. Балабанова. Цит. по: Волкогонов Д. А. Кн. 2. С. 427

Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционным делом, как и он сам. Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к такому товарищу определяется единственно степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции.

С. Г. Нечаев. Катехизис революционера.

Цит. по: Пейн Р. С. 22

Известно, что Ленин называл Нечаева «титаном революции», что ленинское положение (1902 г.) — «дайте нам организацию революционеров и мы перевернем Россию» — это нечаевская формула. Но я не останавливаюсь на всем политическом и духовном сродстве Нечаева и Ленина...

Р. Гуль. С. 235

Владимир Ильич читал какую-то брошюру. Я несла ему чай, когда в дверь условным знаком постучали. Это был Рахья. Мы вместе прошли в комнату Ильича. Он на мгновение оторвался от чтения и восторженно сказал: «Вы, товарищ Рахья, только послушайте, что пишет Нечаев! Он говорит, что надо уничтожить всю царскую семью.

Браво, Нечаев!» Сделав небольшую паузу, Владимир Ильич продолжил: «То, что не удалось осуществить этому великому революционеру, сделаем мы». Затем он закрыл брошюру и обратился к Рахье со словами: «Ну, рассказывайте, что с Пятницким?» Я ушла к себе, а они продолжали беседовать...

М. В. Фофанова. Цит. по: Арутюнов А. А. С. 526

...Совершенно забывают, — говорил Владимир Ильич, — что Нечаев обладал особым талантом организатора, умением всюду устанавливать особые навыки конспиративной работы, умел свои мысли облачать в такие потрясающие формулировки, которые оставались памятные на всю жизнь. Достаточно вспомнить его ответ в одной листовке когда на вопрос — «Кого же надо уничтожить из царствующего дома?» Нечаев дает точный ответ: «Всю большую ектению». Ведь это сформулировано так просто и ясно, что понятно для каждого человека, жившего в то время в России, когда православие господствовало, когда огромное большинство так или иначе, по тем или другим причинам, бывало в церкви и все знали, что на великой, на большой ектении вспоминается весь царствующий дом, все члены дома Романовых. Кого же уничтожить из них? — спросит себя самый простой читатель. — Да весь дом Романовых, — должен бы был дать себе ответ. *Ведь это просто до гениальности!*»

И далее: «Нечаев должен быть весь издан. Необходимо изучить, дознаться, что он писал, расшифровать все его псевдонимы, собрать воедино и все напечатать», — неоднократно говорил Владимир Ильич.

В. Д. Бонч-Бруевич // Тридцать дней. 1934. № 1. С. 18

Военные говорят, что «война есть продолжение политики, только иными средствами». Ленин выворотил бы это положение наизнанку: политика есть продолжение войны, только иными средствами, маскирующими войну. В чем сущность войны для обычного «морального сознания?» В том, что война узаконяет, возводит в принцип, в апофеоз то, что в мирное время считается преступлением. Обращение цветущей страны в пустыню война делает естественным тактическим приемом: грабежи — реквизицией, обман — военной хитростью, готовность выкупаться в крови врага — боевым энтузиазмом, бесчувственность к жертвам — самообладанием,

беспощадность и бесчеловечность — долгом. В войне «все позволено», в войне всего целесообразнее то, что всего недопустимее в нормальном общении человека с человеком. А так как политика есть лишь скрытая форма войны, то правила войны суть правила политики.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

Ленин был жестоко упрям во всех случаях жизни, не переносил чужих мнений, по поводу чего бы они ни высказывались, а не в одной политике. Завистливый до исступления, он не мог допустить, чтобы кто-нибудь, кроме него, остался победителем. Жестокое и злое проступало в нем как в любом споре, так и в игре в крокет или в шахматы, когда он проигрывал. Проявить независимость, поспорить с ним о чем угодно или обыграть его в крокет — значило раз и навсегда приобрести себе врага в лице Ленина... .

Т. И. Алексинская. С. 6

Ленин был чрезвычайно бесцеремонным со своими сторонниками, презрительным к тем, кто ему противоречил...

Дж. Хилл. С. 225

Ленин и Н. Н. играют в шахматы. Есть хорошие шахматисты, которые настолько любят и ценят красивый процесс игры, что сами исправляют ошибки противника. Ленин не из этого числа: его интересует не столько игра, как выигрыш. Он пользуется каждой невнимательностью партнера, чтобы обеспечить себе победу. Когда он может взять у противника фигуру, он делает это со всей поспешностью, чтобы партнер не успел одуматься. В игре Ленина нет элегантности.

Т. И. Алексинская. С. 7

У Владимира Ильича было правило, которого он сам всегда придерживался и строго требовал от своего партнера: обратно ходов ни в коем случае не брать — взялся за фигуру — ею и ходи.

Л. Фишер. С. 19

Известный меньшевик Мартынов вспоминал, что однажды, будучи за рубежом, они зашли с Лениным в «ресторанчик».

Разговорились о программе партии, ее тактике, задачах пролетарской революции и т. д. «И по всем этим пунктам мы с товарищем Лениным оказались солидарными. Но вот в конце беседы он меня спрашивает:

— А как вы относитесь к моему организационному плану?

— Считаю его неправильным; вы хотите создать партию наподобие какой-то македонской четы. Этого принципа не знает ни одна из социал-демократических партий Запада...

Ленин в ответ заявил:

— Значит, в этом пункте со мной не согласны?

— Да.

— Ну, раз так, тогда нам вообще с вами больше разговаривать не о чем.

И с тех пор, пишет Мартынов, наши дороги разошлись...

Таков был Ленин.

Д. А. Волкогонов. Кн. 1. С. 137138

Для того чтобы разойтись с человеком, нужен определенного рода психологический толчок, может быть и не столь значительный... Роль такого психологического толчка сыграл один инцидент, по существу, небольшой и не имевший принципиального значения, но без знания которого нельзя правильно понять историю внутренней жизни редакционной группы «Искры». Этот инцидент, до сих пор не освещенный в исторической литературе, вкратце сводился к следующему. В одной из колоний политической ссылки разыгралась тяжелая драма. Затравленная личными оскорблениями, одна из ссыльных покончила жизнь самоубийством, оставив предсмертную записку, в которой отдавала на суд товарищей всю эту историю. Так как и сама самоубийца, и те, кто травил ее, были социал-демократами, то в конечном итоге дело было передано на рассмотрение редакции «Искры», которая вынуждена была заняться этим делом весной 1903 г. В числе главных обвиняемых были два очень видных работника нелегальной организации «Искры», позднее игравших очень крупную роль в рядах партии большевиков. В виновности их никакого сомнения не было, и поведения их никто из членов редакции, конечно, защищать не собирался. Но мнения о том, как нужно реагировать на это дело, резко разошлись,

Ленин был против какого бы то ни было осуждения виновных, а тем более против организационных кар против них. Он считал, что обвиняемые являются настолько крупными и полезными для партии работниками, что потеря их явится труднопоправимым злом, а так как интересы партийной работы должны стоять выше соображений морального порядка, то редакция должна заявить, что в указанную историю, как чисто личное дело, она вмешиваться не считает нужным.

Б. Николаевский. Цит. по: Потресов А. Н. С. 415

Ленин по совести разрешал себе переноситься «по ту сторону совести» в отношениях ко всем, кого считал врагами своего дела. Отбрасывая или попирая ногами при этом все нормы честности, он оставался «честен с собой».

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

Достоевский об Иване Карамазове говорил, что у него «исступленная, неприличная жажда жизни». Явно видимая, такая же неистовая, исступленная жажда жизни с бессознательной тягой к политическому бессмертию была и у Ленина. В этом, быть может, и есть один из таинственных магнитов, притягивавший к нему многих и многих людей.

Н. Валентинов [1]. С. 88

И, надо сказать, что никто, как Ленин, не был в такой мере приспособлен для миссии полновластного главы диктаторской группы. Ибо никто, как он, не умел так заражать своими планами, так импонировать своей волей, так покорять своей личности, как этот на первый взгляд такой невзрачный и грубоватый человек, по видимости не имеющий никаких данных, чтобы быть обаятельным.

А. Н. Потресов. С. 283

— А Фотиева жива, сколько ей лет?

— Жива. Наверное, сто семьдесят пять, — улыбается Молотов. — Фотиева — старый член партии. Она еще в Швейцарии была знакома с Лениным. Я у Фотиевой прочитал интересное место. Ленин страшно не любил, — это я тоже помню, а она специально оговаривает, что Ленин не любил, — когда во время заседания разговаривают. Человек

напряжен, нервничает, хотя сам он успевал переводами заниматься с английским словарем, пока прения идут. Да, да. А Троцкий, например, читал какую-нибудь книгу во время заседания Политбюро. Но когда во время заседания шушукались, Ленин очень не любил. Не признавал совершенно курения. Сам не курил. Шепот, разговоры всякие его страшно раздражали. Это можно вполне понять. Фотиева пишет в своих воспоминаниях: на одном из заседаний Совнаркома я, как всегда, ведала протоколами заседания, подписывала постановления, ко мне подошел один из участников совещания и стал что-то спрашивать, а Ленин мне записку: «Я вас выгоню, если вы будете продолжать разговоры во время заседания». Выгоню! — ни больше ни меньше, такой резкий тон. Конечно, раздражение.

Фотиева была техническим секретарем в последние годы Ленина. Она записывала протокол и сидела недалеко от Ленина, чтоб в случае необходимости дать посмотреть Ленину. К ней подходили наркомы, заглядывали в протокол, шушукались. Ленин обычно посылал такие записочки на маленьких кусочках бумаги — то члену Политбюро, то наркому, то пришедшему, ставил вопрос и тут же требовал: отвечайте запиской! Но, в общем-то, он, конечно, очень умел держаться. Не пользовался положением. Грубости никакие не оправдываются. Нельзя это превращать в особый вопрос, но и оправдывать нельзя. Попал наверх — должен держать себя как положено. Терпи, иначе ты не руководитель, если не можешь терпеть. Это элементарная обязанность. А для подчиненного, если его будут колотить, не жизнь, а каторга. Ему и так трудно, да еще сверху...

В. М. Молотов. Цит. по: Чуев Ф. И. С. 262263

...Не было комиссара, который не смотрел бы на Ленина как на полубога, решения которого принимаются без возражений. Ссоры, нередко происходившие между комиссарами, никогда не касались Ленина.

Я вспоминаю, как Чичерин описывал мне заседание Совета комиссаров. Троцкий выдвигает предложение. Другие комиссары горячо оспаривают его. Следует бесконечная дискуссия, во время которой Ленин делает заметки у себя на колене, сосредоточивая все внимание на какой-нибудь своей работе. Наконец кто-нибудь говорит:

«Пусть решает Владимир Ильич». Ленин подымает глаза от работы, дает в одной фразе свое решение, и все успокаиваются.

Брюс Р. Г. Локкарт. С. 219

Причины расхождения моего с Лениным заключались, во-первых, в слишком узком понимании им организованного централизма. При таком его понимании не оставалось бы места для самостоятельности рядовых членов партии, притом мне казалось, что «дирижерская палочка» имеет слишком много привлекательности для Ленина по мотивам личного честолюбия.

Г. В. Плеханов. С. 176

А. Д. Нагловский, старый большевик, хорошо знавший Ленина, бывший первый советский торгпред в Италии, избравший на Западе свободу и ставший невозвращенцем, так описывает «демократизм» заседаний ленинского Совнаркома: «У стены, смежной с кабинетом Ленина, стоял простой канцелярский стол, за которым сидел Ленин... На скамейках, стоявших перед столом Ленина, как ученики за партами, сидели народные комиссары и вызванные на заседание видные партийцы. Такие же наркомы, замнаркомы... В общем, это был класс с учителем довольно-таки нетерпимым и подчас свирепым, осаждавшим «учеников» невероятными по грубости окриками... Ни по одному серьезному вопросу никто никогда не осмеливался выступить «против Ильича»... Самодержавие Ленина было абсолютным... Обычно во время общих прений Ленин вел себя в достаточной степени бесцеремонно. Прений никогда не слушал. Во время прений ходил. Уходил. Приходил. Подсаживался к кому-нибудь и, не стесняясь, громко разговаривал. И только к концу прений занимал свое обычное место и коротко говорил: «Стало быть, товарищи, я полагаю, что этот вопрос надо решить так!» — Далее следовало часто совершенно несвязное с прениями «ленинское» решение вопроса. Оно всегда тут же без возражений и принималось. «Свободы мнений» в Совнаркоме у Ленина было не больше, чем в совете министров у Муссолини и Гитлера».

Р. Гуль. С. 244249

Гениальный Ленин был историческим авторитетом — это одна сторона дела. Другая — та, что, кроме Ленина, в партии не было никого и ничего. Несколько крупных «генералов» без Ленина — ничто, как несколько необъятных планет без солнца...

Н. Н. Суханов. Т. 2. С. 22

Я помню, что эта своего рода волевая избранность Ленина производила когда-то и на меня впечатление... Производила до тех пор, пока более близкое знакомство с ним не приоткрыло мне, что за этими великими достоинствами скрываются также великие изъяны, отрицательные черты, которые, быть может, были бы уместны у какого-нибудь средневекового или азиатского завоевателя, в лучшем случае у главы старомодного заговора, но отнюдь не у современного социалиста-политика, желающего быть выразителем самостоятельного рабочего движения.

А. Н. Потресов. С. 284

В своей вере в мировую революцию Ленин был беззастенчив и непреклонен, как иезуит. В его кодексе политической морали цель оправдывала все средства.

Брюс Р. Г. Локкарт. С. 219

...Нравственно для него (революционера) все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему.

С. Г. Нечаев. Катехизис революционера.

Цит. по: *Пейн Р. С. 21*

Горький был прав, указав в числе черт Ленина «хитрецу Василия Шуйского». «Хитрецей» — и в очень большом количестве — он несомненно обладал, и она очень часто проступала на его очень подвижном лице. И это какая-то странная хитреца. Хитрые люди о своей хитрости не говорят, ее прячут, а Ленин открыто преподавал своим товарищам: нужно уметь идти на «всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды». У него это логически связывается с убеждением — цель оправдывает всякие средства.

Н. Валентинов [1]. С. 89

— Говорить правду — это мелкобуржуазный предрассудок. Ложь, напротив, часто оправдывается целью.

Ленин. Цит. по: Анненков Ю. С. 280

Рыков говорил некоему С. Либерману: «Вот я сижу у руля социалистического строительства, в ВСНХ. Мне Ильич верит — и все же как трудно с ним! Никак нельзя положиться на него на все сто процентов. Придешь, согласишься, договоришься, и он тебе скажет: «Выступи, и я тебя поддержу». А как только он почувствует, что настроение большинства против этого предложения, он тут же тебя предает...»

В. Брусенцов. С. 145

О лицемерии и беспринципности Ленина говорит и такой факт. В письме к И. Арманд, давая характеристику Радеку, подчеркивает, что он (Радек) *«тишинский торгош, наглый, нахальный, глупый... дурачок и мерзавец»*. А спустя два месяца пишет письма «мерзавцу» с обращениями: «Дорогой Радек!», «Дорогой друг!» Воистину: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты, — гласит известная поговорка.

А. А. Арутюнов. С. 543

Цель оправдывает средства!.. В своей личной жизни скромный, неприхотливый, добродетельный семьянин, добродушно ведущий ежедневную, не лишенную комизма борьбу со своей тещей — она была единственным человеком из его непосредственного окружения, дававшим ему отпор и отстаивавшим свою личность, — Ленин был неукоснительным последователем этого макиавеллевского рецепта политики. Он как нельзя более удачно сумел его сделать основой для деятельности всей той части партии, которая пошла за ним и впоследствии преобразилась из социал-демократии в коммунистическую бюрократию советской деспотии и в авантюристов Коминтерна.

А. Н. Потресов. С. 285

Но есть и самая последняя, самая могучая, самая великая форма власти над миром: это воплощение идеи, слова, голого замысла, учения или фантастического бреда — в действительность, в плоть и кровь, в художественные образы. Такая власть идет и от Бога, и от Дьявола, и носители ее или творят, или разрушают. Те, которые творят, во всем подобны главному Творцу: все совершенное ими исполнено красоты и добра. Но и черный иногда облекается в белые одежды, и в этом, может быть, его главная сила и опасность. Разве не во имя светлого Христа были: инквизиция, Варфоломеевская ночь, гонение на раскольников и уродливая кровавая секта.

Ленин не гениален, он только средне-умен. Он не пророк, он — лишь безобразная вечерняя тень лжепророка. Он не вождь; в нем нет пламени, легендарности и обаяния героя; он холоден, прозаичен и прост, как геометрический рисунок. Он весь, всеми частицами мозга — теоретик, бесстрастный шахматист. Идя по следам Маркса, он рабски доводит его жесткое, каменное учение до пределов абсурда и неустанно ломится еще дальше. В его личном, интимном характере нет ни одной яркой черты, — все они стерлись, сгладились в политической борьбе, полемике и односторонней мысли, но в своей идеологии он — русский сектант. Да, только русские удивительные искатели Бога и правды, дикие толкователи мертвой буквы могли доводить отдельные выражения Евангелия до превращения их в ужасные и нелепые обряды: вспомним скопцов, самосжигателей, бегунов и т. д. Для Ленина Маркс — непререкаем. Нет речи, где бы он не оперся на своего Мессию, как на неподвижный центр мироздания. Но, несомненно, если бы Маркс мог поглядеть оттуда на Ленина и на русский сектантский, а з и а т с к и й большевизм, — он повторил бы свою знаменитую фразу: «Pardon, monsieur, je ne suis pas Marxiste (простите, ме-сье, я не марксист. — *фр.*)».

А. И. Куприн // Общее дело. Париж, 1920. № 87

История превзошла все наши тогдашние опасения, превратив нашего аморального бывшего коллегу в рокового человека для России и ее рабочего класса.

А. Н. Потресов. С. 286

Он всю жизнь посвятил борьбе за рабочий класс. Любил ли он его? Очевидно, да — хотя струнка любви к конкретному, живому рабочему у него звучала слабее струнки ненависти к конкретному, живому эксплуататору. Пролетариат он любил тою же самовластной, деспотически требовательной, жестокой любовью, которой некогда любил и спасал человечество Торквемада.

В. М. Чернов // Россия. М., 1990. № 5

В философии и искусстве, духовной культуре Ленин был очень отсталый и элементарный человек...

Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 26

Его философский противник большевик А. А. Богданов уверял, что Ленин судил Канта только по тому немногому, что о нем писали Энгельс и Плеханов.

Н. Валентинов [1]. С. 16

...В. Ильин (псевдоним В. И. Ульянова). Фигура менее сложная, хотя, по-своему, не менее крупная, чем Плеханов. Его мировоззрение... Сам Ильин считает себя последовательным и выдержанным, архиортодоксальным марксистом. Но это иллюзия. В действительности его взгляды скудны и «эклектичны». Мы уже видели, какая путаница получилась у него в общеполитической работе по основным вопросам... Допустим, что это — результат его неопытности в чуждой ему сфере. Но социальная философия, область близкая всякому материалисту? Как применяет Ильин принципы и методы исторического материализма? В. Ильин мало компетентен в вопросах общетеоретических. Почему это так, мы легко поймем, если, прочитав произведения В. Ильина, попробуем по ним составить себе понятие о размерах и характере научного опыта, ему доступного. В хорошее время Ильин был человеком большой и полезной работы; в плохое, трудное время он стал человеком тяжелых ошибок. Но в его характеристике не это — худшая черта. Еще сильнее поражает его бешеная ненависть к свидетелям и способы борьбы против них. Мы видим, какой ненавистью преследовал он покойную литературную группу «Вперед», заодно и живых впередовцев... Ильин не смущается,

когда обличают сказанную им неправду... Для великого класса, в котором живет чистый порыв и высокий идеал, культурно недопустимы приемы борьбы мелкие, грязные, унижающие.

Но, кроме беспринципности в выборе средств, у него есть более глубокая черта расхождения с новой культурой. Это его авторитаризм.

Я говорю не просто о грубой властности характера — недостатке, который может быть уравновешен и исправлен влиянием товарищеской среды. Я имею в виду самый способ мышления.

А. А. Богданов. Цит. по: Арутюнов А. А. С. 562563

Плеханов много рассказывал о своем первом знакомстве с Лениным, когда тот в 1895 г. приехал в Женеву.

— Аксельрод, бывший на седьмом небе оттого, что довелось видеть человека оттуда и находящегося в самом центре рабочего движения Петербурга, меня усиленно убеждал, что за Ульяновым-Тулиным нужно ухаживать, так как он самый видный представитель работающих в России социал-демократов, а их тогда можно было пересчитать по пальцам двух рук. И мы за Ульяновым действительно ухаживали, носились с Ульяновым как дураки с писаной торбой. Однако к сей почтенной категории людей я не принадлежу, и потому сразу разглядел, что наш 25-летний парень Ульянов — материал совсем сырой и топором марксизма отесан очень грубо. Его отесывал даже не плотничный топор, а топор дровосека. Ведь этот 25-летний парень (Плеханов несколько раз повторил «этот парень») был очень недалек от убеждения, что если некий Колупаев-Разуваев построил в какой-нибудь губернии хлопчатобумажную фабрику или чугуноплавильный завод, то дело в шляпе: страна уже охвачена капитализмом и на этой базе существует соответствующая капитализму политическая и культурная надстройка. Мысль Тулина вращалась именно в подобных примитивных рамках, а разве это марксизм?..

Н. В. Валентинов [4]. С. 189190

Да, сектант! Но сектант, прошедший серьезную марксистскую выучку! Сектант-марксист!

А. Н. Потресов. С. 278

К сказанному выше добавим несколько малоизвестных оценок. «Ленин, — писал П. Б. Струве, — это синтез идеи коммунизма, основанного на классовой борьбе, с личной злобностью, доходящей до аморального извращения <...> Ленин лично по своей натуре и по своему метафизическому ядру не что иное, как палач» (статья «Большевизм и Ленин»). По мнению Ю. Мартова, его бывший соратник по партии пропитался «презрением и недоверием к людям». В прошлом народоволец, потом социалист-демократ Е. Лазарев отзывался о своем давнем знакомом: «...Ленин был палач». В. Ходасевич в рецензии на книгу М. Вишняка «Ленин» подчеркивал «его демагогизм, цинизм, неразборчивость в средствах».

Б. Кузнецов. Цит. по: Тайна октябрьского переворота. С. 43

Он еще не дошел пока до изучения десяти заповедей и не знает двух из них: «Не укради» и «Не убий»...

У. Черчилль. Из выступления в Манчестере 8 июня 1921 г. // Сегодня (Рига). 1921. 21 июня

Октябрьский переворот, как и всякий другой, вынес на политическую авансцену множество человеческого мусора. Среди его «героев» — член первой советской мирной делегации, участник захвата Ставки, первый «народный полковник» В. К. Шнеур, оказавшийся, однако, бывшим секретным сотрудником Департамента полиции. Сомнительное, а нередко прямо уголовное прошлое многих большевистских деятелей «среднего звена» позднее вызвало появление на страницах меньшевистской газеты «Новый Луч» специальной «Галереи деятелей большевистской власти (Материалы для будущего словаря)». Рубрику пополняли сведения о мошенниках, взяточниках, черносотенцах, бывших агентах царской охраны и просто жуликах, творивших дело «диктатуры пролетариата» в центре и на местах.

А. Н. Потресов. С. 286

— Был такой замнаркома финансов Альтский. Многие картины из частных коллекций уплывали тогда за границу через этого человека. У него был брат в Польше, владелец антикварного магазина. Ленин учил: делать коммунизм приходилось с теми людьми, которые были, а не с теми, которых хотелось иметь.

В. М. Молотов. Цит. по: Чуев Ф. И. С. 285286

Как говорила Мария Ильинична, «он срабатывался с людьми и очень не любил без крайней необходимости менять их».

Л. А. Фотиева [1]. С. 188

И тот же Оболенский (князь, участник социал-демократического движения. — *Е. Г.*) подметил особенность отношения вождя большевиков к людям: «Интерес к человеку ему был совершенно чужд. Общаясь с ним, я всегда чувствовал, что он интересуется мною лишь постольку, поскольку видит во мне более или менее единомышленника, которого можно использовать для революционной борьбы».

Б. В. Соколов. С. 63

Балабанову (Анжелика Балабанова — социалистка, позже участница итальянского социал-демократического движения. — *Е. Г.*) однажды особенно расстроило присутствие на Украине некоего «мерзавца», притворявшегося иностранным послом. Он спекулировал деньгами, торговал паспортами и выдавал своих клиентов ЧК. Разъяренная этим, Балабанова поехала в Москву и пошла к Дзержинскому. Он сказал ей, что «мерзавец» — агент ЧК. Она пожаловалась Ленину. «Товарищ Балабанова, — сказал Ленин, — когда вы начнете понимать жизнь? Провокаторы? Если б я только мог, я бы поместил провокаторов в армии у Корнилова». Ленин считал, что цель оправдывает любые средства.

Л. Фишер. С. 539

Красные газетчики делают изредка попытки создать из Ленина нечто вроде отца народа, эдакого доброго, лысого, милого, своего «Ильича». Но попытки не удаются (они заостеневают в искательных, напряженных, бесцельных улыбочках). Никого лысый Ильич не любит и ни в чьей дружбе не нуждается. По заданию ему нужна — через ненависть, убийство и разрушение — власть пролетариата. Но ему решительно все равно: сколько миллионов этих товарищей-пролетариев погибнет в кровавом месиве. Если даже в конце концов половина пролетариата погибнет, разбив свои головы о великую скалу,

по которой в течение сотен веков миллиарды людей так тяжело подымались вверх, а другая половина попадет в новое неслыханное рабство, — он — эта помесь Калигулы и Аракчеева — спокойно оботрет хирургический нож о фартук и скажет: «Диагноз был поставлен верно, операция произведена блестяще, но вскрытие показало, что она была преждевременна. Подождем еще лет триста...»

А. И. Куприн // Общее дело. Париж, 1920. № 87

В его отношении к людям, к миллионам людей, обреченных на гибель, было что-то от, скажем, рыбаков, забрасывающих трал (или невод) и вычерпывающих рыбу десятками, сотнями, тысячами тонн. Не жалеют же рыбаки каждую отдельную рыбку, как живой организм, умерщвляемый ими. Но для того, чтобы равнодушно исчислять рыбу на тонны, надо быть как минимум *не рыбой*. Точно так же для того, чтобы оперировать миллионами умерщвляемых людей, надо быть как минимум *не человеком*.

Таким *не человеком* и был Ленин.

В. А. Солоухин. С. 190

Ленин ни в какой мере не был поклонником или последователем маркиза де Сада. Он не был жесток ни от природы, ни по болезни. Он был жесток по убеждению, идейно, в интересах дела — революции — социализма. Он не раз повторял буквально слова Коло д Эрбуа (известный лидер якобинцев. — *Е. Г.*): во имя достижения своих революционных целей все дозволено! И агенты ленинской власти в центре и на местах доказывали, что для них действительно нет ничего не дозволенного...

Летописец. Ленин у власти // Иллюстрированная Россия. Париж, 1933. № 51

В уничтожении миллионов людей проявилось его презрение к людям вообще и к человеку в частности. Люди для него — масса, сырье, ресурсы, глина, из которой он пробовал что-то слепить. Ему сказали, что если насилие над народом рассчитано надолго, то народ не выдержит. «Ничего, — ответил мудрый Ильич. — Народ привыкнет».

В. А. Солоухин. С. 191

Конечно, эти черты не сразу появились на свет в законченном виде, и тем более не сразу, как я уже сказал, нам уяснился смысл этих черт. Но все же и тогда, в те кажущиеся теперь такими далекими годы «Искры», присутствуя при фабрикации и подготовительной тренировке Лениным такого рода «агентов», я не всегда чувствовал себя хорошо. А иногда вместе с другими моими товарищами по редакции я чувствовал себя и совсем уже скверно. Это тогда, когда приходилось убеждаться, что непримиримо строгий к чужим, Ленин «своих», ему нужных «агентов», удовлетворявших его в своем качестве профессионалов, готов был отстаивать со свойственной ему настойчивостью, сознательно закрывая глаза на их личное поведение, на их моральную небезупречность...

А. Н. Потресов. С. 284

Для Ленина не существует ни красоты, ни искусства. Ему даже совсем неинтересен вопрос: почему это некоторые люди приходят в восторг от сонаты Бетховена, от картины Рембрандта, от Венеры Милосской, от терцин Данте. Без всякой злобы, со снисходительной улыбкой взрослого он скажет: «Людям так свойственно заниматься пустяками... Все они, ваши художественные произведения, — имеют ли они какое-нибудь отношение к классовой борьбе и к будущей власти пролетариата?»

А. И. Куприн // Общее дело. Париж, 1920. № 87

Нелишне вспомнить при этом, что Ленина рисовали более 30 художников, причем 9 — непосредственно в его кабинете. Счет современным «иконам» открыл И. Владимиров, впервые запечатлев Ленина в Смольном. Имеются сведения, что он позировал художникам (Рыжковскому — 1903 г., Берингову — 1907 г., Гиньяку — 1915 г.), находясь в эмиграции, а некоторым (например, И. Бродскому) давал автограф на собственном же портрете.

А. А. Арутюнов. С. 553

В нашей стране тысячи памятников В. И. Ленину. Есть хорошие, есть неудачные, но, что удивительно, ни одного выдающегося. Царям создавались величайшие памятники. Вспомним взметнувшуюся

фигуру Петра Великого Фальконе или Александра III, восседающего на битюге, крепко вросшем копытами в российскую землю, работы Трубецкого.

В. Еременко // Лит. Россия. 1990, № 50

Он одинаково равнодушен ко всем отдельным человеческим поступкам: самое низменное преступление и самый высочайший порыв человеческого духа для него лишь простые, не веские, не значащие факты. Ни прекрасного, ни отвратительного нет. Есть лишь полезное и необходимое. Личность — ничто. Столкновение классовых интересов и борьба из-за них — все.

А. И. Куприн // Общее дело. Париж, 1920. № 87

Однажды, помню, отправились в горы. Путь прекрасен. Наконец, добрались. Ландшафт беспредельный, неопишуема игра красок. Перед нами, как на ладони, все пояса, все климаты. Нестерпимо ярко сияет снег; несколько ниже — растения севера, а дальше — сочные альпийские луга и буйная растительность юга. Я настраиваюсь на высокий стиль и уже готова декламировать Шекспира, Байрона. Смотрю на Владимира Ильича: он сидит, крепко задумавшись, и вдруг выпаливает: «А здорово гадят меньшевики!..» Отправляясь на прогулку, мы условились не говорить о меньшевиках, чтобы «не портить пейзажа». И Владимир Ильич шел, был весел и жизнерадостен, очевидно, выбросил из головы всех меньшевиков и бундовцев, но вот он на минутку присел, и мысль заработала в обычном порядке.

М. Эссен. Цит. по: Фишер Л. С. 70

Тем менее способен был Ленин признавать рядом с его собственной организацией какую бы то ни было другую. В пределах социал-демократии или за ее пределами, в рядах всего общественного движения, направленного против режима самодержавия, Ленин знал лишь две категории людей и явлений: свои и чужие. Свои, так или иначе входящие в сферу влияния его организации, и чужие, в эту сферу не входящие, и, стало быть, уже в силу этого одного трактуемые им как враги. Между этими полярными противоположностями, между товарищем-другом и инакомыслящим врагом, для Ленина не

существовало всей промежуточной гаммы общественных и индивидуально человеческих взаимоотношений, и поэтому политический тезис о возможных совместных действиях с другими партиями и группами в борьбе против общего врага, хотя им поневоле и не отрицался тогда теоретически, но практически оставался пустой фиктивной формулой, которую он не был бы в силах даже и при желании наполнить реальным содержанием...

А. Н. Потресов. С. 282

Итальянская мафия называется «коза ностра» — «наше дело».

А нашим делом тогда было построение коммунизма. Лозунги, вроде бы, были благородные. Но мафиозные структуры, проникновение во все аспекты жизни, полный контроль над всем и жестокая расправа со всеми, кто «отклонялся от нормы», — это ведь типично мафиозное поведение...

О. Калугин. Я рад, что помог развалить всемогущий КГБ // Новое русское слово, 1996. 26 апр. С. 12

Эта организация нам представлялась — и в этом заключался наш грех — нормальной организацией социал-демократической партии, лишь приноровленной к условиям подпольного существования в царской России. На самом же деле это уже был эмбрион того коммунистического аппарата, при помощи которого только что освобожденная от царизма Россия была связана по рукам и по ногам новой, не лучшей, а может быть и худшей, чем царская, независимой от народных масс, безответственной бюрократической иерархией.

А. Н. Потресов. С. 283

Создателем этой структуры был Ленин.

Ю. Г. Фельштинский. С. 7

Личные привязанности и политическая беспощадность Ленина не имели точек соприкосновения.»Мартова Ленин любил», — говорит Б. И. Николаевский, видный публицист-меньшевик. Но Ленин ненавидел, преследовал и запрещал партию меньшевиков, которой руководил Мартов. Это не было шизофренией. Ленин был похож на солдата, который ни в коем случае не совершил бы убийства в гражданской

жизни, но убивает на войне. В пропасти, разделяющей личную мораль и общественную аморальность, лежит большая часть мирового зла.

Л. Фишер. С. 537538

«...Наличный хлебный паек *уменьшить* для неработающих по транспорту... Пусть погибнут еще тысячи, но страна будет спасена». «Страна» — это он и его власть. Страна до него существовала 1000 лет и не гибла.

В. А. Солоухин. С. 191

В печати появились высказывания о том, что Ленин был «влюблен» в Мартова и охранял его от невзгод своей чеки. Иные склонны усматривать в этом признаки душевной раздвоенности Ленина. Все это пустые гадания. Мартова и в самом деле не таскали по тюрьмам, а держали под домашним арестом. Когда же он был однажды арестован на заседании ЦК, то он провел на Лубянке всего несколько часов и был отпущен... «Любовь» Ленина не помешала ему закрыть рот Мартову, хорошо зная, что значит для Мартова молчание в революции. Осенью 1920 г. Мартов — с разрешения ЦК — выехал за границу. Он был тогда уже серьезно болен. Была тенденция объяснить это разрешение на отъезд тоже особым отношением Ленина и Мартову: хотел, мол, его спасти... Однако в свете тех высылки за границу, которые последовали потом при Ленине и которые завершились насильственной высылкой Троцкого Сталиным, трактовать разрешение на выезд за границу как признак особой милости или даже «любви» не приходится. Отто Бауэр после смерти Мартова писал: «Большевики ненавидели и боялись этого человека, который страстно боролся против их диктатуры над пролетариатом... Они были счастливы, что освобождались от опаснейшего из своих социал-демократических противников».

Б. Двинов. Ленин и Мартов // Новый журнал. Нью-Йорк. № 63. С. 284285

К нему ночью, в Смольный, приводят пятерых юношей, почти мальчиков. Вся вина их в том, что у одного при обыске нашли офицерский погон. Ни в Совете, ни в Трибунале не знают, что с ними

делать: одни говорят — расстрелять, другие — отпустить, третьи — задержать до утра... Что скажет товарищ Ленин?

Не переставая писать, Ленин слегка поворачивает голову от письменного стола и говорит:

«Зачем вы ко мне лезете с пустяками? Я занят. Делайте с ними, что найдете нужным».

Это — простота. Это — почти невинность. Но невинность более ужасающая, чем все кровавые бани Троцкого и Дзержинского. Это тихая невинность «морального идиотизма».

А. И. Куприн // Общее дело. Париж, 1920. № 87

Владимир Ильич как-то говорил, что наша нравственность вытекает из интересов классовой борьбы пролетариата. Он был настоящий коммунист.

М. И. Ульянова. С. 278

Ночью, уже в постели, без огня, я опять обратился памятью к Ленину, с необычайной ясностью вызвал его образ и испугался. Мне показалось, что на мгновение я как будто бы вошел в него, почувствовал себя им.

«В сущности, — подумал я, — этот человек, такой простой, вежливый и здоровый, — гораздо страшнее Нерона, Тиверия, Иоанна Грозного. Те, при всем своем душевном уродстве, были все-таки люди, доступные капризам дня и колебаниям характера. Этот же — нечто вроде камня, вроде утеса, который оторвался от горного кряжа и стремительно катится вниз, уничтожая все на своем пути. И притом — подумайте! — камень в силу какого-то волшебства мыслящий! Нет у него ни чувств, ни желаний, ни инстинктов. Одна острая, сухая непобедимая мысль: падая — уничтожаю».

А. И. Куприн // Общее дело. Париж, 1921. № 221

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

Авербах М. И. Воспоминания о В. И. Ленине // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Авторханов А.1 Коба и Камо // Новый журнал. Нью-Йорк, 1973. № 110.

Авторханов А.2 Ленин в судьбах России // Новый мир. 1991. № 1.

Адоратский В. В. За восемнадцать лет // Воспоминания о В. И. Ленине. В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Алданов М. А.1 Самоубийство. М.: ТЕРРА, 1995.

Алданов М. А.2 Сталин. Эссе // Литература русского зарубежья: Антология: В 6 т. М.: Книга 1991. Т. 2.

Александров С. Немецкий агент Парвус // Тайна октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания: Сборник / Сост. В. И. Кузнецов. СПб.: Алетейя, 2001.

Алексинская Т. С. Из дневника // Родная Земля. Париж, 1926. №1. 1 апр.

Алексинский Г. А. Показания по делу о вооруженном выступлении в июле 1917 года // Тайна октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания: Сборник / Сост. В. И. Кузнецов. СПб.: Алетейя, 2001.

Алексинский Г. А. Проходимцы и шпионы. Из воспоминаний // Общее дело. Париж, 1921. № 211. 12 февр.

Алексинский Г. А., Панкратов В. Ленин, Ганецкий и К° — шпионы! // Живое слово. 1917. № 51. 5 июля.

Аликин С. Н. Вечно живой // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Аллилуев В. Ф. Хроника одной семьи: Аллилуевы — Сталин. М.: Мол. гвардия, 1995.

Андреев Л. Veni, Creator! // Русская воля. 1917. № 219.

Андреева М. Ф. Переписка. Статьи. Воспоминания. М., 1963.

Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий: В 2 т. М.: Худож. лит., 1991.

Арест жены Ленина // Живое слово. 1917. № 56. 11 июля.

Арманд И. А. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине // Воспоминания о В. И. Ленине. В 10 т. М.: Политиздат. 1991. Т. 8.

Арманд И. Ф. Дневник 1920 года // Свободная мысль. М., 1992. №3.

Аросев А. Я. Ну, что, как Ильич? // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Арсенидзе Р. Из воспоминаний о Сталине // Новый журнал. Нью-Йорк, 1963. № 72.

Арутюнов А. А. Досье Ленина без ретуши. Документы, факты, свидетельства. М.: Вече, 1999.

Архив русской революции: В 22 т. М.: ТЕРРА, 1993. Т. 1920.

Афанасьев А. М. Встреча на станции Белоостров // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 4.

Багоцкий С. Ю. Из воспоминаний о встречах с В. И. Лениным // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 4.

Бажанов Б. Кремль. Год 1920. Париж, 1931.

Бармин А. Г. Соколы Троцкого / Пер. с англ. М.: Современник, 1997.

Бек А. К истории последних ленинских документов. Из архива писателя, беседовавшего в 1967 году с личными секретарями Ленина // Моск. новости. 1989. № 17. Апр.

Белецкий С. П. Показания по делу о вооруженном выступлении в июле 1917 года // Тайна октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания: Сборник / Сост. В. И. Кузнецов. СПб.: Алетейя, 2001.

Бельмас А. В. Воспоминания о В. И. Ленине // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Белякова Т. М. Память сердца // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955.

Бернштам М. Стороны в Гражданской войне 1917-1922 гг. // Вестник РХД. Париж. № 128.

Берштейн Эд. Темная история // Форвертс. Берлин, 1921. 14 янв. Утр. вып.

Беседовский Г. З. Сталин-бомбист. На путях к Термидору. М.: Современник. 1997.

Биография В. И. Ленина. М.: Политиздат, 1960.

Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М.: Воениздат, 1958.

Бонч-Бруевич В. Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. 2-е изд. М., 1931.

Бонч-Бруевич В. Д. Смерть и похороны Владимира Ильича // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Бонч-Бруевич В. Д. Три покушения на Ленина. М.: Изд-во «Федерация», 1930.

Бош Е. Б. Встречи и беседы с Владимиром Ильичем (1915-1917 годы) // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 4.

Брешко-Брешковский Н. Нахамкес I и его сподвижники // Живое слово. 1917. № 63. 19 июля.

Брусенцов В. Ленин // Простор. Алма-Ата, 1993. № 11.

Бунин И. А. Окаянные дни. М.: Сов. писатель, 1990.

Бунин И. Золото партии. СПб.: Шанс, 1992.

Бурцев В. Л. Показания по делу о вооруженном выступлении в июле 1917 года // Тайна октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания: Сборник / Сост. В. И. Кузнецов. СПб.: Алетейя, 2001.

Бухарин Н. И. Памяти Ильича // Правда. 1925. 21 янв.

Был ли Сталин агентом Охранки? Сборник // Сост. Ю. Фельштинский. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1999.

В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999.

В. И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1970. Т. 1.

Валентинов Н.1 Встречи с Лениным // Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. (1)

Валентинов Н.2 Выдумки о ранней революционности Ленина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1954. № 39.

Валентинов Н.3 Малоизвестный Ленин. М.: На боевом посту, 1992.

Валентинов Н.4 Наследники Ленина / Ред.-сост. Ю. Фельштинский. М.: Терра, 1991.

Валентинов Н.5 Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М.: Современник, 1991.

Валентинов Н.6 О предках Ленина... // Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. № 61.

Валентинов Н.7 Ранние годы Ленина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. № 41.

Валентинов Н.8 Чернышевский и Ленин // Новый журнал. Нью-Йорк, 1951. XXVI.

Васильев И. П. Показания по делу о вооруженном выступлении в июле 1917 года // Тайна октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания: Сборник / Сост. В. И. Кузнецов. СПб.: Алетейя, 2001.

Васильева Л. Н. Кремлевские жены. М.: Вагриус, 1992.

Вейсброд Б. С. Больной Ленин // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991.

Вильтон Р. Последние дни Романовых / Пер. с англ. М., 1998.

Вильямс А. Р. Жизнь доказала нашу правоту. Избранная публицистика / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1983.

Виноградская П. С. Годы и люди. М., 1972.

Вишняк М. Ленин у власти // Новый журнал. Нью-Йорк, 1957. Кн. 50.

Вождь: (Ленин, которого мы не знали). Сборник. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1991.

Войтинский В. С.1 Годы побед и поражений. Берлин, 1924 г. Т. II.

Войтинский В. С.2 1917-й. Год побед и поражений. М.: ТЕРРА, 1999 (Тайны истории в романах, повестях и документах).

Волкогонов Д. А. Ленин. Политический портрет. В 2 кн. М.: Изд-во «Новости», 1994.

Володичева М. А. Отрывки из воспоминаний // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1991.

Вострышев М. И. Крестный путь святителя Тихона. М.: Современник, 1991.

Вульф Бертрам Д. Крупская чистит библиотеки // Новый журнал. Нью-Йорк. № 99.

«Вы... распорядились молчать... абсолютно» (неизвестные письма А. И. Ульяновой-Елизаровой И. В. Сталину и набросок статьи М. И. Ульяновой о выявленных документах по их родословной / Публ. Е. Е. Кирилловой и В. П. Шепелева // Отечественные архивы. 1992. № 4.

Ганецкий Я. С. Ленин в галицийской тюрьме // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 4.

Где Ленин // Живое слово. 1917. № 56. 11 июля.

Горький М. К демократии // Новая жизнь. М., 1917. № 174.

Гофман М. Война упущенных возможностей // Тайна октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания: Сборник / Сост. В. И. Кузнецов. СПб.: Алетейя, 2001.

Гофман М. Пломбированный вагон // Руль. Берлин, 1921. № 32. 23(10) дек.

Гуль Р. Ленин и «Архипелаг ГУЛАГ» // Новый журнал. Нью-Йорк, 1974. № 115.

Данилов Е. Вождь без пьедестала // Огонек. 1998. Сент.

Двинов Б. Ленин и Мартов // Новый журнал. Нью-Йорк. № 63.

Дейч Г. М. Еврейские предки Ленина. Телекс. Нью-Йорк. 1986. № 11. 26 окт.

Дейч Л. Все ясно! // Единство. 1917. № 83. 6 июля.

Дикий А. И. Евреи в России и в СССР. Новосибирск: Благовест, 1994.

Дмитриевский С. В. Сталин. М.: СП «Интерпринт» и ИК «Буквица», 1990.

Доброгаев С. М. Болезнь речи В. И. Ленина и ее лечение // Наша искра. 1925. №1.

Дон Левин И. Величайший секрет Сталина // Был ли Сталин агентом охраны? Сб. / Сост. Фельштинский. М.: ТЕРРА. Книжный клуб, 1999.

Драбкина Е. Я. Зимний перевал. М.: Политиздат, 1990

Драбкина Ф. И. Приезд товарища Ленина // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 4.

Доклад Алексинского // Живое слово. 1917. № 51. 5 июля.

Дуэль министров из-за Ленина!!! // Живое слово 1917. № 53. 7 июля.

Елизавета К. // Ленин в деятельности. Его роман с Елизаветой К. // Иллюстрированная Россия. Париж, 1936. № 4551.

Емельянов Н. А. Таинственный шалаш // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат. 1989. Т. 4.

Енко К. и Т. Частная жизнь вождей. М.: ЗАО Изд-во «Центрполиграф», 2000.

Еременко В. Мессия // Лит. Россия. 1990. № 50.

Ерофеев В. Моя маленькая Лениниана // Европа+Америка. 1991. № 1.

Есенин С. А. Сергей Есенин в стихах и в жизни. Стихотворения 1910-1925.

Зенькович Н. А. Маршалы и генсеки. Интриги. Вражда. Заговоры. Смоленск: Русич, 1997.

Зелинский К. Одна встреча у Горького // Вопросы литературы. 1991. Май

Зиновьев Г. Е. Приезд В. И. Ленина в Россию // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 4.

Иванов В. Ф. От Петра Первого до наших дней. Русская интеллигенция и масонство. Харбин, 1934.

Ильин Ф. Н. Отрывок из воспоминаний // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 4.

Историк. К вопросу о предках Ленина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1961. № 63.

Калугин О. Я рад, что помог развалить всемогущий КГБ // Новое русское слово. 1996. 26 апр.

Каменев Ю. Две партии. Л., 1924.

Карпинский В. А. Странички прошлого // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 4.

Катков Г. Февральская революция // Тайна октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания: Сборник / Сост. В. И. Кузнецов. СПб.: Алетейя, 2001.

Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары / Пер. с англ. М.: Республика, 1993.

Керенский А. Ф. Издалека. Сборник статей (1920-1921). Париж, 1922.

Керенский спасает Троцкого // Руль. Берлин. 1920. № 16. 4 дек.

Киржниц Е. Еврейский рабочий. М., 1926.

Костеловская М. М. По поручению московских большевиков // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 4.

Котова Е. В. Сараевское убийство 28 июня 1914 г. и закат империи Габсбургов // Цареубийства. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.

Краскова В. С. Кремлевские тещи. Минск: Современный литератор, 1999.

Кристофер Э., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. «Nota Bene», 1992.

Крутов В., Верес Л. «Отцы-основоположники» коммунистического рабства. Групповой портрет. Ч. 3 // Вече. Мюнхен, 1984. № 13.

Крупская Н. К. 1 Воспоминания о Ленине // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1990. Т. 2.

Крупская Н. К. 2 Об Ильиче // Большевик. 1938. Кн. 12.

Кто разоблачил Ленина? // Живое слово 1917. № 51. 5 июля.

Кубеев М. Налетчики. М.: Детектив-пресс, 2000.

Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. М.: Былина, 1999.

Куприн А. И. Ленин. Моментальная фотография // Общее дело. Париж, 1921. № 221.

Куприн А. И. Ленин. Опыт характеристики // Общее дело. Париж, 1920. № 87.

Лацис М. И. Из октябрьских воспоминаний // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 4.

Левин Л. Г. Из моих воспоминаний о Ленине // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Ленин В. И. Полное собр. соч. В 55 т. 5-е изд.

Ленин в деятельности. Его роман с Елизаветой К. // Иллюстрированная Россия. Париж, 1936. № 4551

Ленин и Октябрьская революция // Долой неграмотность. 1924. № 36.

Ленинцы и германские деньги // Живое слово. 1917. № 63. 19 июля.

Леплевский Г. М. О работе В. И. Ленина в Совнаркоме // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 7.

Летописец. Ленин у власти // Иллюстрированная Россия. Париж, 1933. № 51.

Лешенко Д. И. Как я снимал Ленина // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 томах. М.: Политиздат, 1991. Т. 4.

Локкарт Брюс Р. Г. История изнутри. Мемуары британского агента / Пер. с англ. М.: Изд-во «Новости». 1991.

Лондон Д. Жажда жизни // Собр. соч. в 7 т. М.: Госиздат, 1955. Т. 4.

Лопухин Ю. М. Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина: Правда и мифы. М.: Республика, 1997.

Луначарский А. В. Ленин в Совнаркоме // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 7.

Луначарский А. В. Из неизданных воспоминаний о В. И. Ленине // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 томах. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Луначарский А. В. Ленин как ученый и публицист // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 томах. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. / Пер. с нем. М., 1923. Т. 1.

Мальков П. Записки коменданта Кремля. М., 1958.

Мартов (Цедербаум) Ю. О. Дайте слова // Вперед. 1918. 26 апр.

Мартов Л. Спасители или упразднители? (Кто и как разрушил Р. С. Д. Р. П.) Париж, 1911.

Медведев Ж. А., Медведев Р. А. Неизвестный Сталин. М.: Права человека, 2001.

Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков. Нью-Йорк, 1989.

Мельгунов С. П. Красный террор в России. М.: СП «PUICO» & P. S., 1990.

Мельников-Разведенков Н. Ф. О механизме происхождения анатомических изменений мозга В. И. Ленина // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Мельниченко В. Е. 1 Личная жизнь Ленина. М.: Воскресенье, 1998.

Мельниченко В. Е. 2 Я тебя очень любила (правда о Ленине и Арманд). М.: Воскресенье, 2002.

Метелев А. Д. Тов. Ленин в Кремле // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Мещеряков Н. Л. О Ленине // Из воспоминаний о Ленине. Сборник. М., б/г.

Микоян А. И. В начале двадцатых... М., 1975.

Милютин В. О Ленине // Прожектор. 1924. № 8.

Мстиславский С. Д. Накануне: 1917 год. М.: Правда, 1989.

Нагловский А. Д. Ленин // Новая жизнь. 1967. № 88.

Неизвестные документы. См. В. И. Ленин. Неизвестные документы.

Нечаев С. Г. Катехизис революционера. Цит. по: Пейн Р. С. 22

Нет худа без добра // Живое слово. 1917. № 51. 7 июля.

Никитин Б. Роковые годы. Париж. 1937. (1)

Никитин Б. Русская контрразведка в действии // Тайна октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания: Сборник / Сост В. И. Кузнецов. СПб.: Алетейя, 2001.

Ноймайр А. Диктаторы в зеркале медицины / Пер. с нем. Ростов н/Д: Феникс, 1997.

Орлов В. Г. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М.: Современник, 1998.

Орса-Койдановская Б. Интимная жизнь Ленина / Пер. с нем. Минск: БАДППР, 1994.

Осинский Н. Ленин // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 4.

Осипов В. П. Болезнь и смерть В. И. Ленина // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Паламарчук П. Неотпетый злодей // Вече. Мюнхен, 1989. № 35.

Панкратов В. Большевистский путч // Заря. Омск, 1919. Янв.

Пейн Р. Ленин: жизнь и смерть / Пер. с англ. М.: Мол. гвардия, 2002.

Петрашева М. М. У постели больного Ильича // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 томах. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Петренко Н. Ленин в Горках — болезнь и смерть // Минувшее. Исторический альманах 2. М.: Прогресс, 1990.

Платтен Ф. Ленин из эмиграции в Россию // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 4.

Постановление об аресте Ленина и других // Живое слово 1917. № 56. 11 июля.

Потресов А. Н. Избранное. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», 2002.

Плеханов Г. В. Показания по делу о вооруженном выступлении в июле 1917 года // Тайна октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания: Сборник / Сост. В. И. Кузнецов. СПб.: Алетейя, 2001.

Приоров Н. Н. Незабываемое // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Признания немцев // Общее дело. Париж, [192...]. 20 янв. № 189.

Прокурор обвиняет // Единство. 1917. № 96. 22 июля

Пятницкий И. А. У Ильича во время его болезни // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Радек К. Б.1 Портреты и памфлеты. Кн. 1. М., 1933.

Радек К. Б.2 Швейцарский период // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 4.

Радек К.3 В «пломбированном вагоне» // Правда. 1924. 20 апр.

Разоблачения Людендорфа о Ленине и Троцком // Свобода. Варшава, 1921. № 55(104). 11 марта.

Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.: Политиздат, 1990.

Рассел Б. Практика и теория большевизма. М.: Панорама, 1998. (Б-ка «Лауреаты Нобелевской премии»).

Рукавишников В. А. Последний год Ильича. Из записок фельдшера // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Сапронов Т. Горки // Прожектор. 1925. №14.

Семашко Н. А. Что дало вскрытие тела Владимира Ильича // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Сервис Р. Ленин / Пер. с англ. Минск: ООО «Попурри», 2002.

Серебренников А. Кто же выстрелил в Лозанне? // Вождь: (Ленин, которого мы не знали). Сборник. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1991.

Смирнова Е. И. У тов. Ленина во время болезни // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Соколов Б. В. Арманд и Крупская: женщины вождя. Смоленск: Русич, 1999.

Сокольников Г. Я. Ленин в Октябре // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 4.

Солженицын А. И. Ленин в Цюрихе. Екатеринбург: У-ФАКТОРИЯ, 2002.

Соломон Г. А.1 Вблизи вождя: свет и тени. Ленин и его семья. М.: Москвитянин, 1991.

Соломон Г. А.2 Среди красных вождей. (Осмысление века: кремлевские тайны). М.: Современник, 1995.

Солоухин В. А. При свете дня. М., 1992.

Сорин В. Г. Большой дом // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Спиридович А. И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти. 188319031917. Париж, 1922.

Сталин И. В. О Ленине // Правда. 1924. № 34.

Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. М.: Политиздат, 1957.

Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль — 1930—50 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997.

Суханов Н. Н. Записки о революции: В 3 т. М.: Политиздат, 1991.

Тайна октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания: Сборник / Сост. В. И. Кузнецов. СПб.: Алетейя, 2001.

Такер Р. Сталин. Путь к власти. 18791929. История и личность. М.: Прогресс, 1990.

Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб.: ГПП им. Ивана Федорова, 1992.

Троцкий (Бронштейн) Л. Д.1 Моя жизнь. М.: Вагриус, 2001.

Троцкий Л. Д.2 История русской революции: В 2 т. М.: ТЕРРА; Республика, 1997.

Троцкий Л. Д.3 Сталинская школа фальсификаций. Берлин: Гранат. 1932.

Троцкий Л. Д.4 Сталин. Политическая биография: В 2 т. Нью-Йорк. 1985. Т. 2.

Троцкий Л. Д.5 Болезнь Ленина // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Троцкий Л. Д. Сверх-Борджиа в Кремле // Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. М.: Моск. рабочий, 1991.

Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Лондон, 1953.

Угланов Н. А. О Владимире Ильиче Ленине // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Ульянов Д. И. Детские годы Владимира Ильича // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1989. Т. 1.

Ульянова М. И. Из воспоминаний // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат. 1989. Т. 1.

Ульянова М. И. Об отношении В. И. Ленина к Сталину // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12.

Ульянова-Елизарова А. И.1 Из воспоминаний // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат. 1989. Т. 1.

Ульянова-Елизарова А. И.2 Из ответов на анкету сотрудника Дома-музея в Ульяновске. Март 1931 г. // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат. 1989. Т. 1.

Уэллс Г. Кремлевский мечтатель // Россия во мгле. М.: Госполитиздат, 1958.

Фельштинский Ю. Г. Вожди в законе. М.: Терра-Книжный клуб, 1999.

Фишер Л. Жизнь Ленина. Overseas Publications Interchange, Ltd. London, 1970.

Фотиева Л. А.1 Из воспоминаний о В. И. Ленине // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Фотиева Л. А.2 Неиссякаемая энергия // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Хабаров И. Н. Самый человечный человек // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 8.

Харитонов М. М. Из воспоминаний // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 4.

Хилл Дж. Моя шпионская жизнь / Пер. с фр. М.: «ЛГ Информэйшн Груп»; «ОЛМА-ПРЕСС», 2000.

Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть: В 4 т. М.: ИИК «Московские новости», 1999. Т. 2.

Чазов Е. И. Здоровье и власть. М., 1992.

Чернов В. М. Ленин // Россия. М., 1990. № 5.

Черчилль У. Из выступления в Манчестере 8 июня 1921 г. // Сегодня (Рига). 1921. 21 июня.

Чуев Ф. И. Молотов. Полудержавный властелин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

Шагинян М. С. Лениниана. М.: Мол. гвардия, 1980.

Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года // Семнадцатый год: В 3 т. Т. 3. Кн. 45. М.: Республика, 1994.

Шотман А. В. Ленин в подполье // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1989. Т. 4.

Шпенглер Т. Мозг Ленина / Пер. с нем. СПб.: Лениздат, 1994.

Штейн М. Г.1 Род вождя. Генеалогия рода Ульяновых // Литератор. Л., 1990. № 38.

Штейн М. Г.2 Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб.: ВИРД, 1997.

Штурман Д.1 Блуд на крови. Письмо драматургу Шатрову // Лит. Россия. М., 1991. № 14.

Штурман Д.2 О вождях российского коммунизма. Париж: YMCA PRESS; М.: Русский путь, 1993.

Шуб Д. Еврейские предки Ленина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1961. Кн. 63.

Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. М.: Сов. писатель, 1961. Кн. 1.

Юделевич В. С. Воспоминания о Ленине // Журнал одонтологии и стоматологии. 1924. № 3.

Яковлев Н. Н. Сталин: путь навверх. М., 2000.

Ярославский Ем. Очерки по истории ВКП(б). М., 1938.

ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ

Авербах Михаил Иосифович (1872—1944), врач-офтальмолог, академик АН СССР, заслуженный деятель науки. Принимал участие в лечении В. И. Ленина.

Авторханов Абдурахман Геназович (19081997), историк, публицист, до 1943 г. в СССР (в 1937 г. был репрессирован). Жил в Германии.

Адоратский Владимир Викторович (1878—1945), ученый-марксист, академик АН СССР. Член партии с 1904 г. В 1906—1908 гг. и с 1911 по 1917 г. находился за границей, где неоднократно выполнял поручения В. И. Ленина.

Алданов Марк (наст. фам. и имя Ландау Марк Александрович) (18861957), писатель, с 1919 года в эмиграции.

Александр Михайлович, великий князь (18661933), дядя последнего русского императора Николая II, отец русской авиации, крупный военно-морской теоретик, историк, библиофил.

Алексинский Григорий Алексеевич (18791927), большевик, депутат II Государственной думы. Публицист. В июле 1917 г. вместе с В. С. Панкратовым (см.) опубликовал письмо о государственной измене Ленина. После революции в эмиграции.

Аликин Сергей Николаевич (1901—1975), член партии с 1920 г. В 1922—1924 гг. был в личной охране В. И. Ленина.

Аллилуев Владимир Федорович (р. 1935), родственник Сталина по линии его второй жены.

Андреева (наст. фам. Юрковская) Мария Федоровна (1868—1953), актриса, общественная деятельница, в 1920 г. работала в системе Внешторга РСФСР в России и за границей. Жена М. Горького.

Анненков Юрий Павлович (18891974), художник, эмигрант.

Арманд Инесса Федоровна (18741920), большевик, в 1912 г. в качестве представителя ЦК РСДРП вела работу в Петербурге по подготовке выборов в IV Государственную думу, в 19191920 гг. — зав. отделом по работе среди женщин ЦК РКП(б).

Арманд Инна Александровна (1898—1971), дочь И. Ф. Арманд, член партии с 1917 г. Участвовала в гражданской войне, политработник Астраханского военного округа (1918 г.). В 1919—1921 гг. — на партийной работе в Московском комитете и в районных комитетах партии Москвы. В 1921—1923 гг. работала в аппарате Исполкома Коминтерна, в 1923—1930 гг. — сотрудник полпредства СССР в Германии.

Аросев Александр Яковлевич (1890—1938), советский государственный и партийный деятель, дипломат, писатель. Член партии с 1907 г. В 1917 г. председатель Тверского совета, член Всероссийского бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б). В дни Октябрьской революции член Московского ВРК, начальник оперотдела штаба ВРК.

Арсенидзе Р. — участник революционной борьбы в Закавказье.

Арутюнов Аким Александрович (р. 1943), российский ученый-историк и публицист.

Афанасьев Александр Михайлович (1869—1953), бывший рабочий Сестрорецкого оружейного завода. Член партии с 1905 г. Участник первой российской революции 1905—1907 гг.; член Сестрорецкого комитета РСДРП.

Багоцкий Сергей Юстинович (1879—1953), активный участник революционного движения, по профессии врач. В 1912—1917 гг. в Кракове и Поронине, затем в Швейцарии выполнял ряд поручений В. И. Ленина. После Октябрьской революции — один из организаторов советского здравоохранения.

Бажанов Борис Георгиевич (1900?), помощник Ленина, работник секретариата Сталина в 20-е годы.

Балабанова Анжелика Ивановна (1878—1965), участница российского и итальянского социалистического движения, входила в Циммервальдское объединение, в 1917 г. приехала в Россию, вступила в РКП(б), участвовала в работе I конгресса Коминтерна, в 1919 г. — секретарь ИККИ, в 1921 г. эмигрировала из России.

Бармин Александр Григорьевич (1899—1987), дипломат-невозвращенец. Возглавлял русскую службу радиостанции «Голос Европы».

Бек Александр Альфредович (1902—1972), советский писатель.

Белецкий Степан Петрович (18731918), вице-директор, директор департамента полиции (19091914), товарищ (заместитель) министра внутренних дел (19151916).

Бельмас Александр Васильевич (1899?) — член партии с 1921 г. Активный участник Октябрьской социалистической революции на Украине. В годы гражданской войны находился в Красной Армии на политической работе. В 1922—1925 гг. работал в ВЧК—ОГПУ. С осени 1922 г. состоял в личной охране В. И. Ленина.

Белякова Таисия Михайловна (18931980), уроженка Нижегородской губернии. В 1921 г. окончила медицинские курсы в Москве. В 1923 г. нач. 1924 г. принимала участие в лечении В. И. Ленина.

Бердяев Николай Александрович (1874—1948), русский философ, в 1922 г. выслан из России.

Берштейн Эдуард (18791936), немецкий социалист, депутат национального собрания, первым сделавший запрос относительно использования немецких денег в большевистской революции.

Беседовский Григорий Зиновьевич (18961951?), дипломат, с 1929 г. в эмиграции.

Богданов Александр Александрович (Максимов) (1873—1928), врач, философ, экономист, писатель, большевик, член редакций газет «Вперед» и «Пролетарий» (1905), член ЦК РСДРП, в 1907—1909 гг. входил в Большевистский центр, в 1909—1911 гг. — лидер группы «Вперед», теоретик и организатор Пролеткульта, в 20-е годы — профессор политэкономии 1-го Московского государственного университета, директор Института переливания крови.

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (18731955), советский партийный и государственный деятель, член партии с 1895 г., в 1910 г. участвовал в организации и редактировании газеты «Звезда», в 19171920 гг. — управляющий делами Совнаркома РСФСР, заведующий Политиздатом.

Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (18701956), генерал царской армии, в 19171919 гг. — начальник штаба Верховного главнокомандующего вооруженными силами Советской России, руководитель Высшего военного совета, начальник Полевого штаба РВСР.

Бош Евгения Богдановна (Киевлянка) (1879|1925), большевик, в 1912 г. жила в Киеве, в 1915 г. участвовала в конференции заграничных групп РСДРП в Берне, после 1917 г. — член первого советского правительства Украины, в 1918 г. — председатель Пензенского губкома РКП(б).

Брайант Луиза (1890|1936), американская журналистка, жена Джона Рида, неоднократно приезжала в Россию.

Брусенцов Владимир Николаевич (1946), писатель, автор серии очерков о ведущих фигурах революции, опубликованных в казахстанском журнале «Простор».

Бунин Иван Алексеевич (1870—1953), русский писатель. С 1920 г. в эмиграции. Лауреат Нобелевской премии в области литературы (1933 г.).

Бурцев Владимир Львович (1862|1942), публицист, близок к эсерам, с 1907 г. в эмиграции занимался разоблачением секретной агентуры царской Охранки, внедренной в революционные и оппозиционные организации России. Издатель журнала «Былое».

Бухарин Николай Иванович (1888|1938), большевик, до конца 1910 г. работал в Московской организации РСДРП, был арестован и в 1911 г. выслан в Архангельскую губ., из ссылки бежал, эмигрировал, жил в Вене, Лозанне, в 1915 г. — член редакции журнала «Коммунист», участник конференции заграничных групп РСДРП в Берне, в 1916 г. уехал в Америку, работал в газете социалистической эмиграции «Новый мир», в мае 1917 г. вернулся в Москву, на VI съезде РСДРП(б) избран членом ЦК, работал в Московском областном бюро ЦК РКП(б), редактор газеты «Правда», с 1919 г. — кандидат в члены Политбюро ЦК, член ИККИ, зам. председателя Бюро ИККИ.

Валентинов Н. (Вольский Николай Владиславович) (1879|1964) меньшевик, историк и философ, в революционном движении участвовал с 1898 г., вел работу в Киеве; в 1903 г. арестован и после длительной голодовки освобожден из тюрьмы под надзор полиции; вскоре бежал за границу. После II съезда РСДРП примыкал к большевикам, в конце 1904 г. перешел к меньшевикам, редактировал легальную меньшевистскую «Московскую газету». После Октябрьской революции работал заместителем редактора «Торгово-промышленной

газеты», затем — в торговом представительстве СССР в Париже. С 1930 г. в эмиграции.

Васильева Лариса Николаевна, поэтесса, прозаик, драматург. Автор художественно-публицистических исследований малоизвестных сторон частной жизни российской политической элиты XX века.

Вейсброд Борис Соломонович (1874—1942), хирург, член партии с 1904 г. В 1917 г. руководитель отдела здравоохранения первого Замоскворецкого Совета, комиссар лечебных учреждений. В 1919—1920 гг. — председатель Чрезвычайной комиссии по борьбе с эпидемиями на Туркестанском и Юго-Западном фронтах. С 1922 г. — главный врач 2-й Градской больницы в Москве. Принимал участие в лечении В. И. Ленина.

Вильтон Роберт, в 20-х гг. XX в. собственный корреспондент газеты «Таймс» в России, участник расследования убийства императора Николая II и его семьи.

Вишняк М. В., эсер, юрист, журналист, бывший секретарь Всероссийского Учредительного собрания.

Вильямс Альберт Рис (18831962), американский журналист, в 1918 г. создал интернациональный отряд для защиты Советской власти, сражался на фронтах гражданской войны в России.

Войтинский Владимир Савельевич (18851960), участник революционных событий в России нач. XX в. В 1917 г. член Исполкома Петроградского совета и комиссар Временного правительства на Северном фронте. После Октябрьской революции в эмиграции.

Волкогонов Дмитрий Антонович (19281995), историк, доктор философских наук. Автор серии политических биографий революционных и государственных деятелей.

Володичева Мария Акимовна (18811973), большевик, в 19181924 гг. — стенографистка Совнаркома, помощник секретаря СНК и СТО РСФСР.

Ганецкий (Фюрстенберг) Яков Станиславович (1879—1937), деятель польского и русского революционного движения. Член Коммунистической партии с 1896 г. В 1917 г., находясь в Швеции, был посредником между В. И. Лениным и Русским бюро ЦК. Участвовал в организации возвращения Ленина в Россию. В марте—ноябре 1917 г.

член Заграничного представительства ЦК РСДРП(б). Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Гельфанд А. Л., см. Парвус

Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) (1868—1936), русский советский писатель, литературный критик, публицист и общественный деятель.

Гофман Макс (18691927), генерал, бывший начальник штаба германской восточной армии в Первую мировую войну.

Гуль Роман Борисович (1896—1986), прозаик, критик, мемуарист. С 1919 по 1933 г. проживал в Германии, где встречался с Есениным.

Дейч Лев Григорьевич (18551941), участник народнического, а с 1874. г. социал-демократического движения в России. После Февральской революции примыкал к плехановской группе «Единство».

Дмитриевский Сергей Васильевич (1893?), дипломат-невозвращенец 20-х гг. Автор серии политических портретов советской политической элиты.

Доброгаев С. М., врач-логопед, принимал участие в лечении Ленина.

Драбкина Елизавета Яковлевна (19011974), партийный и общественный деятель, писательница.

Драбкина Феодосия Ильинична (1883—1957), российский революционный деятель. Член партии с 1902 г. Участница революции 1905—1907 гг. Сотрудница редакции журнала «Просвещение», большевистского издательства «Прибой», член первой редакционной коллегии журнала «Работница». В 1917 г. — в секретариате ЦК РСДРП(б), Петроградского ВРК.

Емельянов Николай Александрович (1871—1958), рабочий. Член партии с 1904 г. Участник трех революций. В июле—августе 1917 г. укрывал Ленина в Разливе.

Есенин Сергей Александрович (18951925), русский поэт.

Зенькович Николай Александрович (р. 1947), автор более 25 популярных книг, основанных на ранее непубликовавшихся секретных

материалах.

Зиновьев Григорий Евсеевич (Радомысльский — Апфельбаум — Овсей — Гершев — Аронов) (18831936), социал-демократ, большевик. Вместе с Лениным был пассажиром «запломбированного вагона», в июле 1917 г. после разоблачений в печати скрывался от следствия и суда в Разливе. Был в курсе связей большевиков с Гельфандом-Парвусом и германским правительством. Один из организаторов «красного террора».

Ильин-Женевский Александр Федорович (1894—1941), советский государственный и партийный деятель, дипломат. Член партии с 1912 г. Прапорщик. После Февральской революции вел партийную работу среди моряков Балтийского флота, редактор газет «Солдатская правда», «Голос правды», «Волна». Член Петроградского Совета. В Октябрьские дни 1917 г. — комиссар ВРК гвардейского Гренадерского резервного полка, затем в составе отряда матросов направлен на помощь восставшим в Москву. Брат Ф. Ф. Раскольников.

Ильин Ф. Н. (18761944) — большевик, с 1907 г. жил в Швейцарии, после 1917 г. работал в Московском совете и Революционном трибунале РСФСР.

Иоффе Адольф Абрамович (1883—1927), советский государственный и партийный деятель. В революционном движении с 1890-х гг. После Февральской революции вернулся из эмиграции в Россию, был членом Петроградского Совета, примкнул к большевикам и на VI съезде РСДРП(б) был принят в большевистскую партию, избран кандидатом в члены ЦК РСДРП(б). В Октябрьские дни член Петроградского ВРК, Петросовета, делегат II Всероссийского съезда Советов.

Каганович Лазарь Моисеевич (18931991), большевик, с 1918 г. — член ВЦИК, комиссар организационно-агитационного отдела Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии, председатель Нижегородского губкома РКП(б), с сентября 1919 г. на Южном фронте, затем председатель Воронежского губкома РКП(б).

Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (18831936), большевик, с 1908 г. жил в эмиграции, член редакций газет «Пролетарий», «Социал-Демократ» и Большевистского центра, в начале 1914 г. вернулся в

Россию в связи с амнистией, объявленной к 300-летию дома Романовых, редактор газеты «Правда» в Петербурге, в ноябре 1914 г. арестован и сослан, с 1917 г. — член ЦК РКП(б), в 1919-1926 гг. — член Политбюро ЦК, зам. председателя Совнаркома, председатель и член СТО, председатель Московского совета (1918-1925).

Карпинский Вячеслав Алексеевич (Минин) (1880—1965), большевик, работал в газетах «Вперед» и «Пролетарий» (1905), зав. Библиотекой РСДРП им. Г. А. Куклина в Женеве, в 1914—1917 гг. — сотрудник редакции газеты «Социал-демократ», в 1921 г. — редактор газеты «Беднота».

Катков Георгий Михайлович (1903?), историк, с 1921 г. в эмиграции, жил в Праге, позднее в Англии, с 1939 года профессор Оксфордского университета.

Керенский Александр Федорович (1881-1970), российский политический деятель, адвокат. Лидер фракции трудовиков в IV Государственной думе. С марта 1917 г. — эсер, министр юстиции, позже военный и морской министр, а затем министр-председатель Временного правительства. С конца августа — Верховный главнокомандующий. После октябрьского переворота 1917 г. предпринял неудачную попытку оказать сопротивление большевикам, в 1918 г. эмигрировал во Францию. В 1922-1932 гг. редактор газеты «Дни». С 1940 г. в США. В последние годы жизни профессор Стенфордского университета.

Костеловская Мария Михайловна (1878—1964), деятель русского революционного движения. Член партии с 1903 г. Участница революции 1905—1907 гг. В октябрьские дни 1917 г. — член Центрального штаба Красной гвардии при Моссовете. В 1918 г. — председатель Военно-продовольственного бюро. С 1919 г. — на политработе в Красной Армии, с 1921 г. — на партийной работе. Член ВЦИК.

Краскова Валентина Сергеевна, автор многочисленных изданий, в которых собраны документы и сведения о российских событиях XX в.

Крупская (Ульянова) Надежда Константиновна (1869-1939), большевик, жена В. И. Ленина, в 1905-1907 гг. — секретарь ЦК РСДРП, затем Большевистского центра, с 1917 г. — член коллегии Наркомата просвещения, с 1920 г. — председатель Главполитпросвета.

Куманев Георгий Александрович, современный историк.

Куприн Александр Иванович (1870—1938), русский писатель, после 1917 г. в эмиграции, в 1937 г. вернулся в СССР.

Лацис Мартын Иванович (Судрабс Ян Фридрихович) (1888—1938), государственный, партийный деятель. Член партии с 1905 г., участник революции 1905—1907 гг., неоднократно арестовывался и ссылался. После Октябрьской революции — член коллегии НКВД и член коллегии ВЧК.

Левин Л. Г. (1870—1938), врач-терапевт, с апреля 1920 г. — зав. терапевтическим отделением Кремлевской больницы, в 1922 г. участвовал в лечении Ленина.

Леплевский Григорий Моисеевич (1889—1939), член партии с марта 1917 г. В 1921—1923 гг. член Малого Совнаркома, а затем его председатель. В последующие годы на работе в СНК СССР.

Лещенко Дмитрий Ильич (1876—1937), член партии с 1900 г. В революционное движение вступил с конца 90-х годов. В 1905 г. работал в боевой организации по изготовлению и хранению взрывчатых веществ и снарядов, подвергался арестам и административной ссылке. В 1906 г. работал секретарем в редакциях легальных большевистских газет «Эхо», «Волна», в то время В. И. Ленин жил у него на квартире.

Ллойд Джордж Дэвид (1863—1945), премьер-министр Великобритании (1916—1922).

Локкарт Брюс Роберт Г. (1887—1970), английский дипломат и журналист, жил в России с 1912 г., выполняя с 1915 по 1918 гг. функции генконсула Великобритании. С 1918 г. возглавлял британскую специальную миссию при Советском правительстве.

Лондон Джек (наст. имя Джон Гриффит) (1876—1916), американский писатель.

Лопухин Юрий Михайлович (р. 1926), академик Российской академии медицинских наук, директор НИИ физико-химической медицины, с 1951 г. сотрудник лаборатории при Мавзолее Ленина.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933), советский государственный и общественный деятель, писатель, академик Академии наук СССР (1930). Член партии с 1895 г. В годы царской реакции отошел от большевиков. В 1917 г. после возвращения из

эмиграции в Петроград работал заведующим литературным отделом газеты «Правда», член Петроградской городской думы. Арестован в июле 1917 г., освобожден в августе. Нарком просвещения в первом Советском правительстве.

Людендорф Эрих (18651937), немецкий генерал, руководил вооруженными силами Германии (19161937).

Львов Георгий Евгеньевич (18611925), князь, российский политический деятель. Председатель Всероссийского земского союза. Депутат I Государственной думы. Был первым министром-председателем Временного правительства. После большевистского переворота был арестован, затем освобожден. В 1918 г. эмигрировал.

Лядов Михаил Николаевич (18721947), большевик, с 1905 г. — член бюро комитетов большинства, затем член Московского комитета РСДРП, с 1920 по 1923 г. работал в ВСНХ.

Мальков Павел Дмитриевич (1887—1965) — член партии с 1904 г. Участник революции 1905—1907 гг. С 1910 г. — матрос Балтийского флота. После Февральской революции входил в состав Гельсингфорсского партийного комитета и Центробалта. Активный участник Октябрьской революции. Командовал сводным отрядом матросов, участвовавшим в штурме Зимнего дворца. С 29 октября (11 ноября) 1917 г. — комендант Смольного, затем комендант Кремля. В 1920—1922 гг. в Красной Армии. В дальнейшем — на руководящей советской работе. Был членом ВЦИК.

Малянтович Петр Николаевич, присяжный поверенный, меньшевик. Министр юстиции Временного правительства. Подписал постановление об аресте Ленина.

Мартов Л. (Цедербаум Юлий Осипович) (1873—1923), участник российского революционного движения. С 1903 г. — один из лидеров меньшевизма. С 1917 г. руководитель его левого крыла. Член исполкома Петроградского Совета, Президиума ВЦИК. С 1920 г. в эмиграции.

Медведев Жорес Александрович (р. 1925), публицист и историк. Автор книг по ключевым вопросам современной истории.

Медведев Рой Александрович (р. 1925), брат и соавтор Ж. А. Медведева, публицист и историк.

Мельгунов Сергей Петрович (1879-1956), историк, один из первых исследователей нарождающегося тоталитарного строя. В эмиграции (Берлин, Париж, Мюнхен, опять Париж) вел большую журналистскую, научную и политическую работу.

Мельников-Разведенков Н. Ф., профессор, ректор Кубанского мединститута.

Мельниченко Владимир Ефимович (р. 1946), историк, последний директор Центрального музея В. И. Ленина, автор свыше 20 научных и публицистических книг.

Метелев Александр Денисович (1893—1937), слесарь Русско-Балтийского вагоностроительного завода в Петербурге. Член партии с 1912 г. Во время Первой мировой войны вел агитационную работу в армии. Участник штурма Зимнего дворца. С июня до начала августа 1918 г. — член Архангельского губисполкома и Архангельского горкома партии, затем политработник VI армии Северного фронта, член Пензенского губисполкома и губкома партии. В 1921 г. — управляющий зданиями Кремля и Домами Советов ВЦИК, позднее — зав. административно-хозяйственным отделом ВЦИК.

Мещеряков Николай Леонидович (1865—1942), в революционном движении с 1885 г. В 1901 г. вступил в Заграничную лигу русской революционной социал-демократии. Участник Октябрьской революции в Москве. Вел редакторскую работу в ряде партийных и советских органов печати.

Микоян Анастас Иванович (1895-1978), видный партийный и государственный деятель. На протяжении сорока лет входил в Политбюро ЦК КПСС.

Милютин Владимир Павлович (1884—1937), партийный и государственный деятель. На VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б) был избран членом ЦК партии. В ноябре 1917 г. выступил сторонником создания коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров. Заявив о несогласии с политикой партии, вышел из ЦК и правительства. В 1918—1921 гг. — заместитель председателя ВСНХ, затем на ответственной советской и хозяйственной работе.

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986), советский государственный и партийный деятель. Член партии с 1906 г. После Февральской революции член Бюро ЦК РСДРП(б), редакции

«Правды», член Петербургского комитета РСДРП(б), исполкома Петроградского Совета. Впоследствии работал на высших государственных и партийных постах.

Мстиславский (Масловский) Сергей Дмитриевич (1876—1943), советский писатель. С 1904 г. член партии эсеров. Принимал участие в революции 1905—1907 гг. В 1910 г. заключен в Петропавловскую крепость. После Февральской революции сотрудничал в эсеровской газете «Дело народа». Входил в ЦК партии эсеров. В октябрьские дни 1917 г. работал в Смольном, был членом Президиума II Всероссийского съезда Советов. После убийства Мирбаха вышел из партии левых эсеров, был членом ЦК украинских боротьбистов. Участник гражданской войны. С 1921 г. — беспартийный.

Нагловский А. Д., большевик, сторонник Ленина, позже отошедший от него, многие годы провел в эмиграции.

Нечаев Сергей Геннадьевич (1847/1882), участник российского революционного движения, организатор тайного общества «Народная расправа», автор «Катехизиса революционера», сторонник крайне радикальных методов борьбы, получивших название «нечаевщины».

Никитин Борис Владимирович, начальник контрразведки штаба Петроградского военного округа (1917).

Николаевский Борис Иванович (1887/1967), меньшевик, с 1921 г. эмигрант, жил в Германии, Франции, с 1940 г. в США.

Ноймайр Антон, немецкий врач, профессор медицины, надворный советник. Автор книг о диктаторах всех времен с точки зрения медицины.

Орлов Владимир Григорьевич (1882/1941), — русский контрразведчик еще с царских времен. Был внедрен в органы ВЧК. Свидетель и участник многих уникальных событий первой половины XX в.

Осинский Н. (Оболенский Валериан Валерианович) (1887/1938), советский дипломат. Член партии с 1907 г. Председатель ВСНХ, народный комиссар земледелия РСФСР. На дипломатической работе с 1923 г.

Осипов В. П. (1871—1947), врач-психиатр, участвовал в лечении В. И. Ленина.

Панкратов Василий Семенович (1864—1925), участник революционного рабочего движения с 1879 г., был узником Шлиссельбургской крепости. В июле 1917 г. вместе с Г. А. Алексинским (см.) подписал разоблачительное письмо о финансовых и прочих связях Ленина и других большевиков с германским правительством.

Парвус (Гельфанд) Александр (1869—1924), участник российского и германского социал-демократического движения. С 1903 г. меньшевик. Участвовал в революции 1905—1907 гг.; сослан в Туруханск; бежал в Германию. Вместе с Л. Д. Троцким разрабатывал так называемую теорию «перманентной революции». Занимался предпринимательством. В годы Первой мировой войны выступал в поддержку Германии; сотрудничал с немецким Генштабом. Первым подал идею немецкому командованию использовать большевиков и Ленина для подрывной работы в России.

Пейн Роберт, британский исследователь жизни Ленина.

Петрашева Мария Макаровна, медицинская сестра, ухаживала за В. И. Лениным во время его болезни.

Петренко Н., современный исследователь последнего периода жизни Ленина.

Платтен (Platten) Фридрих (Фриц) (1883—1942), деятель швейцарского и международного рабочего движения. После Февральской революции был организатором переезда группы политических эмигрантов во главе с В. И. Лениным в Россию. Репрессирован, реабилитирован посмертно. В 1921 г. один — из организаторов Компартии Швейцарии, в январе 1918 г. во время покушения на В. И. Ленина был ранен, с 1923 г. жил в СССР.

Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918), один из основателей РСДРП, после II съезда партии один из лидеров меньшевиков.

Потресов Александр Николаевич (1869—1934), один из основателей и лидеров российской социал-демократии, мыслитель и публицист.

Приоров Николай Николаевич (1885—1961), советский ортопед-травматолог, академик АМН, заслуженный деятель наук РСФСР. Заведующий Лечебно-протезным институтом, врач, консультировавший В. И. Ленина в 1922—1923 гг.

Пятницкий (Таршис) Иосиф (Осип) Аронович (1882—1938), деятель российского и международного революционного движения. Член партии с 1898 г. Агент «Искры». Участник первой российской революции. В октябрьские дни 1917 г. — член Боевого партийного центра в Москве.

Радек Карл Бернгардович (1885—1939), деятель польского, германского, российского рабочего движения, публицист. Член партии с 1903 г. В 1908—1914 гг. входил в левое крыло социал-демократической партии Германии. В годы Первой мировой войны на интернационалистских позициях. Участник международных социалистических конференций в Циммервальде (1915) и Кинтале (1916). После Октябрьской революции работал в Наркомате иностранных дел. Был консультантом советской мирной делегации по переговорам в Брест-Литовске о заключении мира между Советской Россией и государствами германской коалиции.

Раскольников (наст. фам. — Ильин) Федор Федорович (1892—1939), советский государственный и военный деятель, дипломат, литератор. С марта 1917 г. — товарищ председателя Кронштадтского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов, председатель Кронштадтского комитета РСДРП. По недостаточно уточненным сведениям, участник секретного совещания в Кронштадте представителей германского военного командования и большевиков по совместной фронтовой и пропагандистской тактике. Один из руководителей июльского (1917) путча большевиков. Был арестован и дал показания следственной комиссии Временного правительства (не опубликовано). Освобожден из тюрьмы в период «корниловского мятежа».

Рассел Бертран (1872—1970), английский философ, логик, математик, общественный деятель. Нобелевский лауреат по литературе (1950 г.)

Рахья Иван (Юкка) Абрамович (1885—1936), деятель российского и финского революционного движения, рабочий. Член

партии с 1902 г. В 1917 г. член исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП(б). Делегат VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). Телохранитель Ленина.

Розанов Владимир Николаевич (1872—1934), видный хирург-клиницист. С 1910 г. заведовал хирургическим отделением Солдатенковской (теперь им. С. П. Боткина) больницы. Принимал участие в лечении В. И. Ленина.

Рыков Алексей Иванович (1881—1938), государственный и партийный деятель. Член партии с 1898 г. Участник революции 1905—1907 гг. и Октябрьской революции 1917 г. В первом Советском правительстве — нарком внутренних дел. С апреля 1918 г. по февраль 1924 г. — председатель Высшего совета народного хозяйства.

Рукавишников Владимир Александрович, фельдшер, принимавший участие в лечении В. И. Ленина в 1923—1924 гг.

Свердлов Яков Михайлович (наст. фам. и имя Гаухман Янкель Мовшович) (1885-1919) — большевик, в 1917-1919 гг. — председатель ВЦИК, одновременно руководил Секретариатом ЦК РКП(б).

Семашко Николай Александрович (1874-1949), государственный и партийный деятель, один из организаторов советского здравоохранения.

Семенов Евгений Петрович (наст. фам. и имя Коган Соломон Моисеевич), журналист. Организовал в Петрограде зимой 1917/18 гг. с помощью патриотически настроенных русских офицеров и дипломатов стран Антанты изъятие в Смольном документов о германо-большевистских связях. Избежал ареста и с риском для жизни эмигрировал во Францию. Жил в Париже.

Сервис Роберт (1874-1958), английский биограф В. И. Ленина.

Смирнова Евдокия Ивановна (1890?). работница фабрики Москвошвей, член партии с 1927 г.; с марта 1923 по 1927 г. жила в семье Ульяновых.

Сокольников (Бриллиант) Григорий Яковлевич (1888—1939), партийный и государственный деятель. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. После революции занимал ряд ответственных постов. В 1924—1926 гг. — кандидат в члены Политбюро ЦК.

Соломон (Исецкий) Георгий Александрович (1868?), участник социал-демократического движения в России. Один из первых советских невозвращенцев (1923 г.).

Солоухин Владимир Алексеевич (1924—1998), русский советский писатель, лауреат Ленинской премии.

Сорин Владимир Гордеевич (1893—1944), член партии с 1917 г. В 1917 г. работал в органе Московского комитета большевиков — газете «Социал-демократ». Участник гражданской войны — работал в штабе войск Восточного фронта председателем Революционного военного трибунала фронта. В 1919—1920 гг. — член бюро Московского окружного комитета РКП(б) и член губревкома. С 1920 г. по 1925 г. — член МК и член бюро МК РКП(б).

Спиридович Александр Иванович (1873?), жандармский генерал, с 1906 г. — начальник дворцовой охраны.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879—1953), советский государственный и партийный деятель. Член Коммунистической партии с 1898 г. После Февральской революции вернулся из ссылки в Петроград, введен в Бюро ЦК РСДРП(б) и в редакцию «Правды». Делегат VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) и VI съезда партии. Член Политического бюро ЦК РСДРП(б), Партийного центра по руководству вооруженным восстанием, Петроградского ВРК. На II Всероссийском съезде Советов избран членом ВЦИК и утвержден наркомом по делам национальностей. С апреля 1922 г. — Генеральный секретарь ЦК партии.

Сталь Людмила Николаевна (1872—1939), член Коммунистической партии с 1897 г. После Февральской революции агитатор Петербургского комитета РСДРП(б). С июля 1917 г. — член Президиума Кронштадтского комитета партии и редактор его органа газеты «Пролетарское дело», член исполкома Кронштадтского Совета. С октября 1917 г. — член Петроградского окружкома РСДРП(б).

Стасова Елена Дмитриевна (1873—1966), советский партийный деятель. Член Коммунистической партии с 1898 г. После Февральской революции 1917 г. до 1920 г. секретарь ЦК партии. На VI съезде РСДРП(б) избрана кандидатом в члены ЦК. В Октябрьские дни руководила выпуском информационных бюллетеней ЦК партии.

Струве Петр Бернгардович (1870—1944), русский экономист, философ, историк, публицист. Теоретик «легального марксизма», один из лидеров кадетов. Профессор Петроградского политехнического института, Высших женских курсов. Эмигрант.

Судоплатов Павел Анатольевич (1907—1996), один из руководителей советских органов безопасности.

Суханов (Гиммер) Николай Николаевич (1882—1940), экономист, публицист. С 1903 г. — эсер, с 1917 г. — меньшевик, член ВЦИК, исполкома Петроградского Совета, его военной комиссии. Один из редакторов газеты «Новая жизнь».

Такер Роберт, известный американский политолог. Исследователь жизни Сталина.

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879—1940), в социал-демократическом движении с 1897 г., после II съезда партии — меньшевик. После Февральской революции примкнул к большевикам, на VI съезде РСДРП(б) в составе организации «межрайонцев» принят в партию, избран в состав ЦК РСДРП(б). С 25 сентября — председатель Петроградского Совета. В октябрьские дни член Петроградского ВРК. Нарком иностранных дел в первом Советском правительстве. Один из главных организаторов революции в России. Автор многочисленных книг и статей автобиографического характера.

Угланов Николай Александрович (1886—1940), советский партийный, государственный деятель. Член партии с 1907 г. Партийную работу вел в Петербурге. После Октябрьской революции — в Красной гвардии; в 1918 г. — председатель Центральной комиссии по организации вооруженных продотрядов. С мая 1919 г. — член коллегии петроградского Комиссариата продовольствия. В 1920—1921 гг. — член, затем секретарь Петроградского губкома РКП(б), секретарь Петроградского совета профсоюзов. В 1922—1924 гг. — секретарь губкома в Нижнем Новгороде, с сентября 1924 г. — секретарь Московского комитета РКП(б).

Ульянов Дмитрий Ильич (1874—1943), младший брат В. И. Ленина, профессиональный революционер, член партии с 1903 г., по образованию врач. С 1921 г. работал в Народном комиссариате здравоохранения.

Ульянова Мария Ильинична (Медвежонок) (18781937), младшая сестра В. И. Ленина, большевик, член организации «Искры», работала в 1903 г. в Киеве в Техническом бюро ЦК РСДРП, где в январе 1904 г. была арестована, до июня сидела в тюрьме; в 19171929 гг. — секретарь редакции газеты «Правда».

Ульянова-Елизарова Анна Ильинична (Джемс) (1864—1935), большевик, старшая сестра В. И. Ленина. В январе 1904 г. арестована, в 1905 г. — член Петербургского комитета РСДРП, работала в редакциях большевистских газет и журналов («Вперед», «Просвещение», «Работница», «Правда»), в 19181921 гг. — член коллегии Наркомата социального обеспечения и Наркомата просвещения РСФСР.

Уэллс Герберт Джордж (18661946), английский писатель, классик научно-фантастической литературы.

Фельштинский Юрий Германович (р. 1956), американский историк советского происхождения. Редактор-составитель и комментатор нескольких десятков томов архивных документов из зарубежных хранилищ.

Фишер Луис (?1970), известный английский историк и публицист, биограф Ленина.

Фотиева Лидия Александровна (18811875), большевик, в 19181930 гг. — секретарь Совнаркома и Совета Труда и Оборона, одновременно в 19181924 гг. — секретарь В. И. Ленина.

Хабаров Иван Николаевич (18891975), член партии с 1917 г., работал слесарем-электриком станции Москва-1 Московско-Курской дороги. После Февральской революции 1917 г. — член Военно-революционного дорожного комитета, работал по заданиям НКПС на ряде железных дорог. В 1922—1925 гг. заведовал технической частью совхоза «Горки».

Харитонов Моисей Маркович (1887—1948), член партии с 1905 г. С 1912 г. проживал в Швейцарии, входил в Цюрихскую секцию большевиков, был ее секретарем и делегатом на конференции заграничных большевистских секций в Берне (1915). После Октябрьской революции — на партийной, хозяйственной и военной работе в Петрограде, Киеве, на Урале.

Хилл Джордж (1893?), видный британский разведчик, сотрудник знаменитой разведывательной службы «Сикрет интеллидженс сервис», бригадный генерал.

Хрущев Никита Сергеевич (1894-1971), видный политический деятель СССР, сподвижник Сталина.

Чазов Евгений Иванович (р. 1929), врач-кардиолог, академик.

Чернов Виктор Михайлович (1873—1952), один из лидеров и теоретиков партии эсеров, автор ее программы. В 1917 г. член Петроградского Совета, ВЦИК. С 5(18) мая по 28 августа (10 сентября) — министр земледелия Временного правительства, В январе 1918 г. — председатель Учредительного собрания. После Октябрьской революции — в эмиграции.

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874-1965), английский государственный деятель. Премьер Великобритании в годы Второй мировой войны, удостоен Нобелевской премии по литературе за многотомник «Вторая мировая война».

Чуев Феликс Иванович (1941-1999), известный русский поэт. Многие годы записывал и издал свидетельства людей, сыгравших первостепенную роль в новейшей истории.

Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888-1985), советская писательница, создательница литературной Ленинианы

Шляпников Александр Гаврилович (1885—1937), советский государственный и партийный деятель. Член партии с 1901 г., рабочий. Активный участник Февральской революции, член исполкома Петроградского Совета. Принимал активное участие в организации возвращения В. И. Ленина и других политэмигрантов в Россию. Член Бюро ЦК РСДРП(б), Петербургского комитета РСДРП(б). Председатель Петроградского союза металлистов и ЦК Всероссийского союза металлистов. Делегат I Всероссийского съезда Советов. Нарком труда в первом Советском правительстве. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Шотман Александр Васильевич (1880—1937), государственный и партийный деятель. Член партии с 1899 г. В 1899—1902 гг. — член Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Делегат II съезда партии. В период революции 1905—1907 гг. входил в

Петербургский, затем в Одесский комитет РСДРП. После Октябрьской революции — зам. наркома почт и телеграфов, член Президиума ВСНХ, председатель Сибирского совнархоза, председатель ЦИК Карельской АССР, работал в ВСНХ и Президиуме ВЦИК.

Шпенглер Тельман (р. 1947), современный немецкий писатель, историк.

Штейн Михаил Гиршевич, писатель, исследователь родословной Ленина.

Штурман Дора, израильский исследователь проблем русской революции.

Шуб Д., американский биограф Ленина.

Эренбург Илья Григорьевич (1901—1967), советский писатель и общественный деятель.

Эссен Мария Моисеевна (1872—1956), в социал-демократическом движении с начала 90-х гг., после II съезда РСДРП — большевик. Участник революции 1905—1907 гг.

Юделевич В. С., врач-стоматолог, обследовал Ленина

Яковлев Николай Николаевич (1927), русский историк, профессор.

Ярославский Емельян Минеевич (1878—1943), большевик, председатель Пермского губкома РКП(б) (1919—1922), член Сибирского обкома и Сиббюро ЦК РКП(б), секретарь ЦК РКП(б) (1921 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА

НАЧАЛО: ОТ УЛЬЯНОВА ДО ЛЕНИНА

ДЕНЬГИ

ЖЕНЩИНЫ

В ПЛОМБИРОВАННОМ ВАГОНЕ

ВЛАСТЬ

3 апреля 1917 года

Июльский путч. Первая кровь

В костюме «простой женщины»

Что выяснило следствие?

Почему промедление было смерти подобно?

Последствия

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ

РАЗГОВОРЫ С ЛЕНИНЫМ

ЛИЧНОСТЬ: СВИДЕТЕЛЬСТВО БЕЗ КУПЮР

Список цитируемых источников

Именной комментарий